А. ЛИСТОПАДОВ

ПЕСНИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПРОФЕССОРА
Г. СЕРДЮЧЕНКО

IV

МУЗГИЗ · 1953

ПРЕДИСЛОВИЕ

В IV том «Песен донских казаков» А. М. Листопадов включил песни бытовые скорые, разбив их на две части: 1) гулебно-плясовые, хороводные и вечериночные песни и 2) календарные вешние и календарные обрядовые. В первых трех томах автор систематизировал песни посюжетно, по их основному содержанию. Но русские лирические песни, вообще, с трудом поддаются подобной классификации, поскольку нередко они многосюжетны и представляют собою иногда сочетания даже разнородных тем. Поэтому уже в III томе посюжетная классификация песен не была строго выдержана, что сознавал и сам покойный автор. В IV томе автор располагает песни уже не по сюжетному, а по чисто локальному принципу — в порядке следования станиц по рекам — Дону, начиная с юга, Донцу, Хопру с Бузулуком, Медведице и опять Дону.

Автор учитывал и условность отнесения к скорым вешних песен. В «Замечаниях собирателя» к IV тому он предупреждает, что по темпам вешние песни далеко не все скорые и что по своему содержанию они выделяются в особую группу. Но все же они ближе к скорым, чем к протяжным, и поэтому, опять-таки несколько условно, они объединены в одном томе с бытовыми скорыми. Характеристику музыкальной структуры и особенностей исполнения на Дону бытовых скорых, включая календарные вешние и календарные обрядовые, А. М. Листопадов дает в «Замечаниях собирателя».

Из музыковедческих статей А. М. Листопадова в IV томе впервые печатается его работа «Песни казаков-некрасовцев», дающая ценный материал по вопросу о самобытности и устойчивости присущего русской народной песне многоголосия, этой замечательной и могучей основы русской народно-музыкальной культуры.

Казаки-некрасовцы более двухсот лет были насильственно оторваны от своей родины. Находясь долгое время в Турции, в окружении чуждой им культуры и языка, они сохранили свою родную речь и свою замечательную русскую народную песню, ту песню, которую их предки когда-то «играли» у себя на родине, на Тихом Дону. Националистическая и ассимиляторская политика турецкого правительства не смогла вытравить из сознания этой сравнительно небольшой группы русских людей память об их родине и любовь к ней, любовь к родному языку и обычаям своих предков, оказалась не в состоянии не только уничтожить, но и изменить те песенные навыки и традиции, ко-

торые из поколения в поколение, от отцов к детям передавались и на чужбине.

В своем гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин указывал на то, что «Сотни лет турецкие ассимиляторы старались искалечить, разрушить и уничтожить языки балканских народов. За этот период словарный состав балканских языков претерпел серьезные изменения, было воспринято не мало турецких слов и выражений, были и «схождения» и «расхождения», однако, балканские языки выстояли и выжили. Почему? Потому, что грамматический строй и основной словарный фонд этих языков в основном сохранились».[1] Эти слова И. В. Сталина полностью могут быть отнесены и к казакам-некрасовцам, сохранившим на чужбине полностью и грамматический строй и основной словарный фонд русского языка. Небольшое, но ценное исследование А. М. Листопадова, посвященное песням казаков-некрасовцев, со всей наглядностью подтверждает также исключительную устойчивость и самобытных начал музыкальной культуры русского народа.

Редакция нашла необходимым опубликовать в данном томе и первую печатную статью А. М. Листопадова «Народная казачья песня на Дону», изданную в 1906 г. в I томе «Трудов Музыкально-Этнографической Комиссии». Статья является библиографической редкостью. Между тем, в ней приводятся сохраняющие свою ценность и сейчас многие интересные для музыковеда и этнографа данные о первой песенной экспедиции на Дону, проведенной А. М. Листопадовым в 1902—1903 году, дается характеристика особенностей исполнения народных песен донскими казаками, отмечается своеобразие музыкально-песенного материала и народных инструментов, собранных автором в длительной песенной экспедиции. Работа перепечатывается с некоторыми сокращениями, что соответствует воле покойного автора.

Изучение языка русской народнопесенной речи в ее диалектных основах представляется теперь особо важным и своевременным, поскольку, опираясь на выдающееся произведение творческого марксизма — труд товарища Сталина по вопросам языкознания, исследователь может сейчас более правильно и в методологическом и в методическом плане подойти к всестороннему освещению всех особенностей того народного говора, на базе которого народ создает и донес до наших дней свое словесно-поэтическое творчество.

Статья Г. П. Сердюченко «К вопросу о языке донской казачьей песни» представляет собою первую попытку дать характеристику основных особенностей донской песенной речи, исходя из определяющих указаний товарища Сталина. Давая анализ языка песенных текстов А. М. Листопадова, она своим материалом неразрывно связана с замечательным трудом непревзойденного знатока и исследователя донской казачьей песни.

НАРОДНАЯ КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ НА ДОНУ

(Песенная экспедиция 1902—1903 гг.)

I

Главная цель экспедиции — собирание старинных казачьих песен; поэтому при выработке маршрута экспедиция должна была руководиться, кроме исторического прошлого того или другого пункта, тем соображением, чтобы путь ее лежал по преимуществу по станицам, считающим за собою многолетнюю давность,— по станицам с коренным казачьим населением, так как здесь скорее всего можно было рассчитывать найти незатемненною преемственность предания и получить более ценный материал. Перед нами были те естественные пути, которыми шло заселение Дона,— сверху и снизу одновременно,— река Дон и его более крупные притоки: Донец, Медведица, Хопер с Бузулуком,— и мы решили положить эти пути в основу маршрута.

Свои исследования экспедиция начала 18 октября 1902 года с хутора Исаева, Ермаковской станицы, крайней из станиц 1-го Донского округа, граничащей юртом своим с Донецким округом. Отсюда, через Екатерининскую ст., в которой еще до командировки мною было записано более 300 песен, экспедиция спустилась по р. Донцу до ст. Кочетовской, лежащей при впадении его в Дон, повернула вверх по Дону и, переправившись в ст. Богоявленской на левый берег, из хутора Холодного Мариинской ст. уклонилась верст на 50 в сторону от Дона к калмыкам, в Задонские степи, с целью ознакомления с калмыцкими песнями. Посетив Денисовскую ст. Сальского округа, где удалось записать около двух десятков калмыцких песен, экспедиция на обратном пути миновала Романовскую и Каргальскую станицы и поспешила перебраться на правую сторону, так как в это время Дон стал, но настолько непрочно, что со дня на день можно было ожидать взлома льда, и мы рисковали задержаться на левой стороне долгое время. Правым берегом — через Кумшацкую и Цымлянскую станицы, известные своими виноградниками,—экспедиция проследовала до ст. Н.-Курмоярской, последней станицы 1-го Донского округа, самого удачного в песенном отношении пункта, давшего за три дня усиленной работы 42 песни, и, вступив 26 ноября в пределы 2-го Донского округа, в скором времени достигла Н.-Чирской станицы, откуда повернула по-над недавно проведенной Восточно-Донецкой железной дорогой и хутором Крыловым

Ермаковской станицы и закончила на время свои исследования, заключив таким образом первый круг протяжением в 678 верст.

После рождественских праздников, употребленных на приведение в порядок собранного материала, экспедиция направила свои исследования в Донецкий округ. От станицы Усть-Белокалитвенской, поднявшись вверх по Донцу до Митякинской и бросив Луганскую станицу вследствие сильного разлива р. Деркула, экспедиция пересекла крестьянские поселения Донецкого округа и через хутор Мешков достигла Казанской станицы — крайнего пункта по р. Дону,— откуда спустилась вниз левым берегом до впадения в Дон реки Хопра. С Букановской станицы началось исследование Хоперского округа до самой северной Михайловской станицы включительно, лежащей недалеко от границы Воронежской губернии. Отсюда, через Урюпинскую станицу и хутор Долговский, экспедиция переехала на Бузулук, исследовала его весь от Дурновской до Преображенской ст. и, перерезавши затем войсковые участки, проследовала на Медведицу и по течению этой реки достигла 30 апреля станицы Усть-Медведицкой. Посетив станицу Усть-Хоперскую, мы заключили таким образом второй круг в 720 верст, начиная от устья Хопра и кончая устьем Медведицы.

От Усть-Медведицкой станицы экспедиция спустилась вниз по Дону до ст. В.-Чирской, заключившей третий круг протяжением на 750 верст, южной своей стороной имеющий северную первого круга. Спустившись затем пароходом вниз, мы посетили брошенные в ноябре Романовскую и Каргальскую станицы, а также станицы 1-го Донского и Черкасского округов, лежащие на пути по берегам Дона, и станицею Старочеркасскою закончили свои исследования 8 июня 1903 года.

* * *

Общее протяжение пути, по которому произведены обследования, составляет более 2500 верст.

Ограниченная в своей командировке временем, экспедиция лишена была возможности воспользоваться тем естественным и, по отзывам всех собирателей народных песен, наилучшим способом собирания, который требует от собирателя предварительного, более или менее продолжительного ознакомления с населением для извлечения из него исподволь всего того, что есть в данной местности лучшего и интересного. При поездке этот способ, конечно, не мог быть применяем по кратковременности остановок, какие экспедиция могла делать в том или другом песенном пункте. Поэтому мы должны были пользоваться тем способом, какой был у нас под руками, т. е. прибегать к посторонней помощи и посторонним указаниям.

Обыкновенно при посещении песенного пункта или из предыдущего мы давали знать о своем приезде станичным или хуторским атаманам и просили их к известному времени подготовить нужную нам партию песенников.

Просьба наша выполнялась, за очень немногими исключениями, охотно, тем более что каждая станица из соревнования, не желая ударить лицом в грязь, старалась отличиться перед другою своими песенниками и поддержать или завоевать репутацию «песенной» станицы.

Получив от нас необходимые инструкции и разъяснения, местные власти представляли нам лучших в данной местности песенников или песенниц, в большинстве случаев стариков и старух от 40 до 70 и выше лет. Когда подбиралась соответствующая партия, иногда две-три, в зависимости от усердия атамана, каждая со своим «запевалой» или «заводчиком» и «подголосниками», мы приглашали их на взъезжую квартиру или в станичное правление и приступали к работе.

Работа начиналась с опроса песенников, какие песни поют они и какие, не помнят ли, «играли» их отцы, деды [1]. Обыкновенно ответы начинались с перечисления так называемых «кавказских»—солдатских (времен грузинской службы — первой половины XIX в.) и новых маршевых песен, занесенных казаками из полков.

Когда мы объясняли, что нам нужны песни «старые», «свои казачьи», «те, что игрались когда-то на походах», старики начинали перебирать те песни, которые, по их отзывам, «нэня уже брошены». Им помогали, напоминая ту или другую песню, зрители, недостатка в которых никогда не бывало.

Окончив расспросы, когда с достаточной полнотой пред нами вырисовывался весь репертуар данной местности, мы приступали к записи.

Для удобства работы и успешности записи мы обыкновенно перед началом отделяли из числа явившихся песенников три-четыре человека лучших и, записавши от них песню, приглашали во второй раз «проиграть» ее в полном составе хора. Таким образом мы могли, с одной стороны, проверить свои записи, с другой,—занести в них новые подголоски и вариации напева, которых не слышно было в первой партии. Впрочем, нередко мы вынуждены бывали довольствоваться двумя и даже одним песенником, если не оказывалось больше, особенно в наиболее древних, забытых большинством песнях.

Пока песенники доигрывали до конца песню, мы успевали записать ее напев и текст. Первые 2—3 стиха обязательно повторялись для того, чтобы записать и проверить первый «запев» («завод»), который в казачьих песнях представляет часто самостоятельную музыкальную фразу, не повторяющуюся во все продолжение песни [2]. Кроме текста и напева, нами заносились на бумагу также назначение песни, иногда объяснения песенника к ней, исполнители, запевала, и попутно записывались своеобразные песенные термины, отмечающие характер песни.

Прекрасным пособием, а в некоторых случаях даже единственно возможным для нас средством музыкальной записи служил фонограф, которым записано около сотни напевов. Ежедневные утомительные переезды с места на место, напряженная работа в некоторых, особенно удачных по богатству материала пунктах давали себя чувствовать иногда настолько сильно, что, не будь под руками фонографа, много очень хороших песен было бы потеряно для нас.

При работе мы старались выполнить одно следующее условие, которое считали необходимым для успешного хода дела, именно, чтобы наша работа носила как можно менее характера официальности, пения по заказу. Для этого мы в большинстве случаев создавали обстановку чисто частного «гулянья», «беседы», при которой песенники, хотя и вызванные через станичных или хуторских властей, скоро осваивались с нами и чувствовали себя в положении гостей [3]. Эта мера, как нам думается, не могла не отразиться на количестве собранного материала [4].

---

[1] Этот прием необходим был с самого начала поездки, так как мы выехали, имея в руках более 400 песен, записанных раньше. Тратить время на повторение тех же песен, конечно, не было смысла, особенно в тех случаях, когда после опросов напевы и тексты их оказывались совершенно одинаковыми.

[2] №№ 5 и 6 в нотном приложении.

[3] С. Арефии. «Несколько слов по поводу собирания донских казачьих песен» («Донская речь», 1904).

[4] Из общего числа (более 1000 человек) песенников и песенниц, с которыми производились работы во время настоящей командировки, а также до нее, 147 лучших знатоков старинных казачьих песен и выдающихся исполнителей (110 мужчин и 37 женщин) по представлению экспедиции получили от Войскового начальства именные почетные свидетельства.

II

Принимая предложение Областного статистического комитета на поездку по области, мы выражали надежду на то, что нам удастся собрать не более 500 песен, так как в моих руках уже имелось 400 песен, записанных раньше за десятилетний период (с 1892 по 1902 г.) в 1-м Донском и отчасти в других округах Донской области. В результате командировка дала 720 песен с более или менее полными текстами, в том числе 17 калмыцких.

В общей сложности Донская область дала материал, который по справедливости может быть назван богатым,— материал более, чем в 1 100 самостоятельных напевов на почти столько же самостоятельных текстов казачьих песен.

Главным по количеству из этого материала является отдел бытовых, «домашних» песен; за ними идут песни обрядовые и праздничные, которых насчитывается до 350 номеров; в отдел наиболее интересных для Донского края песен—исторических, военно-исторических, военных и военно-бытовых—входит более 200 номеров.

Наконец, былинный эпос (былины и песни былинного характера) представлен более, чем 40 песнями.

Мы имеем основания предполагать, что число былин, обращающихся среди донских казаков, нами не исчерпано вполне вследствие некоторых, не зависящих от нас обстоятельств, заставивших нас во время командировки отклоняться от первоначально выработанного плана занятий через потерю почти двух месяцев из девяти намеченных.

Правда, былины наши в передаче каждого отдельного песенника большею частью не отличаются цельностью и законченностью содержания. Записанный в разных местах текст одной и той же былины разнится или началом, или некоторыми подробностями развития, или чаще всего не имеет конца.

Некоторые песенники, сами глубокие старики, выражали сожаление, что «начальство опоздало с песнями» по крайней мере лет на 15—20, когда живы были гораздо лучшие знатоки тех самых песен, которых они теперь «не сумеют уже доказать».

В этом случае, нам кажется, вполне законна и естественна сводка вариантов текста, записанных от разных песенников. Попытку такой сводки я привожу ниже.

Духовные стихи или «псальмы» не представляют собою ни с музыкальной стороны, ни со стороны текста особенного интереса; поэтому записано их сравнительно мало, всего не больше пятнадцати. Тексты их мы встречали в списках или же напечатанными. Характер напевов близко подходит к церковным с гармонизацией большею частью на 4 голоса.

* * *

Независимо от солидного количественного состава песенного материала, которым владеет Дон, нельзя не признать за последним самостоятельного творческого значения в песенном деле.

Населенный в казачьей своей части по преимуществу великороссами, Дон поет, конечно, те же великорусские песни с несколько лишь особым военно-казацким пошибом. Но у него есть и свои песни, отражающие в себе исторические судьбы Русского государства, в которых «Войско Донское» всегда принимало деятельное участие, и, в частности, собственную историю Тихого Дона.

Н. М. Лопатин в предисловии к своему сборнику русских народных лирических песен (изд. 1889 г.), констатируя факт вытеснения велико-

русских песен в центральных губерниях новомодными песнями, говорит, что «донские казаки поют гораздо более старинных песен и в лучших вариантах, чем солдаты».

Собиратель казачьих песен А. Савельев в изданном им в 60-х гг. сборнике называет донских казаков «народом в высшей степени певучим». Казаки любят петь. Ни одно более или менее многолюдное собрание не обходится без песен, будь то собрание по поводу какого-нибудь семейного торжества — свадьбы, проводов на службу или встречи возвращающихся из нее казаков, будь то сборище общественного характера, как дележ лугов, раздел земли, выборы, или же, наконец, просто приятельская беседа на досуге за чаркой водки двух-трех «друзей-товарищей», которые «и собираются-то частенько только для того, чтобы среди рассказов да разговоров песни поиграть».

А. М. Листопадов (1903 г.)

Иногородние, живущие среди казаков, посмеиваются иногда:

«Гаврилычи-то наши соберутся на ярманке, купят косушку и сидят над ней целую ночь, гуляют!.. Заведут бесконечную до самого утра,— и косушка цела и допьяна наиграются!»

В этой насмешке тонко подмечена и выделена характерная особенность казачьего «гулянья». Не водка, не пьянство само по себе привлекают казака; его привлекает возможность собраться вместе и «играть» песни, играть именно допьяна, до утра.

Историческая жизнь первых казаков-общинников, их близкое участие в интересах общественной жизни своего времени, сухопутные и морские набеги рука об руку для «добычи зипунов», затем долгие многомесячные походы в «чужедальние сторонушки», от Киргизских степей до Парижа и от Персидских и Турецких земель чуть не до берегов Ледовитого океана, наконец, даже теперешняя военная служба, лагерные сборы и частые домашние смотры — все это, способствуя братски-товарищескому сближению «односумов», «однокашников», вызывало и вызывает всегда потребность в песне как лучшем средстве, заставляющем забывать трудности боевой жизни, утомительность тяжелых переходов, разгоняющем их скуку и однообразие. Давно ли было то время, когда, при отсутствии удобных путей сообщения, казак добрую половину своей долгой службы совершал эти переходы на своем добром коне, верном товарище боевой жизни.

«Разве в наше время так служили, как теперь! — замечает один из седобородых песенников, ветеран тяжелой кавказской службы. Теперь сядет себе служивый на машину, не успеет оглянуться — и на месте!

Когда уж там играть старые протяжённые песни! А ты, бывалец, идешь месяца три, четыре, а то и больше, и сколько песен за это время переиграешь!»

«Ноньча то ведь все мелочью забавляются,— добавляет с сокрушением другой такой же древний служака.— Не песня, а ветер!..»

И правда, былое тяжелое время могло вырабатывать «дорогих» песенников, тем более что было у кого и поучиться. Нужно принять во внимание, что на Дону долгое время команды, отряды, полки формировались постанично, так что в одном и том же полку можно было встретить отца с сыновьями и племянниками, родных братьев, деда с внуком... Естественно, что за те долгие походы и совместную службу песенный репертуар стариков передавался из уст в уста сыновьям, внукам и их сверстникам-сослуживцам.

III

Новая песня разными путями распространяется среди казачьего населения через посредство молодежи, постепенно вытесняя старинную песню, несмотря на некоторые усилия стариков, которые иногда с глубоким презрением относятся к чуждой им заносной песне и стараются, насколько возможно, противодействовать ей зависящими от них мерами. Они собирают около себя своих детей, внуков и учат тому, чему в свое время сами научились от своих отцов.

Нередко, по рассказам, в старину бывали на Дону, и теперь еще кое-где можно встретить, такие патриархальные семейства, в которых из традиции передаются старинные песни из рода в род, от дедов к сыновьям и внукам.

В долгие зимние и осенние вечера, свободные от тяжелых полевых работ, сходится в «курень», по окончании разных хозяйственных забот, на зов деда вся семья, и тут открывается своеобразная песенная школа, где учитель — седой, как лунь, старик — после рассказов о своих былых военных походах и подвигах затягивает «старинушку» и ведет, ведет ее долгим, за душу хватающим мотивом. Внимательно прислушивается молодежь в дедовскую песню, схватывает быстро родные напев нераздельно со словами и начинает подтягивать. И дед еще более увлекается, видя, что молодое поколение с сочувствием слушает его старческое пение о былых, далеких временах: о князе Володимире, Добрыньюшке, о любимых героях — Ермаке Тимофеевиче, молодом охотничке Краснощекове, опальном атаманушке С. Д. Ефремове, о славных схватках с «турчйном или злым черкёсином»... Запачет дед, как будто сам он был там, где «бились-рубились день до вечера» предки его, кончит песню, и начинается повествование, уясняющее подробности непонятные внукам...

Неотразимо действие стариковских рассказов на молодежь. Но еще неотразимее, сильнее действует на нее старая песня, повествующая о том же событии. «Песню не скоро забудешь, раз она запала в душу».

И дедовская наука приносит свои плоды. Сыновья, дочери и внуки становятся естественными продолжателями и наиболее верными истолкователями песенных традиций стариков. Ослабеет ли голос или память у старика, на подмогу выступает кто-нибудь помоложе из его семьи, от него же в свое время перенявший песню, и продолжает ее. Случаи такие нередко бывали в нашей практике.

Понятно отсюда, почему более ценные и полнейшие по содержанию песни и в лучшем по выразительности и стройности исполнении нам

удавалось записывать от таких именно родственных между собой исполнителей, близких соседей и сослуживцев.

Женщины-каза́чки по самому характеру своему со свойственным ему консерватизмом, а также в силу бытовых условий, выработанных особенностями прежней долголетней военной службы донских казаков, еще крепче мужчин держатся песенных преданий и обрядностей. Мы говорим здесь о тех женщинах — теперь уже старухах,— которым пришлось испытать весь гнет этих условий.

В отсутствие мужа все хозяйственные и семейные заботы ложились на жену: она должна была поить и кормить малолетних детей, выдать дочь замуж, женить сына, справить и проводить его на службу. дальнюю, туда-же к отцу и деду и т. д. А так как почти каждый обряд сопровождался песней, как бы иллюстрировался ею, то не удивительно, что она компетентна не только в своей «бабьей» песне, но знает не меньше и «казачьих». Она «расскажет» вам и «богатырскую» или «мамайскую», «давнишнюю» песню (былину), и «голосовую», «прадедовскую» или «глубокую» (общие названия для исторических, протяжных военных и бытовых), «сыграет» после любую свадебную, «карагодную», «веснянку-люлейку» (от «люли»), частую или протяжную «кампаньишную» и «краснобаншную», т. е. собственно женские песни.

Между тем, более или менее серьезные казаки, и в особенности старики, к песням последнего разряда, вообще к «бабьим» песням, относятся несколько свысока, и если поют их, то в виде снисхождения, как бы стыдясь за свою слабость. Нашу просьбу «играть и бабьи песни» многие из них встречали с некоторым недоверием, пока нам не удавалось рассеять его. Большинство веснянок по Хопру мы позаимствовали таким образом именно от стариков, так как вызывать женщин в великом посту, когда экспедиции пришлось исследовать станицы по этой реке, было сравнительно труднее, чем мужчин.

Много характерных по мелодии и ценных по содержанию былин [1], исторических и бытовых песен записано от женщин описанного типа, а также и женщин более молодых, которых не коснулись еще новые веяния или которые не успели еще перезабыть слышанные в детстве старинные песни от старых.

* * *

Еще до настоящей нашей песенной командировки мы чисто практическим путем, много лет занимаясь собиранием песен, убедились в том, что лучшим песенным репертуаром обладают почти всегда пожилые люди, тогда как молодежь в редких только случаях бывает в состоянии удовлетворить надлежащему требованию. Если напев усвоен ею твердо и передается правильно, то текста почти никогда не услышишь доведенным до конца и в чистом виде; большею же частью как тот, так и другой в исполнении молодежи являются более или менее измененными.

В своих работах экспедиция имела дело главным образом с пожилыми песенниками, но не пренебрегала в то же время и хорошими песенниками из молодых, вызывая их периодически через несколько пунктов и записывая от них, между прочим, некоторые новые песни, характерные по содержанию или напеву, если запас старинных песен оказывался исчерпанным, тем более что молодежь вообще с большим интересом относилась к работе экспедиции, являлась иногда даже без зова и предлагала прослушать и записать, что «окажется подходящим».

---

[1] Помещенную в приложении большую былину «Бой Алеши с Змеем Горынычем» вела пожилая женщина, мужчины же только «подыгрывали» ей.

Вообще же нельзя отказать молодым казакам в сочувствии и внимании их к старинным песням. С нескрываемым любопытством они слушают от стариков эти песни, и если сравнительно мало поют их сами, то отчасти потому, что не у кого становится учиться им, год от году число стариков учителей уменьшается: мрут они и с собою уносят в могилы и лучшие песни и свое искусство. А тут новая, модная песня, разными путями врывающаяся в народную среду, завоевывает себе прочное положение в репертуаре молодежи и заставляет забывать то немногое, что еще осталось в памяти.

Явление это замечается не в одной казачьей донской песне, но оно общё для всей русской народной песни, и потому вполне понятно то напряжение, с которым наука принялась в последнее время за сохранение исчезающих образцов исконного народного творчества.

IV

Изучение и записи текста песен велись на Дону и раньше. Изданы два сборника донских казачьих песен: А. Савельева в 1866 году со 135 песнями, ставший уже библиографическою редкостью, и А. Пивоварова в 1885 году в двух выпусках с 343 номерами, не считая отдельных песен, разбросанных по донским периодическим изданиям, часть которых вошла в сборник Пивоварова.

Сравнивая настоящие записи текста, сделанные экспедициею, со сборниками Савельева и Пивоварова, находим множество вариантов текстов, встречающихся в этих сборниках. Впрочем, только некоторые из них, преимущественно из бытовых, представляют тожественное сходство; большинство же этих вариантов является как бы самостоятельными произведениями на одну и ту же тему.

При записи более похожих вариантов текста, кроме необходимости точной записи их для музыкального исполнения, мы руководились еще следующим соображением.

Записи текстов у Савельева и Пивоварова, как и вообще у многих собирателей текстов народных песен без музыки, иногда страдают одним важным недостатком. Ритмика песен затемнена в некоторых настолько, что трудно добраться по этим записям до ритмического строения их. Повторения слов, полустихов, а иногда и целых стихов часто опущены. Это могло произойти от двух причин: или ритмическое строение песни совсем не имелось в виду, а все внимание было обращено только на содержание, или записи велись неумело, случайно, людьми не знакомыми с техникой записи (оба вышеупомянутых сборника представляют сводку записей случайных корреспондентов). Мы заключаем это на том основании, что песни записывались ими не с голоса, не от певца в момент исполнения, а со слов, с пересказа лица, знающего песню. В сборнике г. Пивоварова есть такая пометка, сделанная С. С. Робушем (бывшим директором народных училищ Донской области, доставившим г. Пивоварову для его сборника несколько песен) при песне № 76 — «рассказчик забыл продолжение песни».

Исходя из этого соображения, мы считали нужным записать и те песни, содержание которых представляет почти буквальное повторение раньше напечатанных.

Кроме того, прослушивая и записывая варианты одной и той же песни в различных местах области, экспедиция получала возможность восстановить иногда почти первоначальный, более полный текст песни, утерянный по частям в разных местах.

Так, например, запись отрывков былины о сватовстве Ивана Гардиновича, сделанная в четырех местах 1-го Донского округа (в хут. Кременском У.-Быстрянской ст., в хут. Большом Мариинской ст., в станицах — Филипповской и Н.-Курмоярской), дает возможность из обломков этой былины, при единстве или большом сходстве мотивов, несколько варьирующихся только в этих местностях, сопоставляя варианты, склеить возможно цельный текст, дающий более полную картину, чем каждый из местных вариантов.

Вот сводный текст этой былины [1]:

Да ва славнам было да ва горади,
Да ва стольнам было да па Киеви,
Да у славнава да у князюшки,
Да у ласкава Валадимера

Собиралася пир-биседушка,
Пир-биседушка все пачесная,
Да чисна, хвальна, многарадасная.
Во пиру сидять князья-бóяры,
Ва бальшом мести Валадимер князь.

Па канец стала стаить стулина,
Стула новая, распушшоная;
Да на стулички сидить Ванюшка,
Сидить Ванюшка, сын Гардинович.
Речь вазгóварил Валадимер князь...

Это былинное вступление, отсутствующее в более полном варианте хут. Кременского, положенном в основу всей сводки, записано в Филипповской и Н.-Курмоярской станицах. Возвращаемся к речи князя Владимира, взятой из варианта хут. Большого.

Речь вазговарил Валадимир князь:
— «Все халбстаи пажанилися,
Все удовушки ане замуж пашли...
Пашто, Ванюшка, ты ни женисси,
Сын Гардинович, халастой ходишь?»
— «Я ба рад жанитца, толька негде взять,

Где ни хочитца, там две-три возьми!»
«Скажи, Ванюшка, паказалася где,
В каком горади палюбилася?»
— «Паказалася мне у Чарнигове...
Слыхал дядюшка, што прасватана

За таво ли купца за багатава,
За таво ли князя за ивернава...»
— «Мы поедим, Ваня, пирисватаим!..»
Што ни стук стучить, да ни гром грямить
(хут. Крем.).

Ежли б гром гримел, маланья ба
жгла...
(хут. Бол.).

Как и Ванюшка с паездом едя,
Што сы храбрами сы баярами:
Как дружком-та был Илья Муравиц,
А и свашкой была Василисушка,
А палудружьем—всё Дабрыньюшка,

---

[1] Напев былины (№ 2) записан в хут. Кременском.

35. А и дядюшка — Дюк Стипанавич.
Они день едуть и другой едуть,
Как на третий-та день станавилися,
Станавилися в зиляных лугах,
В зиляных лугах, у заказаных;
Параскинули шатры белаи,
Шатры белаи, палатняпаи...
Как сы терема, сы высокава
Увидала их красна девачка,
Красна девачка Настасе́юшка, —

45. Што белы́м-бела, в паясу танка.
Речь вазго́варит сваму батюшки:
— «Гасударь ты мой, роднай батюшка!
Пасматри-ка-ся в зиляны луга,
В зиляныя луга, ва заказаны —

50 Да и што ета, што за ше́трики,
Што за ше́трики, што за белаи?
52. Ни за мной ли красной девачкой приехали?»... [1]

Таков полный, насколько удалось восстановить его, сводный текст былины. Каждый из вариантов, входящих в него, вносит какую-нибудь новую черту, образ, пополняет другие. В данном случае сводка наша есть не что иное, как обыкновенный прием работы, когда песня, забытая одним песенником, пополняется и восстанавливается другим в одном и том же песенном пункте или в местах почти смежных. Возможность и законность такого сопоставления вариантов вытекает не только из общности сюжета, разработанного в разных местах различно, но еще и из тожественности или большого сходства напевов песни и единства ритма [2].

V

С музыкальной стороны собранные экспедицией песни должны представлять интерес, так как сколько-нибудь сносных музыкальных записей донских казачьих песен до сих пор в печати не появлялось. Все, что было сделано для донской казачьей музыки до последнего времени, ограничивается тремя довольно неудачными попытками представить в печати песню, попытками лиц, имеющих только случайное соприкосновение с казачьей средой. Так, в приложении к «Русской старине» 1825 года помещено 5 песен с гармонизацией Кольбе; далее, в 1891 году появился «Сборник русских, казачьих, военных и исторических песен для Донского кадетского корпуса» и, наконец, около двух десятков казачьих песен попало в сборник Е. К. Альбрехта и Н. Х. Весселя (изд. 1886 г.), записавших эти песни от песенников л.-гв. Донского казачьего полка в С.-Петербурге.

Но эти труды не могут дать представления о настоящей народной казачьей песне. В сборнике Альбрехта и Весселя если и есть несколько таких песен, то они искажены до неузнаваемости неправильностью записей и чуждой им гармонизацией, чем еще больше грешит рабо-

---

[1] С. Арефии. Несколько слов по поводу собирания донских казачьих песен («Донская речь», 1904).

[2] Приведенный здесь сводный текст былины дан А. М. Листопадовым «в виде опыта—что́ из подобной сводки может получиться» (запись автора на полях его рабочего экземпляра). Вообще, подобных сводок А. М. Листопадов не практиковал. В 1-й том «Песен донских казаков» (Музгиз, 1949 г.) вошла не эта сводка, а особый текст, восстановленный в 1911 г. в том же хуторе Кременском Усть-Быстрянской станицы.—*Примеч. ред.*

Кольбе. Из тридцати же семи песен, помещенных в сборнике для Донского кадетского корпуса, почти нет ни одной песни, на которой бы лежала печать народного казачьего творчества. Некоторые из них, как «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон» (сочинена Ф. Анисимовым на измененный казачий мотив песни «Уж вы, братцы, мои братцы, атаманы молодцы»), «Ты, Россия» (на плясовой мотив), «Много лет войску Донскому», «Славьтесь, славьтесь, казаки» и другие,— продукты последних войн и появились, следовательно, в близкое к нам время. Другие — «Поехал казак на чужбину» (соч. Е. Гребенки тридцатых годов прошлого столетия) или «Засвистали козаченьки» —явно малороссийского происхождения.

А. М. Листопадов (1907 г.)

Надо заметить к тому же, что указанные нами сборники совершенно не известны на Дону, не исключая и сборника Альбрехта и Весселя. Другие два составляют библиографическую редкость.

В конструкции казачьих напевов, а также и в исполнении их казаками есть некоторые особенности, отличающие народную казачью музыку от музыки культурного класса, особенности, свойственные в большинстве случаев, насколько это подмечено нами, великорусской песне, отраслью которой является наша донская песня.

«Запевала»—лучший в хоре песенник—«заводит» песню, причем свой «запев» иногда начинает особым, характерным для каждого запевалы «наигрышем», как бы давая этими наигрышами упражнение голосу,— «наламаешь голос, он и ка́тится».

Наигрышами, представляющими собою короткие музыкальные фразы, состоящие из довольно иногда затейливых мелодических фигурок, запевала пользуется часто в тех случаях, когда не может сразу подыскать из своего репертуара песню, какую хотелось бы заиграть.

«Бывалыча, как были на службе,—вспоминает один из песенников Арчадинской ст.,—начальник заставит вдруг:—не думавши, песню заиграй! Ты сейчас голосом-то поведешь е... е... ей.., как будто придумал; глядишь, она придет на ум, и заиграешь.— А, молодец! скажет...»

Без запева не начинается ни одна из протяжных песен. В песнях свадебных, за немногими исключениями, вечериночных, веснянках [1], скорых, гулебных и военно-маршевых, вообще в песнях наиболее ритмических, запева не употребляют, хотя и здесь песню обязательно начинает один голос «заправилы» хора, иначе говоря, дает своим началом тон и

[1] Песни №№ 9, 10, 11, 13, 14.

указывает темп. Плясовые, частые и военно-маршевые играются «без свода», т. е. стиха «не сводят к концу», как в протяжных, а поют всю песню без перерыва до самого окончания.

Песню «ведут» всегда «запевала» или заводчик»—дирижер хора; за ним уже держатся остальные песенники. Он «говорит», «доказывает» песню с начала до самого конца, подбадривая своих товарищей «дружнее держать на́ голос», а «подголосников» «брать на подголоски» и «выводить». Если он не твердо знает иную какую-нибудь песню, заводит другой песенник, и в этом случае за последним уже ведут песню остальные товарищи.

* * *

Подголоском в русской народной музыке принято называть всякий вообще вариант основной мелодии, который слышится в сопровождающих главную мелодию голосах, безразлично от того, уклоняется ли он вверх от нее или вниз, и который по отношению к ней является как бы второстепенной мелодией. Несколько подголосков, взятых вместе с главной мелодией, дают основание для своеобразной народной гармонии. С этой точки зрения важность записи подголосков признается многими исследователями и собирателями русской песни — Мельгуновым, Пальчиковым, Брянским, Сокальским и другими.

Нечто другое представляет собою «подголосок» казачьей песни в терминологии казака. Будучи в сущности тем же вариантом мелодии, казачий подголосок есть исключительная принадлежность того голоса, который ведет самую высокую партию. В мужском хоре — это высокий тенор; в смешанном им бывает и тенор, и сопрано, и даже альт [1], с успехом заменяющий иногда высокого тенора. Песенник, исполняющий партию подголоска, называется «подголосником».

Подголосок в казачьем хоре играет довольно важную роль: это, можно сказать, душа песни. Без него песня кажется не полною, как бы хорошо ни исполняли ее другие голоса. Подголосок оживляет мелодию, варьируемую средними голосами. Его сопровождение дает песне ширь и свободный размах, свойственные исконной казачьей песне и обусловленные историческим складом боевой жизни донских казаков. Чем лучше подголосник знает песню, тем увереннее, красивее и разнообразнее его ходы (см. № 6). На общем фоне музыкальной картины, которую образуют основная мелодия с сопровождающими ее вариантами других голосов, легкие, оригинальные мелодические переливы и скачки подголоска дают впечатление полноты и своеобразной законченности.

Хорошие подголосники, соединяющие в себе с хоровым сравнительно голосом умение «подголашивать» или «дишкантить», встречаются далеко не часто. Впрочем, по замечанию одного из выдающихся песенников — А. Гончарова (Ермаковской ст.), «всякий хороший песенник должен уметь и песню играть и подголашивать». Замечание это подтвердилось на практике: каждый из пяти песенников Есауловской ст., не исключая и запевалы, поочередно, по нашей просьбе, вел партию подголоска. Подобные же пробы повторялись иногда и в других местах. Молодой песенник Екатерининской ст. Е. Евлахов, довольно хороший бас и лучший запевала, художественно подголашивал на высоких фальцетных нотах любую песню из своего обширного репертуара, хотя это и не легко было для его баса.

Все-таки часто, за неотысканием специальных подголосников, мы вынуждены бывали обходиться и без них, особенно в тех случаях, когда песенниками являлись старики с слабыми старческими голосами.

---

[1] См. в прил. № 6: «Я служил раздобрай мо́ладец»

* * *

Большинство собирателей русских народных песен, судя по изданным сборникам (И. Прача 1806 г., М. Стаховича 1851 г., К. Вильбоа 1860 г., М. Балакирева 1866 г., Дютша—Истомина 1886 г. и др.), не придавали, повидимому, особенного значения различным вариантам одной и той же мелодии, стараясь выбирать из них особенно красивый или характерный и отбрасывая все, что казалось, может быть, лишним, затемняющим строение мелодии. В недавнее сравнительно время на эти варианты или подголоски обратили должное внимание. Ю. Н. Мельгунов первый в своих сборниках народных песен (1879 и 1885 гг.) стал уделять им равнозначащее с основною мелодией место, возбудив, таким образом, вопрос о гармонизации русской народной песни ее же средствами.

Донская казачья песня, как отрасль от дерева общей русской народной музыки, являет собою в совокупности основной мелодии с ее вариантами и подголосками ту же основу для народной гармонизации. Поэтому в своих работах при записи напевов мы старались не упустить ни одной вариации, для чего прослушивали некоторые труднейшие песни обязательно два раза и даже больше, особенно в тех случаях, когда песенники в первый раз вели песню неуверенно или сбивчиво.

Эти вариации и подголоски, взятые вместе, образуют своеобразную народную гармонию, основанную не на аккордной системе западной музыки, требующей гармонической терции, отсутствия параллельных квинт, октав и иных приемов, но на голосоведении и свойственных ему приемах контрапунктического характера.

В народном хоровом пении все голоса самостоятельны; не связанные чередованием аккордов, все они принимают одинаковое участие в целом. Песня, исполненная даже одним голосом, не теряет своей своеобразной красоты и если проигрывает в таком одиночном исполнении, то сравнительно мало. В этом отношении безыскусственная народная казачья песня существенно отличается от хоровых многоголосных произведений, построенных по законам общей гармонии, исполнение которых при отсутствии даже одного голоса является невозможным.

В следовании подголосков и уклонениях вариантов от главной мелодии, при сравнительной редкости параллельных кварт, встречаются очень часто параллелизмы квинт, октав и даже трезвучий.

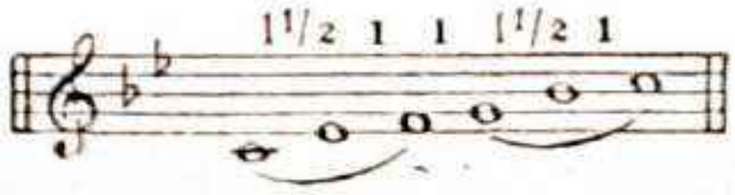
VI

Что касается мелодического склада донских песен, то и с этой стороны мы замечаем в них особенности, отличающие казачью музыку от современной и относящие ее к более ранним эпохам музыкального развития.

В основе ее лежат особые гаммы. Наиболее характерной является так называемая «индо-китайская» или «шотландская»[1] гамма (исполняемая на одних черных клавишах фортепиано), состоящая из двух невыполненных кварт (трихордов) со скачками в полтора тона:

Построенная на ноте *do* та же гамма будет иметь такой вид:

[1] Автор, пользовавшийся здесь теперь не употребляемой терминологией, имел в виду бесполутоновое пятизвучие, так называемую «пентатонику». — *Примеч. редактора.*

Нельзя здесь не обратить внимания на интересное подтверждение кратко изложенной нами теории неполного диатонизма с характерными скачками, свойственного исконной казачьей песне, как она бессознательно, но своеобразно выражена одним из «рылешников» Екатеринской станицы, знатоком казачьих песен А. И. Позднышевым. Обучая своих сыновей игре на «рыле́» или «гудке», струнном инструменте, очень сходном с малороссийской лирой, он обращал внимание ученика на то, что в некоторых песнях, возьми хоть «Службицу» (№ 5) или «Дончака» (былина про Добрыню-Дончака), как бы ты ни играл их, двух ладов трогать не будешь, они не пойдут в дело; если же тронешь, окажется ошибка» [1].

Неполный диатонизм этого звукоряда с течением времени выполнился и образовал полную диатоническую гамму с малой септимой, служащую как бы переходной ступенью к новейшей эпохе мажора и минора со свойственным ей вводным в октаву тоном (большой септимой) и широким развитием гармонии.

Большинство записанных экспедицией песен носит в себе характерные признаки древнего сложения. Даже песни более позднейшего происхождения, исторические послепетровских времен, протяжные военно-бытовые того же периода, творцами которых являются по преимуществу сами же казаки, слагались как бы по одному типу, выработанному глубокой стариной и передаваемому непосредственно и в чистом виде из поколения в поколение. Так что песня, например, про атамана (1753—1772) С. Д. Ефремова «Полуночная звездочка» или песня из времен грузинской службы про Фрола Агуреева по конструкции ничем не отличаются от былин про сватовство Ивана Гардиновича (№ 2) или про Садка, или от былинной песни про князя Владимира «Летал-то, летал сизой орёл».

Заметим здесь, что былины и песни былинные поются донскими казаками так же, как и все вообще протяжные песни; речитатив северных былин, за очень немногими исключениями, в них отсутствует.

Обрядовые песни (свадебные, веснянки, хороводные, праздничные) как по напевам своим, так и по текстам составляют древнейшие произведения народного творчества. Напевы их дышат глубокой стариной, а тексты носят намеки на обряды и обычаи дохристианских времен. В большей части их напевов во всей чистоте сохранилась древняя индокитайская гамма. [2] Есть из них не мало таких, звукоряды которых ограничиваются пределами трех: g,— b, c (свадебная «Во марте месяце выпадала порошица»; причитание «Уставайтя, мои подруженьки» — a, h, c; веснянка «Кострома» и др.)—или четырех: g,—b, c, d (веснянка «Ты перлятй, гого́ль, море», свадебная «Не знала я, девица», причитание «Ты прости, прощай, разлюбезная падружинька»: a,— c, d, e, и др.) звуков,— древнейших эпох трихорда и тетрахорда.

Из всего количества протяжных исторических и бытовых песен, а также былин большая часть их в основе своих звукорядов имеет ту же древнюю пятитонную гамму («Службица»: c — es, f,— as, b, c,— es, f; «Как служил Дончак»: e,— g, a, h — d, e — g; былина про Садка: g,— b, c, d,— f, g). Во многих из этих песен затрагиваются, правда, и невходящие в звукоряд интервалы, но главная основа и в них, несомненно, пятитоновая (историческая «Во Пруцкой земелюшке, на ровной на площади»: g, (a), b, c, d, f, g; «Поле мое, поле чистое»: d, e, (fis), g, a, h, (c), d, e).

Остальная часть песен, в особенности новейшие военные, основаны на полных октавных звукорядах.

---

[1] Подробное описание донской лиры ниже, гл. VII.

[2] Т. е. бесполутоновый («пентатонический») склад.—*Примеч. ред.*

Впрочем, и в большинстве этих песен ярко очерчивается древнее кварто-квинтовое построение в его мелодических ходах (истор. «Думай, моя буйная головушка, не продумайся»: es, f, g, a, b, c, d, es, f; бытовая «Стой, дуброва»: f, g, as, b, c, d, es, f).

* * *

Относительно распределения песен по местностям мы должны заметить, что только обрядовые песни (свадебные, веснянки и «карагодные») имеют свой более или менее определенный район. Так, свадебные песни и вообще свадебная обрядность до последнего времени чаще всего сохранились в станицах по р. Донцу и лежащих ниже впадения его — по Дону. Известные нам свадебные песни (более 200) записаны именно в этих местах и отчасти по рр. Хопру, Бузулуку и Медведице.

Большинство веснянок и «карагодных» песен дал Хоперский округ и северная часть У.-Медведицкого.

Что касается собственно «казачьих» (мужских) песен-былин, исторических и части бытовых, то в силу особенностей прежнего военного быта казаков, а также и теперешней военной службы эти песни распространены в разных вариантах текста и напева, а иногда даже в совершенно несходных напевах по всей области. Так что песню, записанную, например, в 1-м Донском округе, экспедиции приходилось прослушивать после в самых отдаленных пунктах Хоперского или У.-Медведицкого, не говоря уже о таких общих для всего Дона песнях, как песни про Краснощекова — «Между Кум-реки, между Тереком», «Приутихло, приумолкло наше войско Донское»[1], «На вешний на праздничек Благовещенья», «Ты, Россия, матушка Россия», про Ермака — «На речке было на Камышинке» и многих других, в которых даже напев варьируется очень мало.

* * *

Во внешних способах исполнения песенников — как мужчин, так и женщин — различных местностей какой-нибудь разницы мы не замечали. Почти повсеместно еще на Дону циркулирует чисто народный способ исполнения; везде песню заводит более или менее искусный запевала — знаток песни; ему вторят своими излюбленными мелодическими оборотами остальные голоса и высокие подголоски. Деления голосов на партии в таком народном хоре, конечно, не бывает. Выделяется только подголосок, остальные же голоса, переплетаясь свободно, вращаются в пределах звукоряда песни, так что, например, голосу с басовым характером по требованию мелодии приходится иногда подниматься в высокие теновые ноты, и проделывается это им без особенного напряжения.

Впрочем, должно указать на один довольно обширный (протяжением по станицам верст на 200) район, прилегающий к границе 1-го Медведицкого и 2-го Донского округов от Клетской ст. вниз по Дону до Есауловской, где наблюдалось среди молодых казаков, бывших полковых песенников, некоторое новшество — попытка к правильному делению хора на четыре голоса. Приученные несколько полковыми регентами, эти песенники поют, действительно, довольно стройно и пользуются поэтому известностью за пределами района.

---

[1] Обе в приложении, №№ 3 и 4.

Нам еще в начале командировки некоторые из офицеров, служившие в полках с казаками этих станиц, указывали на них, как на особенно песенные станицы, и называли даже имена лучших песенников. Заинтересованные издалека молвою, мы надеялись услышать здесь и записать какие-нибудь старинные, ценные для собрания песни и натолкнулись только на обычный, зато более обильный, чем в других местах, полковой репертуар, вводимый вкусами регентов, состоящий из военно-маршевых песен солдатского пошиба с залихватскими припевами, вроде «Гремит слава трубой», «Правда, правда, правда люли», из «книжных» песен («В шапке золота литого», «Оседлаю коня» и др.), а также из модных фабричных романсов, заимствованных где-нибудь на стороне или от иногородних мастеровых, проживающих среди казаков.

Некоторая привычка песенников к нотному пению в полках отразилась на чистоте напевов тех старинных песен из записанных нами ранее, которые они пели по нашей просьбе, введением чуждых их звукорядам интервалов. То же самое должно сказать о песенниках, участвующих любителями в церковных хорах, которых нам удавалось слушать и в других местах. В станице Есауловской один из песенников, поющий басом в хоре, положительно уродовал песни своими церковными каденциями с терцией в заключительном аккорде, так что мы вынуждены были вскоре удалить его, несмотря на то, что это был песенник далеко не заурядный. Остальные четыре товарища его и те замечали ему, что он «по-новому» поет и «только песню ломает».

VII

Краткое упоминание в предыдущей главе о донской лире обязывает нас сказать несколько слов об инструментальной музыке в Донской области вообще, и главным образом остановиться более подробно на этом очень древнем своеобразном струнном инструменте, отживающем вместе со старой народной песней или, вернее сказать, отжившем уже свой долгий век.

Инструментальная музыка на Дону не богата количеством инструментов, ходящих среди казаков, и не прибавляет ничего нового к тому, что известно в употреблении у великороссов. Самым популярным из них является завоевавшая себе прочные права гражданства повсеместно в России гармоника. Попадаются нередко балалайка, скрипка—среди молодежи, бубен, некоторые из оркестровых военных инструментов, кларнет, флейта и даже медные духовые, так как известный процент казаков на военной службе состоит в числе трубачей и музыкантов в полковых оркестрах, откуда и приносят иногда с собой на Дон свои инструменты.

Единственным, таким образом, оригинальным представителем семьи народных инструментов является донская лира, по-местному «рыле́» или «гудок», получивший последнее название от неизменно звучащей третьей струны — баска, к которой не прикасаются «ребра ладов» и которая, поэтому, только «гудёт». Название «рыле́», переделанное из «лиры», известно было в Великороссии уже давно. Под одной из старинных народных лубочных картин, изображающей «веселое общество», среди которого нарисован «игрец» на лире, следует такая надпись:

«Держи книгу в руках ближе:
Чтоб видеть можно ближе
Буду я в рыле играть,
А по книге стану припевать...»[1].

Район распространенности донской лиры не велик: он обнимает собою две станицы по среднему течению р. Донца—Екатерининскую и

[1] В. Михневич. «Очерк истории музыки в России», стр. 84.
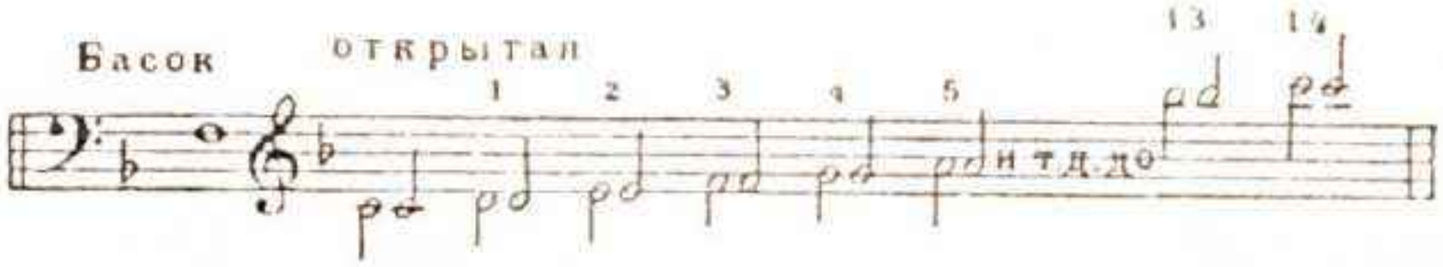
Усть-Белокалитвенскую. В других местах нам не приходилось встречать инструментов данного типа. Чаще попадается лира малороссийская, но исключительно среди малороссийского населения Таганрогского и Ростовского округов; заходят иногда слепцы лирники и в казачьи округа на ярмарки и храмовые праздники, где распевают под своеобразное сопровождение лиры — в одиночку или вместе со своими поводырями-мальчиками и товарищами — духовные стихи или «сальмы» («псалмы»), собирая вокруг себя всегда большую толпу слушателей.

* * *

Донская лира состоит из резонансного плоского, овального ящика, к которому на общей нижней деке прикреплена довольно длинная и широкая, суживающаяся к головке («коннку»), полая внутри, «шейка» — гриф с помещенной на ней клавиатурой. В головку вставлены горизонтально четыре колка («закрутки») для четырех струн, из которых три находятся над декой, а четвертая внутри под правой тонкой деревянной «щечкой». Назначение последней струны «отбивать», отталкивать обратно клавиши («шашки»), которых, смотря по величине инструмента и длине грифа, бывает от 11 до 14. На каждой шашке вставлено по два топорикообразных колышка («толкачика»), острыми ребрами прикасающихся в момент нажимания шашки к двум струнам, звучащим в унисон, в то время как третья — басок или «гудок» — остается постоянно свободною и звучит квинтой ниже. Для подстраивания эти толкачики с помощью щипчиков («абсе́нек») повертываются в своих гнездах в обе стороны.

Звук производится трением вращающегося валика («колесца́», «колёсика»), в месте соприкосновения с которым струны для смягчения резкости звука обматываются шерстью. Сзади валика, незначительно возвышающегося над декой, через всю ширину ее проходит резная подставка для струн, к которой привязана маленькая из редкой холстины сумочка с толченой канифолью для «набивания» на струны над валиком. Струны для лиры употребляются большею частью жильные, выделывающиеся из бараньих кишек домашним способом; впрочем, басок бывает и канительный, а внутренняя «отбивающая» струна даже веревочная.

Звукоряд изменяющихся струн, которые, как мы выше заметили, настраиваются в унисон, начинаясь с квинты по отношению к баску, идет последовательно по ступеням диатонической гаммы в древнегреческом строе гипофригийского или ионийского лада и доходит в некоторых инструментах до двух октав:

причем вводные тоны *ми* и *ля* звучат не так, как мы их слышим на фортепиано, а немного ниже. В звукоряде 12-клавишной лиры И. Свинарева нижнее *ми,* отмеченное знаком +, совершенно отсутствует.

В игре на нашей лире участвуют обыкновенно двое. Сам «рыле́шник», он же и песенник, подложив под себя ремень или шнурок, подвязанный с левой стороны к инструменту, чтобы крепче держался на коленях, правой рукой вертит ручку («крючок»), в свою очередь приводящую во вращение колесцо́, а левой, нажимая «от себя» шашки, подыгрывает своей песне, прелюдируя перед началом каждого или только некоторых стихов, «чтобы дать голосу ро́здых», и украшая напев довольно затейливыми иногда вариациями с массой форшлагов.

Роль другого ограничивается только тем, что он «держит коника», поддерживает головку, чтобы она «не отходила» от давления на клавиши рылешника, и вторит ему или «подголашивает». Иногда рылешник, хотя это сопряжено для него с некоторыми неудобствами, обходится и без помощника, упирая головку в какое-нибудь углубление в стене, в окно или другое препятствие, удерживающее ее на месте.

Существенные отличия донской лиры от малороссийской, таким образом, заключаются: 1) во внешнем виде—малороссийская лира состоит из скрипичнообразного [1] корпуса, без грифа, на месте прикрепления которого помещается небольшая коробка с *тремя* колками, тогда как наша похожа скорее на гитару без переднего ее полуовала, но с широким грифом и с головкой (той же коробкой) на конце его; 2) в строе и числе изменяемых по высоте звука струн — в малороссийской две струны настроены в октаву, а третья в квинту к нижней, причем мелодия играется на одной только струне, остальные же две выдерживают нечто вроде органного пункта; в донской — отношение струн унисонно-квинтовое и мелодия идет на двух унисонных струнах; 3) в меньшем количестве клавиш на малороссийской лире (на лире, описанной г. Масловым, их только 9); 4) в расположении клавиатуры — по правую сторону в малороссийской, по левую в донской и, наконец, 5) в большем объеме и некоторой громоздкости последней по сравнению с первой.

Донская лира — инструмент весьма древний, может быть, даже более древний, чем малороссийская, представляющая собою видоизменение первоначальной большой лиры, известной в западной Европе еще в IX веке под названием о р г а н и с т р у м а, для игры на котором необходимо требовалось участие двух лиц. На сохранившемся барельефе с капители XI века из бошервильской церкви св. Георгия в Нормандии в группе средневековых музыкантов изображены две женские фигуры, играющие вдвоем на одном органиструме [2]. Впоследствии размер инструмента уменьшился настолько, что явилась возможность играть на нем одному, притом не только сидя, но и стоя [3]. Результатом такого изменения оказалась распространенная в юго-западной России, центральной и на Кавказе «малороссийская» лира, легкая, удобная для переносок, приспособленная для игры даже находу, чего совершенно не допускает конструкция донской лиры, оставшаяся почти такою же, какою она была 900—1000 лет назад.

Неизвестно также, с какого времени появились на Дону лирники, или, по-местному, «рылешники». История не сохранила для нас каких-нибудь указаний на этот род своеобразного и оригинального древнего искусства. Устные сведения, заимствованные мною от теперешних рылешников, жителей Екатерининской станицы, не восходят далее полусотни лет назад.

Жил-проживал в те времена на одном из хуторов этой станицы (кажется, на Западном) старый казак грузинской службы Быкадоров, по прозванию Бе́зрук, у которого на месте пальцев, отрубленных, может быть, в схватке с «лихим черке́сином», были одни «култышки». Про этого Бе́зрука и говорят теперь, что он был замечательный игрок на «рыле́», и он-то научил некоторых играть на этом инструменте. На правую руку, на которой у него совершенно не было пальцев, он прикреплял на ремнях особую дощечку с проверченной в ней дыркой и с помощью этой дощечки вращал крючком «колёсико».

---

[1] По описанию лиры, сделанному А. Л. Масловым в его статье «Лирники Орловской губернии, в связи с историческим очерком малороссийской лиры». «Этнографическое обозрение», XLVI.

[2] Э. Науман. Всеобщая история музыки (1880—1885), т. I.

[3] А. Маслов. Лирники Орловской губернии и пр.

Так передавал мне рылешник хутора Насонтова Константин Евдокимович Адамов, «родитель» которого Евдоким Яковлевич был учеником Бе́зрука.

Другим, более способным учеником был казак хутора Ясеновского, Иван Осипович Позднышев [1].

От этих двух, давно уже умерших, и пошли у нас рылешники, или «гудошники».

Евдоким Яковлевич Адамов оставил после себя также двух учеников: сына Константина, теперь уже 70-летнего старика, который любезно поделился своими воспоминаниями и доставил мне свой гудок, фигурировавший в августе 1902 года в качестве экспоната на выставке XII археологического съезда в Харькове (ныне принадлежит Дашковскому этнографич. музею в Москве),— и давно умершего казака Дмитрия Даниловича Могилина. Сын последнего, Никанор Дмитрич, имеет рыле́, хотя игрок он неважный.

Был еще один рылешник, Стефан Андреевич Игнатов, живший на хуторе Синегорском, но несколько лет назад он переселился в Уссурийский край и унес с собою свой гудок [2]. Его инструмент был наследственный; достался ему через отца — Андрея Кирилловича от деда Кирилла, хорошего, как говорят, мастера, также, может быть, ученика Бе́зрука, так как он был ровесником двух его первых учеников.

Таким образом, в районе Екатерининской станицы всех инструментов четыре, а игроков пять человек, считая в семействе Позднышевых троих игроков и два инструмента.

Нужно заметить, что каждый рылешник сам по себе хороший домашний мастер — столяр или седельный мастер, как Адамовы — отец и сын, поэтому инструменты не покупаются, а выделываются домашними средствами.

Репертуар Константина Евдокимовича Адамова, которого мне удавалось слышать чаще других, разнообразен и обширен. Он играет почти все песни, которые поет «на́ голос». Явится он куда-нибудь в «кампанию», промочит, по обыкновению, горло, «чтобы песня гладко пошла», и заведет — «Не дорого нашему хозяину пивушка пьяная, только дороги ему гостечки почетнаи»... и расскажет, как «Москва Кремена́ от искорки огня́ной загоралася»; сыграет далее про князя Владимира («Летал-то, летал сизой орел») и про Добрыню́шку («Как и жил-то, был Микита»), про Ермака Тимофеевича и его сподвижников «На речке Камышинке», не забудет «злодеюшку Грузинскую сторонушку» и смерть царя Александра I («Как поехал Александра свою армию смотреть»). Споет что-нибудь после этого про житье-бытье доброго молодца, «млад дэнскова казака» на далекой чужбине и про его «болечку-чернобровочку»; ударит, наконец, «казачка» (плясовую) и сам не удержится и начнет притаптывать и «прибасывать»...

Я расспрашивал Константина Евдокимовича, как он «налаживает» свой гудок, и он попытался дать объяснения,— конечно, неясные и неточные,— которые применяет сам он к делу по традиции.

«На лады взводить струны» научил его «и товарищшав батенька-родитель: натянешь, говорил он, струну, да другую подводишь под неё,

---

[1] И. О. Позднышев, очевидно, и раньше умел играть, так как в его семействе гудок ко времени обучения у Бе́зрука был уже не новостью. По воспоминаниям сына его Афанасия Ивановича, «первый гудок появился у них около 1824 года, и с тех пор собственные инструменты в их семействе не переводились». Относительно репертуара отца Афанасий Иванович говорил, что «он играл на гудке все песни; из плясовых играл Зайчика, Казачка, Барыню и много других».

[2] Этот гудок на пути, говорят, был украден.

чтобы они один голос вели, а гудок к ним, стало быть, подтоняешь, чтобы не перебивал да басил,—а оно, видишь, и согласно выходит». Если две струны, настраиваемые унисонно, звучат неправильно, тогда он замечал, что они, «ишь вот, двоят голос».

«Ладовые струны,—с своей стороны добавлял рылешник Усть-Белокалитвенской станицы В. М. Андриянов,— натягиваются на один голос, а самый гудок должен басить».

Иван Осипович Позднышев был большой охотник игры на гудке. Дома иной раз бранили музыканта за его увлечение; тогда он заберется, бывало, в Ясеновскую балку, в нескольких верстах от хутора, и там, окруженный дикими скалами и вековыми «дубьями» и ясенями, вволю предается своему любимому занятию, пока не отыщут его и не отберут инструмента. Или, уже будучи стариком, возьмет он, бывало, «Хомку», так величал он свой гудок, засунет в мешок, перекинет через плечо и пропадает с ним на несколько недель. Найдут его «у друзьёв-товарищав», в соседних или дальних хуторах, верст за 30—40.

Иван Осипович, как и другие местные рылешники,— в большинстве случаев люди зажиточные, даже богатые,— был «хозяин с большим достатком»; поэтому подобные его отлучки не были и не могли быть странствованиями нищих малорусских слепцов бандуристов и лириков; его музыкальное занятие не было профессией из-за куска хлеба. Наши гудошники приглашаются на свадьбы и в другие «кампании», но играют там не за плату, а как участники гулянья. Появление гудошника делает честь хозяину дома, который в оба глаза следит за тем, чтобы у того «ненароком релеюшка не заскрыпела», и спешит подмазать.

Гудок Ивана Осиповича перешел по наследству к сыну его Афанасию Ивановичу, о котором речь была в предыдущей главе; от последнего «переняли игру» его сыновья. В настоящее время у Позднышевых два инструмента, сделанных самим Афанасием Ивановичем, из которых, впрочем, один совершенно не годен к употреблению.

Старый гудок Ивана Осиповича, 25 лет назад каким-то образом попавший в соседнюю Усть-Белокалитвенскую станицу, отыскан мною нынешним летом при проезде через нее у молодого казака, очень заинтересовавшегося инструментом, М. Барбаянова, который незадолго перед тем взял его, чтобы поучиться, у известного рылешника Василия Михайловича Андриянова [1].

Гудок этот оказался в довольно истерзанном виде, с разбитой нижней декой, потрескавшимся валиком, без струн и ручки, так что его пришлось там же оставить для реставрирования.

Кроме Андриянова, в Усть-Белокалитвенской станице есть еще три рылешника: «А. Д. Хорошев, очень порядочный мастер, сделавший рыле также и для другого рылешника В. В. Кикичева (из хут. Попова), и И. Н. Свинарев, из хут. Богатова.

Любимая песня калитовских рылешников — сочиненная «давным-давно» на местную тему:

По Донцу, Донцу, по Северском Донцу...
На усть-матушке на Белой Калитве...

в которой идет перечисление почти всех хуторов, принадлежащих к станице, и которою рылешники всегда начинают свой репертуар, где бы ни были.

Благодаря этой популярнейшей песне, известной в Калитве и старому и малому, и самый гудок получил здесь некоторое как бы официальное значение, в последние годы, кажется, уже утраченное. Рассказывали, что в прежние времена в некоторые высокоторжественные

праздники, во время приездов важных особ и вообще при всех исключительных случаях, когда устраивалась на площади пред станичным правлением общественная «хлеб-соль», обязательно приглашались рылешники. Для этих случаев в станичном правлении хранился «общественный» гудок.

Донская лира, как и песня, отживают свой век. Из всех известных нам экземпляров этого инструмента некоторая часть их, если не вся половина, в полуразрушенном состоянии. Не на видной и чистой стене их место теперь, а на «палатях» (чердаке), в пыли и паутине.

* * *

Ограниченная временем, экспедиция в преследовании своей цели— собирания старинных песен — должна была главное внимание обращать на такие песни, которые имели в себе, если не все, то хотя некоторые характерные признаки исконного народного творчества. Чем песня древнее и чем она свободнее от различных позднейших наслоений, тем эти признаки яснее бывают видны как в напеве, так и в тексте. Разумеется, не все то, что циркулирует в настоящее время среди населения и что предлагали нам вызванные песенники, попадало в наши записи.

Конечно, в общей массе собранного материала может оказаться некоторая доля напевов незначительных и мало интересных.

Композитор найдет между мелодиями, записанными нами, такие, которые своею красотою и непосредственностью вызывают на художественную, симфоническую разработку; сумеет воспользоваться для своих разнообразных целей и такими, которые в настоящем сыром, необработанном виде кажутся одними из самых бедных и неудачных.

В приложении к настоящей статье помещено 14 песен, из которых четыре — №№ 1, 2, 13 и 14 — записаны во время командировки 1902—1903 гг. при участии С. Я. Арефина, остальные же лично мною в разное время, главным образом в 1-м Донском округе; в числе их — 2 былины, 4 исторические песни, 2 бытовые, 4 свадебные с одним причитанием и 2 веснянки.

Тексты песен приведены с соблюдением всех особенностей местного казачьего говора.

Укладка напевов в ноты представляет собою гармоническое соединение вариаций напева, записанных не в разных песенных пунктах, а в одном месте и в один прием, от песенников, составляющих одну партию. Гармонизация напева, записанного таким образом, является делом той партии песенников, которая исполняла его, и есть, следовательно, народная в собственном смысле.

Вся искусственность нашей укладки заключается только в известном комбинировании вариаций, которые в народном исполнении появляются не одновременно, как у нас, а по мере следования стихов песни. Основания для такого рода укладки мы видим в том соображении, что та или другая вариация не прикреплена к известному стиху, а появляется, так сказать, случайно, в зависимости от желания певца, его душевного расположения, музыкального воображения, состояния голосовых средств и других причин, так что, например, вариация, услышанная в данный момент при одном стихе, в другое время, при повторении песни, оказывается при другом.

Этот способ сводки вариаций напева в одно гармоническое целое употреблен нами с целью дать возможность исполнять песни хором в несколько — четыре, три и менее (№ 10) — голосов и в настоящем виде представляет собою только опыт по отношению к дальнейшим работам в этом направлении.

Москва, 15 ноября 1904 г.

ПЕСНИ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ [1]

1

Возвратившиеся из Турции уже почти в наши дни некрасовцы, бывшие донские казаки, принесли с собой свою казачью речь, почти не отличимую от речи современных казаков Дона, свои старые обычаи вместе со старинной казачьей одеждой, которую носили в Турции, и свою песню, которую предки их когда-то «играли» на Дону. Все это возвратилось с ними в мало измененном виде, несмотря на двухвековой отрыв от быта родины и на инонациональное и иноязычное окружения, в которых жили некрасовцы на чужой стороне.

Пунктами нашего обследования были поселения казаков-некрасовцев: станицы Ново-Некрасовская и Ново-Покровская Приморско-Ахтарского района Краснодарского края и, отчасти, Ахтари, районный центр. Приняв в июне 1940 года участие в фольклорно-диалектологической экспедиции Ростовского педагогического института, я, естественно, намерен был заняться наименее обследованной, вернее, совершенно необследованной стороной некрасовского песенного фольклора, стороной напевной. А так как в своей собирательской практике я никогда не отделял напева от текста, придавая им равноценное значение и уделяя одинаковое внимание, то и в данном случае предо мной стала задача дать некрасовскую песню в полном ее виде—не полупесню, а песню.

В своем составе экспедиция была крайне неравномерной: в подавляющем большинстве она была представлена диалектологами, в фольклорной же части—текстовиками, обычно в записи избегающими напевов. Из четырнадцати человек я один был фольклорист-музыкант. Такая неравномерность определяла собой направление работы и не могла не сказаться на ее итогах по записи, оказавшихся, с моей точки зрения, недостаточно исчерпывающими.

Несмотря на интересные и весьма существенные результаты, полученные от поездки, у меня все же осталось некоторое чувство неудовлетворенности. Связанный особыми условиями экспедиции—ее кратковременностью и, прежде всего, зависимостью от диалектологического большинства, а также ее недостаточной организованностью,— я лишен

---

[1] Казаки-*некрасовцы*—донские казаки, названные так по имени своего атамана Игната Некрасова, во главе с которым при Петре I они покинули Дон после разгрома булавинского восстания, участниками которого они являлись. — *Ред.*

был возможности поставить себя в части записи в такое положение, когда от исполнителей, по преимуществу женщин-казачек, я мог бы услышать песню во всю ширь, так сказать, песню полного голоса, при участии бо́льшего количества «песенников», и в обстановке, хотя бы в некоторой доле приближающейся к обычной бытовой, домашней, в обстановке, например, свадебного гулянья, хоровода, своеобразного, нигде, пожалуй, в наши дни не встречающегося крыловождения («крыло водят»), наконец, в обстановке какой-нибудь общественной работы, сопровождаемой песней,— в пути, при возвращении с сенокоса, с рыбной ловли и т. п.,— когда песня зазвучала бы в настоящем ее темпе, со всеми подголосками и достаточно широко, чтобы получить о песне казаков-некрасовцев всестороннее представление. Его не может дать песня «с глазу на глаз», песня «шопотом», как нередко проходит запись одного текста без напева, производимая собирателями-словесниками.

Следовало, наконец, получить представление о народной пляске казаков-некрасовцев, о ее характере и темпах, чтобы понять характер плясовых и гулебных, «сердцебитных», по определению песенниц-некрасовок, песен, некоторое количество которых я записал, а также песен «карагодных», из которых особое внимание обращают на себя упомянутые весенние песни крыловождения. Некрасовки рассказывали, как они водили в Майносе «крыло», и описывали этот своеобразный хоровод. Из короткого их рассказа невозможно представить себе картины этого, может быть, торжественно-величавого танцевального шествия народа рука за руку вокруг села с широкой песней, шествия, в котором не было ли чего общего с древне-языческими солнечными шествиями, нашедшими себе такое прекрасное отображение в операх Римского-Корсакова!

Это нужно было видеть собственными глазами и слышать своими ушами хотя бы в некотором подобии.

Всего этого я не мог получить и зафиксировать в записях в течение 4—5 дней, проведенных среди некрасовцев. Однако и то, что удалось занести в текстовые и нотные записи, не может не представить глубокого интереса и значительной научной ценности. Прежде всего, записанные с напевами и непосредственно с напевов, эквиритмически выверенные тексты некрасовских песен представлены в моих записях сохранившими во всей чистоте и неприкосновенности народное стихосложение и являются подлинно народными, как сохранившие вместе с тем и лексику старинной донской казачьей речи и ее фонетику.

Однако, в области фонетики избегая фиксировать сплошь, как это уже вошло в некоторую традицию местных диалектологов, свистящее «ц» как «с» и шипящее «ч» как «шш» или как «щ» в словах, например, «мо́лодиц», «атец», «щистай» или «шшистай», и, таким образом, не считая возможным замеченное лишь у некоторых некрасовцев подобное произношение возводить в норму, как общее для них всех явление, я фиксирую его в своих записях только там, где я сам слышал его, тем более что подобные случаи смягчения согласных не представляют чего-либо нового и необычного и для донских говоров. И здесь мы встречаем и «святы́ святуть» (даже «тьвяты́ тьвятуть») вместо «цветы цветут» и «свято́щик» («цвето́чик») почти как «свято́чик», равно как от некрасовцев же я слышал и «никра́савис» («некрасовец»), и «месиц», и «ща́стушки» («ча́стушки»), и «чуда» (чудо), но не «щуда», т. е. и «ц» и «с», и «ч» и «щ».

В лексике некрасовской речи интересны своеобразные словообразования, не встречающиеся у донских казаков, как: «се́рдовых» (лиц средних лет), «сла́зивали», «вла́зивали», «сиротинава» (от слова «сирота»),

«удавйнава» («вдова»), «тиханский» и «тиханушки» (с... и др.

Хотя и в редких случаях, попадаются славянизмы, оставшиеся от допетровских времен: «велия чуда» (великое чудо), «паслы послал» (вин. пад. мн. ч. «послов»), а также заимствования от турок, каковых за 200 лет можно было бы ожидать гораздо больше того, что попало в наши записи.

II

Всего от некрасовцев записано мною 38 песен: 32 в двух смежных некрасовских станицах, упомянутых выше, и шесть в Ахтарях от переселенцев из Ново-Некрасовского хутора.

В числе записанных: 22 бытовых — любовных и семейных (из них 13 «карагодных», гулебных и плясовых), три исторических, 11 песен военного быта и строевых, одна былинная и 2 свадебные [1].

Единственная попавшая в мои записи былина «Ой, у молодца голова болит» («Садко на море» [2]) не может, как мне думается, служить показателем действительного количества циркулирующих среди некрасовцев образцов былинного эпоса. Так же, как и на Дону, былина в репертуаре песенника-некрасовца не занимает какого-либо особого места, как на севере, на побережье Белого моря и в Заонежье, где былине ста́рине вместе со «сказителем», ее носителем, по создавшейся с половины прошлого столетия традиции, отводится наиболее почетное место.

Для песенника-некрасовца былина [3] является просто старинной песней и, наряду с любой протяжной бытовой или исторической песней, исполняется в обычном п е с е н н о м стиле, отличаясь в этом отношении от северных былин речитативного или полуречитативного склада.

Мне кажется, былин у некрасовских казаков должно быть, конечно, больше, и при более углубленных розысках мы встретили бы среди былинных героев и любимого на Дону Добрыню Никитича, именуемого часто Дончаком, и старого казака Илью Муромца, и Алешу Поповича. Однако по приведенной в песенных текстах наличной единственной записи нельзя не признать, что былинный эпос у некрасовцев, может быть, в наиболее сильной степени претерпел на чужбине, в долговременном отрыве от русской почвы, влияние и времени и жизненных условий.

Записанная нами былина о Садко представляет собою не самостоятельное произведение об этом герое, а трехстепенную контаминацию с зачином донской былины о Турах Златорогих и с донской былинной песней о Севрюке, как именуется на Дону известный по русской былине Кастрюк-Мастрюк, почему-то превратившийся у некрасовцев в Бориса.

Былина эта, как и прочие некрасовские песни, мелодийна и многоголосна, и своим многоголосием противопоставляется одноголосным (по записям) северным былинам, являясь наилучшим доказательством правильности моего убеждения в односторонности известных нам северных записей. Проведенные на севере записи обходят напевную сторону не потому, что она отсутствовала или отсутствует у северного эпоса, а потому, что по той же традиции повелось заносить в записи один текст, оставляя в стороне напев, с которым и первые и последующие собира-

---

[1] Полный список этих песен с их наименованиями и нумерацией мы даем в приложении к статье. Список составлен самим А. М. Листопадовым. В списке нами указано, в каком томе «Песен донских казаков» и под каким номером печатается каждая песня.—*Ред.*

[2] См. «Песни донских казаков», т. I, ч. 1, № 41, стр. 166—167, Музгиз, 1949.

[3] Слово это неизвестно ни у некрасовцев, ни у донцов, ни даже на севере, среди сказителей, не имевших дела с собирателями-филологами.

тели-филологи технически были не в состоянии справиться. В итоге в большинстве местностей осталась незафиксированной подлинная напевная часть северной былины и в ее песенно-многоголосной сущности и в традиции ее одиночного исполнения [1].

Помимо былинного раздела, бедного количественно, но в своем единственном образце богатого своеобразной ритмикой, ритмическим строем, останавливает на себе внимание раздел исторический. Состоит он в основном из песен, повествующих о самом Некрасове, как главе и

А. М. Листопадов (1948 г.)

предводителе «сорокатысячной», по песням и сказаниям, массы казаков «се́рдовых»,— по выражению некрасовки-песенницы Зайцевой А. Л., 75-летней старухи,— «таких, что только на коня садись», не пожелавших выносить гнета и преследований. Песни эти являются подлинным творчеством самих некрасовцев, как появившиеся уже на чужбине (№№ 2, 3, 4).

Иное представляют собою остальные песни некрасовского репертуара. Они или принесены с Дона (№№ 1, 6, 10, 18, 24 и т. д.), а следовательно, являются наиболее древними, насчитывая не менее 3—4 столетий, или какими-то путями проникли к некрасовцам в Майнос впоследствии, возможно, через соседей ново-покровцев. Последние переселились в Турцию из румынской Добруджи уже во второй половине XIX века и осели в селении Хамидиэ, в 25 километрах от некрасовцев-майносцев (№ 5 — любимая на Дону «За Кубанью за рекой», № 7 — о полке Денисова, № 12 — о Румянцеве, №№ 13, 14, 15 и др.).

Для меня, в течение долгих лет бывшего в непосредственном соприкосновении с донским казачеством, кровно связанного с ним, насколько интересным в высокой степени и неожиданным было услышать от ново-некрасовцев и ахтарцев подлинный донской казачий

[1] Свою концепцию о противоположности конструкции северно-русской былины и южной донской казачьей я излагаю в особом исследовании «О складе былин северных и донских» в I томе моего труда «Песни донских казаков».

говор, настолько же — донские старинные песни, известные мне по собственным записям на Дону, а следовательно, бывшие еще в ходу среди донских казаков в конце прошлого и начале нынешнего столетий, когда я производил записи.

Из 38 записанных мною песен — 26, т. е. значительно больше половины, я нахожу в своих донских записях в более или менее близких вариантах. В 12-ти из них отмечается сходство и в текстах и в напевах, иногда очень близкое. Для примера укажу: № 5 «Умирающий посылает коня на Тихий Дон», № 6 «Тело белое на дикóй степи»,— замечательные образцы военно-бытового цикла, № 33 «Ой, хмель» [1], № 18 «Веселая беседушка», № 10 «Не шуми, мати дубравушка»—старинная разбойничья, и другие.

Там, где отошла мелодика напева, сохранилось сходство в ритмическом строе, например, в песне о Румянцеве № 12 «С вечеру́ то́ргу торговали», № 15 «Тридцать третьего кордону» и др. Во многих видим сходство текстов при различии в напевах, как в упомянутой выше былине о Садко с очень интересным зачином в тексте, близким к зачину донской эпической песни о «Турах златорогих», записанной мною в 1904 году в станице Филипповской.

В противоположность последним, в некоторых из песен, как, например, в военно-бытовой эпического склада о мóлодце, «играющем» у стола песенки (№ 9), и в других, констатируется мелодико-ритмическая близость при различии сюжетов. Вообще же, в текстах донских и некрасовских вариантов сохранилось больше сходства, нежели в напевах. И это понятно: звуковая память менее прочна и менее долговременна, чем память предметная, сюжетная, ибо напев, не закрепленный на бумаге или другом материале и передаваясь только со слуха, подвержен бóльшим, нежели текст, вариационным изменениям, чаще всего превращаясь в новый напев на тот же текст или на его вариант. Такова большая часть некрасовских «карагодных», например, № 34 «Пойду, млада, я во зéлен сад гулять», очень близкая по содержанию к донской «Кабы в мене, у молодца, чернобровая жена», или № 29 «Сударушка ты моя», контаминированная из двух донских (Красно-Донецкой станицы на Донце) — «Ты, московочка моя, чернобровочка моя» и «Я по досточке шла», записанных в 1897 году, и др., или, наконец, начало песни об Игнате Некрасове № 3 «Ей, во издóлека», семь первых двустиший которой так обычны для начала донских былин об Илье Муромце.

Некрасовские тексто-напевные записи, сделанные мною, представляют ценнейший материал для сравнительного изучения донской казачьей песни конца предшествующего и начала нынешнего столетий и для ориентировочного установления времени создания наиболее древних из казачьих песен, а также для уяснения вопросов эволюции в области некрасовского песенного фольклора и языка.

Принесенный некрасовцами язык это не тот язык, который они унесли с собой два с лишним века назад, это не язык рубежа XVII и XVIII столетий, когда еще в разговорной русской речи слышались старославянские языковые формы, а — к нашему удивлению — язык современных донских казаков. Язык казаков-некрасовцев не «заморозился», как этого можно было ожидать в условиях отрыва от русского языкового материка, не застыл неподвижно на допетровском уровне и не остановился в своем развитии, а эволюционировал, но эволюционировал в одном направлении с языком казаков, оставшихся на Дону, несмотря на полное отсутствие связи с последним,— и с одинаковой интенсивностью, судя

---

[1] Среди песен к №№ 5, 6 и 33 я помещаю донские варианты в качестве образцов сходства в текстах и напевах. [См. примечание редакции на стр. 28. — *Ред.*]

по итогам, иначе в итогах этих замечалось бы больше языковых расхождений. Вот почему в языке некрасовцев мы без труда узнаем родную речь донских казаков наших дней.

Преувеличением поэтому является утверждение, что речь некрасовцев «сохранила во многом черты древнерусского языка XVI—XVII веков»[1]. Найденные в записях два-три слова (указаны выше) слишком недостаточны для того, чтобы почитаться за «многое»; к тому же старая форма одного из приведенных слов (в стихе — «Ой, за батюшкой послы послал»—вин. пад. мн. ч.) еще не забыта и на Дону. В свадебной песне старую форму им.— вин, падежа находим в стихе — «Посажу я свякры-матушку», или в вешней Сергиевской ст.— «Я пойду, спрошусь свякры матушку: Свякры-матушка, отпусти играть! Хотя я пущу, свякры не пустит!» (т. IV, 61); Зотовской — «Ня быть свякры милей матушки», (т. IV, 6); Луковской — «За тучаю свякры йдет, свякры идет сы журбою» (т. IV, 41)[2].

В области напевной для сравнительного изучения мы не имеем записей напевов допетровских времен, но наличие некрасовских записей, сделанных мною, уже дает основание для заключения, что и эволюция напевных форм и звукорядов шла у некрасовцев тем же путем, что на Дону, без каких бы то ни было следов турецкого или иного влияния. Свойственный значительной части[3] донских напевов пятиступенный звукоряд, отсутствующий у турок, так называемая пентатоника, характеризуемая пропуском полутонов[4],— имеет место также в некрасовских, правда, в меньшей степени, но при общих для тех и других картине и порядке постепенного заполнения характерных для этого звукоряда полуторатоновых скачков.

Отмеченное выше в отношении некрасовской былины многоголосие свойственно вообще всем некрасовским песням. Одноголосную же форму, как и в русских песнях, приобретает оно лишь в тех случаях, когда песня исполняется одним лицом, при отсутствии партнеров, или когда последние слабы как исполнители или же неопытны и, плохо зная песню, просто тянутся за запевалой. Некрасовская полифония, будучи традиционной для русской песни всех местностей, населенных русскими, и сохранившись у казаков-некрасовцев на чужбине, среди восточного одноголосия[5] в течение почти двух с половиной веков,— не должна оставить места для неправильного представления о русской народной песне, как песне одноголосной, живущего еще кое-где среди русских фольклористов. Песни некрасовцев, пройдя через народы и века, удержали самый стиль своеобразной народно-русской полифонии, представляющей собою свободное движение различных голосов, не связанных требованиями узаконенной музыкальной теории (гармонии, контрапункта), и лежащей в основе песен донских казаков.

Вместе с тем нельзя не отметить и иного явления. Некрасовцы, вместе с характерной формой многоголосной донской исполнительской традиции, принесли обратно и донскую мелодику, однако утратившую в некоторой степени донскую подвижность. Эта меньшая мелодическая подвижность и сравнительно меньшая развитость, как нам кажется, естественны и могут быть результатом чуждого окружения: локальная ограниченность пределами берега озера Майнос, где жили в Турции казаки-некрасовцы, национальная обособленность, настороженность и за-

---

[1] Корреспонденция из Краснодара. «Правда», 1940, 15 октября.
[2] Записано мною на Дону в 1903 году.
[3] Свыше половины.
[4] То же — «ангемитонная пентатоника» (бесполутоновая), в полном ее виде (без обоих полутонов) или в неполном.
[5] Или «унисонного» многоголосия, что в итоге одно и то же.

мкнутость, культивированные житейской необходимостью в течение долгого времени, не могли не наложить отпечатка сдержанности и на песенную мелодию и на исполнительскую манеру.

Впрочем, на отмечаемых мною явлениях, как будто говорящих о некоторого рода деградации, я совсем не намерен настаивать. Необходима основательная проверка. Необходим не налет, каковых на некрасовские хутора за последние годы было совершено достаточно,—и без пользы делу, если не во вред,— а серьезное и со знанием дела обследование, с упором не на количество, а на качество. Я имею основание говорить так, потому что имел в руках плоды подобного рода поверхностных налетов, преследующих не интересы своеобразной группы народа, требующей к себе исключительно бережного внимания, а какие-нибудь интересы иного порядка.

Было бы поэтому желательным и исключительно полезным для дела, чтобы учреждения, ведающие фольклорное дело, к отбору лиц, которым поручается запись произведений народного творчества, относились с большею строгостью и тщательностью, требуя от последних не одного только желания и «смертной охоты», а прежде всего и больше всего подлинного знания, уменья и любви к делу. В первую же очередь нужно, чтобы сами лица, стоящие во главе указанных учреждений, отдавали себе отчет в значении фольклора и в значении правильно сделанной фольклорной записи, сами обладая знаниями, которые позволяли бы свободно ориентироваться в этой области,—и несли за это ответственность.

Пора дело собирания и изучения фольклора поставить на действительно научную почву.

В заключение — несколько пояснительных замечаний к помещенным здесь напевам и текстам некрасовских песен [1]:

1. Заголовки и подзаголовки даны в литературной транскрипции.

2. Двойной скрипичный ключ — для мужских голосов, означающий звучание октавой ниже.

3. Короткие вертикальные черточки над нотным станом разделяют стихи, облегчая подтекстовку.

4. Напевы изложены для разных исполнительских групп, в зависимости от состава исполнителей, от которых песня записана. Само собою разумеется, это не значит, что та же песня не может быть исполнена другим, любым составом.

5. Записи словесных текстов для моих напевных записей были сделаны в процессе песенного исполнения К. И. Гастевым и Н. И. Листопадовой.

Приложение

«ПЕСНИ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ»

ТЕМАТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Составлено А. М. Листопадовым

I. БЫЛИННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

	№ тома	№ песни
1. Ой, у молодца голова болит. Садко. Былинная песня о Садко.	I	41

[1] Статья «Песни казаков-некрасовцев» была первоначально написана А. М. Листопадовым в качестве введения к подготовленному им для печати специальному сборнику под тем же названием. В сборник были включены все 38 песен, записанных у некрасовцев, с их мелодией и словесными текстами.—*Ред.*

2. Ей, запоем мы, ребятушки. На синём море невзгодушка,	I	87
3. Ай, во издо́лека, во чисто́м поле. Игнат Некрасовец.	I	117
4. На заре то было да на зорюшке Некрасовцы собираются на Кубань-реку.	I	118

II. ВОЕННО-БЫТОВЫЕ

5. За Кубанью за рекой. Умирающий казак посылает коня.	II	115
6. Голова ли моя, ай, ты, головушка. На дико́й степи «тело белое».	II	149
7. Ой да, под стеной, стеной белокаменной. Полк Денисов не весёл стоит.	II	89
8. Не белы́ то ли снеги во чисто́м поле. Дружок милый во полку казацком.	II	26
9. Ай, да во Конском было славном городе. Младец у стола песни играет.	III	121
10. Не шуми же ты, мать-дубровушка. Молодец ответ держит.	III	199
11. Ой, при торгу то было, при базару. Гусе́лев сын манит девочку.	III	201
12. С вечеру́ то́ргу торговали, Полоненная красная девочка.	I	153
13. В семьдесят седьмом году. Мы на Тихий Дон пойдем!	II	74а
14. Объявил турка войну. Турок пир готовил.	II	75
15. Тридцать третьего кордону Схватка у турецкого пикета.	II	70

III. БЫТОВЫЕ ДОЛГИЕ (протяжные)

16. Сады мои, садочики. Проторил милый дорожку	III	39
17. Можно, можно сдогадаться. Милый «верно любит».	III	153
18. Веселая да беседушка. Вар. Ново-Покровский Младёшенька замечталась.	III	126
19. Да веселая беседушка. Вар. Приморско-Ахтарский. Вы, кумушки-голубушки, кумитеся да любитеся.	III	125
20. По Дунаю-Дунаёчку. Не пойду за старого, за седую бороду.	III	111
21. Ой да, я у батюшки свово. Дунюшка не верит дружку.	III	147

22. Ай, вы подите в посиделочки ко мне. III 146
Ревнивый муж дурак.
23. В саду ягода малина. III 90
Ваня ключник.

IVа. БЫТОВЫЕ ЧАСТЫЕ (скорые)

ХОРОВОДНЫЕ, ГУЛЕБНО-ПЛЯСОВЫЕ («сердцебитные»)

24. Ай, по̀ полю, полю чистому, IV 241
Сокол и лебеди белые.
25. Ой, ты, девица душа! IV 238
Моя маменька журит, бранит.
26. Ходнла я, девочка, по лесочку. IV 242
Сын казачий и девочка.
27. Соловей мой, соловей. IV 245
Болит моё сердечко.
28. Вечо́р я был у тебе. IV 136
Удалые молодцы майновски ребяты.
29. Сударушка ты моя. IV 137
Хорошо с милым водиться.
30. Уж я трубочку трубила. IV 134
Быть тебе, девочка, за мною.
31. Поел козел лук-чеснок. IV 243
Козел набедокурил.
32. У мово было́ милова. IV 135
Три садика зелено́ва.
33. Ой, ты, хмель, мой хмелёк. IV 133
Молоди́чка приманивает.

IVб. ПЕСНИ КРЫЛОВОЖДЕНИЯ

ВЕШНИЕ

34. Пойду, млада, я во зѐлен сад гулять. IV 239
Пистолет мило́му подарю.
35. Как повадилась Дарю̀ша. IV 240
Подломился каблучёк — я упала на бочёк.
36. Брала девка лён, лён. IV 244
Стоял девок карагод, молодушек табунок.

V. СВАДЕБНЫЕ

37. Отдает меня сударь батюшка. V 206
Невесту готовят к венцу.
38. Братец татарин, сестру протатарил. V 217
«Дайте бобра,— у нас девка добра́».

ЗАМЕЧАНИЯ СОБИРАТЕЛЯ

§ 1. Двойной скрипичный ключ, транспонирующий на октаву ниже, принят в целях большего удобства размещения на нотоносце теноровых высоких, особенно подголосочных [1], нот, при басовом ключе требующих нескольких добавочных линий, а также для большей наглядности, избавляющей от необходимости при одном скрипичном ключе гадать— должен ли исполнять партию женский голос или мужской.

§ 2. Всякая протяжная донская песня начинается запевом, который исполняется одним запевалой. Некоторые песни имеют два запева: 1-й —для первого стиха, строфы или куплета, и 2-й—для последующих. В этом случае слова «Запев 1-й» и «Все» мы заключаем в прямые скобки, а общее вступление голосов после 2-го запева обозначаем словом «Все» без скобок.

§ 3. Место вступления «всех» после запева указывается в каждой песне. Однако в народном исполнении «все» не всегда и не обязательно вступают одновременно. Обычно момент вступления «всех» растягивается на такт, на два и больше.

§ 4. Терминов «хор», «хоровое исполнение» мы намеренно избегаем, как не выражающих того, что в действительности есть или бывало в момент записи, ибо три-четыре человека хора не составляют, группа же песенников в 3-4-5 голосов уже дает многоголосие и в такие моменты бывала обычной.

§ 5. Фермат среди песни в исполнении казаков-песенников почти не бывает, как не допускается затягиваний без нужды, нарушающих ритм песни; употребляется фермата только на заключительной ноте. Во избежание излишней пестроты знаков при двухстрочной подтекстовке нашего изложения (см. ниже § 8) и при узости расстояния между нотоносцами, финальную фермату в многоголосном изложении мы иногда ставим не у всех голосов.

§ 6. Мелкие ноты в напеве означают варианты [2].

---

[1] Казачий подголосок — самый высокий в группе песенников, свободно лью-щийся голос.

[2] Для ясности эти ноты приходится снабжать штилями противоположного (основному) направления, что не должно давать повод читателю предполагать в данном месте двухголосие. — *Прим. редактора.*

§ 7. Интонационный сдвиг менее полутона вверх или вниз обозначается или в сноске словами или знаками: + (плюс) для повышения,— (минус) для понижения.

§ 8. Ввиду трудности подведения текста под напев в казачьих песнях, особенно—протяжных, мы всюду в подтекстовке даем две строки (строфы), по образцу которых следует производить дальнейшую подтекстовку. Для той же цели служат вертикальные короткие жирные черточки над нотоносцами, отделяющие стихи один от другого. Две черточки разделяют строфы (куплеты). Песни скорые подтекстовываются легче протяжных большой формы (I, II, III тт.), однако я всюду в подтекстовках даю две строки.

§ 9. Казачье напевное исполнение не знает деления на голосовые партии: известное количество певцов, случайный состав голосов в итоге дают многоголосное изложение, позволяющее без композиторской обработки исполнять песни тем или другим ансамблем. Укладываем же мы в ноты в соответствии с той группой песенников, от которой песня была записана, фиксируя на бумаге каждую заметную голосовую линию, сохраняя основные линии народного голосоведения, с тем чтобы стала понятной и ясной многоголосная структура песни. В итоге получается тот или другой ансамбль, в одних случаях сходный по наличию партий с общепринятыми четырехголосными: С—А—Т—Б [1], Т—Т—Б—Б, трехголосными: С—С—А, Т—Т—Б, в других—не совсем обычный, как: С—С—Т, С—Т—Бр или Мс—Т—Т и проч.

Об исчерпывающем соответствии здесь говорить, конечно, не приходится,—соответствие это относительное. У нас, например, в сборнике какая-нибудь песня уложена в ноты для трех мужских голосов. В организованном хоре это обычно тенор I, тенор II и бас или баритон. В действительности же, в момент записи перед вами сидит несколько стариков с такими голосами, которые почти не поддаются определению ни в отношении характера, ни в отношении диапазона, не говоря уже о качестве звукового материала. Все это—голоса в прошлом, с грузом до 6—7 десятков лет каждый. Среди них не слышится, конечно, ни настоящего баса, ни баритона, ведут же один из них линию нижних голосов, другие подголашивают («дишкантят»). В таком «хоре» нет ни дирижера, ни солистов,—есть запевала, ведущий данную песню; другую поведёт другой. Есть «подголосник»—самый высокий голос, доминирующий над всеми, которого нет в профессиональном хоре, причем является тем или другим не лучший по качеству голос, а тот, который лучше знает песню, или тот, у которого для высокого подголоска, по образному выражению одного из песенников, еще «звенит душа», у которого еще «позволительный струмент». В конце сборника, в числе приложенных к нему указателей, помещен также указатель исполнительских ансамблей, который показывает, что народно-песенное исполнительство идет собственными путями, не склонное подчиняться академическим указкам.

В дополнение к сказанному не можем не отметить следующего обстоятельства. Некоторые песни сборника изложены нами трехголосно, иные четырехголосно,—по существу же это песни двухголосные, но с голосовыми наслоениями, расширяющими двухголосие. Однако укладываем мы их не в один нотный стан, который иногда без особых затруднений охватил бы все зафиксированные записью звуки, но в два, чтобы сохранить мелодический рисунок голосоведения каждой из голосовых линий, которую можно было проследить.

---

[1] С — сопрано, Мс — меццо-сопрано, А — альт, Т — тенор, Бр — баритон, Б — бас.

Каждая из песен нашего собрания дана для ансамбля того или другого состава от двух до шести голосов. Но это не значит, что песня, уложенная, скажем, в три голоса, не могла бы быть исполнена иным составом. Любая из казачьих песен, будучи многоголосной, может быть при отсутствии партнеров спета даже одним голосом, как это нередко практикуется—не к пользе песни.

Хороводно-плясовые и гулебно-компаньичные песни IV тома уложены по преимуществу в четырехголосные смешанные или трехголосные женские или мужские составы, однако в этих составах, как это и было в простонародном казачьем исполнении, преобладают, особенно по нижнему Донцу и по Дону, высокие голоса.

§ 10. Что касается систематизации песен IV т., то в отличие от всех остальных томов, где песни систематизируются по содержанию (по сюжетам), песни настоящего тома ввиду контаминационности (многосюжетности, разносюжетности) некоторой их части (скорых бытовых песен), что лишает возможности иногда не только озаглавить, но даже установить их определенное заглавие,—классифицируются по принципу локальности, а именно в порядке следования станиц по рекам: Дон, начиная с юга, Донец, Хопер с Бузулуком, Медведица и опять Дон; к югу до крайней точки на Кубани (берег Азовского моря) у казаков-некрасовцев.

§ 11. Вешние песни подводить под скорые вообще нельзя: во-первых, по форме, по темпам они далеко не все скорые; во-вторых, и по содержанию они особые. В отличие от скорых, вешние большей частью имеют запев; этот начальный запев бывает одноголосным, иногда же—в редких случаях—ведут его два голоса. Все же, если протяжные вешние и идут с запевами, то запев этот очень краткий и менее развит, чем он отличается от запевов в протяжных исторических песнях и иных аналогичных по форме. В отношении длины запева они приравниваются к свадебным протяжным (посиделочным). В отличие же от скорых, вешние большею частью идут со сводом.

Для казачьего подголоска (самый высокий голос) требуется более или менее широкое развитие многоголосного напева, какой мы и имеем среди донских казачьих песен, большею частью обычно в протяжных песнях (I, II, III тт.).

Более короткие хороводные скорые, а также вешние лишь в редких случаях имеют развитый подголосок. Чаще встречаются лишь подголóсочные фрагменты (короткие), как в вешней Березовской ст. (IV том, № 215—«Ой, горела травка»). Подголосок более свойственен мужским по жанру песням, где участвуют высокие тенора.

§ 12. Вешние песни по содержанию, естественно, не являются историческими и эпическими. Они не говорят прямо о каких-либо исторических событиях или лицах, но некоторые из них заключают в своем (текстовом) словесном материале какие-то иногда весьма глухие, отдаленные элементы истории, некоторый инвентарь давно прошедшего быта, старого эпоса, иногда исторические имена и названия, данные вне определенной кокретной исторической обстановки. В соединении с напевом, своеобразным, не похожим в своей ритмической и даже мелодической части на обычные протяжные исторические и военно-бытовые песни донских казаков, но не похожим также и на скорые гулебно-плясовые песни, это создает некоторую особую группу бытовых вешних (веснянок) песен на какой-то неясной эпическо-исторической основе. В одной мы находим «струги, подошедшие к нашим воротам»—№ 205; в другой—«девочка поборола молодца»—№№ 152, 232; вот «Вдарили колоколы», возвещающие поход царя на войну и рождение сына—№ 167; вот Борис (?) ходит по карагоду, ищет себе невесту—№ 173;

вот из истории борьбы Москвы с Литвой «Стой Литва—Москва пришла»—№ 143.

Кажется, что вешние песни (веснянки), утеряв от времени конкретный эпическо-исторический фон, сохранили в некоторой части какие-то исторические имена и названия, которые народная фантазия облекла в близкий и понятный песеннику бытовой наряд. Эти отголоски сохраняются не столько, кажется, в игровых, сколько в ходовых и сидячих песнях эпического характера, величаво-торжественных по напеву. Подобного рода отголосков старины мы не находим в песнях других, даже смежных жанров.

В некоторых случаях сохранившиеся в песне названия местностей указывают на то, что песня когда-то говорила подробно и определенно о каком-нибудь событии.

Вешние песни приурочены к весне и содержанием своим указывают на весенний расцвет природы. Трехдольный размер, пожалуй, наиболее употребителен в них, чем они прежде всего отличаются от всех других казачьих песен как протяжных, так и скорых, в которых трехдольный размер является исключением. Эти же (трехдольные) вешние отличаются и более медленным темпом. К ним примыкают и одинаковые по форме (связанные восьмые под лигами) и темпам вешние двухдольные (4/4 4/4). Вешние же хороводно-плясовые и хороводно-танковые идут в 2/4. Одни из вешних имеют типичные весенние припевы—«Лельки», «Люлейки»; другие—без таких припевов, с повторением последующих стихов.

§ 13. Большая часть из записанных нами веснянок принадлежит к разряду тех, которые не сопровождаются какой-либо игрой, как «игровые» весенние, и все действие в них заключается в том, что участвующие «водят карагоды», берут друг друга за руки, составляют круг и ходят сначала в одну сторону, потом обратно, не придерживаясь строго линии круга, или же парень с девушкой друг друга «берут под руки» и пара за парой ходят по кругу; наконец, просто ходят только кругом и поют.

Следует заметить, что часть этих песен имела чисто лирический характер и, несомненно, даже в старину не сопровождались игрой. Веснянки донские, как и вешние песни донских украинцев,—просто песни о любви, о взаимоотношениях молодежи обоего пола. С наступлением весенних теплых дней, как только зазеленеет травка на пригорках, молодежь—девчата, ребята и молодые бабы—начинают «водить хоровод», «в карагоды», «в лельки играть». Далеко разливающиеся звуки хороводных песен вызывают на улицу запоздавших подружек. Спешат на песню и женатые казаки. Тащатся с костылями в руках старухи и старики, чтобы поглазеть на веселящуюся молодежь, а те, что пободрей и поздоровей, и сами присоединяются к «карагоду». Старики-песенники, «игравшие» нам веснянки, рассказывали, что еще лет 15—20 до времени записи участие стариков в «карагодах» было обычным и не вызывало ни насмешек, ни нареканий.

Весенние карагоды прекращались на «Русальское заговенье», т. е. через неделю после праздника троицы

§ 14. Ходовыми-вешними песни называются потому, что «играются» находу, когда карагод движется «стеной» по улице, а перед ним, лицом к нему, следуют одна-две девицы.

§ 15. Термин «частые» тома IV нельзя понимать здесь в смысле частушек, подобно русским или украинским частушкам; донское казачество частушек раньше не знало: ни в одном из сборников песен донских казаков их нет, нет даже упоминаний об их существовании когда-ни-

будь. Появились частушки среди казаков лишь после первой мировой войны.

У казаков Дона в разных местах песням скорым-«частым», в отличие от песен протяжных, давались разные названия, отображающие их форму и характер: пересыпка, пересыпуха, трындычка, мелкая, плясшишная (плясовая), ветреная, веселая, наконец—кампаньишная, гулевая, сердцебитная (у некрасовцев) и подобные. Это, собственно, даже не названия определенного жанра, а эпитеты, данные тем или другим песенником и группой песенников и совсем не обязательные для других; эпитеты, указывающие лишь на моторно-плясовой, оживленный характер, стиль этих песен, характеризуемый чаще всего дробными ритмами и более скорыми темпами. Исполнялись эти скорые песни в семейных, компанейских гуляньях, когда становится веселей или когда хочется сделать весело; более или менее регулярно исполнялись на «улицах», где казачья молодежь веселилась и плясала, отчего и песни эти являлись, коротко говоря, песнями веселья и пляски. В них принимали участие как девушки-казачки, так и молодайки, с пением хороводных песен они водили «карагоды».

В песнях не делали строгого разбора: наряду с девичьими (для примера—«Ай, молодость, молодость, девичья красота») пелись и бабьи песни — «кампаньишные», «гулебные» («Я ли молода игреливая была» и др.). А так как в карагод втягивались и молодые казаки—парни-малолетки, а нередко и отслужившие «первую очередь» (термин), то исполняли и песни полковые, плясовые («Трава моя, травушка», «Панянка» и др.), под которые отплясывали одиночки-плясуны.

Иные скорые, как «Ой, хмель» и другие мужские, в отличие от женских («бабьих»), «игрались» в коном строю находу, с бубнами, бунчиками, ложками, треугольниками, с присвистом.

Песня скорая сменялась протяжной, вернее, делалось наоборот, так как начинали песни всегда с протяжной, какой-нибудь стародавней, застольной.

§ 16. Если протяжные донские казачьи песни—былинные, исторические, военно-исторические, военно-бытовые и бытовые—все без исключения, в каждой новой строфе, определяемой напевом, начинаются с запева, исполняемого одним голосом, то в песнях скорых-«частых» — хороводных, гулебно-компаньишных, плясовых всякого рода, в скорых вешних и свадебных—запева не существует. Исполняются они без запевов и без «свода», т. е. без сведения к окончанию строфы или стиха. Однако начинает песню, большею частью, один из песенников, а затем к нему присоединяются остальные и ведут, пока песня не кончится.

§ 17. Руководящим принципом нашей транскрипции народного казачьего словесного текста является, прежде всего, бережное к нему отношение. Поэтому в своем письменном воспроизведении мы всюду сохраняем в неприкосновенности все особенности казачьей речи, относящиеся к морфологии и синтаксису, к лексике и фразеологии. Не допуская олитературивания ее, мы сохраняем характерные для казачьего исполнительства повторы слов, стихов и строф, словообрывы, употребление междометий «ой», «ай», «ей», «ой да», «ай да», без которых не обходится, можно сказать, ни одна «долгая» (протяжная) казачья песня, сохраняем и внесмысловые вставки—«вот бы», «али», «то-то», «скажем», «гвари» (говори) и проч., наконец, «наигрышные» гласные, которыми нередко начинается запев.

В области фонетики мы не считаем нужным фиксировать такие общие для донских диалектов фонетические признаки, как «йканье» и

умеренное «аканье»—переход неударных «е» в «и» и «о» в «а», а также обычное в подавляющем большинстве донских говоров мягкое «т» в 3-м лице ед. и множ. числа глаголов настоящего и будущего времени («сидять, идёть, убягуть» и под.). Что касается «яканья», то переход предударного «е» в «я», а после шипящих также в «а» мы всюду подчеркиваем, как не общедонской: «ня буду», «ня хочешь», «лябёдушка», «жана» и под. Отмечаем и некоторые другие особенности речи донских казаков; особые случаи смягчения согласных—«канарейкя, маменькя, сверьхю» и др., специфичные грамматические формы «жану молоду́я», «кы разлучницы», «до хати» и нек. др. Встречающиеся в казачьих песнях колебания в произношении даже в пределах одной и той же песни представляют собою обычное явление и объясняются: одни—условиями разновременного в течение веков заселения Дона выходцами из разных местностей Руси, другие—влияниями, с одной стороны, городов и больших окружных станиц, с другой—поголовной в недавнем прошлом военной службой казаков в местах расквартирования казачьих частей и полков, откуда они и приносили вместе с новыми песнями и новые обороты речи, вносящие колебания в местный казачий говор.

Ударения отмечаем лишь в случае их необычности, отличия от обычных норм литературного произношения.

§ 18. Заголовки к песням даются по первому стиху словесного текста. Однако приводятся они в литературной транскрипции и без наигрышной гласной, равно как и их подзаголовки, выводящиеся из содержания песни.

§ 19. Под каждым текстом, вслед за названием пункта записи, стоит дата записи, в некоторых случаях две-три даты: первая из них показывает первоначальный год записи, следующие—повторные прослушания, проверки, нередко перезаписи (вторичные записи) той же песни в том же пункте и часто от тех же песенников.

ДОПОЛНЕНИЯ РЕДАКТОРА К «ЗАМЕЧАНИЯМ СОБИРАТЕЛЯ»

Готовя к печати IV том «Песен донских казаков» А. М. Листопадова, редакция считала необходимым максимально бережно отнестись как к записям напевов, так и к записям песенных текстов выдающегося знатока донской казачьей песни. Поэтому, в отличие от III тома, в котором были допущены некоторые изменения авторского текста, оговоренные редактором на стр. 33—35 III тома, в IV томе напевная часть публикуется без каких бы то ни было исправлений точно в записи А. М. Листопадова. Лишь незначительные изменения внесены в принятую собирателем транскрипцию словесных текстов.

Особенности произношения, общие для донских говоров и русской литературной речи, как правило, передавались А. М. Листопадовым согласно общепринятой орфографии. Но иногда он отступал от этого и давал чисто фонетические записи типа — с т а в о, м и л а в а; е ж ж ю; л ю б ю т, с х о д ю т ц а; ш т о, п о ш т о и др.

Устанавливая определенную систему транскрибирования песенных текстов, редакция во всех подобных случаях придерживалась обычных орфографических норм. Поэтому, как и в предыдущих томах,—

1. Окончания род. и вин. падежей ед. ч. мужск. и средн. родов прилагательных, местоимений и причастий переданы в формах типа—к р а с н о г о, с т а р о г о, с и н е г о, к о г о, ч е г о, т о г о, з о л о ч е н о г о и под. Исключением здесь является форма я в о (его) в «якающем» говоре; ее мы считаем необходимым передавать полностью в диалектном фонетическом облике (я в о, а не я г о).

2. В третьем лице ед. и мн. чисел глаголов наст. и буд. времени, а также в неопределенном наклонении возвратных глаголов выдержана, обычная орфография окончаний (и д ё т, б я г у т, с х о д я т с я, п о м и р и́ т ь с я, н е г о д и т ь с я вместо и д ё т ь, б я г у т ь, с х о д ю ц ц а, п о м и р и́ т ц а или п о м и р и ц ц а, н е г о д и т ц а или н е г о д и ц ц а).

3. Диалектное произношение ж ж в словах типа—у е ж ж а ю, е ж ж у (е ж ж ю) всюду передано через орфографически принятое з ж (у е з ж а ю, е з ж у).

4. Взамен ш т о, ш т о б ы, п о ш т о везде дано: ч т о, ч т о б ы, п о ч т о.

Фонетические черты, специфичные для донских казачьих говоров и отсутствующие в литературной речи, полностью сохраняются в публикуемых текстах. К ним, в первую очередь, относятся различные типы «я к а н ь я», смягчение заднеязычных, мена в и у в начале слов и в предлогах, произношение ф как х или хв; употребление и на месте ы, особенности в огласовке приставок и предлогов, параллельное употребление полногласных и неполногласных форм (молодец—младец, полымя—пламя) и ряд других.

Все, что связано с передачей грамматических и словарных особенностей донских казачьих говоров в записях А. М. Листопадова, также сохранено полностью. Сам покойный исследователь в своих «Замечаниях собирателя» писал: «...в своем письменном воспроизведении мы всюду сохраняем в неприкосновенности все особенности казачьей речи, относящиеся к морфологии и синтаксису, к лексике и фразеологии». Правильность такого отношения к записываемым фольклорным текстам находит себе подтверждение в замечательных словах товарища Сталина о том, что «Диалекты местные («территориальные»)... обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд». В свете этого указания И. В. Сталина ясна безусловная необходимость сохранения в фольклорных записях всех грамматических и словарных особенностей говора, на котором реально существуют и записаны произведения устного народного творчества.

В IV томе «Песен донских казаков» сохранена в неприкосновенности и передача ранее заменявшихся общепринятыми литературными формами таких морфологических особенностей донских говоров, как —

1. Окончание им. пад. ед. ч. прилагательных мужск. р. а й (м и л а й, р о д и м а й, б у л а н а й) а м, а х и под. в косвенных падежах ед. и мн. ч.: с м и л а м п о м и р и т ь с я (с милым помириться), б е л а х л е б е д е й (белых лебедей), н а л а к о в а х с а н я х, н а б у л а н а х л о ш а д я х (на лаковых санях, на буланых лошадях) и под.

2. Окончания им. п. мн. ч. прилагательных а и, и и (д о б р а и, р о д и м а и, м и л е н ь к а и, к у н и и, л и с и и) взамен — ые, ие, ьи (добрые, родимые, миленькие, куньи, лисьи).

3. Окончания вин. п. ед. ч. прилагательных женск. р. под ударением — у́я и в безударном положении — а ю: м о л о д у́ я жану, х у д у я х у д о р б у, но: к р а́ с н а ю девочку, х о р о́ ш а ю жану.

4. Употребляемых рядом с глагольными формами на — л с я форм на — л с ы и л с и: н а д р ы в а л с ы, р а з г у л я л с ы, к л а н я л с и, п р о з д р а в с т в о в а л с и.

5. Суффикс—а ч к на месте литературного—е ч к в существительных типа—р у б а ш а ч к а (рубашечка), к у б ы ш а ч к а (кубышечка), о к о ш а ч к а (окошечко).

6. Суффикс—а в а на месте—ы в а,—и в а в глаголах типа—р а с п о я с а в а т и, р а з д ё р г а в а т и.
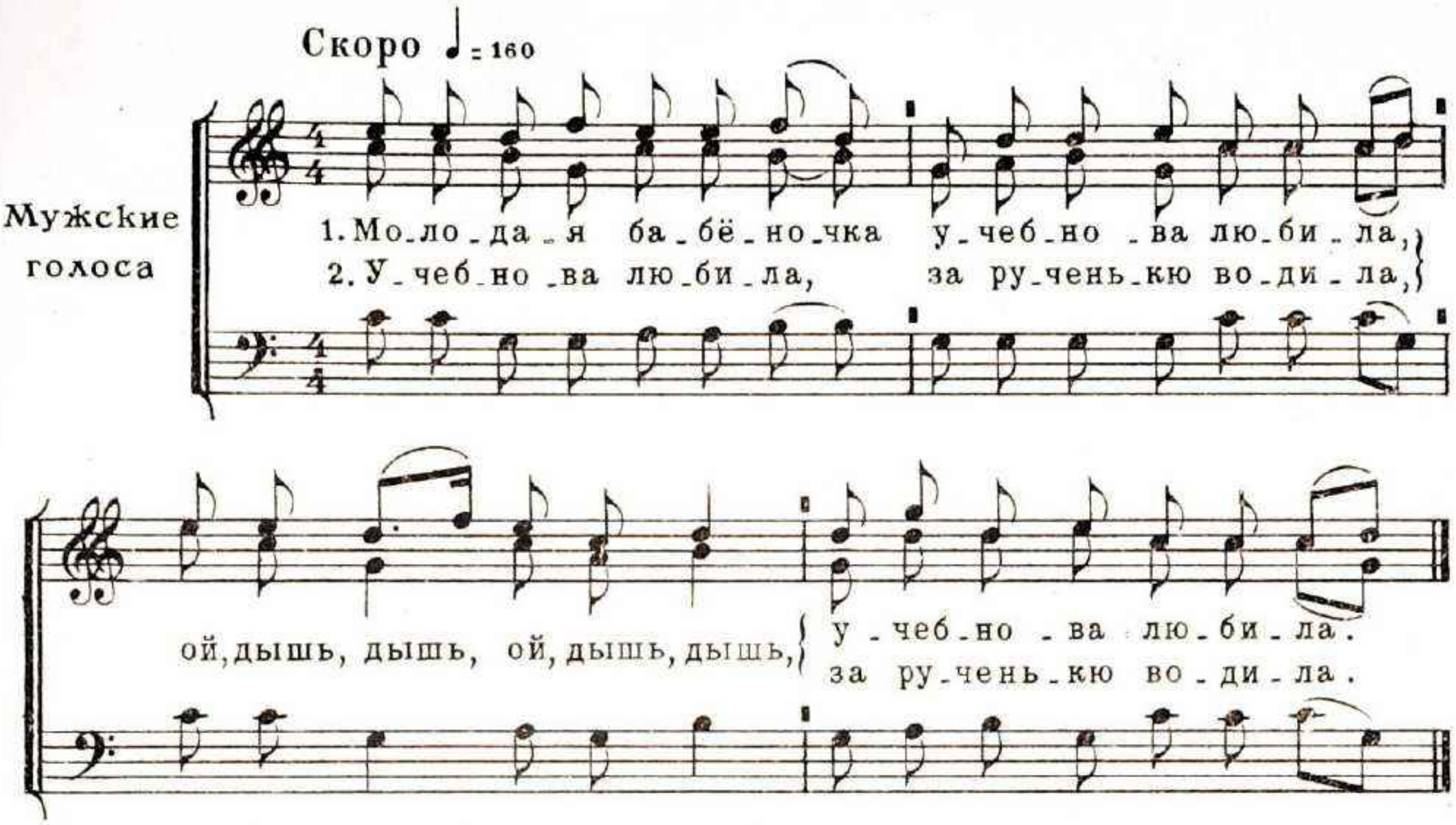
«Замечания собирателя» к IV тому «Песен донских казаков», по материалам А. М. Листопадова, составила его жена, ныне покойная Н. И. Листопадова (умерла 18. VII 1951 г.). Указатель географических названий для IV тома составлен мною.

Профессор Г. Сердюченко

ПЕСНИ
ГУЛЕБНО-
ПЛЯСОВЫЕ,
ХОРОВОДНЫЕ,
ВЕЧЕРИНОЧНЫЕ

2. МОЛОДАЯ БАБЕНОЧКА

Бабёночка учебного любила

1. Молодая бабёночка
   Учебного[1] любила,

Припев:

   Учебного любила.[2]
   Ой, дышь-дышь, ой, дышь-дышь!

2. Учебного любила,
   За рученькю водила.
3. Я до тех пор довела,—
   На дворе стала заря.
4. На дворе стала заря,
   Я в конпанницу пошла.
5. Я в конпанницы гуляла,
   Откель взялся в лицо жар.
6. Уж я выйду на крыльцо
   Прохладить свою лицо.
7. За ухваты хватилàся,
   Сама на бок свалилàся.
8. На боку-то я ляжу,
   На все стороны гляжу.
9. Туды глядь, суды глядь,—
   Мене некому поднять.
10. Оглянулася назад,
    Стоит душенька казак:
11. «Казаченька-душенька,
    Подыми за рученькю!»
12. — «Я ба рад тебе поднять,—
    С стороны люди глядят,[3]
13. Не чужие, а свои,
    Всё товаришши мои!»

Станица Нижне-Кундрюческая, 1935.

---

[1] «Учебный», — «образцового учебного казачьего полка, откуда как из рассадника распространялось знание военного дела между донцами» (Савельев. «Сборник донских народных песен», 1866).

[2] Припев по данному образцу после каждого двустишия.

[3] Вариант конца:

13. С стороны люди глядят,
    Про нас с тобой говорят,
14. Про нас с тобой говорят,
    И ругают, и бранят,
15. И ругают, и бранят,
    Любить тебе не велят!»

3. Я У ЛЕСЕ БЫЛ, БЕРЕЗКУ РУБИЛ

Встреча с девочкой

Умеренно ♩= 104

Запев *Все*

Женские голоса

Мужские

1. Я у ле - се был, бе - рёз - ку ру - бил,
2. Бе - рёз - ку ру - бил, ме - тёл - ки вя - зал,

я у ле - се был, бе - рёз - ку ру - бил,
бе - рёз - ку ру - бил, ме - тёл - ки вя - зал,

бе - рёз - ку, бе - рёз - ку, бе - рёз - ку ру - бил,
ме - тёл - ки, ме - тёл - ки, ме - тёл - ки вя - зал,

бе - рёз - ку, бе - рёз - ку, бе - рёз - ку ру - бил.
ме - тёл - ки, ме - тёл - ки, ме - тёл - ки вя - зал.

1. Я у лесе был, берёзку рубил,[1]
Берёзку, берёзку, берёзку рубил.

2. Берёзку рубил, метёлки вязал,
Метёлки, метёлки, метёлки вязал.

3. Метёлки вязал, на возик складал,
На возик, на возик, на возик складал.

4. На возик складал, рублём утягал,
Рублёчком, рублёчком, рублём утягал.[2]

5. Рублём утягал, коня запрягал,
Конёчка, конёчка, коня запрягал.

6. Коня запрягал, в Москву отправлял,
Вы Москву, Москву, да, в Москву отправлял.

7. В Москву отправлял, там девку видал,
Там девку, там девку, там девку видал.

8. Там девку видал, чернявку встречал,
Чернявку, чернявку, чернявку встречал:
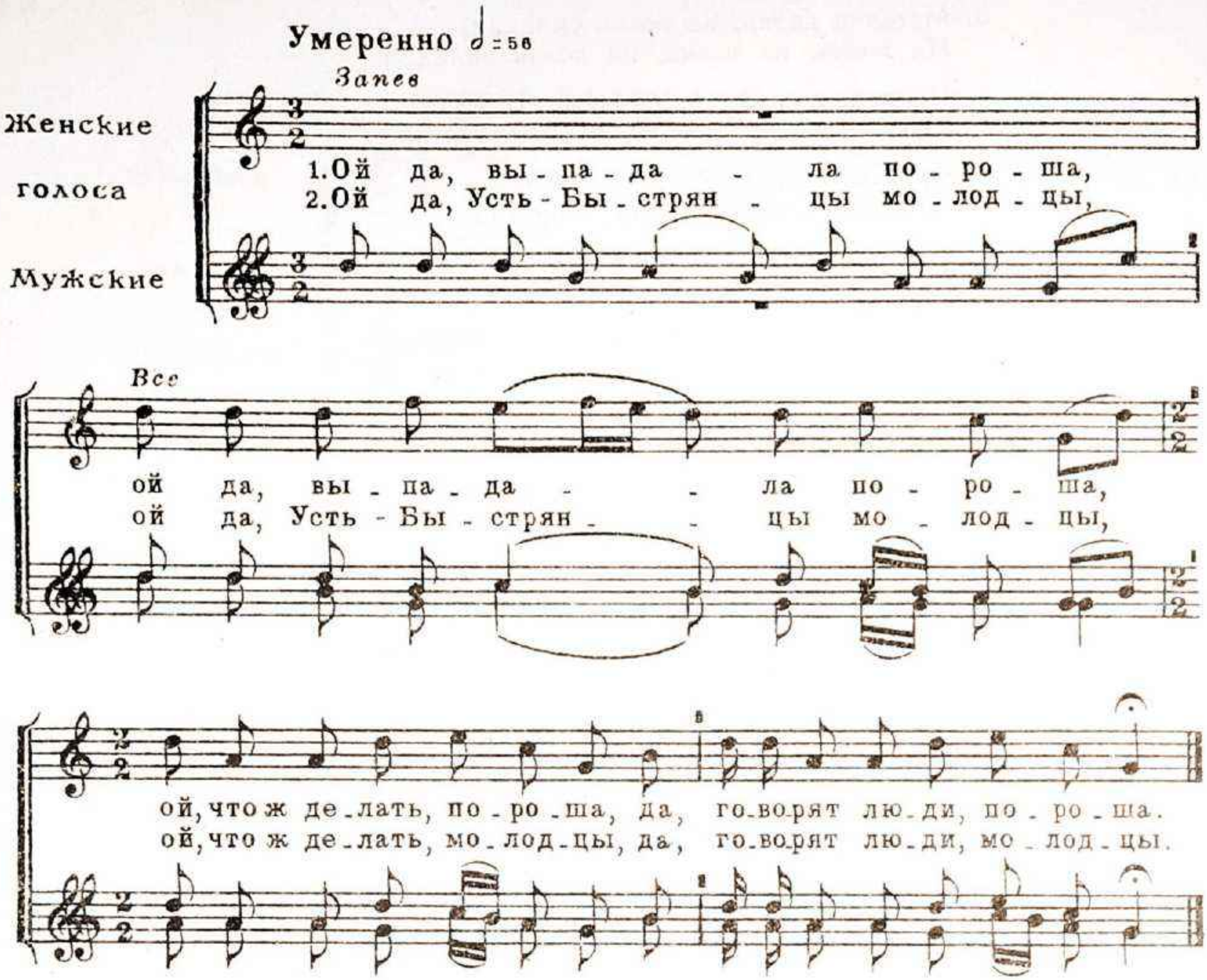
9. Сидит над окном, играет цветком,
Играет, играет, играет цветком.

Станица Верхне-Кундрюческая Р. О., 1893.

[1] Каждый стих повторяется.
[2] Вар.— «бечёвкой стягал».

4. ОЙ ДА, ВЫПАДАЛА ПОРОША

Охота по пороше

1. Ой да, выпадала пороша,[1]

Припев:

Ой, что ж делать, пороша (да),
Говорят люди, пороша.

2. Ой да, усть-быстрянцы молодцы,[2]
3. Ой да, побросали работу,
4. Ой да, поехали на й-охоту.
5. Ой да, там поймали семь зайцов,
6. Ой да, а восьмуя лисицу.
7. Ой да, стали зайчиков дялить:[3]
8. Ой да, кому заяц, кому два,
9. Ой да, кому зайца полтора,
10. Ой да, охотничку лисицу.
11. Ой да, жила чушка[4] во лясу,
12. Ой да, свила гнездо во дубу,
13. Ой да, выводила деточков,
14. Ой да, малах поросяточков,
15. Ой да, жалудочки собирала,
16. Ой да, своих деток питала.

Станица Усть-Быстрянская Р. О., 1898.

---

[1] Каждый стих повторяется.
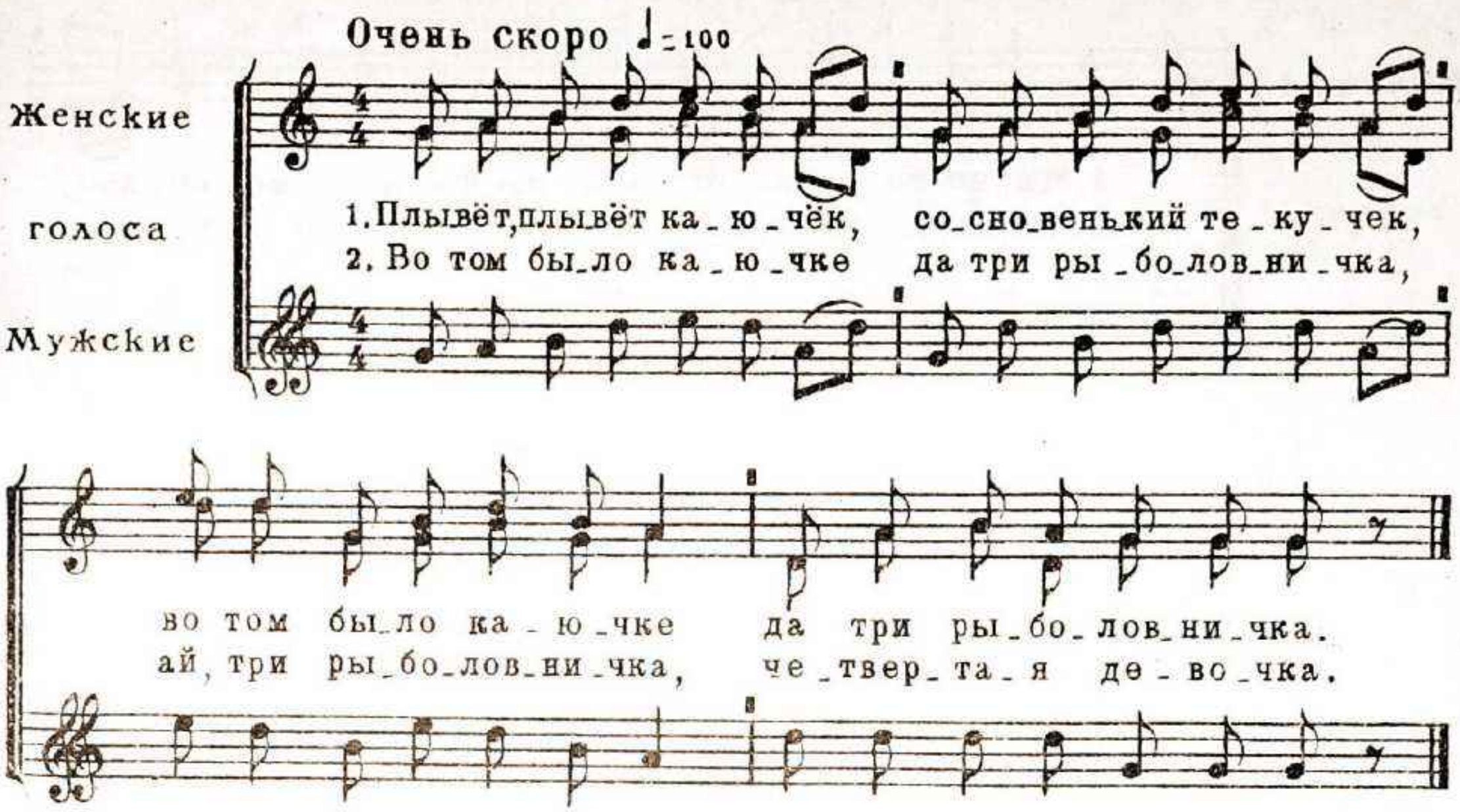
[2] Усть-Быстрянской станицы. Припев к каждому стиху по данному образцу.

[3] К двухсложному слову «дялить» в припеве прибавляется в начале однослож ное «всё.

[4] «Чушка» — свинья.

5. ПЛЫВЕТ, ПЛЫВЕТ КАЮЧЕК

Три рыболовничка и девочка

1. Плывёт, плывёт каючёк,
Сосновенький текучёк.

2. Во том было каючке
Да три рыболовничка,[1]

3. Ай, три рыболовничка,
Четвёртая девочка.

4. Первай скажет: «Девочка!»
Другой скажет: «Любочка!»

5. Третий скажет: «Сердце мое,
Пойдёшь замуж за мене?»

6. — «Что ты мене сватаешь,—
Свово дома не-ймаешь!»

7. «Построю я хатинку
С лазорева тьветику,

8. Помощу я каравать
Сы дерева лебяды,—

9. Живи, моя гулюшка,
Тьвяти, моя любушка!»

10. Когда я была мала,
У батеньки гуляла,

11. Я гуляла, гуляла,
Быков пару купила,

12. Быков пару купила,
Погоншичка наняла:

13. «Погоншичек молодой,
Гони быков да напой.

14. Там тебе трава, вода,
Соснинушка зелена,

15. Соснинушка зелена,
Девчоночка молода!»
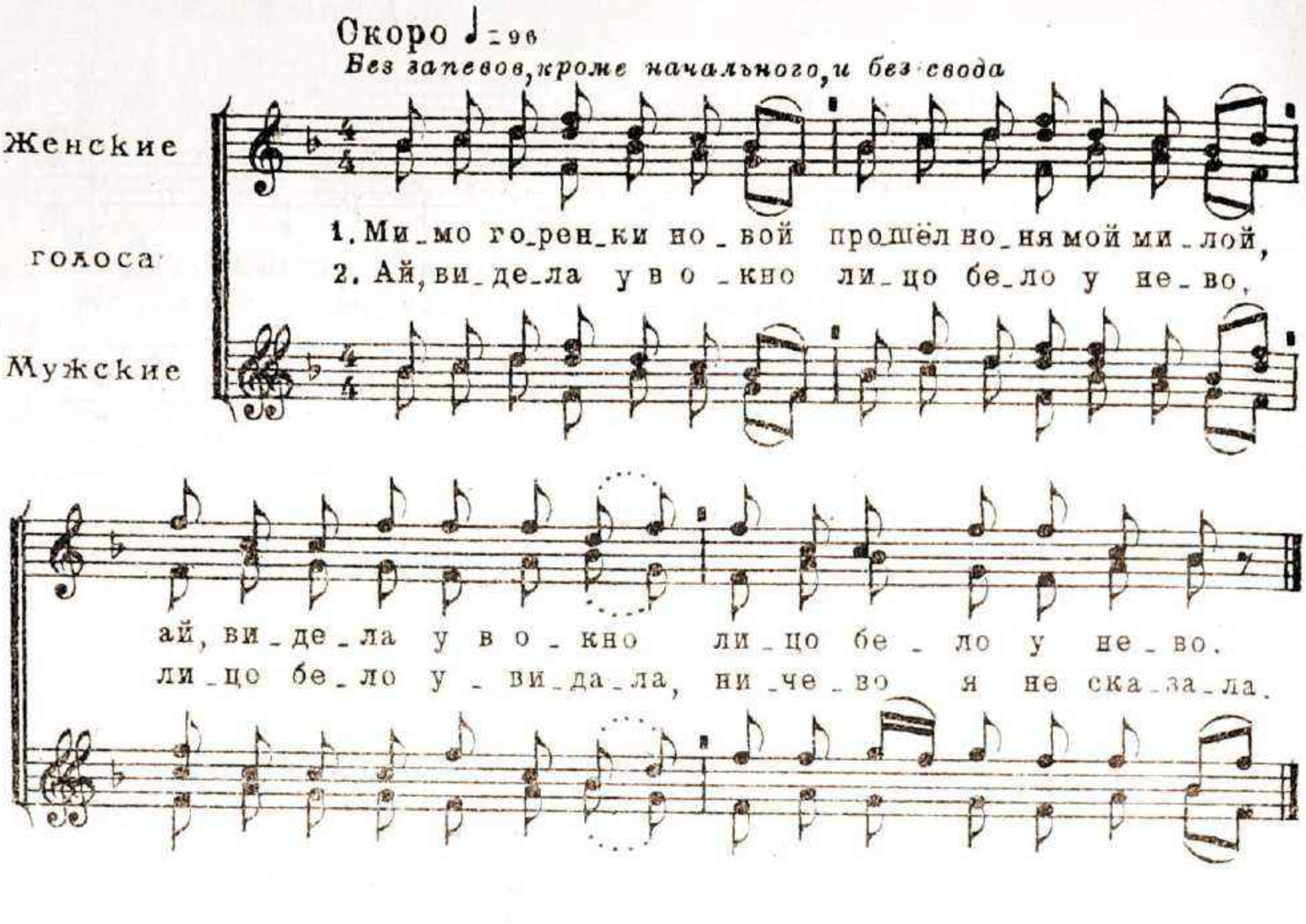
Станица Усть-Быстрянская, 1899.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

6. МИМО ГОРЕНКИ НОВО́Й

Молодчику нет развороту

1. Мимо горенки новóй
   Прошёл ноня мой милóй.

2. Ай, видела у в окно,—
   Лицо бела у него.

3. Лицо бела увидала,
   Ничего я не сказала.

4. Ишли й-они прямо в хатку,
   Становилися под матку,

5. Становилися под матку
   Потолóчины считать.

6. На палицы две скрыпицы
   Приюпрàвленаи,

7. Приюправленаи,
   Примуравленаи.

8. Взял ба, взял ба поиграл,
Поиграмши, поплясал,

9. Двожды, трожды обернулси,
Сам до стулечка дошёл.

10. На столе стоит стакан,
Полон пива налитой,

11. Полон пива налитой,
Немножечко отпитой.

12. Да как пива не пить,—
Пива хочется.

13. Ну, и как жану любить,—
Жана грубо говорит,

14. Жана грубо говорит,
Не велить девку любить.

15. Всё тоска младца берёт,—
Далеко девка живёт.

16. На той, дальней стороне,
За базками на горе,

17. На той ли на травушке,
На той на муравушке,

18. На каменной балочке
Строились земляночки.

19. Жили были три девицы,
Три названи сястрицы:

20. Аксинья, Апросинья,
Палагеюшка душа.

21. Палагеюшка душа,
Дюжа очень хороша.

22. Поизволили сястрицы
У станице погулять.
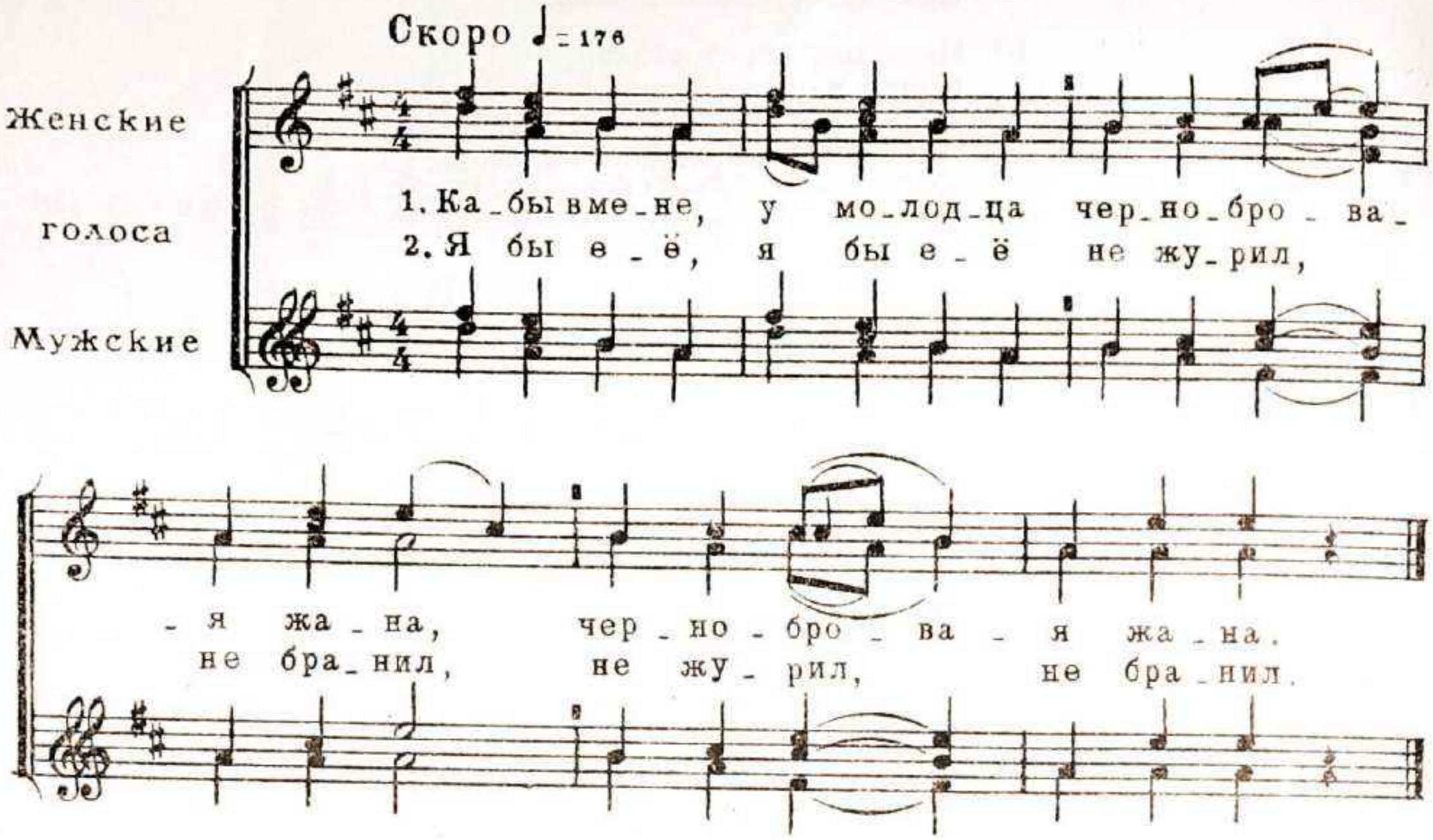
23. Умылйся, убралйсь,
У станицу поднялйсь,

24. На устречу красным девкам
Шёл молодчик молодой.

Станица Усть-Быстрянская, 1902.

7. КАБЫ В МЕНЕ, У МОЛОДЦА

Муж-погубитель

1. Кабы в мене, у молодца
   Чернобровая жана,[1]
2. Я бы её, я бы её
   Не журил, не бранил,
3. Я бы её, я бы её
   Во колясочке возил,
4. А зимою, а зимою
   Во расписаных санях,
5. А весною, а весною
   Вдоль по речке в каючке.[2]
6. По речушке, д' по речушке,
   Всё по Быстрой реке[3]
7. Плывет гоголь, плывет гоголь
   Сы гоголушкою,
8. Сы белою, сы белою
   Сы лебёдушкою.
9. А в гоголя, а в гоголя
   Золотая голова,

---

[1] Каждый второй полустих повторяется.

[2] Каюк (в месте записи) — первоначально — долбленая из ствола дерева лодка; впоследствии каюком стали называть обыкновенную лодку небольшого размера.

[3] «Быстрая» — название реки, по которой расположены некоторые хутора Екатерининской (ныне Красно-Донецкой) станицы, где песня записана.

10. В гоголушки, в лебёдушки
Всё серебряная.
11. У Ванюшки Михайловича
Полушубок сторчевой,
12. У Полюшки Петреевны
Шуба шёлковая.
13. Ишли они, ишли они
Вдоль по й-улицы,
14. По й-улицы, по й-улицы
Мимо кузницы.
15. Во той кузне, во той кузне
Молодые ковали.
16. Куют они, да куют они,
Всё наваривают,
17. Да мене младу, младёшеньку
Разговаривают.
18. А я млада, младёшенька
Догадалася,
19. Сы той кузни, сы той кузни
Убиралася.
20. «Вы скуйтя мне, вы скуйтя мне
Калянуя стрелу,
21. Ещё скуйтя, ещё скуйтя
Пистолет с ружьём.
22. Убью своно, убью мужа
Погубителя,—
23. Погубил мою, погубил мою
Буйну голову,
24. Расплёл мою, расплёл мою
Косу русаю,
25. Выплел мою, выплел мою
Ленту й-алаю,
26. Унял мою, унял мою
Волю девичью!
27. Не на век воля, не на век воля
Доставалася,
28. Во единай час, минутучку
Миновалася.
29. Пошла воля, пошла воля
Во чистòя поля,
30. Пала краса, пала краса
На лазорев тьвет.
31. Ходи, воля, ходи, воля,
Не захаживайси,
32. Приди, воля, воля девичья,
Хучь наведайси,
33. Без волюшки, без девичьей
Жить тошнёхунько».
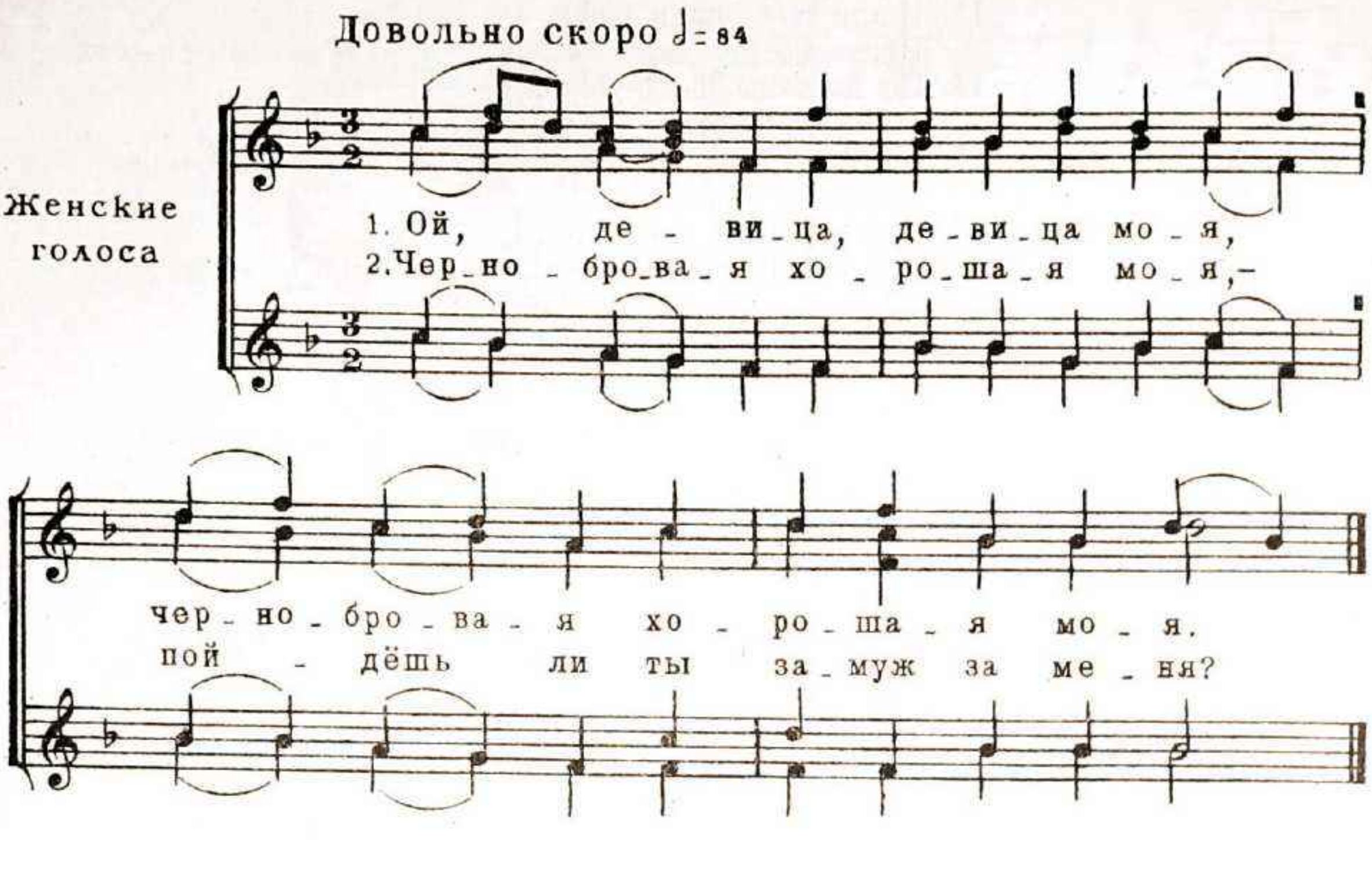
Станица Екатерининская Р. О., 1897—1905[1].

---

[1] Наименования станиц даны по номенклатуре года записи. Станица Екатерининская — ныне Красно-Донецкая.

8. ОЙ, ДÈВИЦА, ДÈВИЦА МОЯ

Худа славушка от молодца

1. «Ой, дѐвица, дѐвица моя,
Чернобровая, хорошая моя! [1]
Пойдёшь ли ты замуж за меня,
За меня ли удалòго молодца,

5. За меня ли за донского казака?»
— «Уж я думала—не думала итить,
Про тебе ли худа славушка ляжить,
Худа славушка, не очень хороша,—
Пьешь-гуляешь во царёвом кабаке,

10. Пьяным-пьяным напиваисси,
С кабака идешь валяисси,
Мною, девкой, похваляисси:
«Одноѝ[2] в свете красоточку люблю,
Заставляю разувать, раздевать,

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] «Одноѝ» — одну.

Заставляю распоясавати,
Часты пуговки расстёбавати,[1]
Шелковы петли раздёргавати.
Не такая в бору ягода росла,
Не такого отца-матери дитё,

Чтоба стала разувать, раздевать,
Чтоба стала распоясавати,
Часты пуговки расстёбавати,

Шелковы петли раздёргавати!»

Если эта песня исполняется у кого-нибудь в гостях—«в конпании», то добавляют конец, которым величают хозяина и хозяйку:

В нас Митюшка дворянин, дворянин,

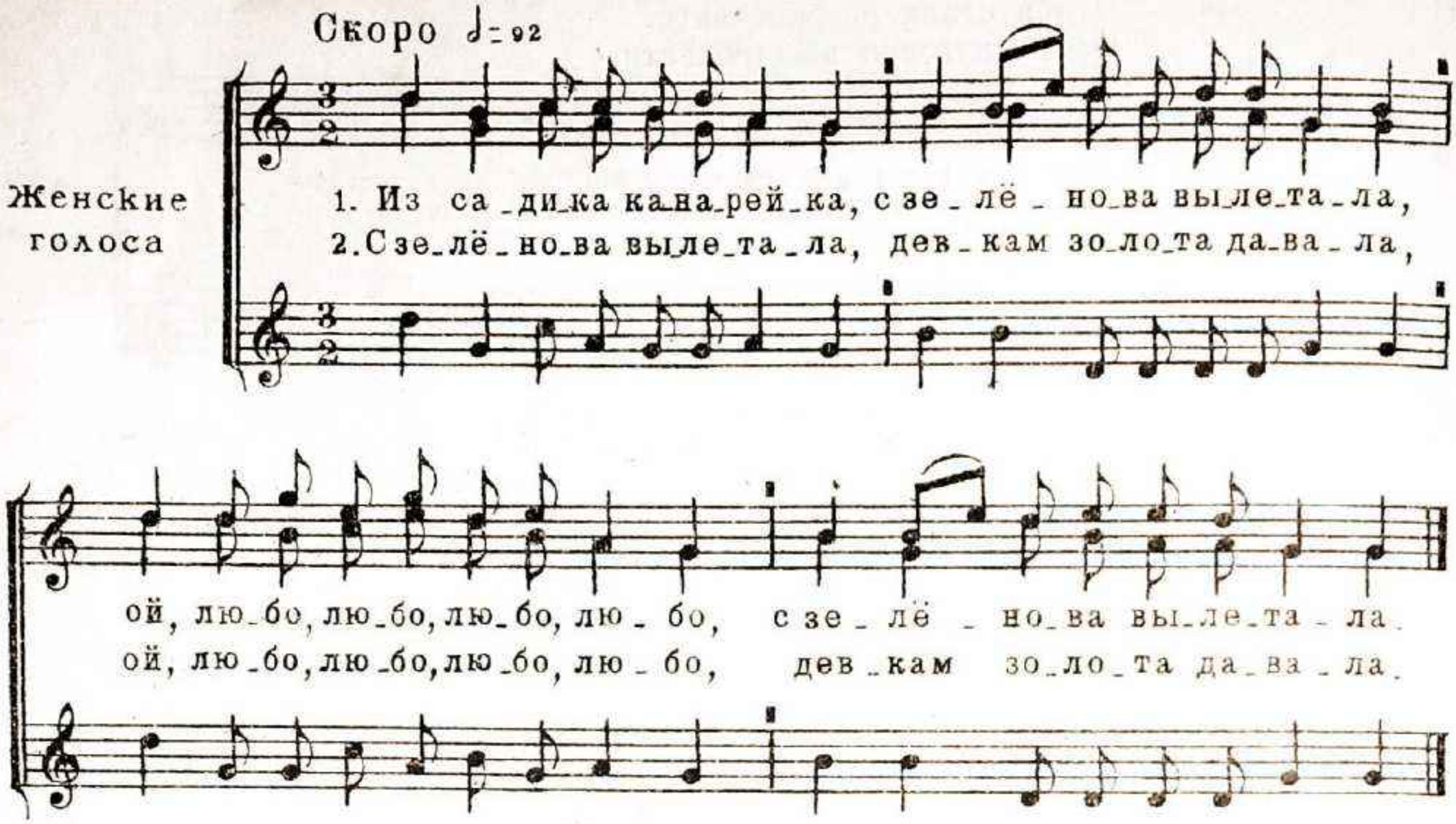
Яковлевич в своем доме хозяин,
А Фенюшка дворяночка, дворянка,
Федотьевна в своем доме хозяйка!
Наш Митюшка увесь город изошёл,—
Чйшши,[2] краше он Фенюшки не нашёл,

Чишши, краше Федотьевны не сыскал.

Станица Екатерининская, 1897—1905.

9. ИЗ САДИКА КАНАРЕЙКА

Холостой-мой милый

1. Из садика канарейкя
   С зелёного вылетала,

Припев

   Ой, люба, люба, люба, люба,
   С зелёного вылетала,[1]

2. С зелёного вылетала,
   Девкам золота давала.
3. Девки золота не брали,
   Свою долю проклинали:
4. «Распроклятая доля,
   Кто жанатого любит,
5. Кто жанатого любит,
   Холостого ненавидит;
6. Жанатай проклятай
   Прйдя домой, ляжет,
7. Прйдя домой, ляжет,
   Всё жане расскажет,—
8. А жана его дура
   На улицу выйдет,
9. Да на улицу выйдет,
   В карагоде сядет,
10. В карагоде сядет,
    Всё людям расскажет.
11. Холостой гуляет,
    Что сокол летает!
12. Холостой-то милай,
    Нежанатай, любимай:
13. Придя домой, ляжет,
    Никому не скажет,—
14. Ни душке-жанýшке,
    Ни мягкой подушке.
15. А подушка немая,
    Ничего не зная.
16. Я на милого глядела,
    Стакан пива наливала,
17. Наливала, горевала,
    Подносила, голосила,
18. Подносила, голосила,
    Его милости просила:
19. «Да ты пей жа, мой милай,
    Да дружочек любимай!
20. Да ты пей, не спивайси,
    На коне не шатайси,
21. На коне не шатайси,
    Ляти, не оглядайси»!

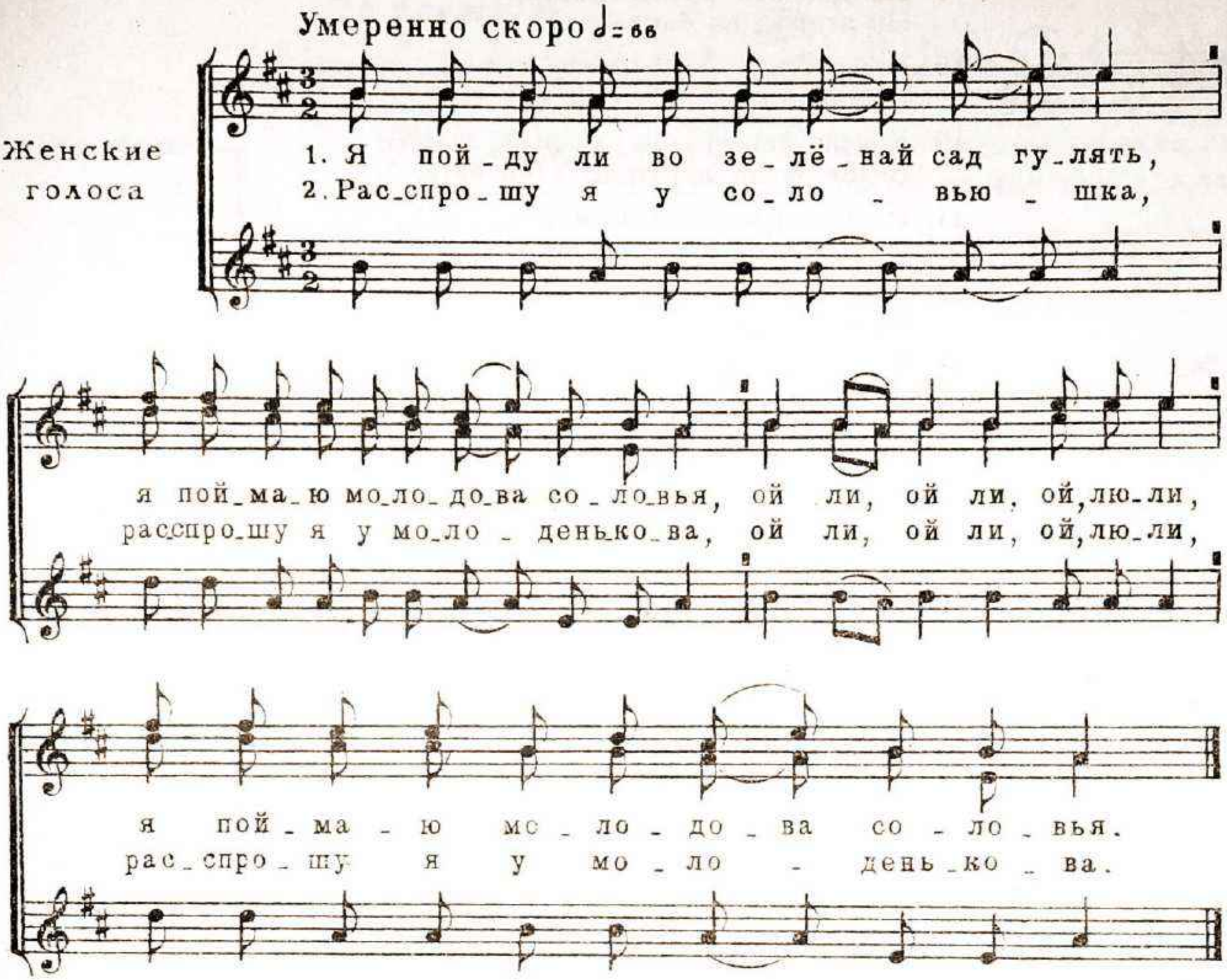
Станица Екатерининская, 1897—1905.

---

[1] Припев по данному образцу после каждого двустишия.

10. Я ПОЙДУ ЛИ ВО ЗЕЛЕНЫЙ САД ГУЛЯТЬ

Кому гулять воля?

1. Я пойду ли во зелёнай сад гулять,
Я поймаю молодого соловья,

Припев

Ой ли, ой ли, ой люли,
Я поймаю молодого соловья.[1]

2. Распрошу я у соловьюшка,
Распрошу я у молоденького:

3. «Кому воля, кому нет воли гулять?»
— «Гулять воля краснам девочкам.

4. Молодушки унимаются,
Красота с лица стирается,

5. Чернобылью помарается,
Чернобылью, подорожиною,

[1] Так же строятся все припевы к каждому двустишию.

6. Подорожиной хòженою!»
Вы, камовочки, камовочки мои,
7. Камовочки мелкотравчатаи,
Мелкотравчаты муравчатаи!
8. Не давайтя развёртываться
Ни атласу, ни бархату,[1]
9. Ни тому сыну гостиновому.
Гостинай сын волюшку берёт,
10. Красну девочку за рученьку ведёт,
Ведёт, ведёт карагоды танцовать,
11. Называет ее душечкою:
«Раздушечка, молодушка моя!
12. Полюбилася походушка твоя,
Частые переступушки,
13. Разговоры, слова ласкован,
Словеса твои приветливаи!»
14. А девочка, челядйн-челядйн,
Рассыпала орешики, как один.
15. Иде ж она рассыпáла—на ляду,
На гоненьким, молоденьким ледочкý.
16. Видно, видно, орешики не собрать,
Видно, видно, компанницу не видать.
17. Наехала компаннина полон двор,
Взяли, взяли мово милого в полон.
18. Мне не жалко, что взялй, что взялй,
Только жалко, что не крепко связалй.
19. Развяжется утечёт, утечёт,
На прах мою головушку рассечёт.
20. Я поеду на ярманочек,
Куплю себе колыберушку[2].
21. Колыберушка шёлковая,
А колечки серебрянаи
22. А крючки позолоченаи.
Стану, стану свою детитку качать,
23. Стану, стану прибаюкивати:
«Баю, баю, моя дётитка,
24. Баю, баю, чада милая моё!
В тебе нету родна батюшки,
25. А в мене-то милá дружка,
Да мила дружка Иванушки,
26. Свет Ивана Ивановича,
Миколая, Миколаевича!»
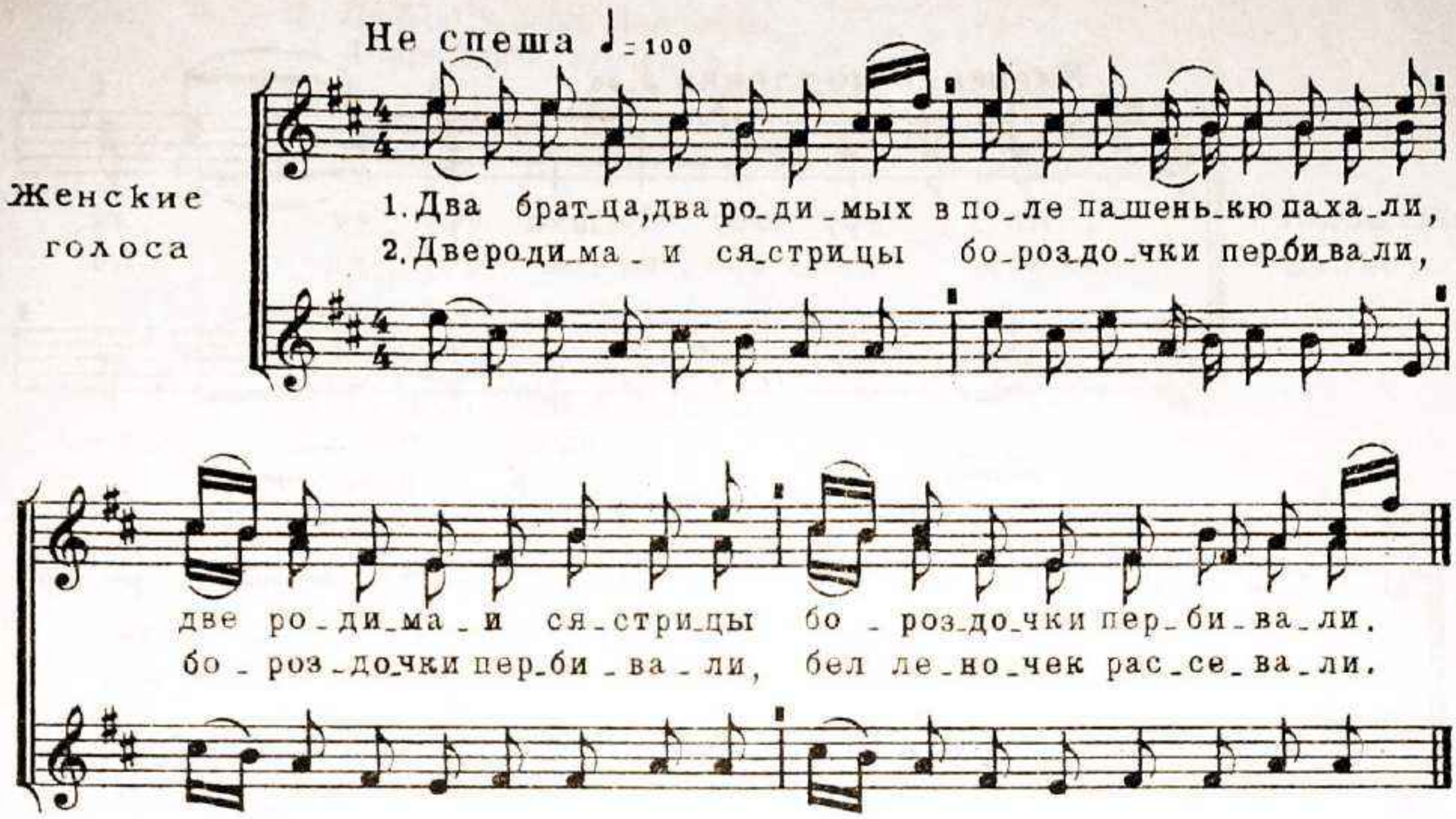
Станица Екатерининская, 1897—1901.

---

[1] Вар. «Ни простому, ни боярину».
[2] «Колыберушка» — колыбель, колыбелюшка.

11. ДВА БРАТЦА, ДВА РОДИМЫХ

Наруга прежнего друга

1. Два братца, два родимых
В поле пашенькю пахали,
2. Две родиман сястрицы
Бороздочки пербивали,[1]
3. Бороздочки пербивали,
Бел леночек рассевали.
4. Они сеяли лён да
Приговаривали:
5. «Уродися, мой ленок,
Тонок, долог и висок,
6. Во корени корянист,
В маковочках маковист!»
7. Прослыхала про свой лён,
Что притоптан, привалён.
8. Маковочки посорваты,
В Дунай-речку побросаты.
9. Ухвачу я чекмянишку,
Побягу я на лянишку.
10. По дорожачке бежала,
Животом сердца дрожала.
11. На леночек взошла, да,
С ума-разума сошла.
12. Ой, какой жа супостат
Мой ляночек притоптал?
13. Знаю, знаю, чья наруга,—[2]
Мово прежнего друга;
14. Знаю, знаю, чья насмешка,—
Мово милого потешка!
15. Уж я ему нарочу,
Всю пшаницу столочу,
16. А он будя косить,
Будя плакать, голосить,
17. А жана его вязать,
Будя плакати, рыдать,
18. Будя плакати, рыдать,
Всё под возиком лежать!»

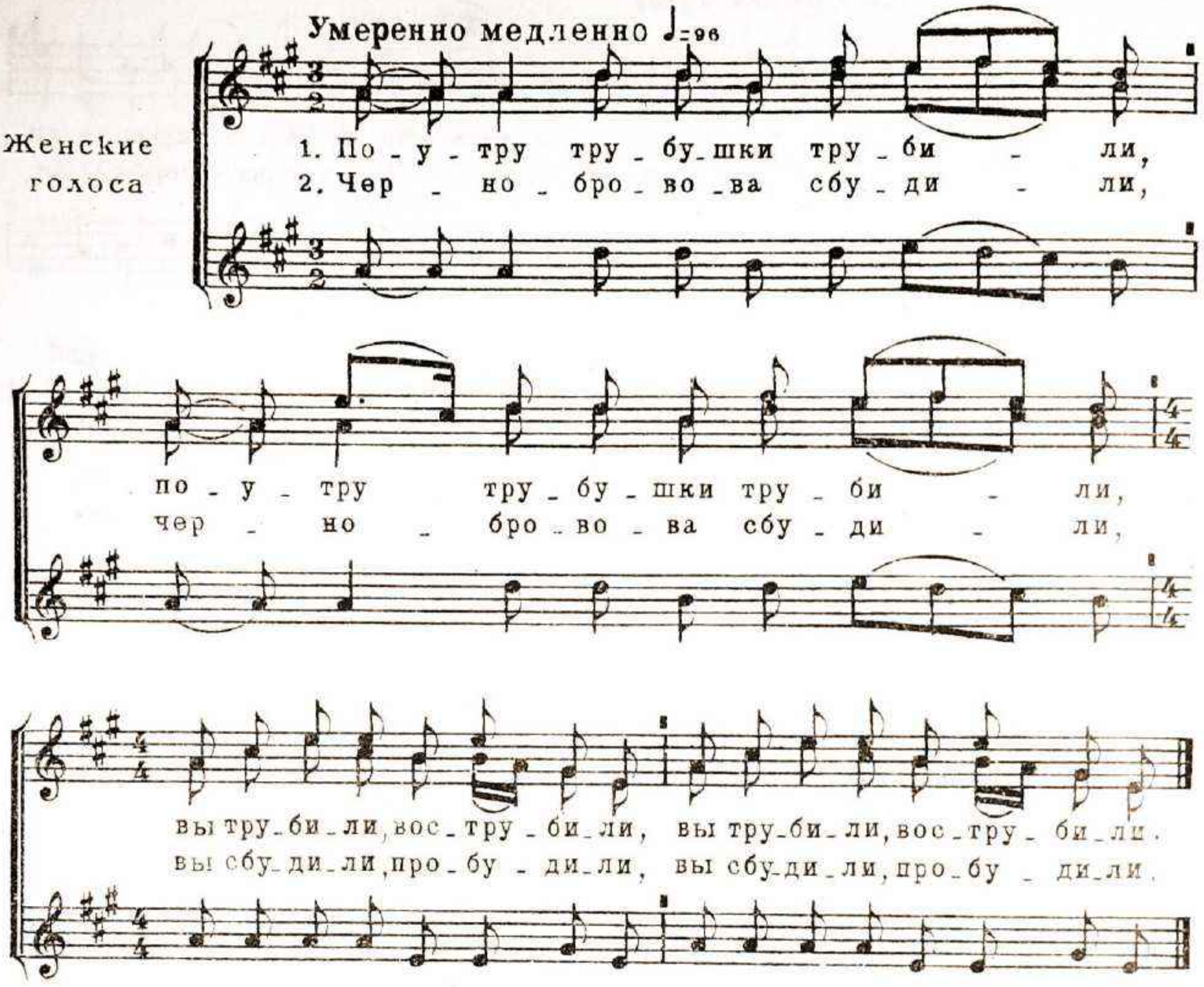
Станица Екатерининская, 1897—1901.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] «Наруга»—надругательство, насмешка.

12. ПОУТРУ ТРУБУШКИ ТРУБИЛИ

Уж ты, чёрный, чернобровый

1. По утру́ трубушки трубили,
   Вы трубили, вострубили,[1]
2. Чернобрового сбудили,
   Вы сбудили, пробудили.
3. Уж ты чёрнай, чернобровай,
   Чернобровай, черноглазай!
4. Не садися проти мѐне,
   Проти мѐне, возле мѐне,—

[1] Каждый стих в исполнении повторяется.

5. Люди скажут любишь мѐне,
Любишь мѐне, ходишь ко мне.

6. А я роду не простого,
Не простого, князевскòго.

7. Люблю казака донского,[1]
Я донского, молодого.

8. Мой миленький в гусли 'грая,
В гусли 'грая, в гусли 'грая,

9. Да мене, младу, забавляя,
Забавляя, утешая:

10. «Да ты будь, девочка, за мною,
Будь за мною, будь за мною,

11. За моей буйной головою,
Головою, головою,

12. А я, парень, за тобою,
За тобою, за тобою.

13. Уж я девочке позволю,
Я позволю творить волю!»
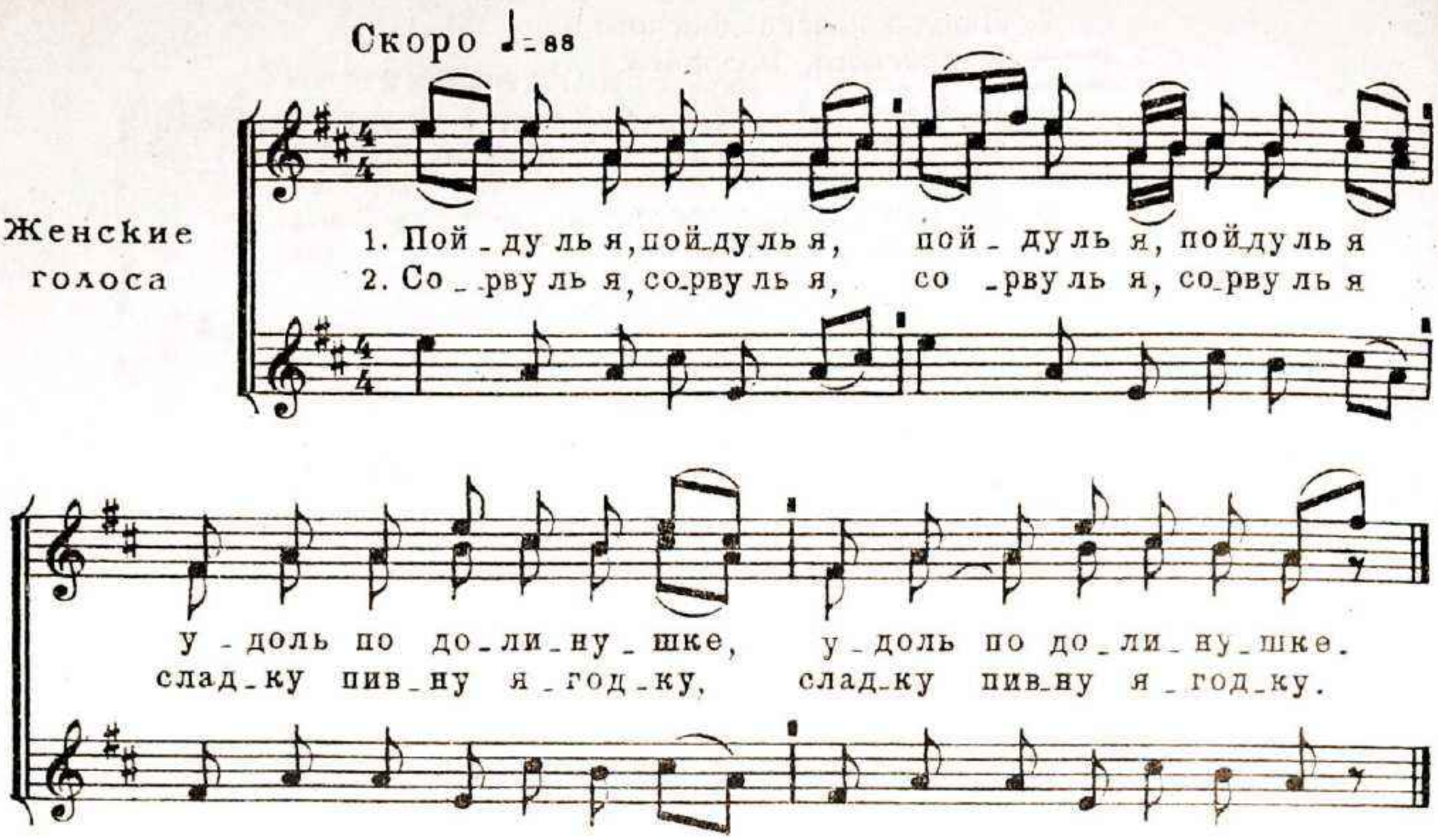
14. — «Дозволь девочке пройтиться,
Мне пройтиться, прогуляться,

15. С дружком прежним повидаться,
Повидаться, распрощаться!»

Станица Екатерининская, 1897—1901.

13. ПОЙДУ ЛЬ Я, ПОЙДУ ЛЬ Я

Кинуся, брошуся я к милому

1. Пойду ль я, пойду ль я[1]
Удоль по долинушке!

2. Сорву ль я, сорву ль я
Сладку пивну ягодку!

3. С той мене ягодки,
С той мене пивненькой
Взяло, взяло, разбрало,
Суставчики развело.

4. Кинуся, брошуся
Я к милому на руки.

5. Тут любо, тут добро
У милого на руке,

6. Тут спится, тут ляжится
У милого на руке!
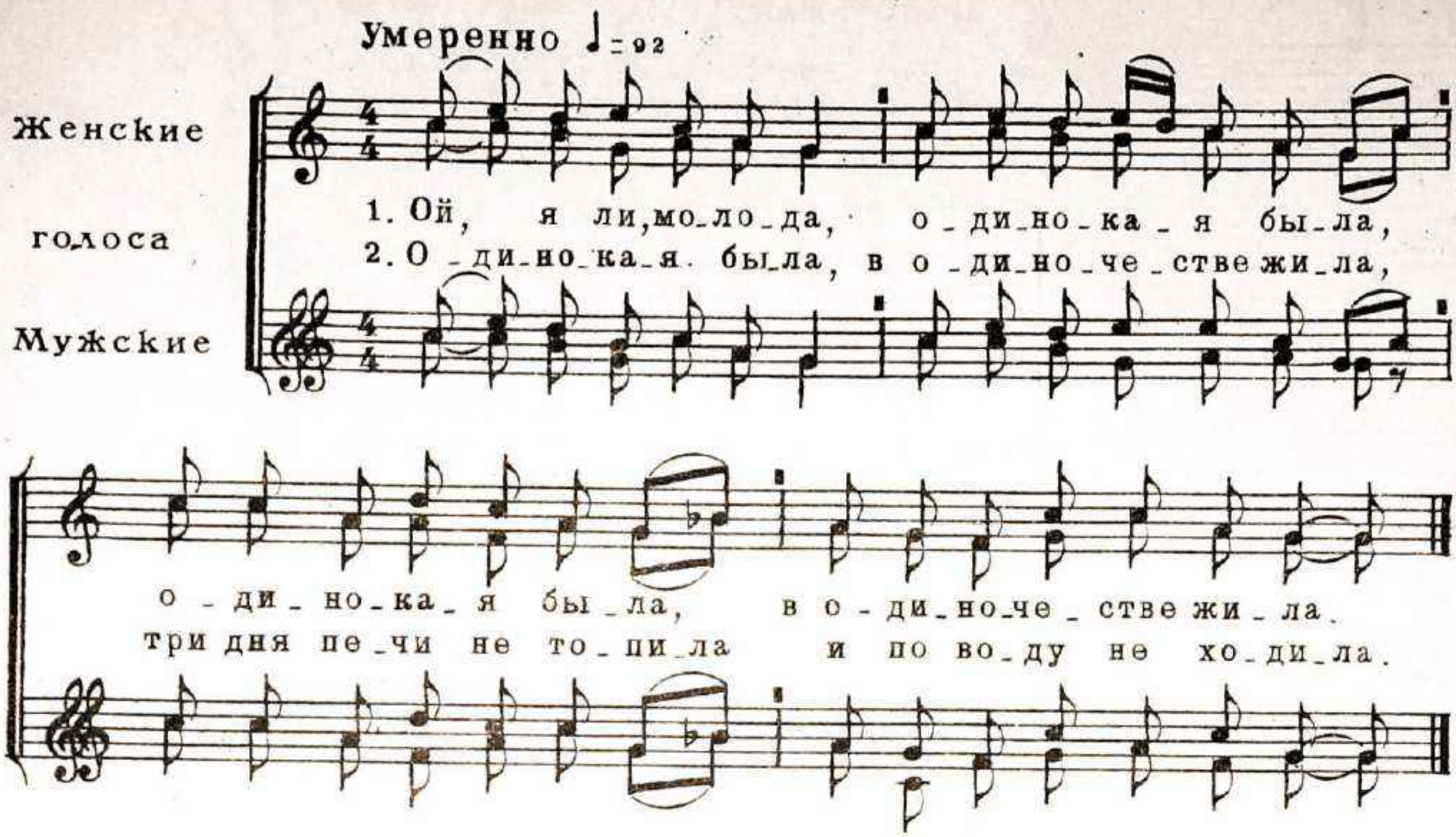
Станица Екатерининская, 1898—1931

---

[1] Каждый стих повторяется во всех строфах, кроме 3-й.

14. ОЙ, Я ЛИ МОЛОДА

Гульливая бабёночка

1. Ой, я ли, молода,
Одинокая была,

2. Одинокая была,
В одиночестве жила,[1]

3. Три дня печи не топила
И по воду не ходила.

4. Затопила млада печь,
Сама по воду пошла,

5. Ой, по́ воду, воду́,
По колодезьнаю.

6. Размахнула широко́
Почарпнула глубоко́.

7. На плечики подняла,
Зашаталася, пошла.

8. На горочку узошла,
Ещё швычче[2] пошла.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] «Швычче» — швыдче, скорее.

9. На встречу бабёночке [1]
Досужая кума.

10. Досужая кума
Осмеяла у глаза:

11. «Ой, что в тебе, кума,
Долго топится изба,

12. Долго топится изба,
Дрова жарко горят:

13. Большие чугуны
Носилйся кипучй,

14. А маленький ребёнок
Надорвалси крикучй,

15. Надорвалси крикучй,
У люлечке лежучй».

16. А кўрушка по лавочкам [2]
Похаживала,

17. Похаживала,
Покудахтавала:

18. «Кудак-так-так,
Не бывало у нас так,

19. Не бывало у нас так,
Не случалось никогда.

20. Ой, йде ж наша хозяюшка
Замешкалася,

21. Замешкалася,
Загутарилася? [3]

22. Как пошла наша хозяюшка
Во три поля гулять,

23. Во три поля гулять,
Конопли, лён выбирать!»

24. Как во эти конопли
Увадились воробьи:

25. «Я старому воробью
Колом ноги перебью,

26. Молодому воробью
Шёлком ножки первяжу,

27. Шёлком ножки первяжу,
У клеточку посажу!»
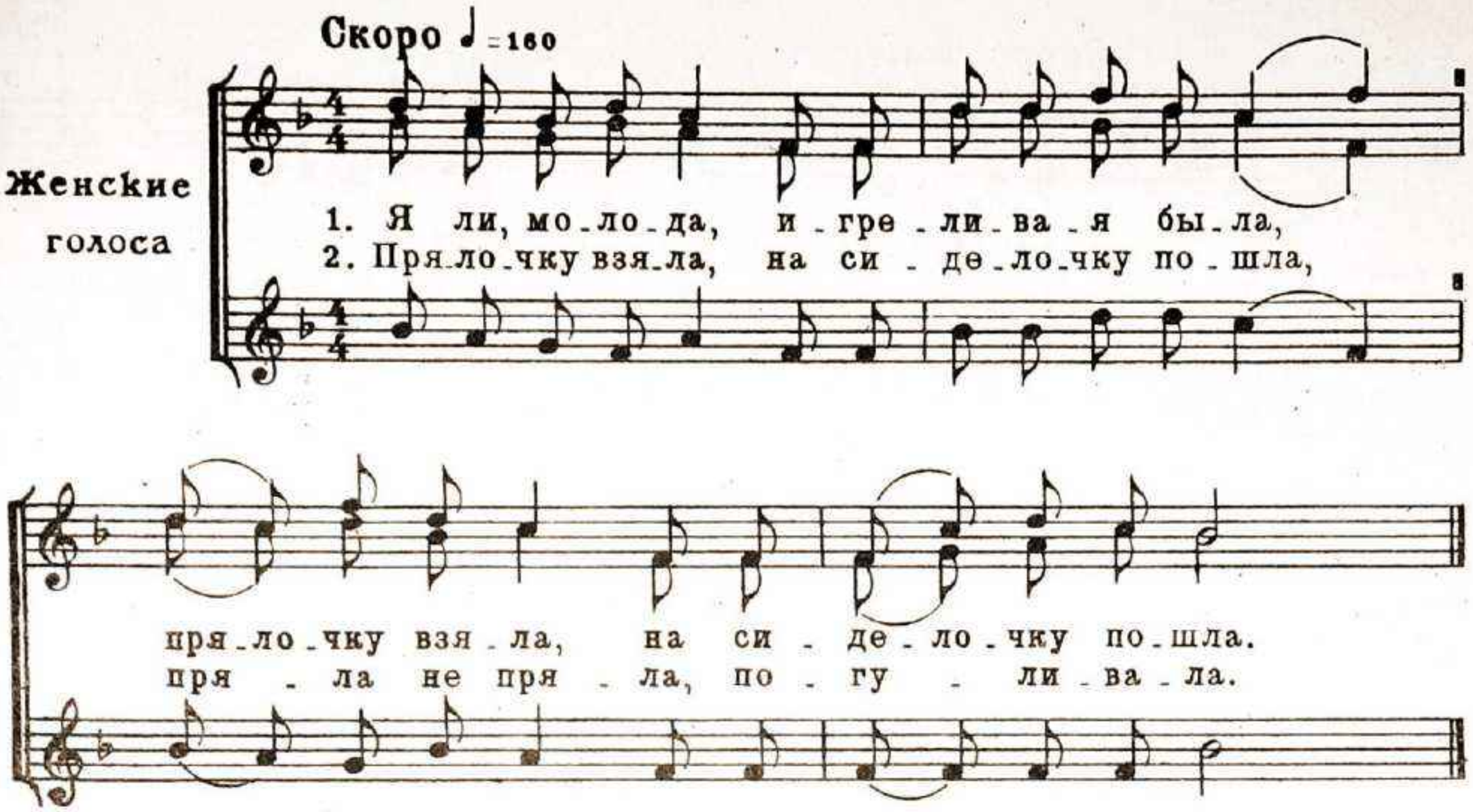
Станица Екатерининская, 1897—1901

---

[1] Вар. «девунюшке».
[2] Вар.— «по сенечкам».
[3] Загутарилась — заговорилась.

15. Я ЛИ, МОЛОДА, ИГРЕЛИВАЯ БЫЛА

Я свому ста̀рому лихая была

1. Я ли, молода, игряливая была,—
Прялочку взяла, на сиделочку[1] пошла.[2]
Пря́ла не пря́ла, погуливала,
Прялочку под лавочку, сама пошла гулять.[3]
5. Куры запели, сижу-таки, сижу,
Другие пропели, не думаю итить,
Третьи пропели, заря занялась,
Заря занялась, я домой поднялась.
Прялочку под тын, сама сиг[4] через тын.
10. Иду ко двору, ходит деверь по двору:
«Деверь молодой, проводи мене домой!»
— «Иди, иди, невестка, не бойся ничего:
Старай спит да не про̀снется,
Старая собака не воро̀хнется!»
15. Я свому старому лихая была,—
Петлю на шею накидавала,
Милому в окошка конец подала:
«Милай, потяни, душа радость, потяни!
Новая верёвка не обо́рвется,
20. Старого шея не ото̀рвется!»
Милай потянул, старай ноги протянул,
Старай захрапел, будто спать захотел,
Слюни распустил, будто бешенай.
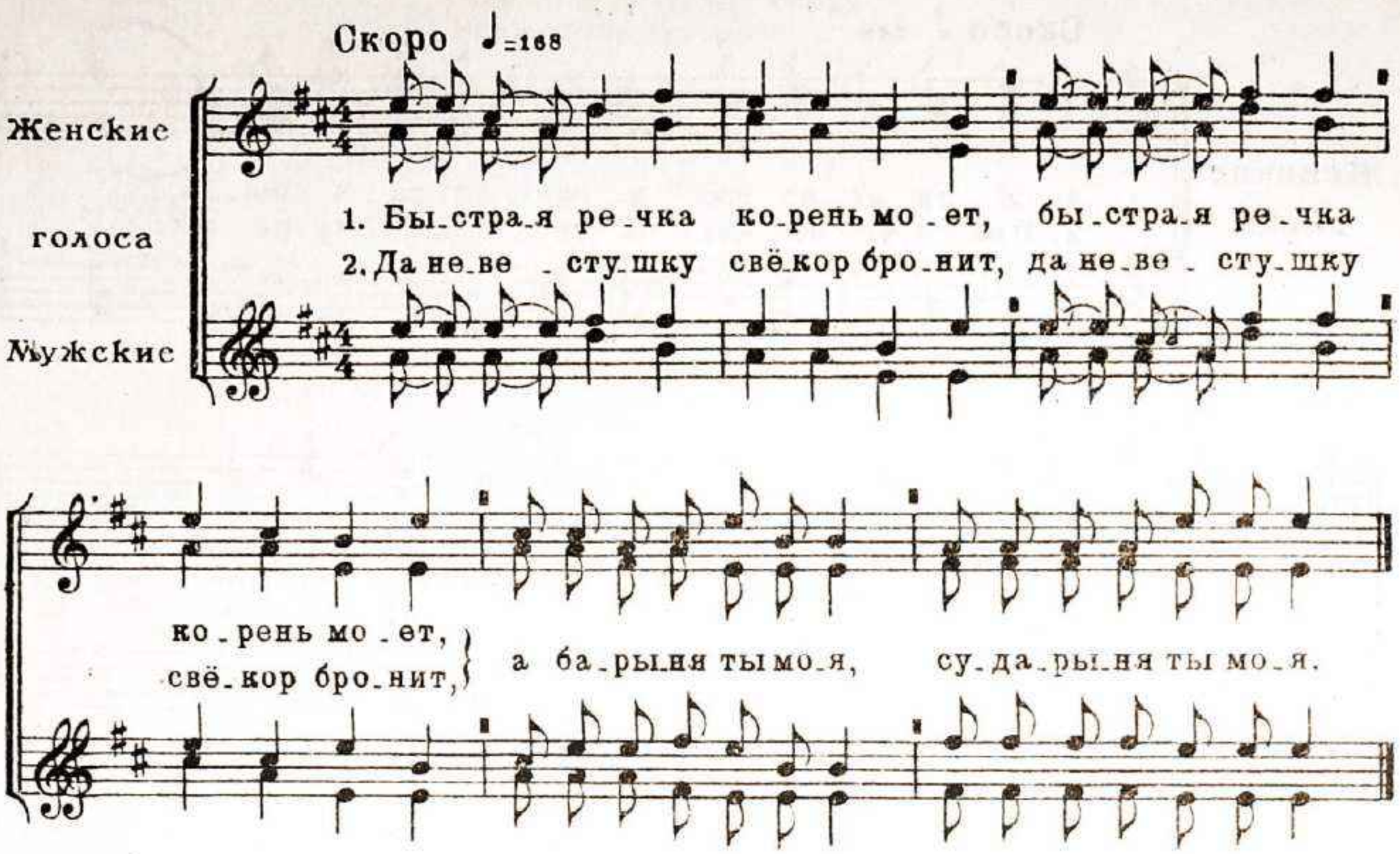
Станица Екатерининская, 1897—1901

---

[1] Вар. «в посиделочки».
[2] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.
[3] Вар. «плясать».
[4] «Сиг» — скок, прыг!

16. БЫСТРАЯ РЕЧКА

Забро̀неная бой-баба

1. Быстрая речка корень моет.[1]

Припев:

А барыня ты моя,
Сударыня ты моя!

2. Да невестушку свёкор бро̀нит.
3. Свёкор бро̀нит, журба журит.
4. Да его журба вековая,
5. А моя гульба часовая,
6. Часовая одна ночка,
7. Одна ночка до свето̀чка,
8. Да до белого до денёчка,
9. Да до красного до солнушка.
10. Солнце взошла, домой пришла.
11. Да я вволюшку нагуляюся,
12. Нагуляюся, спокаюся.
13. Да пропью своё житьё-бытьё,
14. Житьё-бытьё, всю имѐнница.
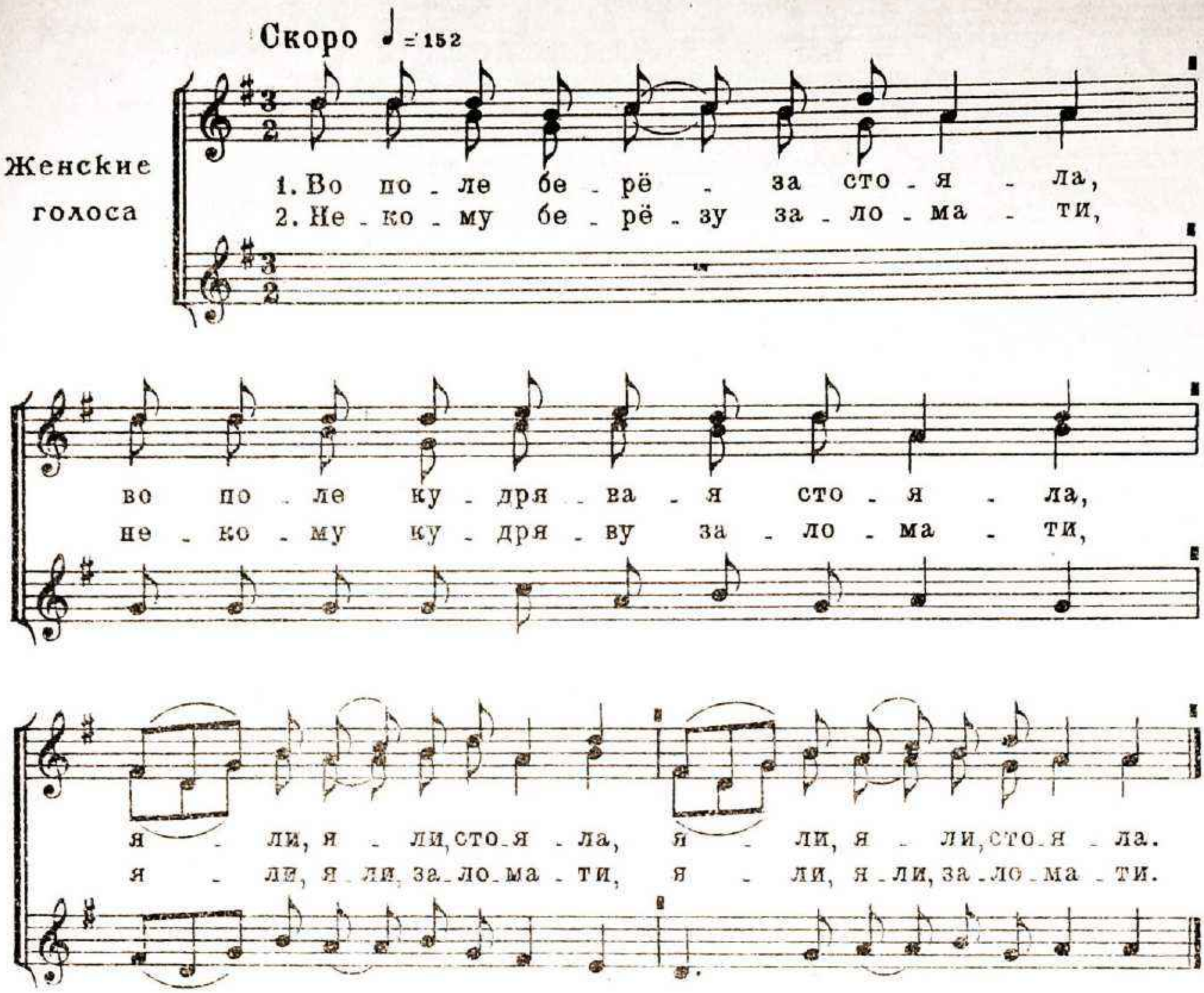
Станица Екатерининская, 1897—1901.

---

[1] Каждый стих повторяется. Припев к каждой строфе без изменений.

17. ВО ПОЛЕ БЕРЕЗА СТОЯЛА

Шельма бабочка

I

1. Во поле берёза стояла,
   Во поле кудрявая стояла,

Припев:

Ялли, ялли, стояла
Ялли, ялли, стояла [2]

2. Некому берёзу заломати,
   Некому кудряву заломати!

3. Пойду я в поле погуляю,
   Белаю берёзу поломаю.

---

[1] Настоящий мажорный донской напев с общерусским минорным в мелодии сходства не имеет.

[2] Припев по данному образцу после каждого двустишия.

4. Сделаю два гудочка,
Третию балалайку.

5. Стану в балалаечку играти,
Старого мужа пробуждати:

6. «Встань ты, старай, пробудися,
Встань, постылай, подымися!

7. Вот тебе помоица умыться,
Вот тебе рогожа утереться,

8. Вот тебе заслона [1] помолиться,
Вот тебе пячина [2] удавиться!»

II

9. Во поле берёза стояла,
Во поле кудрявая стояла.

10. Некому берёзу заломати,
Некому кудряву заломати!

11. Пойду я в поле погуляю,
Белую берёзу поломаю.

12. Сделаю два гудочка,
Третию балалайку.

13. Стану в балалаечку играти,
Молодого мужа пробуждати:

14. «Встань ты, милай, пробудися,
Встань, жаланнай, подымися!

15. Вот тебе водица умыться,
Вот тебе рушник [3] утереться,

16. Вот тебе икона помолиться,
Вот тебе калачик на закуску!»

Станица Екатерининская, 1897—1931
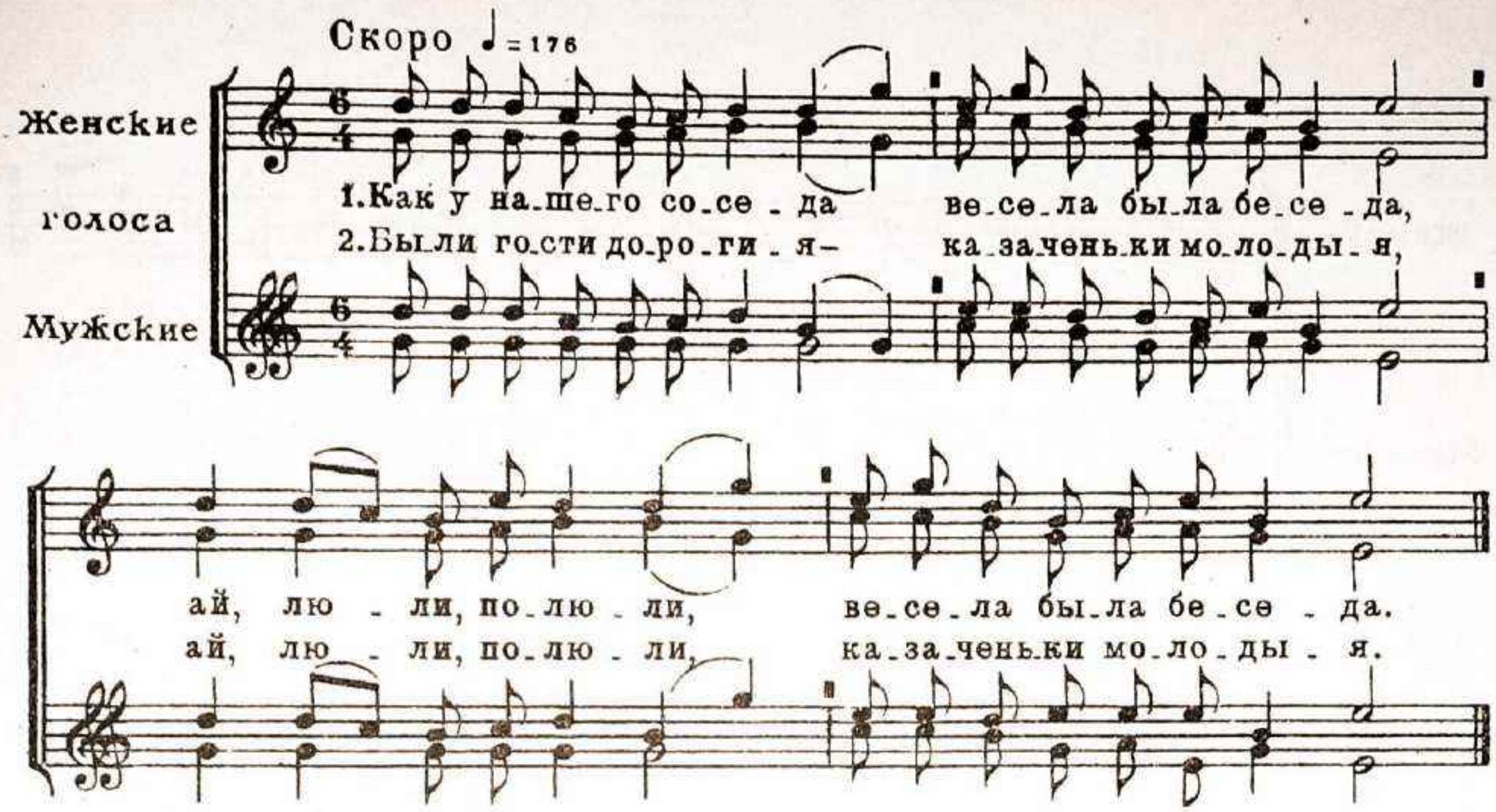
---

[1] «Заслона»—чугунный или жестяной лист со скобой, которым закрывается устье русской печи.

[2] «Пячина»—ком глины из печи.

[3] «Рушник» — полотенце, «утирка».

18. КАК У НАШЕГО СОСЕДА

По мужу и жена лиходейка

1. Как у нашего соседа
Весела̀ была беседа,
Припев:
Ай, лю̀ли, полю̀ли,
Весела была беседа![1]
2. Были гости дорогие,
Каза̀ченьки молодые.[2]
3. Они пили, гуляли,
Ша̀ры-ба̀ры выбивали,
4. Ша̀ры-ба̀ры выбивали,
Урядничка обругали: [3]
5. «Ты, рассукин сын урядник,
Не ходи ты мимо саду,
6. Не ходи ты мимо саду,
Не топчи мою рассаду,—
7. Я не для̀ тебе садила,
Не для тебе поливала.
8. Для того ли я садила,
Кого в садику любила.
9. Для того ли поливала,
Кого в саду целовала,
10. Целовала, миловала,
Раздушачкой называла:
11. «Ты, раздушачка молодчик,
Донской казачёчек!»
12. — «Я малёхунек родился,
Я глупёхунек женился,
13. Я глупёхунек женился,
Женой шельмой раздобылся.
14. Узял сабе не женёнку,
Узял сабе лиходейкю»
15. Жана его [4] не взлюбила,
На карватку не пустила.
16. Сы карватушки спихнула,
Ручку, ножку сывихнула,
17. Головушку пролюмила,
Кровь горячую пустила.
18. Болит ручка, болит ножка,
Болит буйная головка.
19. Стала ноженька болети,
Стала жёнушка жалети.
20. Жана ходя, уздыхая,
Что не скоро издыхая.[5]

Ст. Екатерининская, 1898—1901.

---

[1] Припев по данному образцу после каждого двустишия.

[2] Вар.—«Мово милого родные». «Офицеры молодые».
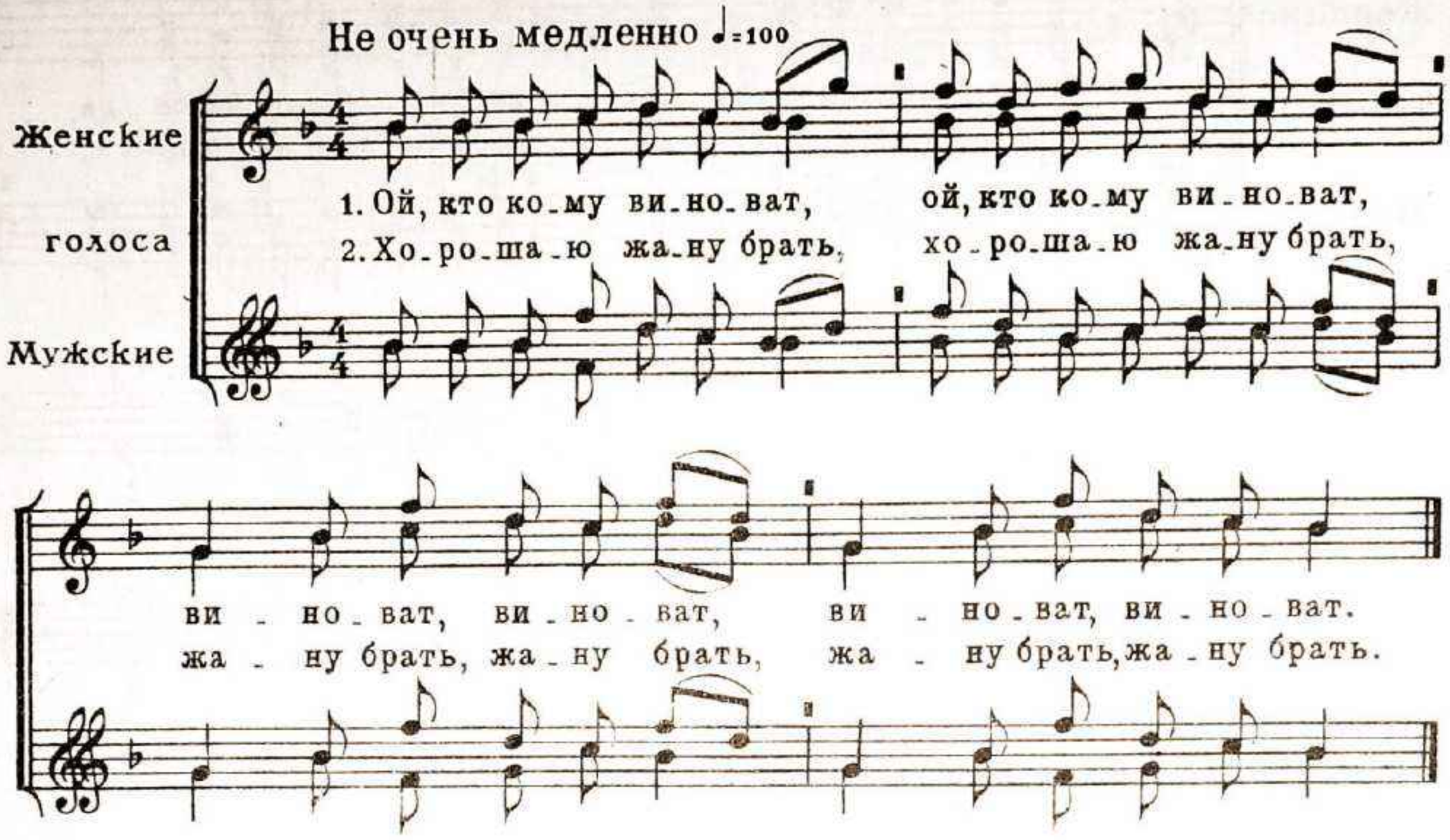
[3] Вар. «Соседушку обругали».

[4] Вар. «мене».

[5] «Ходя, уздыхая, издыхая»—«ходит, вздыхает, издыхает». Вар. «Что не скоро муж сдыхая».

19. ОЙ, КТО КОМУ ВИНОВАТ

По хорошей по жене знают люди и мене

1. Ой, кто кому виноват[1]
   Виноват, виноват,
2. Хорошаю жану брать,
   Жану брать, жану брать!
3. Жана хват, жана хват,
   Жана хват, жана хват,
4. Она любит погулять,
   Погулять, погулять,
5. С хорошими людями,
   Людями, людями,
6. С казаками донскими
   Донскими, донскими,
7. По хорошей по жане
   По жане, по жане
8. Знают люди и мене,
   И мене, и мене.
9. Из города барыня,
   Барыня, барыня,
10. С Черкасского бравая,
    Бравая, бравая.
11. Как у этой барыни,
    Барыни, барыни

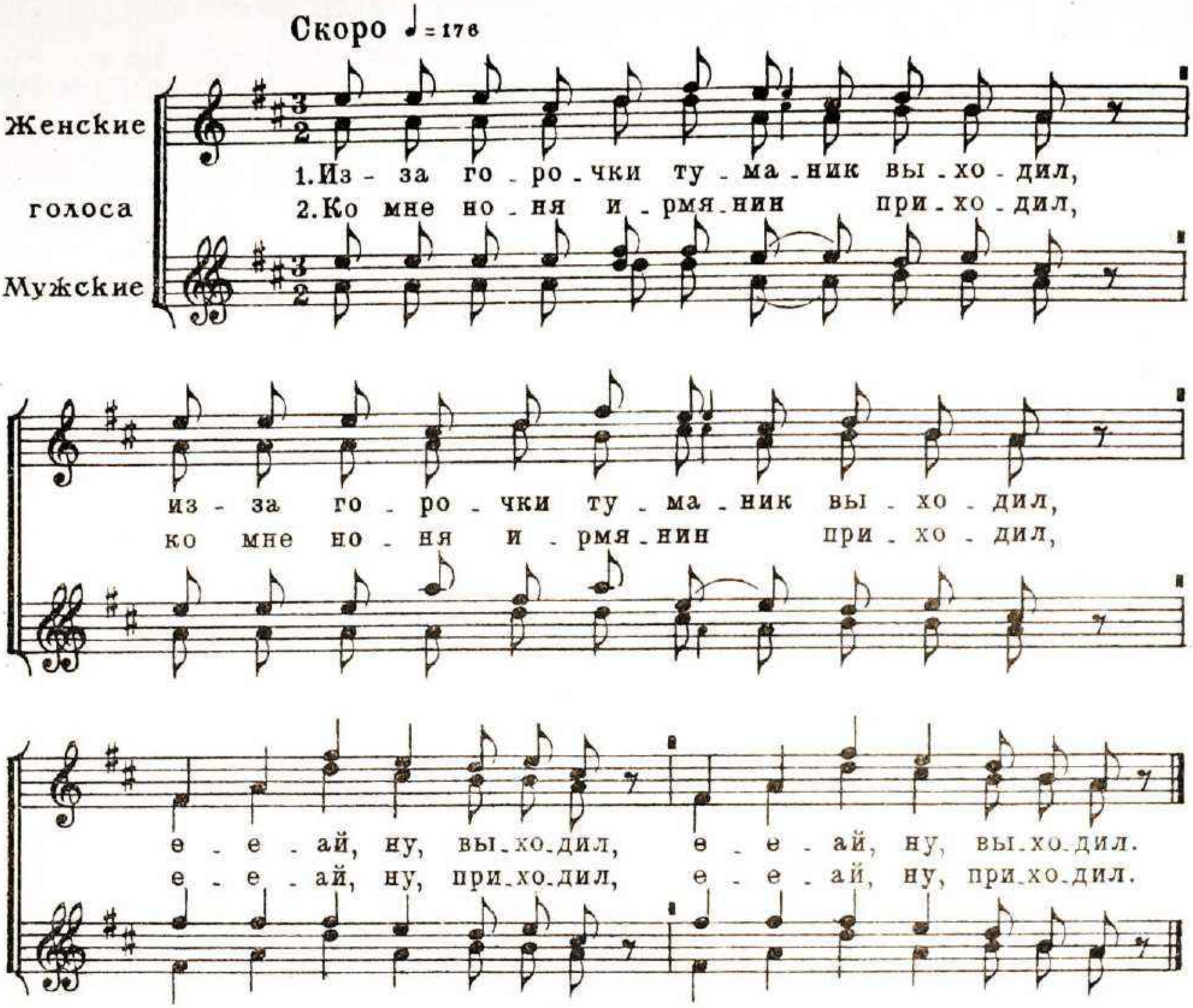
[1] Каждый нечетный стих в исполнении повторяется.

12. Пара коней карие,
Карие, карие,
13. Извошшички бравые,
Бравые, бравые,
14. Кудрявые ребяты,
Ребяты, ребяты,
15. Прелестные казачки,
Казачки, казачки.
16. Двое бабочку любили,
Любили, любили,
17. След за нею ходили,
Ходили, ходили,
18. Подарочек носили,
Носили, носили.
19. Подарочек небольшой,
Небольшой, небольшой
20. Недешовай, дорогой,
Дорогой, дорогой,—
21. С руки перстень золотой,
Золотой, золотой,
22. Серебряна колечка,
Колечка, колечка
23. «Болит моя сердечка,
Сердечка, сердечка.
24. Болит сердца и живот,
И живот, и живот.
25. Милай дома не живёт,
Не живёт, не живёт.
26. Мой миленький маленький,
Маленький, маленький,
27. Цветочек мой аленький,
Аленький, аленький.
28. Уж я его не боюсь,
Не боюсь, не боюсь,
29. Гулять пойду, не спрошусь,
Не страшусь, не страшусь,
30. С гульбы приду, не скажусь,
Не скажусь, не скажусь,
31. Иде была, гуляла,
Гуляла, гуляла,—
32. Во царёвом кабаке,
Кабаке, кабаке,
33. Во шалкóвом колпаке,
Колпаке, колпаке.
34. Уж я ему не явлю,
Не явлю, не явлю,
35. Что хорошего люблю,
Я люблю, я люблю!»

Станица Екатерининская, 1897—1900.

20. ИЗ-ЗА ГОРОЧКИ ТУМАНИК ВЫХОДИЛ

На бабочку глядеть было любочко

1. Из-за горочки туманик выходил.

Припев:

Е-е, ай, ну, выходил.[1]

2. Ко мне ноня ирмяни́н[2] приходил,
3. Полудюжины вина приносил.
4. А я эта вино выпила,
5. Ирмянина с куреня выгнала:
6. «Иди, иди, ирмянин, с куреня,

---

[1] Каждый стих повторяется. Припев также повторяется.
[2] Армянин. Вар. «старичёк», «старичёчка».

7. А я-таки приударю гайдачка!»
8. Гайдаченька, гайдачёк, гайдачёк,
9. Молоденький, хорошенький казачёк!
10. Он и ходя частёхунькя в кабачёк,
11. Надевая фуражечку на бочёк,
12. Выбирая хорошеньких бабочек.[1]
13. На бабочке[3] с оборочкой юбочка,
14. На бабочку[3] глядеть было любочка.
15. На бабочке гарусовый колпачёк,
16. На бабочку любил глядеть казачёк.[2]
17. Застучало, зашумело в голове,
18. Закипели самовары на столе.
19. Не успела самовары затушить,
20. А мой миленький с Черкасского бяжить.[3]
21. А мой милай на порог, на порог,
22. А я ему на тарелочке пирог.
23. А мой милай на крылец, на крылец,
24. А я ему на тарелочке блинец.
25. А мой милай всё за стол, всё за стол,
26. А я ему на тарелочке мосол.
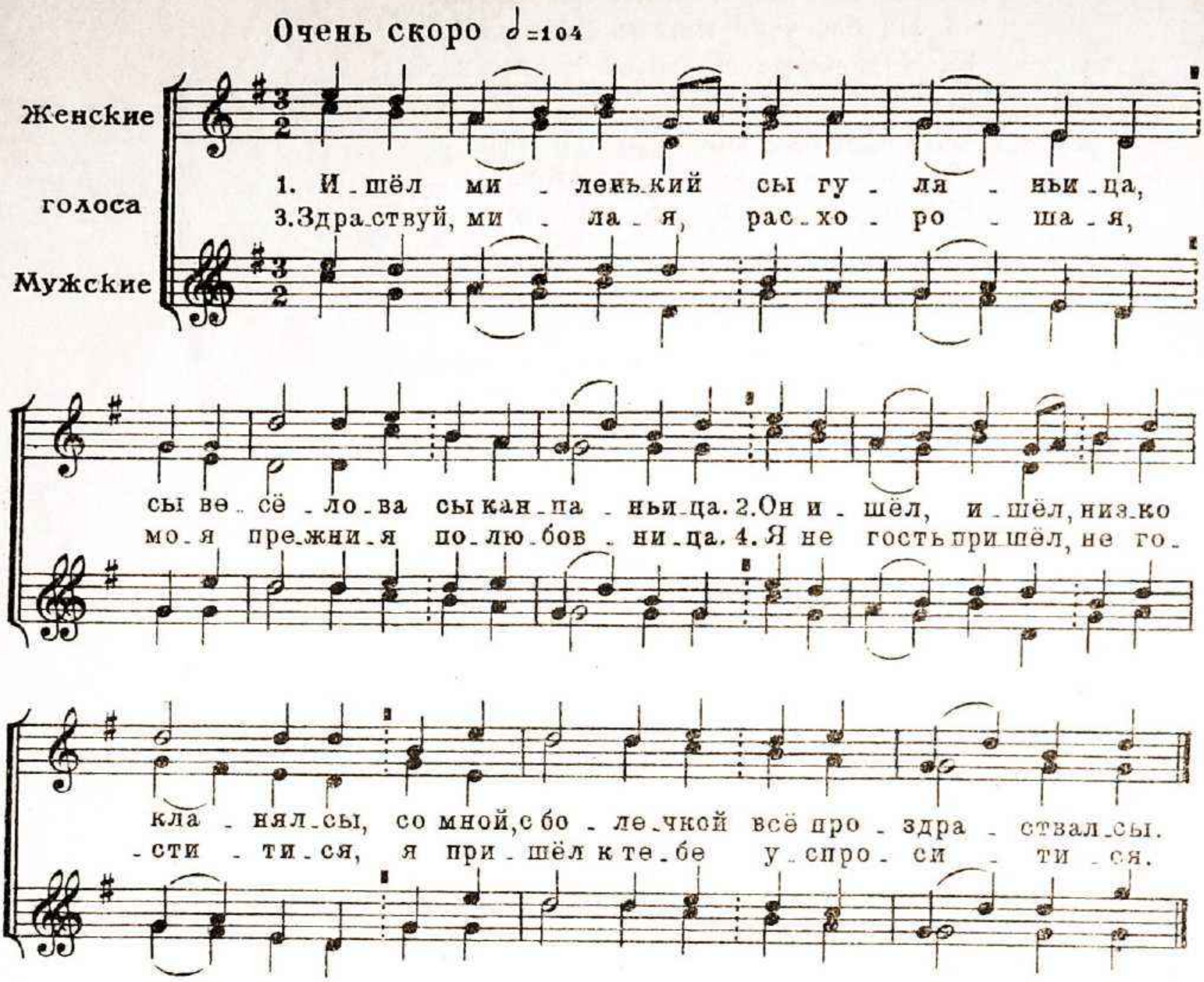
Станица Екатерининская, 1898

---

[1] Вар. «девочек», «на девочке», «на девочку».
[2] Вар. «На бабочке бело-розовай колпак,
Она ходя частёхунькя у кабак».
[3] Вар. «из города бяжить».

21. ИШЕЛ МИЛЕНЬКИЙ СЫ ГУЛЯНЬИЦА

Милый изменил

1. Ишёл миленький сы гуляньица,
   Сы весёлого сы конпаньица.

2. Он ишёл, ишёл, низко кланялси,
   Со мной, с болечкой, всё проздраствалси:

3. «Здравствуй, милая, расхорошая,
   Моя прежняя полюбовница!

4. Я не гость пришёл, не гоститися,
Я пришёл к тебе успроситися,—

5. Дозволь, душечка, мне жаниться младцу!»
— «Ты жанись, жанись, разбессовестный!

6. Я не чаяла вашей совести,
Что вы скажетя мне словечушка,—

7. Простpялил мою грудь-сердечушку!
Ты возьми, возьми свой булатнай нож,

8. Ты разрежь мои груди белаи,
Посмотри моя ретивò сèрдца.

9. Каково сердца разгорается,
Таково с милым расставаньица.

10. Давай, миленький, что-й расстанемся,
Мы подарками разменяемся.
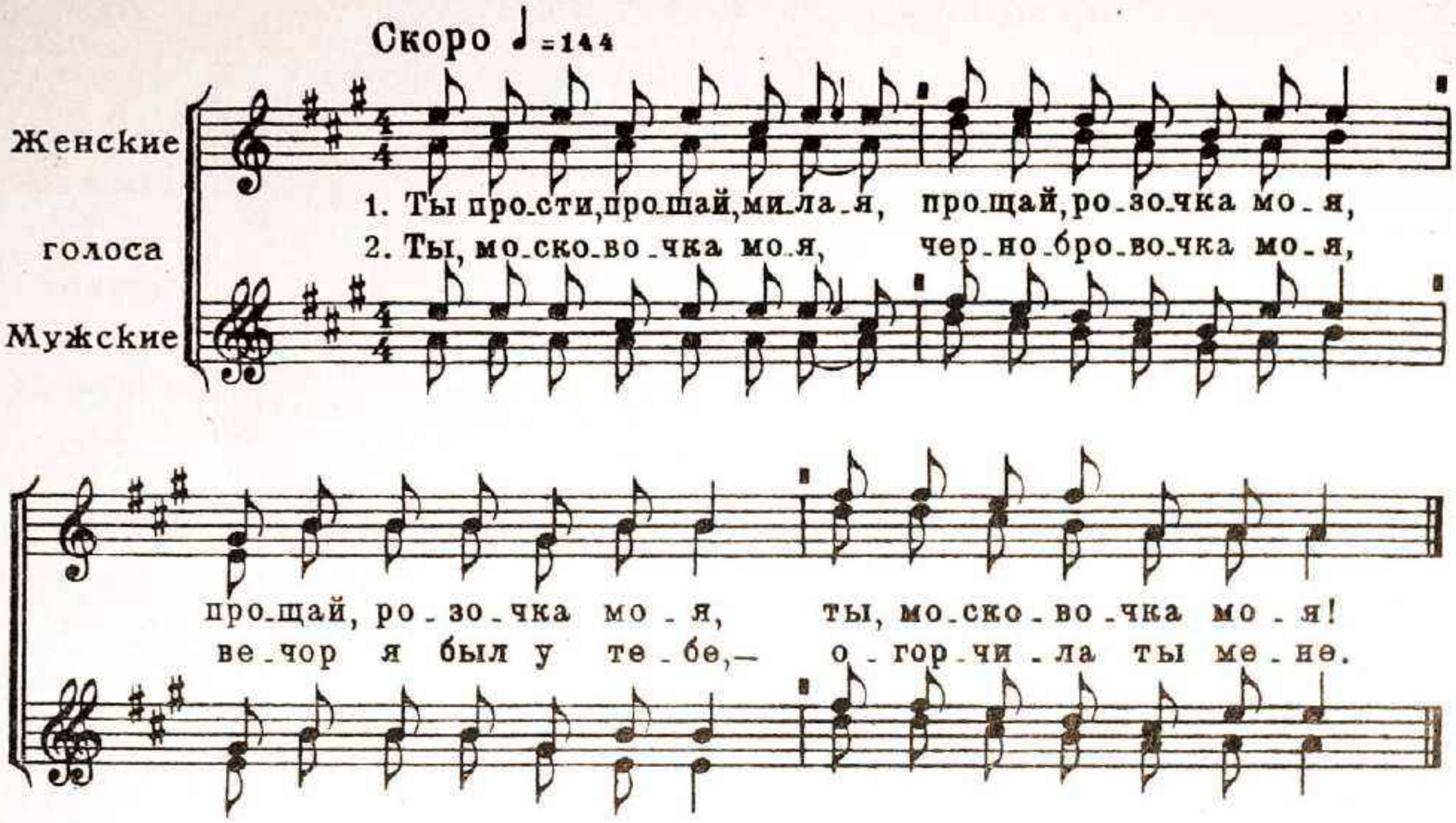
11. Ты отдай мою золотая кольцо,
Ты возьми своё обручальная!»

Станица Екатерининская, 1898.

22. ТЫ ПРОСТИ, ПРОЩАЙ, МИЛА̀Я

(Ты, московочка моя)

Огорчила чернобровочка

1. Ты прости, прощай, мила̀я,
   Прощай, розочка моя,

2. Прощай, розочка моя,
   Ты, московочка моя.[1]

3. Ты, московочка моя,
   Чернобровочка моя!

4. Вечо́р я был у тебе,
   Огорчила ты мене,

5. Огорчила ты словами,
   Не ласково приняла,

6. Не ласково приняла,
   Небылицу признесла,[2]

7. Небылицу, пустырницу;
   Пусты речи и слова.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первых четырех, повторяется.
[2] «Признесла» — произнесла.

8. Ты поверь, моя милая,
Поверь совести всегда,

9. Поверь совести всегда,
Не совру я никогда.

10. Хоть один я раз совру,
Тебе, розочка, люблю.

11. Любил, люблю, любить буду,
Никогда я не забуду

12. Свою прежнюю любовь,
Как любились мы с тобой,

13. Как любились, любовались
Во горенке во новòй,

14. На карвати тесовòй,
На пярине пуховòй,

15. На пярине пуховòй,
На рученьке на правòй.

16. А теперь, моя милàя,
Разлучают нас с тобой,

17. Разлучила, развела
Чужадальня сторона.

18. Я надеюся порой,
Что увижуся с тобой.

19. Как увижу, друг, тебе,
Сыпадет тоска с мене.

20. Милая, жалкая,
Кровная, зазнобная!

21. Зазнòбила ты мене
На вòроном на коне,
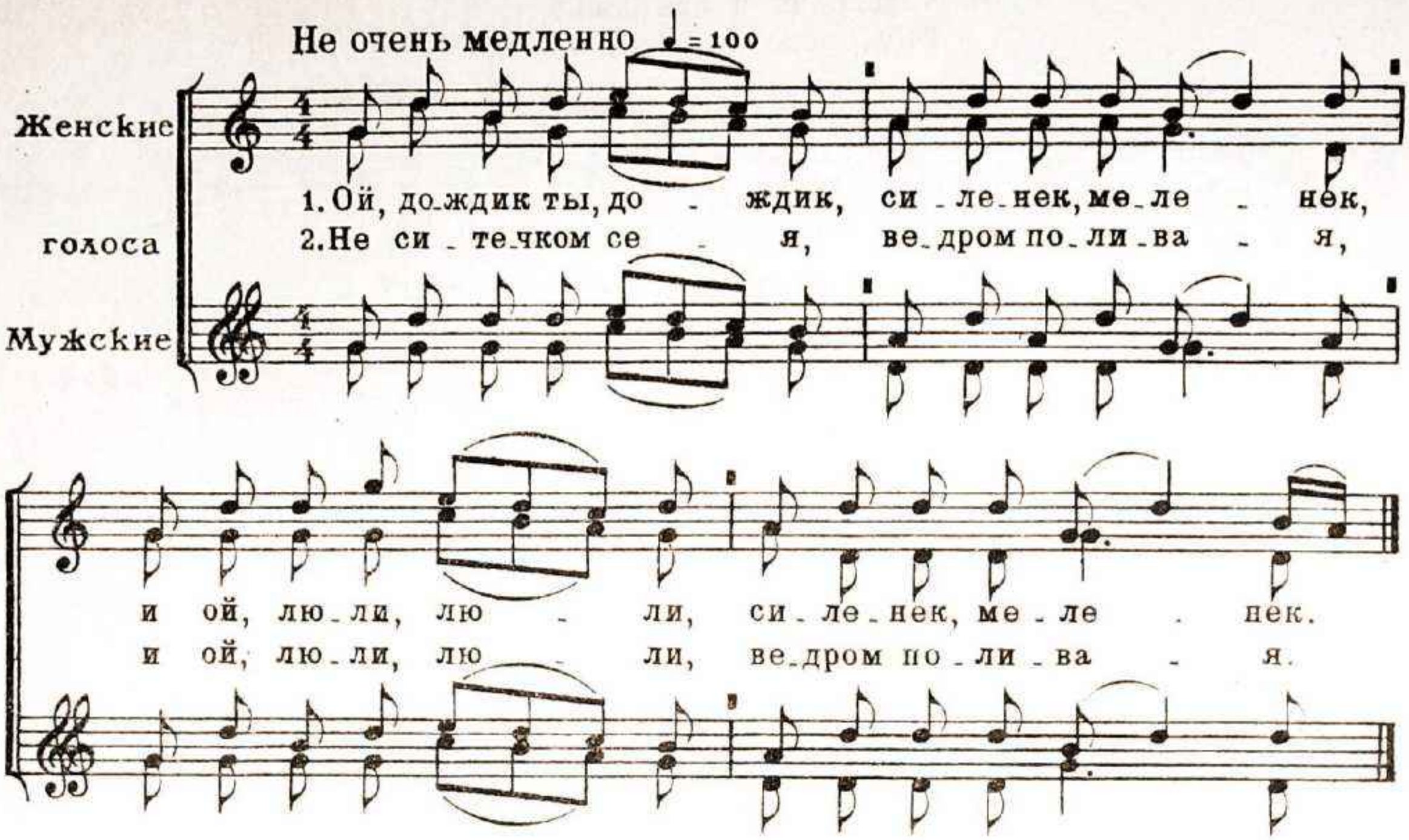
22. На черкесским на седле,—
Права ножка в стременѐ,

23. Перчаточка на руке,
А плёточка во руке.

Станица Екатерининская, 1898—1901

23. ОЙ, ДОЖДИК ТЫ, ДОЖДИК

Сестрицу отдали в несогласную семью

1. Ой, дождик, ты, дождик,[1]
Силѐнек, милѐнек,

Припев:

И-ой, люли, люли,
Силѐнек, мелѐнек![2]

2. Не ситечком сея,
Ведром поливая,

3. А братец сястрицу
На ручках качая,

4. На ручках качая,
Её величая:

5. «Сястрица родная,
Вырасти большая!

6. Вырастешь большая,
Отдам тебе замуж,
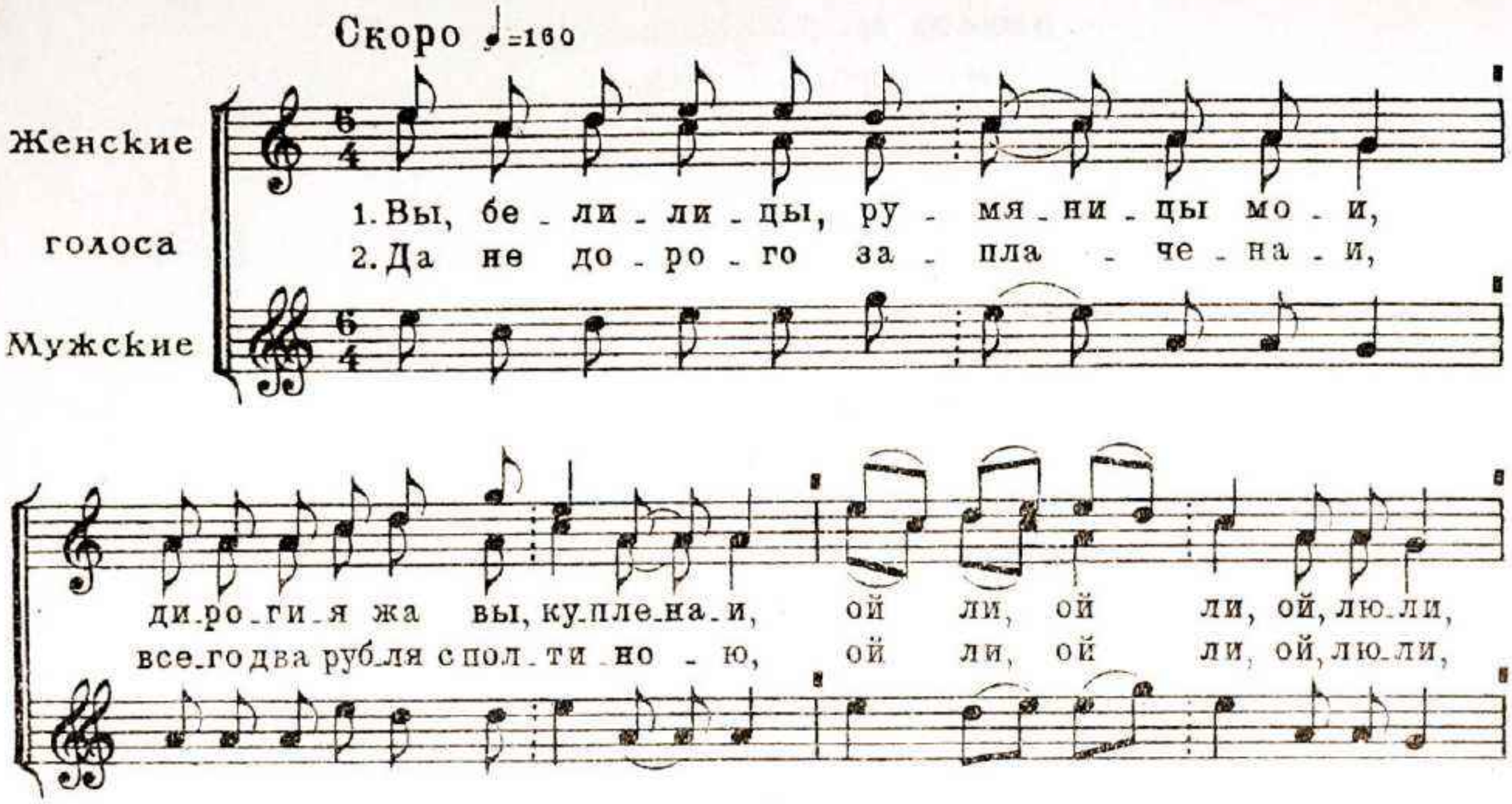
---

[1] Варианты: «Ой, на дворе дождик», «Ой, на дворе дож, дож».
[2] Припев после каждого двустишия.

7. **В инуя деревню,**
В согласнаю семью!»
8. **Иде ни поеду,**
К сястрицы заеду:
9. **«Здорова ль, сястрица,**
Здорова ль, родная?»
10. — «Нездорова, братец,
Нездорова, рòднай.
11. Дубовани двери
Всю ночь проскрыпели».
12. **«Шалковая плётка**
На стенке ль висела?»
13. **— «Ой, там не висела,**
Всю ночь просвистела!
14. А я, молодёнька,
Всю ночку не спала,
15. Скакала, плясала
С донскими казаками,
16. С донскими казаками,
С удалыми молодцами.
17. За эти за скàчки,
За эти за пляски
18. Мене свёкор бил, бил,
Мене родненький бил, бил
19. Не лёгким, чижолым,
Дубовым поленом,
20. Дубовым поленом
Да всё по коленам.
21. А всё чрез золовок,
Через колотовок,
22. Они кутют, мутют,
До свёкра доводют!
23. Сы этих побоев,
Сы этих чижолых
24. Неделю хворала,
Другуя стогнала,
25. На третьей неделе
Стала уставати,
26. Костыль в руки брати,
Телят прогоняти,
27. Телят прогоняти,
Семью проклинати!»

Станица Екатерининская, 1898.

24. ВЫ, БЕЛИЛИЦЫ, РУМЯНИЦЫ МОИ

Распостылый муж и любовь „по-старому“

1. Вы, бялилицы, румяницы мои,
   Дорогие жа вы купленаи,
Припев:
   Ой ли, ой ли, ой люли,
   Дорогие жа вы купленаи [1],
2. Да не дорого заплаченаи,—
   Всего — два рубля с полтиною,
3. Сыкатитесь сы бела̀ лица долой:
   Как приедя распостылай муж домой,—
4. Привезёт жа мне подарок дорогой,
   Шалко̀вую мне плёточку с махром.
5. На нём шапочка-хуражачка,
   Бахто̀вая [2] рубашачка,
6. Шалкова̀я подпоясочка,
   Вы рубашачке косой ворото̀к.
7. Я поеду во иной городок,—
   Не найду ли там таких мастеров,
8. Чтобы сделали по старому любовь:
   Чтоб любили одни бабы казаков, [3]
9. Чтоб любили одни бабы казаков,
   А молодушки молодчиков,
10. А удовушки удовчиков,
    Красны девки кавалерчиков.

Станица Екатерининская, 1898—1900.

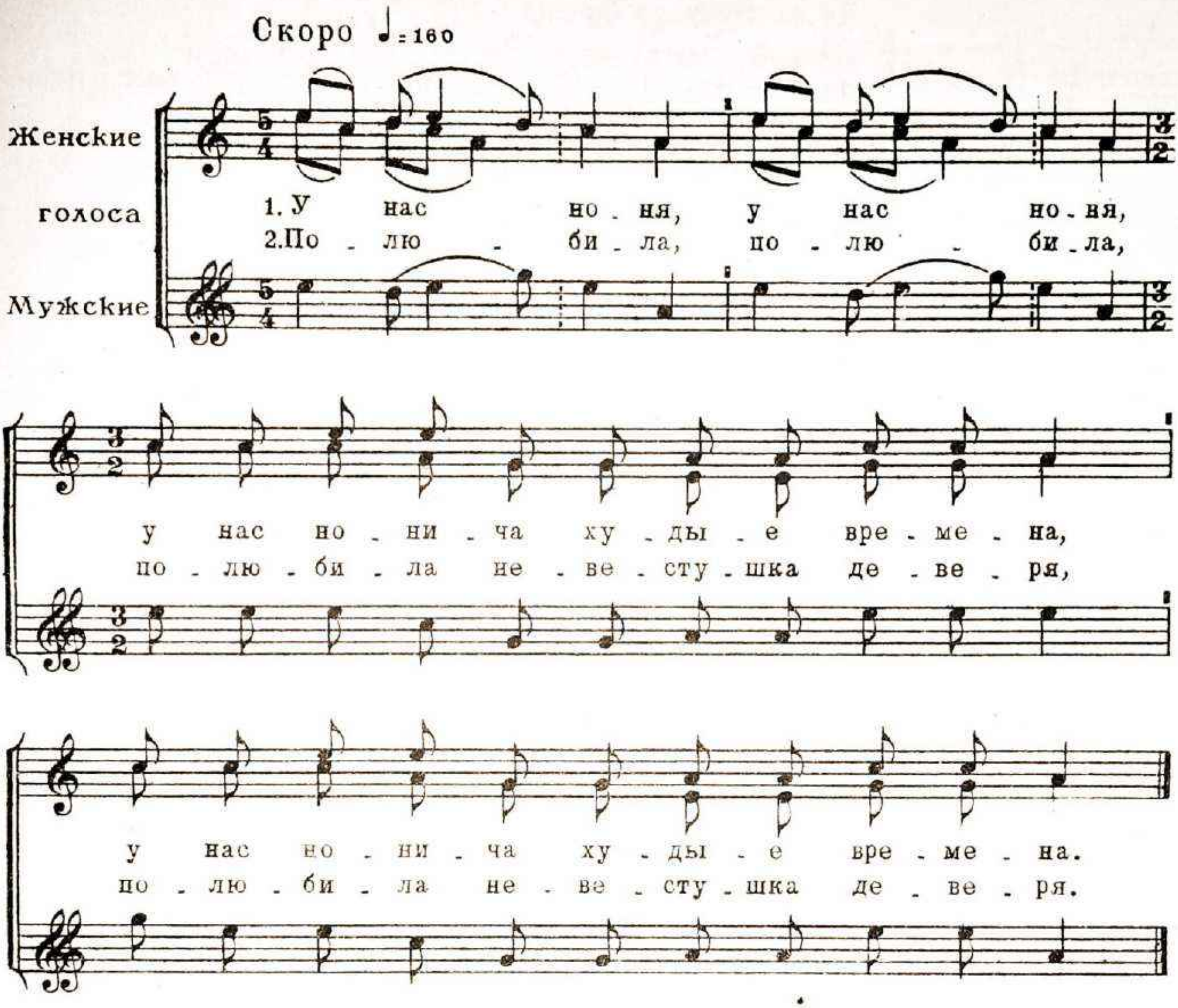
[1] Припев в такой форме после каждого двустишия.

[2] «Бахто̀вая» — бархато̀вая, бархатная.

[3] Чтоб любили «казаков», т. е. женатых, только замужние бабы; молодоженов-молодчиков — молодайки (молодушки); вдовушки — вдовцов; красны девушки — неженатых ребят, кавалерчиков, вар. — «малолеточков». Так считалось — «любить по-старому».

25. У НАС НОНЯ ХУДЫЕ ВРЕМЕНА

Невестушка полюбила деверя

1. У нас ноня, у нас ноня,
   У нас нонича худые времена,—[1]

2. Полюбила, полюбила,
   Полюбила невестушка деверя.

3. У деверя, у деверя,
   У деверя всё рявнивая жана,

[1] Каждый четный стих повторяется.

4. Рявнивая, рявнивая,
Рявнивая, хлопотливая,—

5. Не пуская, не пуская,
Не пуская на улицу погулять,

6. На улицу, на улицу,
Да на улицу, на йгрища.

7. На улицы, на улицы,
Да на улицы й-удовушка живёт.

8. В удовушки, в удовушки,
В удовушки сидят гостюшки,

9. Сидят гости, сидят гости,
Сидят гости по лавочкам,

10. По лавочкам, по лавочкам,
По лавочкам, по скамеечкам,

11. А мой деверь, а мой деверь,
А мой деверь—на поставушке.

12. Сидит деверь, сидит деверь,
На поставушке, на краюшке.

13. А я ямў, а я ямў,
А я яму всё кивну, моргну,

14. Кивну, моргну, кивну, моргну,
Кивну, моргну, сама прочь пойду.

15. А мой деверь, а мой деверь,
А мой деверь догадается,

16. Сы постава, сы постава,
Сы постава подымается,
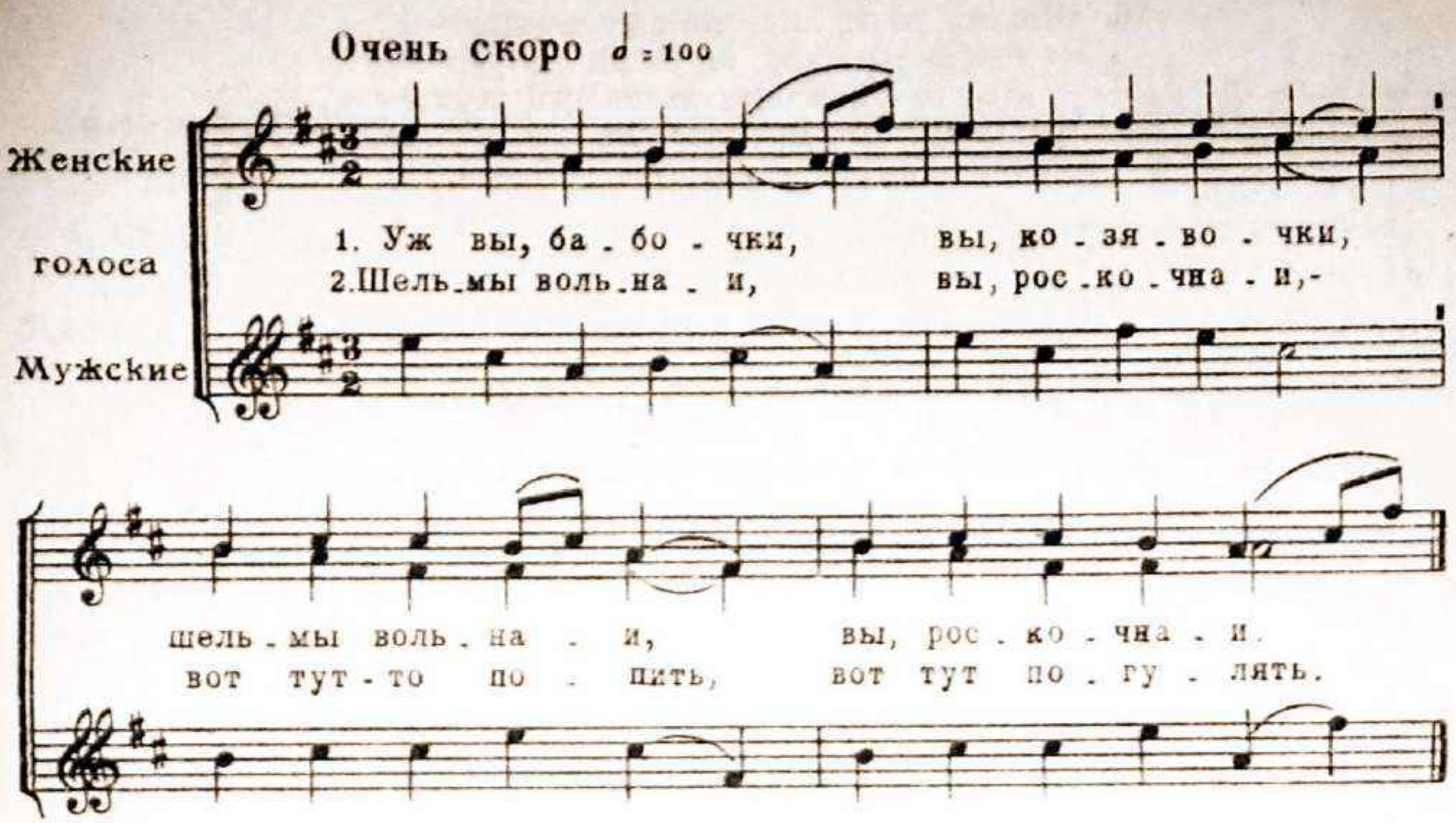
17. В сапожечки, в сапожечки,
В сапожечки обувается,

18. За мной, младой, за мной, младой,
За мной, младой, убирается.

Станица Екатерининская, 1898—1901

26. УЖ ВЫ, БАБОЧКИ, ВЫ, КОЗЯВОЧКИ

За коня мать сына бранит

1. Уж вы, бабочки, вы, козявочки,
Шельмы вольнаи вы, роскочнаи![1]
Вот тут то попить, вот тут[2] погулять, —
Мужа дома нет, некому ревновать.

5. «Свёкор-батенька, пусти погулять!»
— «Я кожу спушшу, гулять не пушшу!»
«Кожа волочется,[3] гулять хочется,
Кожа тянется, гулять манится.
Кожу подберу, а гулять пойду.

10. Я украдуся, нагуляюся,
Уворуся я да нацалуюся,
Сы милым дружком нагутарюся!»
Всю ночь прогуляла, бяды не видала,
Заря занялась, беда случилась.

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется. «Раскочнаи»—роскошные.

[2] Вар. «с горя».

[3] Вар. «Кожа тошшится».

Ехали бояре, забор разобрали,
Забор разобрали, коней позабрали,—
Карего, гнедого моего милóго.
За тово коня мать сына бранѝт,
Мать сына бранит, вялит жану бить:

«Что жа ты за сын, что за семьяни.!,—
Не бьёшь ты жану, не учишь добру!»
— «За что жану бить, за что жа учить?
Мне сызмóлоду по душе она.
Постой, маменькя, дождусь ярманки,

Поеду, младец, да на ярманочек,
Куплю плёточку шалковенькаю
На жанёночку (да) молоденькаю.
Вдарю по стене, скажут—по жане,
Вдарю по подушке, скажут—по жанýшке.

Заставлю жанёнку неделю хворать,
Неделю хворать, другуя стогнать.
На третьей неделе станет уставать,
Станет уставать, костыль в руки брать,
Костыль в руки брать, коров загонять,

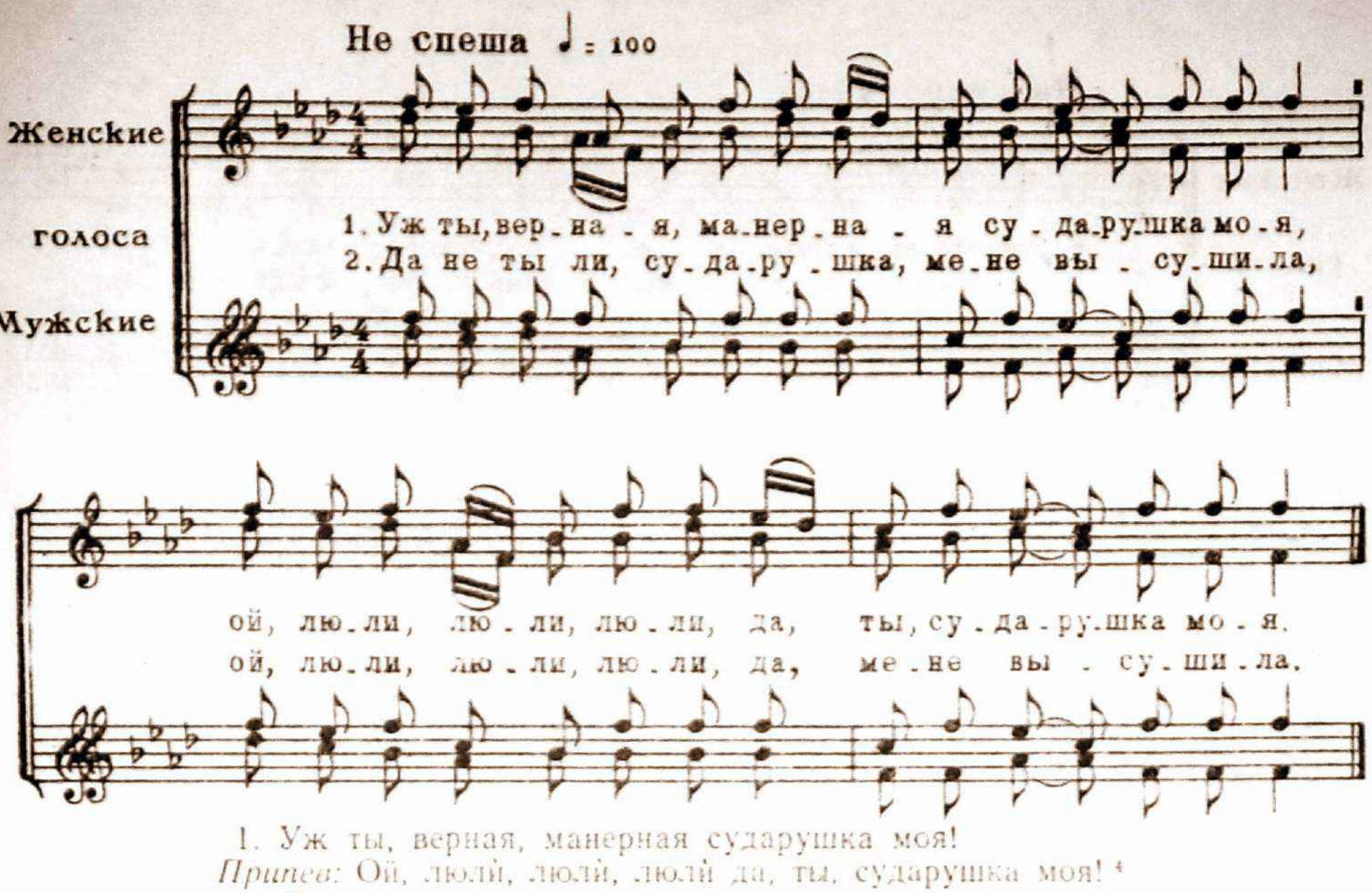
Коров загонять, семью проклинать:

«Что ты за семья (да) распроклятая!»

Станица Екатерининская, 1898

27. УЖ ТЫ, ВЕРНАЯ, МАНЕРНАЯ

Сударушка манерная меня высушила

1. Уж ты, верная, манерная сударушка моя!
Припев: Ой, люли́, люли́, люли́ да, ты, сударушка моя![1]
2. Да не ты ли, сударушка, мене высушила,
3. Без мороза ретивóго сердца вы́знобила.
4. Присушила сухоту кы моёму животу.
5. Присушила чёрны кудри кы буйно́й голове
6. Да заставила шататься по чужой стороне.
7. Ты заставила любить чужамужнюю жану.
8. Чужамужняя жана (да) лебёдушка белая,
9. А моя шельма-жана (да) полынь горькия трава.
10. Полынь горькия трава (да) на меже в поле росла,
11. На меже, меже, меже, в чистом поле[2] рубеже.
12. Через поля, поля, поля пелепёлушка[3] лятит,
13. Пелепёлушка лятит, перепо́рхивает,
14. А моя шельма-жанёнка перемо́ргивает.
15. Не вари кашу крутуя, вари жиденькию,
16. Не люби девку сухуя, люби сытенькию.
17. Да никто эту былинку не искýсит,[4] не сорвёт,
18. Да никто эту девчонку никто замуж не возьмёт,
19. Никто замуж не возьмёт, не посватается,
20. Не посватается, не порадуется,—
21. Ни купец, ни вдовец, ни удалай молодец.
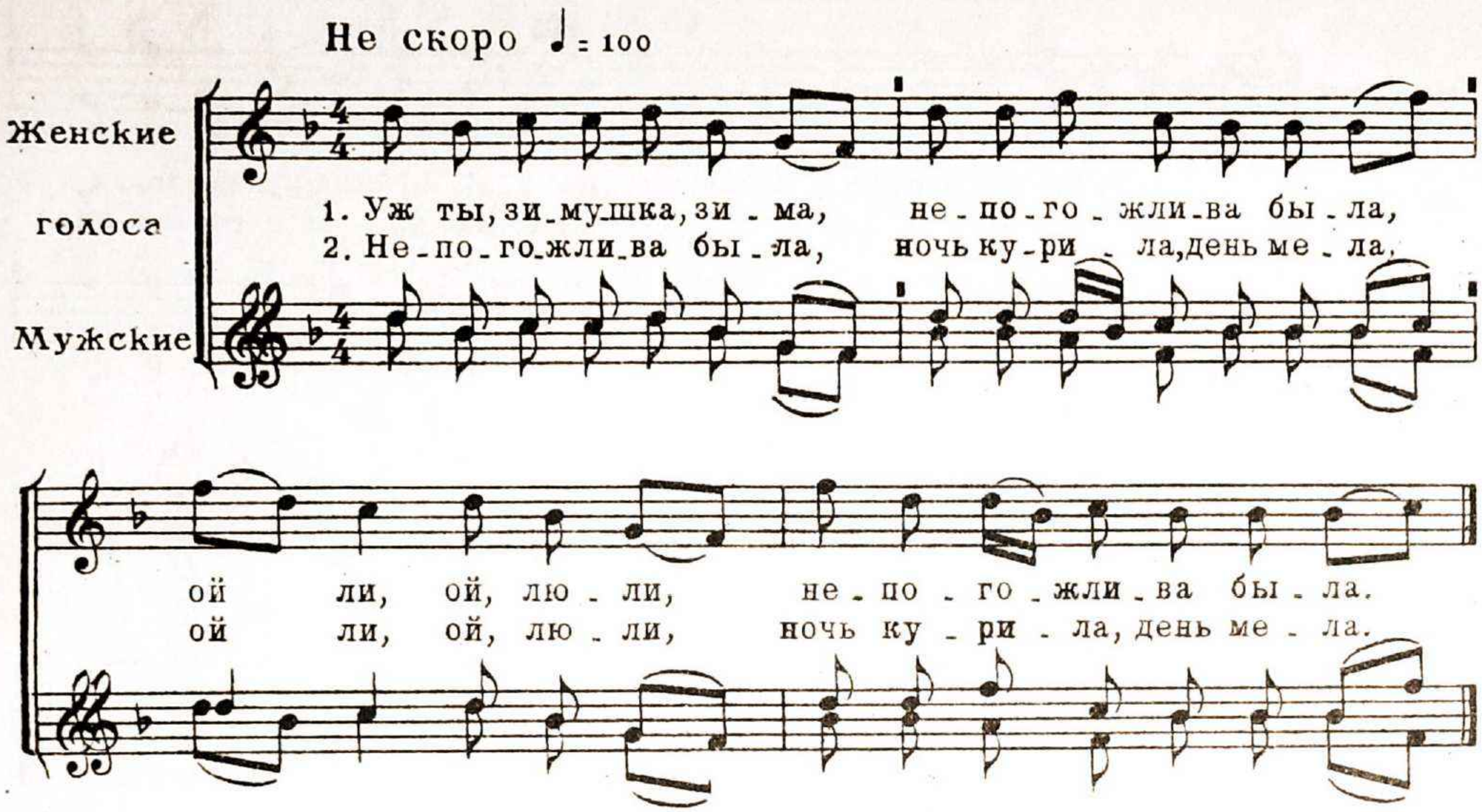
Станица Екатерининская, 1898—1900.

---

[1] По данному образцу строится припев к каждому стиху.
[2] Вар. «на кургане».
[3] «Пелепёлушка» — перепелушка.
[4] «Не искýсит» — не скýсит.

28. УЖ ТЫ, ЗИМУШКА, ЗИМА

Селиванова дочка

1. Уж ты, зимушка, зима,
Непогожлива была,[1]

Припев:

Ой ли, ой люли,
Непогожлива была.[2]

2. Непогожлива была,
Ночь курила, день мела,

3. Ночь курила, день мела,
Все дорожки замела.

4. Чи дож, чи мороз,
Чи метелица метёт!

5. Как по этой по метели
Троя саней пролетели,—

6. Двоя саней с козырями,
Третьи с вырезами.

---

[1] «Непогожлива» — непогожая.
[2] По данному образцу строится припев к каждому двустишию.

7. Как во этих во санях
По три молодца сидят,

8. По три молодца сидят,
В одну сторону глядят,

9. В одну сторону глядят,
Славны речи говорят,

10. Славны речи говорят,
Приворачивать велят,

11. Приворачивать велят
К Селивану кы двору.

12. В Селивана старика
Была дочка хороша,

13. Была дочка хороша,
Черноброва, пригожа̀,

14. Черноброва, пригожа̀,—
Дарья Селивановна.

15. «Дарья Селивановна,
С чего дюжа пьяная?»

16. — «А у батеньки была,
Мёд-горелочку пила,

17. Я от батеньки пошла,
Во царёв кабак зашла».

Вариант конца с 10-й строфы:

10. Славны речи говорят,
Всё Кузютушку бранят:

11. «Ой, кто это по й-улицы
Дороженьку проторил,—

12. Рассукин сын Кузютушка,
Он кы девочке ходил.[1]

13. Он кы девочке ходил,
Всё гостинчика носил,—

14. По три склянницы вина,
По чатыре калача,

15. По пряничку медовым,
По яблочку садовым.
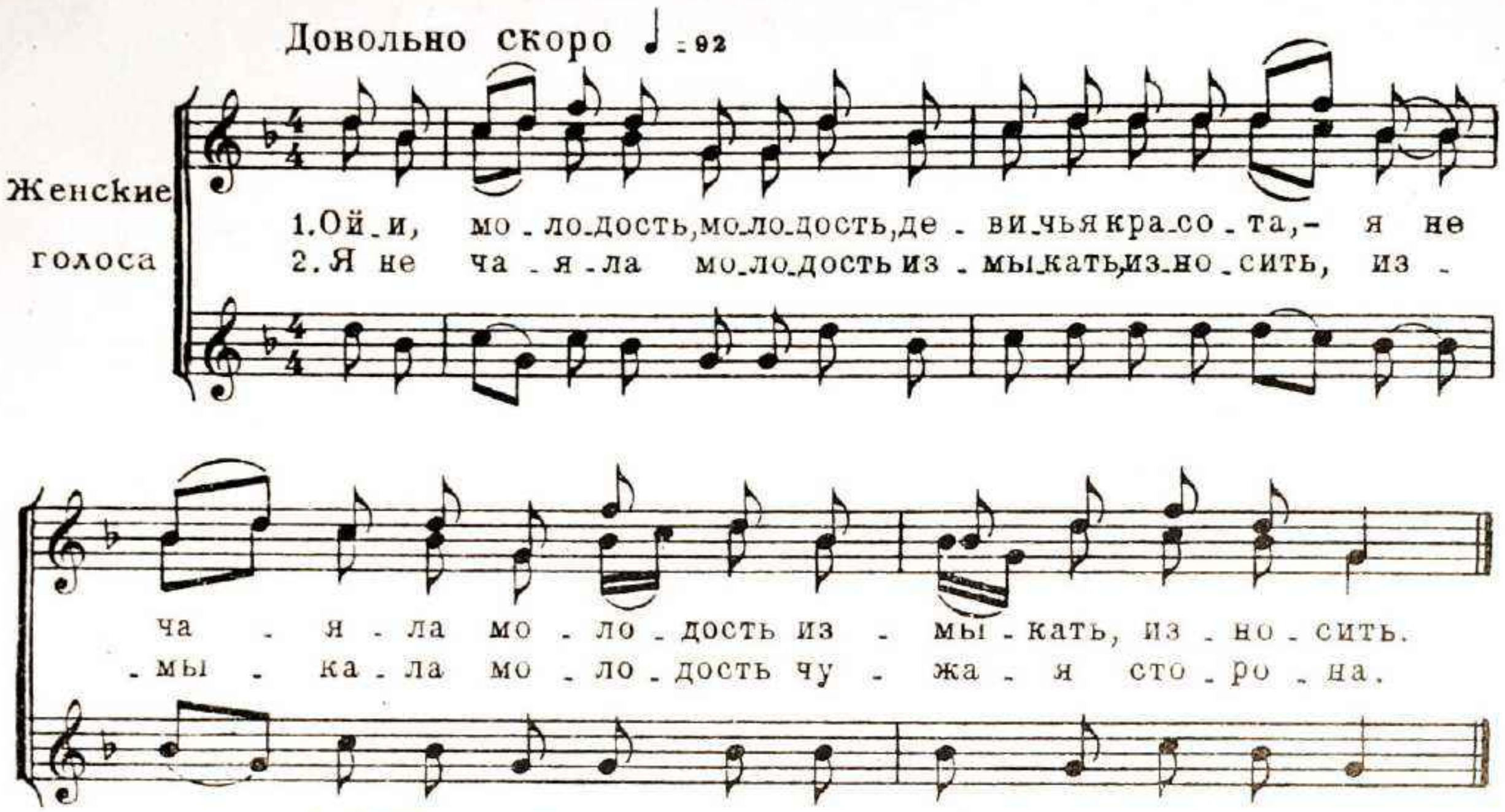
Станица Екатерининская, 1898, 1900.

---

[1] Вар. «Он кы бабочке ходил».

29. ОЙ-И, МОЛОДОСТЬ, ДЕВИЧЬЯ КРАСОТА

Чужие люди нерассудливые

1. Ой,[1] и молодость, молодость, девичья красота!
Я не чаяла молодость измы́кать, износить.[2]
Измыкала молодость чужая сторона,
Чужая сторона, отец-мать не своя.
5. Как чужие-то люди нерассудливаи,—
Они позно спать кладут, рано сбуживают.
Я й-у батеньки, й-у маменьки одна дочка была,
У родимого брату́шеньки понежилася,
Я понежилась, полелеялась:
10. Я до солнушка сыпала, сы торгу́ сладко едала,
Я без чаю, без вина ни один час не была;
Я без рыбицы не сяду, без калачика не съем,
Без мило́го спать не ляжу, без надёжи не усну
Хоть и у́снется младой, во сне видится мило́й:
15. Будто, будто мой мило́й на карватушке со мной,
На карватушке со мной на пярине пухово́й,
На пярине пухово́й, на рученьке на право́й,
На рученьке на правой, а левою обнято́й.
Он левою обнимает, обра́дою[3] называет:
20. «Ты, обрада, ты, обрада, ты, обрадушка моя,
Ты обрадуешь мене, расцалую я тебе,
Не обрадуешь мене, разругаю я тебе!»
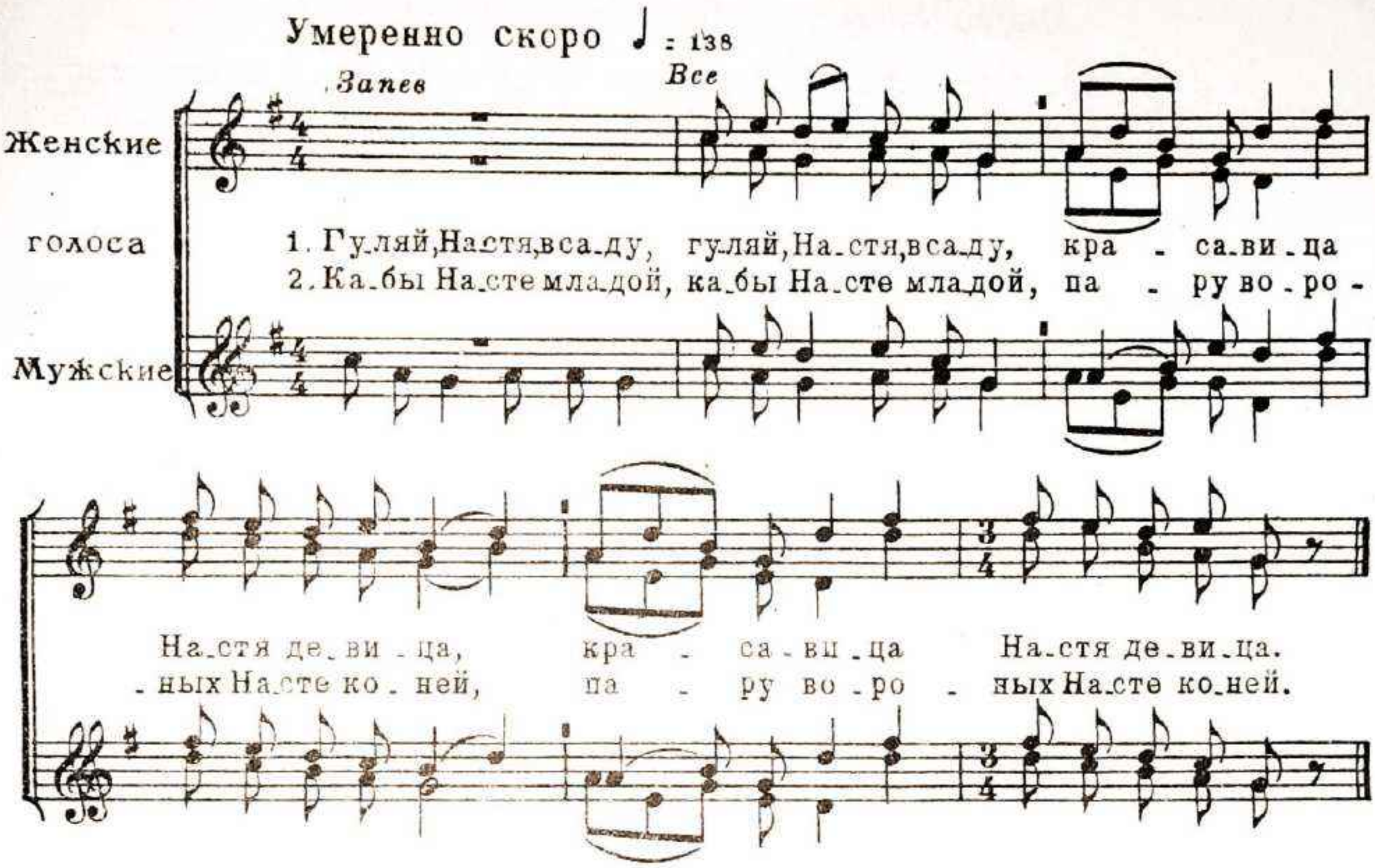
Станица Екатерининская, 1899—1901

---

[1] Вар. «Ох-и».
[2] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.
[3] «Обрада» — отрада, обрадовавшая.

30. ГУЛЯЙ, НАСТЯ, В САДУ

Красавица девица и атаманец

1. Гуляй, Настя, в саду,[1]
Красавица Настя, дѐвица!

2. Кабы Насте младой
Пару вѐроных Насте коней,

3. Пару вѐроных коней,
Полчанина Насте молодца,

4. С молодцов молодца,—
Атаманского Насте полка.[2]

5. Ходит казак по полку,
Носит кивер, кивер на боку.

6. Носит кивер на боку,
Белай султан, султан посвярхў.

7. «Ты скажи-ка, Настя,
Ты скажи, красавица,
Сы какой поры любишь мене?»

8. — «Я сы той поры люблю,
Как гуляли вместе с тобою

9. Мы не в рощах, в лесах, —
Под берёзой, в зелены́х садах».

10. Во садў вѝшанья,
В зелены́м черешанья,—
Всё-то Настина была краса.

11. Всё-то Насти краса,—
Небыльные Насти словеса.

12. Разговор Настя имела
У милѐго дружка своего.

13. Уличала, привечала,
Разговаривала.

Станица Екатерининская, 1899—1901
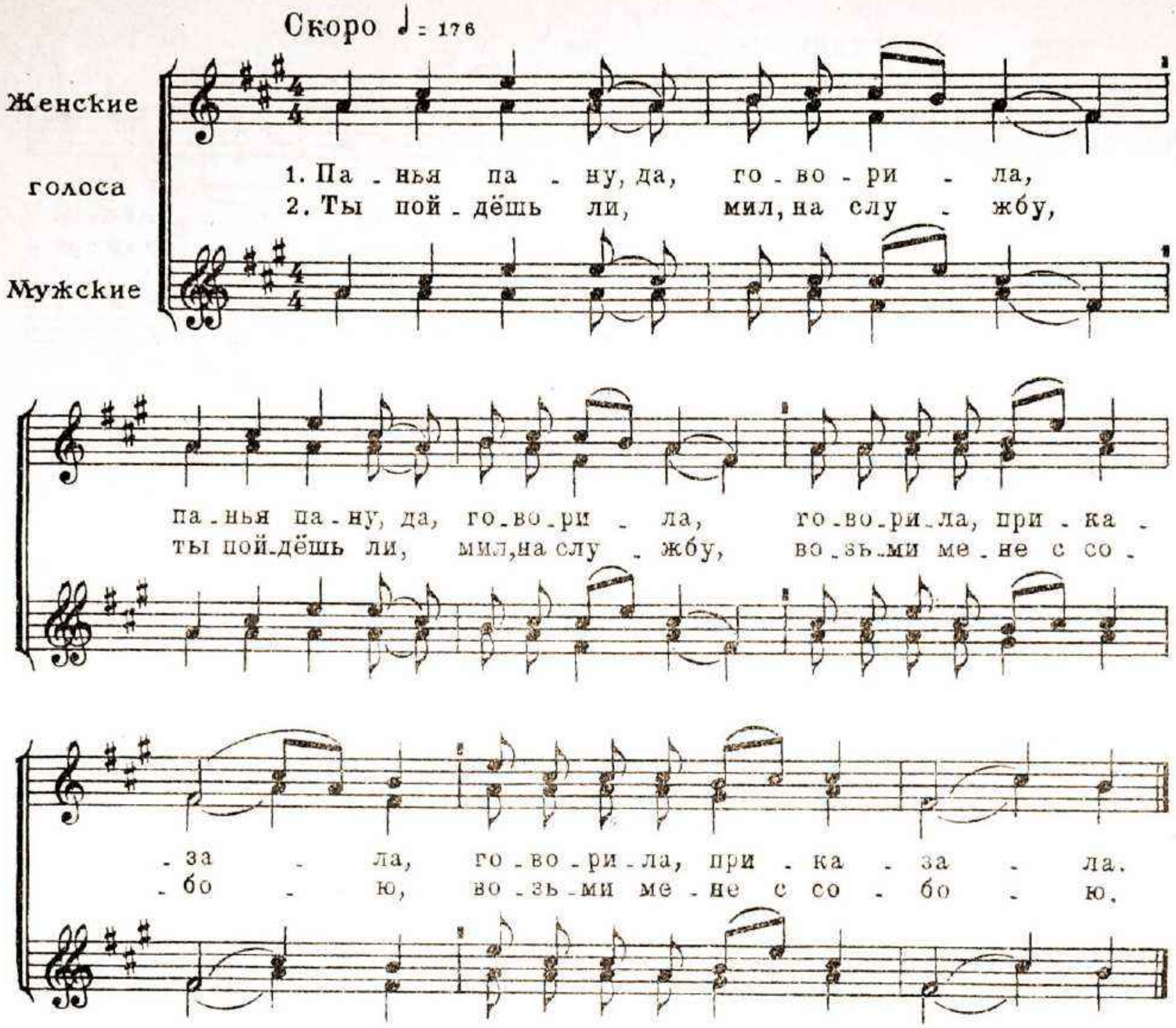
---

[1] Каждый стих повторяется, кроме первых двух стихов, в строфах 7-й и 10-й.

[2] Вар. «Из Черкасскова Насте купца». Атаманца полчанина—казака атаманского гвардейского полка.

31. ПАНЬЯ ПАНУ ГОВОРИЛА

Возьми меня, пан, на службу

1. Панья пану да говорила,[1]
   Говорила, приказала:
2. «Ты пойдёшь ли, мил, на службу,
   Возьми мене с собою!
3. Не возьмёшь мене с собою,
   Возьми мою кручину.
4. Завяжи мою кручину
   Доброму коню в гриву.
5. Ты развей мою кручину
   По чистому полю,
6. Ой, да по чистому да по полю,
   По синему морю.
7. Узойдёт моя кручина —
   Да ни рожь, ни пшаница,
8. Да ни рожь ли, ни рожь, ни пшаница,
   Трава муравáя,
9. Да трава ли, трава муравая,
   Вода ключевая».

Станица Екатерининская, 1899—1900
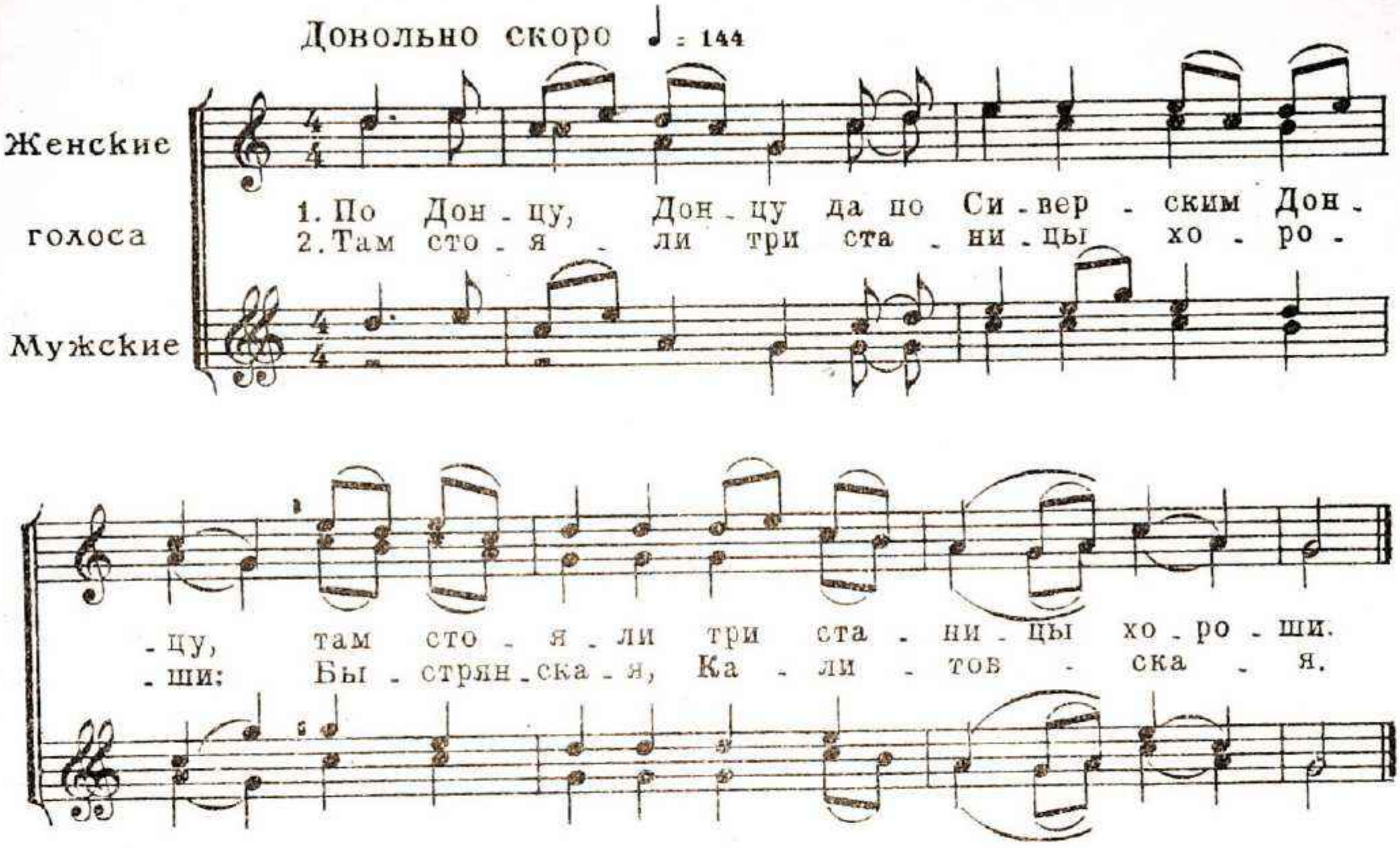
[1] «Панья пану» — жена мужу. Из военно-бытовых скорых песен. Каждый стих повторяется.

32.а. ПО ДОНЦУ, ДОНЦУ

Катериновская лучше всех

б. НА МЕЛЬНИЦЕ ТРУДОВОЙ

Про долинушку

1. По Донцу, Донцу да по Сиверским Донцу,
Там стояли три станицы хороши:
Быстрянская, Калитовская,
А третия Катяриновская.

5. Катяриновская луччи всех.
По станицы казачёчек гуляя,
Он бравенький, кучерявенький.
Он и бьётся, побивается,
Сиротиной называется.

10. Сиротина, сиротинушка моя,
Ой, и кто ж тебе спородил молодца?
«Спородила родна маменькя,
Скормил, споил роднай батенькя,
Возлелеяла чужая сторона,

Завила кудри сударушка моя.
Завивала, приговаривала:
«Когда речушки разóльются,
Тогда кудярцы разóвьются».
Разливалась Быстра речка по лугам,
Развивались чёрны кудри по плечам.
Ты досада, ты, досадушка моя,
До чего жа ты, досада, довела,
До какого до позору, до стыда!
Все балочки, тяклиночки пробежал,
Нигде своей болезочки не напал.
Я теперича не знаю, как с ней быть,—
Не то любить, не то бросить, позабыть?
Я не знаю, я не ведаю,
Вы какоя бы к ней времечка пойтить:
Ввечеру́ пойтить—семеюшка ня спит,
В полуно́чь пойтить—жалею разбудить.
Я пойду, младец, на белой на заре!
Прихожу я кы широкому двору;
Двожды, трожды [1] мимо горенки прошёл,
Двожды, трожды вы окошко постучал, —
У болечки нету дыма, ни огня.
Присмотрелси, на столе стоит свеча;
Болезочка по конец стола стоит,
Она свои белы рученьки томит
Да чужуя пир-беседушку гостит.

Станица Екатерининская, 1898—1901

На мельнице трудовой, трудовой
Мирошничек молодой, молодой.
Он по мельничке похаживая,
Балалаечку налаживая,
Про долинушку рассказывая:
«Ты, долина, ты, долинушка моя,
Ты, долинушка широкенькая!»
По долинушке тропинушка ляжит,
По тропинушке мой добрай конь бяжит,
На конёчику седелечка ляжит,
На седелицы мой миленький сидит.
Он сидит, сидит не тру́хнется.
Не тру́хнется, не вору́хнется,
Чёрны кудри не колыхнутся на нём.
Кто бы, кто бы ко мне с прйгорья пришёл,
Кто бы, кто бы мому горю пособил,
Сы путя дружка милого воротил!
Ты вярнися, воротися, милай мой,
Спомни, сгадай свою прежнюю любовь,—

[1] Вар. «Не раз, не два»...

Как любились, любовались мы с тобой.
Мы сидели за убра̀ным за столом,
Пили, ели сладки кушанья с тобой,
Говорили речь, хорошие слова,—
Не обманывать друг дружку у глаза.

Мы смотрели у стеклянное окно,
Мы смотрели мелких пташек на лету.
Пташка к пташке перелётавает,
Частёхунькя перепорхавает.
Цалуются, милуются всякай час,

А я смотрю, слёзы катются из глаз.
Полюбила, обмишулилася,
После бабочка одумалася.
Знала б, знала, не любила я тебе,
Не болела б моя сердца по тебе.

Болит сѐрдечко, побаливая,
Роднай батенькя побранивая.
Не бранися, батюнюшка, на мене,—
Навязался рассукин сын на мене.
Он сказал, подлец, что «век буду любить»,

А таперя и глазами не глядить.
Любилися, водилися годов пять,
А таперя про нас люди говорять.
Когда я была молоденькая,
Чернобровая хорошенькая,

Тогда мене атаманы[1] любили,
След за мною по чатыре ходили.
А теперича сыстарилася,
Никому не понаравилася.
Сошью, пошлю свому милому кисет,
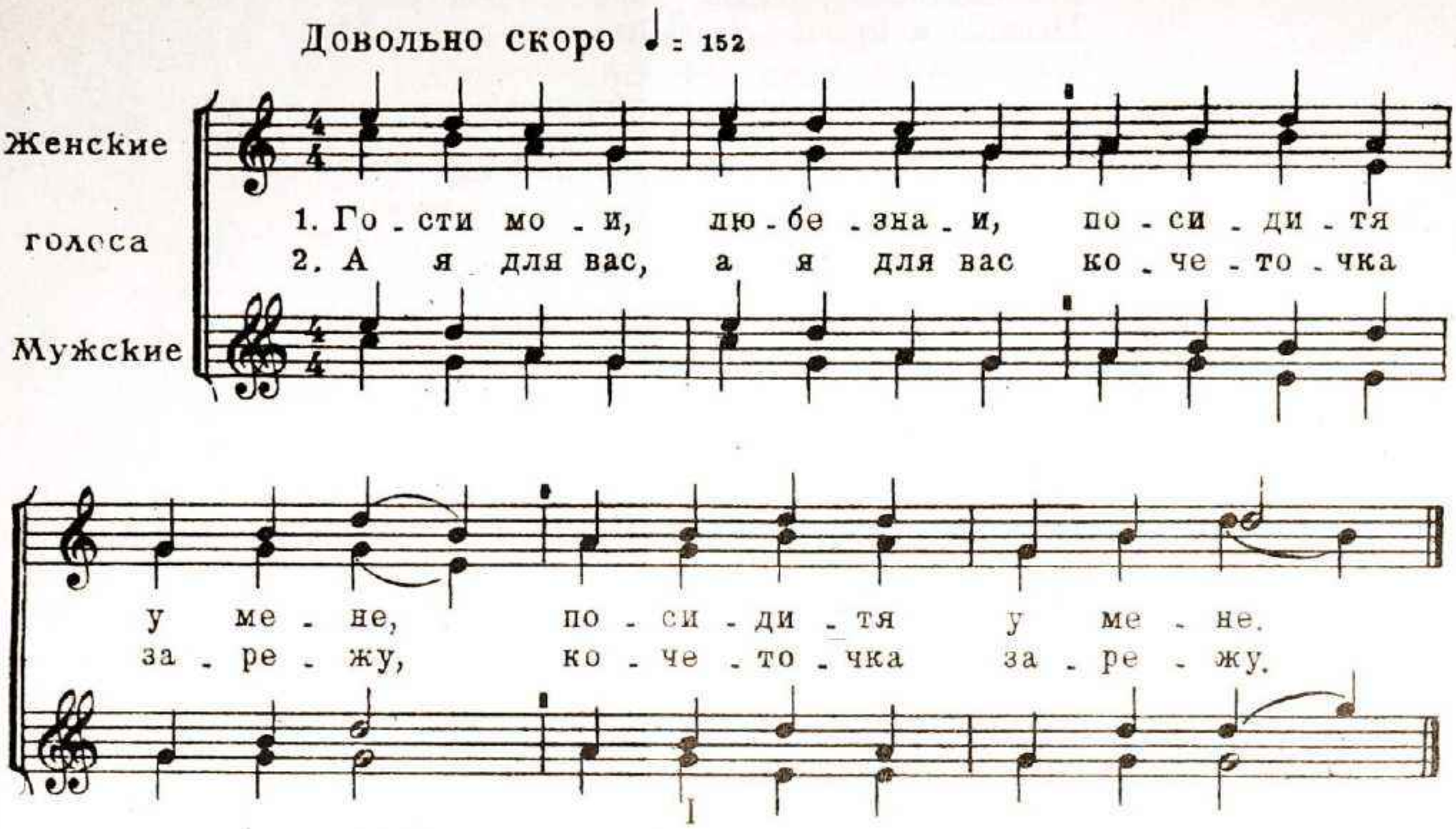
Я выложу чёрным бархатом.
Дерну, подерну гарусовай матузок,
Положу я чаю-сахару кусок,
Положу да никому я не скажу.

Станица Екатерининская, 1900.

[1] В старину казаки между собою и в официальных обращениях именовались атаманами, атаманами-молодцами.

33. ГОСТИ МОИ, ЛЮБЕЗНЫЕ

Любезный хозяин потчует гостей

I

1. Гости мои любезнаи,
   Посидитя у мене,[1]
2. А я для вас, а я для вас
   Кочеточка[2] зарежу.
3. «Не горюй, кочет, не горюй, кочет,
   Я нароком[3] говорю,
4. Гостей своих, приятелей,
   Приутешиваю!»

II

5. Гости мои любезнаи,
   Посидитя у мене,
6. А я для вас, а я для вас
   Баранчика зарежу.
7. Горюн баран да горюн баран
   Пригорюнился стоит.
8. «Не горюй, баран, не горюй, баран,
   Я нароком говорю,
9. Гостей своих приутешу,
   Из ума вывожу!»
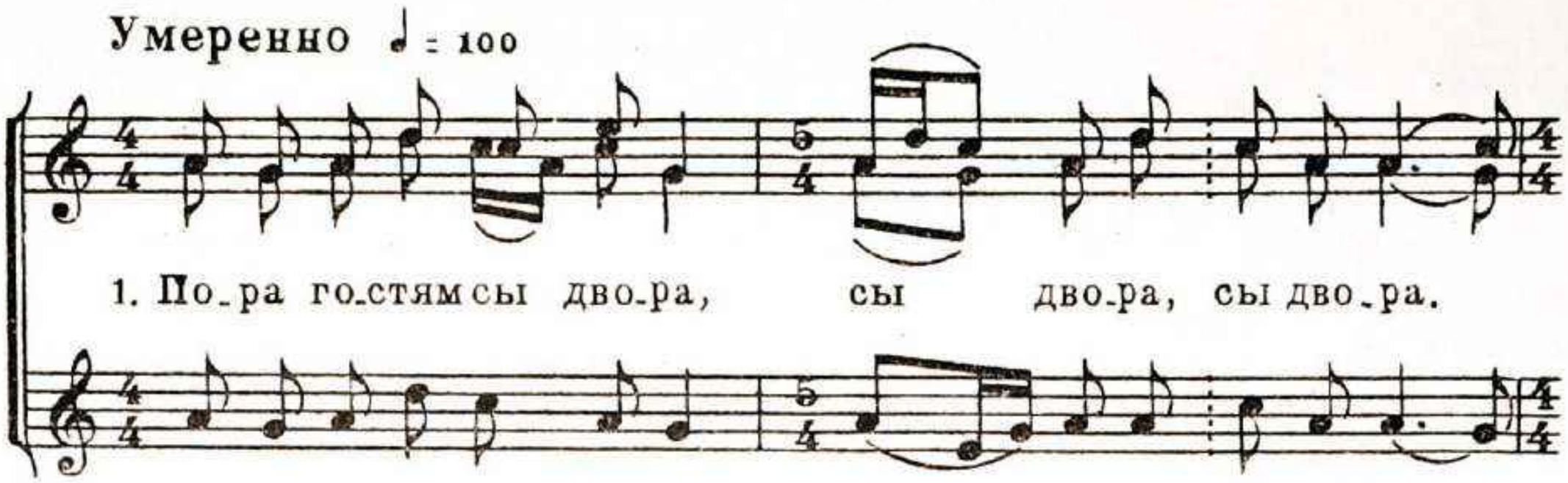
Станица Екатерининская, 1899—1901.
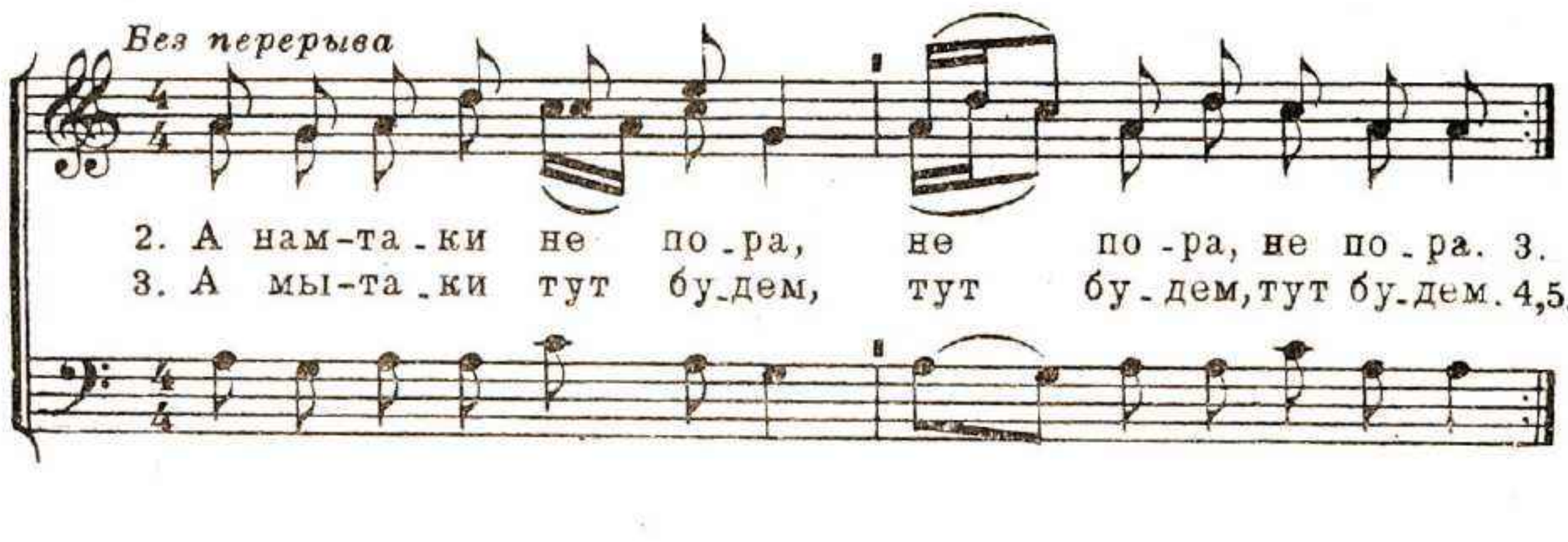
---

[1] Каждый четный стих повторяется.
[2] «Кочеточек» — петушок.
[3] «Нароком» — нарочно, не в серьёз.

34. ПОРА ГОСТЯМ СЫ ДВОРА

Гости засиделись

1. «Пора гостям сы двора,
Сы двора, сы двора!»

2. — «А нам-таки не пора,
Нѐ пора, не порà.

3. А мы-таки тут будем.
Тýт будем, тут будѐм,
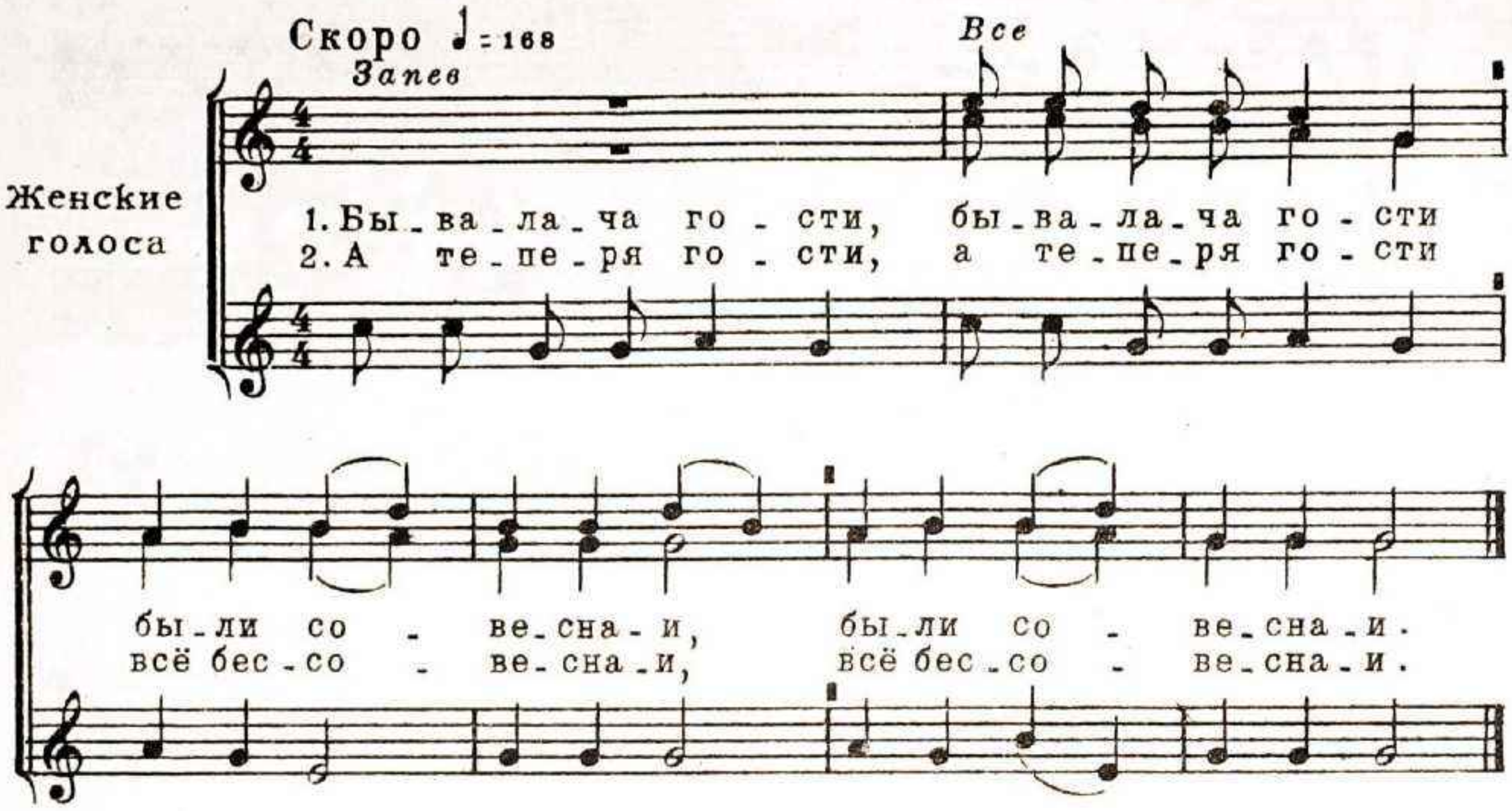
4. У Фенюшки в теремѐ,
В тѐреме, в теремѐ,

5. У Андревни в высокѝм,
В высокѝм, в высокѝм!»

Станица Екатерининская, 1899—1901.

35. БЫВАЛАЧА ГОСТИ

Потеряли гости совесть

1. Бывалача гости, бывалача гости
   Были совестнаи, были совестнаи,

2. А таперя гости, а таперя гости
   Всё бессовестнаи, всё бессовестнаи!
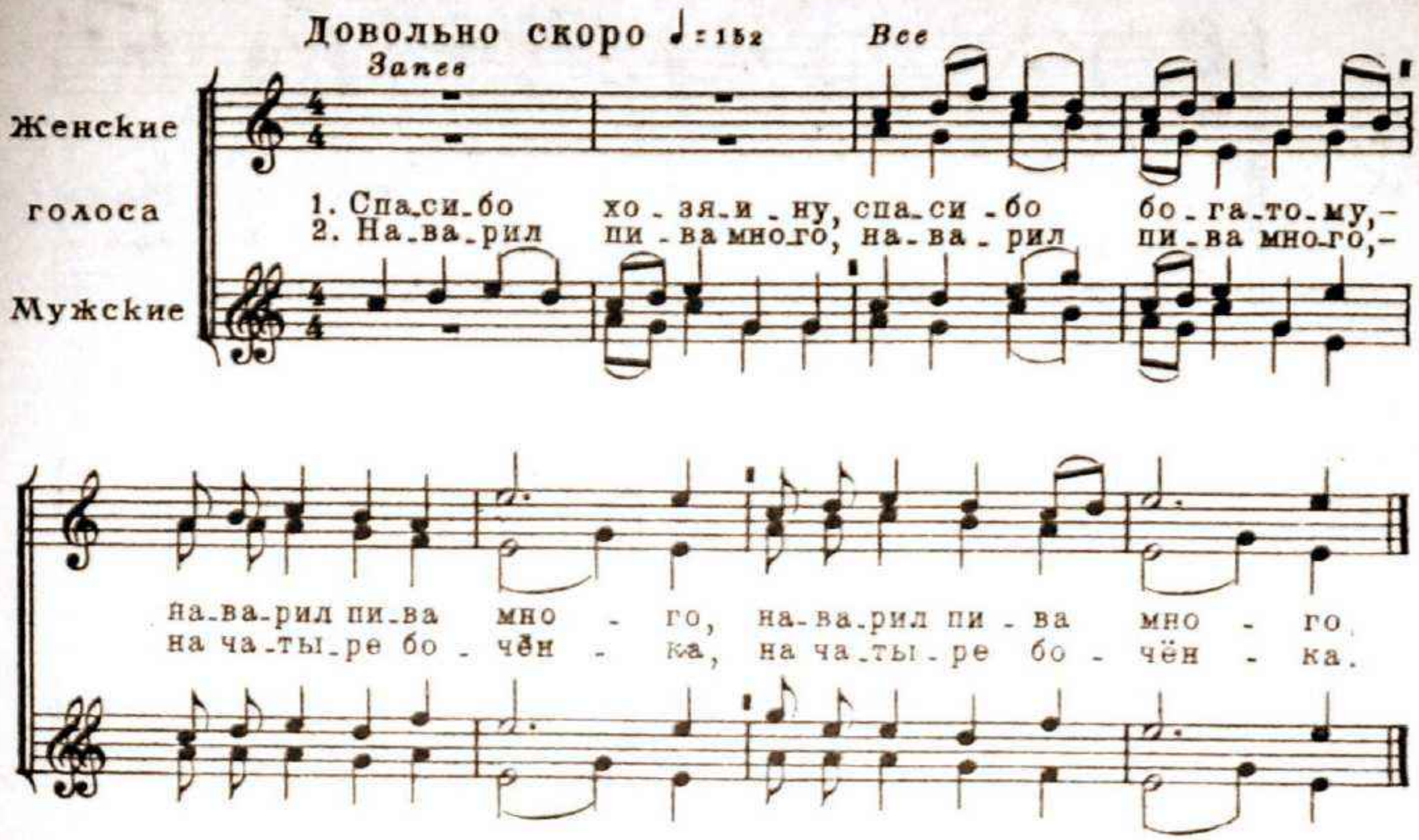
3. Бывалача гости, бывалача гости
   Сидят, сидят да идут, сидят, сидят да идут,

4. А таперя гости, а таперя гости
   По зашейной части ждут, по зашейной части ждут!

Станица Екатерининская, 1899—1901

36. СПАСИБО ХОЗЯИНУ

Благодарят хозяина

1. Спасибо хозяину,
Спасибо богатому,—[1]
Наварил пива много, 2

2. Наварил пива много,— 2
На чатыре бочёнка, 2

3. На чатыре бочёнка,
На казацкаю меру,
На хозяйскаю шею. 2

4. Как за речкой, рекою
Хмялинушка вьется,
Зеленая вьется, 2

5. Да хмялинушка вьется,
Да зеленая вьется
Да на нашу сторонку: 2

6. Как на нашай сторонке 2
Тычки золотые, 2
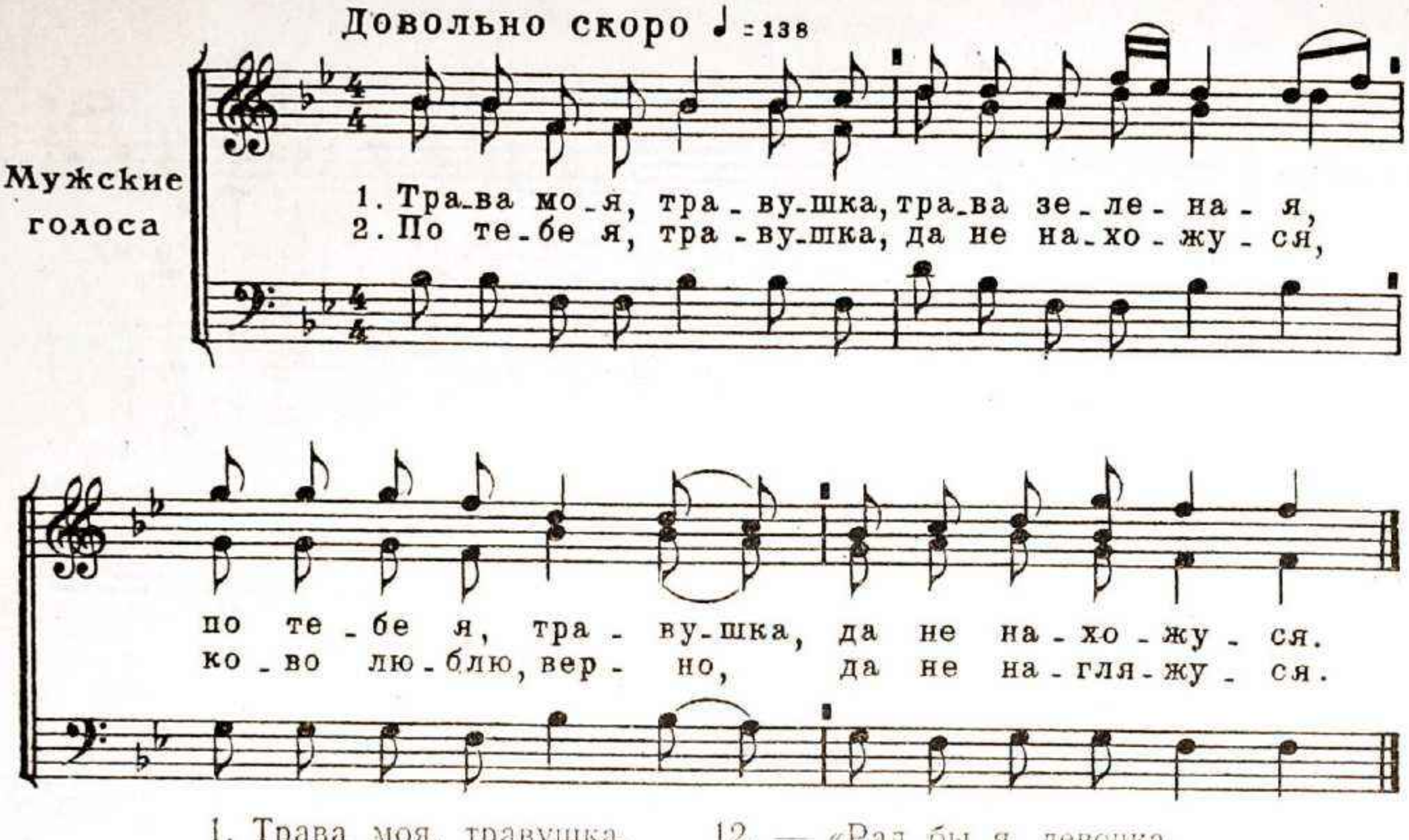
7. Да тычки золотые, 2
Казаченьки молодые. 2

Станица Екатерининская, хутор Синегорский, 1911.

[1] Вар. «ласковому».

37. ТРАВА МОЯ, ТРАВУШКА

Красная девочка милого провожает

1. Трава моя, травушка,
Трава зеленàя!
2. По тебе я, травушка,
Да не нахожуся,[1]
3. Кого люблю верно
Да не нагляжуся.[2]
4. Люблю я, люблю
Хорошаю девку.
5. Красная девочка,
Душа моя, сердца,
6. Пò двору ходила,
Конёчка водила,
7. Коня вороного
Своего милòго.
8. Конёчка держала,
Милого сажала,
9. Сажала его,
Уговаривала:
10. «Заночуй, милёночек,
Ночуй ночь у мене,[3]
11. Хуть ночь, хуть две,
Хуть и всю неделю!»
12. — «Рад бы я, девочка,
В тебе ночевати,—
13. Боюсь, боюсь, красная,
Зари не проспати!»
14. «Не бойся, казàченька,[4]
Сама рано встану,
15. Сама рано встану,
Сама разбужу я!»
16. На белòй на зореньке
Казачёк проснулся.[4]
17. Проснулся казàченька,[4]
На дворе белènькя.
18. «Все мои товарищи
Давно повставали,
19. Давно повставали,
Коней поседлали,
20. Коней поседлали,
С двора посъезжали.
21. Красная девочка,
Что ж ты натворила:
22. Своего казàченьку
Не рано сбудила!»

Станица Екатерининская, 1897—1901.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] Вар. «Того здеся нету».
[3] Вар. «Хуть одну́я ночку».
[4] Вар. «урядничек, урядник». У казаков «урядник» в прошлом не полицейский чин, а воинское звание, соответствующее «ефрейтору» или «сержанту».

38. ОЙ, ПРИ ДОЛИНУШКЕ

Соколы́ полонили соло́вьюшка

Скоро ♩ = 84

Мужские голоса

1. А - ой, при до - ли - ну - шке,
2. Ой, на ка - ли - ну - шке,

ой, при до - ли - ну - шке, при до -
ой, на ка - ли - ну - шке, на ка -

- ли - ну - шке ка - ли - ну - шка ра - стёт, при до -
- ли - ну - шке со - ло - вью - шек си - дит, на ка -

- ли - ну - шке ка - ли - ну - шка ра - стёт.
- ли - ну - шке со - ло - вью - шек си - дит.

1. Ой, при долинушке,[1]
   При долинушке калинушка растет,

2. Ой, на калинушке,
   На калинушке соловьюшек сидит,

3. Ой, он сидит, сидит,
   Он сидит, сидит, насвистывает,

4. Ой, горьку ягоду,
   Горьку ягоду калинушку клюет,

5. Ой, а малиною,
   А малиною закусавает.

6. Ой, прилетали к соловью,
   Прилетали к соловью соколы, !
   Прилетали к молодому соколы; !

7. Ой, взяли, взяли соловья,
   Взяли, взяли соловья с собою, !
   Взяли, взяли молодого с собою, !

8. Ой, посадили соловья,
   Посадили соловья в клеточку, !
   Посадили молодого в клеточку, !

9. Ой, да у новаю,
   Да у новаю решетчитаю,

10. Ой, за решоточку,
    За решоточку серебрянаю;

11. Ой, заставляли соловья,
    Заставляли соловья песни петь, !
    Заставляли молодого песни петь; !

12. — «Ой, уж ты пой, воспевай,
    Уж ты пой, воспевай, соловей, !
    Уж ты пой, воспевай, молодой; !

13. Ой, призабавь, прутешь,
    Призабавь, прутешь молодца!»

Станица Екатерининская, 1888—1905.

[1] Каждый стих повторяется, кроме отмеченных цифрой 1 (один раз).

39. ПОСЕЮ ЛЕБЕДУ

Я бы вольная казачка была

Очень скоро ♩ = 176

Запев

Женские голоса

Мужские

1. По - се - ю ле - бе - ду на бро - ду, да,

2 голоса

Все

по - се - ю ле - бе - ду на бро - ду, мо - ю кру - пна - ю рас - са - ду - шку,
2. мо - я кру - пна - я рас - са - ду - шка,

мо - ю кру - пна - ю зе - лё - на - ю.
мо - я кру - пна - я зе - лё - на - я.

Конец

2. По - го - ре - ла ле - бе - да без во - ды, да,
3. По - шлю я ка - за - ка по во - ду, да,

по - го - ре - ла ле - бе - да без во - ды, (2)
по - шлю я ка - за - ка по во - ду...

1. Посею лебеду на броду (да),[1]
Посею лебеду на броду,
Мою крупнаю рассадушку,
Мою крупнаю зеленаю.

2. Погорела лебеда без воды (да),
Погорела лебеда без воды,
Моя крупная рассадушка,
Моя крупная зеленая.

3. Пошлю я казака по́ воду,—
Нету воды, ни казаченьки.

4. Кабы мне, младой, во́рона коня,
Я бы вольная казачка была!

5. Скакала, плясала по лугам,
По зелёнам лес-дубровушкам,

6. С донским, молодым казачко́м,
С разудалам, добрам молодцам.

7. Раздушачка донской казачёк,
Что не ходишь, что не жалуешь ко мне,

8. Что не ходишь, что не жалуешь ко мне,—
Без тебе ли, друг, посте́ля холодна́,

9. Без тебе ли, друг, постеля холодна,
Одеялица заиндела[2] в ногах,

10. Одеялица заиндела в ногах,
Подушачка потонула во слезах,

11. Подушачка потонула во слезах,
Слезно плакавши, рыдаючи,

12. Слезно плакавши, рыдаючи,
Тебе, друг мой, дожидаючи,

13. Тебе, друг мой, дожидаючи,
Свою долю проклинаючи!

14. Ой, доля ты, доля моя,
Ой, горя-гореваньица,

15. Ох-и, горя-гореваньица,
Чижолая воздыханьица!

16. Обую черявички на босу́,
Погоню я коровушек на росу́,—

17. Черявички козловенькие,
А чулочки шалковенькие!

Станица Екатерининская. 1897—1915

---

[1] Начиная с 3-й строфы, повторяется каждый стих. «На броду» — вар. «на берегу».

[2] Покрылось инеем от холода.

40. ОЙ, ПАННА ТЫ, ПАННА

Донской казачёк

Скоро ♩=160 (𝅗𝅥=80)

Мужские голоса

1. Ой, пан-на ты, пан-на, па-нян-ка мо-я,
2. Не ви-дать, не слы-хать и не чуть про не-ё,

ой, пан-на ты, пан-на, па-нян-ка мо-я,
не ви-дать не слы-хать и не чуть про не-ё.

ой, где ж ты, па-ня-но-чка, по-гу-ли-ва-ла,
Про-я-ви-ла-ся па-ня-но-чка у нас на До-ну,

ой, где ж ты, па-ня-но-чка, по-гу-ли-ва-ла?
про-я-ви-ла-ся па-ня-но-чка у нас на До-ну.

1. Ой, панна ты, панна, панянка моя,[1]
Ой, где ж ты, паняночка, погуливала?

2. Не видать, не слыхать и не чуть про неё!
Проявилася паняночка у нас на Дону,[2]

3. У нас на Дону, на почтовом на двору.
Не одна пришла—сы милым дружком,

4. Сы милым сы дружком, с донским казачком.
«Казак, казачёк, казак миленький дружок!

5. Не ходи, казачёк, на мой новенький точёк,
Не давай тоски-назолы[3] моим ясным очам!

6. Мои яснаи очи разгàрчиваи,
Разгарчиваи и приглядчиваи.

7. Разгарчивы очи, приглядчиваи,
Они ясно горят, полюбить тебе хотят».

8. — «Пора сы двора; прощай, милая моя,
Прощай, милая красотка, прощай, сердце мое'»

9. «За что, про что долго сердисси,
Животом сердца не обернисси?

10. Полýччи, подружки, запой казачка,
Запой казачка, всё забавничка,

11. Запой казачка, всё забавничка.
Забавничка, славна песенничка.

12. Тебе скачем, тебе пляшем и тебе веселим,
Тебе песни поём, славу честь возвём'»
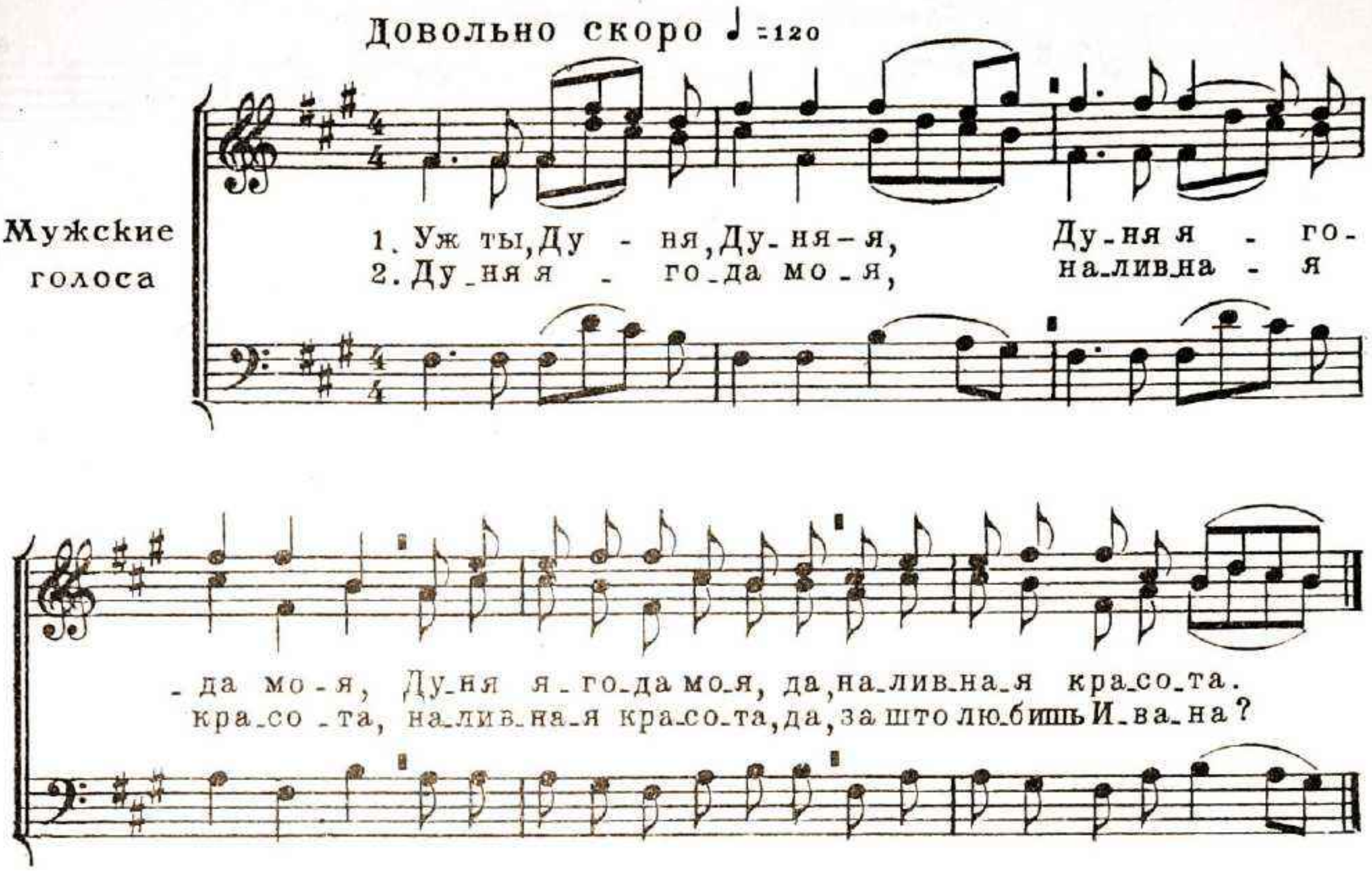
Станица Екатериновская, 1895

---

[1] Каждый стих повторяется.
[2] Вар. «на селе».
[3] «Назола» — обида.

41. УЖ ТЫ, ДУНЯ

За что любишь молодца

1. «Уж ты, Дуня, Дуня-я́,
Дуня, ягода моя,
2. Дуня ягода моя (да),
Наливна́я красота,[1]
3. Наливна́я красота,
За что любишь Ивана́?»
4. — «Я за то люблю Ива́на,
Что головушка кудрява,
5. Вот, кудрява, кучерява,
Черны брови и глаза.
6. Черны брови и глаза
У Ванюши молодца!»
7. Уговаривал Ванюша
К себе Дуню ночевать:
8. «Заночуй жа, Дунюшка,
Ночуй, ночуй, любушка!
9. Заночуешь у мене,
Задарю, радость, тебе!»
10. Вот Дуняша соглашалась,
Сы Ванюшай спать осталась.
11. Ваня с горенки во горенку
Похаживая,
12. Сы молодушкой Ванюша
Разговаривая.

Станица Екатерининская, хутор Нижне-Серебряков, 1911.

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

42. ПЧЕЛОЧКА ЗЛАТАЯ

Сладкие, медовые губочки её

Умеренно ♩ = 112

Запевают поочередно бас с тенором

Мужские голоса

1. Пчё-ло-чка зла-та - я, что же ты жур-жишь,
2. О - ко-ло ле-та - ешь, про-чь не ля-тишь,

пчё-ло-чка зла-та - я, что же ты жур-жишь, жур-жишь, эх,
о - ко-ло ле-та - ешь, про - чь не ля - тишь, ля - тишь, эх,

Скорее ♩ = 120

Все

жаль, жаль, жаль же мне, что же ты жур - жишь,
жаль, жаль, жаль же мне, про - чь не ля - тишь,

жаль, жаль, жаль же мне, что же ты жур-жишь!
жаль, жаль, жаль же мне, про - чь не ля - тишь!

1. Пчелочка златая,
Что жа ты *журжишь.*

Припев:

Жаль, жаль, жаль жа мне!
Что жа ты журжишь,

2. Около летаешь,
Прочь не *лятишь,*

Припев:

Жаль, жаль, жаль жа мне!
Прочь не лятишь?

3. Али ты не любишь
Лизочку *мою?* [1]

4. У моей у Лизочки
Русая *коса,*

5. Голубая лента,
Ниже *пояса,*

6. Чернаи брови,
Сераи [2] глаза;

7. Розоваи, полные
Шечички *ее,*

8. Мягкие, пуховые,
Грудачки *ее,* [3]

9. Сладкие, мядовые [4]
Губочки *ее!*

10. Я к губам прилипну,
С ними и *помру!*

11. Врешь, не прилипнешь,
Врешь, не *помрешь!* [5]

Припев:

Жаль, жаль, жаль жа мне
Врешь, не помрешь![6]

Станица Екатерининская, 1899

Вторично записано в 4-й казачьей кавалерийской дивизии в июне 1937 года, в гор. Слуцке Белорусской ССР.

---

[1] Каждое двустишие в запеве повторяется, причем при повторении последнее двухсложное слово или последние два слога трехсложного слова, как в 5-м куплете — «яса», повторяются в свою очередь. Повторяемые слова и слоги подчеркнуты.

[2] Вар. «Яснан».

[3] Вар. «Легкия, пуховыя сйсички ее».
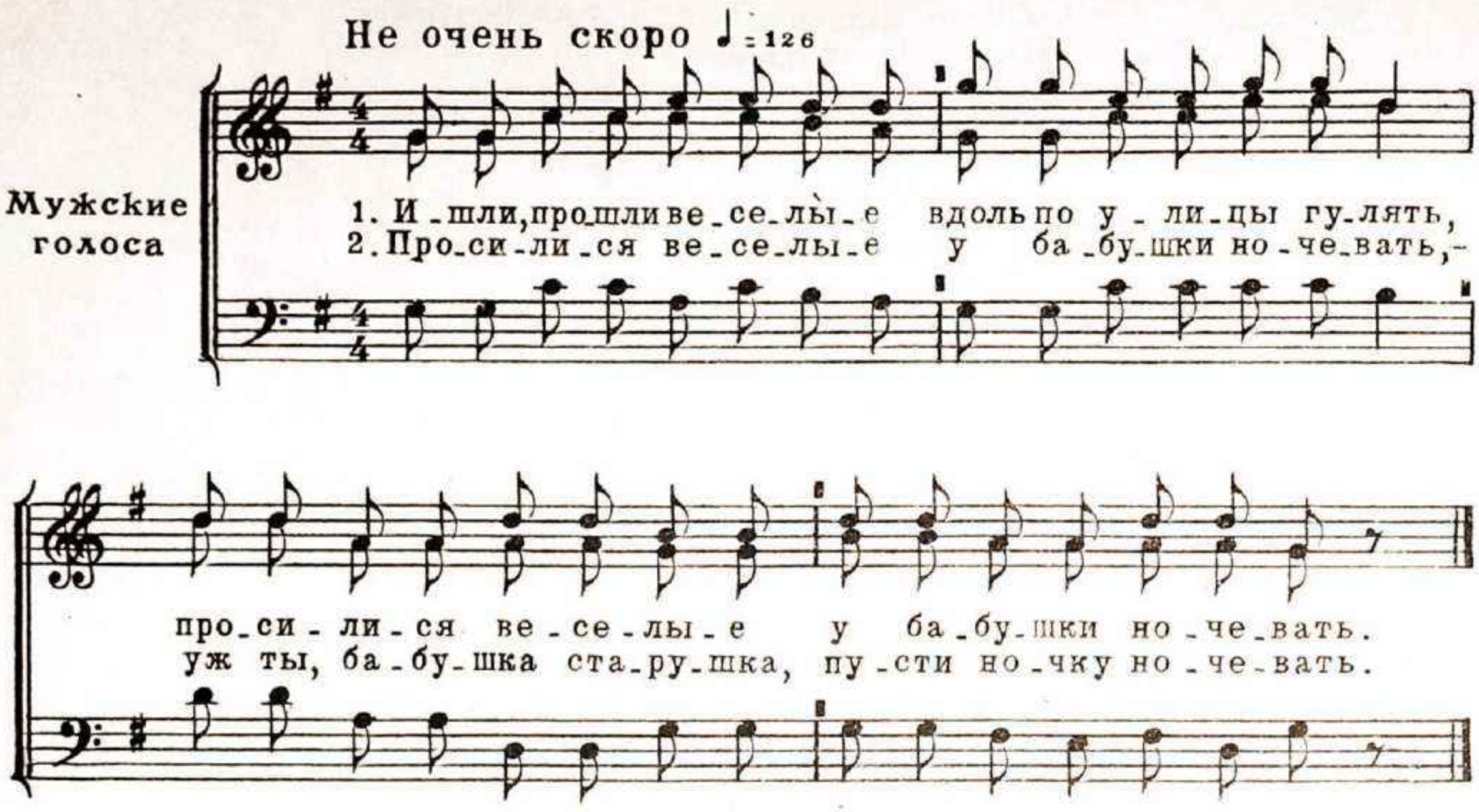
[4] Вар. «Сахарныя, сладкия».

[5] Вар. «Ты рассукин сын шельмец
Врешь, не помрешь!»

[6] Варьируя «Лизочку» в 3-м двустишии, поют и «Любочку», и «Милочку» и «Жалочку». В припеве первую половину также варьируют: «Жаль, жаль, жаль, жаль».

43. ИШЛИ, ПРОШЛИ ВЕСЕЛЬЕ

Весельe на промысле

1. Ишли, прошли весельe
Вдоль по улицы гулять,

2. Просилúся весельe
У бабушки ночевать: [1]

3. «Уж ты, бабушка-старушка,
Пусти ночку ночевать!

4. Нам не ночку ночевать,
Нам гудушки [2] прогудеть,

5. Нам гýдушки прогудеть,
Нам струнушки [2] просушить!»

6. Эта бабушка-старушка
Веселым рада была,

7. Веселым рада была (да),
Веселёхунькя.

8. Отворяла ворота (да)
Широкохунькя,

9. Упущала [3] веселых (да)
Веселёхуньких.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] «Гудушки», «струнушки» — см. «Примечания автора».
[3] «Упущала» — впускала.

10. Увойдёмши, веселые
Выхваляются,—

11. У которого полтина,
У которого рупь.

12. Эта бабушка-старушка
На пячи в углу сидит,

13. На пячи в углу сидит,
Сама речи говорит:

14. «У мене ли, у старушки,
Есть чатыреста рублей,

15. Есть чатыреста рублей,
Во кубышачке ляжат,

16. Во кубышачке ляжат,
Всё под столиком стоят!»

17. Как и тут-то веселые
Догадалися.

18. Один заиграл,
А другой заплясал,

19. Как и третий веселой,
Он досточку подымал,

20. Он досточку подымал,
Кубышачку доставал.

21. Он у двери не попал,
Вы окошачку скакал.

22. Тут и все-то веселые
Разбежалися,

23. Под ракитовым кусточком
Собиралися.

24. Стали денежки делить,
Стали бабушку хвалить:

25. «Поживи, бабка, подоле,
Наживёшь денег поболе.
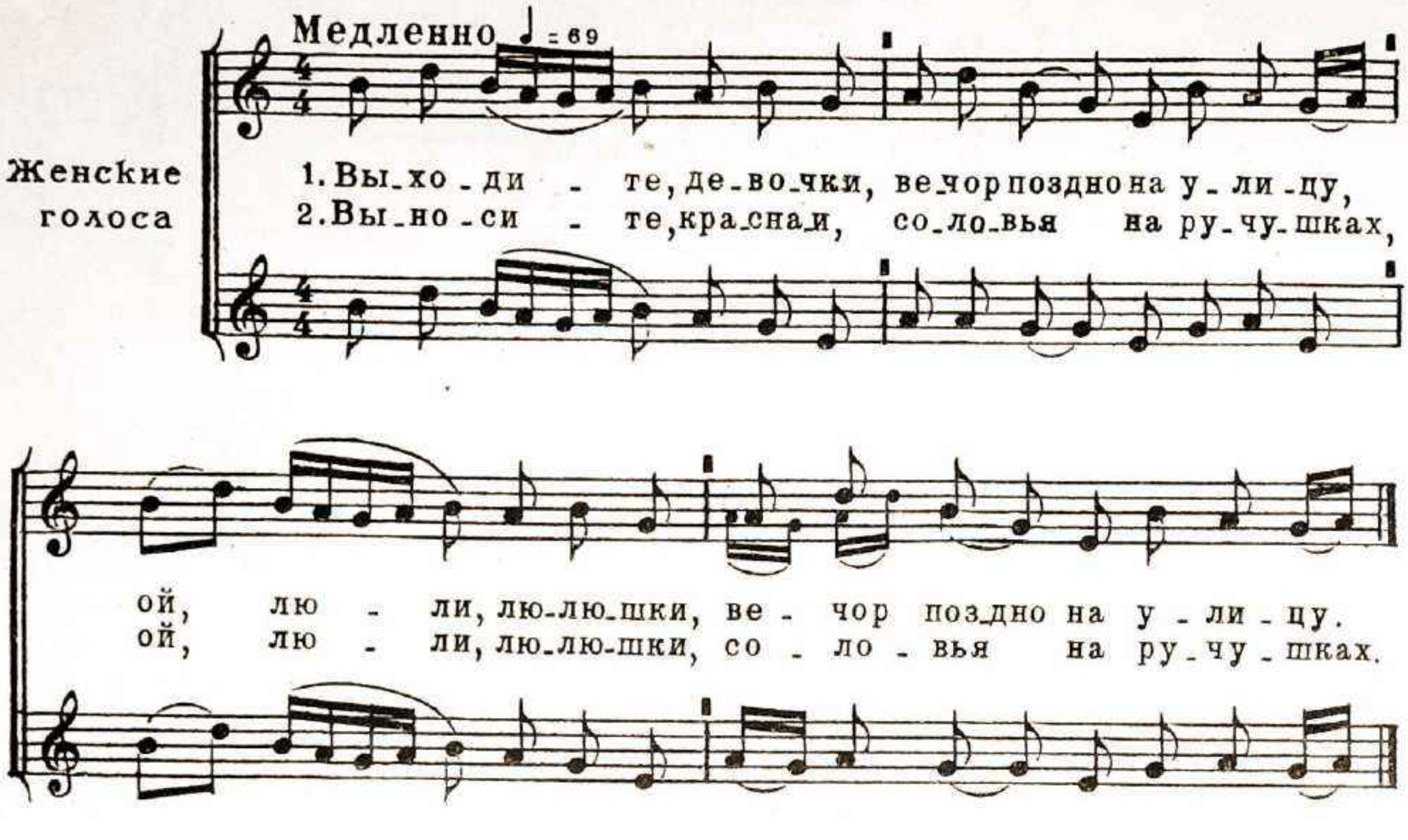
26. Как умрёшь, бабунюшка,
Поминать будем,

27. На могилушку пойдём
Алилую пропоём!»

Станица Екатерининская, 1898—1900.

44. ВЫХОДИТЕ, ДЕВОЧКИ

Поиграйте по своей по волюшке

1. Выходитя, девочки,
   Вечор поздно на улицу,

Припев

Ой, люли, люлюшки,
Вечор поздно на улицу,

2. Выноситя, краснаи,
   Соловья на ручушках![1]

3. Соловей защекочет,
   А девочки заиграют.

4. Поиграйтя, девочки,
   По своей по волюшке,

5. По своей по волюшке,
   По своей по девичьей.

6. Как и век протянется,
   Усяму[2] достанется.

7. Какой детка[3] навяжется
   На мою головушку.
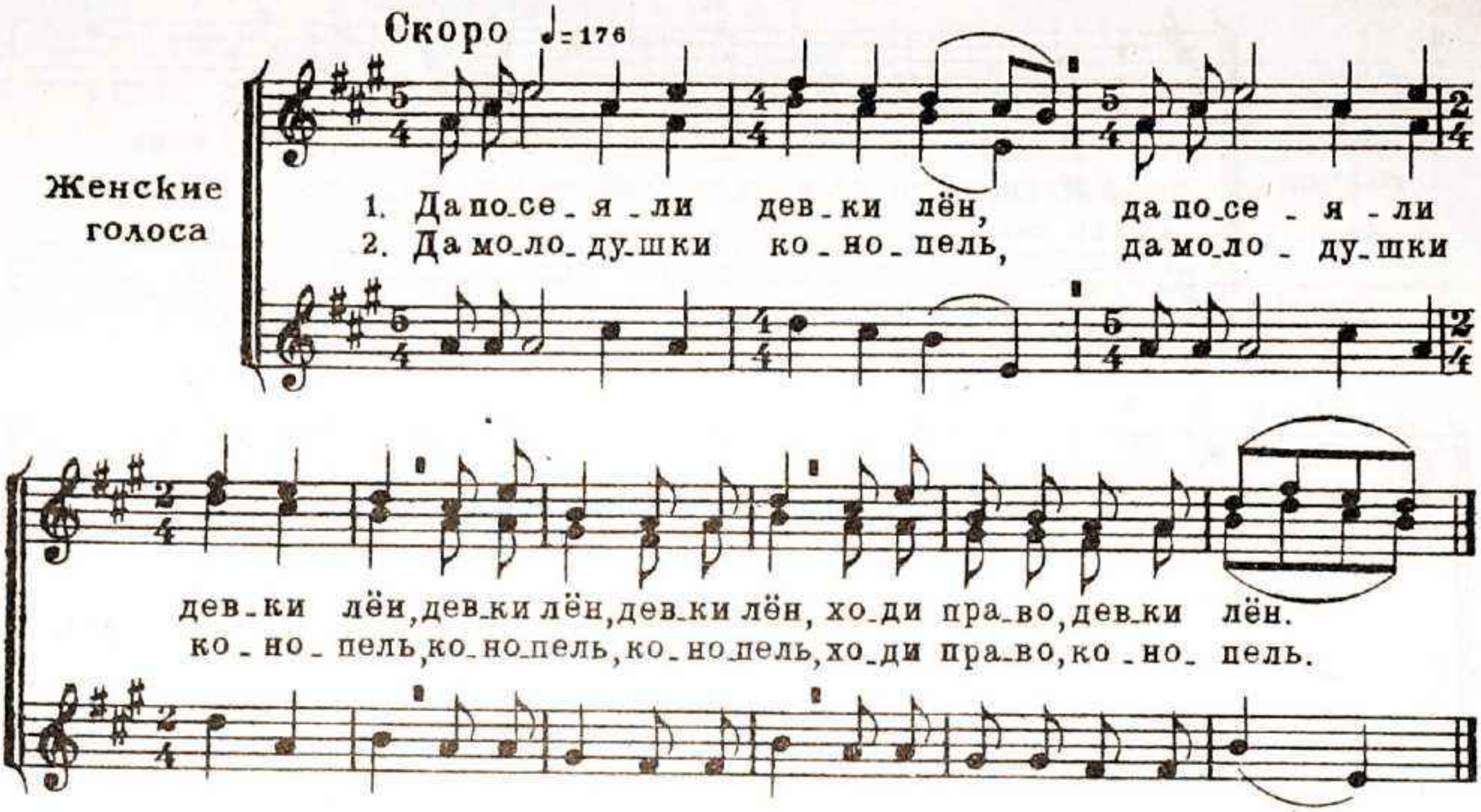
Станица Екатерининская, хутор Насонтов, 1897.

---

[1] Припев после каждого двустишия. Вар. «Соловьюшка на ручушках».
[2] «Усяму» — всему.
[3] Вар. «чёрт».

45. ДА ПОСЕЯЛИ ДЕВКИ ЛЕН

У милого правды нет

1. Да посеяли девки лён,[1]

Припев:

Девки лён, девки лён,
Ходи право, девки лён![2]

2. А молодушки конопель,
3. Да посеямши, пололи,
4. Да белы́ руки кололи.
5. Как во этот-то во ленок
6. Да увадился паренёк.
7. Да увесь ленок притолòк,
8. Да маковочки посорвал,
9. Вы Дунай-речку побросал.
10. Да Дунаюшка не примал,
11. Да кы бережку прибивал,
12. Да кы бережку, кы ярку,
13. Кы маёрскому кы дворку.
14. У маёра-то вы дворе
15. Да раскинутай бел шатёр.
16. Да во том шатре добрай конь,
17. Да он бьёт землю копытòм.
18. Да выбил землю в колено,
19. Да добился бел-камушка.
20. Да у камушка огня нет,
21. А у милого правды нет,—
22. Да живёт милай сы иной,
23. Сы разлучницай сы моей.

Станица Екатерининская, хутор Насонтов, 1897—1899.
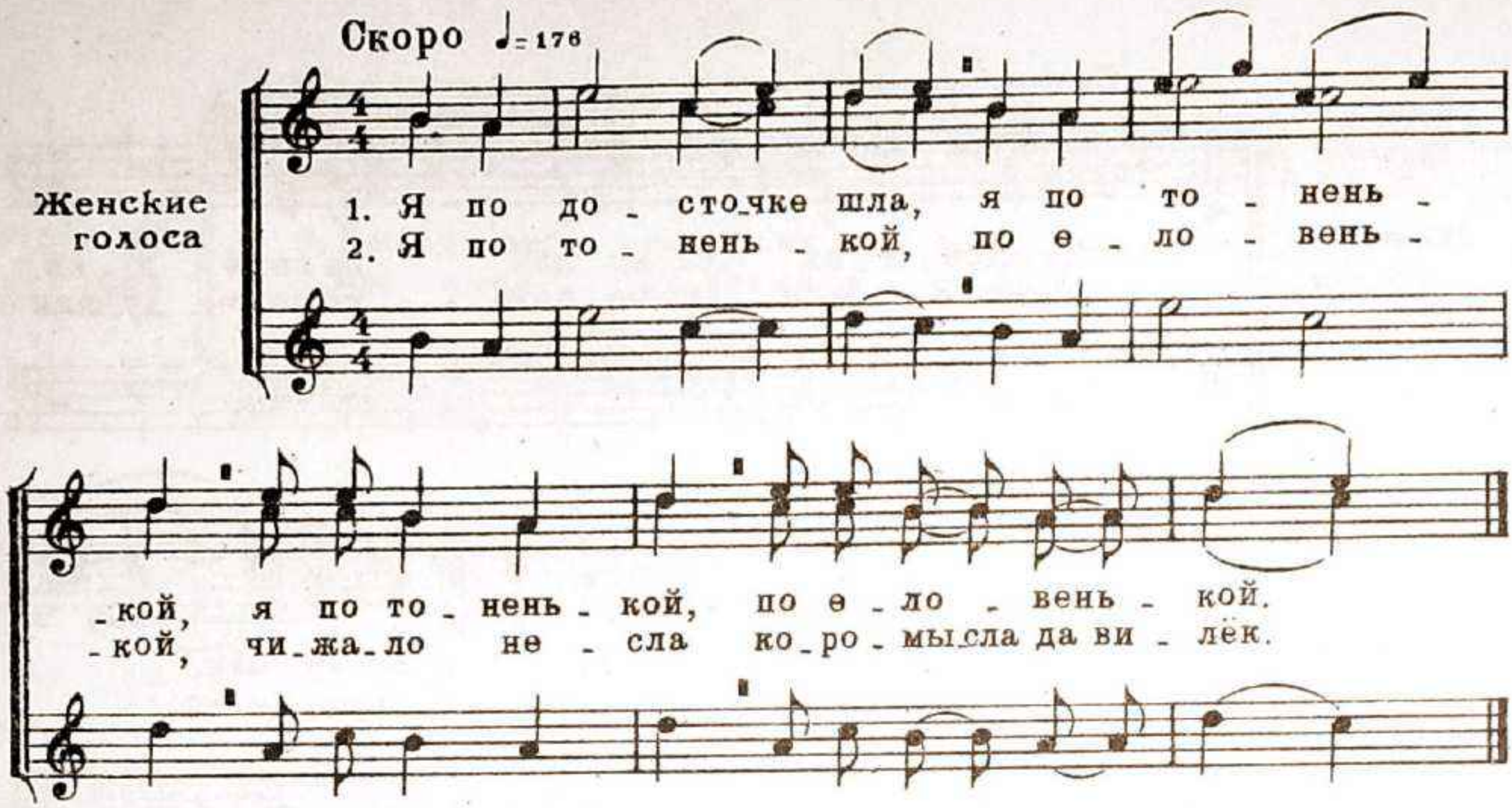
---

[1] Каждый стих повторяется.

[2] Припев по указанному образцу с повторением в нем последних трех слогов стиха.

46. Я ПО ДÒСТОЧКЕ ШЛА

Гульба девичья

1. Я по дòсточке шла,
Я по тоненькой,
2. Я по тоненькой,
По яловенькой,[1]
3. Чижало несла,—
Коромысла да вилёк,[2]
4. Коромысла да вилёк,
Ещё милому платок,
5. Несолёнай, небелёнай,[3]
Не колоченай,
6. Не колоченай,
Позолоченай.
7. Я хотела побялить,
Позабыла позолить.
8. Тонка дòсточка гнётся,
Да не сломится,
9. Хорошо с милым жить,
Да не стòшнится,
10. Хуть и стòшнится,
Разгуляется.
11. Выйду, выйду, молода,
За новы́е воро́та.
12. У новы́х у ворот[4]
Стояли ребяты,
13. Стояли ребяты
Бела-кудреваты,
14. Бела-кудреваты,
Усе нежанаты,
15. Усе нежанаты.
Хотят погуляти,
16. Хотят погуляти,
Девок цаловати,
17. Хорошаю—двожды,
Пригожаю трожды,
18. А худуя худорбу́
Кругом её обойду,
19. Кругом её обойду,
Поцалую, прочь пойду.
20. Она, выйдя на улицу,
Расхвалится,
21. Расхвалится,
Расчухванится:
22. «Как мене-то, молоду,
Цаловали во саду,
23. Цаловали, миловали,
Раздушечкой называли!»
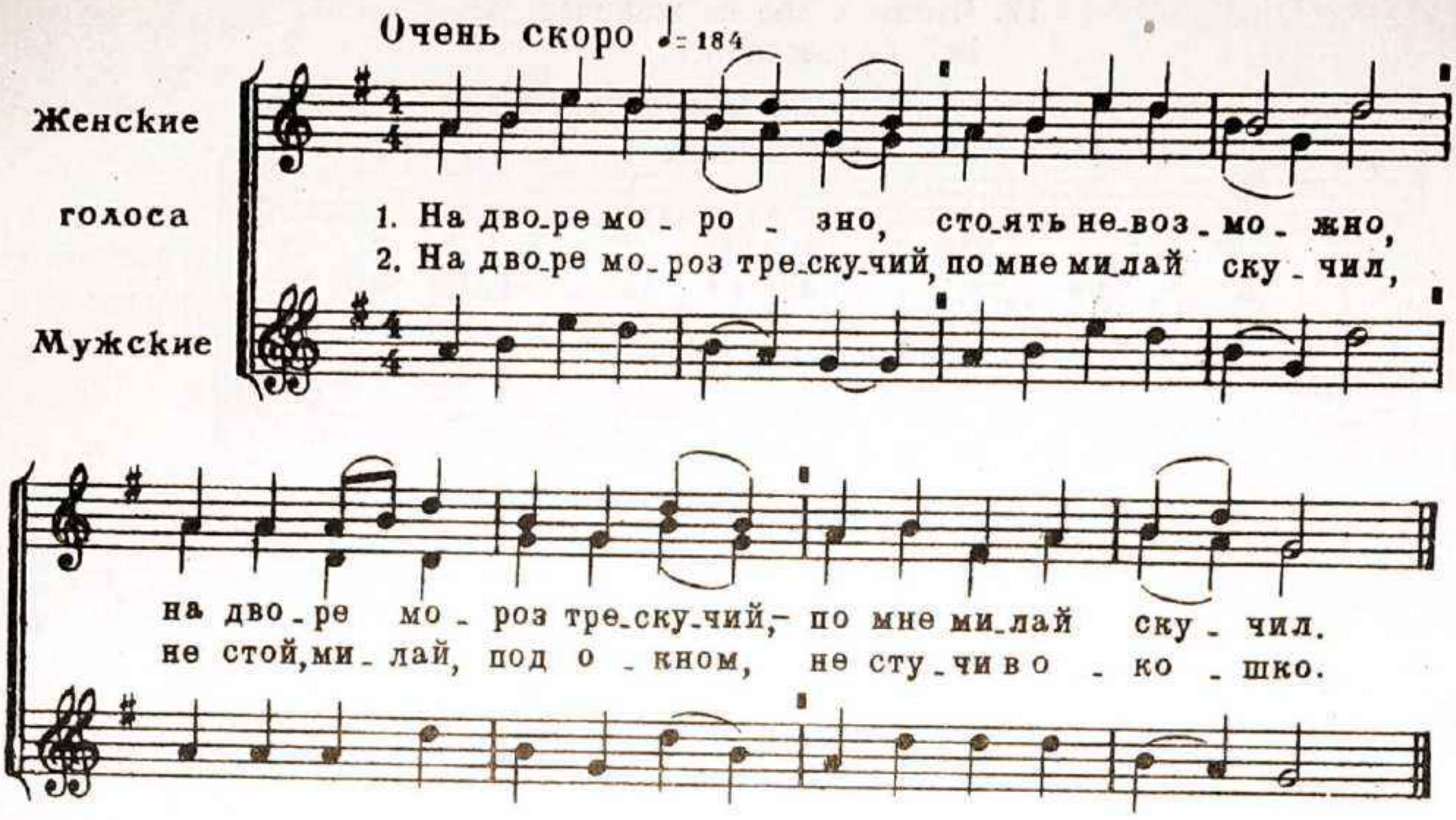
Станица Екатерининская, хутор Насонтов, 1897.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] «Вилёк»—валёк.
[3] «Несолёный»—незолёный, от слов «зола», «золить»; отсюда и «позолоченный»
[4] Вар. «У поповых у ворот».

47. НА ДВОРЕ МОРОЗНО

Я, девочка, вольна

1. На дворе морозно,
Стоять невозможно.

2. На дворе мороз трескучий,
По мне милай скучил.[1]

3. «Не стой, милай, под окном,
Не стучи в окошка,[2]

4. Не стучи ты у-в окошка,
Иди, куда хочешь,

5. Иди, иди, куда хочешь,
Люби, кого знаешь,

6. Я, девочка, вольна,
Гулять с тобой полно.

7. Полно, полно, не хочу,
С кем гуляю, не скажу!»

8. Плывёт утка с селезнём
Полою водою,

9. Идёт девка с молодцом
Травой муравою.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] Вар. «Не бей у-в окошка».

10. Поклон, утки с селезнём,
Мояму милóму,

11. Чтоба, чтоба мой миленький,
Чтоба не жанилси,

12. Чтоба, чтоба не жанилси,
Всё ба весялилси.

13. Рассердилси мой миленький,
По утру жанилси.

14. Узял себе не жану,
Узял лиходейкю,

15. Лягушку холоднаю,
Змяю подколоднаю,—

16. Сипит, сипит, не укусит,
К себе не припустит.

17. Хотя укусила,
К себе припустила.

18. У моёго у милóго
Три сада зелёных.

19. В первом сáде-огороде
Растёт трава лычка;

20. За то мене милай любит,
Что я невяличка.

21. В другом сáде-огороде
Растёт трава рожа;

22. За то мене милай любит,
Что я не пригожа.

23. В третим сáде-огороде
Растёт трава мята;

24. За то мене милай любит,
Что я не богата.

25. У богатой распроклятой
Быки да коровы,

26. У бедненькой болезочки
Всё чернаи брови.
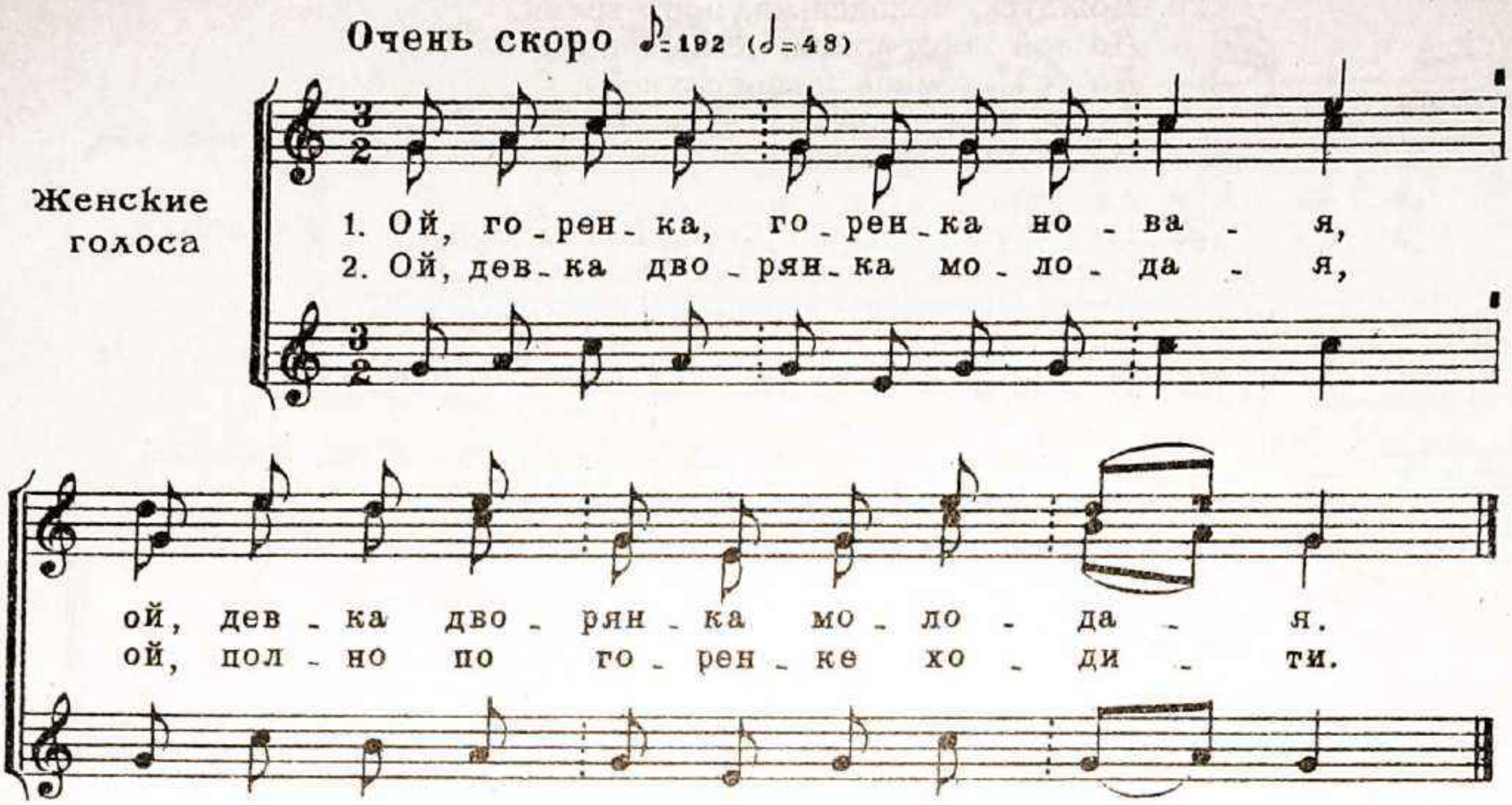
27. У богатой распроклятой
Быки да тялушки,

28. У бедненкой болезочки
Мягкие подушки.

Станица Екатерининская, 1897—1900

48. ОЙ, ГОРЕНКА, ГОРЕНКА НОВА̀Я

Побраночка с милым

1. Ой, горенка, горенка новàя,
Ой, девка—дворянка молодая![1]
Ой, полно по горенке ходити,
Ой, полно по милому тужити!

5. «Ой, как мне не плакать, не тужити,—
По век мне такого не нажити.
Хорош, пригож милай уродилси,
Он ростом, дородством, красотою,
Своей молодецкою ходьбою!

10. Вечор я сы милам побранилась,
Вечор я с канальей рассчиталась.
Побраночка с милам небольшая,—
Рассукинам сыном называла,
Чужою жаною урекала,[2]

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] «Урекала» — попрекала.

Чужою жаною, красной девкой,
Красной девкой, девкой-малолеткой.
Не знаю, как с милам помириться
Самой покориться—не годиться,
Людей подослати—всё некстати!

Дождусь, молоденька, поры-время,
До той поры-время, тёмной ночи,
До той тёмной ночи-полуночи,
Тогда я сы милым помирюся,
Низёхунькя в ножки поклонюся:
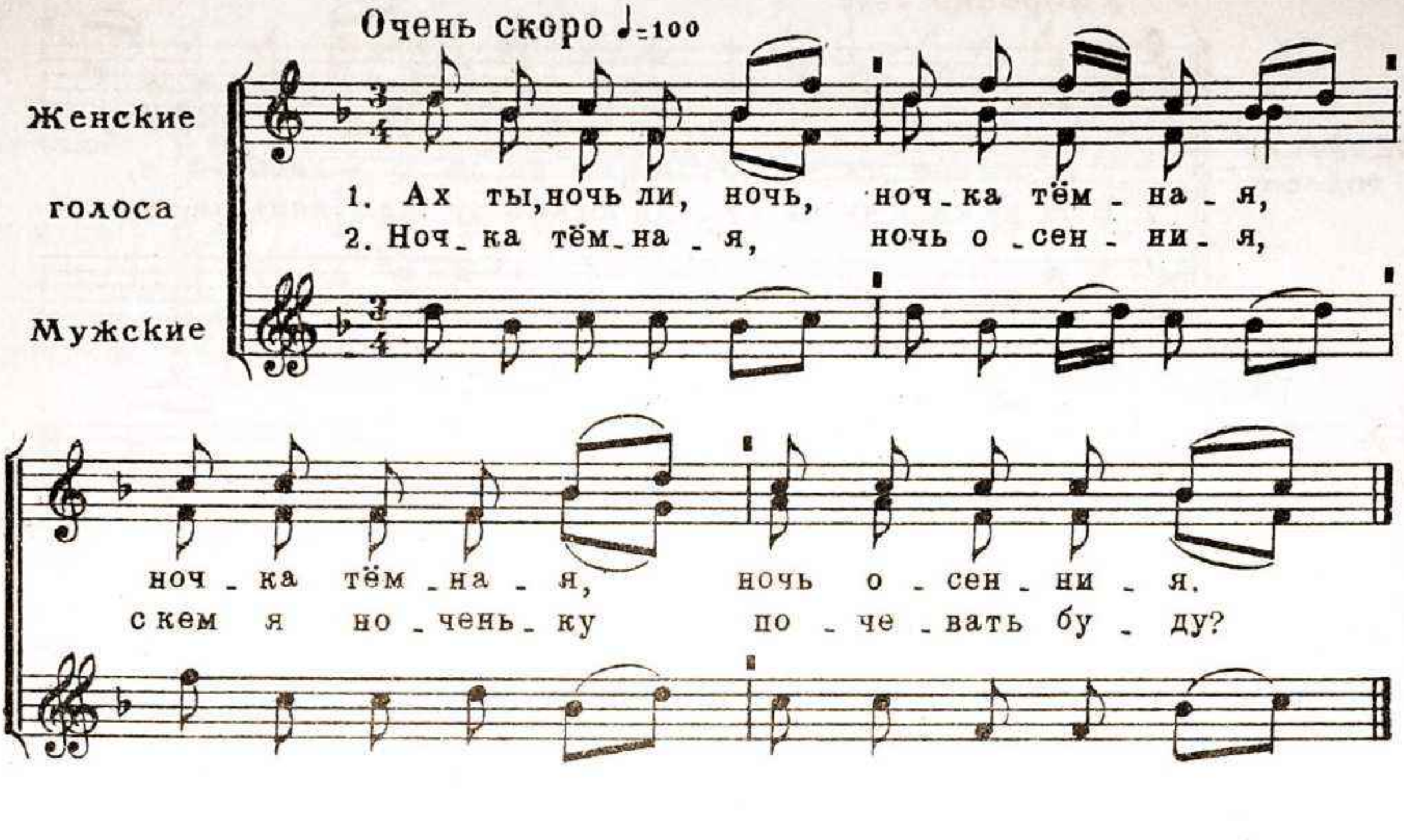
Ты прости, прощай мене, мой милый,
Прости, моя радость, мой соколик!
Вперёд я такая не бывала,

И теперь не буду уж такая!»

Станица Екатерининская, 1897—1899

49. АХ ТЫ, НОЧЬ ЛИ, НОЧЬ

Милый манит

1. Ах, ты, ночь ли, ночь,
   Ночка тёмная,
2. Ночка тёмная,
   Ночь осенняя![1]
3. С кем я ноченьку
   Ночевать буду,
4. С кем осеннюю (да)
   Коротать буду?
5. Дружка мила нет,
   Товарища нет.
6. А как мой милой
   За быстрой рекой,
7. За быстрой рекой,
   Он машет рукой,
8. Рукой правою (да),
   Шапкой алою,—
9. Шапка сы картузом,
   Сы белам султаном:
10. «Перейди, друг, ко мне (да),
    На мою сторону.
11. На моей стороне
    Забавы твои,
12. Забавы твои (да),
    Зелены сады!»
13. Я ишла, ишла (да),
    Переход не нашла,
14. Переход не нашла,
    К соседу зашла:
15. «Сосед мой, сосед,
    Сосед молодой,
16. Сосед молодой,
    Пожалуй топор,
17. Кусточки рубить,
    Мосточки мостить!»
18. Мосточки мостила,
    Дружка перводила,
19. Дружка перводила
    Молоденького,
20. Молоденького (да)
    Хорошенького.
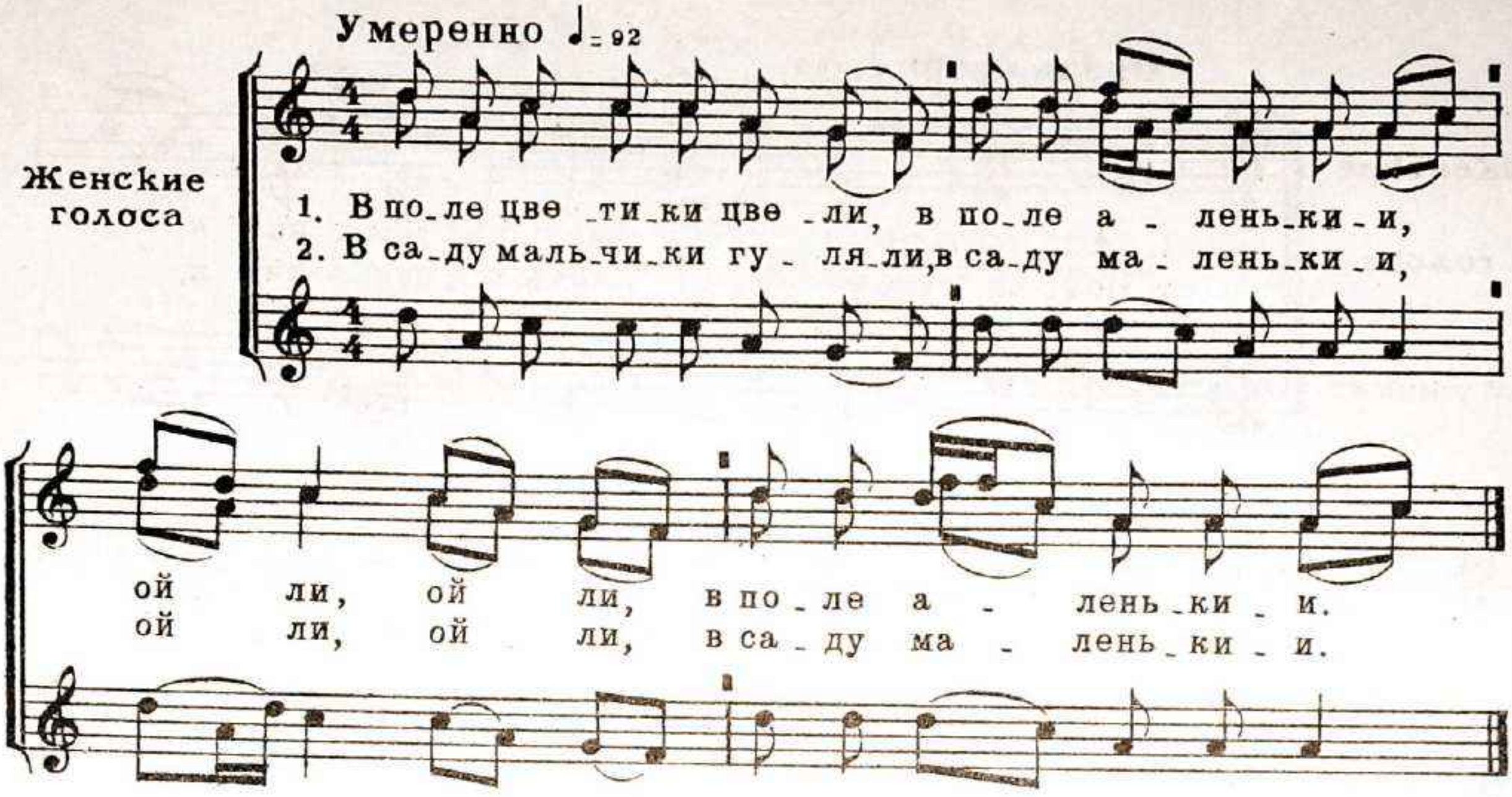
Станица Екатерининская, 1897—1899

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

50. В ПОЛЕ ЦВЕТИКИ ЦВЕЛИ

Сон досадный видела

1. В поле тьветики тьвяли,
В поле аленькие,

Припев:
Ой ли, ой ли!
В поле аленькие,

2. В саду мальчики гуляли,
В саду маленькие,[1]

3. Нельзя тьветика сорвать,
Нельзя аленького.

4. Нельзя мальчика любить,
Нельзя маленького.

5. Гуляй, гуляй, молодѐц,
Как не знает мать-отец!

6. Как узнает мать-отец,
Разорят гульбу в конец.

7. Уж я, девка молода,
Всяю ночку не спала,

8. Всяю ночку до светòчка
Да до белой до зари.

9. Как на белой на заре
Сон досаднай видела.

10. Сон досаднай видела
Про свово про мѝлого.

11. Будто, будто мой милòй
Вдоль по улицы прошёл,

12. Вдоль по улицы прошёл,
Ко мне в гости не зашёл,

13. Ко мне в гости не зашёл,
Ко иной шельме пошёл,

14. Ко иной ко милòй,
Ко разлучницы моёй.
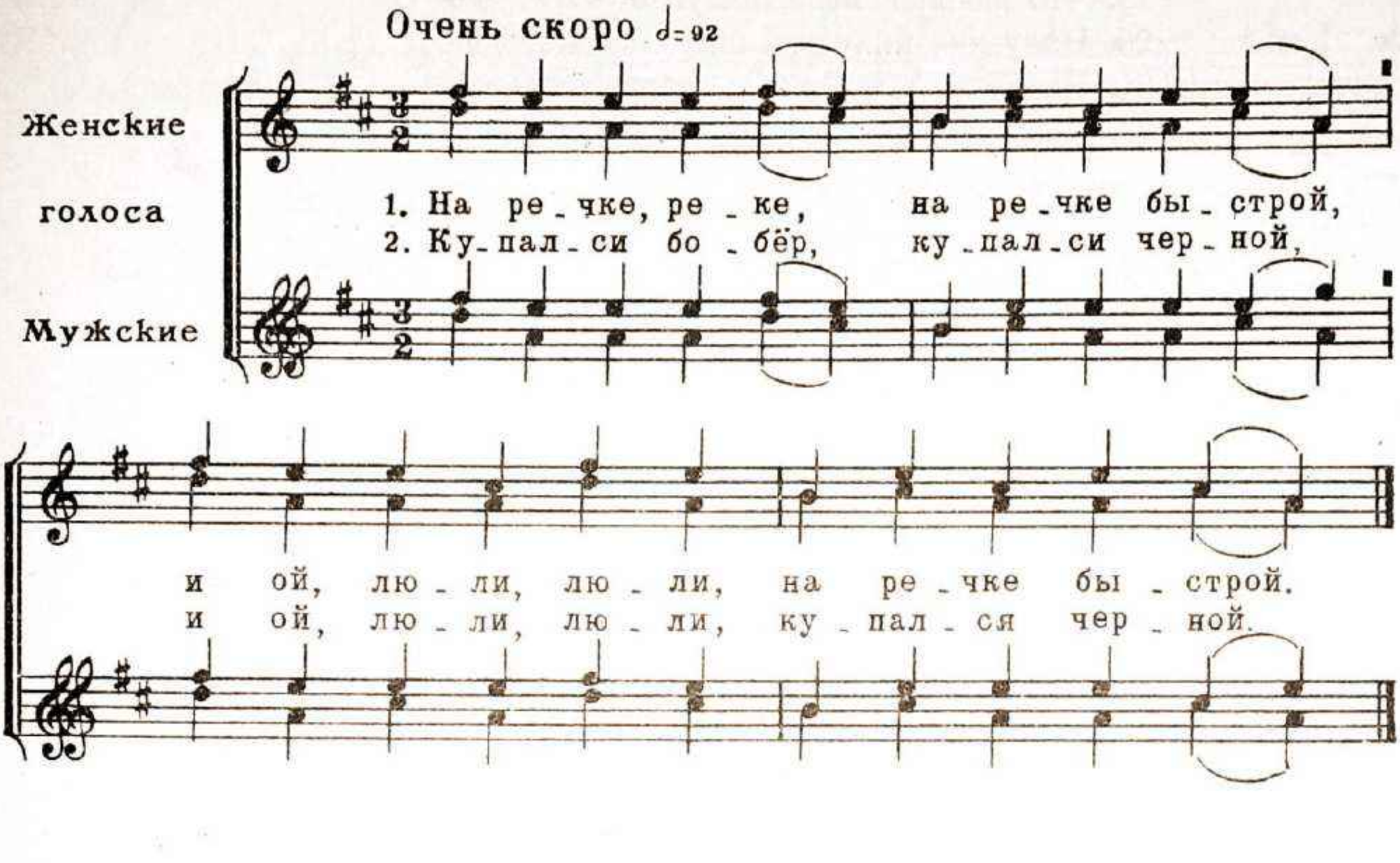
Станица Екатерининская, 1897

---

[1] Припев к каждому двустишию по данному образцу.

51. НА РЕЧКЕ-РЕКЕ КУПАЛСЯ БОБЕР

Боится девица худой славы

1. На речке, реке, на речке быстрòй,

Припев:

И ой, лю́ли, лю́ли, на речке быстро́й,[1]

2. Купалси бобёр, купалси черно́й,
3. Купалси черно́й, не выкупалси,
4. Не выкупалси, весь вымаралси,
5. На горочку вышел, обтрухивалси,
6. Обтрухивалси, обсушивалси,
7. Обсушивалси, оглядывалси,—
8. Не едет ли кто, не ищет его:
9. Охотнички едут, чёрного бобра ищут,
10. Хотят бобра вбить, хотят застрялить,
11. Хотят застрялить, девке шубу шить,
12. Девке шубу шить, бобром опушить,—

---

[1] Припев после каждого стиха по указанному образцу.

13. Опушка боброва, девка черноброва.
14. Молодец молодчик, молоденький мой,
15. Молоденький мой, белай, румяно́й,
16. Белай, румяно́й, не стой ты со мной,
17. Не стой ты со мной, с девкой молодой,—
18. Усе люди скажут, что любишь мене,
19. Что любишь мене, цалуешь мене,
20. Цалуешь, милуешь, на ручку кладёшь,
21. На ручку кладёшь, к сердечушку жмёшь,
22. К сердечушку жмёшь, своею зовёшь!
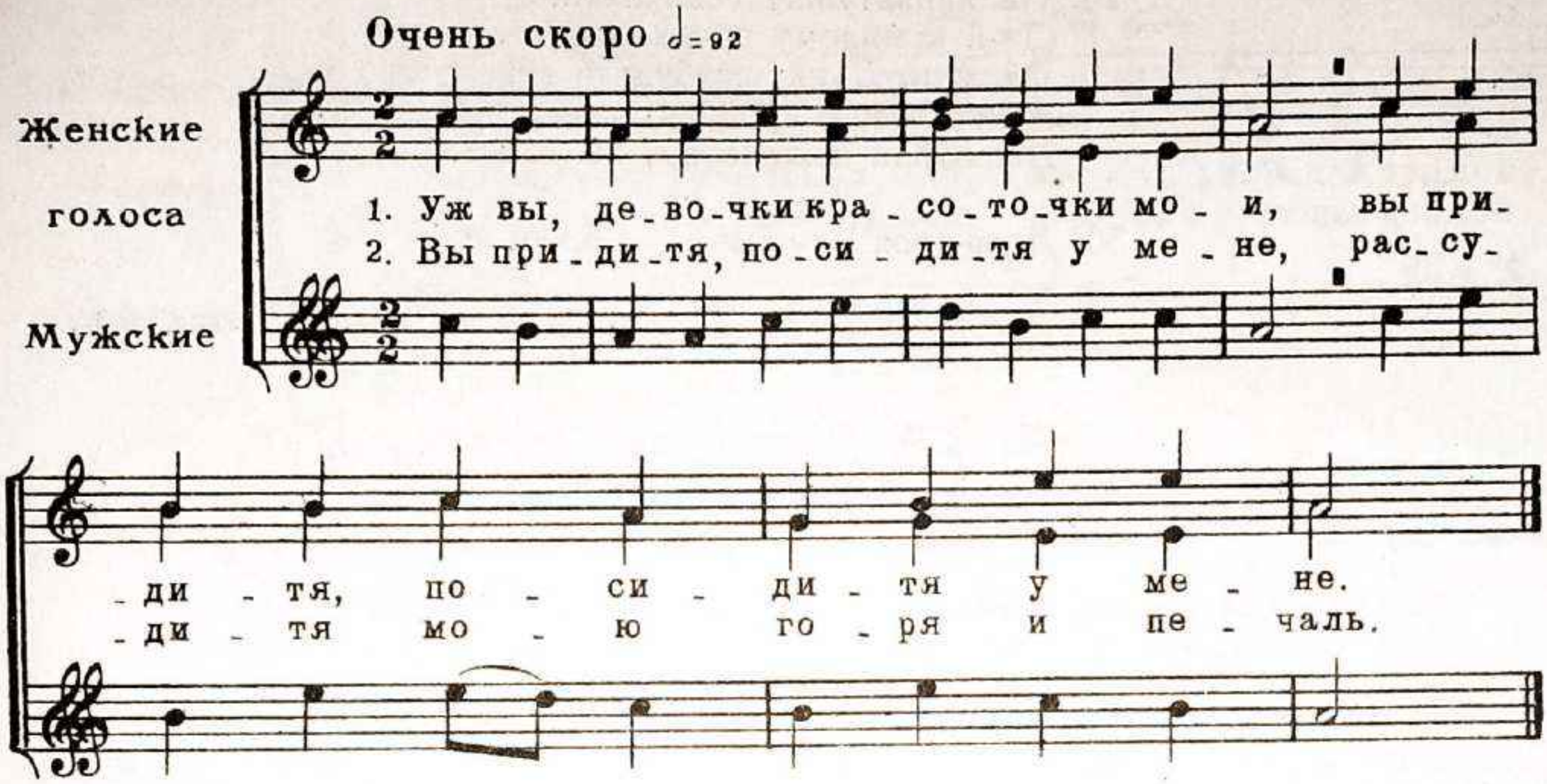
При исполнении на свадебных вечеринках добавляют:

23. Невеста, невеста, голубка моя,
24. Голубка моя, забавь ты мене,
25. Забавь ты мене, конпанью мою,
26. Конпанью, беседу, усю гу́льбишку!

Станица Екатерининская, 18

52. УЖ ВЫ, ДЕВОЧКИ

От болезочки письмо

1. Уж вы, девочки, красоточки мои!
Вы придитя, посидитя у мене,[1]
Рассудитя мою горя и печаль,—
Котораю девчоночку больню жаль,

5. Котораю мне так сладко цаловать,
К рятивóму сердечушку прижимать?
Вечóр я был у почтáря во дворе.
Получил я от болезочки письмо.
Получёмши, разломал младец печать,

10. Разломамши, сам начáл письмо читать.
Пишет, пишет болезочка у письме,
Она пишет не худые словеса:
«Приди, умничек, разумник дорогой!
Коли прúдешь, так я буду очень ждать,

15. А не прúдешь, так завóчно[2] распрощусь,
Распростимши, своей жизницы ряшусь!
Я ряшила, поряшила её,
Я ряшила любовь с миленьким.
В мене батенькя не рóдный отец,

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] «Завочно» — заочно.

В мене маменькя не рòдная мать.
Посылают и туда, и суда,
Посылают в тёмный погреб за вином.
А я в погребе замешкалася,
Зелена̀ вина обтрескалася,
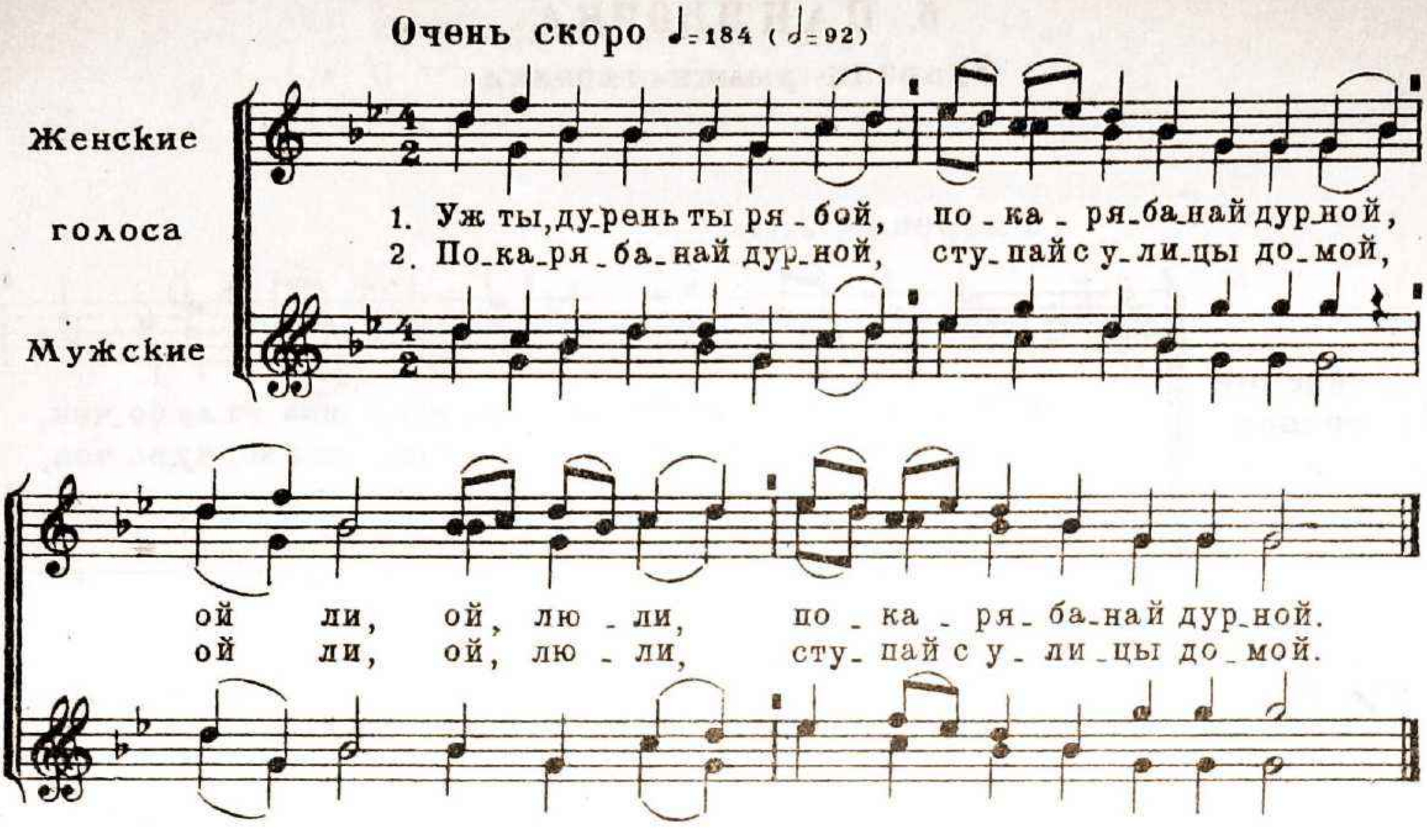
На карватушку свалилася,
Да-й к милому привалилася».
Ой, спи, Дуня; не будитя её,
А проснётся, проводитя её,
Двоя-троя нежанатых, холостых,

Двоя-троя кучерявых, молодых!

Станица Екатерининская, 1897.

53. УЖ ТЫ, ДУРЕНЬ

Девочка карагодик собрала

1. Уж ты, дурень ты, рябой,
   Покарябанай, дурной,

Припев:

   Ой ли, ой люли!
   Покарябанай, дурной.[1]

2. Покарябанай, дурной,
   Ступай с улицы домой,
3. Я, девочка хороша,
   Сы улицы не пошла.
4. Сы улицы не пошла,
   Карагодик собрала.
5. Карагод мой небольшой —
   Да сы восемь всех подруг,
6. Да сы восемь всех подруг,
   А девятай милай друг.
7. Ты, девятай милай друг,
   Становися с нами в круг,
8. Становися с нами в ряд,
   Говори ты слово в лад!

Станица Екатерининская, 1897
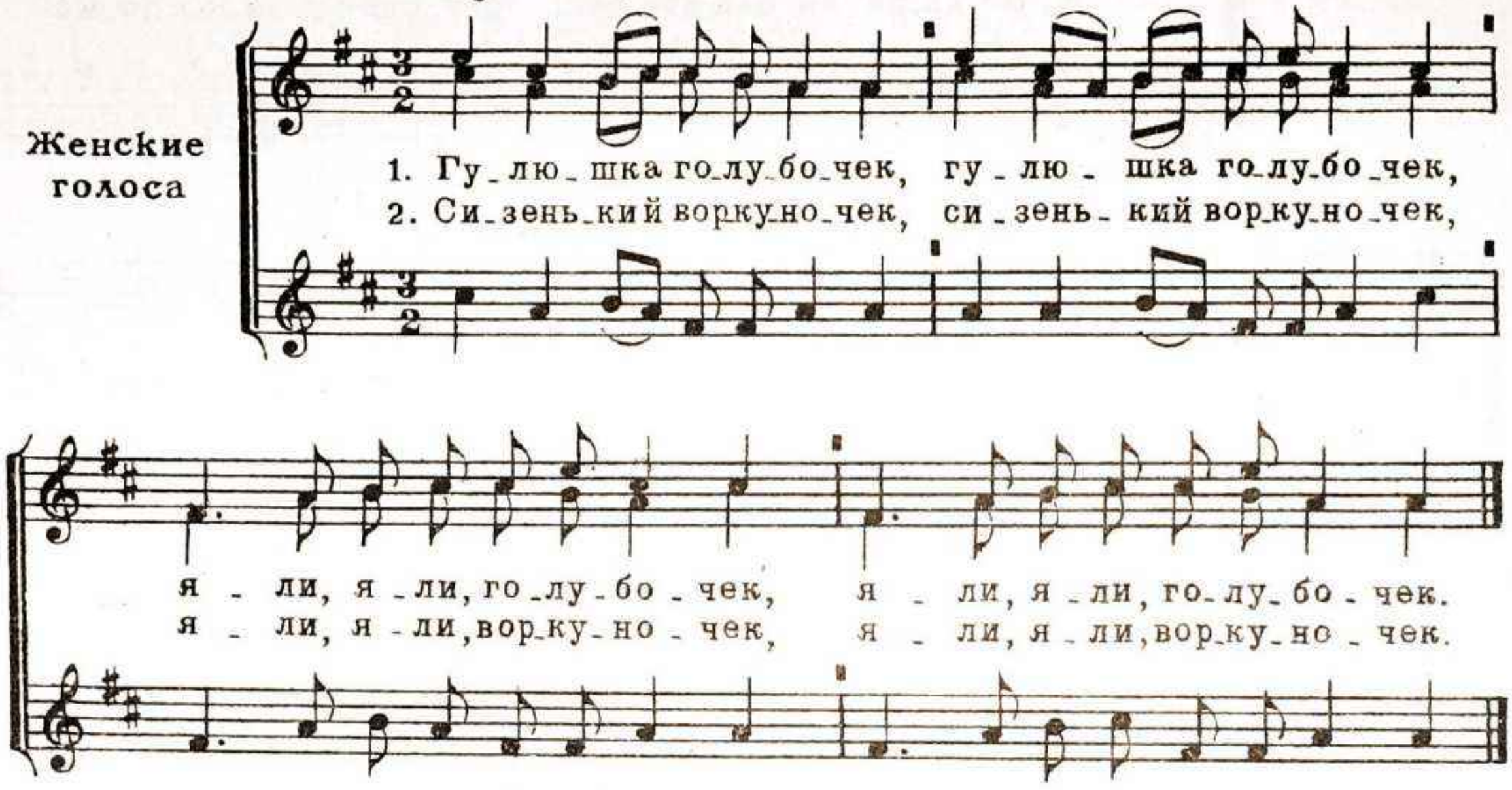
---

[1] Припев к каждому двустишию по данному образцу.

54. а. ГУЛЮШКА ГОЛУБОЧЕК

Чёк-таки чёк-чеботочек

б. ПАНЯНОЧКА

Ударили рюмки-тарелки

1. Гулюшка голубочек,

Припев:

Я ли, я ли, голубочек,[1]

2. Сизенький воркуночек,
3. Часто по терему летает,
4. Слу́шает—выслуша́ет,
5. Что девица в те́рему гово́рит.
6. Тёмная ноченька находит,
7. А девице в тереме не спится,—
8. Милай на рученькю ложится,
9. Ровно пухо́вая подушка.

---

[1] Повторяются каждый стих и каждый припев по данному образцу. Исполняется с такими же повторениями.

10. Чёк-таки, чёк-чеботочек!
11. «Здравствуй, миленький дружочек!
12. У нас ноня дома не здорòво, —
13. Старай с печи свалился,
14. За̀ печь, за колòду завалился.
11. Кабы я была лястѝва,
16. Я б ямȕ выше подмостила,
17. Старому голову сломила!»

Станица Екатерининская, хутор Насонтов, 1897

1. Паняночка бела, румянà я,[1]

Припев:

Я ли, я ли, румянà я,

2. Паняночка пашенькю пахала.
3. Длинная гòнушки гоняла,
4. Широкие борозды бросала,
5. Белаю капусту садила.
6. Уродилась белая капуста
7. Не высòка, бела-лапушѝста.
8. Как у эгу белаю капусту
9. Увадилась кȕрушка-рябȕшка,
10. Поклевала белаю капусту.
11. Ясеновские[2] ребяты — хваты
12. Поймали кȕрушку-рябȕшку,
13. Нащипали перьев подушку,
14. Насолили мяса кадушку,
15. Натопили жиру черяпушку.
16. Ударили рюмки-тарелки,
17. Дайтя по рюмочке горелки,
18. Что б я пьяна напилà ся,
19. Что б я с милым подралася.

Станица Екатерининская, хутор Ясеновский, 1897.

---

[1] Повторяются каждый стих и каждый припев по данному образцу.

[2] «Ясеновские» ребяты — с хутора Ясеновского, где песня записана. Вар. «А как наши-то ребяты — хваты».

55. НЕ СПЕШИ, МОЯ ХОРОШАЯ

Щегòльный милый хочет обесчестить

Скоро ♩ = 168

Запев (женский голос или мужской)

Женские голоса

1. Не спе_ши, мо_я хо_ро_ша_я, по_стой,
2. Злы_я лю_ди на_ку_ти_ли на ме_не,

Мужские

Все

не спе_ши, мо_я хо_ро_ша_я, по_стой,
злы_я лю_ди на_ку_ти_ли на ме_не,

нам не дол_го по_бе_се_до_вать с то_бой,
на_ку_ти_ли, на_го_ва_ри_ва_ли,

нам не дол_го по_бе_се_до_вать с то_бой.
на_ку_ти_ли, на_го_ва_ри_ва_ли.

1. Не спеши, моя хорошая, постой,[1]
Нам не долго побеседовать с тобой.

2. Злые люди накутйли[2] на мене,
Накутили, наговаривали,

3. Накутили, наговаривали,
Во глаза дружка улещивали:

4. «Ты, щегóльнай, ты, щегóльнай,[3] милай мой,
Ой, забава, сладки песенки не пой.

5. Полно, миленький, по садику ходить,
Поздно с вечеру во гусельки играть,

6. Поздно с вечеру во гусельки играть,
Молодуя паняночку забавлять».

7. Хочет милай обесчестить мене,
Косу русаю отрезать у мене,

8. Алу ленточку примять, притоптать,
Меня, девочку, на веки облыгать.[4]

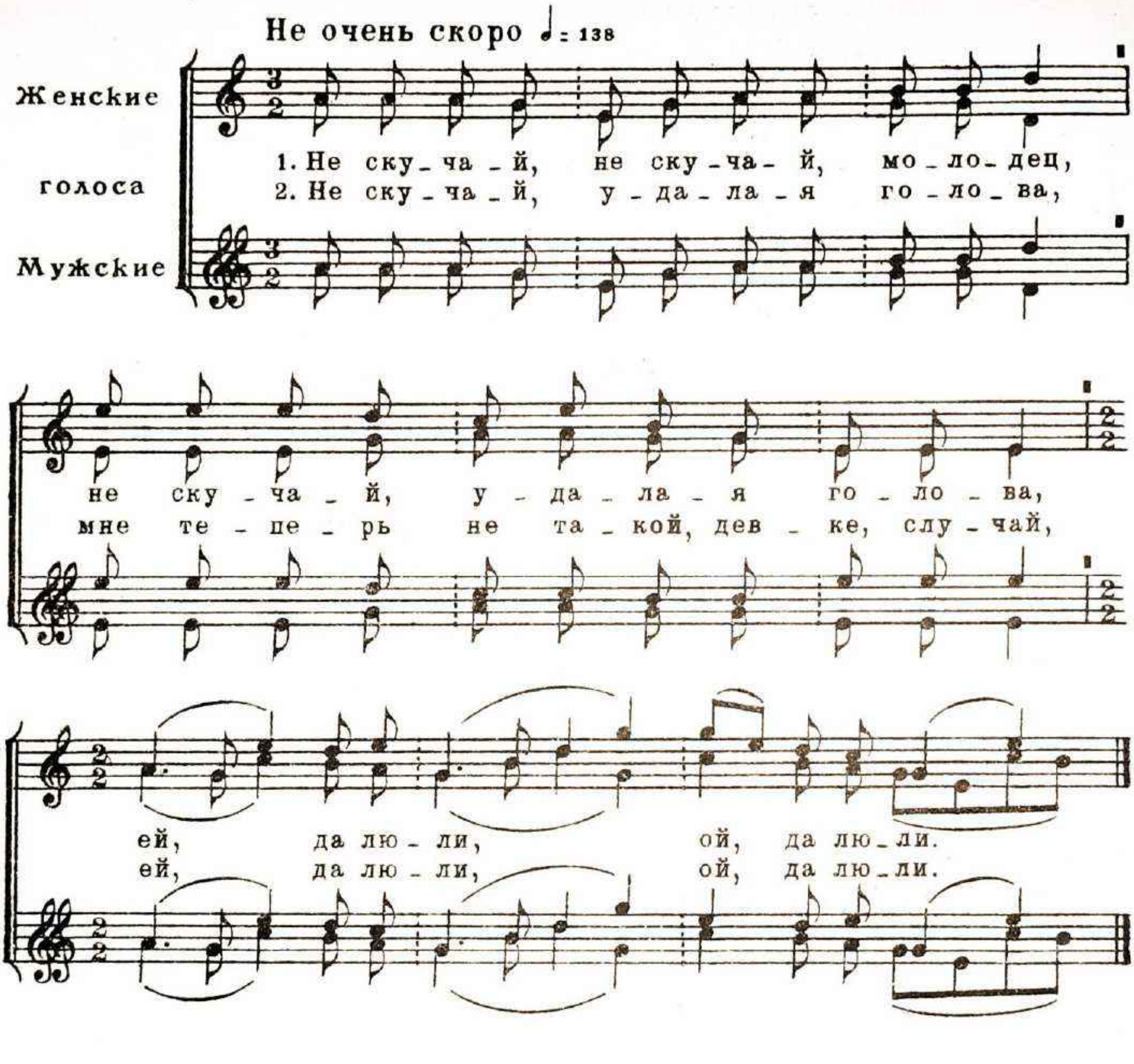
Станица Екатерининская, хут. Насонтов, 1898.

---

[1] Каждый стих повторяется.
[2] «Накутили» — насплетничали, насудачили.
[3] «Щегóльный» — щеголеватый, щеголь, нарядный.
[4] Оболгать.

56. НЕ СКУЧАЙ, НЕ СКУЧАЙ, МОЛОДЕЦ

У девочки сердечушко болит

1. Не скучай, не скучай, молодец,
   Не скучай, удалая голова!

Припев:
   Ей, да люли, ой, да люли![1]

2. Не скучай, удалая голова, —
   Мне теперь не такой, девке, случай.

---

[1] Припев после каждого двустишия без изменений.

3. Я повадилась одна, девка, гулять
У батеньки во зелёном во саду,

4. У батеньки во зелёном во саду,
У маменьки во високим терему.

5. Я сидела под косячитым окном,
Я смотрела у хрустальная стекло:

6. Пташка к пташке перелётавает,
Частёхунькя перепорхивает,

7. Цалуются, милуются всякий час;
В мене, младой, слёзы катются из глаз.

8. Слёзы катются, сердечушка болит,
Ой, болит, болит, не знаю, как мне быть.

9. Да начто эти городы городить,
Коли некому капусту садить.
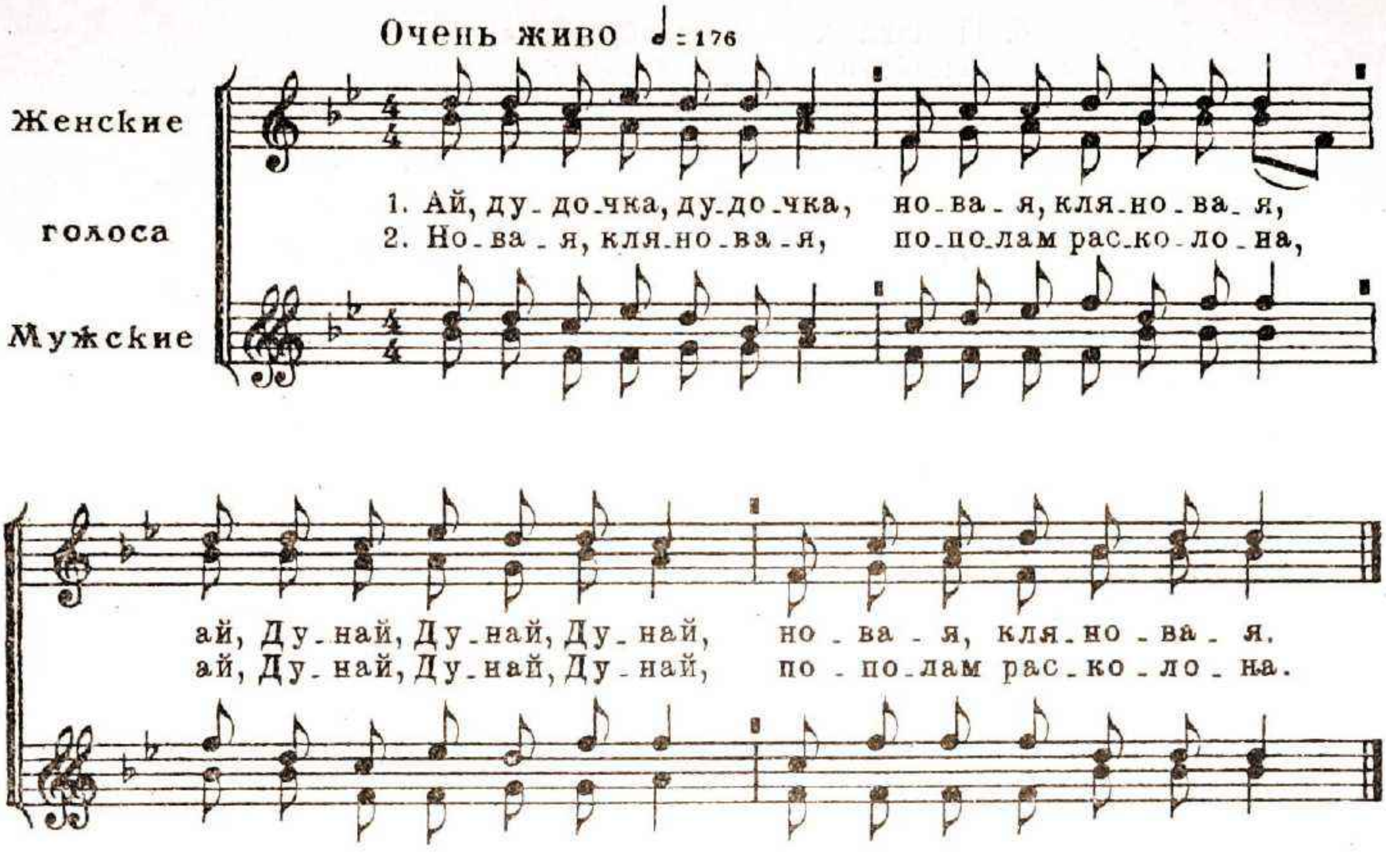
10. Да начтю жа ту капусту садить,
Луччи с миленьким по садику ходить,

11. Луччи с миленьким по садику ходить,
Луччи милого за рученьку водить.

Станица Екатерининская, 1899.

57. АЙ, ДУДОЧКА, ДУДОЧКА

Парень девицу зовёт

1. Ай, дудочка, дудочка,
   Новая кляно̀вая.

Припев:

Ай, Дунай,[1] Дунай, Дунай! [2]
Новая кляновая,

2. Новая, кляновая,
   Пополам расколона,
3. Пополам расколона,
   На улицу брошена.
4. По улицы мостовой,
   По широкой, столбовой,
5. По широкой, столбовой
   Шла девочка за водой.
6. Шла девочка за водой,
   За холодной ключевой,
7. За холодной ключевой.
   За ней парень молодой,
8. За ней парень молодой,
   Кричит девочке: «Постой!»
9. Кричит: «Девочка, постой!
   Красавица, обожди,
10. Красавица, обожди;
    Дай напиться воды!»
11. — «Я бы рада обождать,—
    С стороны люди глядят,
12. Не чужие, всё свои,
    Всё подружечки мои!»

Станица Екатерининская, хутор Насонтов, 1901.
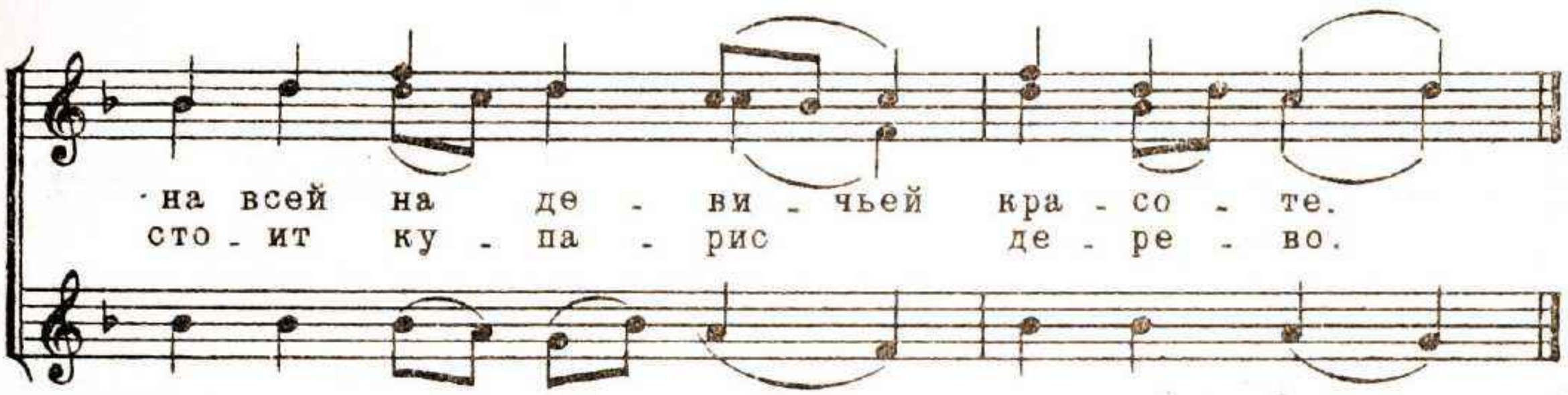
---

[1] «Дунай» — так в донских песнях именуют иногда Дон.
[2] Припев после каждого двустишия, по данному образцу.

58. ОЙ, НА ГОРЕ, ГОРЕ, ВЫСОКÒ

Гуляй, моя гулюшка,- не загуливайся

1. Ой, на горе, горе високò,
На всей на девíчьей красоте [1]
Стоит купарис-дерево.
На том купарис-дереве

5. Висит золотая колыберь,[2]
Подцèпочки шёлковаи,
Колечки серебрянаи,
Крючки позолоченаи.
Во той колыберушке

10. Ляжит удал добрай молодец,
По йменью молодца зовут
Иван Тимохвеевич-душа.
Гуляя во зèленом саду,
Ломая зелёнай виноград,

15. Кисточки бросая у кровать.
Ответу привету не слыхать,
Ни слова ни лàскового,
Ещё не приветливого.
Вот только привету от него:

20. «Гуляй, моя гулюшка,
Гуляй, друг мой Аннушка,
Гуляй, не загуливайси,
Играй, не заигравайси, —
В тебе много дела на руках:

25. Что-й свёкру ковёр вышивать;
Свекрови наборы набирать;
Деверю добрà коня седлать,
Деверю Андреюшке,
Андрей Тимохвеевичу;

30. Золовке русýя косу плесть,
Золовушке Софьюшке;
Милому платочек вышивать,
Милому что-й Ванюшке,
34. Иван Тимохвеевичу.
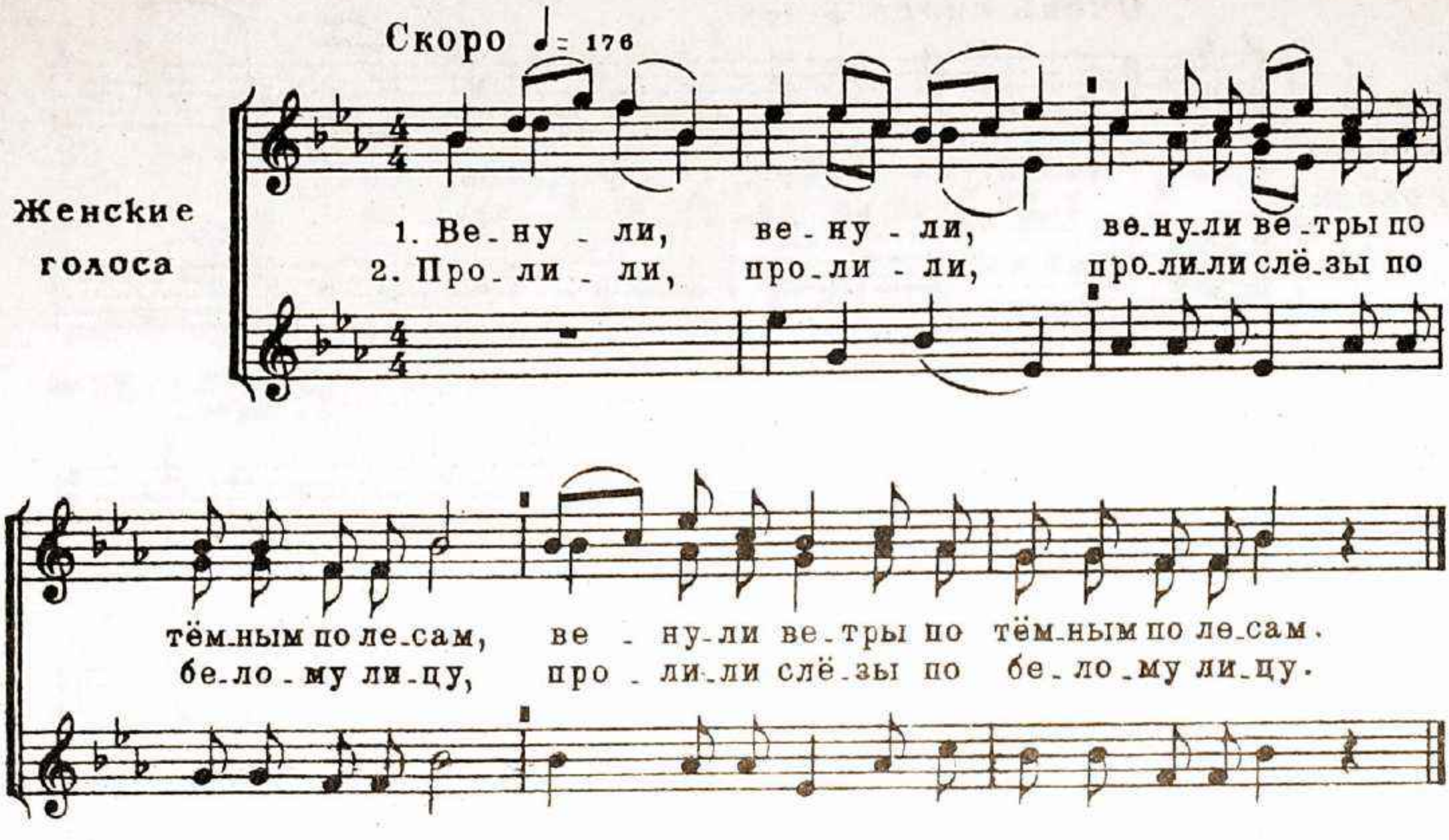
Станица Екатерининская, хутор Насонтов, 1899—1901

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] «Колыберь» — колыбель.

59. ВÈНУЛИ ВÈТРЫ

Как мне быть во чужой семье

I

1. Венули, венули,
   Венули ветры по тёмным по лесам.[1]

2. Прòлили, прòлили,
   Прòлили слёзы по белому лицу.

3. Я ли, молода, я ли, молода,
   Я ли, молода, думу думала одна.

4. Как мне быть, как мне быть,
   Как мне быть на чужой стороне?

5. Как привыкать, как привыкать,
   Как привыкать кы чужой семье?

6. Как назвать, как назвать,
   Как назвать свёкра-батюшку?

7. Свёкром звать, свёкром звать
   Свёкром звать, будя сердиться;

8. «Батенькя, батенькя,
   Батенькя», да не рòднай отец!

---

[1] Каждый четный стих повторяется.

9. Как назвать, как назвать,
Как назвать свякровь-маменькю?

10. «Свякровь» звать, «свякровь» звать,
«Свякровь» звать, будя сердиться;

11. «Маменькя, маменькя,
Маменькя», да не рòдная мать!

II

12. Венули, венули,
Венули ветры по тёмным по лесам,

13. Прòлили, прòлили,
Прòлили слёзы по белому лицу.

14. Я ли, молода, я ли, молода,
Я ли, молода, думу думала одна.

15. Как мне быть, как мне быть,
Как мне быть на чужой стороне?

16. Как привыкать, как привыкать,
Как привыкать кы чужой семье?

17. Как назвать, как назвать,
Как назвать да мила дружка?

18. «Миленький, миленький,
Миленький да мой Ванюшка.

19. Ванюшка, Ванюшка,
Ванюшка свет Иванович!»

20. — «Милая, милая,
Милая да ты, Танюшка,

21. Танюшка, Танюшка,
Танюшка, свет Васильевна!»

Станица Екатерининская, 1898—1901

60. АХ, УТУШКА ЛУГОВАЯ

Суженый Лёвушка изменяет

1. Ах, утушка луговая,[1]

Припев:

То-то, луговая,

2. Ты, серая, полевая,
3. Да молодушка молодая,
4. Где ты спàла, ночевала?
5. «Ночевала в чистом поле,
6. В чистом поле при дороге.
7. Там ехали добры люди,
8. Добры люди, всё дявйцы,[2]
9. Премудрые мастярицы.
10. Сы дорожки сывертали
11. Да к кустику привертали:
12. «Ах, ты, кустик кустоватай,
13. Берёзовай листоватай!
14. А кто у нас нежанатай?
15. Нежанатай в нас Лёвушка,
16. Нежанатай Степанович.
17. А кто его сужалея?[3]
18. Сужалея что-й Настюшка,
19. Сужалея Васильевна:
20. «Да друг ты мой, что-й Лёвушка
21. Да друг ты мой, Степанович!
22. Не ходи, мил, по девочкам,
23. По молодым молодушкам.
24. Не носи, мил, подарочки,
25. Подарочки дорогие,
26. С руки перстни золотые,
27. Позолочены витые!»
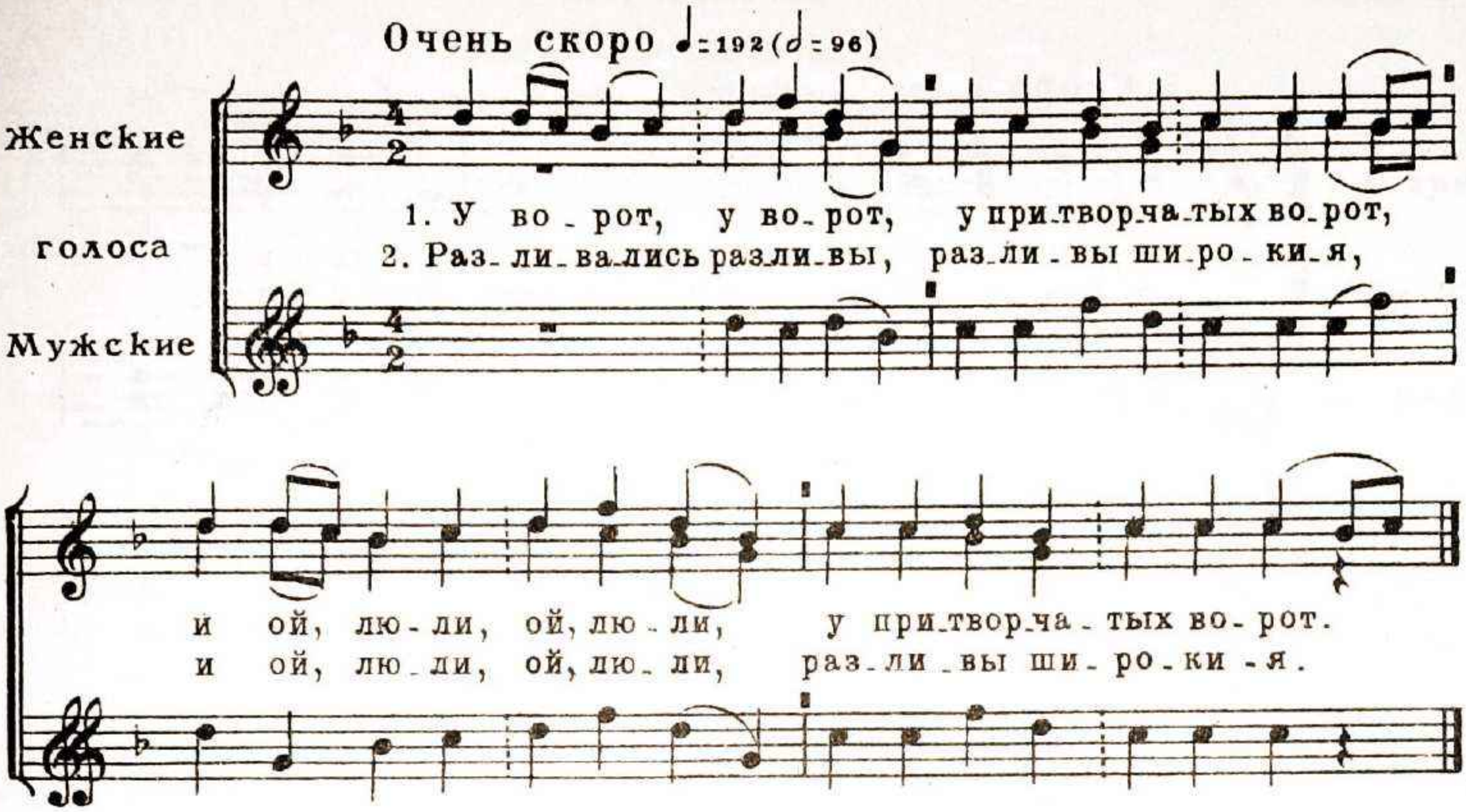
Станица Екатерининская, 1898—1901.

---

[1] Каждый стих и каждый припев (по данному образцу) повторяются.
[2] Вар. «Добры люди, красны девки,
Сы дорожки...» и т. д.
[3] «Сужалея» — пожалеет, сожалеет, приласкает. Вар. «жана будя», «суженàя».

61. У ВОРОТ, У ВОРОТ

Лебедѝн и лебёдушка

1. У ворот, у ворот,
У притворчатых ворот,

Припев:
И ой, лю́ли, ой, люли́!
У притворчатых ворот,[1]

2. Разливались разливы,
Разливы широкие,
3. Разливы широкие,
Озёры глубокие.
4. По тем по озёрушкам
Два лебедя плавали,
5. Два лебедя плавали,
Восплыва́ли белан
6. Ой, кто у нас Лебядѝн?[2]
«Лебядин—Алёшечка,
7. Бравенький, хорошенький,
Алексей Михайлович!»
8. А его лебёдушка?
«Лебёдушка Софьюшка,
9. Бравая, пригожая,
Софья Александровна!»

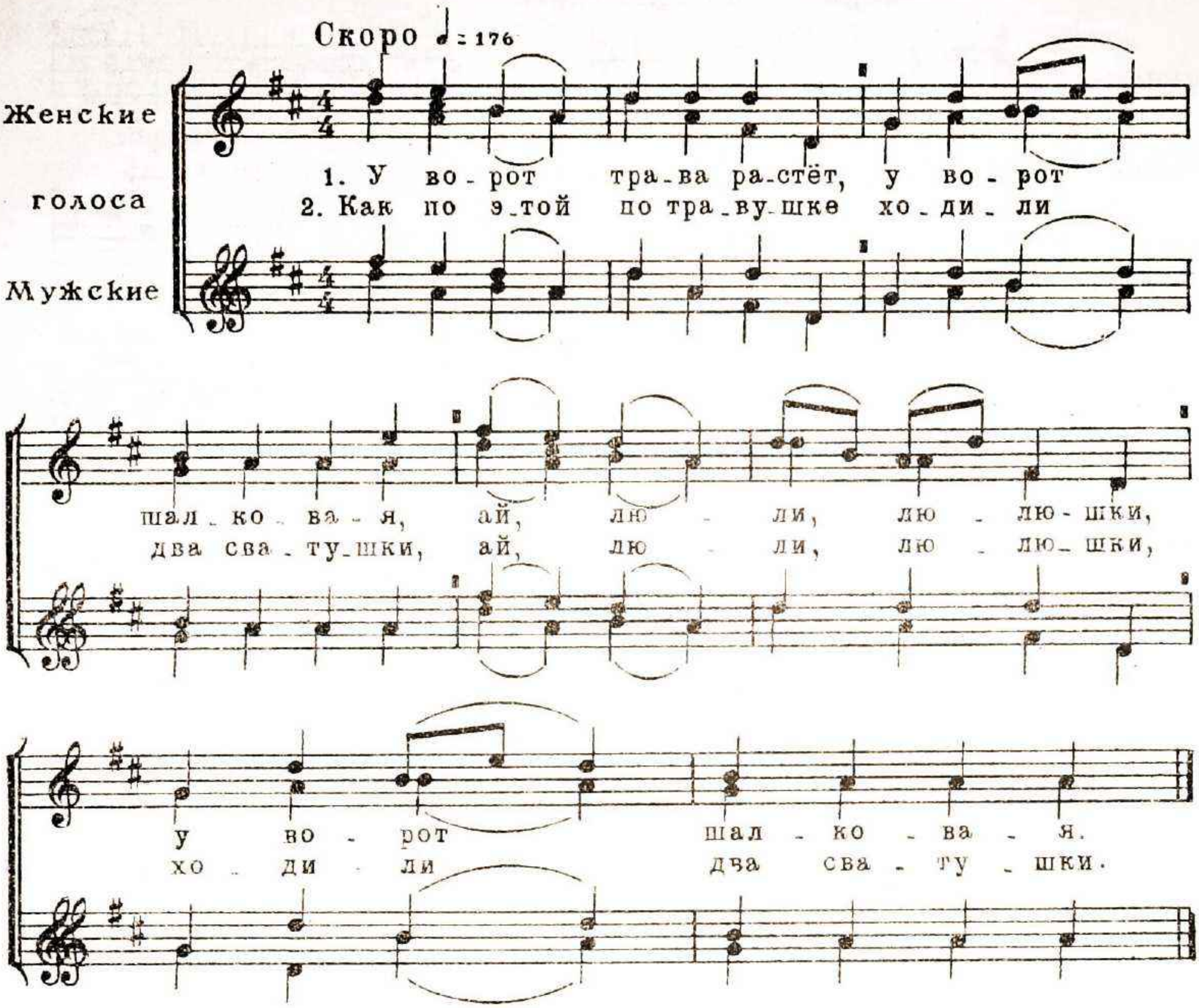
Станица Екатерининская, 1898—1901.

---

[1] Припев по указанному образцу после каждого двустишия.
[2] Вар. **«лебедок»**.

62. У ВОРОТ ТРАВА РАСТЕТ

Гоголёк и гогòлка

1. У ворот трава растёт,
У ворот шалкòвая,

Припев:

Ай, люлѝ, лю̀люшки!
У ворот шалкòвая.[1]

2. Как по этой по травушке
Ходилѝ два сватушки,

3. Два сватушки—сходатаи,
Старики богатаи,

---

[1] Припев после каждого двустишия по данному образцу.

4. Сватали что-й Танюшку,
Сватали Димитревну.

5. Давали приданого
Гоголя̀ чубарого.

6. Гоголёк наш Ванюшка,
Гоголёк Иванович,

7. Гоголка что-й Танюшка,
Гоголка Димитревна!

8. Не охотник наш Ванюшка
По чужим пирам ходить,

9. По чужим пирам ходить
Да чужуя пиво пить.

10. Да й-охотник Иванович
Всё во тестев двор ходить,

11. Всё во тестев двор ходить,
Душу Танюшку любить:

12. «Друг ты мой, что-й Танюшка,
Сердца моя, Димитревна!

13. Ты моя утешница,
Ты моя забавница.

14. Ты мене утешила,
Ты мене забавила
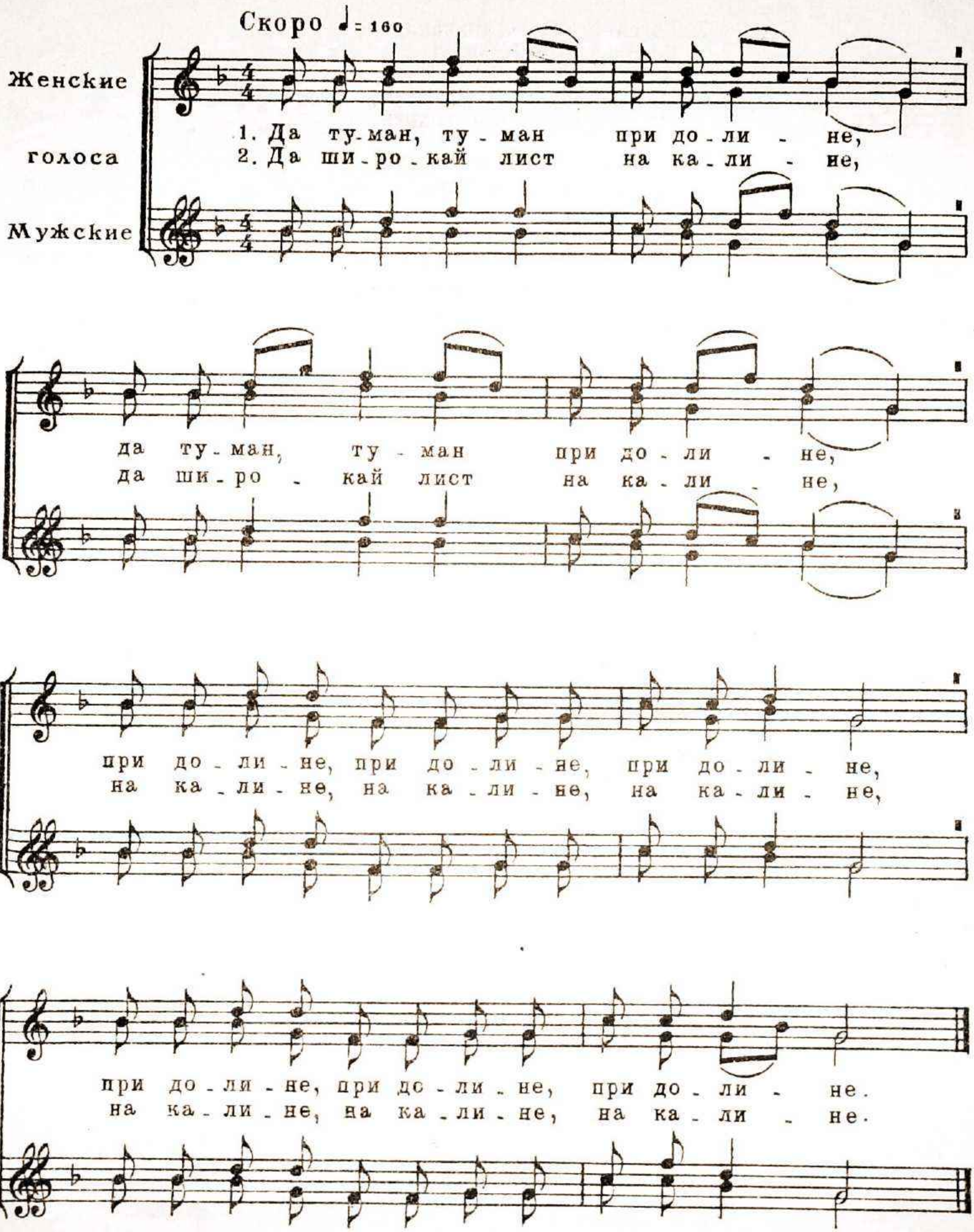
15. Тихими походами,
Низкими поклонами,

16. Низкими поклонами,
Словесами умильнами!»

Станица Екатерининская, хутор Насонтов (Ильичев), 1898—1901

63. ДА ТУМАН, ТУМАН

Голубь и голубочка

1. Да туман, туман при долине,[1]
   При долине, при долине, при долине.

2. Да широкай лист на калине,
   На калине, на калине, на калине,

3. Да ещё ширше на дубочку,
   На дубочку, на дубочку, на дубочку.

4. Да понял голубь голубочку,
   Голубочку, голубочку, голубочку.

5. Да понял свою, не чужуя,
   Не чужуя, не чужуя, не чужуя,

6. Да паняночку молодуя,
   Молодуя, молодуя, молодуя.

7. Да паняночка муку сея,
   Муку сея, муку сея, муку сея,

8. Да на пылочку набивая,[2]
   Набивая, набивая, набивая,

9. Да калачики натирая,
   Натирая, натирая, натирая,

10. Да за реченьку отсылая,
    Отсылая, отсылая, отсылая.

11. Да за речкою, за рекою,
    За рекою, за рекою, за рекою

12. Да живет Ваня, ковалёчек,
    Ковалёчек, ковалёчек, ковалёчек.

13. «Да ты скуй жа мне топорочек,
    Топорочек, топорочек, топорочек.

14. Да пойди, Ваня, во лесочек,
    Во лесочек, во лесочек, во лесочек,

15. Да сруби, Ваня, тополёчек,
    Тополёчек, тополёчек, тополёчек,

16. Сделай Поле холодочек,
    Холодочек, холодочек, холодочек,

17. Да чтоб Полюшка не горела,
    Не горела, не горела, не горела.

18. Животом сердца не болела,
    Не болела, не болела, не болела,.

19. Да была б Поля веселее,
    Веселее, веселее, веселее!»

Станица Екатерининская, хутор Насонтов, 1898, 1901.
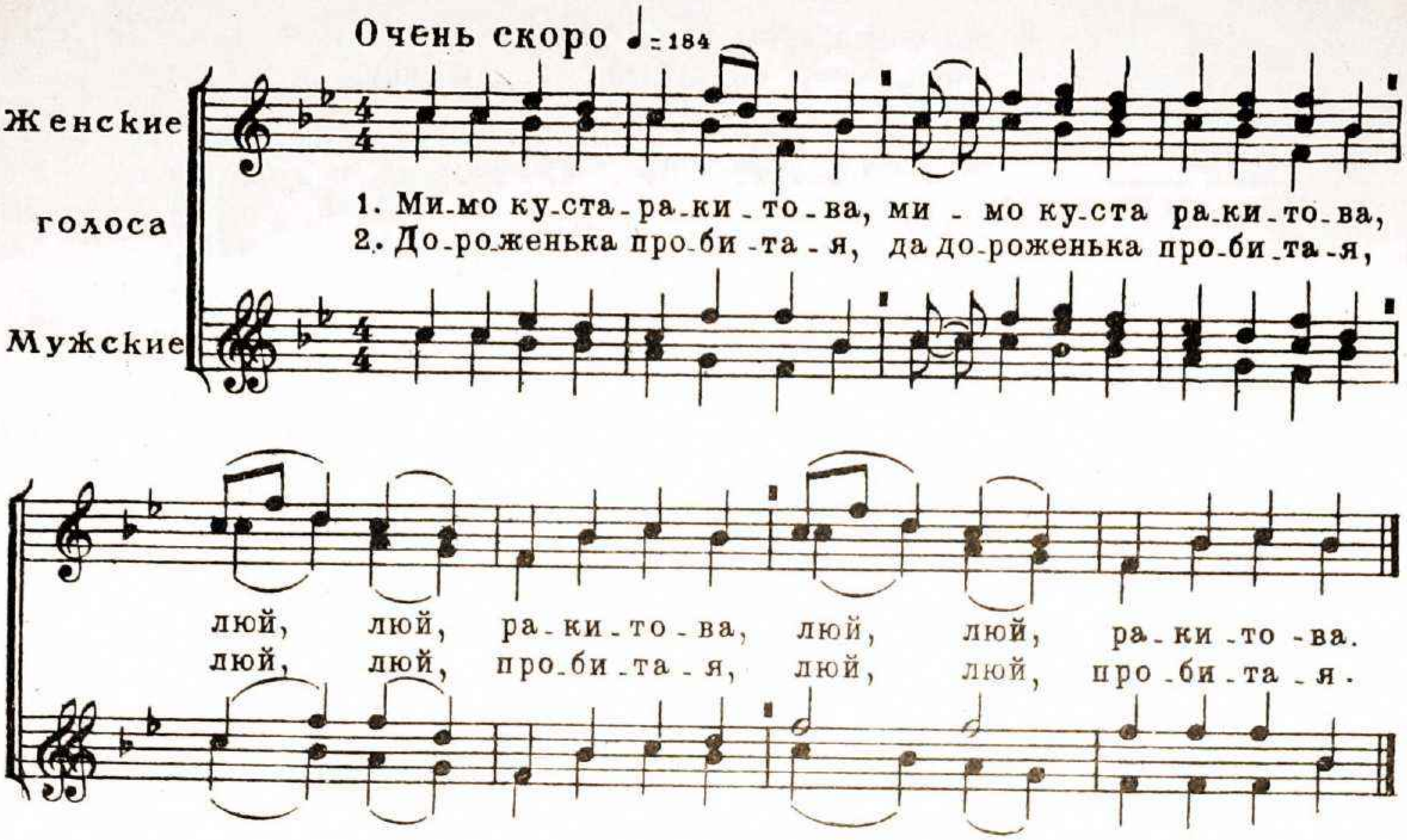
---

[1] Каждый стих повторяется.

[2] Набивать на пыль — значит просевать на густое сито для калачей: «на пылочку, видно, девонька, набиваешь!».

64. МИМО КУСТА РАКИТОВА

Я в тебе[1] однёхунька, роднёхунька

1. Мимо куста ракитова,[1]
Припев:
Люй, люй, ракитова,
2. Дороженька пробитая,[2]
3. Не широкая, пробойная.
4. По той стёжке, по дорожке
5. Бяжит коник неезжанай,
6. Неезжанай, несёдланай.
7. На нём сидит донской казак,
8. Донской казак что-й Петюшка,
9. Наш Петюшка Петреевич.[3]
10. Журил свою он Полюшку,
11. Не плёткою, тесёмкою.
12. Тесёмочка растрепалась,
13. А Полюшка расплакалась,
14. Степановна разнежилась:
15. «Да друг ты мой, что-й Петюшка,
16. Да друг ты мой, Петреевич,
17. Не бей жа ты больнёхунькя,—
18. Да я ж в тебе[4] однёхунькя,
19. Однёхунькя, роднёхунькя!»
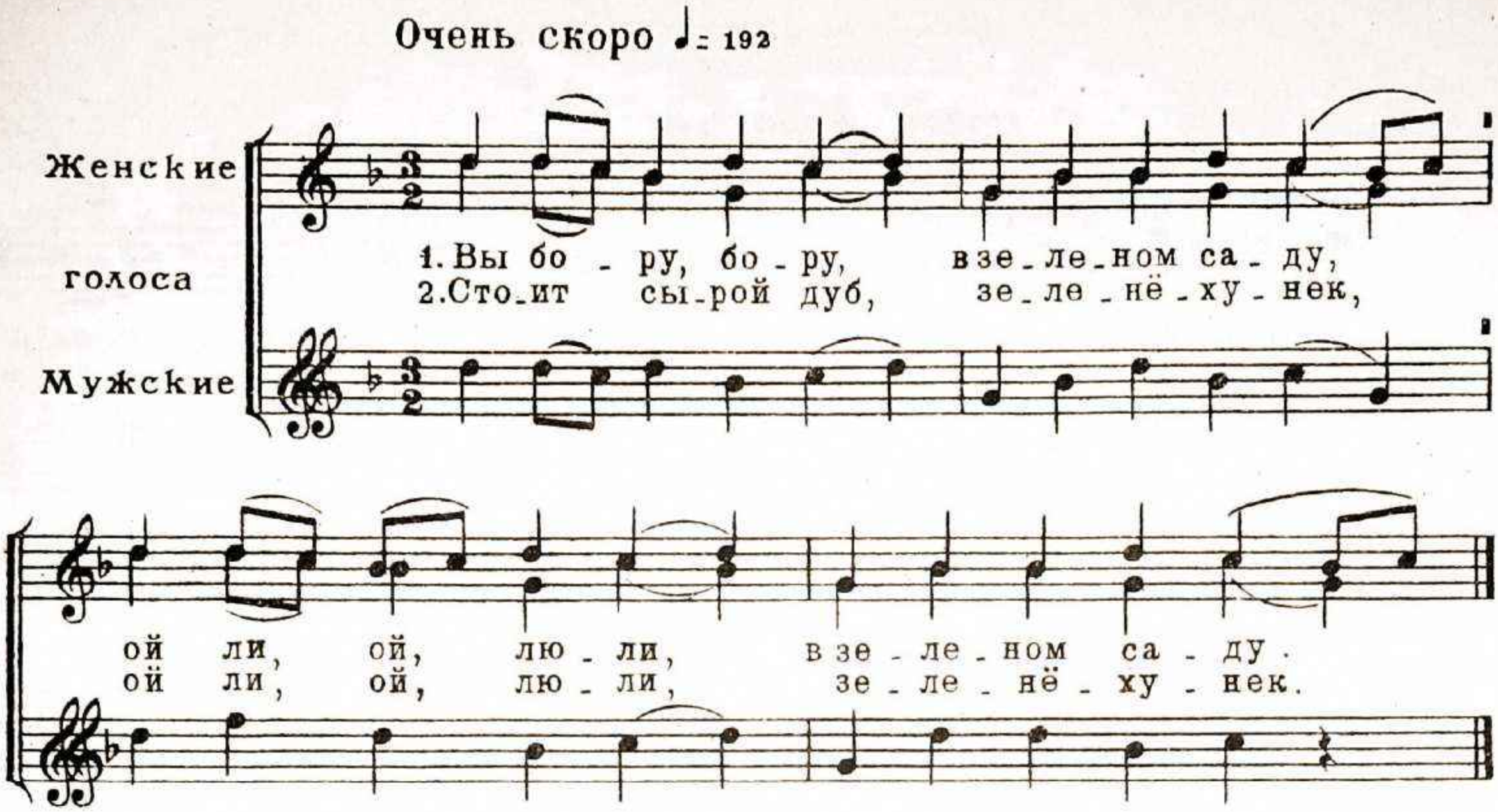
Станица Екатерининская, хутор Насонтов, 1898.

---

[1] Каждый стих и каждый припев по этому образцу повторяются.
[2] Вар. «продольная».
[3] «Петреевич» — Петрович,— растяжение по требованию напева.
[4] В тебе — у тебя.

65. ВО БОРУ, БОРУ

Кабы знала я, век замуж не шла

1. Во бору, бору, в зелёным саду,

Припев:

Ой ли, ой люли, в зелёным саду,[1]

2. Стоит сырай дуб зеленёхунек,
3. Зеленёхунек, веселёхунек.
4. На том на дубу сидит голубок,
5. Лебёдку клюёт лебядинаю,
6. Лебядинаю, соколинаю.
7. Он пустил руду[2] по сыром дубу,
8. Пустил пёрушки по дубровушке.
9. Кто эти пёрушки подбирать[3] будя?
10. Подбирать будя да что-й Полюшка,
11. Подбирать будя Ларивоновна.
12. Нашай Полюшке много надобно,—
13. Шить подушачки, шить пуховаи,
14. Одеялица шить шалковая.
15. «Кабы знала я, много ведала,
16. Кабы ведала, век замуж не шла,
17. Век замуж не шла и не думала[1],
18. Я подушачки б у в огне пожгла,
19. Я пухован—в жарком полыме,
20. Одеялица б укорочила!»

Станица Екатерининская, хутор Насонтов, 1898—1901.

---

[1] Припев по этому образцу после каждого стиха. Вар. «Стоит сырый дуб, он зелен-кудряв».

[2] «Руду» — кровь.

[3] Вар. «собирать».

66. ТЫ, ГОРЮН, ГОРЮН ВОРОБЕЙКА

Лебёдушку лебедь кличет

Очень скоро ♩ = 92

Женские голоса

Мужские

1. Ты, го - рюн, го - рюн во - ро - бей - ка, поз - дно
3. Под за - стре - ше - нью при - па - да - ешь, лёг - ку -

све - че - ра ты ле - та - ешь. 2. Поз - дно
- ю жёр - до - чку ка - ча - ешь. 4. Лёг - ку -

све - че - ра ты ле - та - ешь, под за -
- ю жёр - до - чку ка - ча - ешь, мел - ка -

- стре - ше - нью при - па - да - ешь.
- ю ко - стри - чку во - ро - шишь.

Ты, горюн, горюн, воробейка,
Поздно с вечеру ты летаешь,[1]
Под застрешенью припадаешь,
Лёгкаю жёрдочку качаешь,

Мелкаю кострички[2] ворошишь,
Милому глазачки порошишь!
Милай мой, ковёр над тобою,
Над твоей буйной головою.
Ты, горюн, горюн воробейка!

Ты высоко в тереме сидишь,
Ты далёко по заре слышишь,
Как лебёдушку лебедь кличет:
«Полятим, лебёдушка, с нами,
Да с нами, с белами лебедями.

Как у нас озёра глубоки,
Как у нас камыши высоки,
Как у нас вода ключевая,
Как у нас трава муравая!»[3]
Я высоко в тереме сижу,

Я далёко по заре слышу,
Как Ваня что-й Варюшку кличет:
«Ты пойдём, Варварушка, с нами,
Да и с нами ли с молодцами,
Да-й с донскими ли с казаками.

Как у нас курени высоки,
Как у нас столы дубовые,
Как у нас скатерти шелковые,
Как у нас вина налитые!»
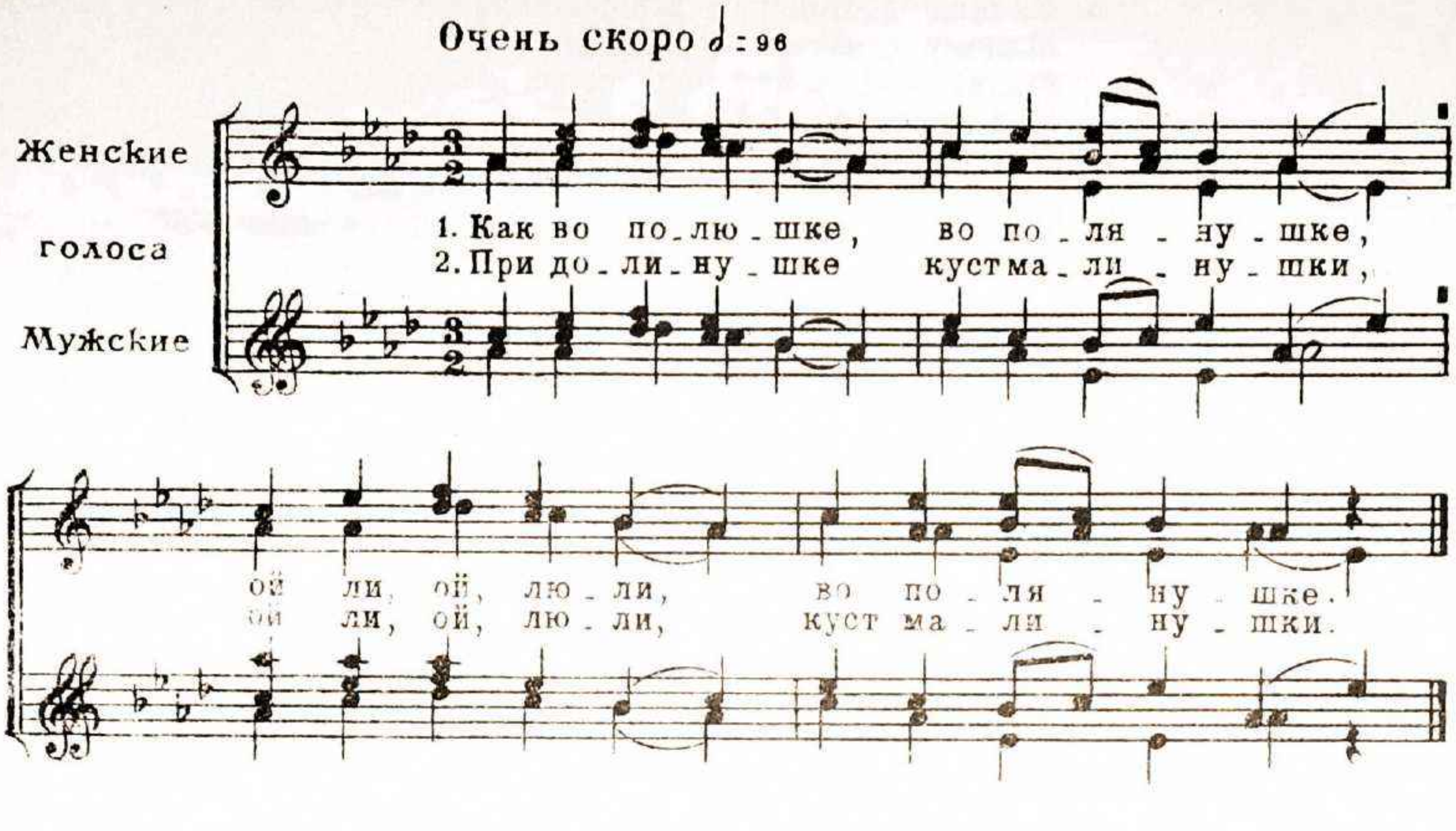
Станица Екатерининская, хутор Ясеновский, 1898—1901.

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] Кострички, кострика—сорная трава.
[3] Вар.—«шалковая».

67. КАК ВО ПОЛЮШКЕ, ВО ПОЛЯНУШКЕ

Лебедь похваляется лебёдушкой

1. Как во полюшке, во полянушке,

Припев:

Ой ли, ой люли́, во полянушке,[1]

2. При долинушке куст малинушки.
3. Там стоят шатры, шатры белаи,
4. Шатры белаи, полотнянаи,
5. Полотнянаи, шиты-тканаи,[2]
6. Шиты-тканаи, тонко пря́дены,
7. Тонко пря́дены, шёлком шитаи.
8. Как во тех шатрах всё по лебедю,
9. Всё по лебедю да по белому,
10. По лебёдушке да по беленькой.
11. А лебедь у нас что-й Артёмушка,
12. Что-й Артёмушка свет Уварьевич,
13. А лебедушка его Аннушка,
14. Его Аннушка Веденеевна.
15. Уж он хвалится, выхваляется:[3]
16. «Моя Аннушка, она луччи всех,
17. Она луччи всех, она краше всех,—
18. Вмеет ткать и прясть, вмеет шёлком шить,
19. У стола стоять у дубового,
20. Да во скатерти, во шалковаи,
21. Гостей забавлять что-й Артёмушки!»

Станица Екатерининская, хутор Нижне-Серебряков, 1898—1901.

---

[1] Припев после каждого стиха.
[2] Вар. «в ряды тканаи».
[3] Вар. «похваляется».

68. АЙ, МОЛОДОСТЬ, МОЛОДОСТЬ, ДЕВИЧЬЯ КРАСОТА

Чем молодость при старости вспомянуть!

Очень скоро ♩=192

Женские голоса

Мужские

1. Ай, мо_ло_дость, мо_ло_дость, де_ви_чи_я кра_со_та, ой ли, ой, да лю_ли, де_ви_чи_я
3. Ой, чем те_бе, мо_ло_дость, при ста_ро_сти спо_мя_нуть, ой ли, ой, да лю_ли, при ста_ро_сти

кра_со_та. 2. Де_ви_чи_я кра_со_та, мо_ло_де_цка_я
спо_мя_нуть? 4. Спо_мя_ну я мо_ло_дость го_ре_ю, кру_

су_хо_та, ой ли, ой, да лю_ли, мо_ло_де_цка_я су_хо_та.
_чи_но_ю, ой ли, ой, да лю_ли, го_ре_ю, кру_чи_но_ю.

1. **Ай, молодость, молодость,**
Дѐвичия красота,

Припев:

Ой ли, ой, да люли,
Дѐвичия красота[1],

2. Дѐвичия красота,
Молодецкая сухота,
3. Ой, чем тебе, молодость,
При старости спомянуть?
4. Спомяну я молодость
Горею-кручиною,
5. Горею-кручиною,
Большою печалию.
6. Пойду, млада, по воду,[2]
Пушу ведра под воду,
7. Пущу ведра под воду,
Сама выйду на гору,
8. Сама выйду на гору,
Там ударюсь об землю,
9. Там ударюсь об землю,
Раскинуся яблонью,[3]
10. Яблонью садовою,
Грушицай зелёною.
11. Там ехали бояре,
Московские дворяне.
12. Стали думати, гадать,
Стали грушицу рубать,
13. Стали грушицу рубать,
Тонки досточки тесать,
14. Тесать доски тонкие,
Делать гусли звонкие.
15. Кому в гусли играти,
Кому будя плясати?
16. Играть будя Ва̀нюшка,
Плясать будя Та̀нюшка.
17. «Танюшенька-душенька,
Роди сына у мене,[4]
18. Роди сына у мене,
А дочерю у себе.[4]
19. Учи сына играти,
А дочерю плясати.
20. Учи сына грамоте,
А дочерю шёлком шить!»
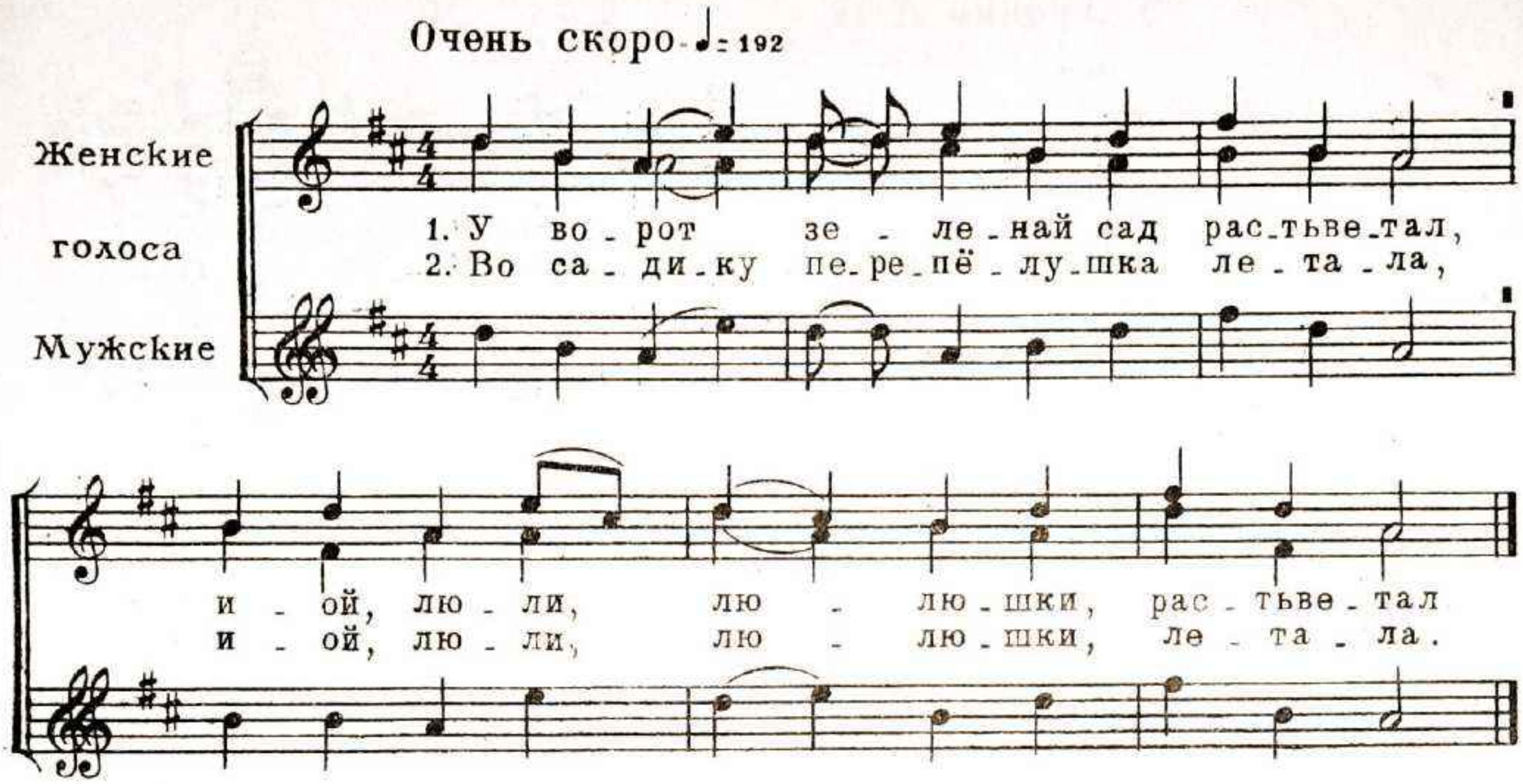
Станица Екатерининская, хутор Насонтов, 1898—1901.

---

[1] Припев по указанному образцу после каждого двустишия.
[2] Вар. «Пойду в Дунай по воду».
[3] Вар. «Рассыплюся яблонью».
[4] «У мене», «у себе» — в меня, в себя.

69. У ВОРОТ ЗЕЛЕНЫЙ САД

Перепёлушка-моя Полюшка

1. У ворот зелёнай сад растьветал,

Припев:

И ой, люли, люлюшки, растьветал.[1]

2. Во садику пилипёлушка летала,
3. Во зелёным рябая порхала.
4. А я схочу, пилипёлушку ухвачу,
5. А я схочу, рябаю поймаю.
6. Ой, кто у нас что-й Полюшка бравая,
7. Ой, кто у нас Ивановна славная?
8. Люблю, люблю Полюшку, как душу,
9. Люблю, люблю Ивановну, как себе.
10. Куплю, куплю что-й Полюшке шубушку,—
11. Она будя шубушку носити.
12. «А я эту шубушку не сношу.
13. Люблю, люблю Ванюшку, как душу,
14. Люблю, люблю Андревича, как себе!»
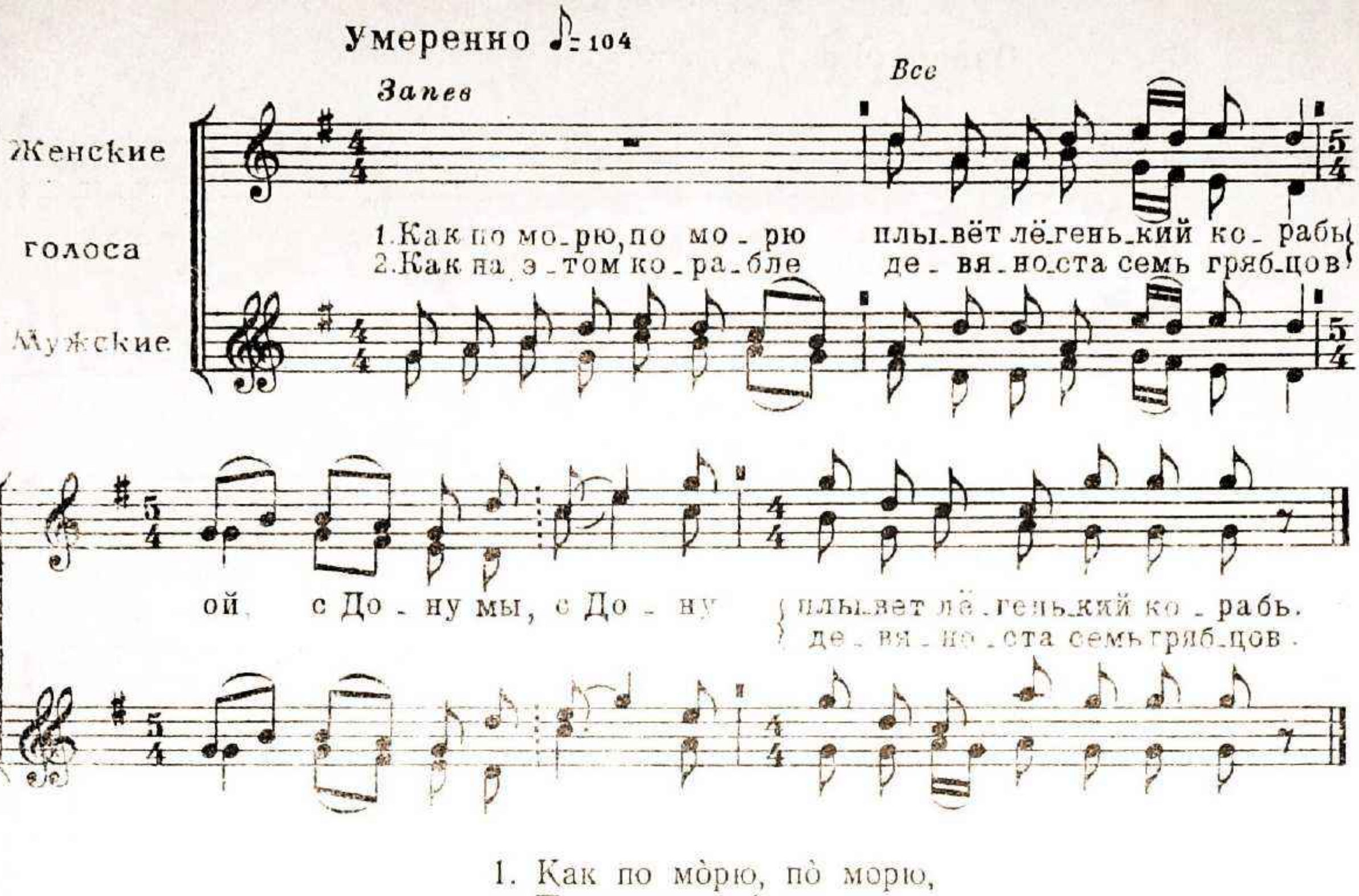
Станица Екатерининская, 1898.

---

[1] Припев после каждого стиха по данному образцу.

70. КАК ПО МО̀РЮ, ПО̀ МОРЮ

Ой, с Дону я, с Дону!

1. Как по мо̀рю, по̀ морю,
   По синему по̀ морю.

Припев:

Ой, с Дону я, с Дону,
По синему по̀ морю,[1]

2. По синему по̀ морю
   Плывёт лёгенький корабь,

3. Как во этом корабле
   Девяноста семь грябцов,

4. Девяноста семь грябцов,
   Разудалах молодцов.

5. Они гресть не грябут,
   Славны песенки поют,[2]

6. Славны песенки поют,
   Приговаривают:

7 .«В пятьдесят пятом году
   Шла девочка по воду[3]

---

[1] Припев после каждого двустишия по данному образцу.
[2] Вар. «Хорошо песни поют».
[3] Вар. «В семьдесят сядьмым году». «Пошла девка по́ воду».

8. Шла девочка по воду
Кы синему кы морю.

9. Стала воды набирать,
Стал кораблик подплывать,

10. Стал кораблик подплывать,
Стал младец девку пытать:

11. «Ой, ты, дѐвица-душа,
Незамужняя жана,

12. Пойдёшь замуж за вдовца,
За вдалóго молодца?»

13. — «Мене сватали сваты
Да получчи тебе,—

14. Не бояры, не дьяки,
Всё донские казаки!»

15. Рассердилси молодец,
Он выхватил вострый меч,

16. Он выхватил вострый меч,
Снял головушку ис плеч.

17. Как узяли молодца
Полицейские крючки.

18. Полицейские крючки
Взяли младца под ручки.

19. Повяли молодца
Во тёмнаю тямницу,

20. Во тёмнаю тямницу—
За краснаю дявицу.

21. Сидел год, сидел два,
Сидел ровно три года.

22. На четвёртом на году
Пришла маменька к няму,

23. Пришла маменька роднàя
И жанёнка молодая:

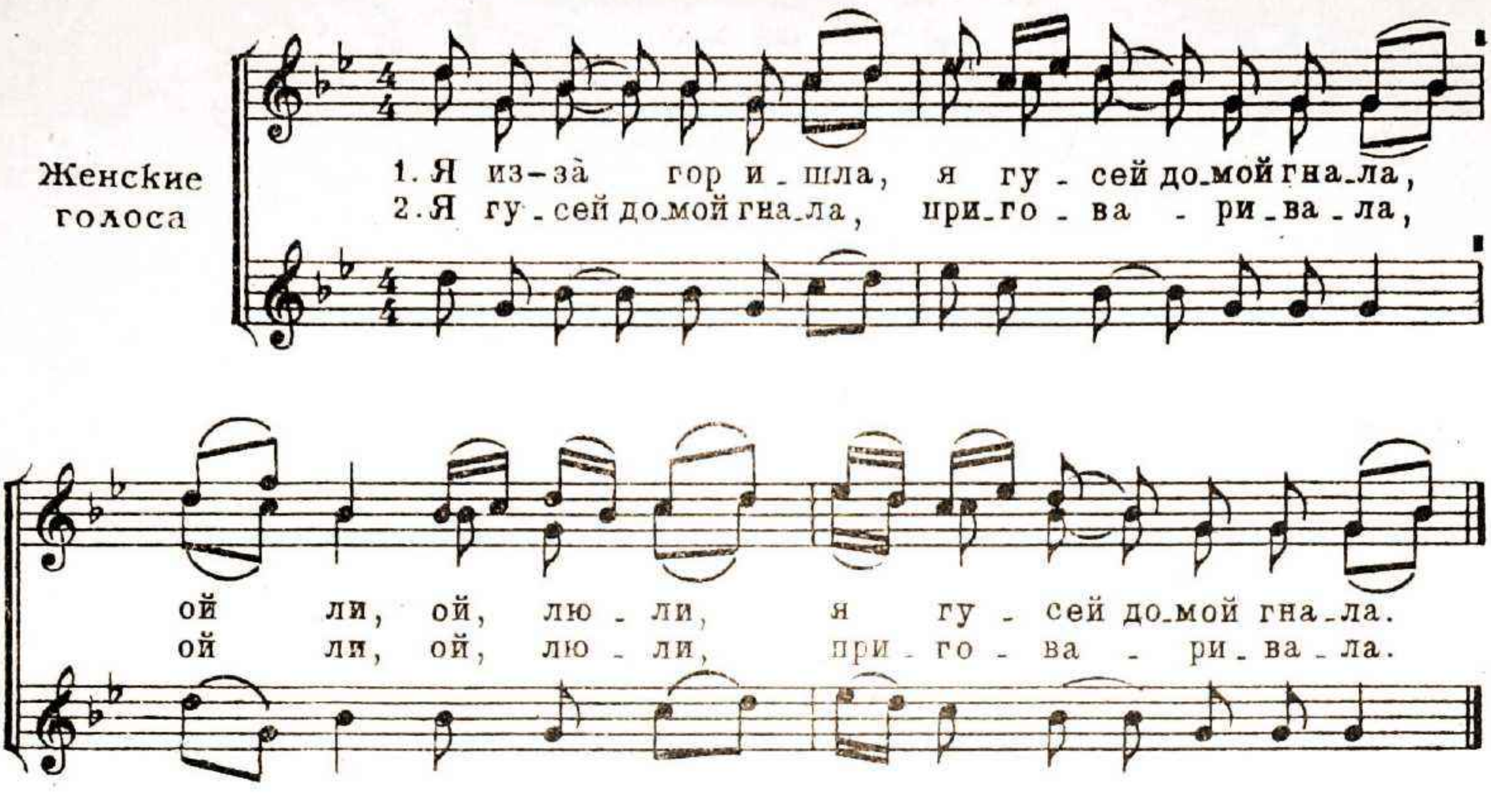
24. «Ты за что, младец, сидишь,
За какуя за бяду?»

25. — «За такуя за бяду,
За девочку молоду!

Станица Ермаковская, 1898.

71. Я ИЗ-ЗÀ ГОР ИШЛА

Я у батеньки понежилася, полелеялася

1. Я из за́ гор ишла, я гусей домой гнала,

Припев:

Ой ли, ой люли́, я гусей домой гнала,[1]

2. Я гусей домой гнала, приговаривала,
3. «Тега, гуси, домой, тега, серан, домой!
4. Привыкайтя, мои гуси, кы траве-мураве,
5. А я буду привыкать кы чужой стороне,
6. Кы чужой стороне, кы незна́комой семье.
7. Как чужие-то люди нерассудливаи,—
8. Они поздно спать кладут, рано сбуживают.
9. Я у батеньки у маменьки одна дочка была,
10. У родимого братушечки понежилася,
11. Я понежилася, полелеялася:
12. Я до зорюшки сыпала, сы торгу́ сла́дко едала,
13. Я без чаю, без вина ни один час не была;
14. Я без рыбицы не сяду, без калачика не съем,
15. Без мило́го спать не ляжу, без надёжи не усну.
16. Хучь и у́снется младой, во сне видится милой:
17. Будто, будто мой мило́й вдоль по й-улицы прошёл,
18. Вдоль по й-улицы прошёл, ко мне в гости не зашёл,
19. Ко мне в гости не зашёл, ко иной шельме пошёл,
20. Ко иной ко другой, ко разлучницы моей.
21. Разлучила, развела чужадальня сторона!»

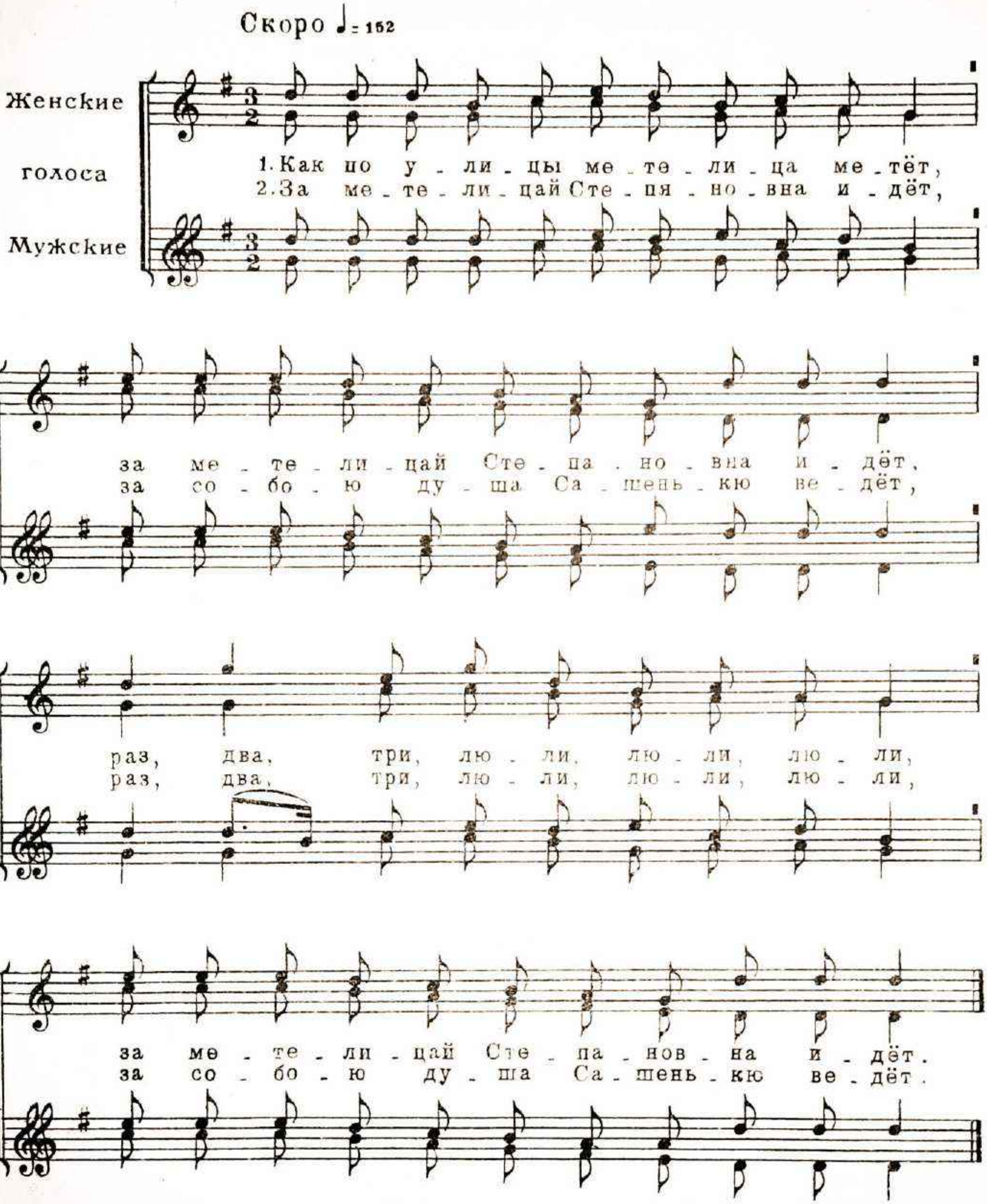
Станица Бело-Калитвенская, 1899—1901.

---

[1] По данному образцу строится припев к каждому стиху.

72. КАК ПО УЛИЦЕ МЕТЕЛИЦА МЕТЕТ

Разудалая Сашурочка и целовальник

1. Как по улицы метелица метёт,
За метелицай Степановна идет,

Припев:

Раз, два, три, люлѝ, люлѝ, люлѝ.
За метелицай Степановна идет.[1]

2. За метелицай Степановна идет,
За собою душа-Сашенькю ведет.

3. Душа-Сашенькя[2] убра̀на хорошо:—
На ней платтица—вышйванай подол,

4. На ней платтица вышйванай подол,
Гребешочек черепаховай витой,

5. Черевички козло̀венькаи,
А чулочки вязёненькаи.

6. Мимо саду, мимо каменнах палат
Едет Сашенькя на лаковах санях,

7. Едет Сашенькя на лаковах санях
Да на тройке на буланах лошадях.

8. Выскакавал целовальник с кабака:
«Вы пожалуйтя, Сашурочка, суда,

9. Вы пожалуйтя, Сашурочка, суда,
У нас много есть и пива и вина,

10. У нас много есть и пива и вина,
У нас водочка закубреная!»

11. У нас водочка закубреная,
А Сашурочка полюбленая!

12. «Я не думала сегодня угореть,—
Пришёл вечер, голова стала болеть!»

13. Уж вы, Сашки, канашки мои,
Разменяйте бумажки мои,—

14. А бумажачки новенькие,
Двадцатипятирублёвенькие.

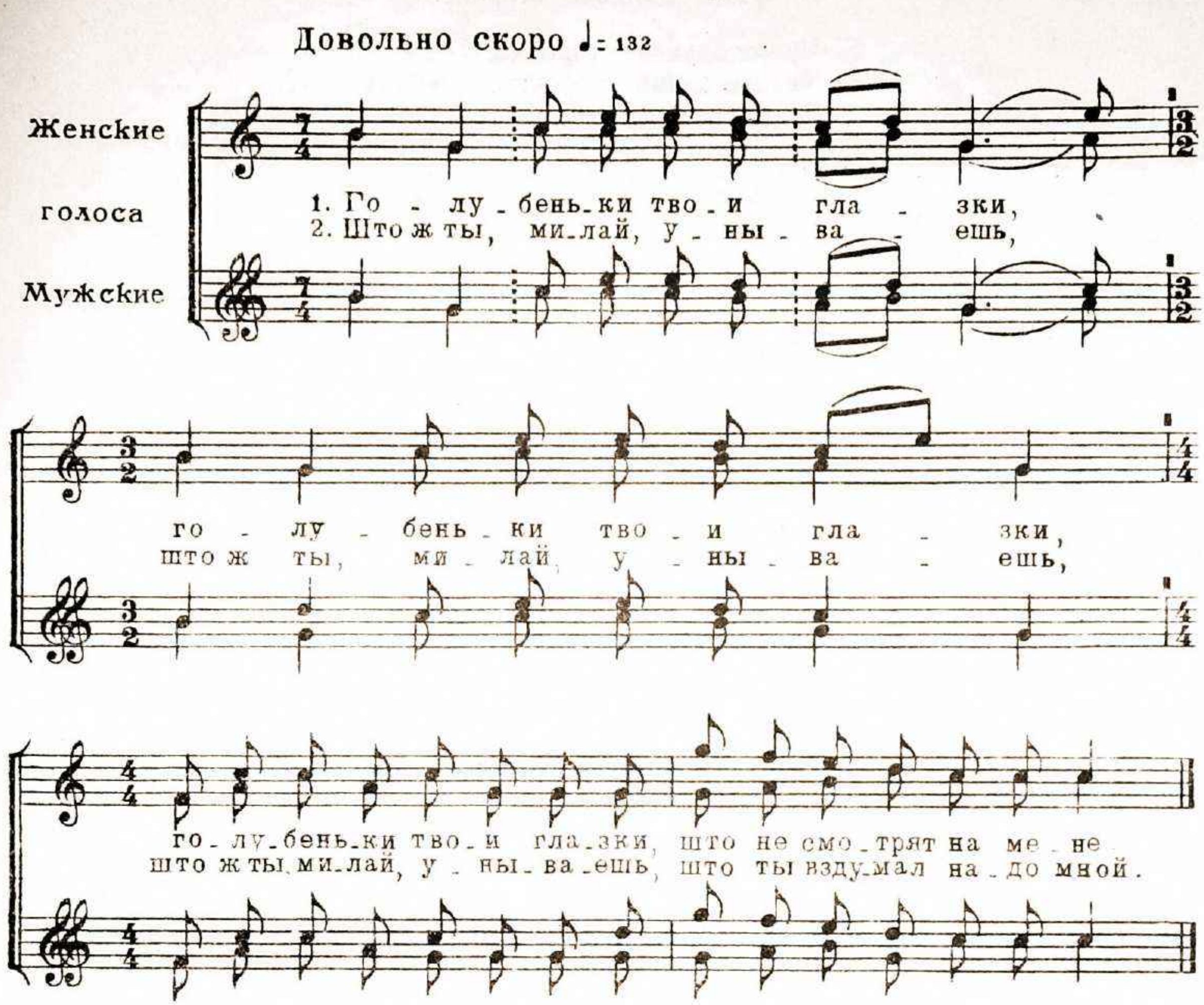
Станица Бело-Калитвéнская, 1899—1901

---

[1] Припев по этому образцу после каждой строфы.
[2] Вар. «Катенькю».

73. ГОЛУБЕНЬКИ ТВОИ ГЛАЗКИ

Мальчишка без пути-без разума

1. Голу́беньки твои глазки,
Голу́беньки твои глазки,
Что не смотрят на мене?[1]

2. Что ж ты, милай, унываешь,
Что ж ты, милай, унываешь,
Что ты вздумал надо мной?

---

[1] В строфе повторяется первый стих и затем поётся следующее за ним двустишие.

3. Колясочка у крылечка,
Колясочка у крылечка,
А мой милай во пути.

4. Во пути милай, в дороге,
Во пути милай, в дороге,
В чужой дальней стороне.

5. Чужадальняя сторонка,
Чужадальняя сторонка,
Ростовская ярманка.

6. Один бедненький мальчишка,
Безо времечка рождён.

7. Безо времечка родилси,
Безо времечка родилси,
Несчастнай жанилси.

8. Взял жанёнку невкорысну,
Взял жанёнку невкорысну,
Всяму роду не мила.

9. Стал за реченьку ходити,
Стал за реченьку ходить
Да трёх девочек любить,—

10. Одну Сашу, другу Машу,
Одну Сашу, другу Машу,
Третью Катеньку душу.

11. «Куплю Саше алу ленту,
Куплю Саше алу ленту,
А Машурке голубу,

12. А Машурке голубуя,
А Машурке голубуя,
Полюблю её другуя!»

Станица Бело-Белокалитвéнская, 1899—1900.

74. ТЫ СКАЖИ-КА, САШЕНЬКА МОЯ

Приветливая хозяюшка

Скоро ♩= 152

Запев — Все мужчины — Все

Женские голоса

Мужские

1. Ты ска_жи - ка, Са_шень_ка мо - я, рас_ска_жи - ка,
2. Ты ска_жи - ка, Са_шень_ка мо - я, рас_ска_жи - ка,

не бой_си ме_не, от_кольв те_бе го_стю_шки бы_ли без ме_не?
не бой_си ме_не, и_де в те_бе го_стю_шки спа_ли без ме_не?

Сам пан из Пи_те_ра был, сам пан из Пи_те_ра был,
Сам пан на пя_ри_не спал, сам пан на пя_ри_не спал,

Толь_ски_я, поль_ски_я бы_ли из Мо_сквы.
Толь_ски_я, поль_ски_я спа_ли на по_лу.

1. «Ты скажи-ка, Сашенька моя,
Расскажи-ка,—не бойси мене,—
Отколь в тебе гостюшки были без мене?»
— «Сам пан из Питера был,
Тòльские, пòльские были из Москвы!» [1]

2. «Ты скажи-ка, Сашенька моя,
Расскажи-ка,—не бойси мене,—
Иде в тебе гòстюшки спали без мене?»
— «Сам пан на пярине спал,
Тòльские, пòльские спали на полу!»

3. «Ты скажи-ка, Сашенька моя,
Расскажи-ка,—не бойси мене,—
Чем твои гостюшки одевалися?»
— «Сам пан одеялицам,
Тольские, польские покрывалицам!»

4. «Ты скажи-ка, Сашенька моя,
Расскажи-ка,—не бойси мене,—
Чем твои гостюшки умывалися?»
— «Сам пан ключевой водой,
Тольские, польские горючей слезой!»

5. «Ты скажи-ка, Сашенька моя,
Расскажи-ка,—не бойси мене,—
Чем твои гостюшки утиралися?»
— «Сам пан белым полотном,
Тольские, польские шалковым платком!»

6. «Ты скажи-ка, Сашенька моя,
Расскажи-ка,—не бойси мене,—
А что твои гостюшки закусавали?»
— «Сам пан курей да утей,
Тольские, польские белах лебедей!»

7. «Ты скажи-ка, Сашенька моя,
Расскажи-ка,—не бойси мене,—
Что ж твои гостюшки пили без мене?»
— «Сам пан чаёк попивал,
Тольские, польские зелено вино!» [2]
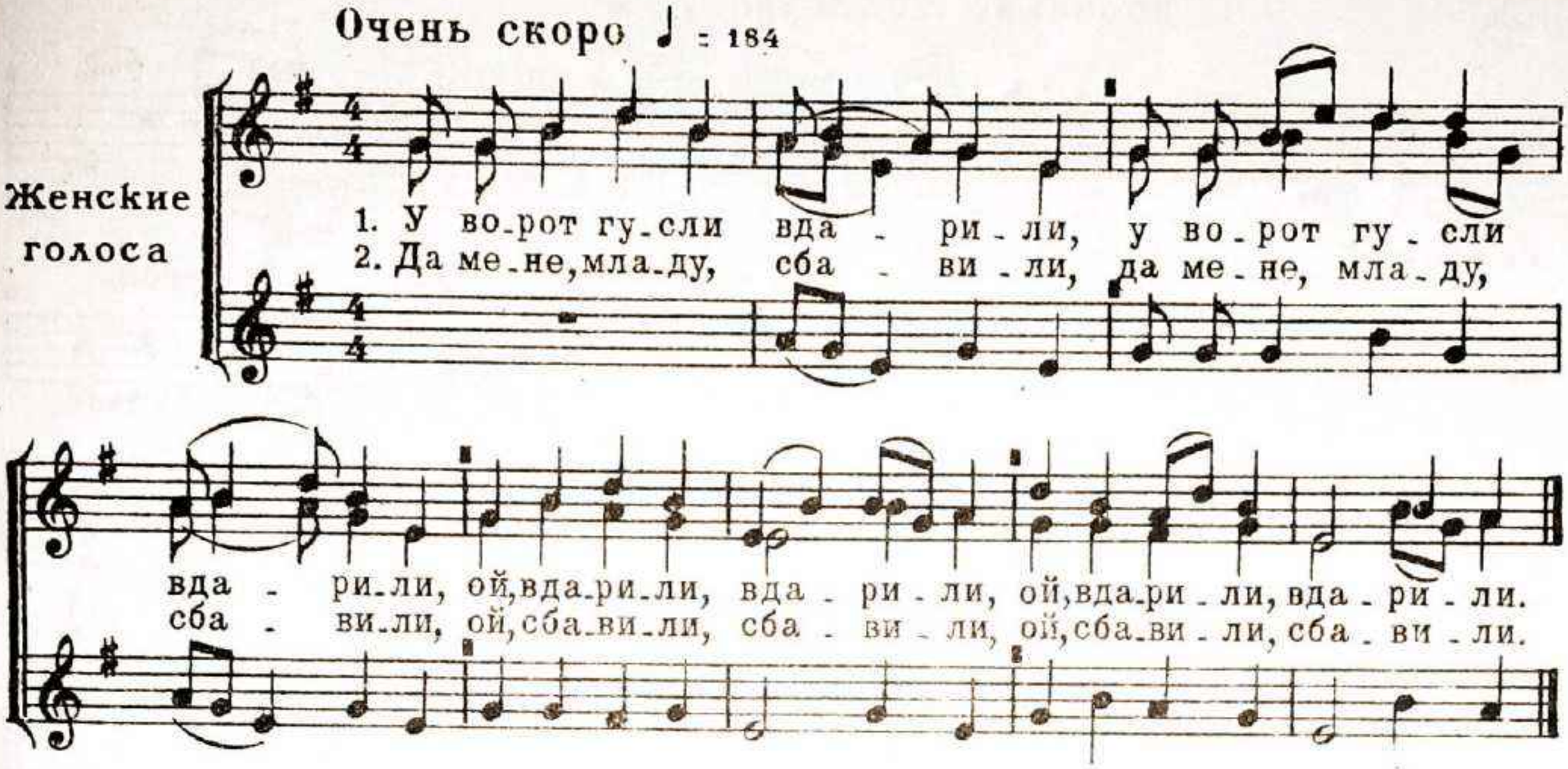
Станица Усть-Белокалитвéнская, 1899—1900.

---

[1] Три последних стиха каждой строфы повторяются.
[2] См. **«Примечания автора»**.

75. У ВОРОТ ГУСЛИ ВДАРИЛИ

Ой, муж ревнив, муж ревнив!

1. У ворот гусли вдарили,[1]
   Ой, вдарили, вдарили,
2. Да мене, младу, сбавили,
   Ой, сбавили, сбавили.
3. У мене, младой, муж рявнив
   Ой, муж рявнив, муж рявнив,—
4. Не пущает да на улицу,
   На улицу, улицу.
5. «Девяринушка, мужнин брат,
   Ой, мужнин брат, мужнин брат!
6. Повяди мене к мужу спать,
   Ой, к мужу спать, к мужу спать.
7. Коли бить будет, отыми,
   Ой, отыми, отыми,
8. Цаловать будя, прочь пойди,
   Ой, прочь пойди, прочь пойди!»
9. Шалковà плётка свистнула,
   Ой, свистнула, свистнула
10. По мому телу белому,
    Ой, белому, белому,
11. Да по белому, нежному,
    Ой, нежному, нежному.
12. Да рассукин сын деверёк
    Невестушку не сберёг!
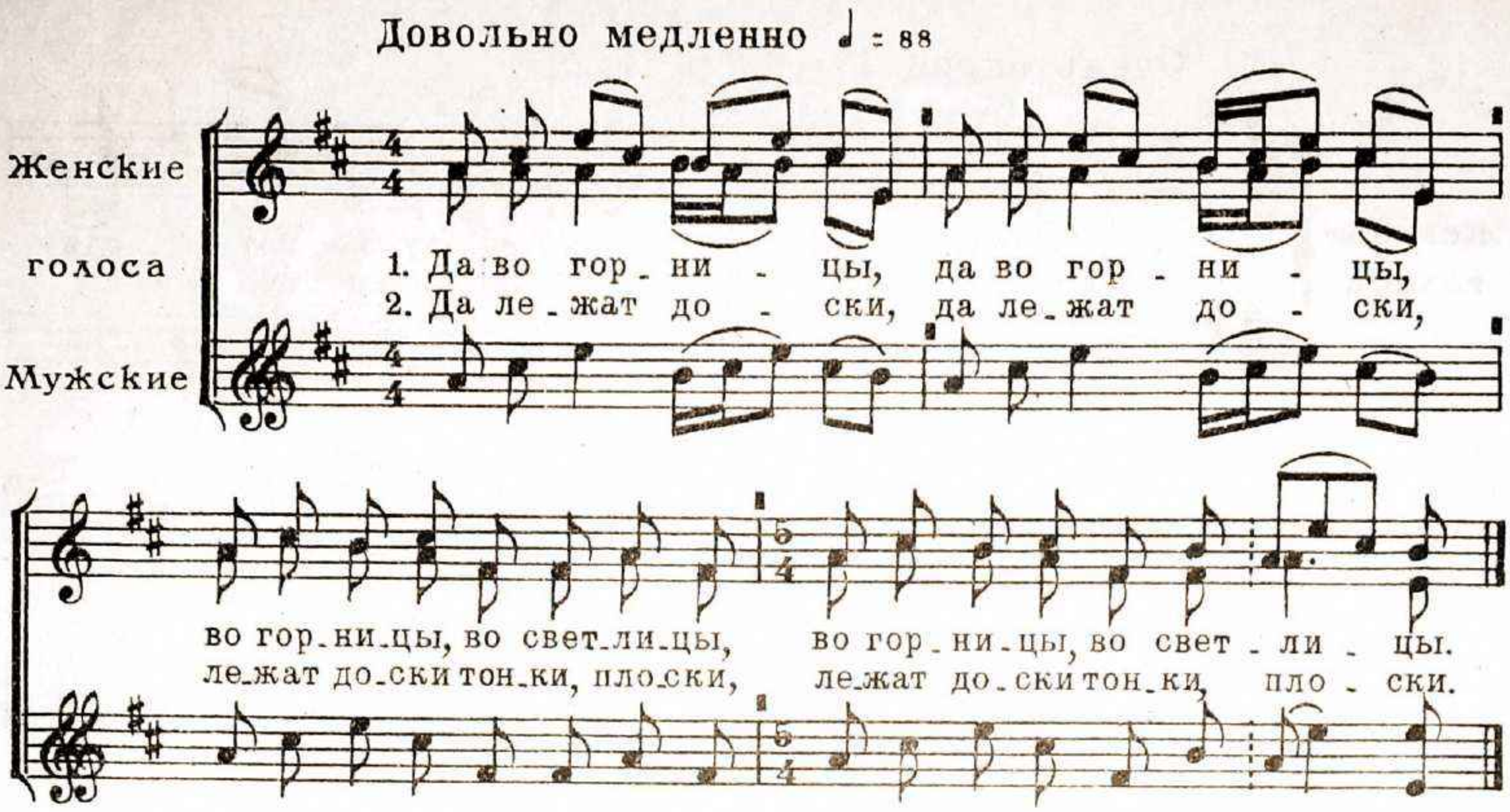
Станица Усть-Белокалитвéнская, 1899—1900.

---

[1] Каждый стих повторяется.

76. ДА ВО ГОРНИЦЕ

Я украдуся, нагуляюся!

1. Да во горницы,[1]
Во горницы, во святлицы
2. Да лежат доски,
Лежат доски тонки, плоски.
3. Да по тех досках,
По тех досках я ходила,
4. Да на ту доску,
На ту доску наступила,
5. Да наступила,
Наступила, обломила.
6. Да за ту доску,
За ту доску свёкор бро̀нит,
7. Да свекор бро̀нит,
Свёкор бро̀нит, журба журит.
8. А и я свёкра,
А я свёкра не боюся,
9. Да и я свёкру,
Да я свёкру укорюся.
10. Да-й укра̀дуся,
Укра̀дуся, нагуляюся,
11. Да-й ува̀рвуся,[2]
Ува̀рвуся, нацалуюся.
12. Сы милы́м дружком,
С милы́м дружком пойду лужком,
13. Да пойду лужком,
Пойду лужком что-й с Ва̀нюшкой.
14. «Да ты, Полюшка,
Да Ивановна,
Загадаю загадочку!
15. Да-й отгадаешь,
Отгадаешь, за мной будешь.
16. Не отгадаешь,
Не отгадаешь—бог с тобою.
17. Да, ой, что растёт,
Ой, что растёт без кореня?
18. Да, ой, что тьветёт,
Ой, что тьветёт без бел-тьвету?
19. Да, ой, что шумит,
Ой, что шумит без буй-ветру?
20. Да, ой, что горит,
Ой, что горит без поламя?»
21. — «Да растёт камень,
Растёт камень без кореня.
22. Да сосна тьветёт,
Сосна тьветёт без бел-тьвету.
23. Да камыш шумит,
Камыш шумит без буй-ветру.
24. Да заря горит,
Заря горит без поламя!»

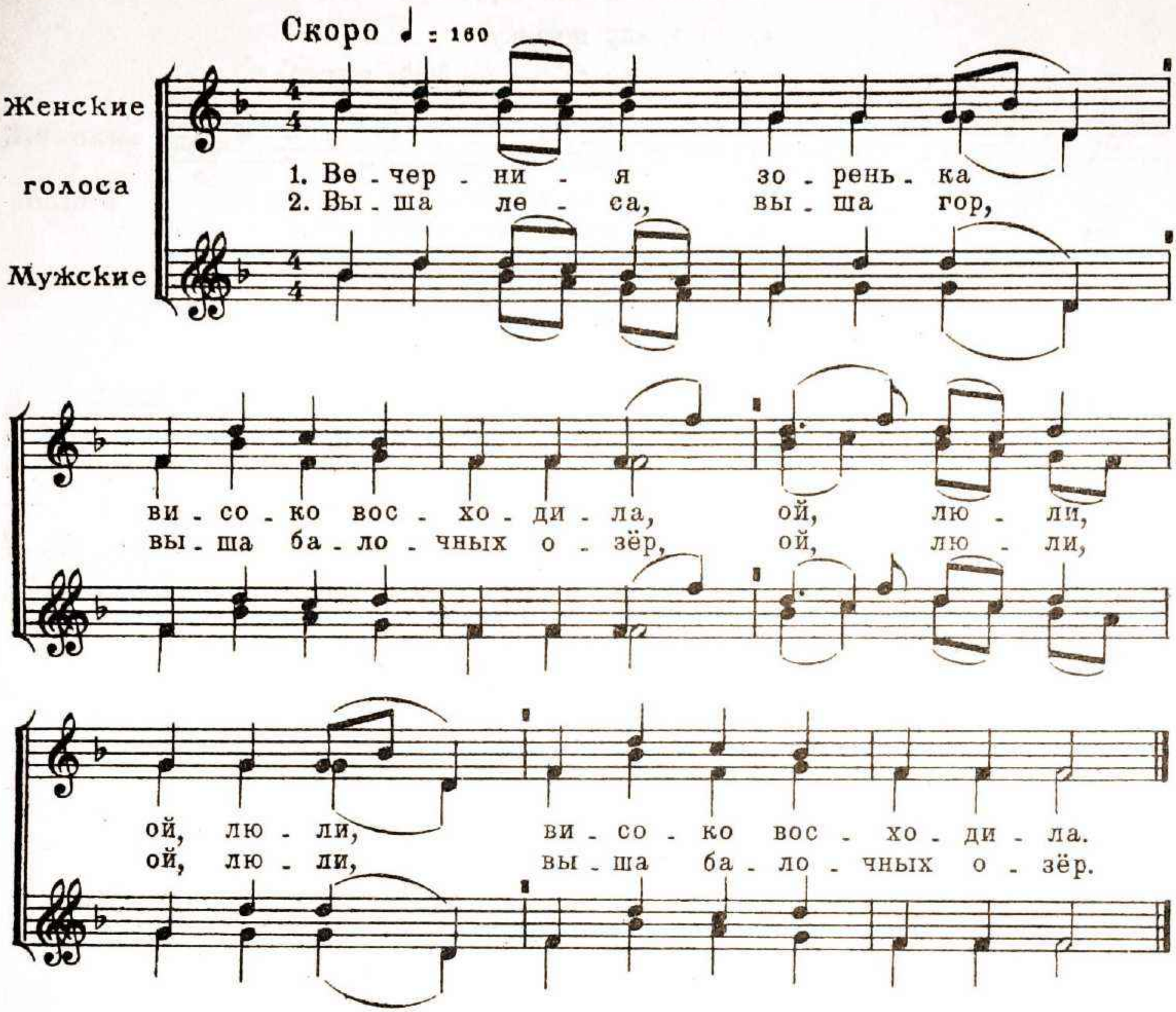
Станица Усть-Белокалитве́нская, 1899—1900.

---

[1] Каждый стих повторяется, кроме двух первых стихов 14-й строфы.
[2] Ува̀рвуся — урвусь.

77. ВЕЧЕРНЯЯ ЗОРЕНЬКА

На улицу похожу, ревнивых жён подразню!

1. Вечерняя зоренка
Високо восхòдила,

Припев:

Ой, лю̀ли, ой, люли́,
Високо восхòдила,[1]

2. Выша леса, выша гор,
Выша балочных[2] озёр,

3. У батеньких у ворот
Стоял девок карагод,

---

[1] Припев после каждого двустишия по данному образцу.
[2] «Балочных» — облачных (?).

4. Стоял девок карагод,
Молодушек табунок.

5. Я батеньку попрошу,
Ещё годик посижу,

6. Ещё годик посижу,
На улицу похожу,

7. На улицу похожу,
Рявнивых жён подражню.

8. Как рявнивая жана
Проти мужа стояла,

9. Проти мужа стояла,
В глаза его ругала:

10. «Ты, рассукин сын, подлец,
Своим детям не отец,

11. Своим детям не отец,
Жане своей не закон!

12. Ох и, муж, муж ты мой,
Проводи мене домой!»

13. Милай плёточкой махал,
Он жану домой погнал.

14. Черевички с тёсмами,
Пошли жёны с слёзами.

15. Черевички шитан,
Пошли жёны битаь
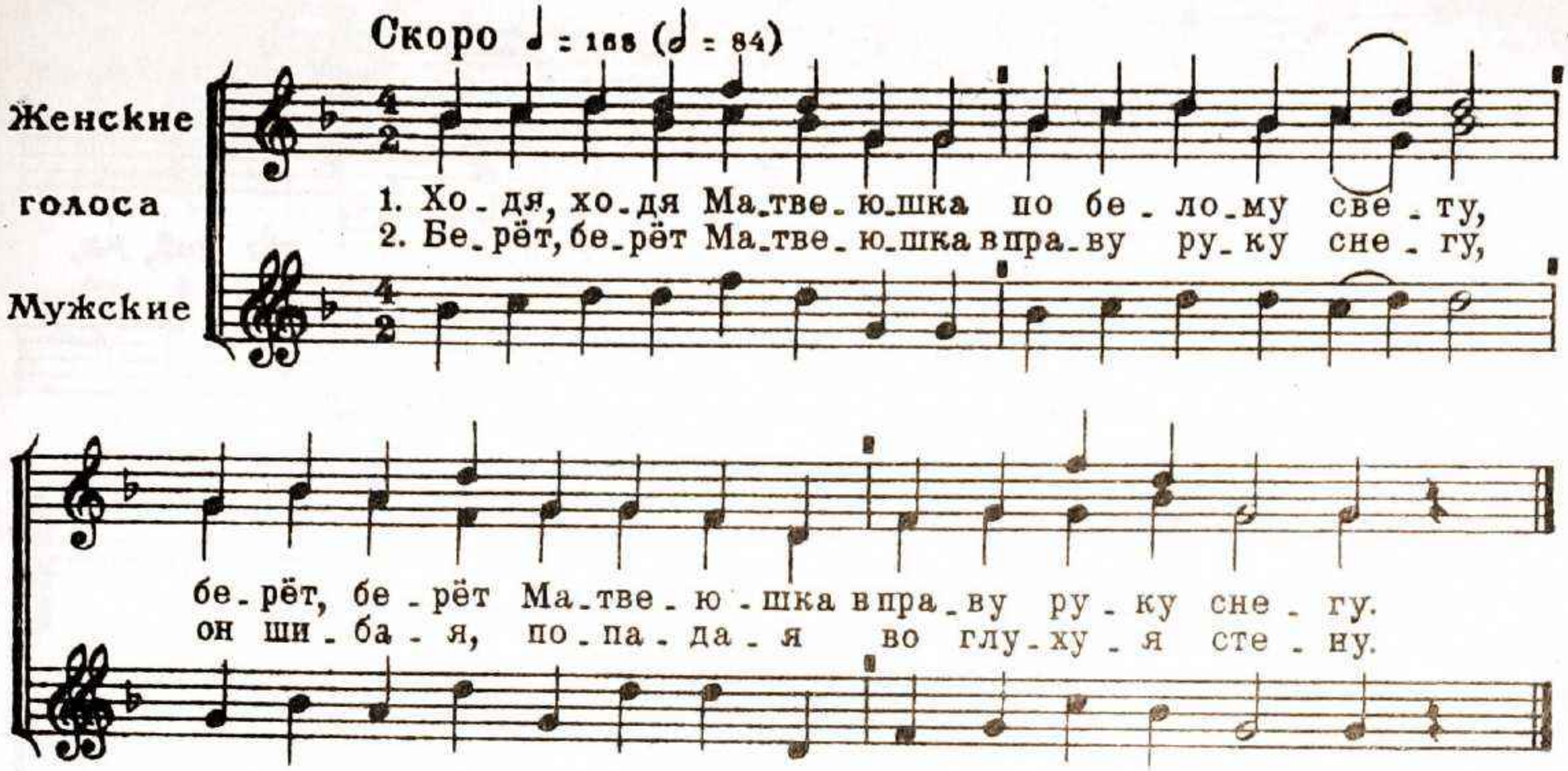
16. Оглянулися назад,—
Мужья плётками грозят,

17. Мужья плётками грозят,
Оглядаться не велят.

Станица Усть-Белокалитвéнская, 1899—1901.

78. ХОДЯ, ХОДЯ МАТВЕЮШКА

Зажурилась девчёночка без милого

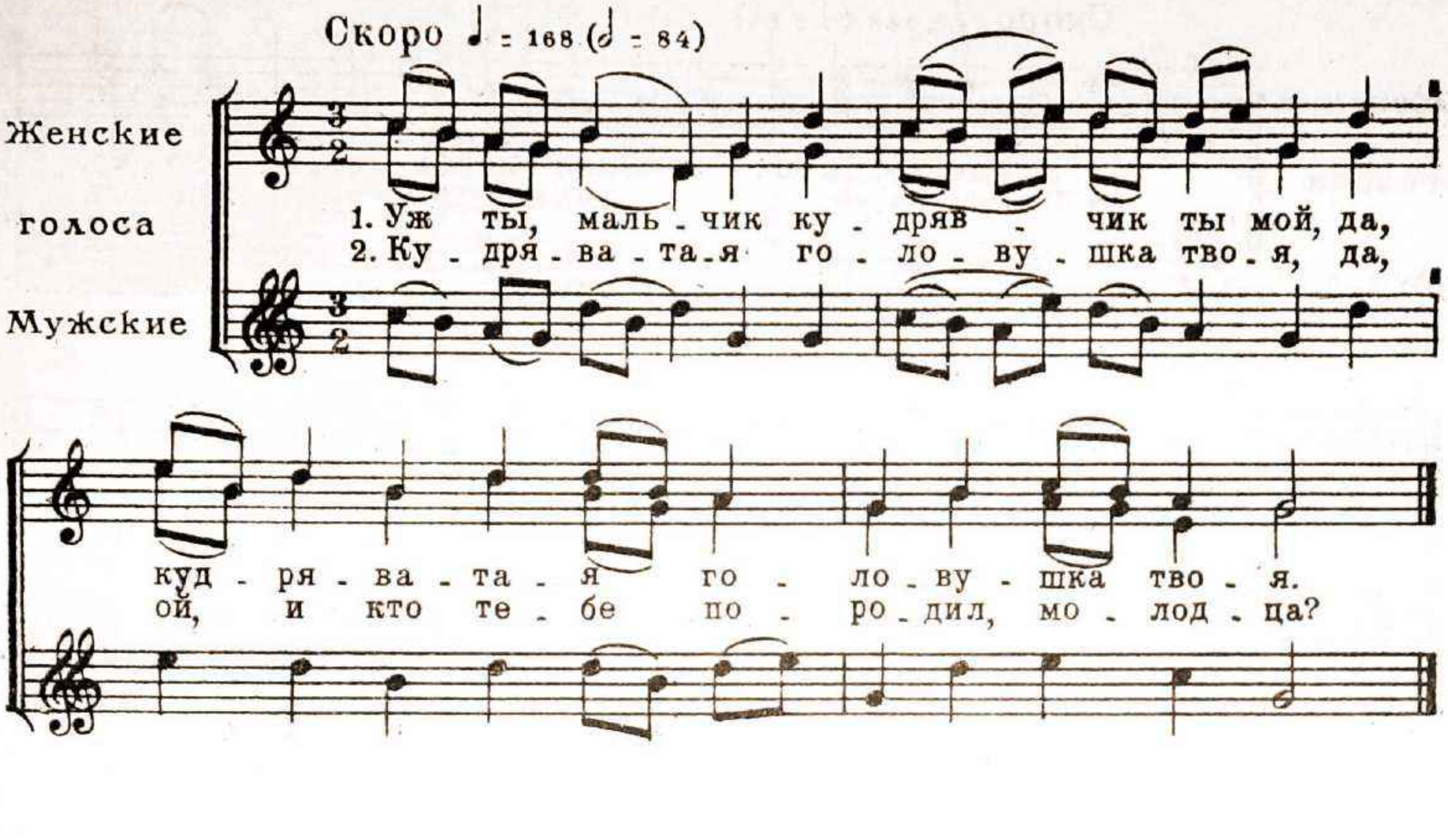
1. Ходя, ходя Матвеюшка
По белому свету,
2. Берёт, берёт Матвеюшка
В праву руку снегу.[1]
3. Он шибая, попадая
Во глухуя стену.
4. Он и клича, выкликая
Из терема Стеню.
5. А Стенюшка догадалась,
На двор выходила.
6. На двор, на двор выходила
Чару выносила.
7. Перву чару наливала,
Сама выпивала.
8. А другуя наливала,
Дружку подносила:
9. «Уж ты выпей, мой миленький,
Ты пей, не спивайси.
10. Садись, садись на кòника,
Садись не шатайси.
11. Бяги, бяги по дорожке[2]
Да не оглядайся!»
12. С чего, с чего дороженькя,
Она закурёна?
13. С чего, с чего девчоночка,
Она зажурёна?
14. Не жаль жа мне дорожаньку,
С чего закурёна,
15. А жаль жа мне девчоночку,
Ой, что зажурёна.
16. С чего, с чего река мутна,—
Погода мутила?
17. С чего Стеня слёзно плачет,—
Ай мамаша била?
18. «Мене маменькя не била,
Сроду не бранила.
19. От милòго письма нету,
От канальи шлются.
20. Прислал милай поклон низкай,
Белаю бумагу.
21. Во той, во той во бумаге
Аршин алой ленты.
22. Былà, былà аршин ленты,
Стала пол-аршина.
23. Была, была красна девка,
Стала пол-девчонки!»

Станица Усть-Белокалитвéнская, 1899.

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] Вар. «Езжай, езжай по дорожке».

79. УЖ ТЫ, МАЛЬЧИК КУДРЯВЧИК

Завила кудри зазнобушка

1. «Уж ты, мальчик, кудрявчик ты мой (да),
2. Кудряватая головушка твоя (да),[1]
3. Ой, и кто тебе порóдил молодца (да)?»
4. Породúла младца матушка,
5. Скормил, споил сударь батюшка,
6. Возлелеяла родная сторона,
7. Завила кудри зазнобушка[2] моя,
8. Зазнóбушка—красна девушка;
9. Завивала, приговаривала:
10. «Когда речушки разóльются,
11. Тогда кудярцы разóвьются!»
12. Разливались быстры речки по лугам,
13. Развивались чёрны кудри по плечам,
14. По тем было по румянам по щекам.

Станица Усть-Белокалитвéнская, 1899—1900.
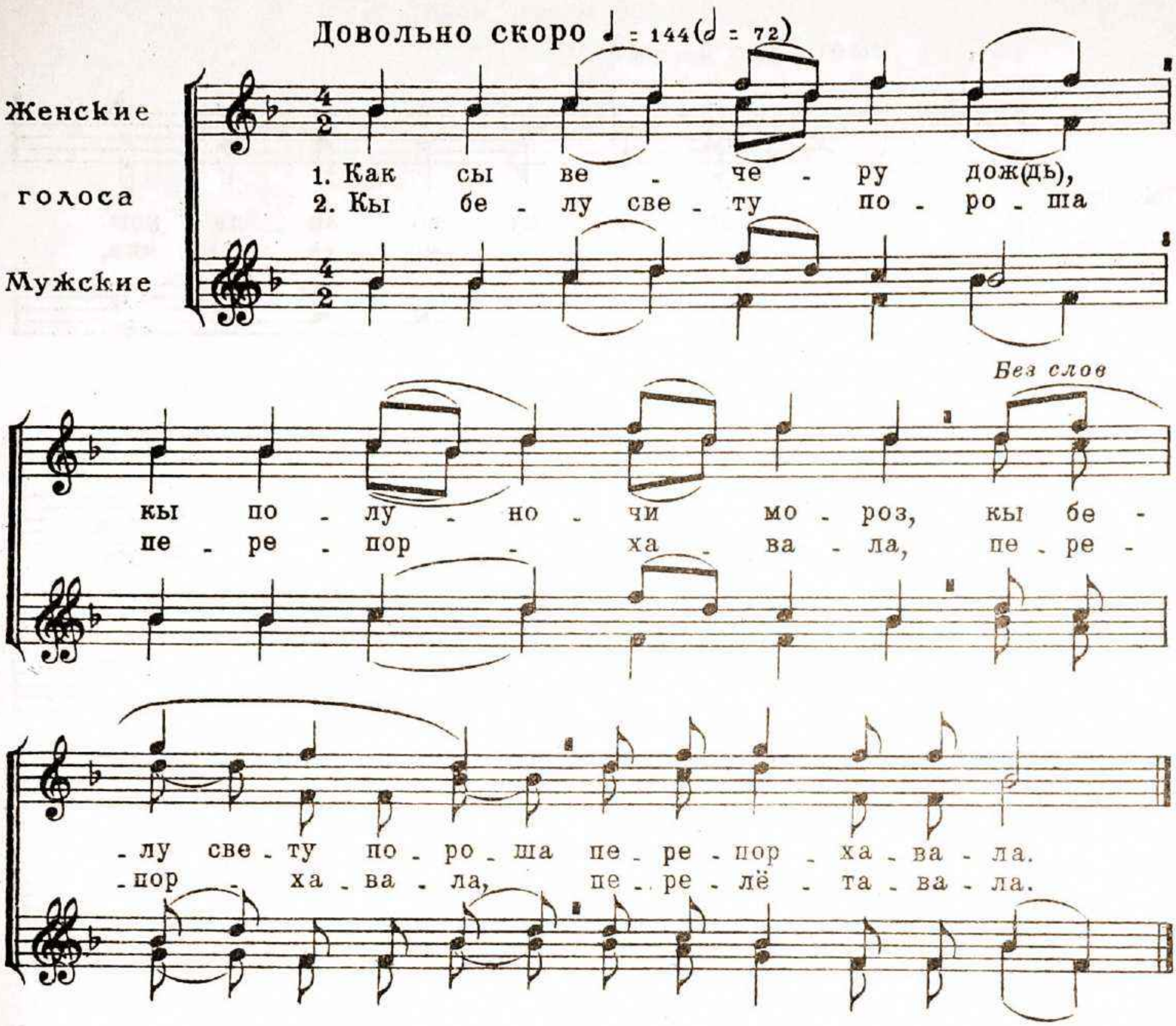
---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется; при повторении добавляется «да».

[2] Вар. «сударушка».

80. КАК СЫ ВЕЧЕРУ ДОЖДЬ

Сошлися, повидались, признакомилися

1. Как сы вечеру дож,
   Кы полуночи мороз,
2. Кы белу́ свету пороша
   Препо́рхавала,[1]
3. Перепорхавала,
   Перелётавала.
4. Как сы улицы дявица
   Сы проулка молодец
5. Сошлися, повидались,
   Поздоровкалися,
6. Поздоровкалися,
   Нагутарилися.
7. «Да ты здравствуешь, дявица!»
   — «Ты здоро́во, молодец!»
8. «Сударушка ты моя,
   Вечо́р я был у тебе,
9. Вечо́р я был у тебе,
   Не спознала ты мене,
10. А теперя, душа-радость,
    Признаёсся ко мне!»
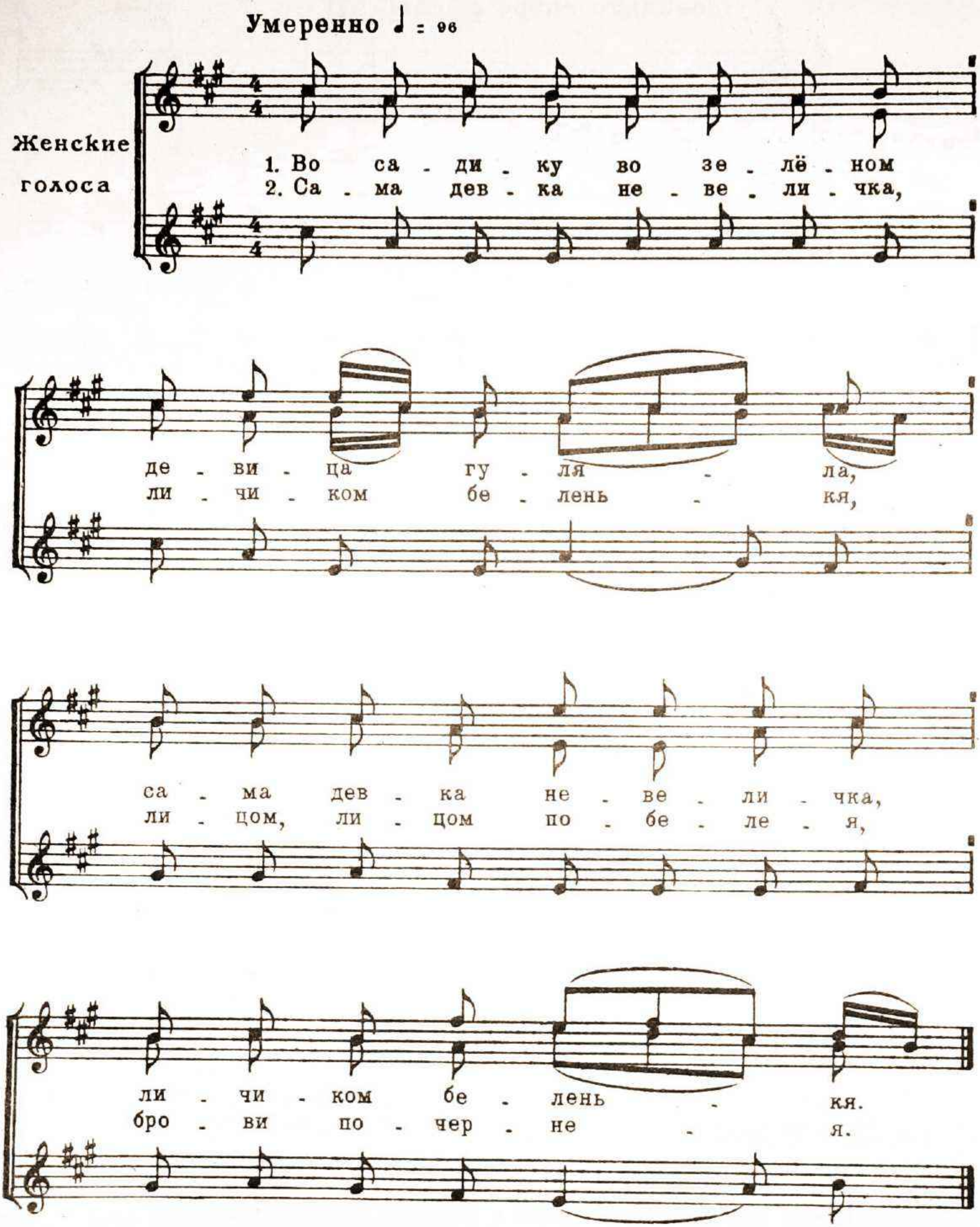
Станица Усть-Белокалитве́нская, 1899—1901.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

81. ВО САДИКУ ВО ЗЕЛЕНОМ

Пропала я с вами, чёрные брови!

1. Во садику во зелёным
Дѐвица гуляла.

2. Сама девка невеличка,
Личиком белѐнькя.[1]

3. Лицом, лицом побелее,
Брови почернее.

4. «Уж вы, чёрнаи брови,
Пропала я с вами.

5. Я пропала, девка, с вами
От худой от славы.

6. Нельзя, нельзя девчоночке
На улицу выйтить,
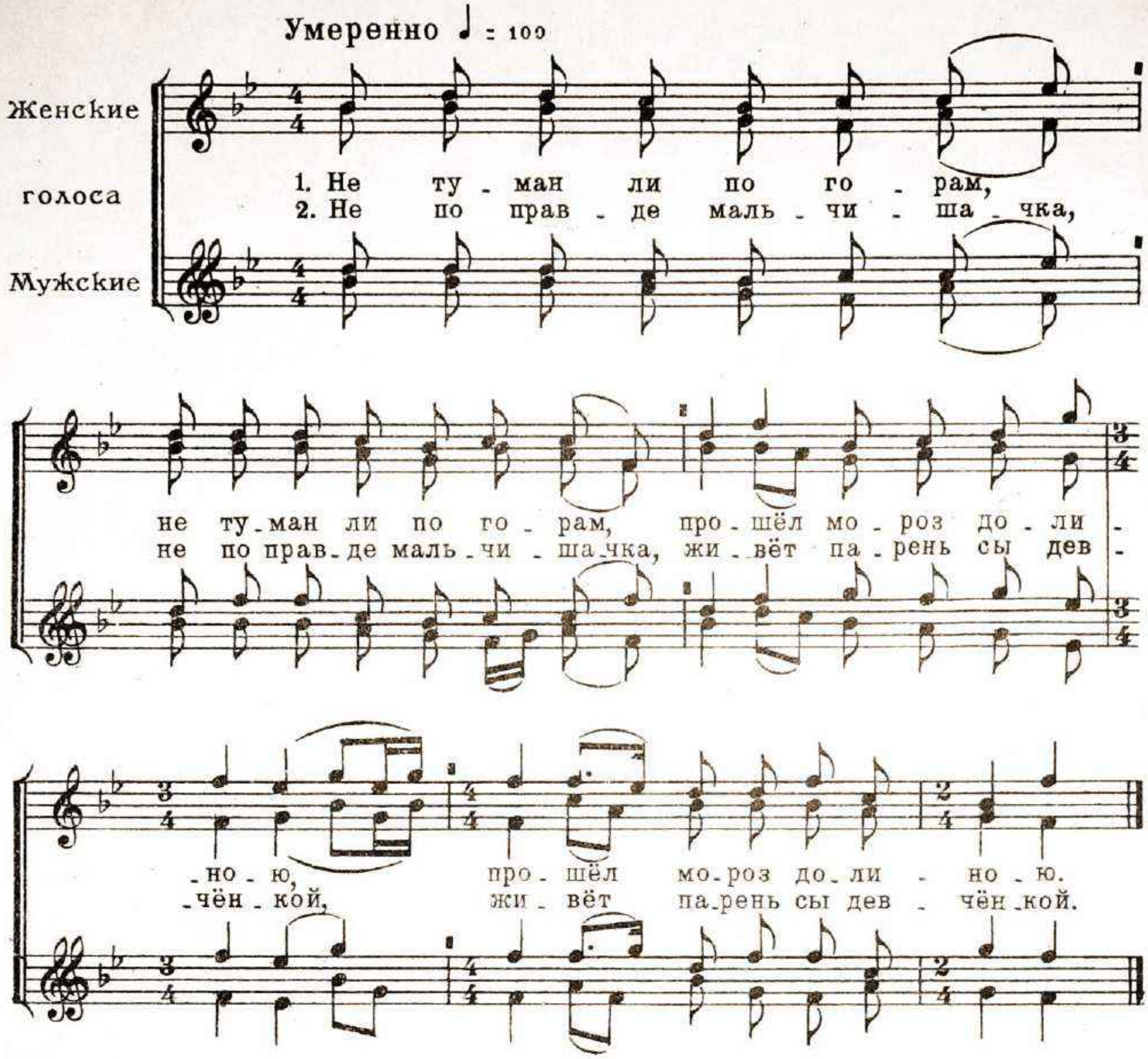
7. На ту, на ту на улицу
На ту широкуя,

8. На ту траву муравуя
На ту зелянуя!»

Станица Усть-Белокалитвѐнская (хутора Богатов и Ясеновский), 1899.

82. НЕ ТУМАН ЛИ ПО ГОРАМ

Мой милый расхороший
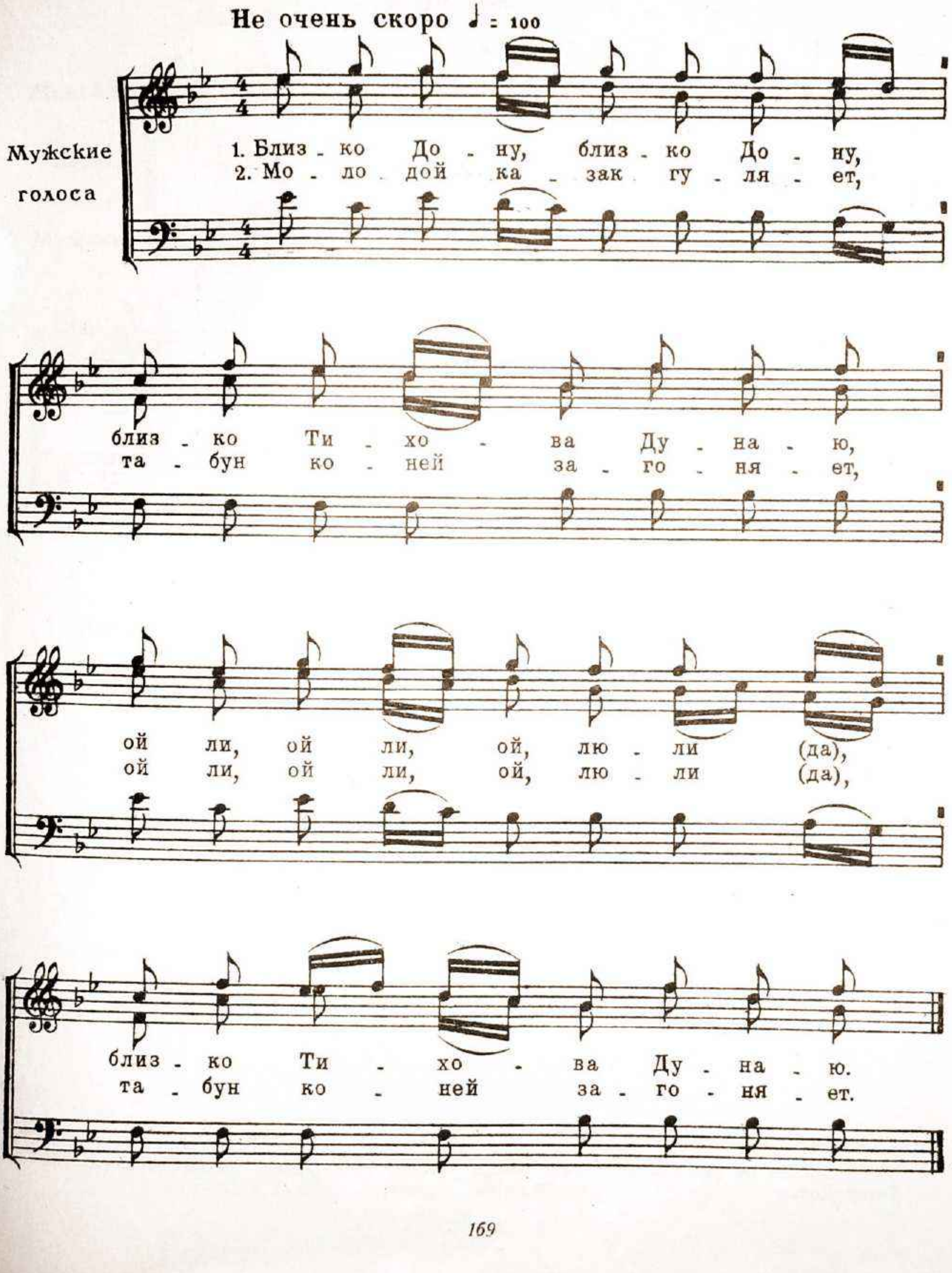

1. Не туман ли по горам,
   Прошёл мороз долиною.[1]
2. Не по правде мальчишачка,
   Живёт парень сы девчонкой.
3. Иде речушка бежала,
   Там дороженькя лежала.
4. Как по этой по дорожке
   Девка по воду ходила,
5. Девка по воду ходила,
   Всё цыганочку просила:
6. «Цыганочка-душачка!
   Помоги ты мому горю,
7. Помоги ты мому горю,
   Чего я тебе позволю.
8. Заручи мене за парня,
   За казачию ухватку.
9. А мой милай расхороший,
   Расхороший, распригожий,
10. У него ли хуражачка,
    Хуражачка на бочёчек,
11. А сы левой сы сторонки
    Шашачка в него блистала,
12. Шашачка в него блистала.
    Как она к няму пристала!»

Станица Усть-Белокалитвéнская, 1904.

[1] Каждый стих повторяется.

83. БЛИЗКО ДОНУ, БЛИЗКО ДОНУ

Не спужаюсь я отца, распотешу молодца!

1. Близко Дону, близко Дону,
Близко Тихого Дунаю,[1]

Припев:

Ой ли, ой ли, ой люли, да
Близко Тихого Дунаю

2. Молодой казак гуляет,
Табун кòней загоняет,

3. Ой вы, кони золотые,
Вы, залётные, лихие!

4. Повстречалась молодица,
Раскрасавица дявица.

5. «Ты, дявица, молодица,
Пособи коней загнать!»

6. — «Я ба рада пособила,—
Буйнай ветер в лицо бьёт,

7. Буйнай ветер в лицо бьёт,
Частым дожличком сечёт,

8. Частай дожличек сечёт,
Роднай батенькя зовёт.

9. Не спужаюсь я отца,
Распотешу молодца.

10. Я затем яво потешу,
Что один сын у отца,

11. Зовут яво Ванюшка,
Кличут свет Иванович!»
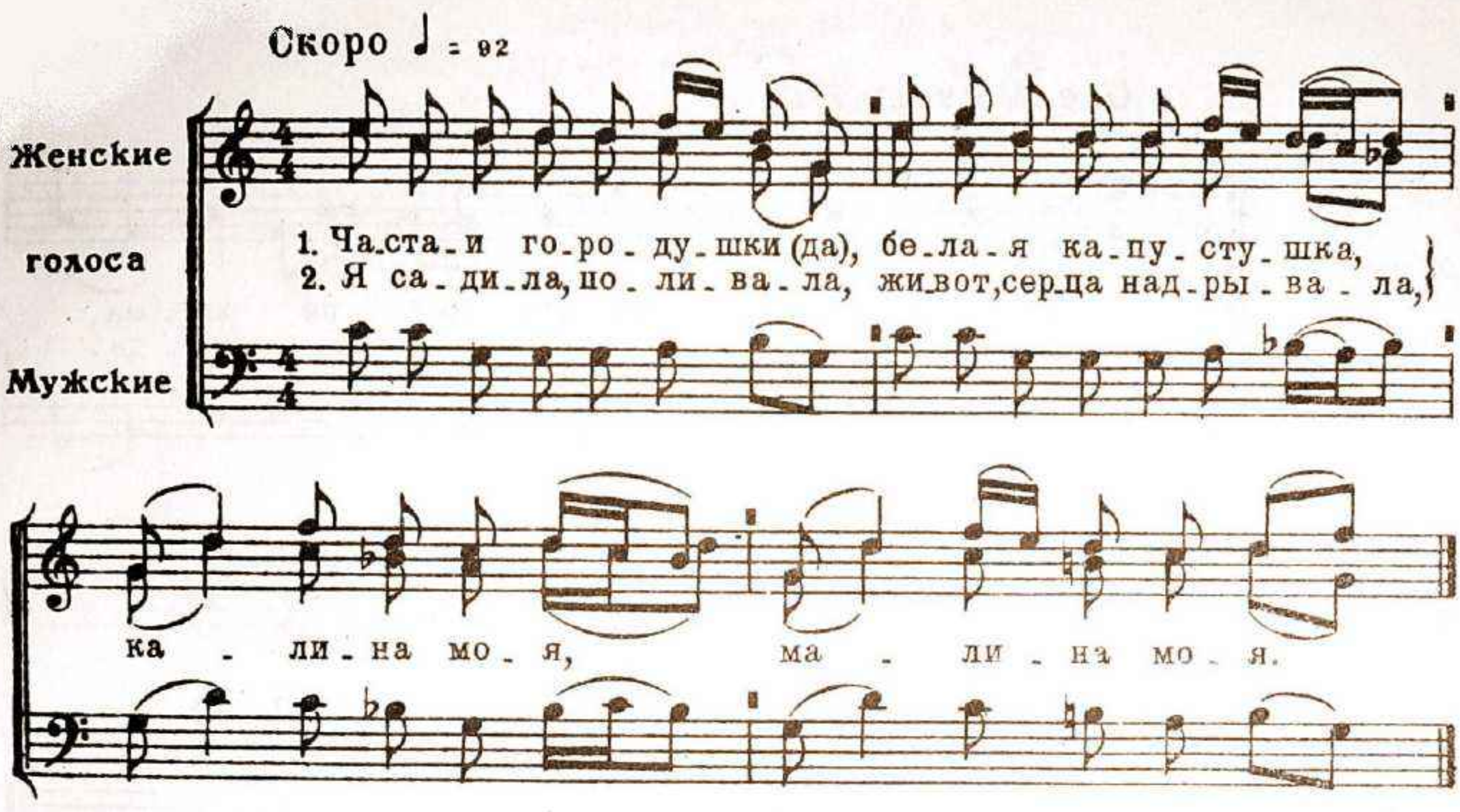
Станица Усть-Белокалитвéнская, 1911.

---

[1] Припев по указанному образцу после каждого двустишия. Тихий Дунай — Тихий Дон.

84. ЧАСТЫЕ ГОРОДУШКИ

Распроклятая семейка

1. Частаи городушки да
Белая капустушка

Припев:

Ка̀лина моя,
Ма̀лина моя![1]

2. Я садила, поливала,
Живот сердца надрывала,

3. Живот сердца надрывала,
Семеюшку проклинала:

4. «Распроклятая семейкя,
А свекровья—лиходейкя,

5. А золовки—колотовки,
Всей семеюшке чертовки,

6. А деверья—соколья, да,
Всё по лавочкам сидят,

7. Всё по лавочкам сидят,
По собачьему рычат!»
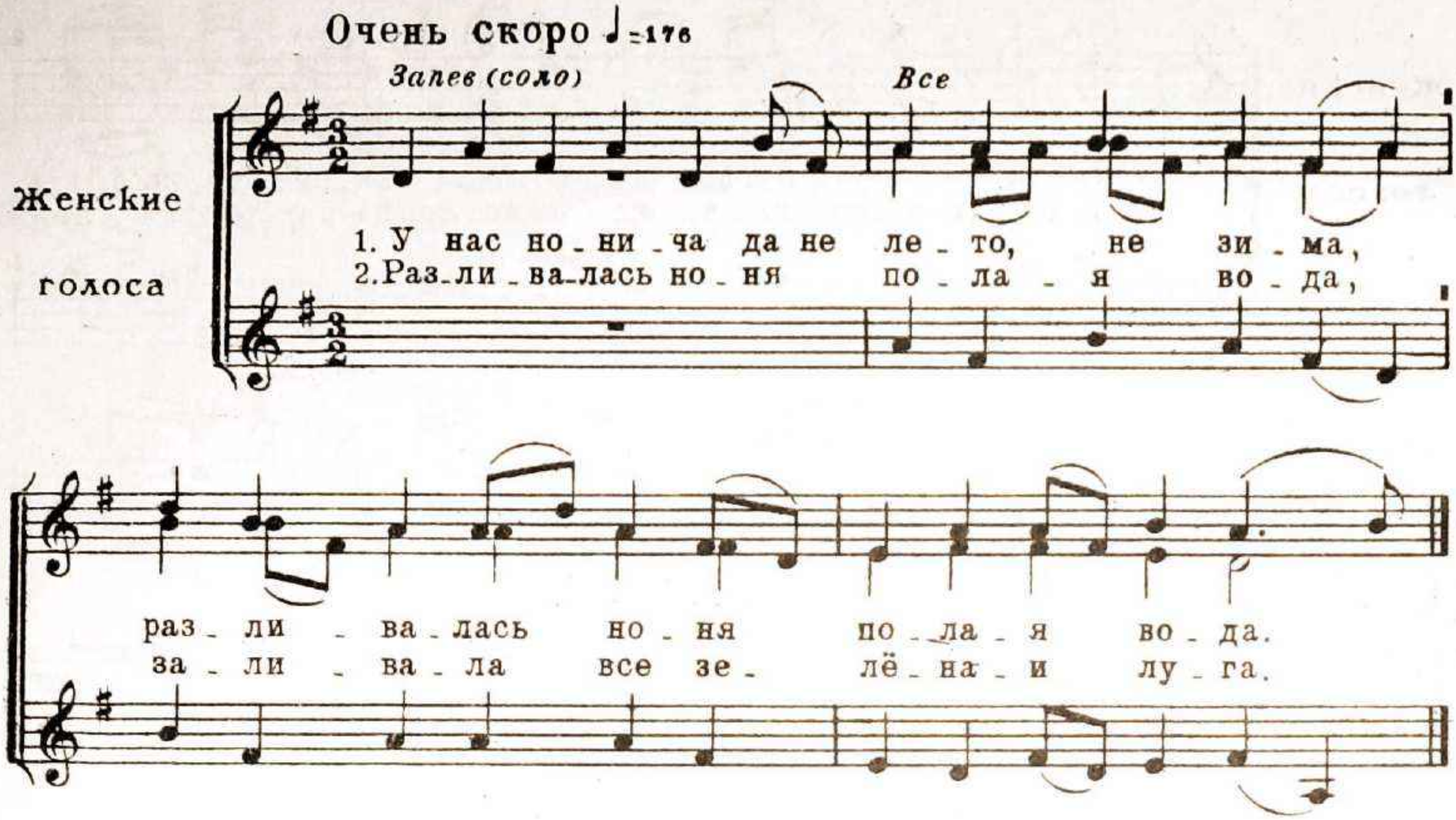
Станица Усть-Белокалитвéнская, 1903.

---

[1] Припев после каждого двустишия без изменения.

85. У НАС НОНИЧА НИ ЛЕТО, НИ ЗИМА

Семейный разлад

1. У нас нонича да ни лето, ни зима,
   Разливалась ноня полая вода,[1]
   Заливала все зелёнан луга.
   Остается один маленький лужок,

5. Где гуляя размилёночек дружок.
   Уж я свому милёночку догожу,
   Через реченьку мосточек помошшу.
   Я мошшу, мошшу калиновай мост,
   Переходушки малиновай.

10. Сама пойду кы суседу под окню,
    Послушаю, что суседи говорят,—
    Мене, бабочку, и судют, и бранят.
    Заставляют муженька своево любить,
    А мне его не хотелося любить,—

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

Мне хотелось удалого молодца,
Удалого славна песенничка.[1]
Будя, будя славны песенки играть,[2]
А я ж буду всё наплясавати,
Чужих жёнушек надражнивати.

Чужи жёны хороши, пригожи,
Моя жана не хорошенькая,
Моя жана—полынь горькия трава.
Полынь горькаи во чистом поле растёт,
В чистом поле на меже, на меже,

На большом на рубеже, рубеже.
Никто туда ни заедя, ни зайдет,
Никто травушку не скосит, не сорвёт,
Никто моей жанёночки не поймёт.
А кто поймёт, так молебинь[3] отслужу,

А не поймёт, так на веки прокляну.

Станица Калитвенская, хутор Юров, 1904.

---

[1] Вар. «балалаешничка».
[2] Вар. «в балалаечку».
[3] «Молебинь» — молебен.

86. ТЫ ВОСПОЙ, ТЫ ВОСПОЙ

Соловейка потерял голосочек

Умеренно скоро ♩=188

Запев

Женские голоса

1. Ты вос- пой, ты вос- пой в са- ду, со- ло- вей - ка,
2. Я ба рад, я ба рад те- бе вос- пе- ва - ти,

Скоро ♩=168

Все

ты вос- пой, ты вос- пой в са - ду, со - ло - вей - ка!
я ба рад, я ба рад те - бе вос- пе - ва - ти,

Ой, я ба рад те - бе вос - пе- вать,
ой, мо - во го - ло - су не слы- хать,

ой, я ба рад те - бе вос - пе- вать.
ой, мо - во го - ло - су не слы- хать.

1. Ты воспой, ты воспой в саду, соловейка![1]
«Ой, я ба рад тебе воспевать,

2. Я ба рад, я ба рад тебе воспевати,
Ой, мово голосу не слыхать.[2]

3. Потерял, потерял я свой голосочек,
Ой, по чужим садам лѐтучи,

4. По чужим садам, садам летаю̀чи,
Горькию ягоду клю̀ючи.

5. Горькию ягоду, ягоду калину,
Ой, я малиною закушу!»

6. Я по батеньке плачу вечерами,
Ой, а по маменьке зарёю,
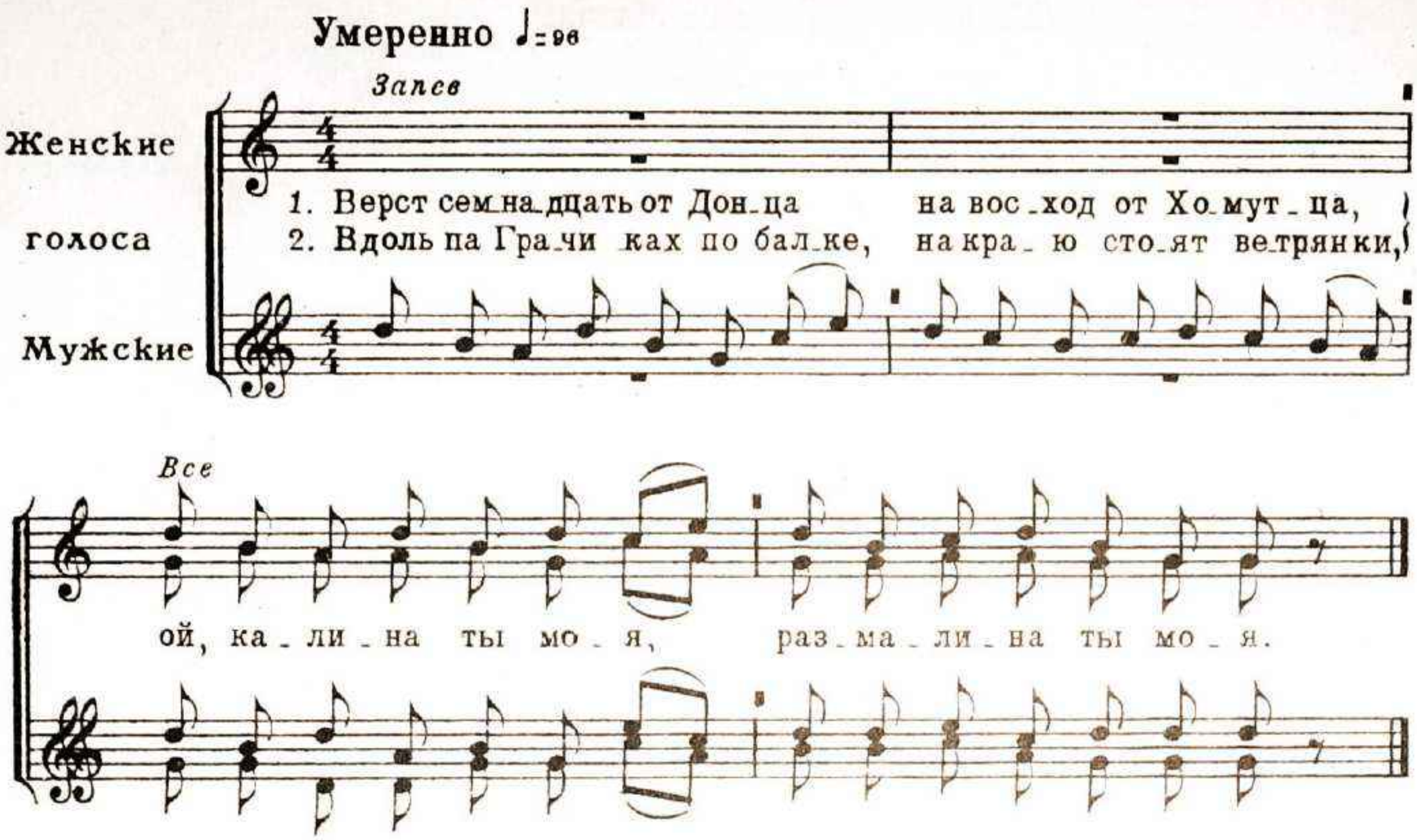
7. По мило̀м по дружку ноченьку не спится,
Ой, во сне ми́лого видела!

Станица Гундоровская, 1936.

[1] Каждый стих повторяется.
[2] Вар. «не стало».

87. ВЕРСТ СЕМНАДЦАТЬ ОТ ДОНЦА

Хуторская весёлая компания

1. Вёрст сямнадцать от Донца,
   На восход от Хомутца,

Припев:

Ой, калина ты моя,
Размалина ты моя![1]

2. Вдоль по Грачиках по балке,
   На краю стоят ветрянки,
3. А за ними божий храм,—
   Начиналси хутор там.
4. Сто тринадцать нас хозяев,—
   Чего сидеть, рот раззявя?
5. Надо слушать со вниманьем.
   Атаман у нас Хвинаев,
6. Предложил он нам на сходке,
   Чтоб откушать новой водки.
7. «В добрай час!»,—усе сказали.
   Даже губы поблизали.
8. П'атаманскому предлогу
   Шли в корчму мы чуть не в ногу.
9. Мимо шинкарёва дома
   Поняслись мы к Яровому.
10. Под вывеской голубой
    Там торгует Яровой.
11. Вы комнáте стулы, креслы,
    Там сидели друзья тесны:
12. Михаил, Астах, Аким,
    Припаялси Сигней к ним.[2]
13. Разделяли мы там дружбу;
    Аким сказавал про службу,—
14. Кто маёр, кто есаул;
    Смотрим, Миша уж заснул.
15. «Дайтя дюжину бутылок,
    Два ножа и троя вилок.
16. Подавай нам не простого,—
    У счёт Миши холостого!»
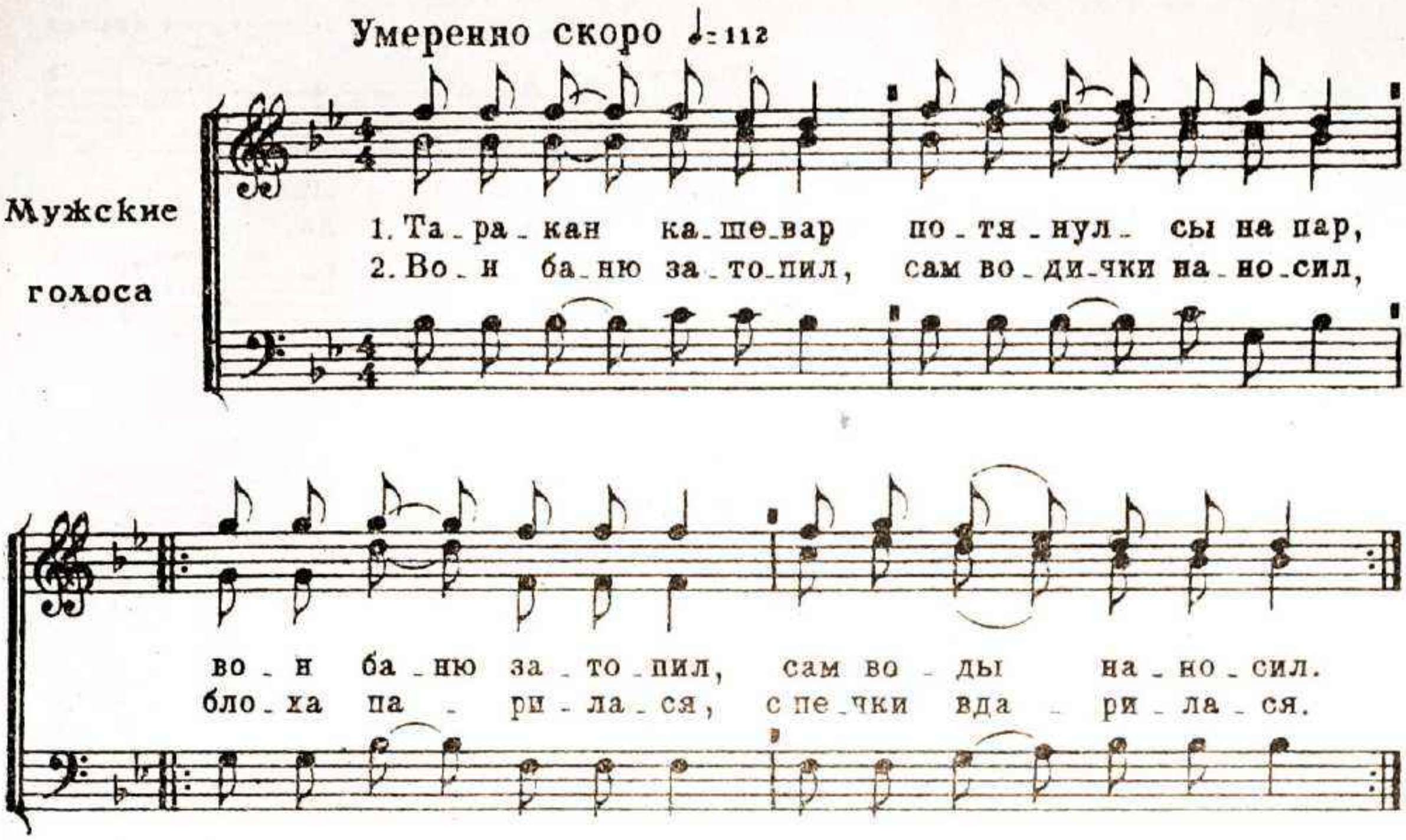
Составили в 1895 г.: Неживов Сигней и Неживов Иван.
Станица Гундоровская, хутор Каранчев, 1903.

---

[1] Припев после каждого двустишия — без изменения.
[2] См. «Примечания автора».

88. ТАРАКАН КАШЕВАР

Сову замуж отдают

1. Таракан кашавар
Потянулси на пар.
2. Вон баню затопил,
Сам воды наносил.[1]
3. Блоха парилася,
С печки вдарилася.
4. Вот кричит наша блоха:
«Вы подайтя мне попа,
5. Вы подайтя попа,
Позапечного клопа!
6. Ой, ты, батюшка поп,
Ты запечнай клоп,
7. А ты, матушка блоха,
Блоха Лыинишна,
8. Блоха Лыинишна,
Что Кузьминишна!
9. Нарядили блоху
В рогожки-одёжки,
10. В порваты онучки,
Оборки-верёвки.
11. Понясли нашу блоху
Во зелёнаи леса,
12. Во зелёнаи леса,
Где сова замуж ишла,
13. Где сова замуж ишла
Да за белого луня.
14. «Лунь ты мой белай,
Друг ты мой милай!
15. Иди по соседам,
Сбирай на беседу.
16. Вы, куры-дуры,
Идитя на свадьбу,
17. Идитя на свадьбу
К сове на беседу!»
18. Куры собралйся,
Дури[2] набралйся.
19. Сова засмеялась,
Куры разбежались.
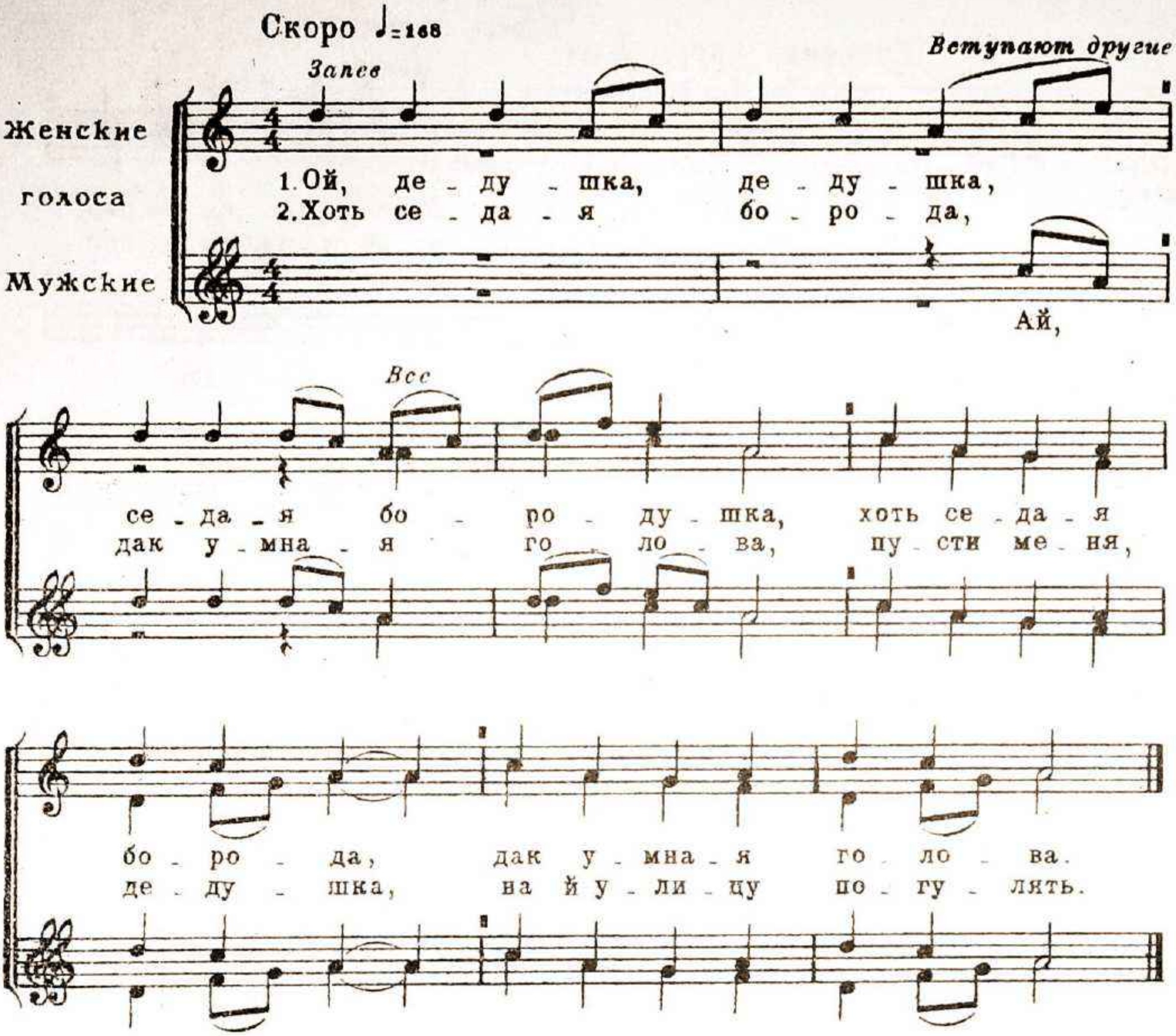
Станица Митякинская, 1903.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется. Вар. «водички».
[2] Вар. «Пива набралйся».

89. ОЙ, ДЕДУШКА, ДЕДУШКА

Млада просится погулять

I

1. «Ой, дедушка, дедушка,
Седая бородушка!

2. Хоть седая борода,
Дак умная голова![1]

3. Пусти мене, дедушка,
На й-улицу погулять.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

4. Я сы улицы приду,
Много песен принесу!»
5. — «Мне не надо твоих песен,
Не пушшу младу гулять!»

II

6. «Ой дедушка, дедушка,
Седая бородушка!
7. Хоть седая борода,
Дак умная голова!
8. Пусти мене, дедушка,
Во зелёный сад гулять,
9. Я из садику приду,
Много яблок принесу!»
10. — «Мне не надо твоих яблок,
Не пушшу младу гулять!»

III
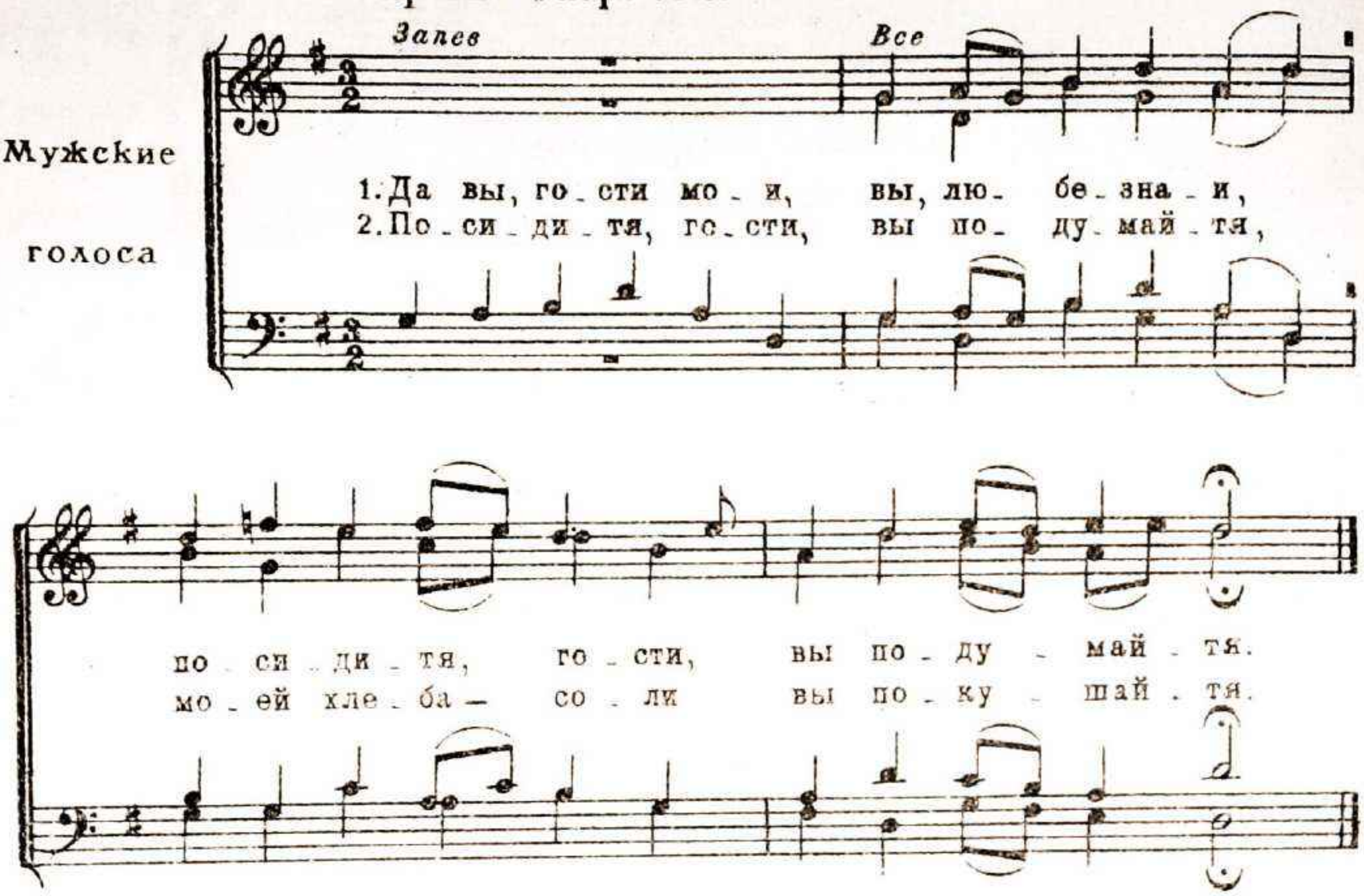
11. «Ой, дедушка, дедушка,
Седая бородушка!
12. Хоть седая борода,
Дак умная голова!
13. Пусти ж мене, дедушка,
У тёмнай лес погулять,
14. Я из лесику приду,
Кушин ягод принясу!»
15. —«Мне не надо твоих ягод,
Не пушшу младу гулять!» [1]

Станица Митякинская, 1903.

[1] «Не выпросилась!»,— закончил песенник.

90. ДА ВЫ, ГОСТИ МОИ

Про старинушку стародавнюю

1. Да вы, гости мои, вы любезнаи!
Посидитя, гости, вы подумайтя,[1]
Моей хлеба-соли вы покушайтя,
Моей радости вы послушайтя,

5. А и я скажу вам про старинушку,
Про старинушку стародавнюю,
Стародавнюю, давным-давнюю:
На дубу свинья, вот, гнездо свила,
Вот, гнездо свила, яиц нанесла,

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

Яиц нанесла, детей вывела.
Малы деточки, поросяточки
По веткам ходят, жёлуди едят.
Ну, сама свинья во гнезде ляжит,
Во гнезде ляжит, думу думая,

Думу думая превяликаю.
Как сын мамушку у санки запрёг,
Молоду жинёнку на пристяжечку.
Вот сын мамушку ремянным кнутом,
Молоду жинёнку шилковым платком.
«Ну-ка, мамушка, ты лянивая,
Моложа жинёнка, ты рятивая!
Ну-ка, мамушка, ну-ка, ну-ка, ну!

Молода жинёнка, тпру-ка, тпру-ка, тпру!»

Станица Митякинская

91. РАЗ ПОСЛАЛА МЕНЯ МАТЬ

Вместо глины-детина

Скоро ♩= 192

Запев

Женские голоса

Мужские

1. Раз по_сла_ла ме_ня мать за бе_ло_ю гли_но_ю,

Все

раз по_сла_ла ме_ня мать за бе_ло_ю гли_но_ю, за бе_ло_ю, за бе_ло_ю,

за бе_ло_ю гли_но_ю. 2. По_шла при_не_сла в по_до_ле дя_ти_ну

3. Вот на ж те_бе, мать, за_тво_ю на_у_ку

в по_до_ле, в по_до_ле, в по_до_ле дя_ти_ну.

за тво_ю, за тво_ю, за тво_ю на_у_ку.

---

1 Это фа в исполнении запевалы было не звуком определенной высоты, а очень искусным взвизгом.

2. Запев 1-й строфы исполняется один раз. Все остальные строфы идут, как 2-я.

1. Раз послала мене мать
За белою глиною,[1]
За белою, за белою,
За белою глиною.

2. Пошла, принесла
В подоле дятину,
В подоле, в подоле,
В подоле дятину.

3. «Вот на ж тебе, мать,
За твою науку,
За твою, за твою,
За твою науку,—

4. Колыхала ты мене,
Колыхай и внука,
Колыхай, колыхай,
Колыхай и внука!»

5. Колыхала хлопца
В золотой коробцы,
В золотой, в золотой,
В золотой коробцы.

6. Пойду, побряду
По колена в лебяду,
По колена, по колена,
По колена в лебяду.

7. Выйду, выйду
На гору крутуя,
На гору, на гору,
На гору крутуя.

8. Чи не раз, чи не два
Там я заночую,
Там я, там я,
Там я заночую.

9. Посылала мене мать
Яровоя жита жать,
Яровоя, яровоя,
Яровоя жита жать,

10. А я жать не нажала,
Лишь на межке пролежала,
На межѐ, на межѐ
На межѐ я пролежала.

11. Оглянулася назад,
Позадѐ стоит казак,
Позадѐ позадѐ,
Позадѐ стоит казак.

12. Казак, казачёк,
Казак миленький дружок,
Казачёк, казачёк,
Казак миленький дружок!

Станицы б. Верхне-Донского округа, 1936.

[1] Каждое двустишие повторяется.

92. ДА ЛЮБИЛ, ДА ЛЕЛЕЛ

Кундюбочка

Разлучили лиходеи

Скоро и весело ♩= 176

Женские голоса

Мужские

1. Да любил, да ле-лел свою кундюбочку, хотел замуж взя-ти, хотел замуж взя-ти.
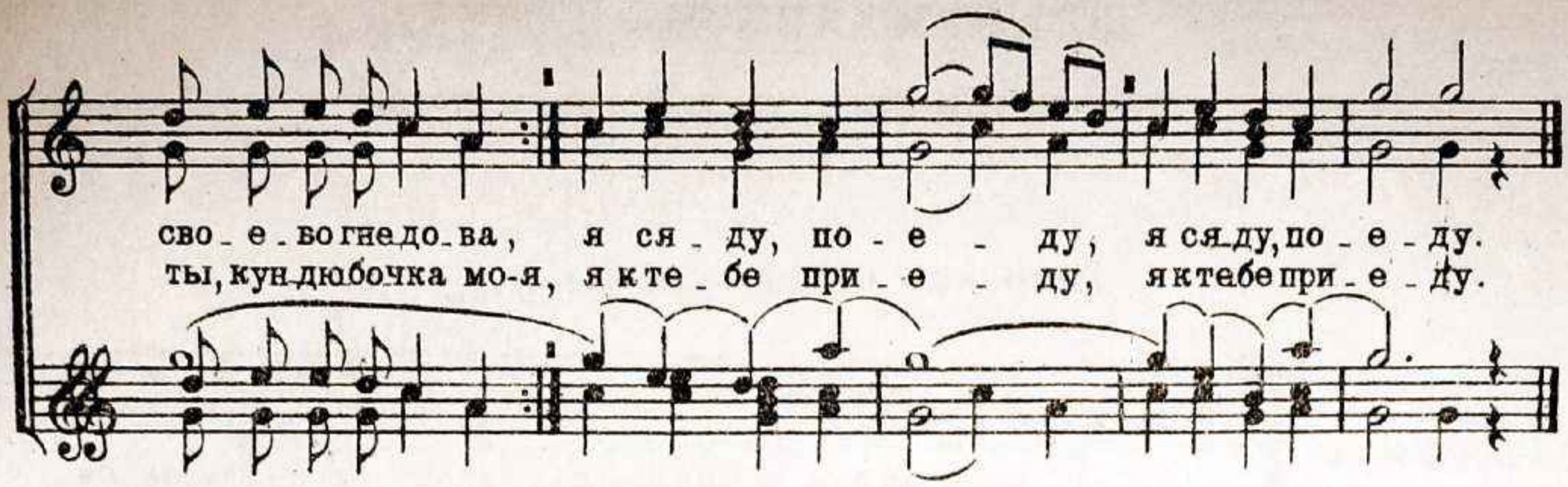
Без слов

2. Через тех-то людей, людей лиходеев стал ей спокидати, ты, кундюбочка моя, одна одиноя, стал ей спокидати.

3. Оседлаю коня, одна одиноя.

4. Оставайси одна людей лиходеев стал ей спокидати, ты, кундюбочка моя, одна одиноя, стал ей спокидати.

5. Дожидайся меня

1. Да любил да лелел свою кундю́бочку, [1]
   Хотел замуж взяти.
2. Через тех-то людей, людей лиходеев,
   Стал её спокидати.
3. Оседлаю коня своего гнедого,
   Я сяду поеду:
4. «Оставайси одна ты, кундюбочка моя,
   Одна одино́я![2]
5. Дожидайси мене ты, кундюбочка моя,
   Я к тебе приеду.
6. Когда вырастет трава во святлицы,
   Тогда я заеду!»
7. Росла, росла трава во святлицы,
   Росла, похилилась;
8. Ждала, ждала друга казачёчка,
   Ждала, не дождала́сь.
9. Да загул, да загул сизай голубочек
   В лѐсе на турчине,
10. В лѐсе, в лѐсе, в лѐсе на турчине,
    На самой вяршине.
11. Заплакали наши казачёчки
    По красной девчине.
12. «Да вы вейтеся да чѐрнаи кудри,
    Отколь ветер веет,
13. Да дивуйтеся вы, добраи люди,
    Отколь милай едет.
14. Едет, едет да мой миленький
    На своем конёчке!»
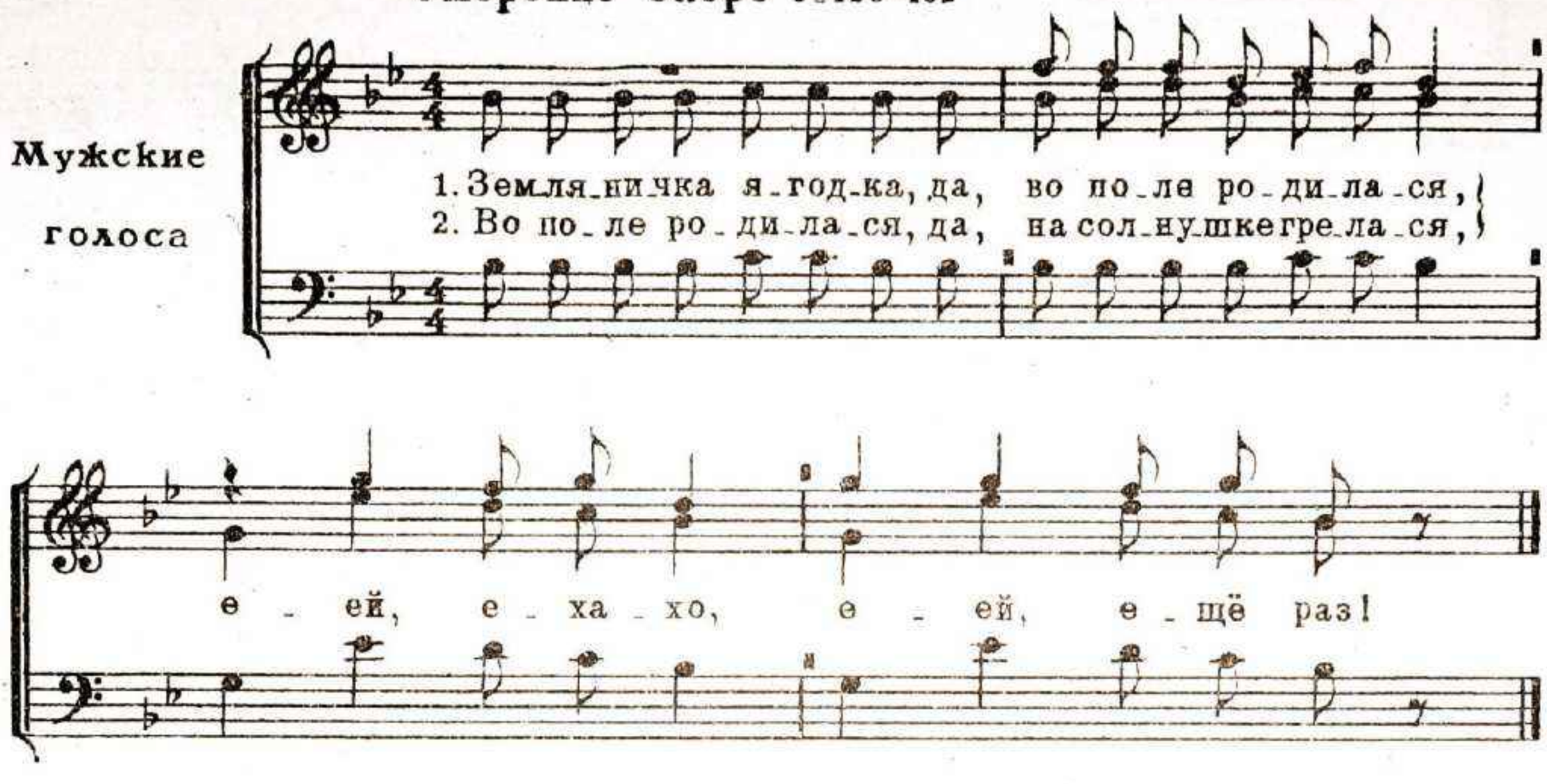
Станицы б. Верхне-Донского округа, 1936.

---

[1] «Лелел» — лелеял; «кундюбочка» — см. «Примечания автора».
[2] «Одна одино́я»—одна одинокая.

93. ЗЕМЛЯНИЧКА ЯГОДКА

Зачем, милый, похваляешься мной!

1. Земляничка ягодка (да)
   Во поле родилася,

Припев:

   Е-ей, е-ха-хо,
   Е-ей, ещё раз![1]

2. Во поле родилася, (да)
   На солнушке грелася.

3. Хорошая девочка (да)
   Во городе выросла,

4. Во городе выросла,
   Во станицу выдана

5. За старого старика,
   За того ли дурака.

6. На крыльчике стояла,
   Русу косу чесала,

7. Русу косу чесала,
   Гребешочек сломала.

8. Руки в пазуху клала,
   К себе милого ждала.

9. «Уж ты, миленький мой,
   Раскрасавчик дорогой,

10. Зачем ходишь ко иной,
    Похваляисси мной,

11. Похваляисси мной,
    Моей русою косой?

12. Моя русая коса
    Всяму городу краса,

13. Всяму городу краса,
    Всем ребятам сухота,

14. Всем ребятам сухота,
    А мне, девке, честь-хвала!
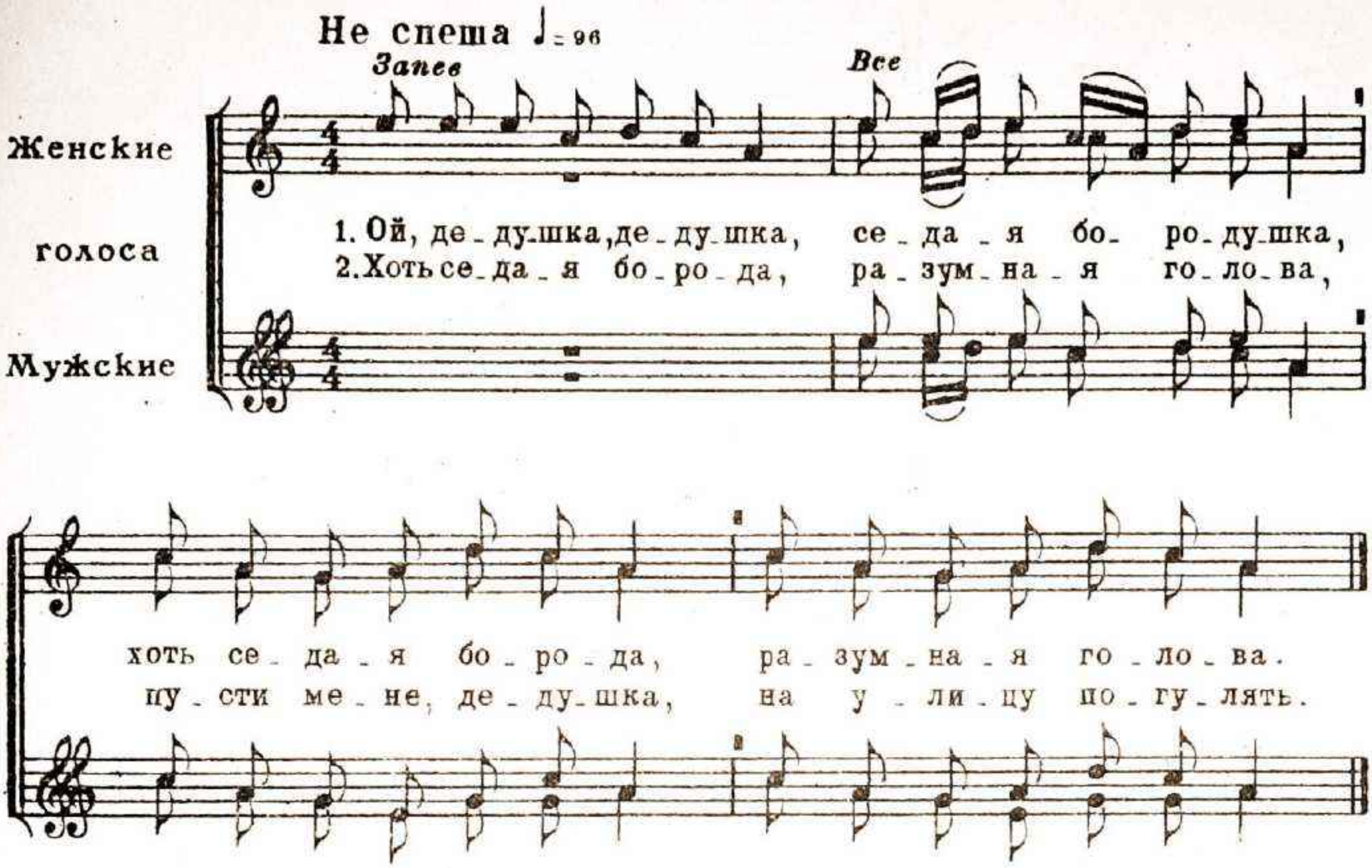
Станицы б. Верхне-Донского округа, 1936.

---

[1] Припев после каждого двустишия. Вар. припева: «Ей-ей, еще раз, е-ей, ещё мне!»

94. ОЙ, ДЕДУШКА, ДЕДУШКА

Дедушка воли не даёт

I

1. «Ой, дедушка, дедушка,
Седая бородушка!

2. Хоть седая борода,
Разумная голова! [1]

3. Пусти мене, дедушка,
На улицу погулять.

4. А я с улицы приду,
Много песен принясу!»

5. —«Мне не надо твоих песен,—
Не пущу младу гулять!»

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

II

6. «Ой, дедушка, дедушка,
Седая бородушка!

7. Хоть седая борода,
Разумная голова! [1]

8. Пусти мене, дедушка,
Во зеленай сад гулять.

9. А я с садику приду,
Много вишень принясу!»

10. —«Мне не надо твоих вишень,
Не пущу младу гулять!»

III

11. «Ой, дедушка, дедушка,
Седая бородушка!

12. Хоть седая борода,
Разумная голова! [1]

13. Пусти мене, дедушка,
Кы сиию морю гулять.[1]

14. Я с моря приду,
Много рыбы принясу!»

15. —«Мне не надо твоей рыбы,—
Не пущу младу гулять!»

IV

16. Вот спасибо, дедушка,
Что мне молодость сберёг!

17. Я на улицу просилась,—
Я зарезаться хотела.

18. Я у садик просилась,—
Я завеситься хотела.

19. Я в синё моря просилась,—
Утопиться хотела.

20. Не втопилась, не вдушилась,
Не зарезалася,—

21. Твоей старой бородою
Напотешилася!»
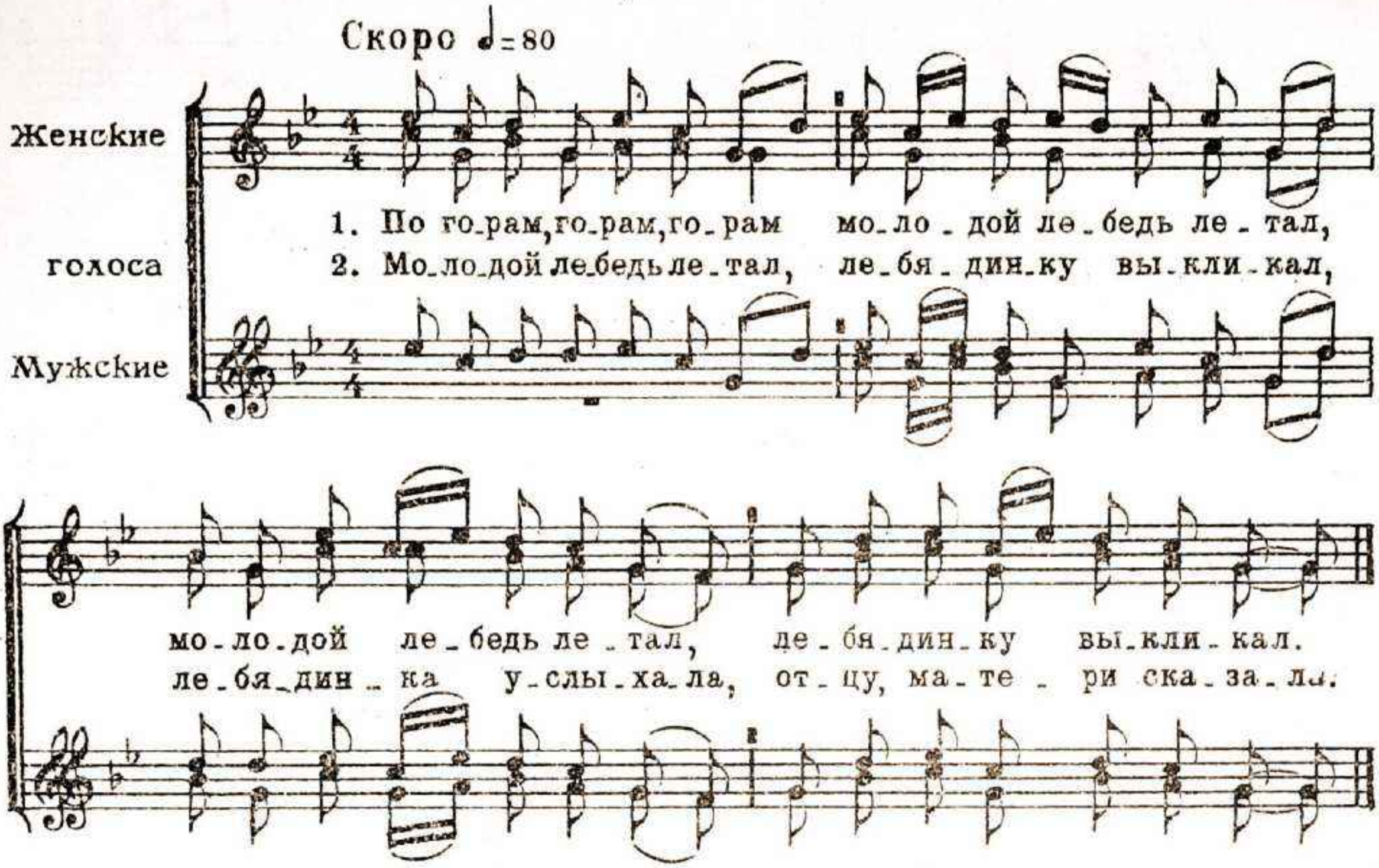
Станицы б. Верхне-Донского округа Р. О. (Казанская, Каменская, Гундоровская, Вешенская, Мигулинская. Еланская, Базковская, Каргинская), 1936.

---

[1] Вар. «Во синё моря гулять».

95. ПО ГОРАМ, ГОРАМ, ГОРАМ

Хорошà, пригожа сударушка моя
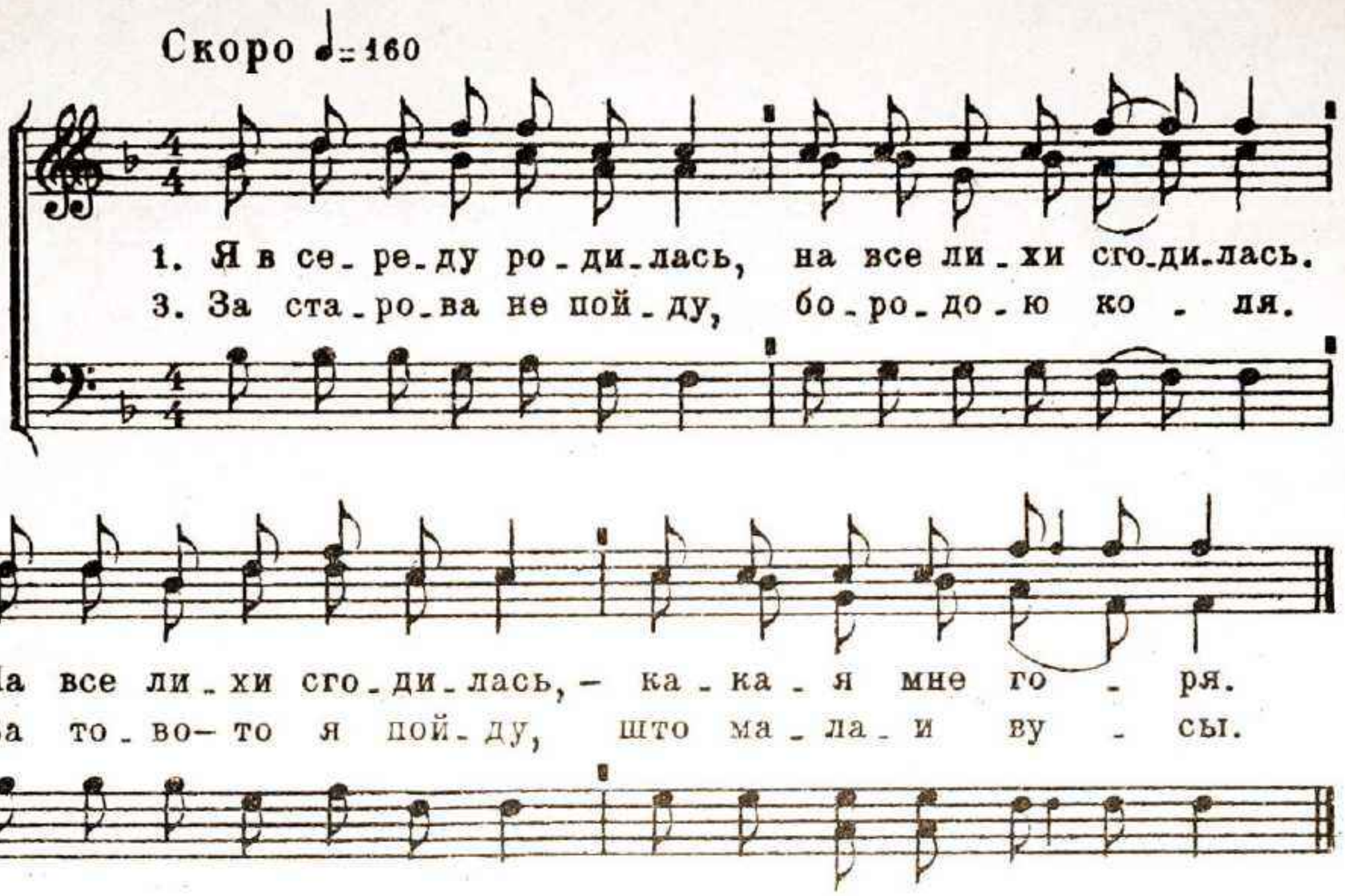

1. По горам, горам, горам
Молодой лебедь летал,
2. Молодой лебедь летал,
Лебядйнку выкликал.[1]
3. Лебядйнка услыхала,
Отцу-матери сказала.
4. Как отец-то да и мать
Стал за лебедем гонять.
5. Лебедь скоро й-убрался
Опярился, поднялся.
6. Полетел млад лебядйн
Вдоль по улицы один.
7. Вот и сел наш лебядйн
На новóй крылец один.
8. Не спясива сударушка,
Что-й сама ко мне идёт.
9. Как сама ко мне идёт,
Пучёк ягодок несёт.
10. Под полою под правóю
Штоф зелёного вина.
11. Я сам водочку ня пью,
Сударушку попою,
12. Сударушку напою,
На весь народ разъявлю,
13. На весь народ разъявлю,
Что хорошаю люблю.
14. Хорошà, ой, пригожà
Всё сударушка моя!
15. А моя шельма-жана —
Полынь горькия трава.
16. Полынь горькия трава
В чистом поле возросла,
17. В чистом поле на меже,
На высоким рубеже.
18. Никто травушку не скосит
Никто её не сорвёт.
19. Кто бы травушку сорвал,
Головушку опростал!

Станица Вешенская, хутор Ермаков, 1903.

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

96. Я В СЕРЕДУ РОДИЛАСЬ

На все лѝхи сгодила̀сь

1. Я в середу родила̀сь,
   На все лихи сгодила̀сь,[1]
2. На все лихи сгодилась,—
   Какая мне горя!
3. За старого не пойду,—
   Бородою коля
4. За того-то я пойду,
   Что малаи вӳсы.
5. Поцалую, обниму,
   Сама засмеюся.
6. Как ишла, я, молода,
   Вѐчор поздно одна,
7. На устречу молодой,
   Я не знаю, кто такой,
8. Я не знаю, кто такой,
   Офицерик молодой.
9. Под ним коник вороной,
   Весь уборик золотой.
10. Чёрна шляпа сы пяром,
    Апалеты с галуном.
11. Чёрна шляпочка смеётся,
    Апалеты говорят,
12. Золотая притупея[2]
    Улыбается,—
13. Пускай, пускай коханочка
    Догадается!
14. Чёрну шляпу приподня̀л,
    Коханочке честь отда̀л:
15. «Коханочка ты моя,
    Не болит ли голова?
16. Не привесть ли попа
    Из царёва кабака,
17. Донского казака,
    Славна песенничка,
18. Славна песенничка,
    Балалаечничка?»

Станица Вешенская, 1903
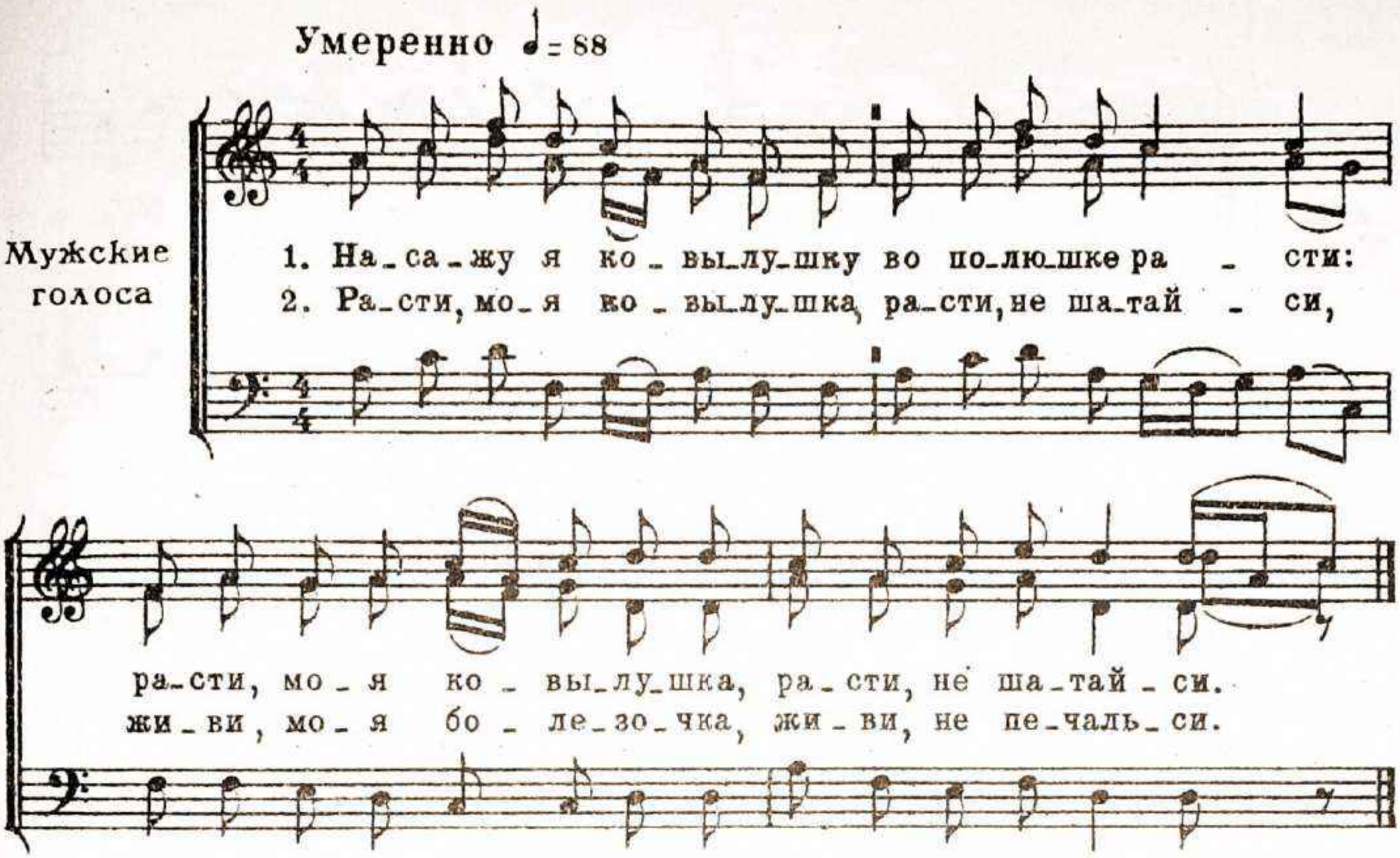
---

[1] Иногда песня исполняется без припева. Чаще же всего после каждого двустишия идет припев с повторением в нем второй половины двустишия:

«Страй-рай-ра-та-тай
На все лихи сгодилась...
...Страй-рай-ра-та-тай
Какая мне горя...».

[2] «Притупея» — портупея.

97. НАСАЖУ Я КОВЫЛУШКУ

Живу, миленький, вдовою-сиротою

1. Насажу я ковылушку
Вы полюшке расти.

2. Расти, моя ковылушка,
Расти, не шатайси.[1]

3. Живи, моя болезочка,
Живи, не печальси.

4. Придёт праздник-воскресенье,
Бялися, румяньси.

5. Набялися, нарумяньси,
Поди прогуляйси.

6. Если скучно тебе будет,
Пиши ко мне письмы.

7. «Сама писать не умею.
Пйсаря—не смею.

8. Попрошу я писарёчка,
Своего сыночка.

9. Плывёт утка-селезень
Полою водою.

10. Скажи, утка-селезень,
Мояму милóму,

11. Мояму скажи милóму:
Живу я вдовою,

12. Живу, миленький,[2] вдовою,
Горькой сиротою!»
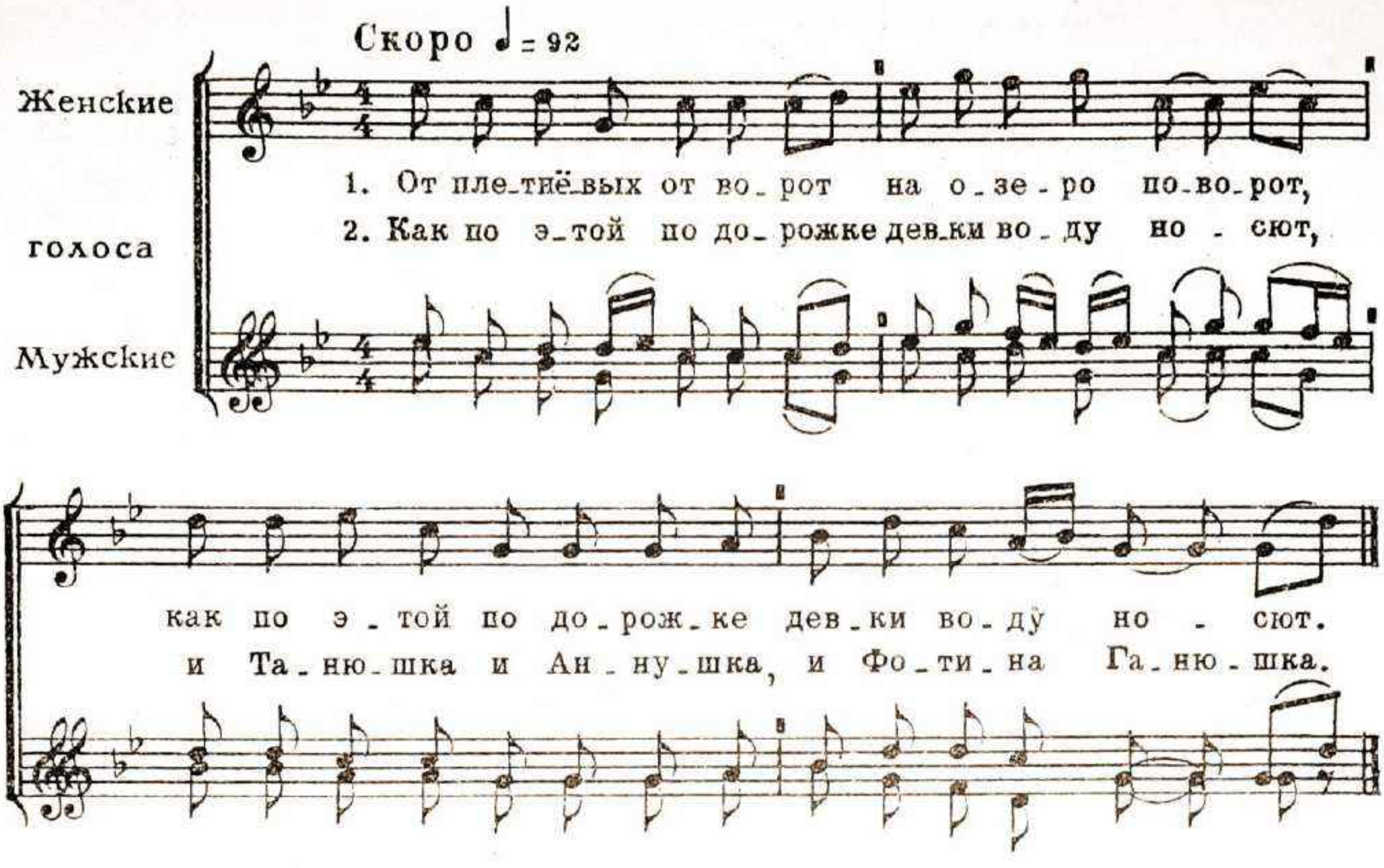
Станица Усть-Хоперская, 1903.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] Вар. «милый мой».

98. ОТ ПЛЕТНЕВЫХ ОТ ВОРОТ

Из хуторских новостей

1. От плетнёвых от ворот
   На озеро поворот.
2. Как по этой по дорожке
   Девки воду носют: [1]
3. И Танюшка, и Аннушка,
   И Фотина Ганюшка.
4. Таня воду несёт,
   Крамысильца [2] гнутся,
5. Усач Гришка в окно смотрит,
   Сам слязою льётся.
6. Послужила младцу счастья,
   Полюбил Танюшу,
7. Полюбил Таню другуя,
   Совсем не такуя.
8. Одна бела идёт в дело,
   Другая—в посмешья.
9. Как за малым дело стало,—
   Денег не достало.
10. Не пустил бы свою Таню
    В поля работати.
11. Только б знала моя Таня
    В холодке сидети,
12. В холодке Тане сидети,
    Мене забавляти.
13. На боярском на лугу,
    Во базаре во кругу,
14. На базаре под рынком
    Пляшет Таня с молодцом,
15. Пляшет Таня с молодцом,
    С постовалом [3] подлецом.
16. Сама пляшет, рукой машет
    Всё донскому казаку:
17. «Пойди, пойди, казаченька,
    Суда, мой дружочек!»
18. «Танюшенька, моя люба,
    Была б ты здорова!
19. Мне ня надо плуг быков,
    Я и с Танею здоров.
20. Мне ня надо гурт овец,
    И речам моим конец!»
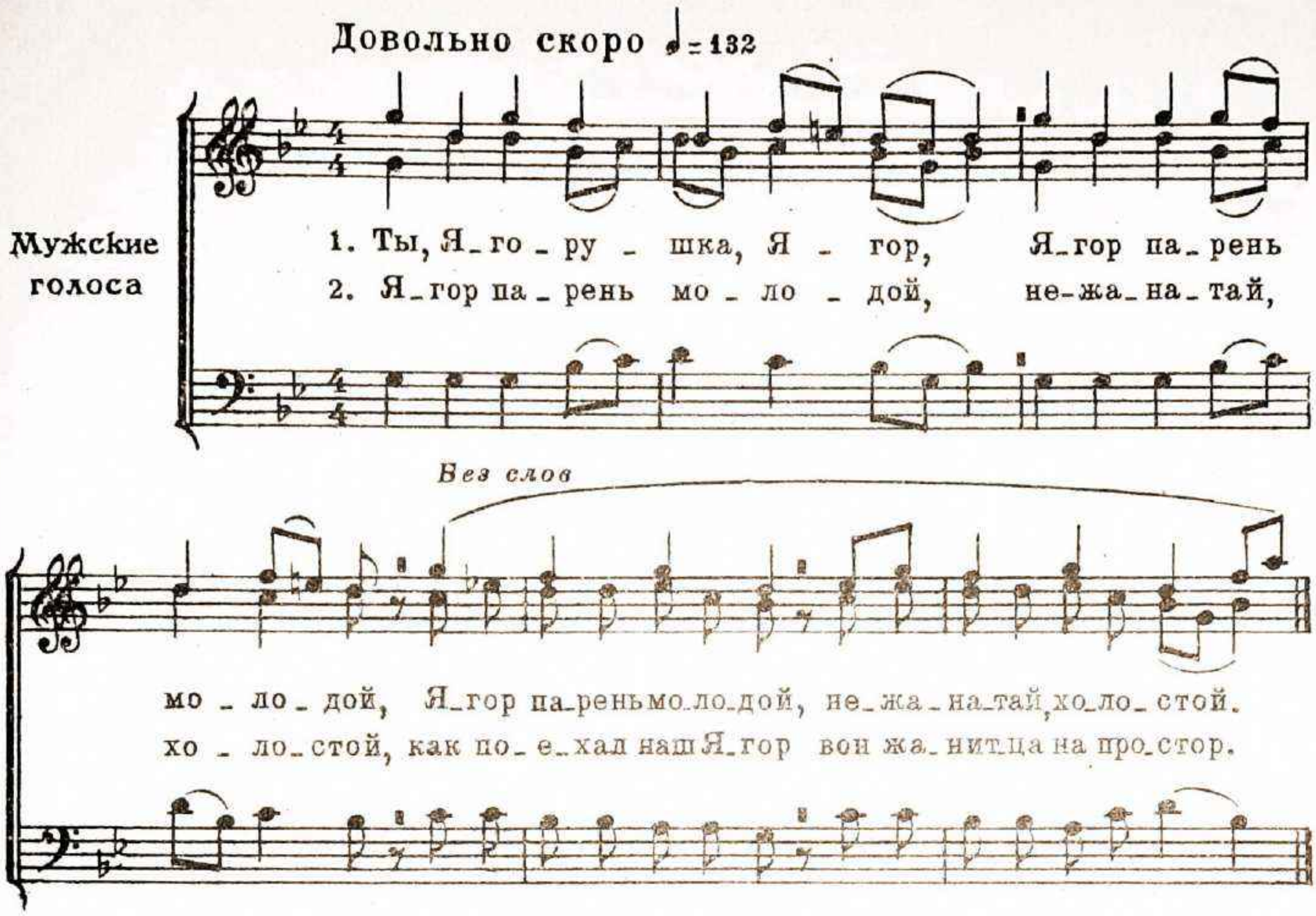
Станица Слащевская, 1903.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] «Крамысильцы» — коромысла, коромыслица.
[3] «Постовал»—полстовал, валяльщик шерсти, «мастеровой»

99. ТЫ, ЯГОРУШКА, ЯГОР

Ягорушке не с кем целоваться

1. Ты, Ягорушка, Ягор,
   Ягор парень молодой,

2. Ягор парень молодой,
   Нежанатай, холостой! [1]

3. Как поехал наш Ягор
   Вон жаниться на простор,

4. Вон жаниться да гулять,
   Молодуя жану брать,

5. Молоденькаю,
   Всё хорошенькаю.

6. Сыгласилися ребяты
   Сыложиться на гульбу:

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

7. Илюшка—полушку,
Кирей — денежку,

8. А Ягор на задо̀р—
Два с полтиною на стол.

9. Апасля̀ да наш Ягор
Воспокаился:

10. Начто хорошо ходить,
Когда некого любить;

11. Начто мягко слать,
Когда не с кем спать;

12. Начто бело умуваться,
Когда не с кем целоваться?

13. «Люби, люби, девица,
Люби, раскрасавица!»

14. —«Я бы рада любить,
Отец-мать не вялит,

15. Отец-мать не вялит
Поздно с вечеру ходить!

16. Я ходить не хожу,
Кого люблю, не скажу!

17. Я любила казаченьку
Хорошего, бравого,

18. Хорошего, бравого,
Белого, румяного,

19. Белого, румяного,
Русого, кудрявого![1]

Станица Слащевская, хутор Любышкин 1903.
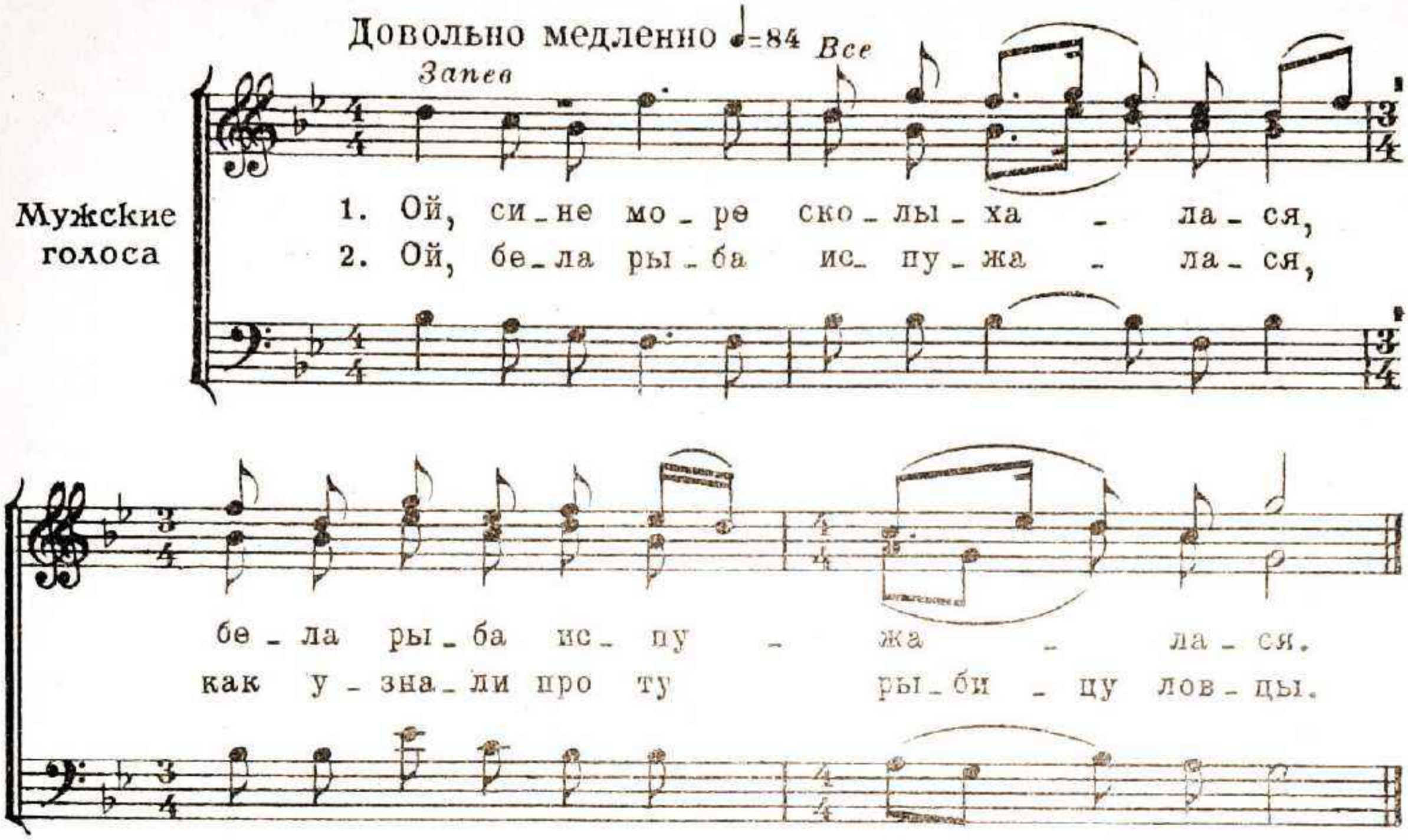
---

[1] В «компаниях» с угощением обычно добавляли по адресу хозяина:
«Он кудрями потрясёт,
по рюмочке поднесёт».

100. а. ОЙ, СИНЕ МОРЕ ВСКОЛЫХАЛОСЯ

Давно с милым не видалася

б. Я ПО БЕРЕЖКУ ПОХАЖИВАЛА

Не шути шутки, донской казачок!

1. Ой, синя моря сколыхалася,
   Бела рыба испужалася.[1]
   Как узнали про ту рыбицу ловцы,
   Ой, ловцы, ловцы, московские купцы,
5. Запущали шелковые невода,
   Вынимали белу рыбу из воды,
   Стали рыбицу расспрашивати:
   «Каково-то тебе, рыба, без воды?»
   А мне, бабочке, без мйлого дружка,
10. Без милóго, без любезненького.
   Я по бережку похаживала,
   Чернобыл-травку заламливала,
   Гусей серень ких заманивала:
   «Не пора ли вам наплаваться,
15. А мне, бабочке, наплакаться?».
   Наплакалась, нарыдалась молода,—
   Давно с милым не видалася одна.
   Вот настречу идёт парень молодой,
   Сы молоденькай, хорошенькай,

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

Черноброваи, черноглазенькай.
Не дошёл он да стал шуточки шутить,
На рязвы́ пятки насту́павати,
За бяло лицо пощипливати.
«Не щипи мене за белая лицо,—
Моё личико разгарчивая,
Моя маменькя догадливая.
Приду домой, догадается,
С чего лицо разгорается,—
Либо с пива, либо с зѐлена вина!
Я вчарашний день во шиночке была,
Пила водочку анисаваю.
Каравать моя расписаная,
Расписана, размулёваная».
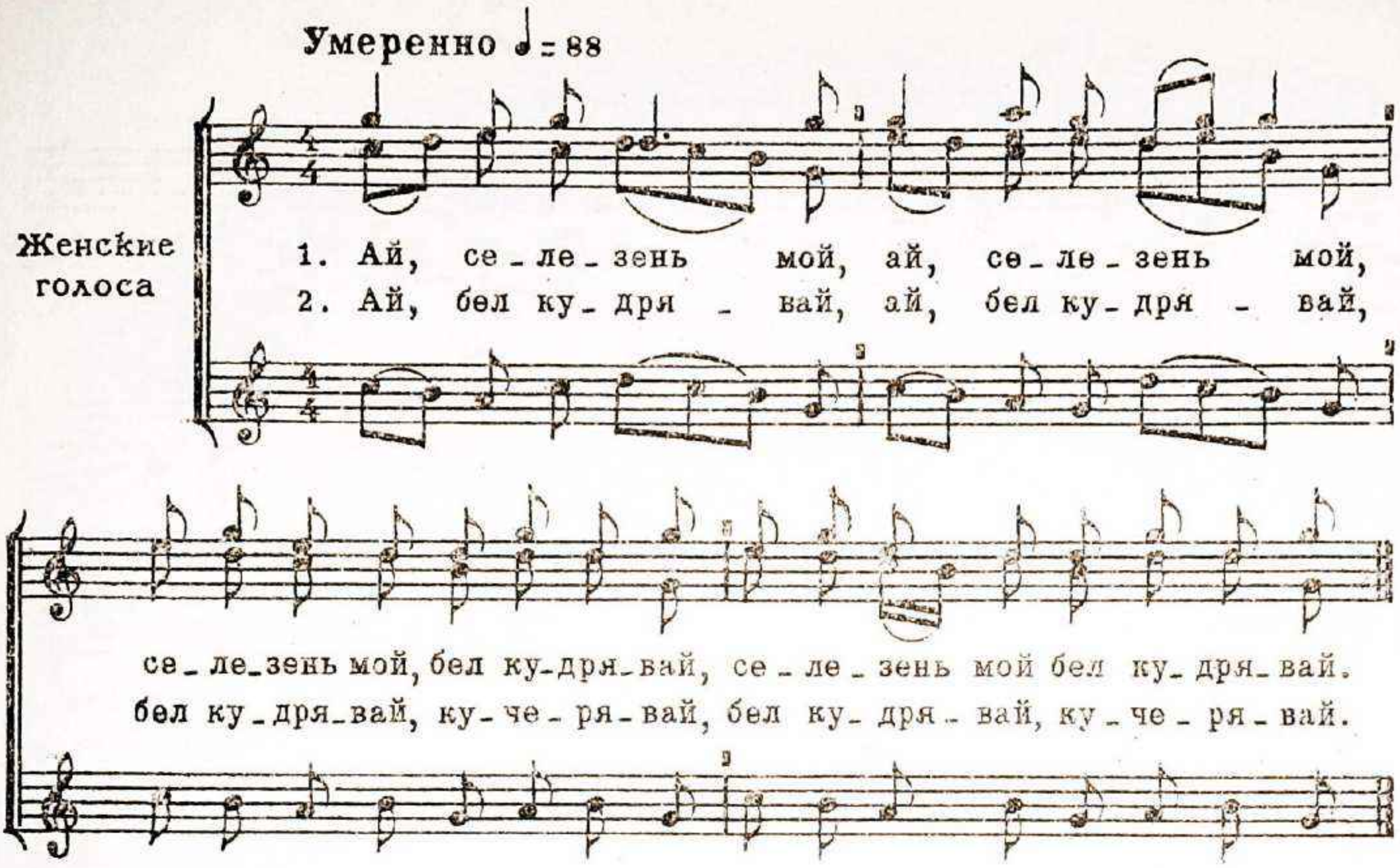
Станица Акишевская, 1903.

Я по бережку похаживала,
Чернобыл-травку заламливала,
Серах гусюшек заганивала:
«Тега, гуси, тега, серан, домой!
Не пора ли вам наплаваться,
А мне, бабочке, наплакаться?»
Наплакалась, нарыдалася,—
Давно с милам не видалася.
Увидалася, нара̀довалась,
Через реченьку прощалась молода,
Через речку, через лёгенький мосток,—
Вон из беленьких тясовеньких досток.
Попрощамшись, пошла бабочка домой,—
Ей настречу каза̀ченька молодой.
Стал он шуточки сы бабочкой шутить,
Стал на ножаньки насту́павати,
За бяло лицо пощипавати,
Да за грудочки похватавати.
«Не шути шутки, донской казачёк,
Не щипи мене за белая лицо,—
Моя личика разгарчивая,
Моя маменькя догадливая.
Приду домой, догадается,
С чего лицо разгарается,
То ли с пива, то ли с зѐлена вина,
То ли с сладенькой сы водочки такой.
Сладка водочка настоеная,
Тесова̀ карвать построеная,
Построена, размулёваная.
На карватушке пяринушка ляжит,
На пяринушке бабёночка сидит,
Вот сидит, сидит, всё ждёт, подождёт,
А мой миленький хорошенький идёт».

Станица Тепикинская, 1905

101. АЙ, СЕЛЕЗЕНЬ МОЙ

Три загадки

1. Ай, селезень мой,[1]
Селезень мой, бел-кудрявай,
2. Ай, бел-кудрявай,
Бел-кудрявай, кучерявай!
3. Ай, поплывёшь ты,
Поплывёшь ты вдоль Дунаю,
4. Ай, где девочки,
Где девочки пьют, гуляют.
5. Ай, одна девка,
Одна девка сямилетка,
6. Ай, выходила,
Выходила на крылечко,
7. Ай, за ней парень,
За ней парень бел-кудрявай,
8. Ай, бел-кудрявай,
Бел-кудрявай, кучерявай.
9. «Ай, загадаю,
Загадаю три загадки.
10. Ай, изволь, девка,
Изволь, девка, отгадати:
11. Ай, чаго растёт,
Чаго растёт без кореня?»
12. — «Ай, растёт камень,
Растёт камень без кореня!»
13. «Ай, чаго светёт,
Чаго светёт без рассвету?»[2]
14. —«Ай, светёт сосна,
Светёт сосна без рассвету!»
15. «Ай, чаго шумит,
Чаго шумит всё без ветру?»
16. —«Ай, шумит речка,
Шумит речка всё без ветру!»

Станица Тишанская, 1903.

---

[1] Каждый стих повторяется.
[2] Цветет без расцвету.

102. КАК КУМА-ТО К КУМЕ

Кума куму потчевает

Довольно скоро ♩= 126

Женские голоса

1. Как ку - ма - то к ку - ме в ре - ша - те при - плы -
2. В ре - ша - те при - плы - ла, ве - ре - тё - на - ми гре -

Мужские

- ла, как ку - ма - то к ку - ме в ре - ша - те при - плы -
- бла, в ре - ша - те при - плы - ла, ве - ре - тё - на - ми гре -

- ла, } ку - маль мо - я, ку - му - шка, ты, ку -
- бла, }

- ма, си - за - я го - лу - бу - шка ты мо - я.

1. Как кума-то к куме
В решете приплыла,[1]

Припев:

Кума ль моя, кумушка, ты, кума,
Сизая голубушка ты моя!

2. В решете приплыла,
Веретёнами гребла.

3. Веретёнами гребла,
Дóнцем правила.

4. Приплыла-то кума
Кы крутому бережку,

5. Кы крутому бережку,
Кы зелёному лужку.

6. У куме во саду
Воробей без заду,

7. Воробей без заду,
Вон без задних ног.

8. Как сварили воробья
Во пивном во котле,

9. Разломали его
На двенадцать кругов.

10. А кума-то куму
Стала потчевати:

11. «Ну и ешь ты, кума,
Не совай в рукава,

12. Не совай в рукава,
Не засаливайси!»

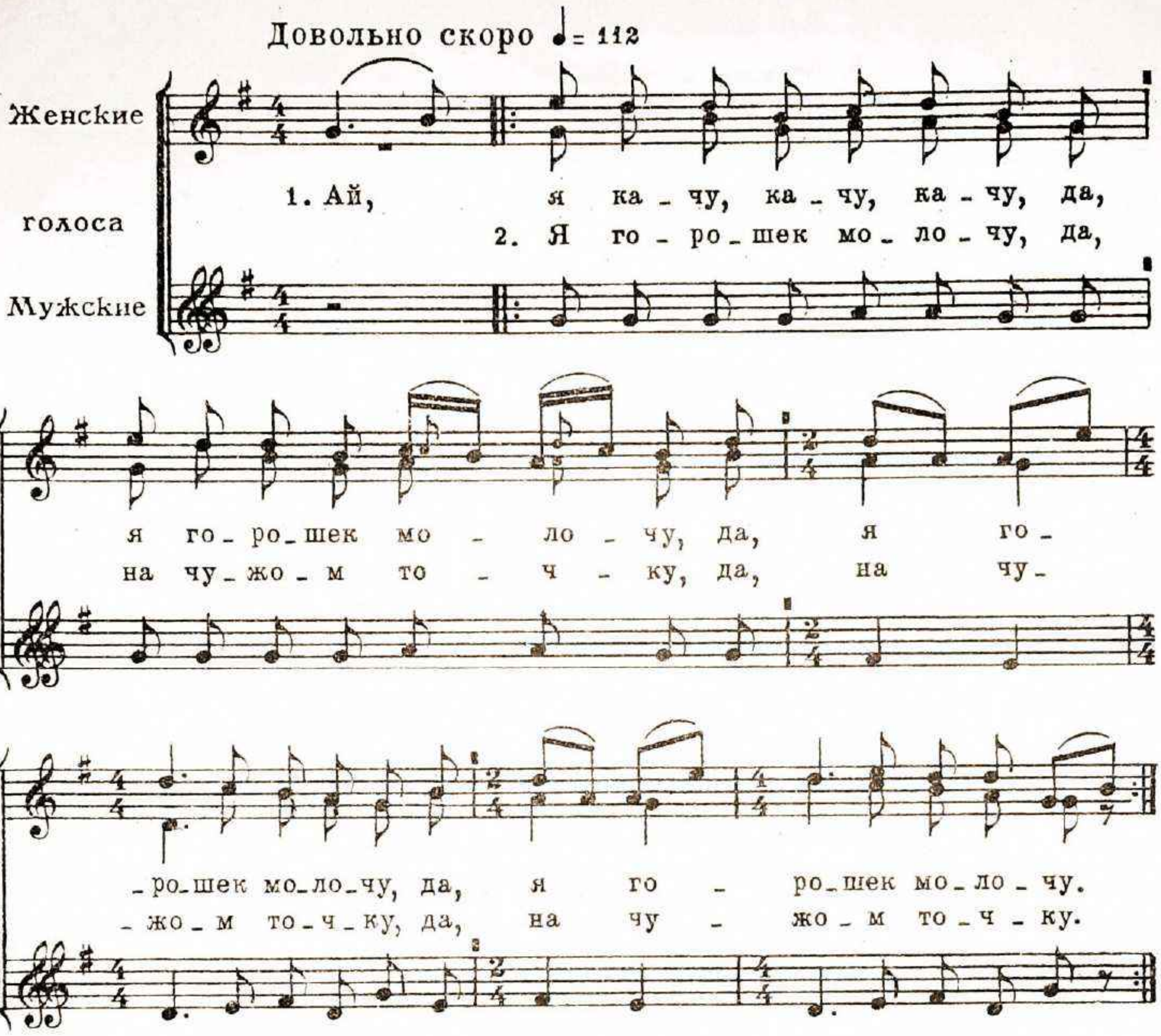
Станица Тепикинская, 1903.

---

[1] Каждое двустишие повторяется. Припев ко всем строфам без изменений.

103. Я КАЧУ, КАЧУ, КАЧУ

У кумушки разболелась голова

1. Я качу, качу, качу (да),
   Я горошек молочу (да),[1]

2. Я горошек молочу (да)
   На чужом точку́ (да),

3. На чужом точку́ (да),
   На прилипочку (да):

---

[1] Каждый четный стих поется три раза, причем третий раз без «да».

4. «Чи здорова-ли, кума, (да),
Чи здоровая была (да)?»

5. —«Сама, кума, здорова̀ (да),—
Болит моя голова (да):

6. Ой, болит, болит, болит,[1]
Я не знаю, как и быть,

7. Я не знаю, как и быть,
Чем головушку лячить!

8. Пойду в лѐсик, во лесо̀к,
Сорву травку гарусок,

9. Сорву травку гарусок,
Попарю головушку (да);

10. Я парила, парила (да),
И пар её не берёт,

11. И пар её не берёт,
Мне[2] здоровья не дает.

12. Уж я по воду пойду (да)
На Самарю на ряку (да);

13. На Самаре на реке (да)
Гуси-лебеди сидят,

14. Гуси-лебеди сидят,
Холодну̀ воду мутят:

15. Постояла на часок,
Устоялась на вяршок;

16. Постояла два часа (да),
Устоялася до дна (да);

17. Размахнулась широко (да),
Почарпнула глубоко (да)!»

Станица Тепикинская, 1903

---

[1] Частица «да» приставляется к тем словам, которые оканчиваются на гласный В словах, оканчивающихся на согласный или полугласный, последние выделяются в самостоятельный слог с укороченным гласным: «лесо-кы», «лечи-ти», «сидя-ти».

[2] Вар. «Бог».

104. ОЙ, ПАННЫ ВЫ, ПАНЯНОЧКИ

Станичная шуточная плясовая

Довольно скоро ♩ = 144

Запев (соло) *Все*

Мужские голоса

1. Ой, пан - ны вы, па - ня - но - чки, 2. Вы, чер-
6. Под дру - го - ю А - ри - ну - шку, 7. А под

-кас - ски - я ба - бо - чки! 3. Не по пра-ви-лам за-
тре-тей Ка - тя - ри - ну - шку. 8. А по - за - ди ка-

-ко - ны по-вя - ли: 4. Во суб - бо - ту гу - лять по-
-за-чень-ка и - дёт: 9. А ка - за-чень-ка мо - ло - день-

-шли, 5. Под по - ло - ю ка - ва - ле - ра по - вя - ли,
-кий, 10. Чер - но - бро-вень-кий, хо - ро - шень - кий.

Ой, панны вы, паняночки,
Вы, черкасские бабочки!
Не по правилам законы приняли,—
Во субботу гулять пошли,

Под полою кавалера повяли,
Под другою Аринушку,
А под третьей Катяринушку.
А позàди казàченька идёт,
А казаченька молоденький,

Чернобровенький, хорошенький.
Он идёт да улыбается,
Сиротою называется:
«Кто ба, кто ба сиротину пожалел,
Кто ба, кто ба ночевать пустил!»

—«Мне яво ба ночевать пустить,—
Сам сабе ба каравать смостил,
А метёлкою двор подмёл,
А хозяином тын подпёр,
А хозяюшку за ручку повёл.

А чужие мужья добры,
Покупили жанàм ковры,
Мой муж негодяюшка,
Он купил мене коровушку,
Завязал мою головушку.

Коровушка моя стельненькая,
Головушка моя бедненькая;
Коровушка отялилася,
Головушка разломилася.
Я устану-то ранёхунько,
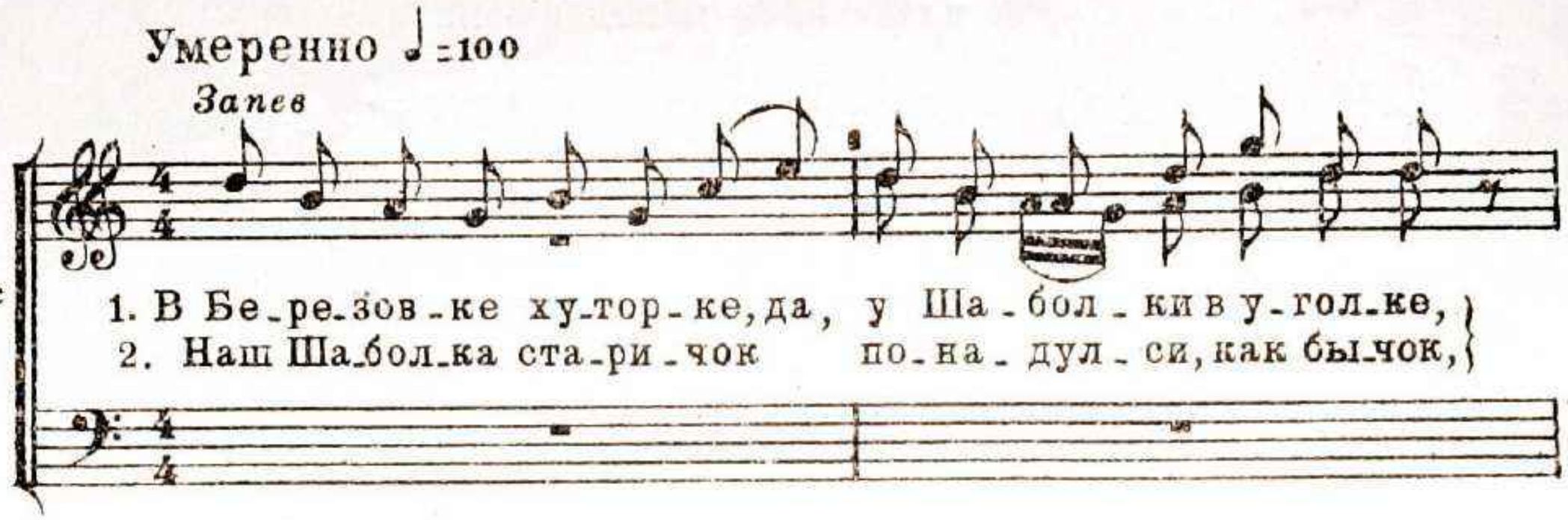
Я умоюся белёхунько,
Снаряжуся хорошохунько.
Я надену черевички на босу̀,
Погоню я коровушку на росу.
Мне на стрѝчу ведьмедь из лясу;

Хорошенько ведьмедя попрошу:
Ты, ведьмедюшка-батюшка,
Задуши мою коровушку,
Развяжи мою головушку!»

Станица Михайловская, 1903.

105. В БЕРЕЗОВКЕ ХУТОРКЕ

Шабо̀лкины „шкуры“

1. В Берёзовке в хуторке,
   У Шаболки в уголке,

Припев:

Вот калина ты моя,
Размалина ты моя! [1]

2. Наш Шаболка старичёк [2]
   Понадулси, как бычёк.

3. Сам себе он рассудил,
   Своим бабам присудил:

4. «Вы живитя, бабы, вольно,
   Вам чужих мужьев довольно!»

5. Бабы слушали, сидели,
   Сами луччи разумели,

6. Сами луччи разумелц,
   По сями друзьёв имели:

---

[1] Припев после каждого двустишия без изменения.

[2] Шаболкин Зотьевич (имя не сохранилось), казак Аннинской станицы хутора Березовского, умер в начале шестидесятых годов; память о нем осталась в песне.

7. У Фяклу́шки-то пятнадцать,[1]
У Хрястюшки девятнадцать,[1]

8. Пролягала слава-честь—
У Солоньки тридцать шесть.[1]

9. Во дружках не стало ладу,
Потянули вола с базу.

10. Они взяли да ня в кражу,
Повяли яво в продажу.

11. Они вывели на гать,
Стали думать и гадать,

12. Стали думать и гадать:
«Нам куды бычка девать?»

13. Повяли яво к станицы,
Привязали к аржаницы.

14. Как кнутом бычёк наказан,
К колясу стоит привязан,

15. К колясу стоит привязан,
Деготькём лобок намазан.

16. По утру народ дивится,
Подойтить к быку боится.

17. Кому стало быка жаль,
Не пустил он дела вдаль,—

18. Подходил к быку поближе,
Обтирал бычка пониже,

19. Обтирал быка полой,
Провожал яго домой:

20. «Ты ступай, ступай, бычёк,
Кы Шаболке в уголок!»

21. На утренней на заре
Бычёк ходит по горе.

22. А Фяклу́шка быка стрёла,
Гонит яво домой смело.

23. Зотьевич-то на крыльцо,—
Бык явился налицо.

24. Дед головкой покачал
Да-й сам себе рассерчал:

25. «Ах, ты, бедная скотина,
Почто мучилась безвинно!

26. Чрез хозяйские дяла
Много ну́жды приняла.

27. Чиряз ваши, шкуры, шалость
Потревожил свою старость».

28. Рассярчал дед не спроста,
Стал бычёк ведь без хвоста.
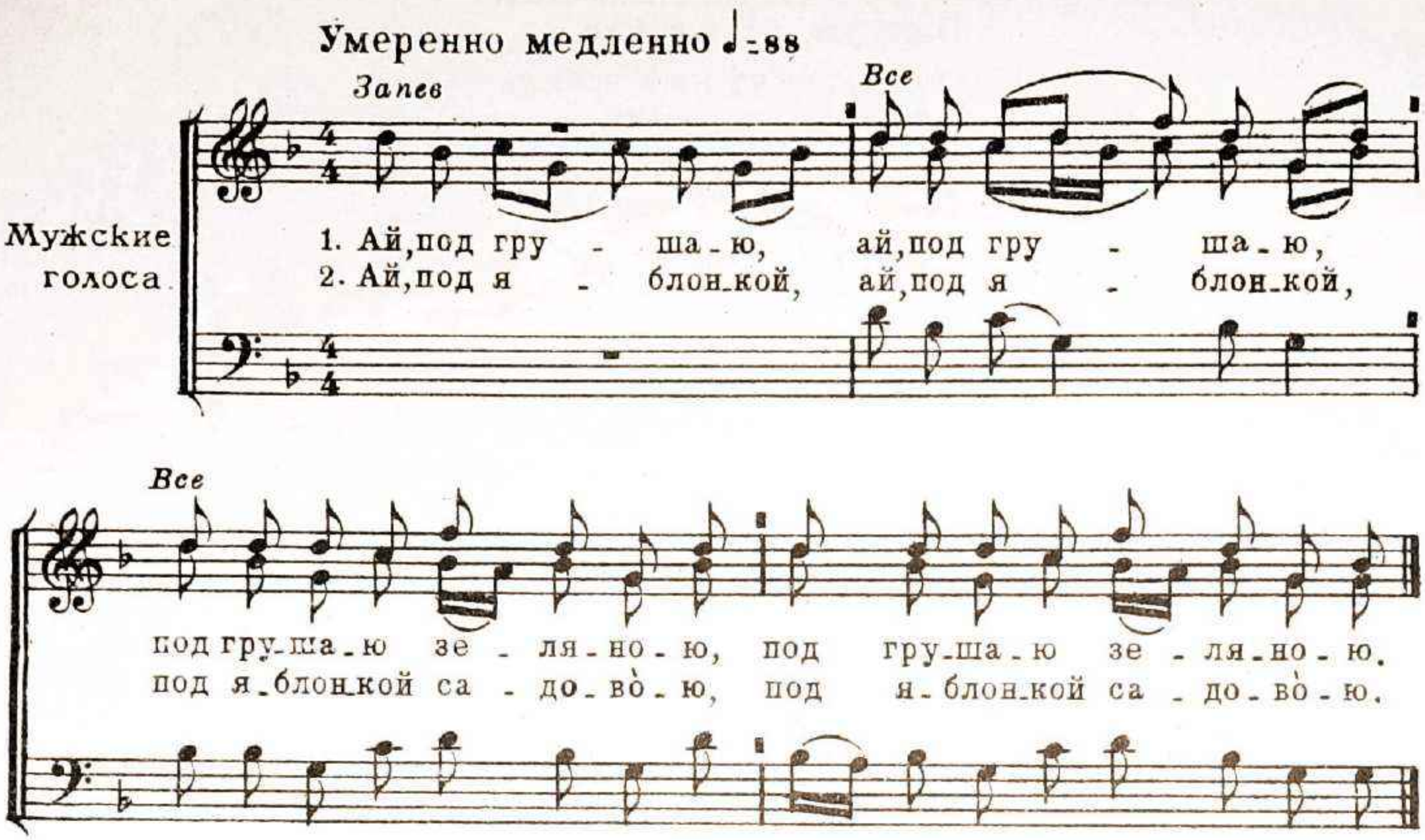
Станица Аннинская, 1903.

---

[1] «Всё снохи старика Зотьевича», — объясняли поющие.

106. АЙ, ПОД ГРУШЕЮ

Не жаль мужа старого,–жалко шубы

1. Ай, под грушею,[1]
   Под грушаю зеляно̀ю,
2. Ай, под яблонкой,
   Под яблонкой садово̀ю,
3. Там стоят столы,
   Стоят столы дубовы̀е,
4. А столешнички,
   Столешнички альяные.
5. Там сидят девки,
   Сидят девки, вянки вьют.
6. Они вьют вянки,
   Вили вянки сы святами,[2]
7. Сы святами,
   Сы святами, сы слязами.
8. Одна Дуня,
   Одна Дуня ня плакала,
9. А свимши́ вянок,
   Свимши вянок, заплакала:
10. «Мне ня жаль мужа,
    Ня жаль мужа старо̀го,
11. Тольки жаль—на нём,
    На нём шуба новая!»
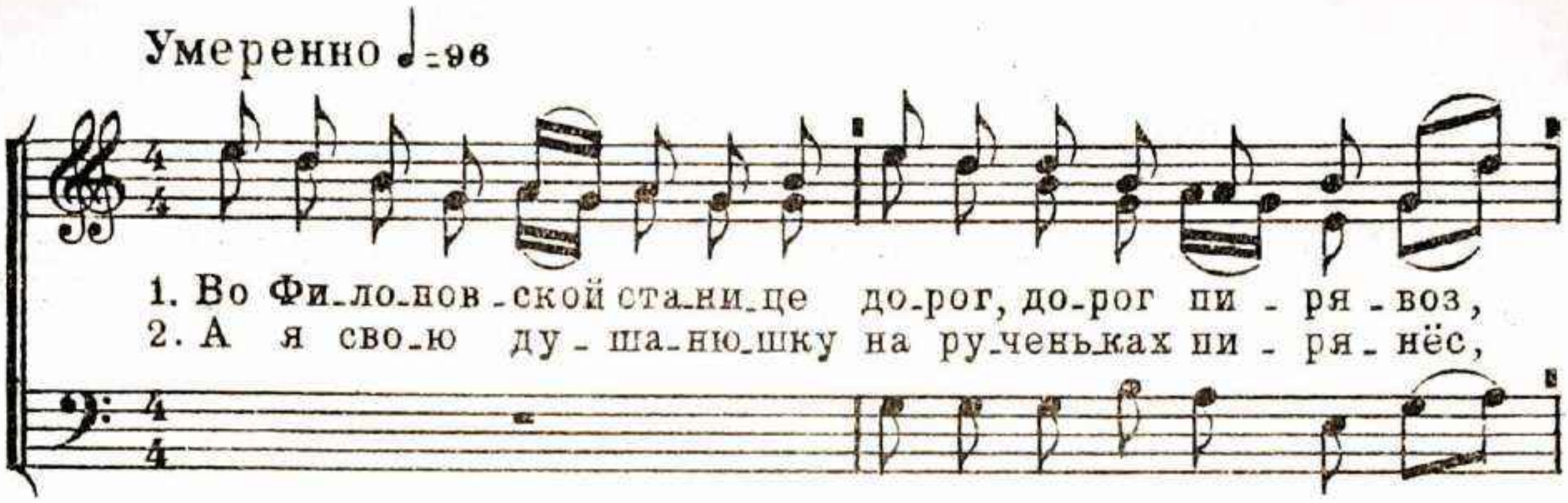
Станица Филоновская, 1903
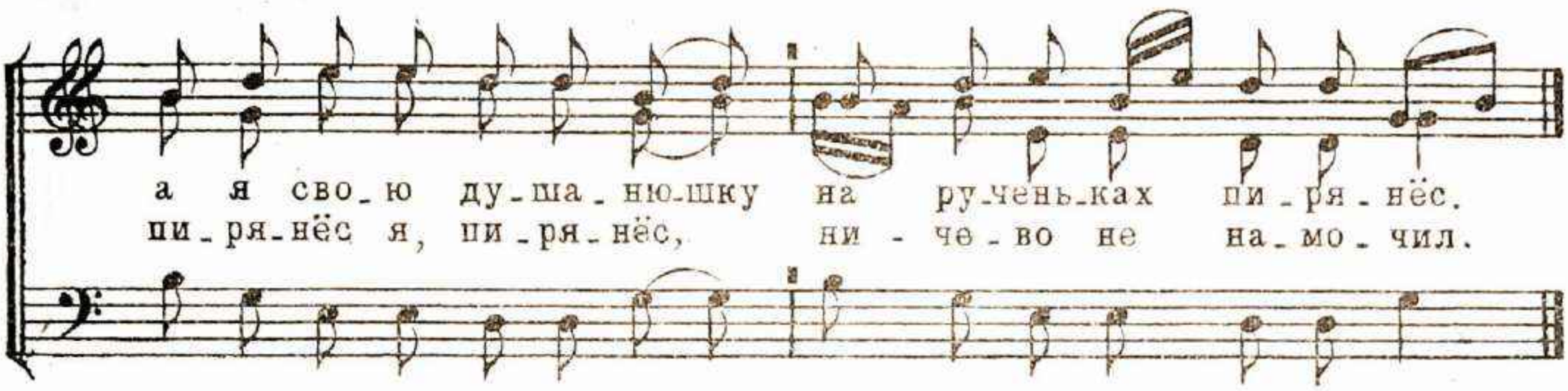
---

[1] Каждый стих повторяется.
[2] «Сы святами» — с цветами.

107. ВО ФИЛОНОВСКОЙ СТАНИЦЕ

Душанюшка и филоновский казачок

1. Во Филоновской станицы
   Дорог, дорог перявоз,
2. А я свою душанюшку
   На рученьках перянёс.[1]
3. Перянёс я, перянёс,
   Ничего не намочил,
4. Толькя я бы намочил,
   Башмачёк с ножки скочил.
5. Она ж, моя душанюшка,
   Всё расплакалася,
6. Расплакалася (да),
   Расчурлявилася:
7. «Ня плачь, ня плачь, душанюшка,
   Я куплю иные,
8. Я куплю, куплю иные,
   Вярьхи золотые,
9. Вярьхи, вярьхи золотые
   С медными каймами.
10. Носи, носи, душанюшка,
    Носи, не пячальси,
11. Носи, носи, не пячальси,
    Мною похваляйси!»
12. Ох-и, чок чебачо̀к,
    Филоновский казачёк,
13. Филоновский казачёк!
    Я й-упала на бочёк,
14. Я й-упала да ляжу,
    На все стороны гляжу.
15. Туды глядь, суды глядь,
    Мене некому поднять.
16. Оглянулася назад.
    Два учебнаи[2] стоят:
17. «Ты, й-учебнай господин,
    Подними мене й-один!»
18.—«Я бы рад тебе поднять,
    С стороны люди глядят
19. С стороны люди глядят,
    Не чужие, всё свои,
20. Не чужие, всё свои,
    Всё товарищи мои!»
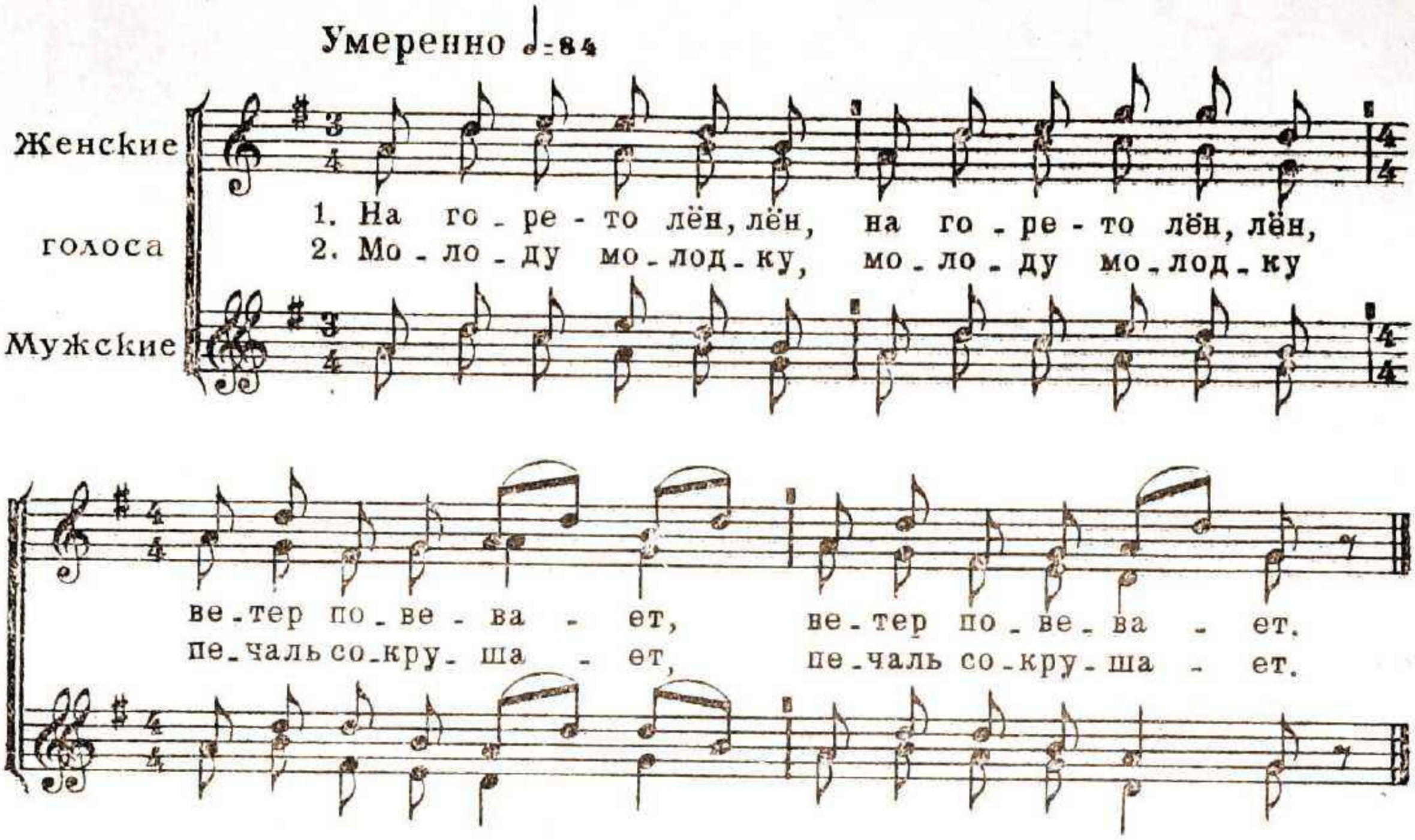
Станица Филоновская, 1903

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] «Учебные» — первоочередные казаки учебной команды (школы).

108. НА ГОРЕ-ТО ЛЕН, ЛЕН

У меня-то ладо-змей подколодный

I

1. На горе то лен, лен,[1]
   Ветер повявает.
2. Молоду молодку
   Пячаль сокрушает.
3. Што жа ты, молодка,
   Ну, што ж, молодая,
   Не весела ходишь,
4. Не весела ходишь,
   Не смело ступаешь,—
5. Али те, молодка,
   Аль те, молодая,
   Свекор не долюбит?
6. «Уж вы, люди, люди,
   Не речь говоритя,

[1] Каждый стих, за исключением первых двух в третьих и пятых строфах, повторяется дважды.

7. Не речь говоритя,
Ня быль волокётя,—

8. У мене ли свекор,
Што батюшка роднай!»

II

1. На горе то лен, лен,
Ветер повявает
и т. д., как выше — 2, 3 и 4

5. Али те, молодка,
Аль те, молодая,
Свякры не долюбит?
и т. д., как 6 и 7

8. «У мене ль свякры-то—
Матушка родная!»

III

1. На горе то лен, лен,
и т. д., как выше — 2, 3 и 4

5. Али те, молодка,
Аль те, молодая,
Лада дюжа любит?
и т. д., как 6 и 7
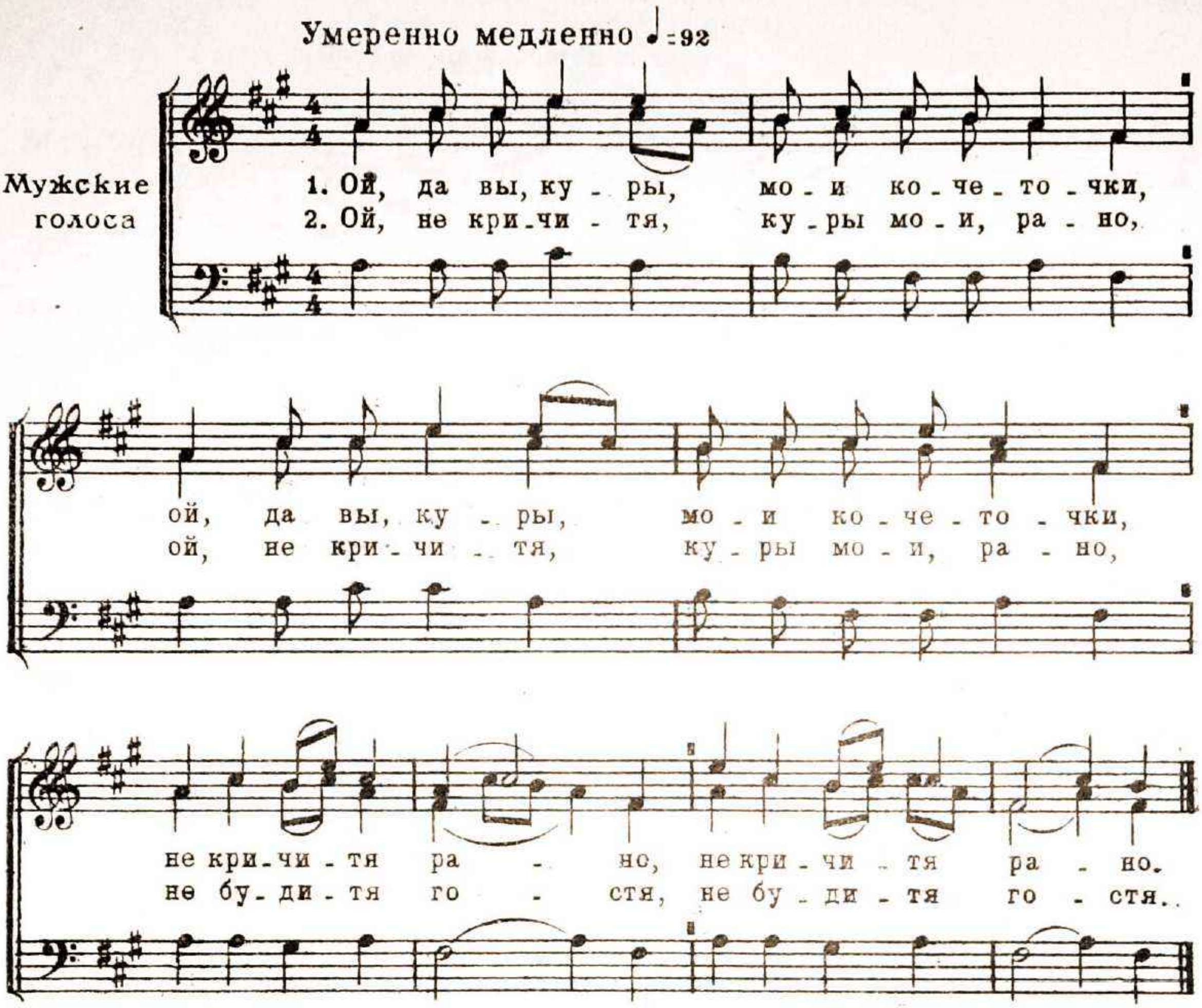
8. «У мене ли лада,
Што змей подколоднай:

9. Сипит, не укусит,
К себе не припустит!»

Станица Преображенская, 190

109. ОЙ, ДА ВЫ, КУРЫ, МОИ КОЧЕТОЧКИ

Мой батюшка-гость дорогой

1. Ой, да вы, куры, мои кочеточки, [1]
   Не кричитя рано,
2. Ой, не кричитя, куры мои, рано,
   Не будитя гостя,
3. Ой, мово гостя, гостя дорогого,
   Батюшку родного!
4. Ой, да ня долго гость погостюет,
   Одну ночь ночует,
5. Одну ночушку да ночует,
   Всяю протоскует.
6. Под окошко спать да ложится,
   Окно отворяет,
7. Окошечку, ай, отворяет,
   Он свету жалает:
8. «Чтой-то, чтой-то свету нету,
   Знать, яво ня будет!»
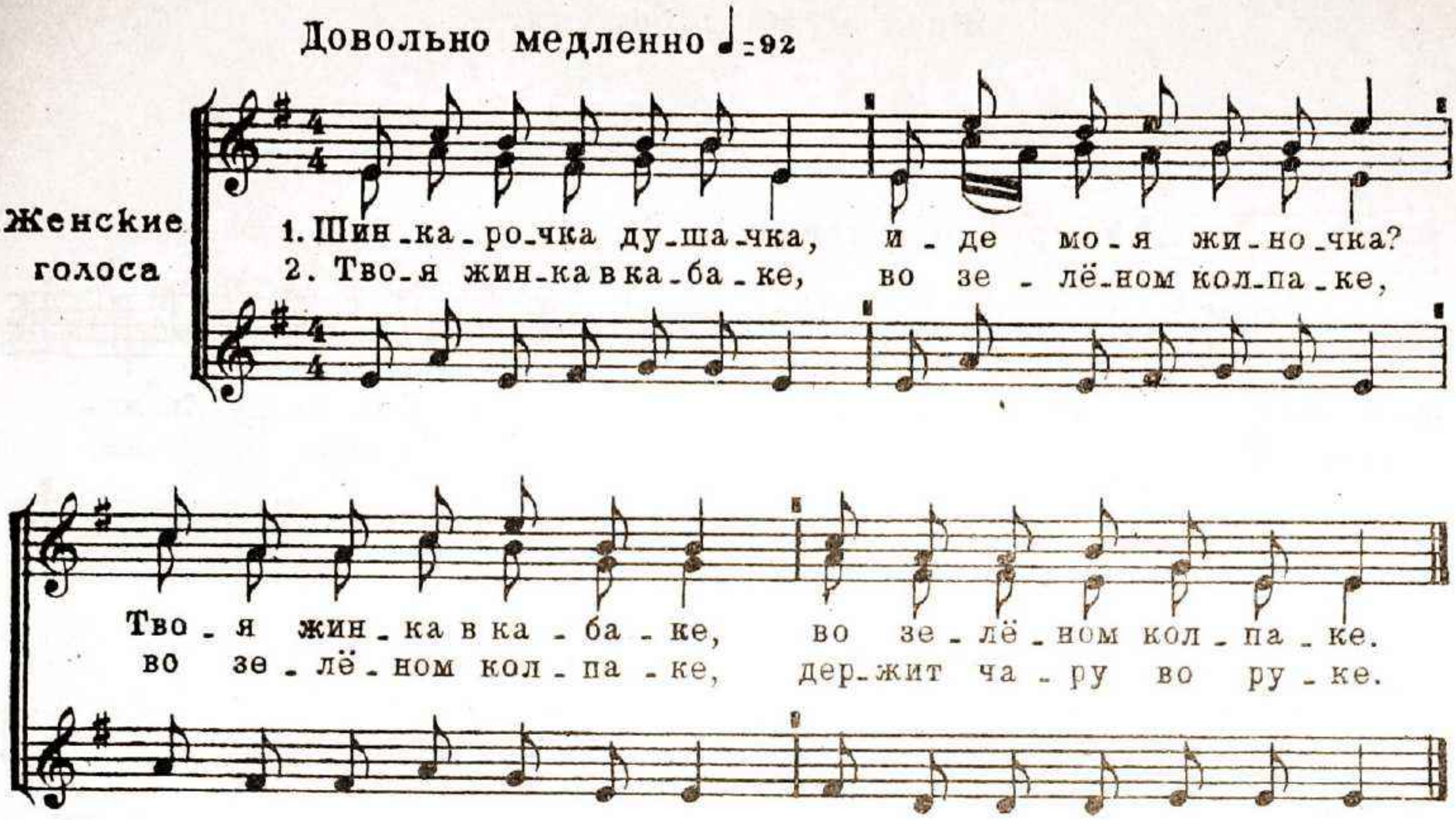
Станица Березовская, 1903.

---

[1] Каждый стих повторяется.

110. ШИНКАРОЧКА ДУШЕЧКА

Разгульная жо̀нушка

1. «Шинкарочка душечка,
Иде моя жёнушка?»
2. — «Твоя жинка в кабаке,
Во зелёном колпаке, [1]
3. Во зелёном колпаке,
Держит чару во руке,
4. Одну чару выпивает,
А другуя наливает,
5. А другуя наливает,
В окошечка поглядает,—
6. Да нейдёт ли там кто,
Не несёт ли чаво?»
7. Идёт мой мужичашка
В сером зипуничашке.
8. Вон несёт, несёт дубинку
Суковатаю,
9. На мою ли тела бела,
Будто маловатаю.
10. «Ты за что жа, за что бьёшь,
За что ты тира́нишь?
11. Аль я тебе не жана,
В доме не хозяйка?
12. Три дни хату не топила,—
В горнушачке жар, жар.
13. А я мужа не родила,—
С чаво яво жаль, жаль?
14. Хуть ба умер, хуть бы сдох,
Я свечу поставлю,
15. Свечу, свечу жировуя,
Сямипудовуя.
16. Да мне нечего тужить,—
Муж на лавочке ляжить,
17. Я тада потужу,
Када в гроб положу,
18. Када в гроб положу,
Во могилку опушшу,
19. Во могилку опушшу,
Зямлицай присыплю,
20. Я зямлицу притопчу,
Над могилкой запляшу.
21. Над могилкой прядь-прядь,
На милого глядь-глядь,—
22. Не стоит ли мой милой
Сы казачею жаной?
23. Милай трубочку курйт,
К себе бабочку манйт
24. Мил цыгарочку жгёт,
К себе девочку ждёт!»
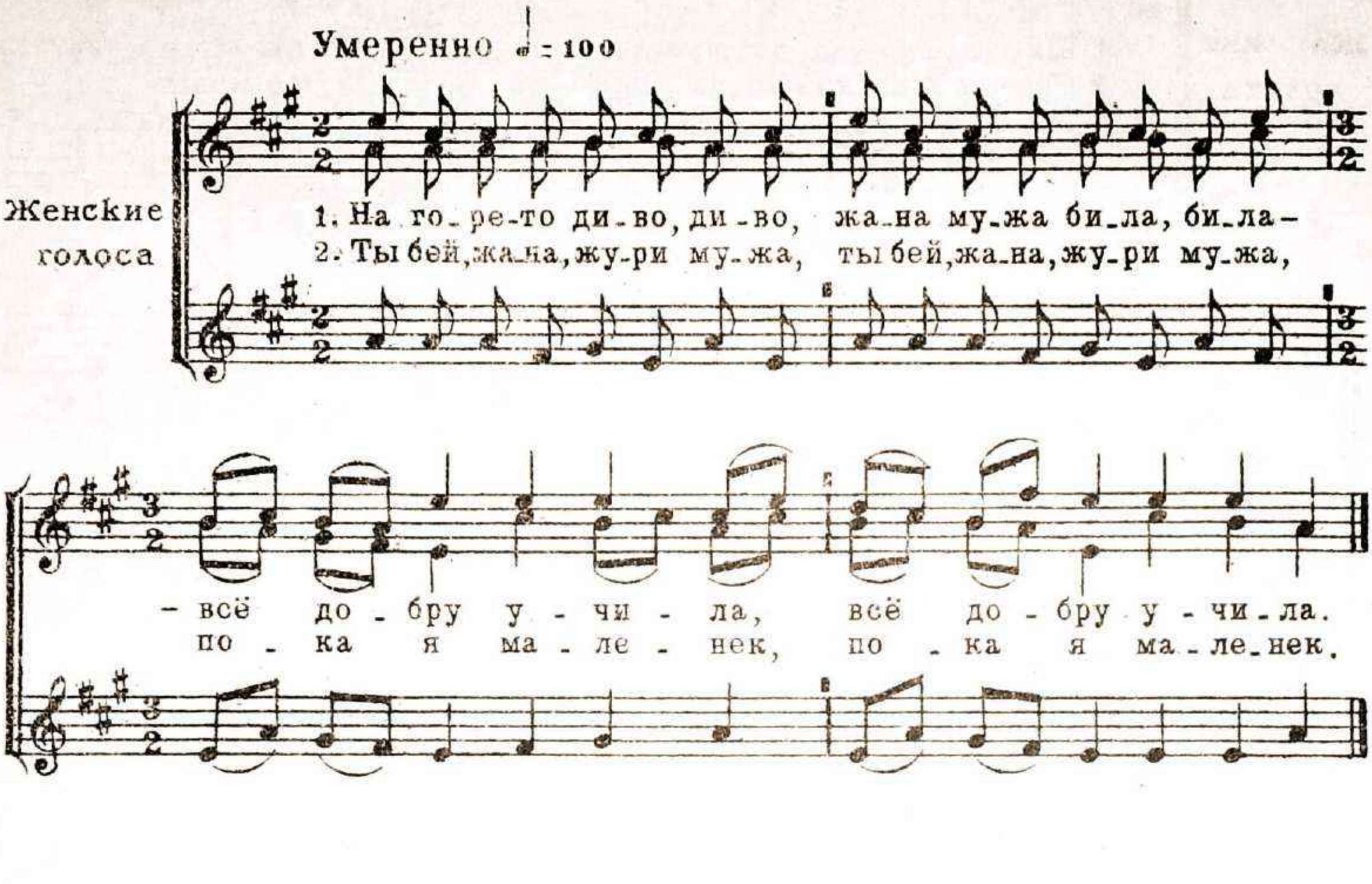
Станица Кепинская, 1903

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

111. НА ГОРЕ-ТО ДИВО, ДИВО

Жена мужа добру учит

1. На горе-то диво, диво:
Жана мужа била, била,
Всё добру учила. [1]

2. «Ты бей, жана, жури мужа,
Ты бей, жана, жури мужа,
Пока я малѐнек.

3. Я вырасту, не забуду,
Я вырасту, не забуду,
Любить тебе буду!»

Станица Ново-Александровская, 1903

---

[1] Третий стих в строфе повторяется.

112. УЖ ВЫ, БАБОЧКИ

Я пойду, младец, кы болечке своей

1. Уж вы, бабочки, бабёночки мои,
2. Рассудитя мою горькию пячаль![1]
3. Почаму жа мне бабёночку так жаль,
4. Почаму моя сердечушка болит!
5. Я не знаю, сы какой поры пойтить:
6. Рано с вечеру—семеюшка ня спит,
7. Сы полуночи — жалею разбудить,
8. Я пойду, младец, на белой на заре,
9. Разбужу, младец, на утренней поре.
10. Стану, стану я во гуслицы играть,
11. Стану, стану приговаривати,
12. Свою болечку расхваливати.
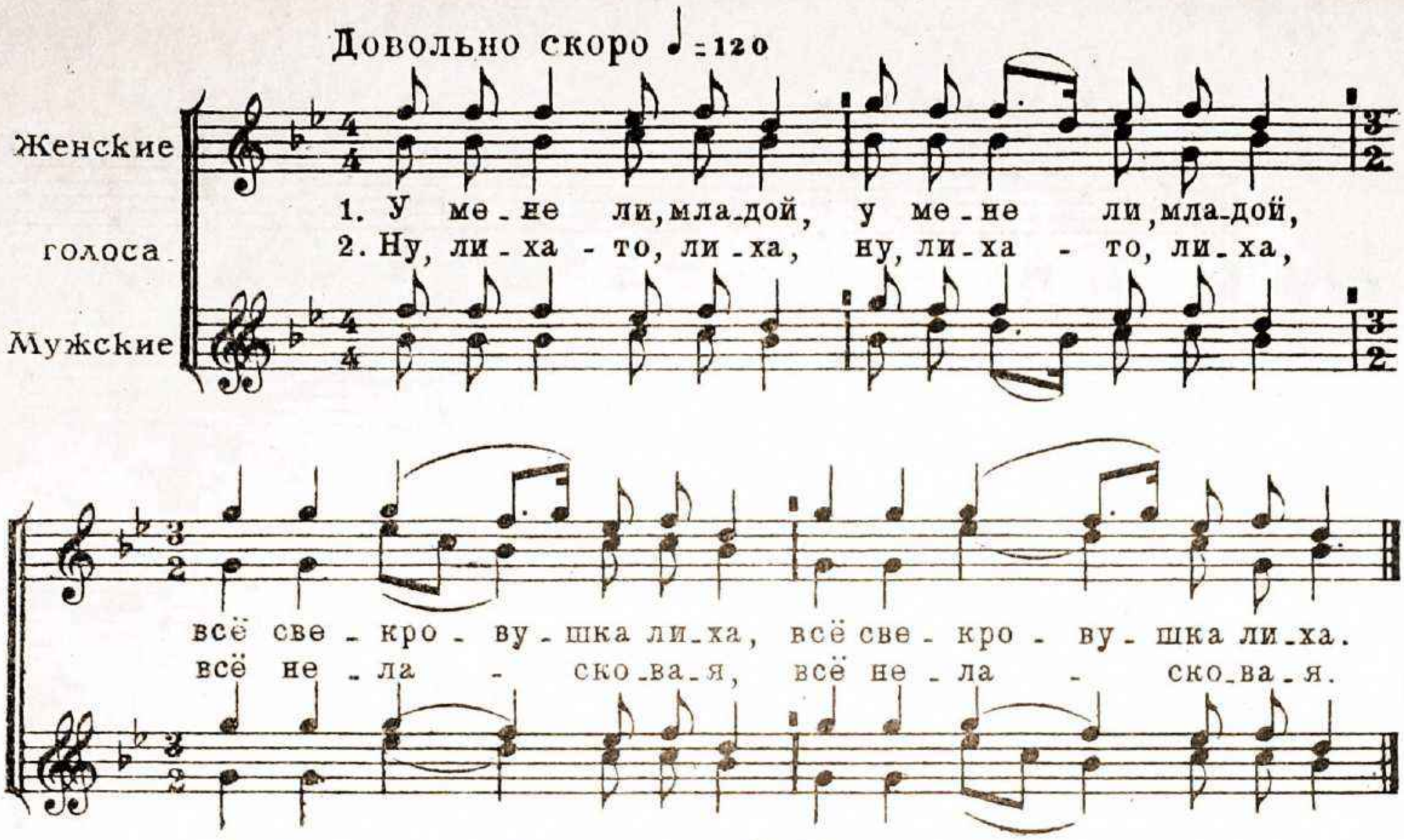
Станица Клетская, 1903, 1921.

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

113. У МЕНЯ ЛИ, МЛАДОЙ

Лихà бeда-свекровушка

1. У мене ли, младой,
   Всё свякровушка лиха, [1]
2. Ну, лиха-то, лиха,
   Всё ня ласковая,
3. Расканалья была,
   Неприветливая.
4. Посылала мене
   И туда, и суда,
5. И туда, и суда,
   Всё неведомо куда.
6. Я пошла ли, млада,
   Призамешкалася,
7. Зелена-то вина
   Я обкушалася.
8. Проти миленького
   Я на стуле сидела.
9. Нежанатому я
   Стакан мёду налила,
10. А жанатенькому
    Всё зелёного вина.
11. Нежанатай холостой
    Все учтиво [2] принимал,
12. При людях-то мене
    Всё сястрицай называл,
13. Апосля ли того
    Назвал душачкою:
14. «Уж ты, душачка,
    Ты, Катюшачка!
15. Мне побычилася
    Всё походушка твоя,
16. Мне походушка
    Мелкочастенькая,
17. Поговорушка твоя,
    Слова ласковые!» [3]

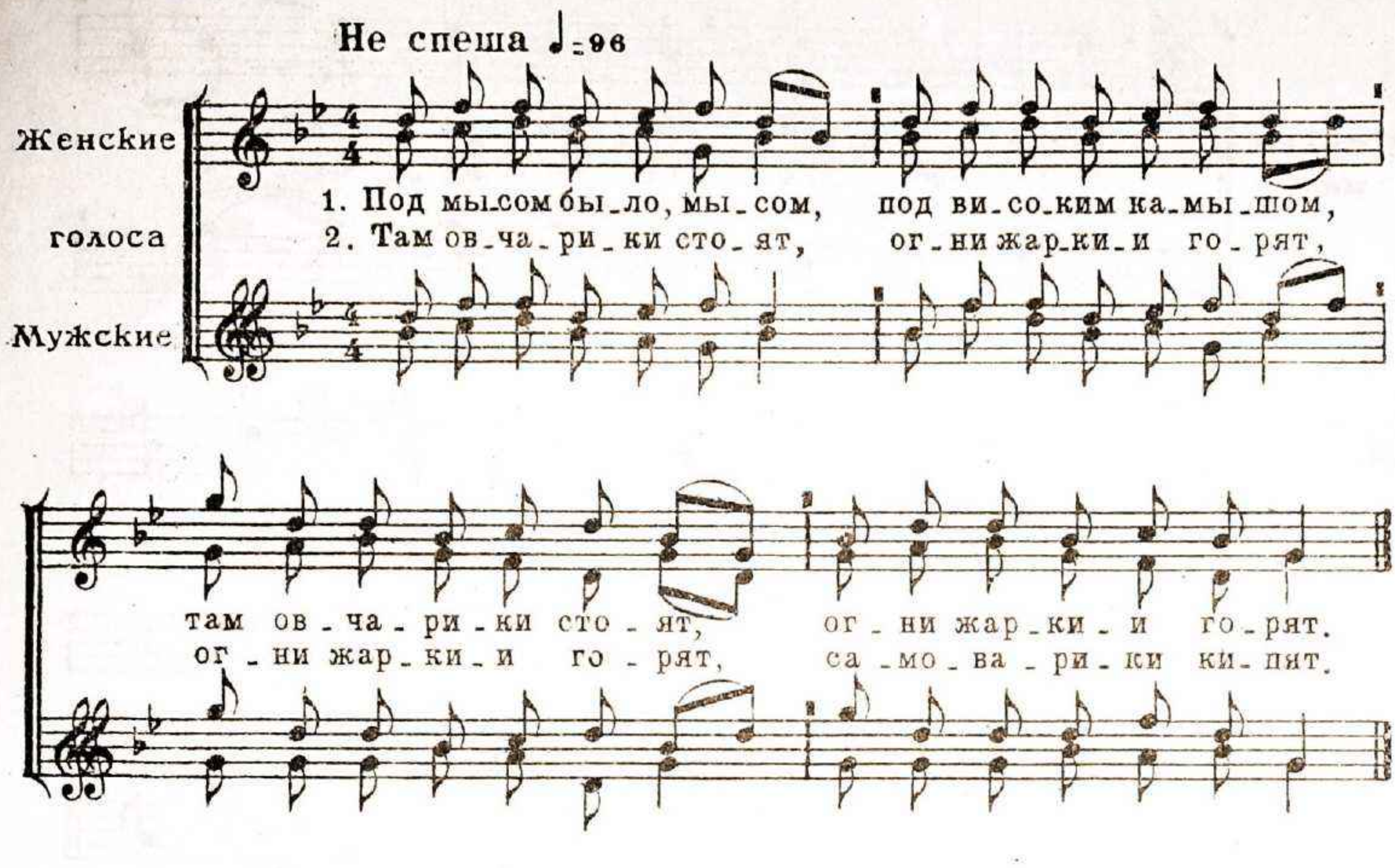
Станица Трех-Островянская, 1903.

---

[1] Каждый стих повторяется.
[2] Вар. «умильно».
[3] «Дуна-най, Дуна-най,
Ну, уся што ль!»—добавила говорком одна из песенниц.

114. ПОД МЫСÒМ БЫЛО, МЫСОМ

Любил, любил,–измываться стал

1. Под мысòм было, мысòм,
   Под високим камышом,
2. Там овчарики стоят,
   Огни жаркие горят, [1]
3. Огни жаркие горят,
   Самоварики кипят,
4. Самоварики кипят,
   Чайны чашачки гремят,
5. Чайны чашачки гремят,
   Сарафан [2] Дунин делят:
6. Кому пол, кому стан,
   Кому весь сарафан.
7. Доставалси сарафан
   Захарушке на кафтан.
8. Захар Дунюшку любил,
   При себе её учил.
9. Растакой-сякой Захар
   Измуваться мною стал.
10. «Измуваисси мной,
    Всё дявичей красотой,
11. Всё дявичей красотой,
    Моей русою косой.
12. Моя русая коса (да),
    Всей станицы красота,
13. Всей станицы красота,
    Всем ребятам сухота!»

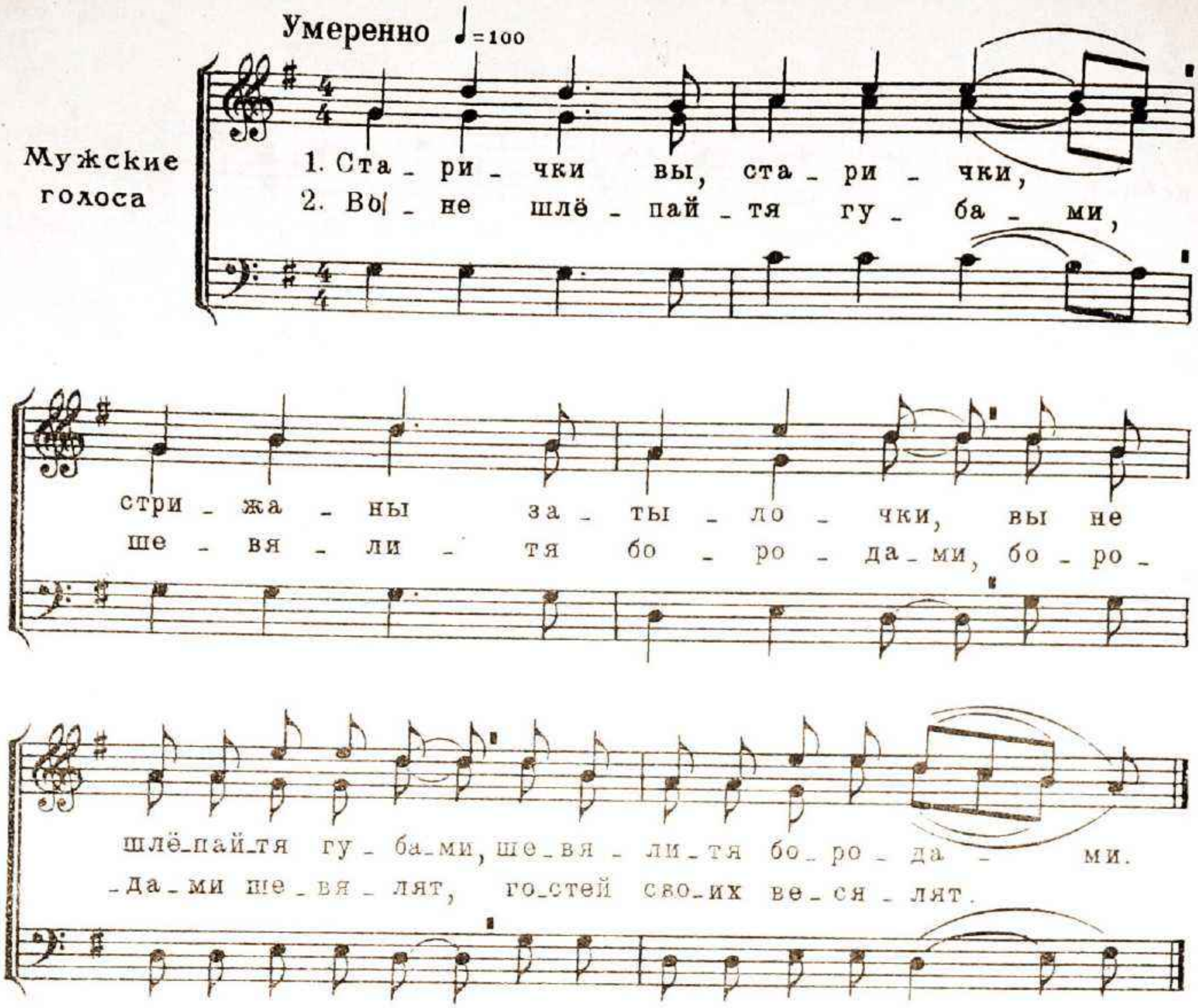
Станица Трех-Островянская, 1903.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] Слышалось «сарахван».

115. СТАРИЧКИ ВЫ, СТАРИЧКИ

Шла девчонка за водой

1. Старички вы, старички,
   Стрижаны затылочки,

2. Вы ня шлёпайтя губами,
   Шевялитя бородами. [1]

3. Бородами шевялят,
   Гостей [2] своих веселят.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] Вар. «Господ».

4. Из-за лесу, из-за гор
Выходила туча-гром,

5. Выходила туча-гром,
Она с сильнам сы дожжо̀м.

6. Вот сы этого дожжа
Стала й-улица грязна̀.

7. Как по й-улицы грязно̀й .
Шла девчонка за водой.

8. Ишла она за водой,
За холодной ключавой.

9. За ней парень удалой
Кричит девице: «Постой!

10. Пойдём вместе за водой,—
Веселей итить с тобой!»

11. «Ой, ты, парень, паренёк,
Глупай в тебе разумок!

12. Не кричи на весь народ,—
Мой батенькя у ворот,[1]

13. Зовёт мене в огород,
Чесноку, луку полоть,

14. Маку сеяного,
Луку зѐленого.

15. Возьму в праву руку луку,
А в леваю чеснoку».

Станица Голубинская, 1905.

[1] По варианту соседней станицы Пятиизбянской — продолжение и окончание:
У кого нету капустки,
Вали ко мне во горо́д!

116. УЖ ТЫ, САД-ВИНОГРАД

Взял бы девчоночку я замуж за себя

Скоро ♩ - 152

Женские голоса

1. Уж ты, сад, ты мой сад, сад зе_лё_най
3. По_ли_ва - ла те_бя, над_ры_ва_

Мужские

ви_но_град, я са_ди_ла те_бя, по_ли_ва_ла те_бя.
_ла се_бя, у_ро_дил_си мой сад на мо_ю го_ря-бе_ду.

2. Я са_ди - ла те_бя, по_ли_ва_
4. У_ро_дил - си мой сад на мо_ю го_

_ла те_бя, по_ли_ва_ла те_бя, над_ры_ва_ла се_бя.
_ря - бе_ду, на мо_ю на бе_ду, на пе_чаль-су_хо_ту.

1. Уж ты, сад, ты, мой сад,
Сад зеленай — виноград!
2. Я садила тебя,
Поливала тебя, [1]
3. Поливала тебя,
Надрывала себя.
4. Уродилси мой сад
На мою горя-бяду,
5. На мою горя-бяду
На печаль-сухоту.
6. Как во садику терём,—
Побывал ба я в нём,
7. Побывал бы я в нём,
Погулял бы по нём.
8. Как во тереме карватушка
Тясовинькия,
9. Тясовинькия
Еще новинькия.
10. На карватушке пярнинушка
Пуховинькия,
11. Пуховинькия,
Гарусовинькия.
12. На пярнинушке девчёночка
Молодинькия,
13. Молодинькия,
Всё хорошинькия,
14. Хороша, пригожа,
Раскудрява голова.
15. Как узял бы девчёночку
Я замуж за себе,
16. Взял бы замуж за себе,
Разукрасил для себе:
17. Я бы справил девчёночке
Червончатай корабь,
18. Червончатай корабь
Пустил по морю гулять,
19. Нанял бы гребцов —
Удалых молодцов,—
20. Хорошо грябцы грябут,
Славны песенки поют,
21. Один грасть не гребёт,
Славны песни не поёт.
22. Сапог об сапог
Приколачивает,
23. Сам пристукивает,
Приговаривает:
24. «От матушки от Москвы
Полтора рубля даны»
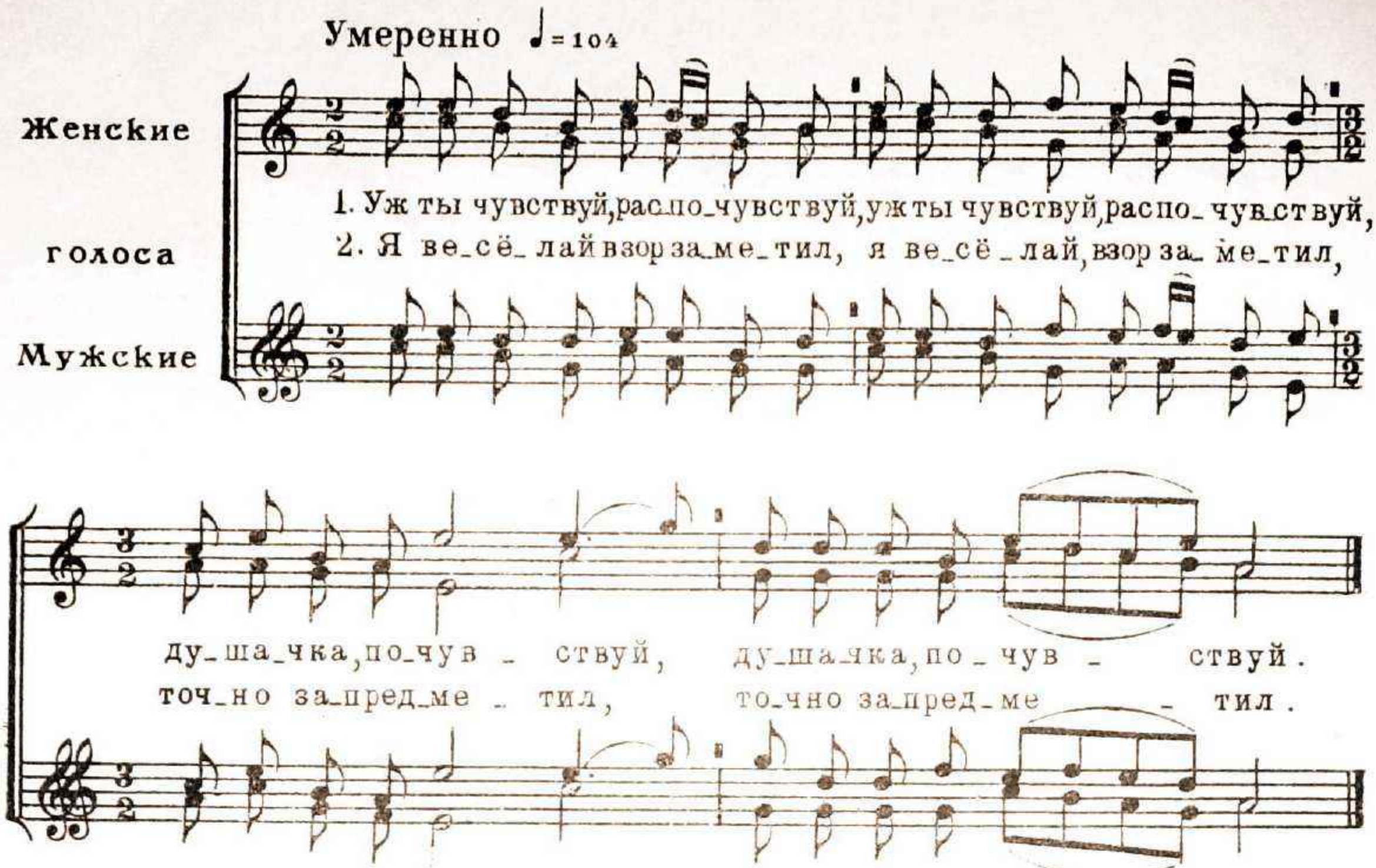
Калач, 1936.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

117. УЖ ТЫ ЧУВСТВУЙ, РАСПОЧУВСТВУЙ

Шельма заблудила

1. Уж ты чувствуй, распочувствуй,
Уж ты чувствуй, распочувствуй,
Душечка, почувствуй! [1]
2. Я весёлай взор заметил,
Я весёлай взор заметил,
Точно запредметил:
3. На фартучке ленточки,
Золотые гребешки.
Они золотые.
4. Золотые, не простые,
Разным шёлком первитые,
Они первитые.
5. На правòй руке колечка,
Веселит мою сердечка,
Серьца [2] рятивòя.
6. Ты божилася, клялась,
Любить до смерти бралась,— [3]
Шельма обманула.
7. Обманула, не пришла,
Во корчёмочку зашла, [4]
Шельма заблудила.
8. Приезжай, милай, скорее,
Мне с тобою веселее,
С тобою веселее.
9. Поживём мы с тобой вместе
По любви, друг, сердечной,
С тобой неразлучно!
10. Разлучила, развела
Чужадальня сторона,
Дальняя сторонка.
11. Чужадальняя сторонка,
Всё варшавская дорожка,— [5]
Шельма-лиходейкя.
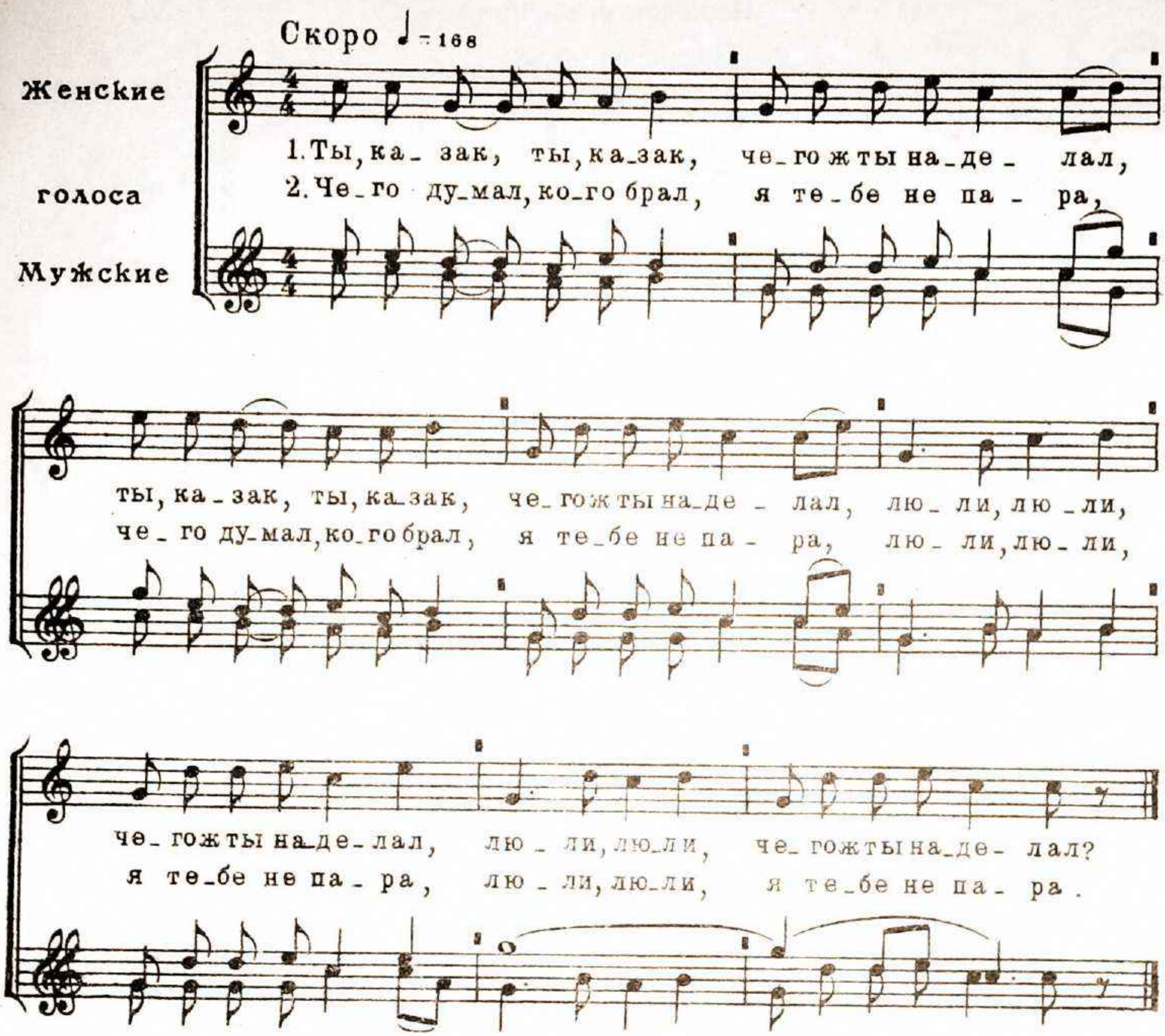
Калач, 1936.

---

[1] Третий стих каждой строфы, кроме последней, повторяется.
[2] «Серьца»—сердце
[3] Вар. «Полюбить дружка бралась».
[4] Вар. «В сяло красная зашла».
[5] Вар. «Питянбурская дорожка». Казаки проходили военную службу одни в Польше, другие (гвардейцы) — в Петербурге.

118. ТЫ, КАЗАК, ТЫ, КАЗАК

Чего думал, кого брал?

1. Ты, казак, ты, казак,
Чего ж ты наделал,

Припев:

Люли, люли,
Чего ж ты наделал! [1]

2. Чего думал, кого брал,—
Я тебе не пара,

3. Я тебе не пара,
Я тебе не ровня,—

[1] Припев к каждому двустишию по данному образцу.

4. Не умею жати,
Не вмею вязати,

5. Сделай, милай, холодок,—
Я буду лежати.

6. Холодок короток,
Ножоночки видно,

7. Ножоночки видно,
Девчоночке стыдно.

8. Я поеду, я пойду
Во ярманку,

9. Во ярманку,
Во Борисовку.

10. Куплю рака, куплю рака
Да махоточку,

11. Сварю рака, сварю рака
На крутом беряжку.

12. Сладкай рак, сладкай рак,
Сладка юшачка яво.

13. А я рака продала,
Погонуша наняла:
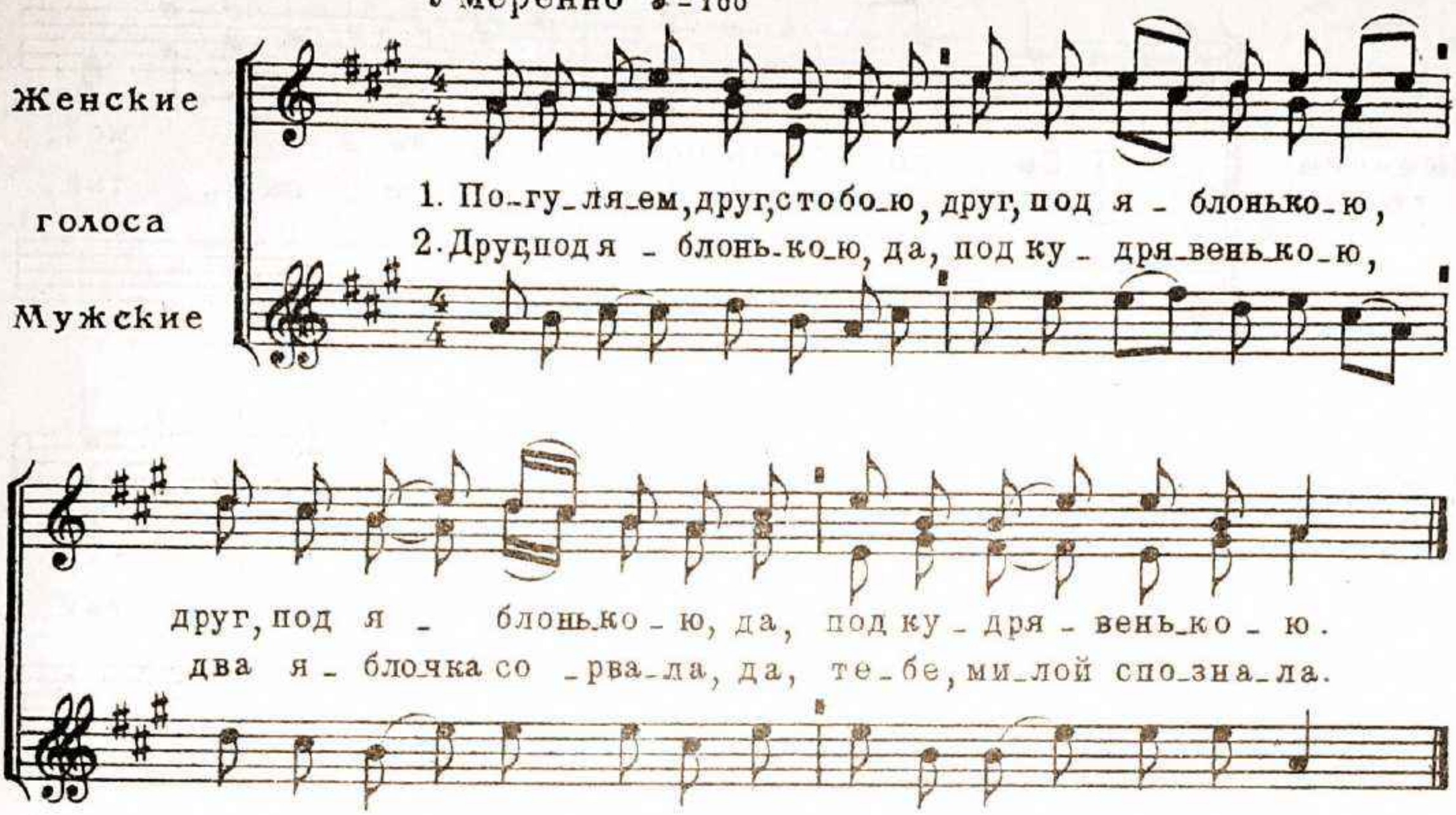
14. «Ты, погонуш мой милой,
Погоняй быков домой.

15. Пригони быков домой,
Положу тебе с собой!»

Калач, 1936

119. ПОГУЛЯЕМ, ДРУГ, С ТОБОЮ

Полюбила молодого, уму-разуму глупова

1. Погуляем, друг, с тобою,
   Друг, под яблонкою,
2. Друг, под яблонкою (да),
   Под кудрявенькою.[1]
3. Два яблочка сорвала,
   Тебе, милай, спознала̀,
4. Два сахòрных раскусила,
   Тебе, милай, полюбила.
5. Полюбить было такого,
   Молодчика молодого,
6. Молодчика молодого,
   Уму-разуму глупого.
7. Он сямнадцати лет—
   Ровно розовай свет!
8. Он по улицы прошёл,
   Ровно сонца пролетел,
9. Ровно сонца пролетел,
   В окошачку проглядел.
10. В окошачке есть приметка—
    Винограду висит ветка.
11. Виноград мой спелай, зрелай,
    Чернобровай парень белай,
12. Чернобровай парень белай,
    Без ума девочку сделал,
13. Без ума девочку сделал,
    Он без разума оставил,
14. Он без разума оставил,
    Танцовать её заставил.
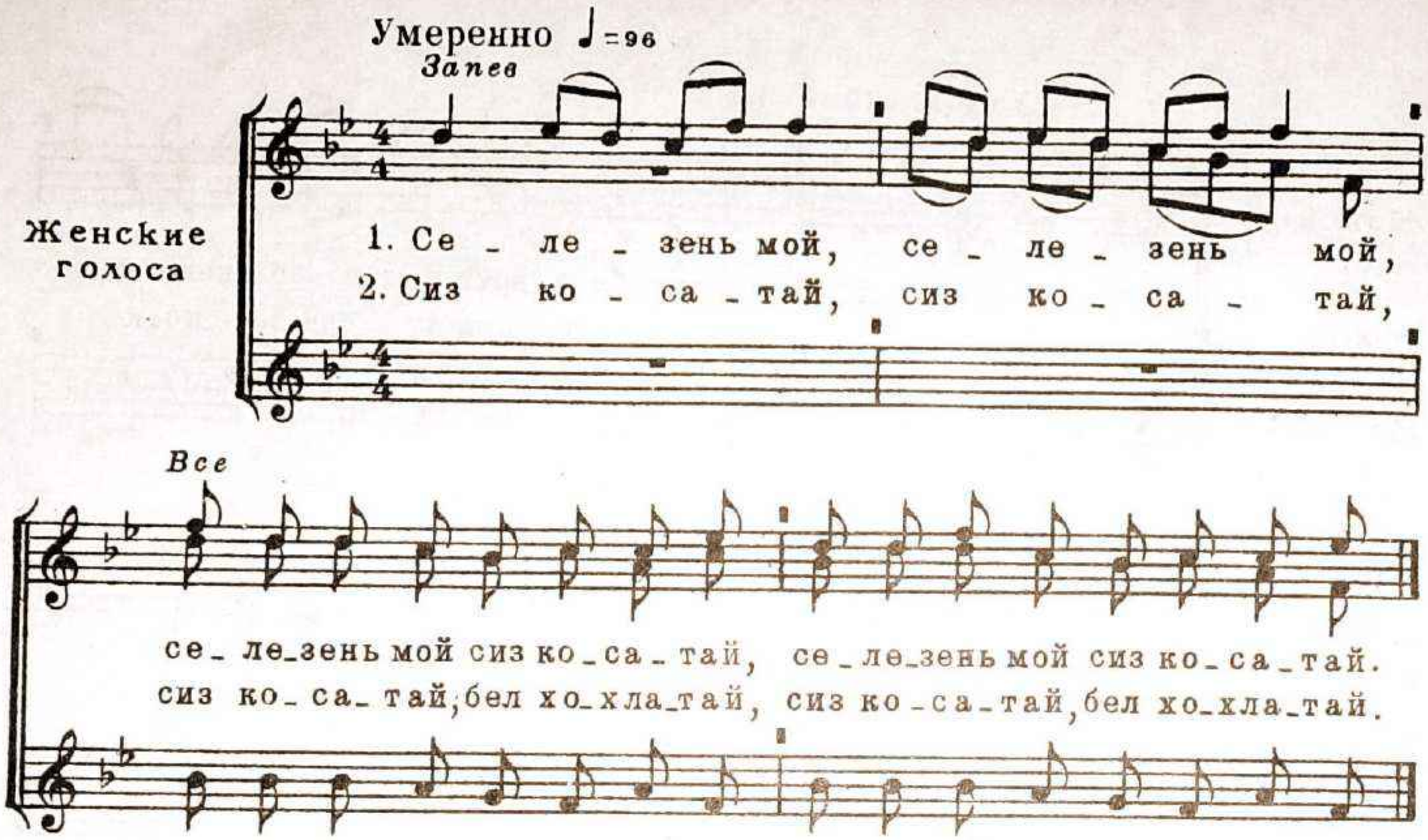
Калач, 1936.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

120. СЕЛЕЗЕНЬ МОЙ, СЕЛЕЗЕНЬ

Три загадки девки семилетки

1. Селезень мой,[1]
   Селезень мой сиз-косатай,
2. Сиз-косатай,
   Сиз-косатай, бел-хохлатай!
3. Поплывём мы,
   Поплывём мы по Дунаю.
4. Там девочки,
   Там девочки три гуляют,
5. Там гуляют,
   Там гуляют, шшиголяют.[2]
6. Одна девка,
   Одна девка рвёт святочки,[3]
7. А другая,
   А другая вьёт вяночки.
8. Одна девка,
   Одна девка-сямилетка
9. Загадала,
   Загадала три загадки:
10. «Ой, что растет,
    Ой, что растет без кореня?
11. Ой, что светёт,
    Ой, что светёт без рассвету? [4]
12. Ой, что шумит,
    Ой, что шумит без буй-ветру?»
13. Камень растёт,
    Камень растёт без кореня.
14. Сосна светёт,
    Сосна светёт без рассвету.
15. Моря шумит,
    Моря шумит без буй-ветру.

Калач, 1936.

---

[1] Каждый стих повторяется.
[2] «Шшиголяют» — щеголяют.
[3] «Святочки» — цветочки.
[4] «Светёт без рассвету» — цветет без расцвету.

121. ДА У КЛЮЧИКА, У ТЕКУЧЕВА

Сидел голубь сы голубкою

1. Да у ключика у тякучего,
У колодезя у холодного [1]
Там сидел голубь сы голубкою,
Высоко сидел, далеко глядел:

5. «Ой, я вижу, вижу бел шатёр во поле,
Во том во шатре да молода вдова,
Всё кругом ходила, с ветром говорила:
«Ой ты, ветер, ветер, буён вихорёчек!
Оббил ты росу да с тёмного лясу́.

10. Сбей жа ты с мене худые слова,
Худые слова да худу славушку,
Худу славушку, ай, всё жаланную,
Всё жаланную да дюжа давнюю,—
Как любилися да любовалися,

15. Целовалися да миловалися,

16. Сы милым дружком да расставалися!»[2]

Станица Обливская, 1905.
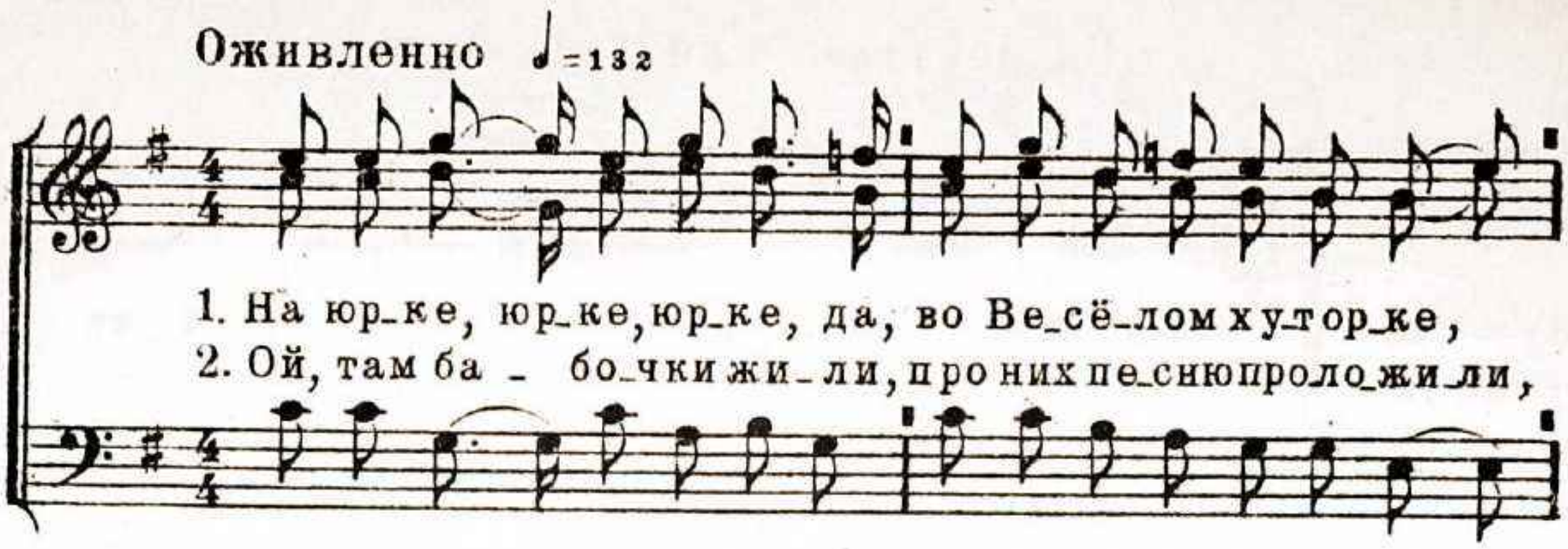
---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

[2] Исполнялась песня эта в гульбах-кампаниях и на «беседах». Как гулебная, она шла в скором темпе, без запевов и вез свода, в беседах же пели ее в умеренном темпе с запевами и с ферматой на последней полуноте.

122. НА ЮРКЀ, ЮРКЀ, ЮРКЀ

Быль „На юрке“ о Весёлом хуторке

1. На юркѐ, юркѐ, юркѐ
Во Весёлом хуторке,[1]

Припев:

Ой, дамы, шельмы-дамы!
Во Весёлом хуторке;[2]

2. Ой, там бабочки жили,
Про них песню проложили.
3. Эта песенка не ложна,
Играть её всегда можно,
4. Хуть вѐчером-вечеркòм,
Хуть зарёю холодком.
5. Тимохвей Полю любил,
С вечерȕ поздно ходил,
6. С вечерȕ поздно ходил,
На крылечка выводил,
7. На крылечка выводил,
Поле речи говорил:
8. «Уж ты, Полинка милàя,
Рыжаброваяя дурная!»
9. —«Не печальси, друг Матюша,
Об моей об красоте.
10. Как моя-то красота
Всем ребятам сухота!

---

[1] Веселый хутор — в 5 километрах от Верхне-Курмоярской станицы.
[2] Припев после каждого двустишия по этому образцу.

11. Сапухой [1] брови намажу,
Чернобровых переважу!» [2]
12. За горами дож идёт,
Сапуха из бровь текёт.
13. Я платочек вынимала,
Сапуху из бровь стирала.
14. Стала юбку надевать
Да по милому вздыхать,
15. За монисточку берётся,
У ней сердца дюжа бьётся.
16. За платочек как взялась,
Вся румянцам залилась.
17. Уберётся, снарядится,—
Весь народ ей удивится.
18. Вдоль по й-улицы идёт,
Грудю козырем несёт,
19. Грудю козырем несёт,—
Казака горя берёт.
20. Казака горя берёт,—
Хорошо баба идёт!
21. Пошла она по й-улицы,
Дошла она к подружицы.
22. Всяю ночь они не спали,
С русаками прогуляли.
23. «Пущай люди говорять,
Люблю с русскими гулять.
24. Где учую русский дух,
Это миленький мой друг!»
25. У любейной у подружки
Отрезали хвост в тялушки;
26. Не боялись казаков,
Отрезали у быков,
27. Срисовали ту картину,
Попсовали [3] всю скотину.
28. Наш хутор, как Ростов,—
Усе кони без хвостов.
29. Посялковай атаман
Эта дела опознал,
30. Эта дела опознал,
Он за Хвенею послал.
31. Хвеня к обчеству подходит,
Говорит, чего находит:
32. «Здравствуй, наша обчество̀,
Мене требовать на что?»
33. —«Мы не требовали дам,
Тебе требал атаман!»
34. «Распроклятай атаман,
Завсягда ты у нас хам!
35. Остярвились, как волкй,
Чуть ня бьют они замки».
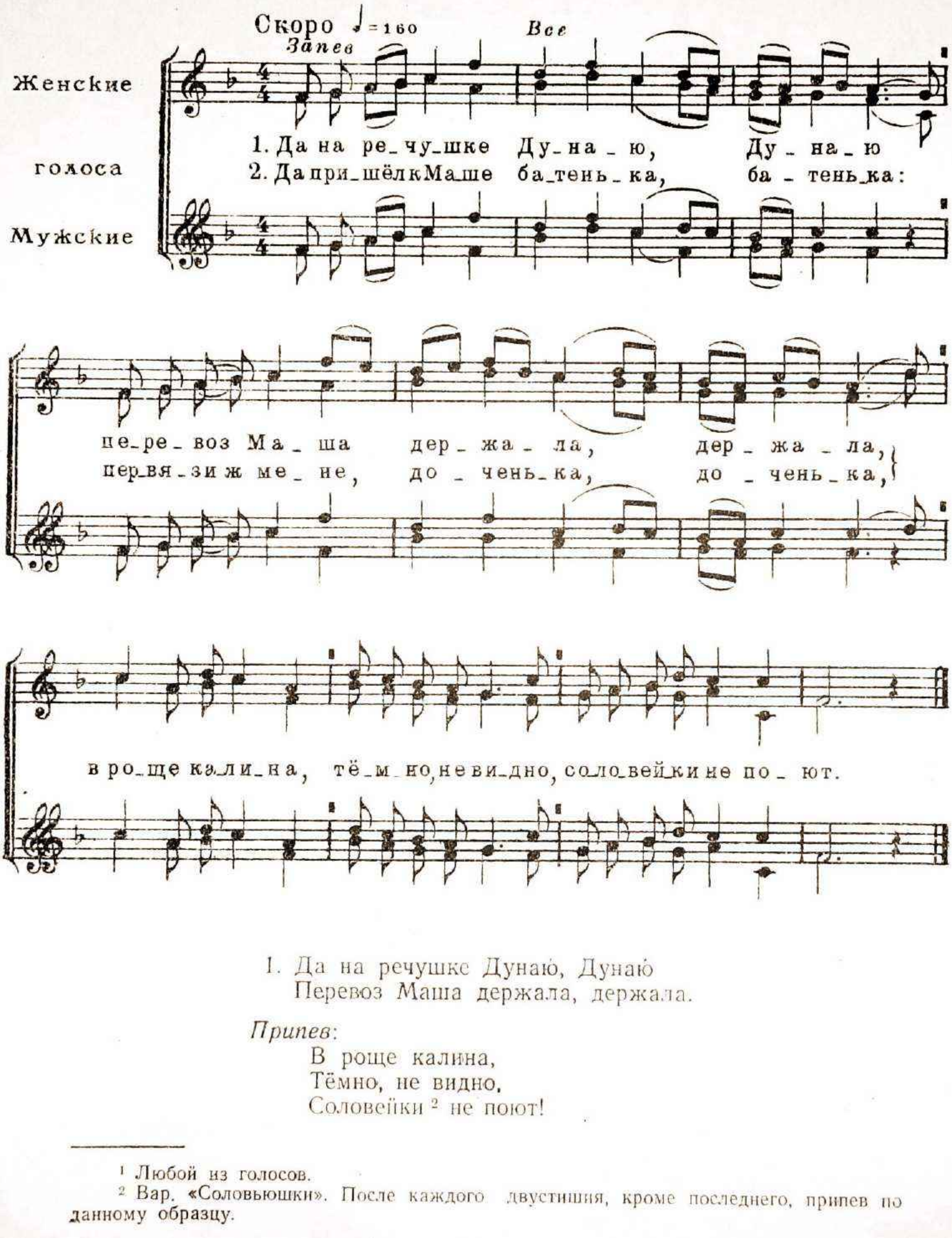
Станица Верхне-Курмоярская, 1902.

---

[1] «Сапуха» — сажа.
[2] «Переважу» — перевешу (на весах), превзойду.
[3] «Попсовали» — испортили.

123. ДА НА РЕЧУШКЕ ДУНАЮ

Перевоз Маша держала

1. Да на речушке Дунаю, Дунаю
Перевоз Маша держала, держала.

Припев:

В роще калина,
Тёмно, не видно,
Соловейки [2] не поют!

---

[1] Любой из голосов.

[2] Вар. «Соловьюшки». После каждого двустишия, кроме последнего, припев по данному образцу.

2. Да пришёл к Маше батенька, батенька:[1]
«Первязи ж мене, доченька, доченька!»

3. Да она ж его не взнала, не взнала,
Перевошшичков неймала, неймала.[2]

4. Да пришла к Маше маменька, маменька:
«Первязи ж мене, доченька, доченька!»

5. Да она ж её не взнала, не взнала,
Перевошшичков неймала, неймала.

6. Да пришёл к Маше Ванюшка, Ванюшка:
«Первязи ж мене, Машечка-душечка!»

7. Да она ж его й-узнала, й-узнала,
Перевошшичков неймала, неймала.

Припев:
В роще калина,
Светло и видно,
Соловейки там поют!
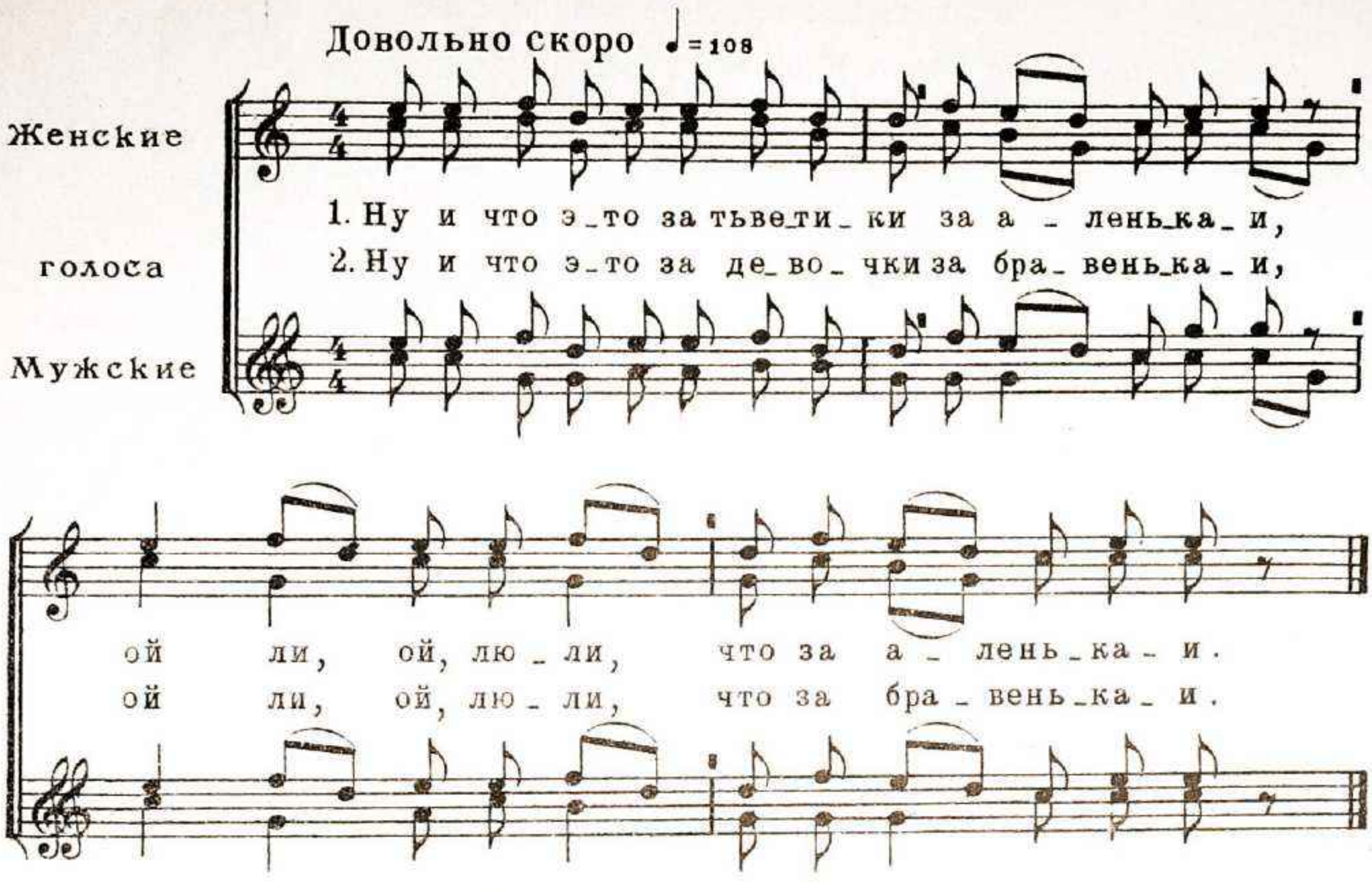
Станица Нижне-Курмоярская, 1902.

---

[1] Вар. «Батюшка».
[2] «Неймала» — не наймала.

124. НУ, И ЧТО ЭТО ЗА ЦВЕТИКИ

Бравенькие девочки и пастушок

1. Ну, и что это за тьветики
   За аленькие,

Припев:
   Ой ли, ой люли,
   Что за аленькие.[1]

2. Ну, и что это за девочки
   За бравенькие!
3. Выходили, выбегали
   На лужочек погулять,
4. На лужочек погулять,
   В карагоде поплясать.
5. Я иду, иду, иду,
   Пастушка с собой веду.
6. Стал в рожок пастух играть,
   Стал овечек созывать,
7. Стал овечек созывать,
   В лужок девок выкликать.
8. Вышли девки на лужок,
   Становилися в кружок.
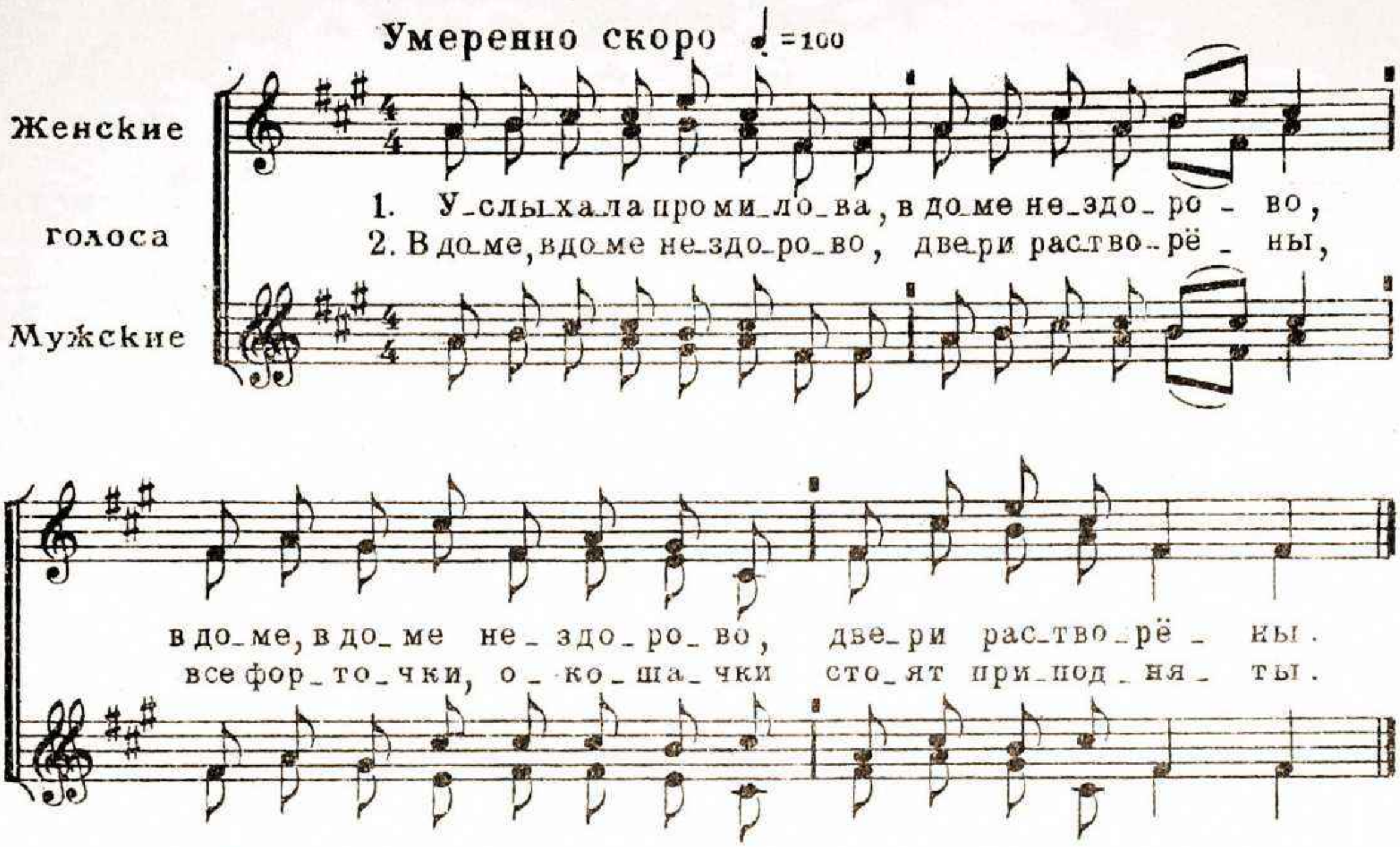
Станица Нижне-Курмоярская, 1902, 1904.

---

[1] Припев по данному образцу после каждого двустишия.

125. УСЛЫХАЛА ПРО МИЛÒВА

Нельзя жёнушку побити, нельзя побранити

1. Услыхала про милòго,—
   В доме нездорòво,

2. В доме, в доме нездорòво,
   Двери растворёны,[1]

3. Все форточки, окошачки
   Стоят приподня́ты.

4. У крашòнова постава[2]
   Предьметов не стало.

5. Ну, какие предьметушки:
   Жёлты самовары,

6. Жёлты, жёлты самовары,
   Хрустальны стаканы,

7. Все хрустальные стаканы
   С алами светами.

---

[1] Все двустишия, кроме первого и последнего, повторяются.
[2] Вар. «У крашóна у постава».

8. Все светочики алые,
Один всех алее;

9. Все дружочики милые,
Один всех милее,

10. Почаму он всех милее?
Ходит всех смелее.

11. Ходи, Ваня, ходи, Ваня,
Ходи берягися,

12. Ходи, Ваня, берягися,
Гляди,— не зарвися! [1]

13. Ну, хотят тебе поймати
Поповы ребяты.

14. Одну ночушку не спали,
Наскрось продремали,

15. А другуя ночь не спали,
Ванюшу поймали.

16. Повяли Ваню, Ванюшу
Кы сырому дубу.

17. Между дуба, меж берёзы
Речка протекала.

18. Нельзи в речке воду пити,
Нельзи возмутити.

19. Нельзи жёнушку [2] побити,
Нельзи побранити.

20. Побил жану [3] на часочек,
Проплакал денёчек.

21. Я проплакал свои вэчи
За чатыре ночи.

22. «Прости, жана-сударыня, [4]
Теперя ня буду,

23. Я теперича ня буду,
Во век не забуду!»
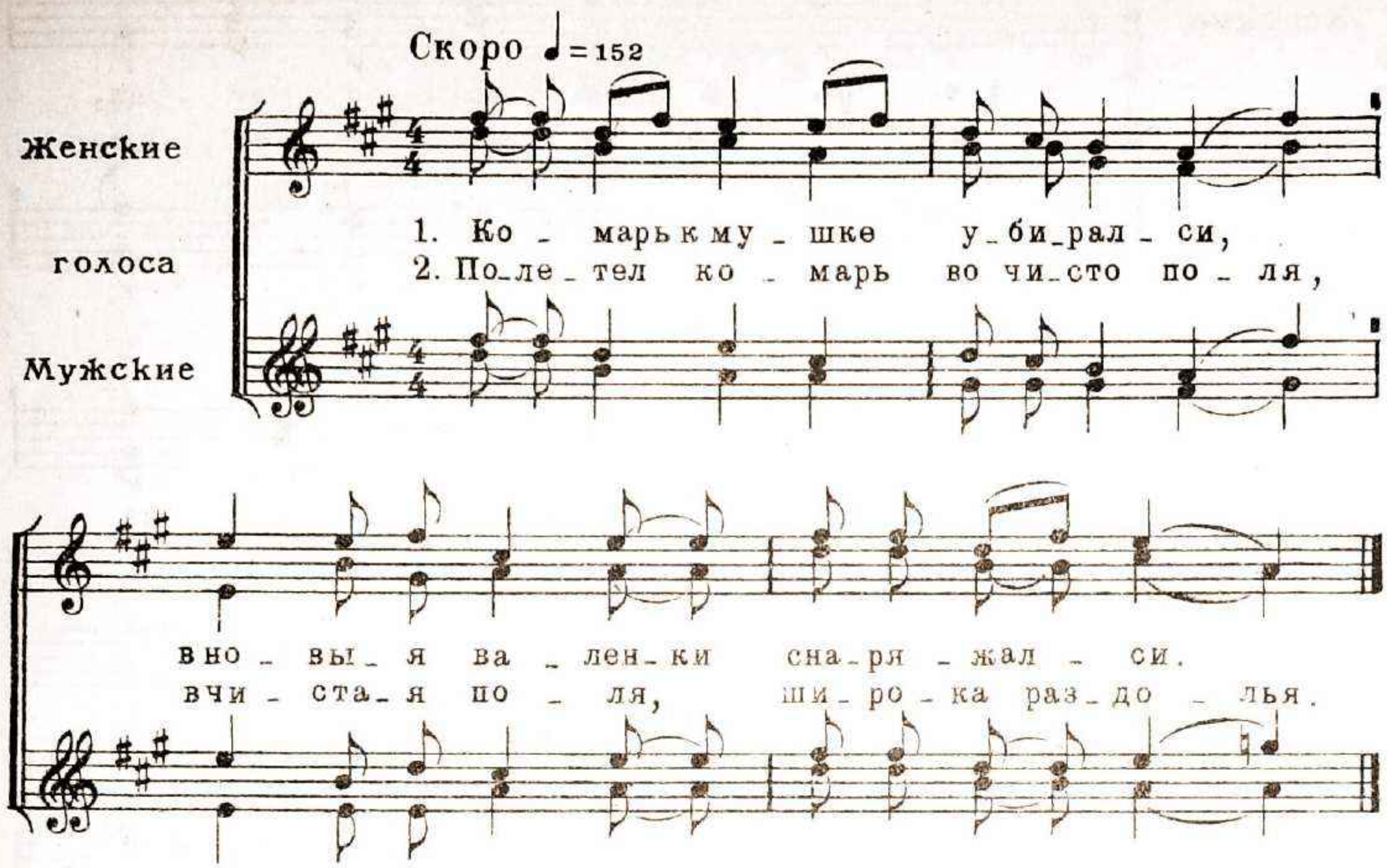
Станица Нижне-Курмоярская, 1902.

---

[1] Слышалось «не сорвися».
[2] Вар. «девочку».
[3] Вар. «девку».
[4] Вар. «моя сударыня».

126. КОМАР К МУШКЕ УБИРАЛСЯ

Старой мушки полюбовник
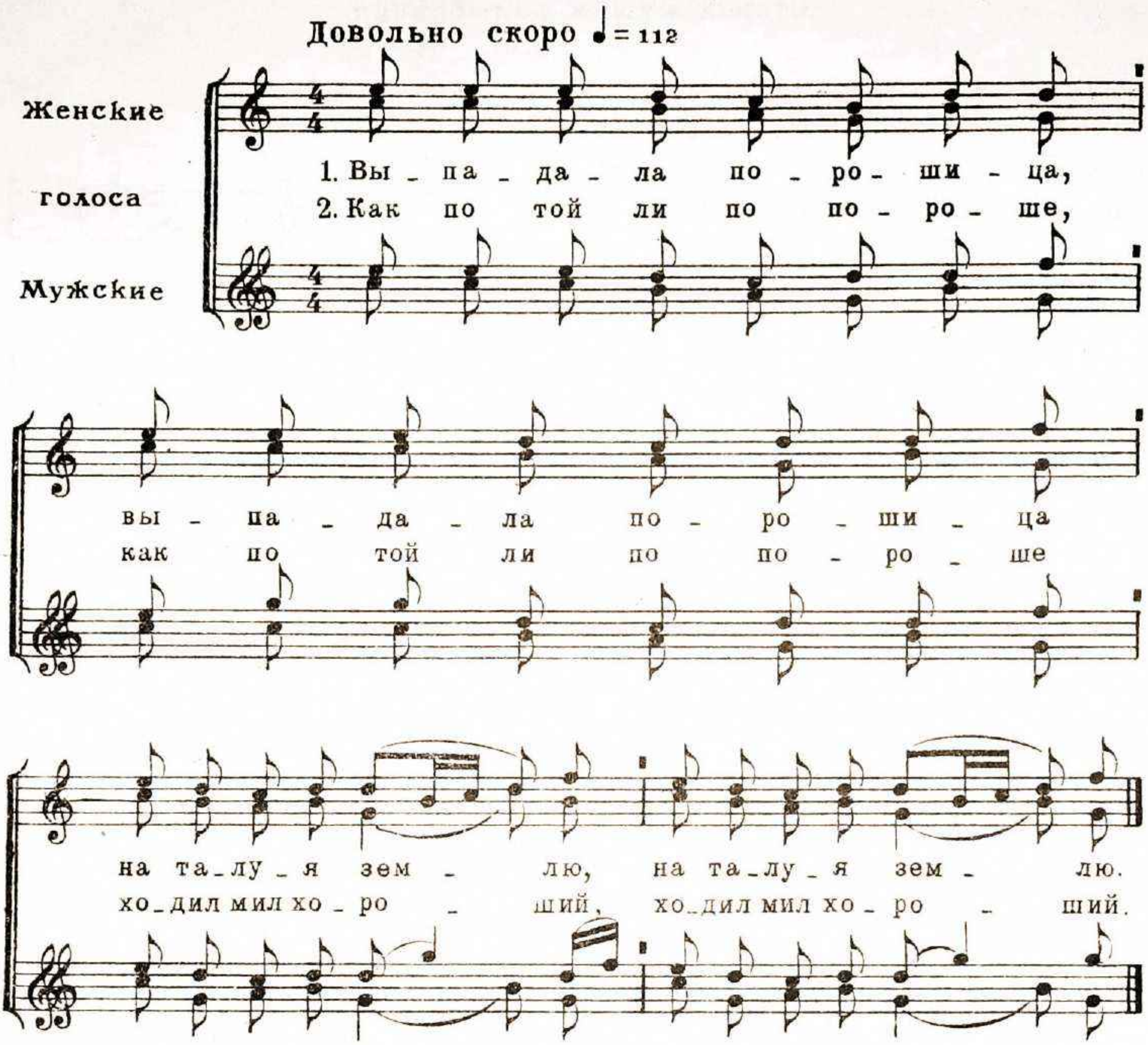

Комарь к мушке й-убиралси,
В новые валенки снаряжалси.
Полетел комарь во чистò поля,
В чи́стая поля, широкà раздолья.
Сел комарёчек на дубочек,
Свесил ножки да в коренёчек,
Положил головку на листочек.
Откель взялси ветерочек,
Раскачал, расшатал он дубочек,—
Вдарился òб землю комарёчек.
Откель взялися да две мушки,
Взяли комарика под бялы ручки,
Повяли комарика обмывати,
Белу рубашечку надявати,
При дороженьки зарывати.
Там ехали стары люди,
Стары люди да красны девки.
Дивилися, дивовалися,
У могилушки становилися:
«Ой, что ж это за покойник?
Чи князь, чи маёр, чи полковник?»
Ни князь, ни маёр, ни полковник,—
Старой мушки полюбовник.
Ехал к мушке, заборилси,—
Упал с коника да разбилси.

Станица Нижне-Курмоярская, 1904.

127. ВЫПАДАЛА ПОРОШИЦА

Коник-вороник почуял походик

1. Выпадала порошица [1]
   На талуя землю.

2. Как по той ли по пороше
   Ходил мил-хороший.

3. Он и ходит злодей, бродит,
   Дороженьку торит.

4. Проторил милай дорожку,
   Не хочет ходити.

---

[1] Каждый стих повторяется.

5. Проложил он худу славу,
Не хочет любити.

6. Комок снегу нажимает,
В окошка [1] бросает,

7. В окошка младец бросает,
Девку выкликает.

8. Девчоночка дожидалась,
В шубку одевалась,

9. На двор она выходила,
Мёду выносила,

10. Стакан мёду выносила
Да-й чести просила:

11. «Ты пей, ты пей, мой любезнай,
Ты пей, не спивайси.

12. Седлай свово добра конòя,
Садись, не шатайси.

13. Кури, милай, по дорожке
Да-й не оглядайси!»

14. Мне не жалко ту дорожку,
Что закуренàя,

15. Ой, мне жалко девчоночку,
Что зажуренàя.

16. Журит, брòнит донской казак
Коня вороного:

17. «Что-й ты, коник, мой вороòник,
Стоишь не весёлай?

18. Овёс, сено лежит цела,
Вода не питàя.

19. Аль ты, коник, мой вороòник,
Почуял походик?»
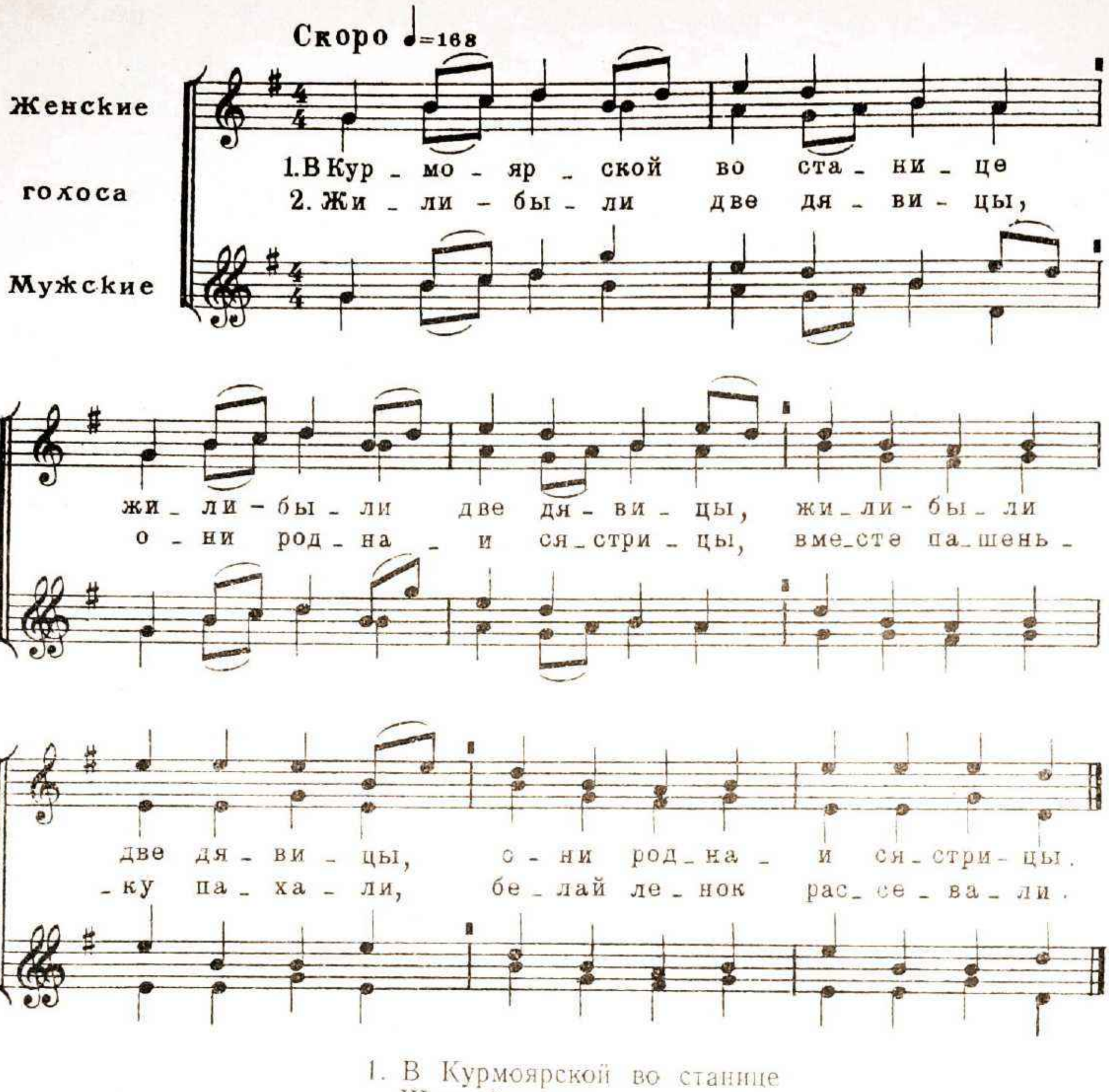
Станица Нижне-Курмоярская, 1905.

---

[1] Вар. «В стеночку».

128. В КУРМОЯРСКОЙ ВО СТАНИЦЕ

Девки лён сеют

1. В Курмоярской во станице
Жили-были две дявицы,

2. Жили-были две дявицы,
Они родные сястрицы.[1]

3. Вместе пашеньку пахали,
Белой ленок рассевали,

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

4. Бѐлай ленок рассевали,
Приговаривали:

5. «Уродися, бел ленок,
Тонѐк, дóлог и висок,

6. Сы кореня коренист,
С маковочки семянист!»

7. Как сказали про мой лён,
Что притоптан привалён.

8. Знаю, знаю, чья наруга,—
Мово прѐжнего друга,

9. Знаю, знаю, чья насмешка,—
Мово милого потешка.

10. Уж я свому болеткому [1]
Насмешачку отсмею,

11. Насмешачку отсмею,—
Пашаничку привалю.

12. Будет миленький косить,
А сам будет голосить.

13. Жана будет подгребать,
Будет плакать да рыдать.
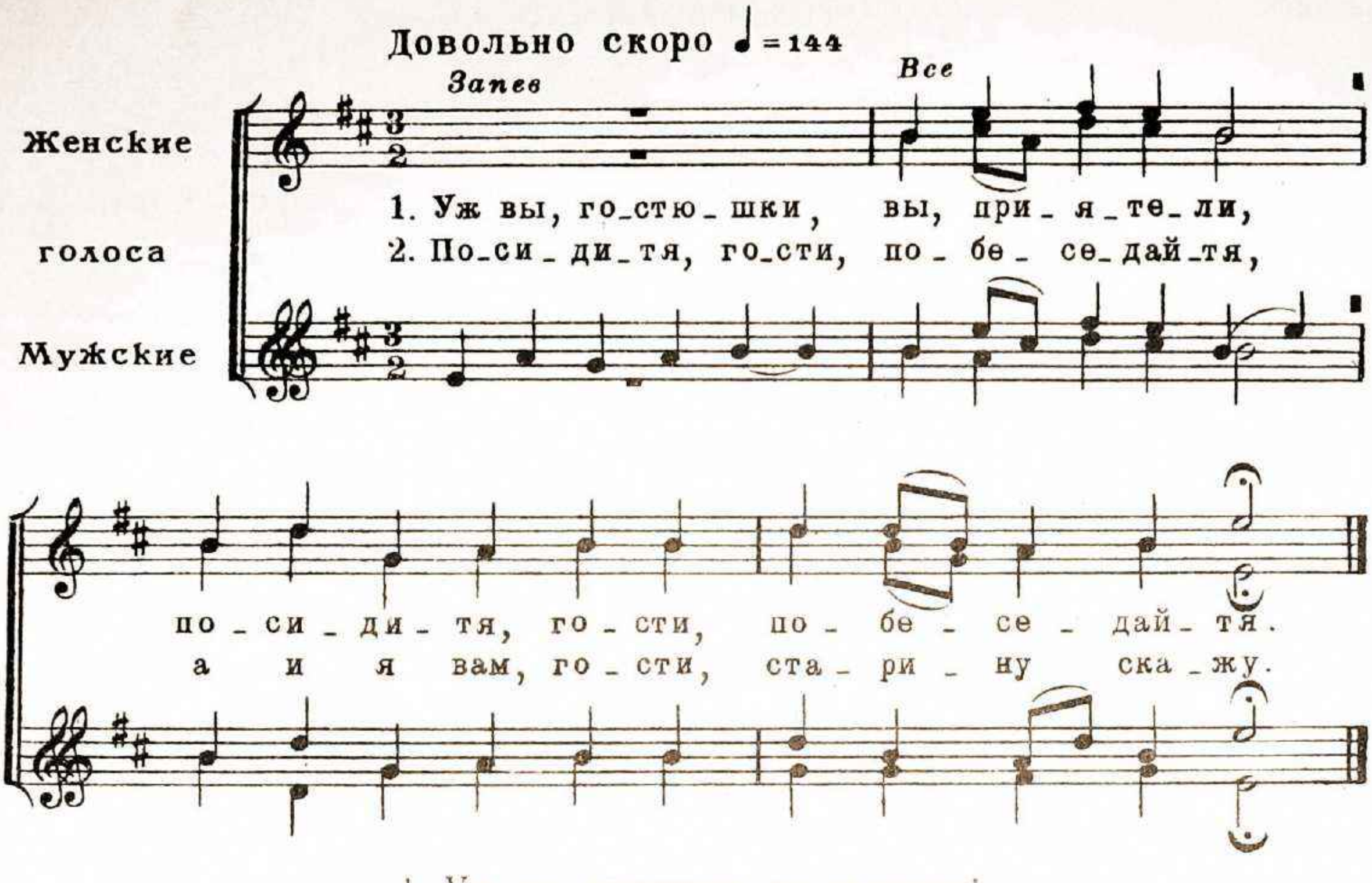
Станица Нижне-Курмоярская, 1905.

---

[1] «Болеткому» — «болезному», «болючему»,— о ком сердце болит, кого жалеют, кого любят. Часто употребляемые старыми казачками лáсковые («ласкáвыя») слова.

129. УЖ ВЫ, ГОСТЮШКИ

Чудо чудное, диво дивное

1. Уж вы, гостюшки, вы приятели!
Посидитя, гости, побеседайтя,[1]
А и я вам, гости, старину скажу,
Старину скажу, стародавнюю,
5. Стародавнюю, дюжа давнюю.
У нас на Дону да чуда чудная,
Чуда чудная, дива дивная:
На дубу свинья всё гнездо свила,
Всё гнездо свила, яиц нанесла,
10. Яиц нанесла да детей вывела.
Да её ж деточки—кузюняточки,
Кузюняточки, поросяточки,
Из гнезда глядят, полететь хотят,
По веткам сидят, жёлуди едят.
15. А сама свинья всё по вышенкам,
Всё по вышенкам, по черешенкам.
Ишо на Дону да чуда чудная,
Чуда чудная, дива дивная:
По синю́ по морю пожары́ горят,
20. По синя́м гребням корабли плывут.
Да й-у нас на Дону-то ишо чудочка:
22. Донские казаки да во поход идут.
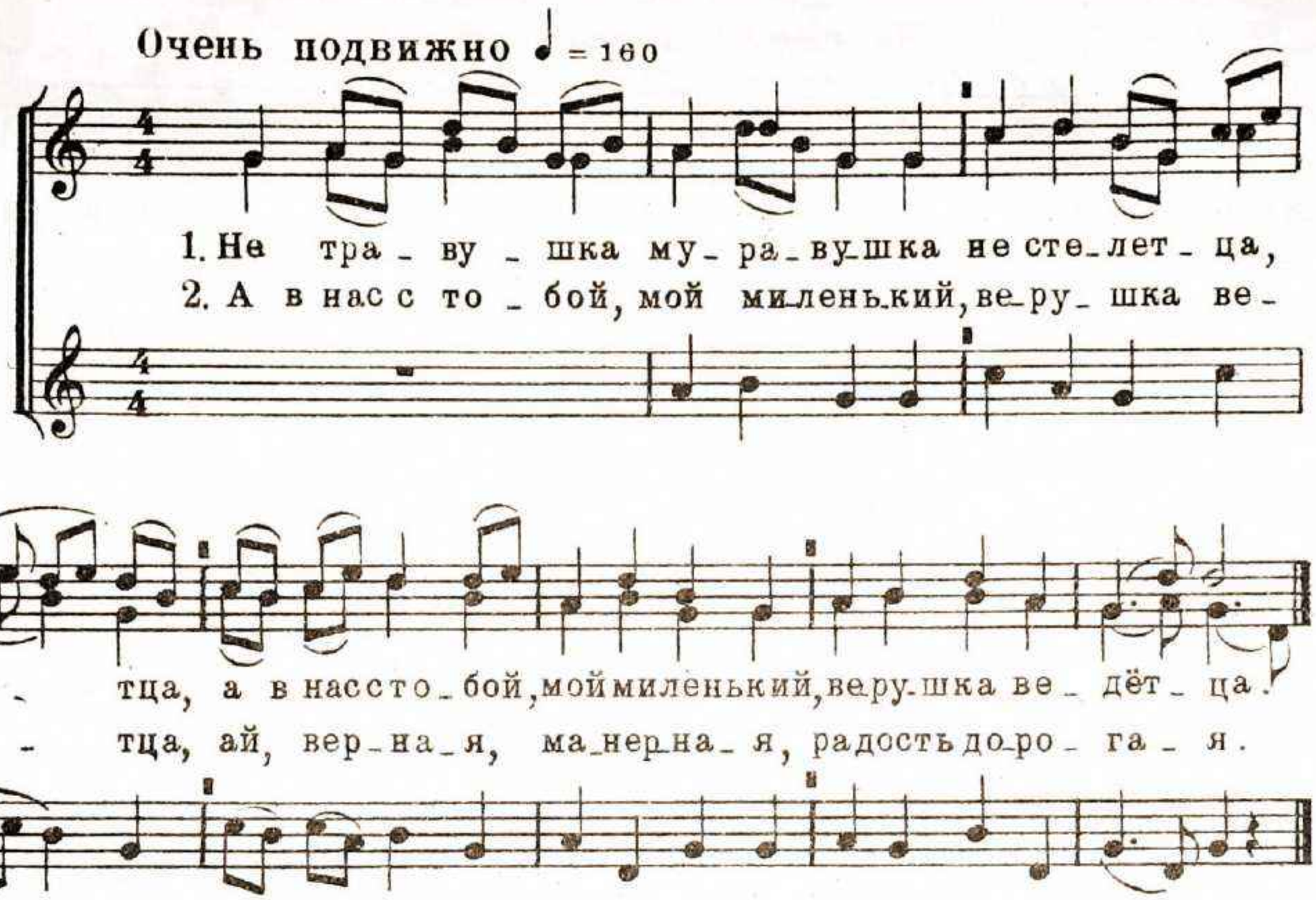
Станица Кумшацкая, 1905.

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

130. НЕ ТРАВУШКА МУРАВУШКА

У нас с тобой верушка ведётся

1. Не травушка муравушка
   Не стелется, вьётся,
2. А в нас с тобой, мой миленький,
   Верушка ведётся.[1]
3. Ай, верная, манерная,
   Радость дорогая,
4. Радость, радость дорогая,
   Ребячья наловка,[2]
5. А ребячия наловка,
   Девичья разлука.
6. Ребят, ребят научают,
   Девок разлучают.
7. Вы пойдитя, ребятушки,
   В зелёнай садочек.
8. Вы послушайтя, ребяты,
   Пташки голосочек.
8. Вы спишитя[3] голосочек
   На белай листочек.
9. Вы пошлитя голосочек
   К милу дружку в гости,—
10. Не прикажет ли мой милай
    Хорошо ходити?
12. «Ходи, ходи, черноброва,
    Ходи, черноглаза!»
13. Не я, девка, черноброва,
    Не я черноглаза,
14. Только я (да), молодёнькя,
    Личиком белёнькя.

Станица Бесергеневская, 1903.

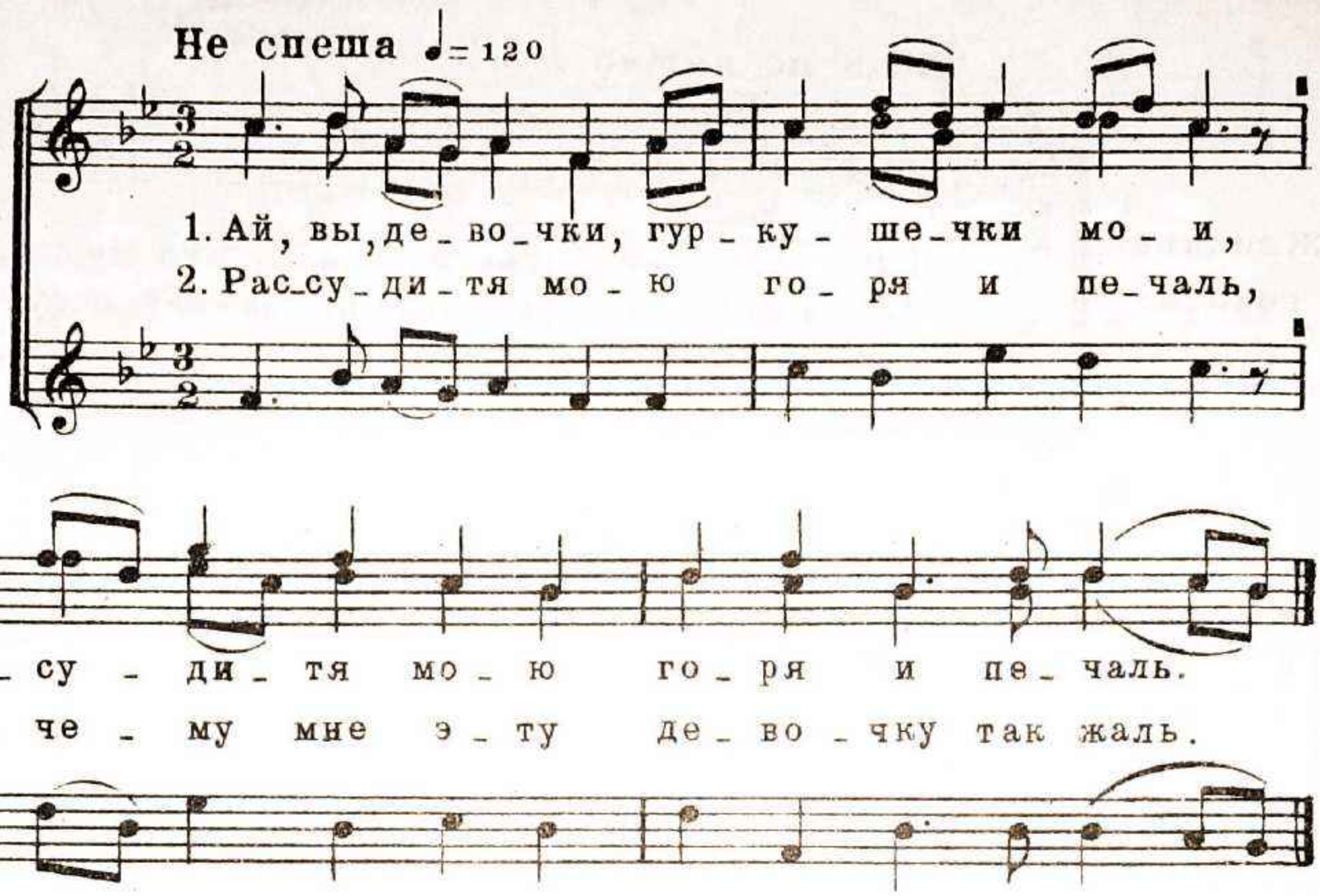
[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

[2] «Наловка»—от слова наловчиться, научиться.

[3] У донских казаков песни не «записываются», а «списываются», как «списывается», в частности, и «голос», т. е. напев песни («голосочек»).

131. АЙ, ВЫ, ДЕВОЧКИ, ГУРКУШЕЧКИ МОИ

Чернявого любила и люблю

1. «Ай, вы, девочки, гуркушачки мои!
Рассудитя мою горя и печаль.[1]
Почему мне эту девочку так жаль,
Эту девочку молоденькаю,

5. Чернобровaю, хорошенькаю?»
Улюбилсы чернявенький у мене,
Проложил он худу славу на мене,
А я этой его славы не боюсь.
Чернявого как любила, так люблю.

10. «Чернявенькай, да чи скоро ли придёшь?»
— «Я не знаю, сы какой поры притить.
С вечеру́ притить,—семеечка не спит;
Кы полу́ночи—не смею разбудить!»
«Приди, приди, мой миленький, на заре,

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

15. **А я буду у вяликай суете.**
А я ж тебе за рученьки провялу,
Во комнàтке[1] на стулечке посажу,
Чернявого вином-чаем напою,
После чаю волочаем назову.

20. **Ты, рассукин сын, мальчишка волочай,**
Зачем бродишь ты по тёмным по ночам,
По ночам, ночам по тёмненьким
По девочкам по молоденьким?
Не довольно ль нам с тобою водиться,

25. Не довольно ли с тобою любиться?
Любилися, водилися годов пять,
А теперя про нас люди говорят.
Судят люди перговаривают,
Родна маменькя побранивает.

30. Не брани, родная маменькя, мене,
Я теперича уж выросла с тебе.
На вулицу как ходила, так хожу,
Чернявого как любила так люблю!»

Сборник Киреевского, 1903

[1] У казаков низовых донских станиц небольшая комната в курене называется **«комнаткой»**.

132. ОЙ, ХМЕЛЬ, МОЙ ХМЕЛЕК

Мать сына журит

Умеренно скоро ♩=126

Запев

Мужские голоса

1. Ой, хмель, мой хме_лёк, где ты зи_мо_вал,

Несколько голосов

ой, хмель, мой хме_лёк, где ты зи_му зи_мо_вал?

Все

2. Зи_мо_вал мой хме_лёк в ле_се на тур_чи_не,
3. В_ле_се, в ле_се на тур_чи_не, на са_мой вяр_ши_не,

зи_мо_вал мой хмё_лек в ле_се на тур_чи_не.
в ле_се, в ле_се на тур_чи_не, на са_мой вяр_ши_не.

1. **«Ой, хмель, мой хмелёк, где ты зимовал,**
Ой, хмель, мой хмелёк, где ты зиму зимовал?» [1]
—«Зимовал мой хмелёк в лéсе на турчине,
В лéсе, в лéсе на турчине на самой вяршине!»

5. **«Ой, сын, мой сынок, где ты ночевал?»**
— **«Ночевал, моя мать, у красной девчине!»**
«Ой, сын, мой сынок, зачем поздно ходишь?
Зачем, зачем поздно ходишь, мене с ума сводишь?

9. Жалуются все девчаты,—много шкоды робишь!»
— «Пущай жалуются все люди на мéне.
Чего ж мене не жанила давно, не таперя!»
«Жанись, жанись, мой сынок, возьми сабе жинку!»

13. — **«Да на врàга мне жаниться, на беса мне жинка?**
Мене любят молодицы да красны дявицы!»
Одна, одна молодица бровями моргала,
А другая, чернявая, словами сказала:

17. «Бросай, казак, ружьё чистить, приходи до мéне!»
— **«Я бы рад к тебе ходити, боюсь человека.**
Как поймает будет бить, сбавит мово века!»
«Приходи ко мне, милой, во пору-годину.

21. А я свово старика пошлю по калину:
Ступай, ступай с бородою калину ломати.
А я свово милёночка допущу до хати.
Я пущу, пущу до хати, ляжу на кровати,

25. Ляжу, ляжу на кровати, стану целовати!»
Целовала, миловала, за столик сажала
Сидит казак за столиком, варенички лупя.
Молодая молодушка белы руки моя
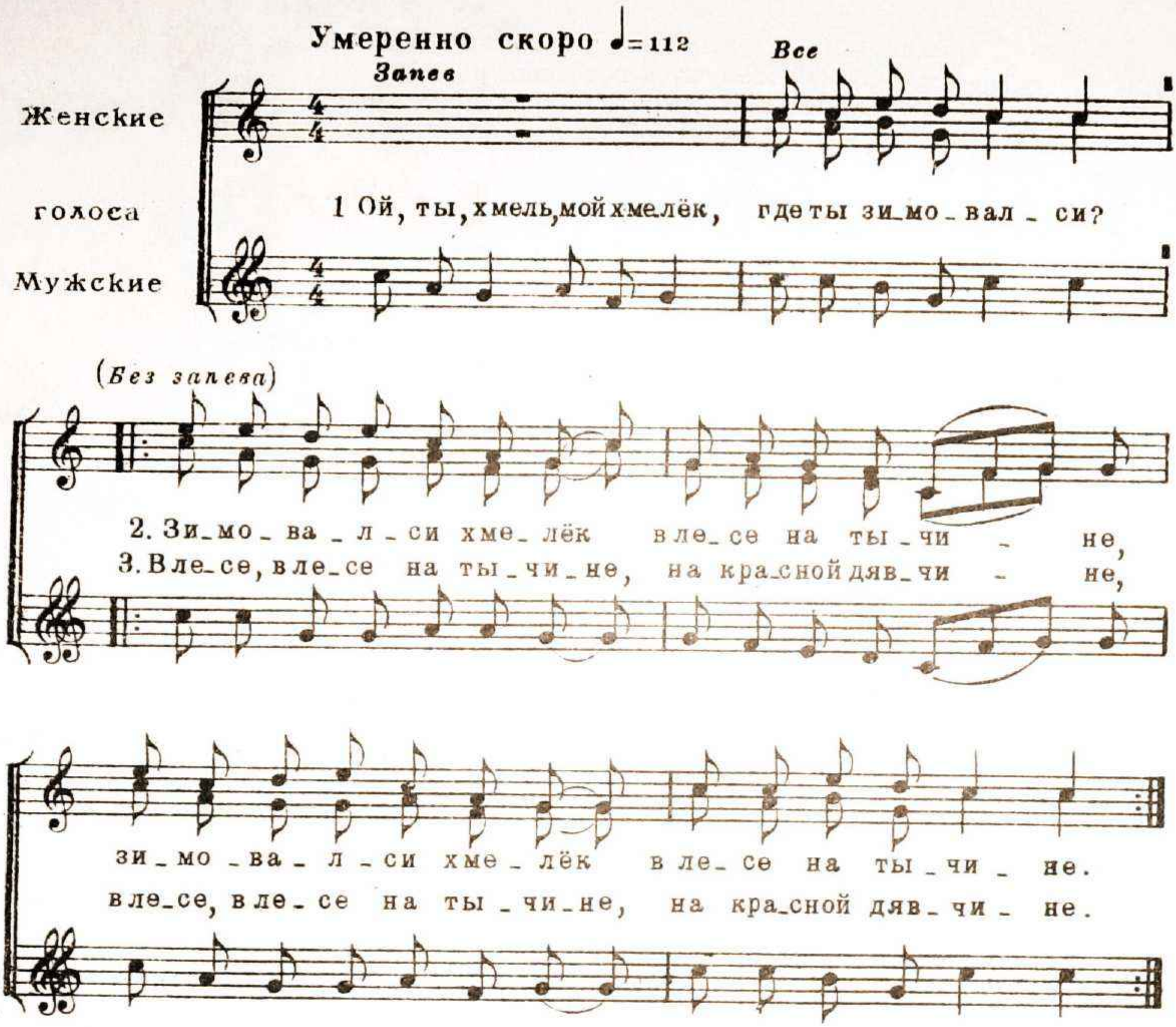
29. Сидит казак за столиком, вусы завивая,
Молодуя молодушку к сердцу прижимая.

Станица Новочеркасская, 1890

[1] Каждый стих, за исключением первых двух, повторяется.

133. ОЙ, ТЫ, ХМЕЛЬ, МОЙ ХМЕЛЕК

(Вариант донских казаков-некрасовцев)

1. Ой, ты, хмель, мой хмелёк,
Где ты зимовалси? [1]
Зимовалси хмелёк
В лѐсе на тычине,

5. В лѐсе в лѐсе на тычине,
На красной дявчине.
Ой, ты, парень, паренёк,
Иде ты поздно ходишь?

[1] Каждое двустишие, кроме первого, повторяется.

Жалуются все девчаты,—
Много шкоды знают.
Лишь одна-то молодичка
До мене моргает:
«Бросай, казак, ружью чистить
Да ходи до мене!»
—«Я ба рад к тебе ходити,
Боюсь человечка.
Раз поймает, будет бить,
Сбавит мово вечка!»[1]
«Приходи, казак, до мене
В добраю годину,
А я свово старичка
Спущу под калину.
А тебе, казачёк,
Я пушшу до хати,
Я пушшу, пушшу до хати,
Начну целовати,
Целовати, миловати,
За столик сажати!»
Сидит казак за столом,
Варенички ловит,
Молодая коханочка
Белы ручки моет.
Она моет, возмывает,
Перстень вычищает.
Высылала Дунькю мати
Батькю выглядати.
Бяжит Дунькя по вулице
Да в ладоньи плящет:
«Гуляй, гуляй, моя мати,
Батька не видати!»
А я гляну в окошечка,—
Калина краснеет,
А мой старай с бородою
Калину ломает.
Он калинушку ломает,
В пучёчки складает,
Во пучёчики складает,
Примѐт примечает.
Он приметы примечает,
Дружка ворощает.[2]
«Ты вярнися, друг-надёжа,
Вярнись душа-сердца!
А не вернисси, надёжа,
Махни чёрной шляпой,
Чёрной шляпой пуховòю,
Лентой голубою!»

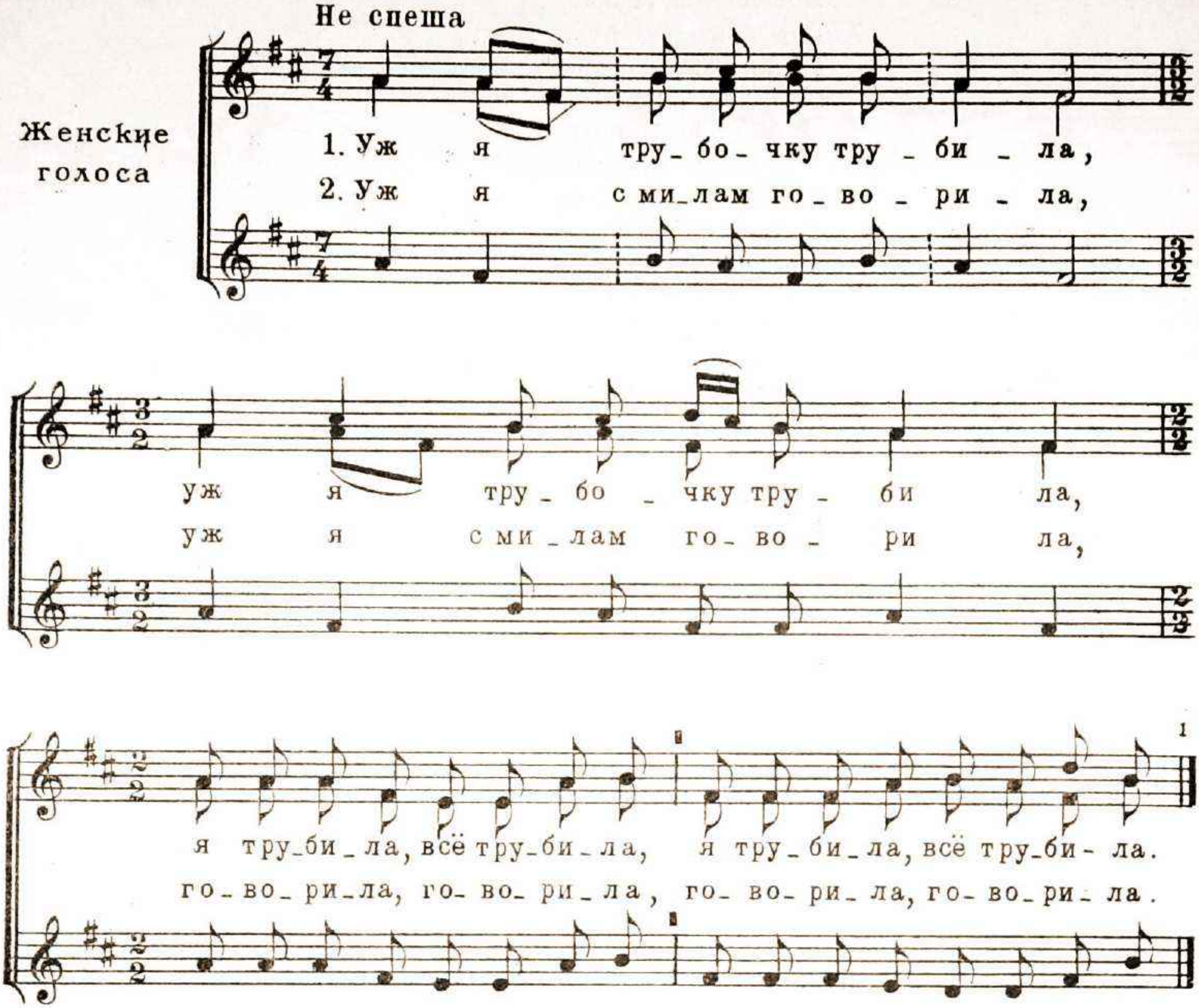
Станица Ново-Некрасовская, 1941

---

[1] «Вéчка» — века.
[2] «Ворощает» — возвращает.

134. УЖ Я ТРУБОЧКУ ТРУБИЛА

Быть тебе, девочка, за мною

1. Уж я трубочку трубила,[1]
Я трубила, всё трубила.

2. Уж я с милам говорила,
Говорила, говорила:

3. «Уж ты, милай, чернобровай,
Чернобровай, чернобровай!

[1] Песня идет без запевов, кроме начального, и без свода. Каждый стих повторяется.

4. Не садися проти мене,
Проти мене, проти мене.

5. Люди скажут—любишь мене,
Любишь мене, любишь мене.

6. Коли любишь, ты скажися,
Ты скажися, ты скажися,

7. А не любишь, отвяжися,
Отвяжися, откажися!»

8. —«Быть тебе, девочка, за мною,
Быть за мною, быть за мною,

9. Моей маменьки слугою,
Всё слугою, всё слугою,

10. А мне верною жаною,
Мне жаною, мне жаною!»

11. «Уж я табе угожу жа,
Угожу жа, угожу жа,

12. Постель мягко постялю жа,
Постялю жа, постялю жа,

13. В голованьки воскладу жа,
Воскладу жа, воскладу жа.

14. Сама с тобой ляжу спати,
Ляжу спати, ляжу спати,
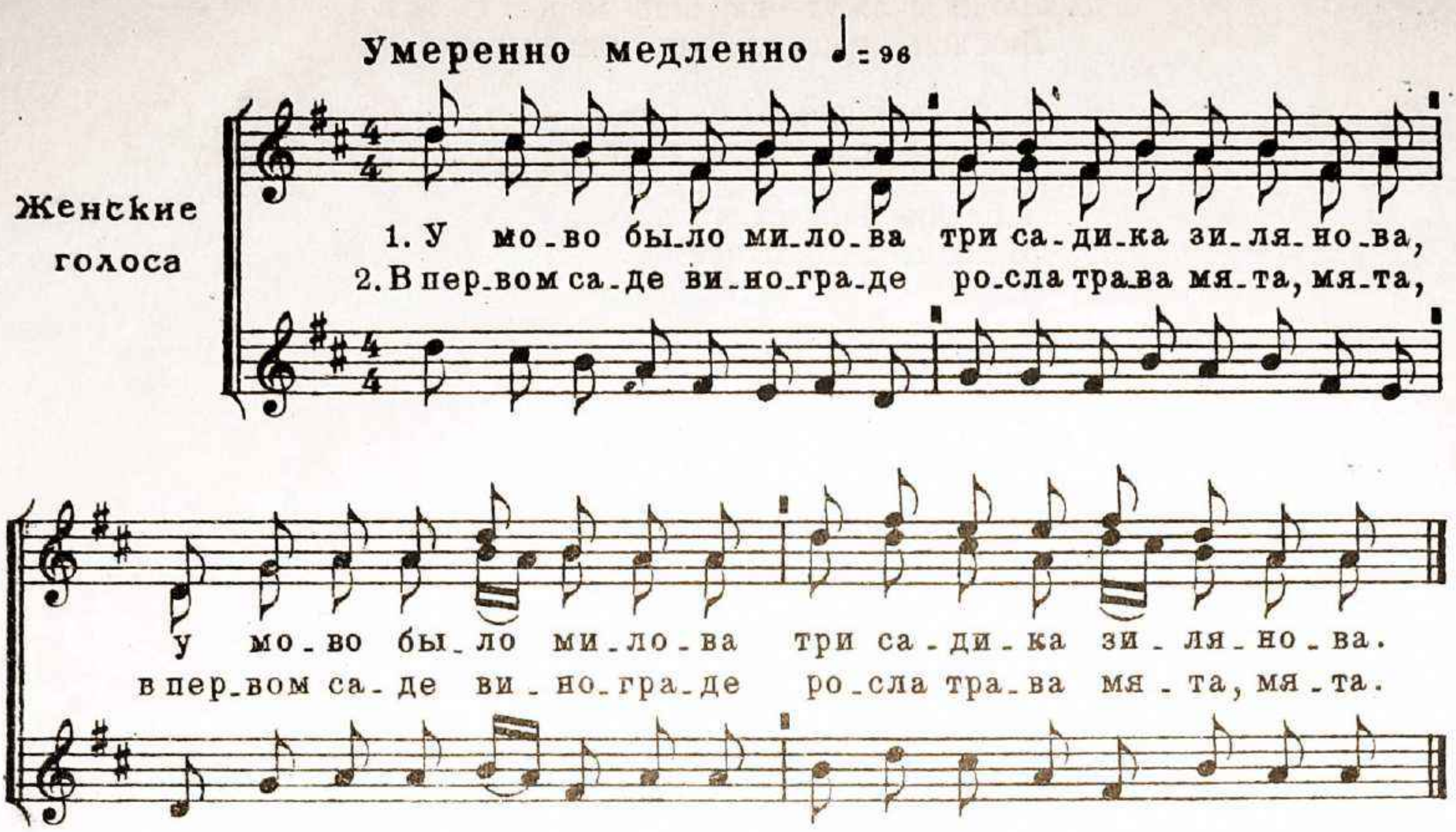
15. Уж я табе обниму жа,
Обниму жа, обниму жа,

16. Сама табе поцалую,
Поцалую, поцалую!»

Станица Ново-Некрасовская, 1940.

135. У МОВО БЫЛО̀ МИЛО̀ВА

Три садика зелено̀ва
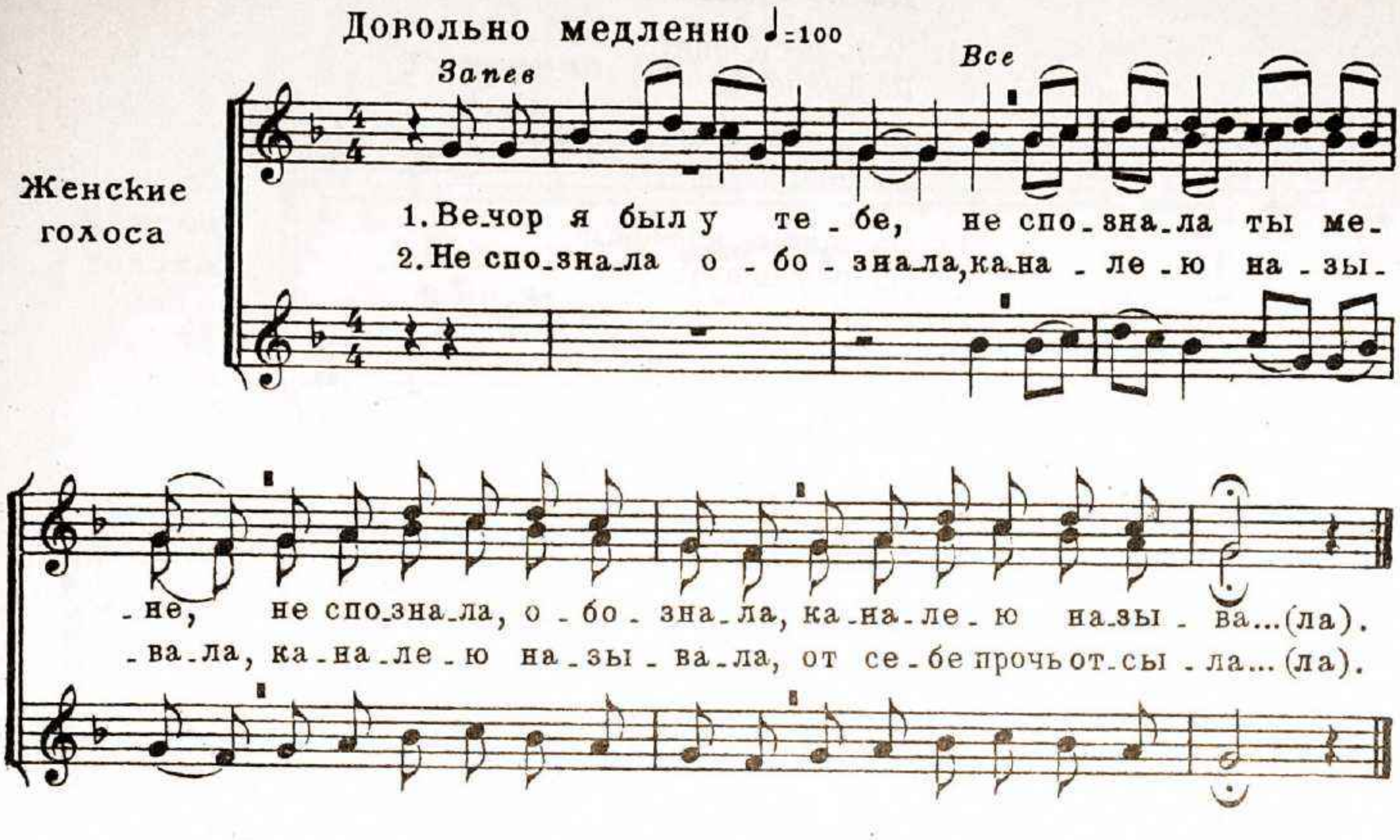

1. У мово было милóго
   Три садика зелянóго.[1]
2. В первом сàде-винограде
   Росла трава мята, мята;
3. Любил мене сердешнай друг,
   Что я была небогата.
4. В другим саде-винограде
   Росла трава мышка, мышка;
5. Любил мене сердешнай друг,
   Что я была невяличка.
6. В третим саде-винограде
   Росла трава лебяда;
7. Любил мене сердешнай друг,
   Что я млада—удова.
8. Удовушка, удова —
   Широкие рукава,
9. Чтобы было куда класть
   Нябыльные словяса̀.
10. Парень на̀ ногу ступает,
    Ума-разума пытает;
11. Парень ручку жмёт да жмёт,
    Цаловать кого-то ждёт.
12. «Поцалуй, радость, в уста,
    Звесели-ка молодца!»
13. —«Я ня буду цаловать
    И ня буду звеселять!»

Станица Ново-Некрасовская, 1940

[1] Каждое двустишие повторяется.

136. ВЕЧОР Я БЫЛ У ТЕБЕ

Удалые молодцы майновски ребяты

1. Вечо́р я был у тебе,
   Не спознала ты менс,

2. Не спознала, обознала,
   Каналею называла,[1]

3. Каналею называла,
   От себе прочь отсылала.

4. А моя сердца болит,
   Отойтить прочь не вялит,

5. Отойтить, не отойтить,
   Вялит болечку любить.

6. А деревья, деревья,
   Не спозорчатаи.

7. Я по жёрдочке шла да,
   Я по тоненькой,

8. Я по тоненькой,
   По яловенькой.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется. «Каналею» — вар. «канарею».

9. Тонка жёрдочка вьётся
Да не ломится.

10. Хорошо с милым водиться,
Да не стòшнится.

11. Хучь и стошнится,
Разгуляется.

12. Выду, выду, молода,
За новые ворота,

13. За новые, кленовые,
За решёщатаи.

14. Как настречу милай мой,
Говорит душа со мной,

15. Говорит душа со мной
Про удàлых молодцов:

16. «Удалые молодцы,
Зелены кафтàны,

17. Казильбаши кушаки,
Орловые шляпы,

18. Орловые шляпы,—
Майновски ребяты.

19. В Майнос заводили,[1]
Девок целовали

20. Хорошаю—двожды,
Пригожаю—трожды.

21. А дурнуя, негодную
Хучь бы раз поцалуя.

22. Хучь и раз поцалуя
И то ради славы.

23. И то ради славы.
Чтоба люди знали,

24. Чтоба люди знали,
Матушке сказали,

25. На двор выносили,
На ветер пущали».
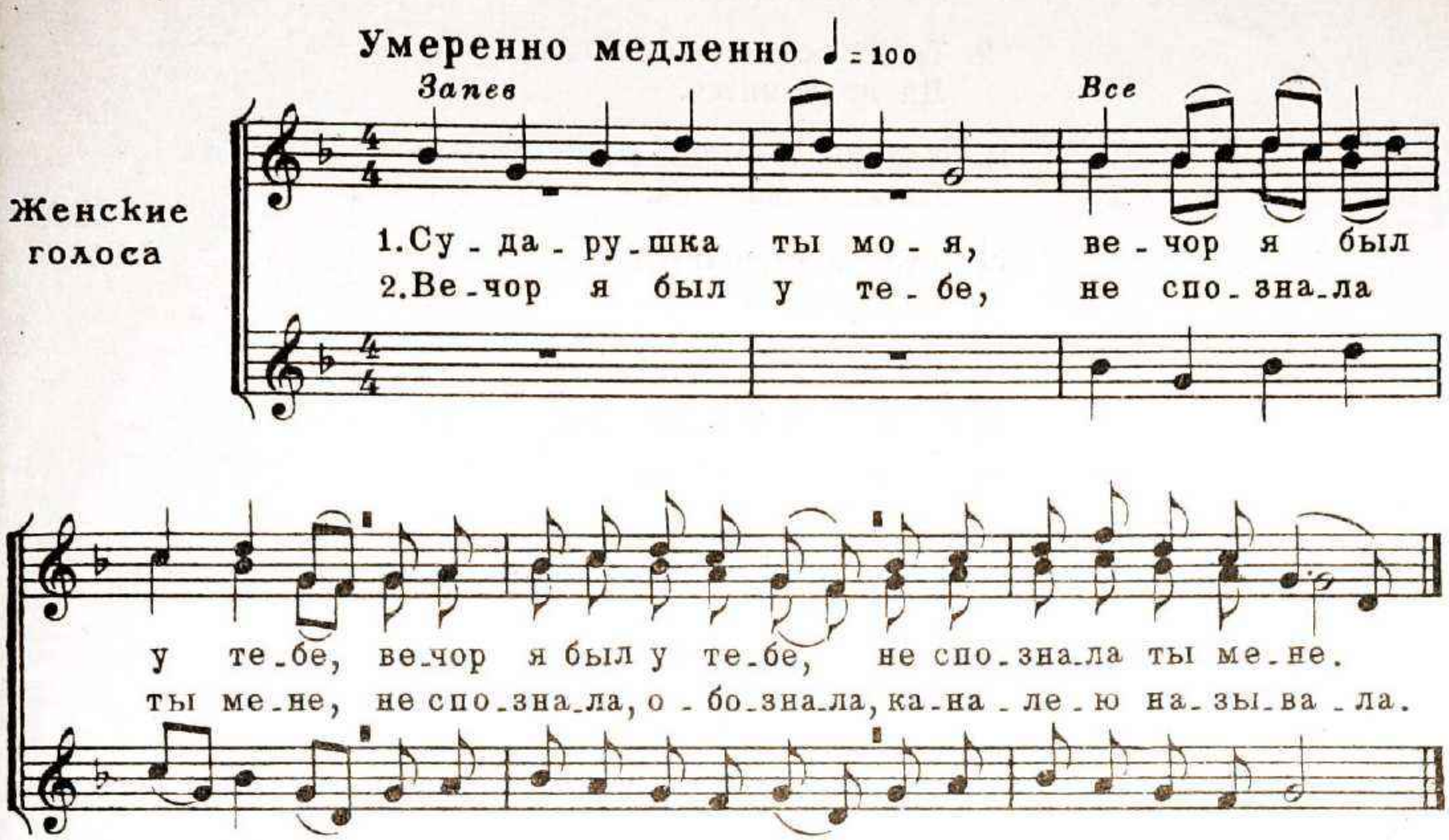
Станица Ново-Некрасовская, 1949

---

[1] «Майнос» — озеро в Малой Азии, на берегу которого располагались селения некрасовцев.

137. СУДАРУШКА ТЫ МОЯ

Хорошо с милым водиться

1. Сударушка ты моя!
   Вечо́р я был у тебе,

2. Вечо́р я был у тебе,[1]
   Не спознала ты мене,

3. Не спознала, обознала,
   Каналею называла.

4. А моя сердца болит,
   Отойтить прочь не вялит,

5. Отойтить прочь не вялит,
   Вялит бабочку любить.

6. А дѐрева, дѐрева
   Не спозорчатая.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

7. Я по жёрдочке шла,
Я по тоненькой,

8. Я по тоненькой,
По яловенькой.

9. Тонка жёрдочка гнётся
Да не ломится.

10. Хорошо с милам водиться
Да не стошнится.

11. Хучь и стошнится,
Разгуляется.

12. Выду, выду, молода,
За новые ворота,

13. За новые, кленовые
За решёщатаи.

Станица Приморско-Ахтырская; 1940.

ПЕСНИ
КАЛЕНДАРНЫЕ
ВЕШНИЕ
И КАЛЕНДАРНЫЕ
ОБРЯДОВЫЕ

138. ПОГУЛЯЙТЕ ВЫ, ДЕВОЧКИ

Воля девичья-до замужества

Умеренно ♩ = 108

В запеве любой голос

Женские голоса

1. По - гу - ляй - те вы, де - во - чки,
2. Да по - ке - ля ва - ша во - лю - шка,

да по - ке - ля ва - ша во - лю - шка, ой
не по - кры - та - я го - ло - ву - шка, ой

ли, ой, ли, ой, лю - ли, да по - ке - ля ва - ша во - лю - шка.
ли, ой, ли, ой, лю - ли, не - по - кры - та - я го - ло - ву - шка.

1. **Погуляйте вы, девочки,**
Да покеля ваша волюшка,

Припев:

Ой ли, ой ли, ой люли,
Да покеля ваша волюшка,[1]

2. Да покеля ваша волюшка,
Непокрытая головушка.

3. Как покроется головушка,
Увоймётся девке волюшка,

4. **Увоймётся девке волюшка**
Да прибавится заботушка.

5. Как и первая заботушка—
Да и свёкор и свекровушка.

6. А другая-то заботушка —
Ну, и деверь да золовушка.

7. А и третия заботушка—
Да и мужнина головушка.

8. Да какой же чёрт навяжется,—
Либо вор, либо пьяница;

9. Либо вор, либо пьяница,—
С кабака идёт, валяется,

10. С кабака идёт валяется,
Мною, горькой, выхваляется.

11. Заставляя разувать, раздевать,
Заставляя распоясавати.
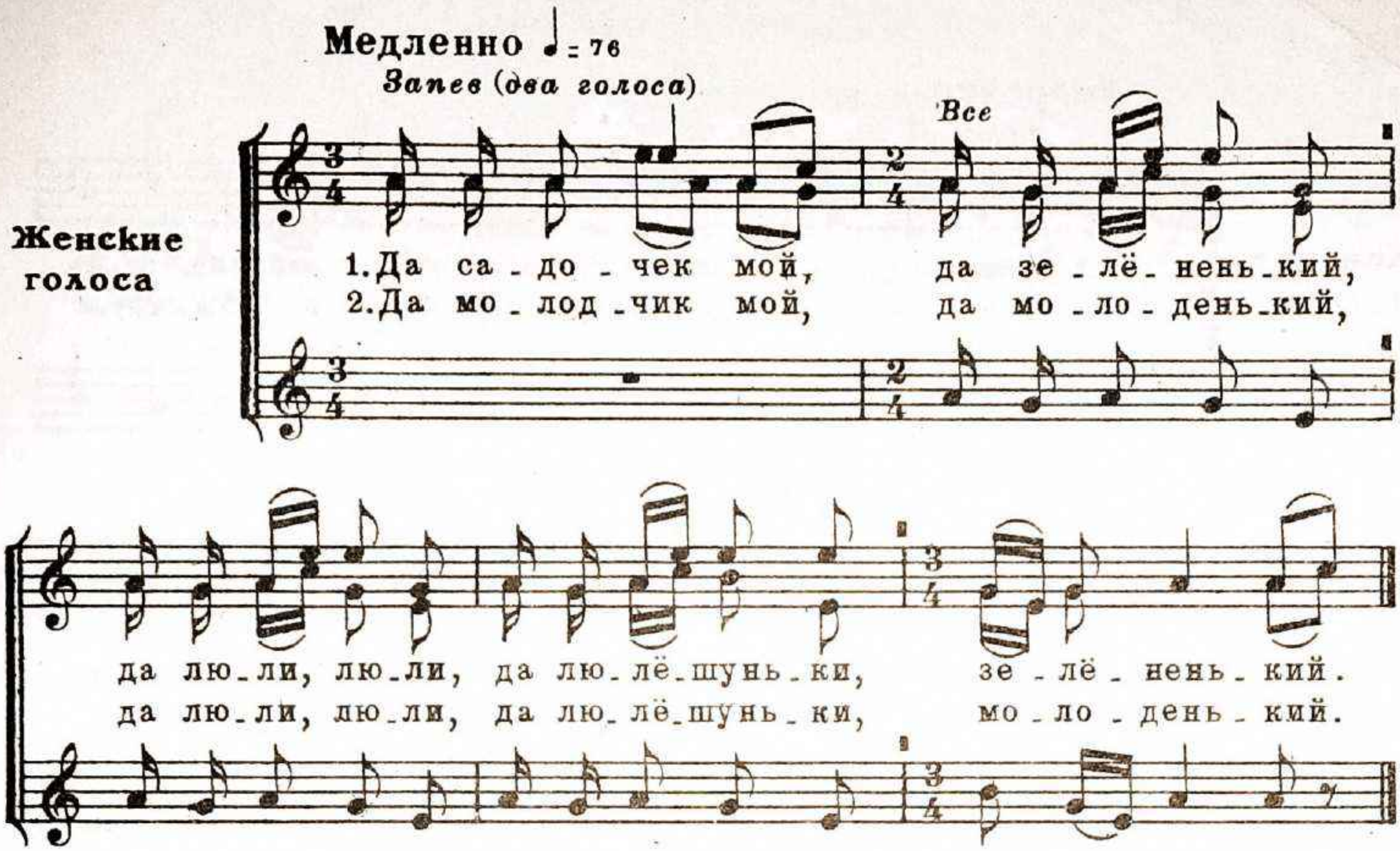
12. Не такая в отца-матери дитё,
Чтобы стала разувать, раздевать!

Станица Екатерининская, хутор Ильичев, 1898

[1] Припев к каждому двустишию по этому образцу.

139. ДА САДОЧЕК МОЙ

У молòдки муж ревнивый
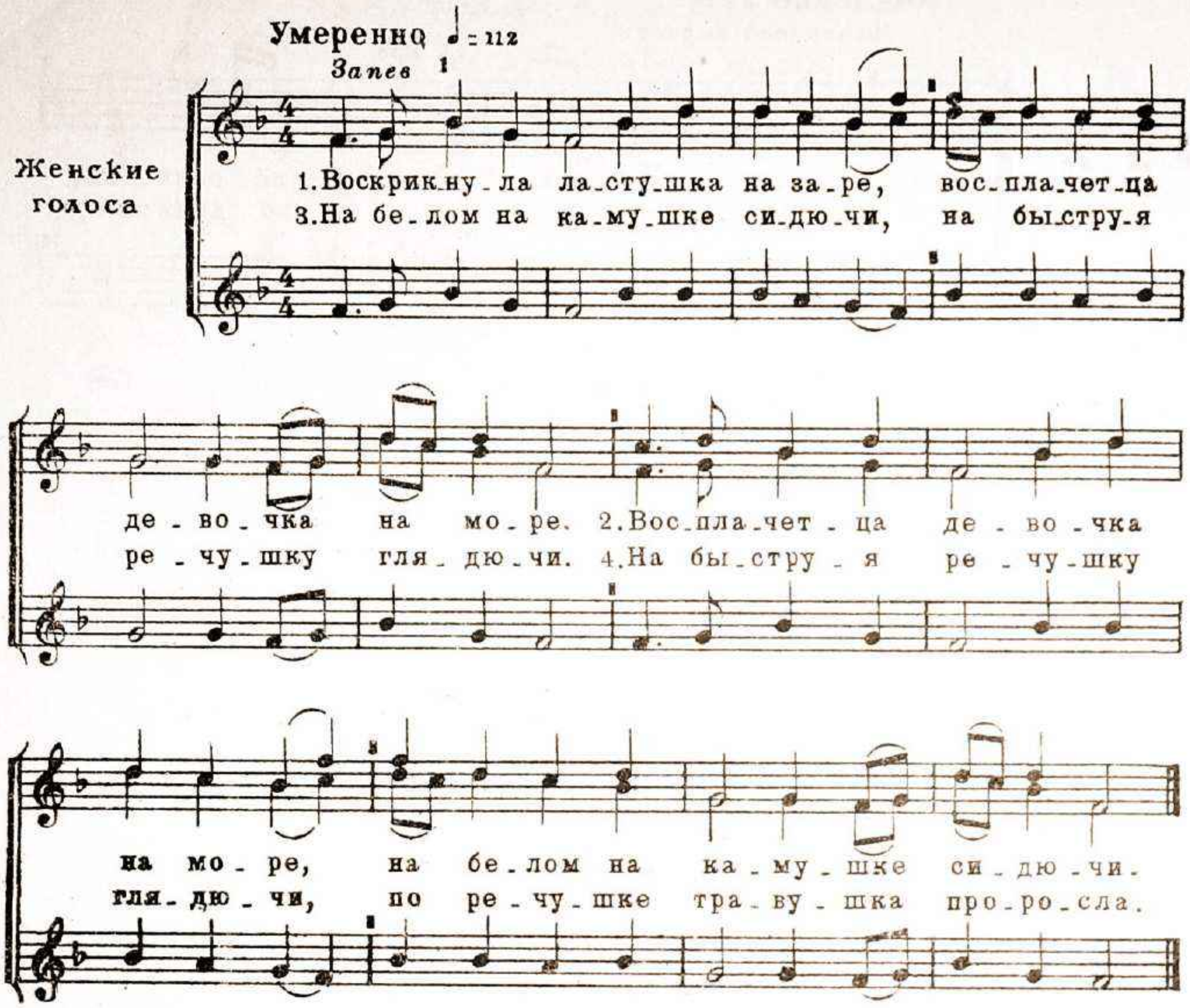

1. Да садочек мой, да зелёненький,
   Да люли, люли, да люлёшуньки,
   Зелёненький!
2. Да молодчик мой, да молоденький,
   Да люли, люли, да люлёшуньки,
   Молоденький!
3. Да не садися[1] проти мене,
   Да люли, люли, да люлёшуньки,
   Проти мене,
4. Проти мене, да молоденькой,
   Да люли, люли, да люлёшуньки,
   Молоденькой.
5. У мене, молодки, муж рявнивай,
   Да люли, люли, да люлёшуньки,
   Муж рявнивай,—
6. Не пущая да на улицу,
   Да люли, люли, да люлёшуньки,
   На й-улицу,
7. Да на улицу да на игрища,
   Да люли, люли, да люлёшуньки,
   На игрища.

Станица Екатерининская, хутор Ясеновский, 1899

[1] Вар. «Не станевися»

140. ВОСКРИКНУЛА ЛАСТУШКА

У милого жалости достало

I

1. Воскрикнула ластушка на заре,
Восплачется девочка на море,[1]
На белом на камушке сидючи,
На быструя речушку глядючи.

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

[2] Исполнялась песня эта и как вешняя ходовая полупротяжная, в умеренном темпе с запевами любого голоса и ферматой на последнем звуке, и как уличная хороводная скорая, в скором темпе (♩-160), без запевов, кроме начального, и без свода.

5. По речушке травушка проросла,
По травушке тьветики растьвяли,
По тьветиках батенькя гуляя.
«Гуляй, гуляй, батенькя, не долго,
Сыми мене с белого камушка!»

10. У батеньки жалости не стало,

11. Не снял мене с белого камушка.

II

1. Воскрикнула ластушка на заре,
Восплачется девочка на море,
На белом на камушке сидючи,
На быструя речушку глядючи.

5. По речушке травушка проросла,
По травушке тьветики растьвяли,
По тьветиках маменькя гуляя.
«Гуляй, гуляй, маменькя, не долго,
Сыми мене с белого камушка!»

10. У маменьки жалости не стало,—

11. Не сняла сы белого камушка.

III

1. Воскрикнула ластушка на заре,
Восплачется девочка на море,
На белом на камушке сидючи,
На быструя речушку глядючи.

5. По речушке травушка проросла,
По травушке тьветики растьвяли,
По тьветиках миленький гуляя.
«Гуляй, гуляй, миленький, не долго,
Сыми мене с белого камушка!»
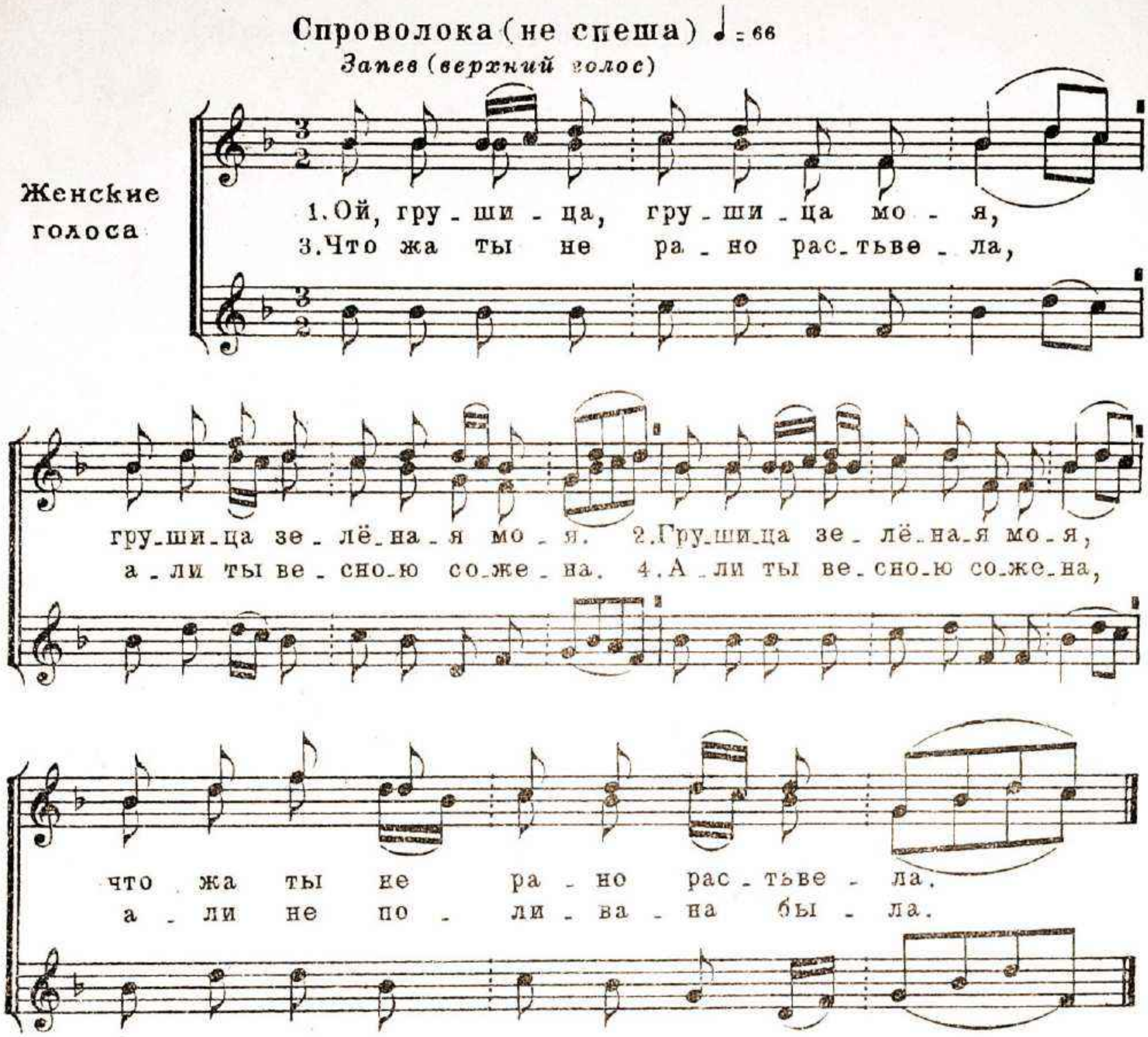
10. У милого жалости достало,—

11. Он снял мене с белого камушка.

Станица Екатерининская, хутор Насонтов, 1899

141. ОЙ, ГРУШИЦА, ГРУШИЦА МОЯ

Милый изменяет

1. Ой, грушица, грушица моя,
Грушица зелёная моя,[1]
Что жа ты не рано растьвела?
Али ты весною сожена,

5. Али не полйвана была?
Под грушицей свётлица стоит,
Во свётлицы дёвица сидит,
Печальнаи речи говорит:
«Нонеча худые времена,—

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

Сушут, крушут прежние друзья
На чужой, на дальней стороне,
На матушке кременной Москве.
Обещалси век милай любить,
Обещалси сроду не забыть,[1]

А теперь покидаваить
Меньшу́я возлюбливаить.
Меньша́я чем луччи мене?
Она и худа и бледна,
Она насуворовата [2]

А я-таки луччи её,
Лицо побелее её,
Брови почернее её.
Я-то и повежливее,

Я-то поприветливее!»
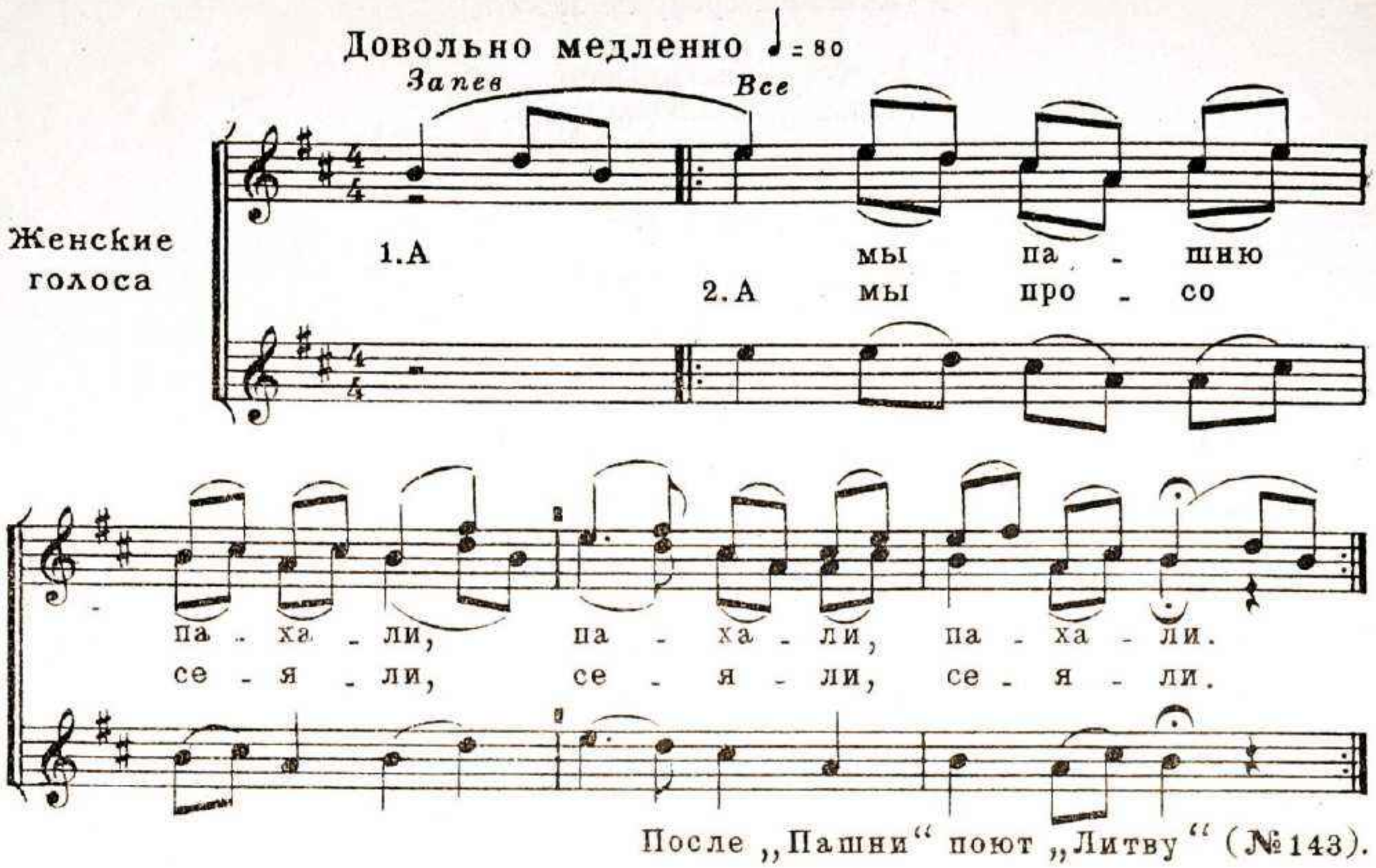
Станица Екатерининская, хутор Насонтов, 1899.

---

[1] Вар. «повек не забыть» и «век не позабыть».
[2] «Насуворовата» — сурова на вид.

142. А МЫ ПАШНЮ ПАХАЛИ

Ищут себе дѐвицу
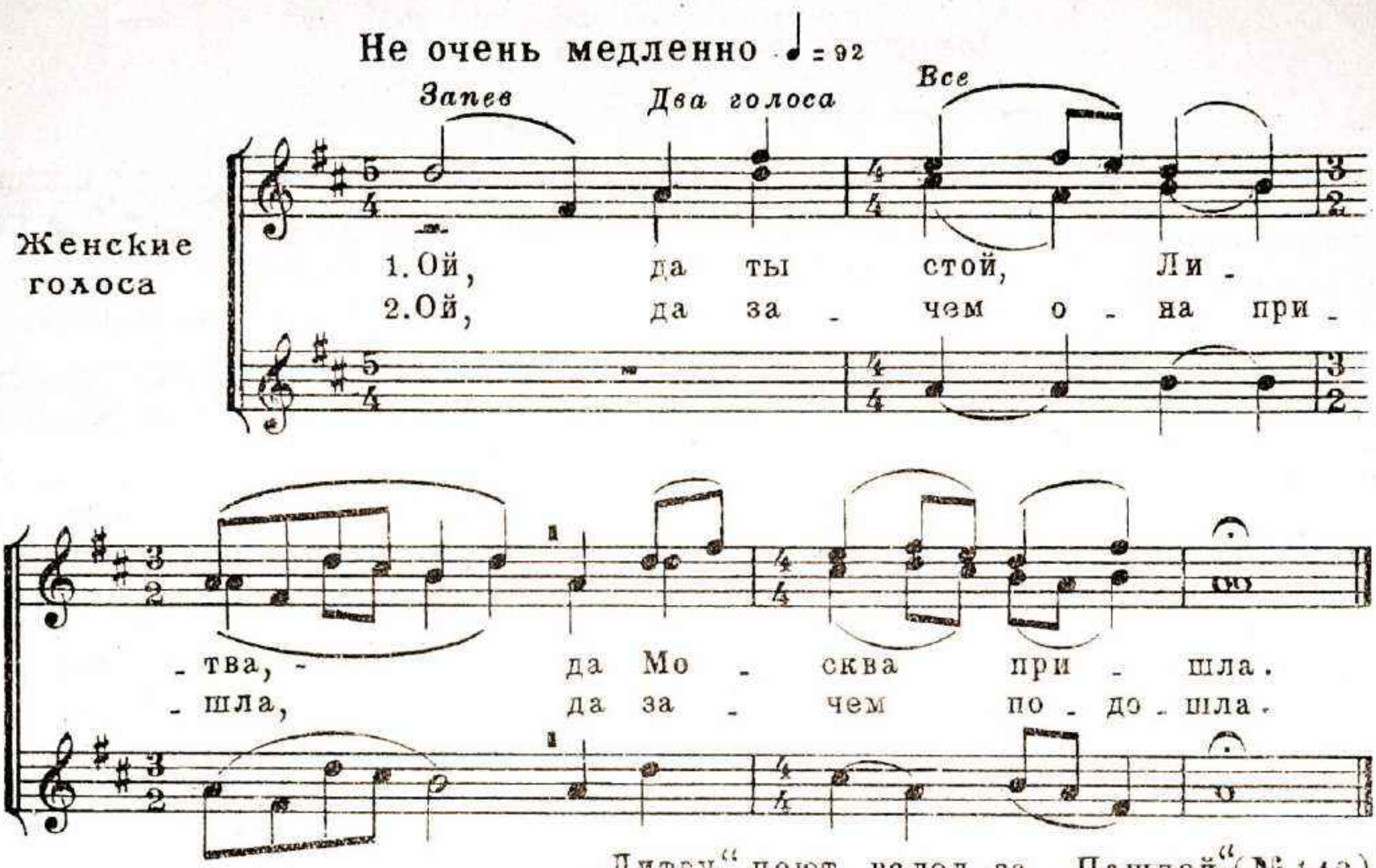

После „Пашни“ поют „Литву“ (№ 143).

1. «А мы пашню пахали,
Пахали, пахали».
2. —«А мы просо сеяли,
Сеяли, сеяли».
3. «А мы коней впущали,
Впущали, впущали».
4. —«А мы коней поймали,
Поймали, поймали».
5. «А мы коней выкупим,
Выкупим, выкупим».
6. —«А мы коней не дадим,
Не дадим, не дадим».
7. «А мы дадим сто рублей ,
Сто рублей, сто рублей!»
8. —«Да нам не надо сто рублей,
Сто рублей, сто рублей!»
9. «А мы дадим молодца,
Молодца, молодца!»
10. —«Нам не надо молодца,
Молодца, молодца!»
11. «А мы дадим девицу,
Девицу, девицу!»
12. —«Нам того-то жалалось,
Жалалось, жалалось!»

Станица Екатерининская, 1898.

143. ОЙ, ДА ТЫ СТОЙ, ЛИТВА

Москва против Литвы

„Литву“ поют вслед за „Пашней“ (№ 142).

1. «Ой, да ты стой, Литва,
Да Москва пришла!»

2. —«Ой, да зачем она пришла,
Да зачем подошла?»

3. «Ой, да нас, девок, дялить,
Да нас красных выбирать!»

4. —«Ой, как у нас есть жаних,
У нас добрай молодец!»

5. «Ой, покажитя жаниха,
Удалого молодца!»
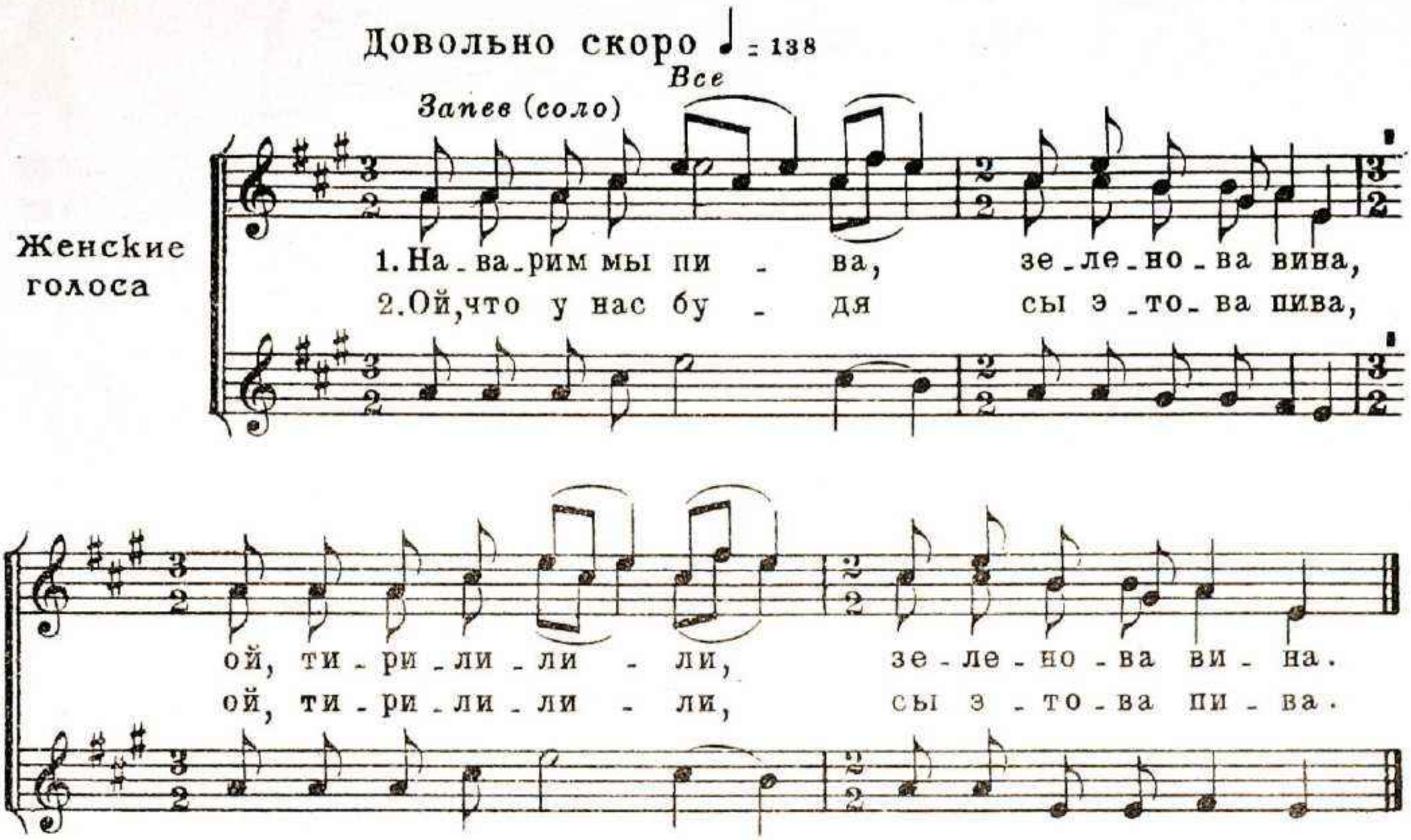
6. —«Ой, да и вот вам жаних,
Разудалай молодец!»

7. —«Ой, да хорошай ваш жаних,—
Яму̀ низкай поклон!»

Станица Екатерининская, 1898

144. НАВАРИМ МЫ ПИВА

Наварились – помирились!

1. Наварим мы пива, зеленого вйна,

Припев:
Ой, тири-ли-ли-ли, зеленого вйна.

Ой, что у нас будя сы этого пива,

Припев:
Ой, тири-ли-ли-ли, сы этого пива? [1]

Сы этого пива, зеленого вйна,
Мы пива напьемси да вместе сойдёмси!

2. Наварим мы пива, зеленого вйна,
Ой, что у нас будя сы этого пива?
Сы этого пива, зеленого вйна,
Мы пива напьемси да все разойдёмси!

---

[1] Припев по этому образцу после каждого стиха.

3. Наварим мы пива, зеленого вйна,
Ой, что у нас будя сы этого пива?
Сы этого пива, зеленого вйна,
Мы пива напьемси да все посадимси!

4. Наварим мы пива, зеленого вйна,
Ой, что у нас будя сы этого пива?
Сы этого пива, зеленого вйна,
Мы пива напьёмси да все повставаем!

5. Наварим мы пива, зеленого вйна.
Ой, что у нас будя сы этого пива?
Сы этого пива, зеленого вйна,
Мы пива напьёмси да все подерёмси!

6. Наварим мы пива, зеленого вйна.
Ой, что у нас будя сы этого пива?
Сы этого пива, зеленого вйна,
Мы пива напьёмси да все помиримси!
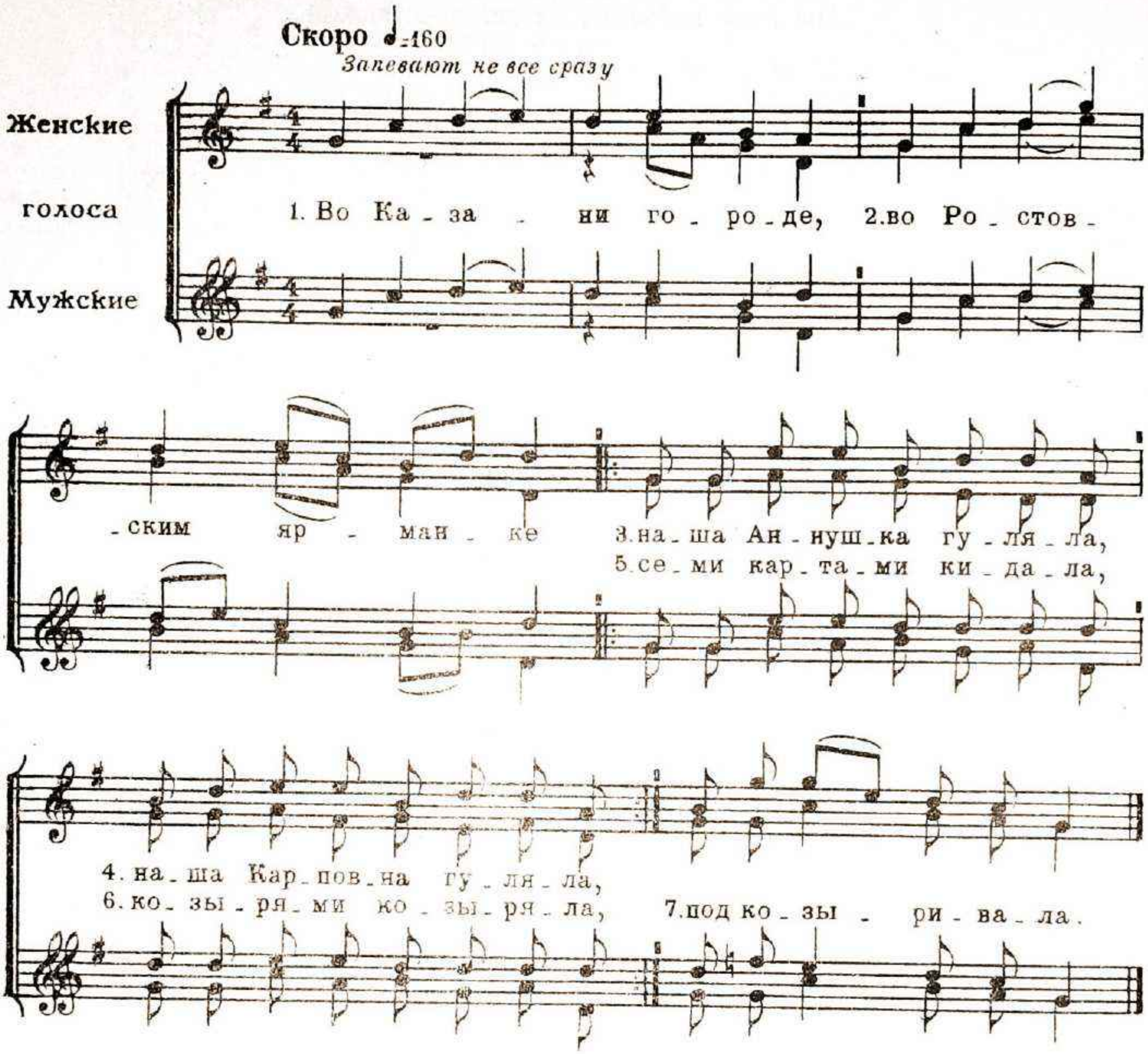
7. Наварим мы пива, зеленого вйна,
Ой, что у нас будя сы этого пива?
Сы этого пива, зеленого вйна,
Мы пива напьёмси по паре возьмёмси!

8. Наварим мы пива, зеленого вйна.
Ой, что у нас будя сы этого пива?
Сы этого пива, зелёного вйна,
Мы пива напьёмси, да врозь разойдёмси!

Станица Екатерининская, хутор Ильичев, 1897.

145. ВО КАЗАНИ ГОРОДЕ

Аннушка майора обыграла

I

1. Во Казани городе,
2. Во ростовским ярманке
3. Наша Аннушка гуляла,
4. Наша Карповна гуляла,
5. Сями[1] картами кидала,
6. Козырями козыряла,
7. Подкозыривала.

---

[1] Семью.

1. Как приходит к Аннушке
2. Ее роднай батенька:
3. «Полно, Аннушка, гулять,
4. Полно, Карповна, гулять,
5. Сями [1] картами кидать,
6. Козырями козырять,
7. Подкозыривати!»

III
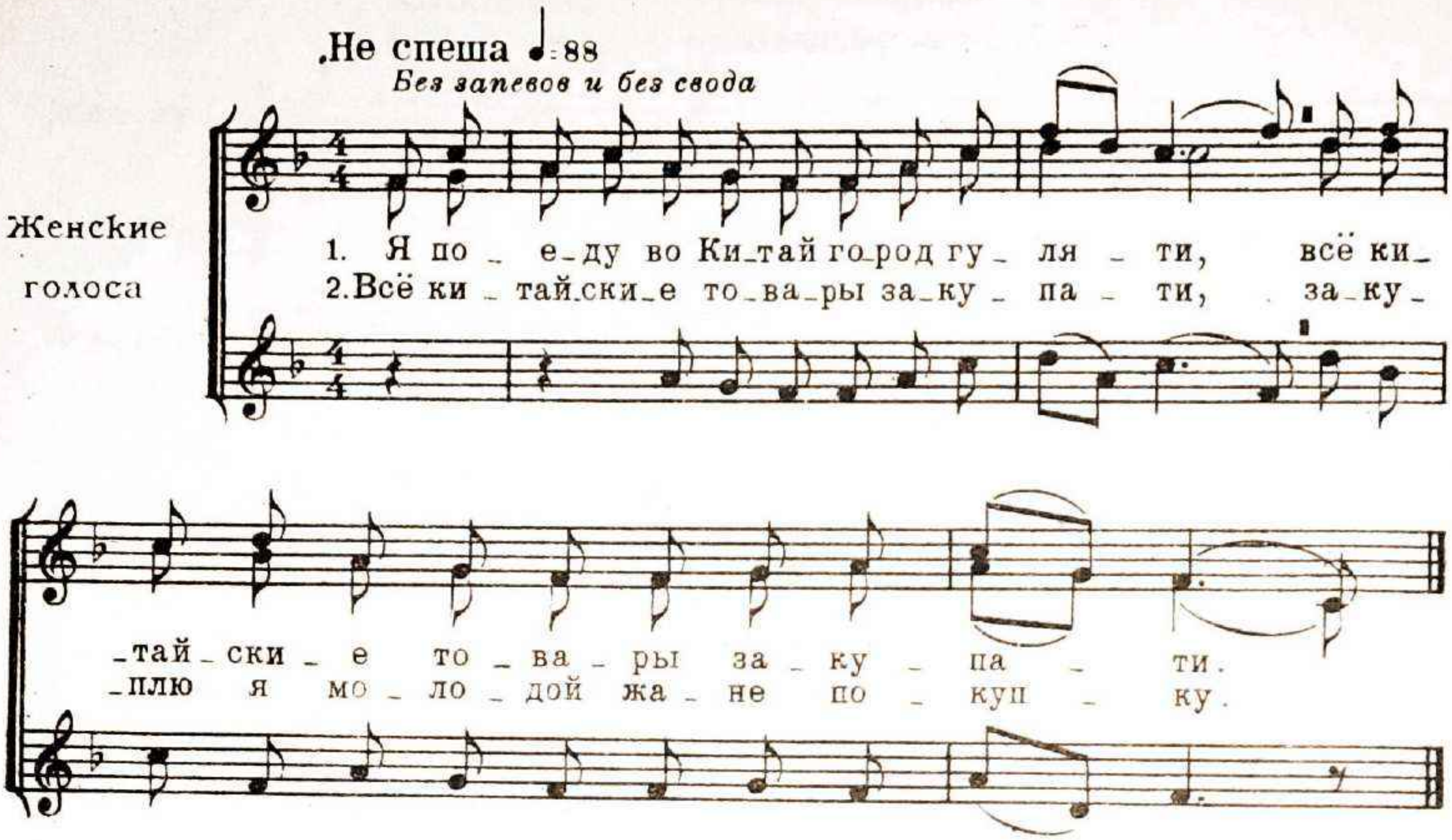
1. —«Не уймай мене, батенька,
2. Не уймай мене белай свет:
3. Я маёра обыграла,
4. Молодого обыграла,—
5. Маёр молодой,
6. Под ним конь вороной,
7. Чепрак золотой,
8. Черна шляпа сы пяром,
9. Апалеты с серебром,
10. Смазные башмаки,
11. Гарусовые чулки,
12. Чулки с выстроками,
13. Все повыскакали!

Станица Екатерининская, 1898.

[1] «сями» — семью.

146. Я ПОЕДУ ВО КИТАЙ ГОРОД ГУЛЯТИ

Жена своенравная

I

1. Я поеду во Китай-город гуляти,
2. Всё китайские товары закупати.[1]
3. Закуплю я молодой жане покупку —
4. На диковину, на чудо жане юбку:
5. «Ты бяри, жана, не гордися,
6. Душа-сердца моя, не ломайси!»
7. Поглядитя вы, добраи люди,
8. Как мене-то, молодца, жана не любит,
9. Душа-сердца моя ненавидит,—
10. Кы людям-то жана идёт личком,
11. А ко мне-то, младцу, идёт плечком.

---

[1] Каждый стих, кроме первого, повторяется.

II

1. Я поеду во Китай-город гуляти,
2. Всё китайские товары закупати.
3. Закуплю я молодой жане покупку—
4. На диковину, на чудо жане кофту:
5. «Ты бяри, жана, не гордися,
6. Душа-сердца моя (да), не ломайси!»
7. Поглядитя вы, добраи люди,
8. Как мене-то, молодца, жана не любит,
9. Душа-сердца моя ненавидит,—
10. Кы людям-то жана идёт личком,
11. А ко мне-то, младцу, идёт плечком.

III

1. Я поеду во Китай-город гуляти,
2. Всё китайские товары закупати.
3. Закуплю молодой жане покупку—
4. На диковину, на чудо жане шальку:
5. «Ты бяри, жана, не гордися,
6. Душа-сердца моя (да), не ломайси!»
7. Поглядитя вы, добраи люди,
8. Как мене-то, молодца, жана не любит,
9. Душа-сердца моя ненавидит,—
10. Кы людям-то жана идёт личком,
11. А ко мне-то, младцу, идёт плечком.
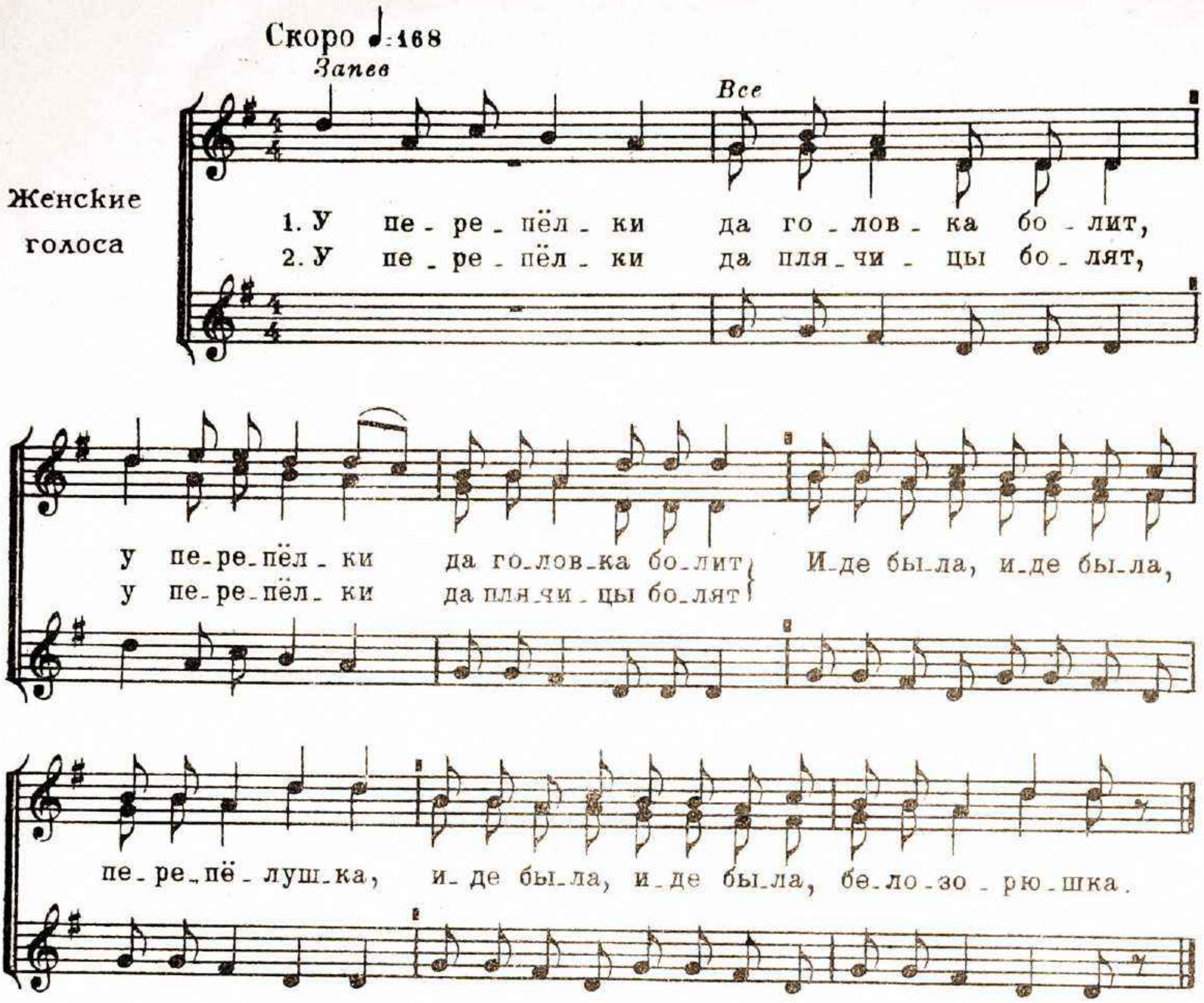
IV

1. Я поеду во Китай-город гуляти,
2. Всё китайские товары закупати.
3. Я куплю молодой жане покупку—
4. На диковину, на чудо жане плётку:
5. «Ты бяри, жана, не гордися,
6. Душа-сердца моя, не ломайси!»
7. Поглядитя вы, добраи люди,
8. Как мене-то, молодца, жана полюбит,
9. Душа-сердца моя поцалует,—
10. Кы людям-то жана пойдёт плечком,
11. А ко мне-то, младцу, пойдёт личком.

Станица Екатерининская, хутор Ильичев, 1895.

147. У ПЕРЕПЕЛКИ ГОЛОВКА БОЛИТ

У перепёлки всё болит

1. У пилипёлки да головка болит!
(Указывает на голову)

Припев:

Идé была, идé была, пилипёлушка,
Идé была, идé была, белозорюшка?[1]
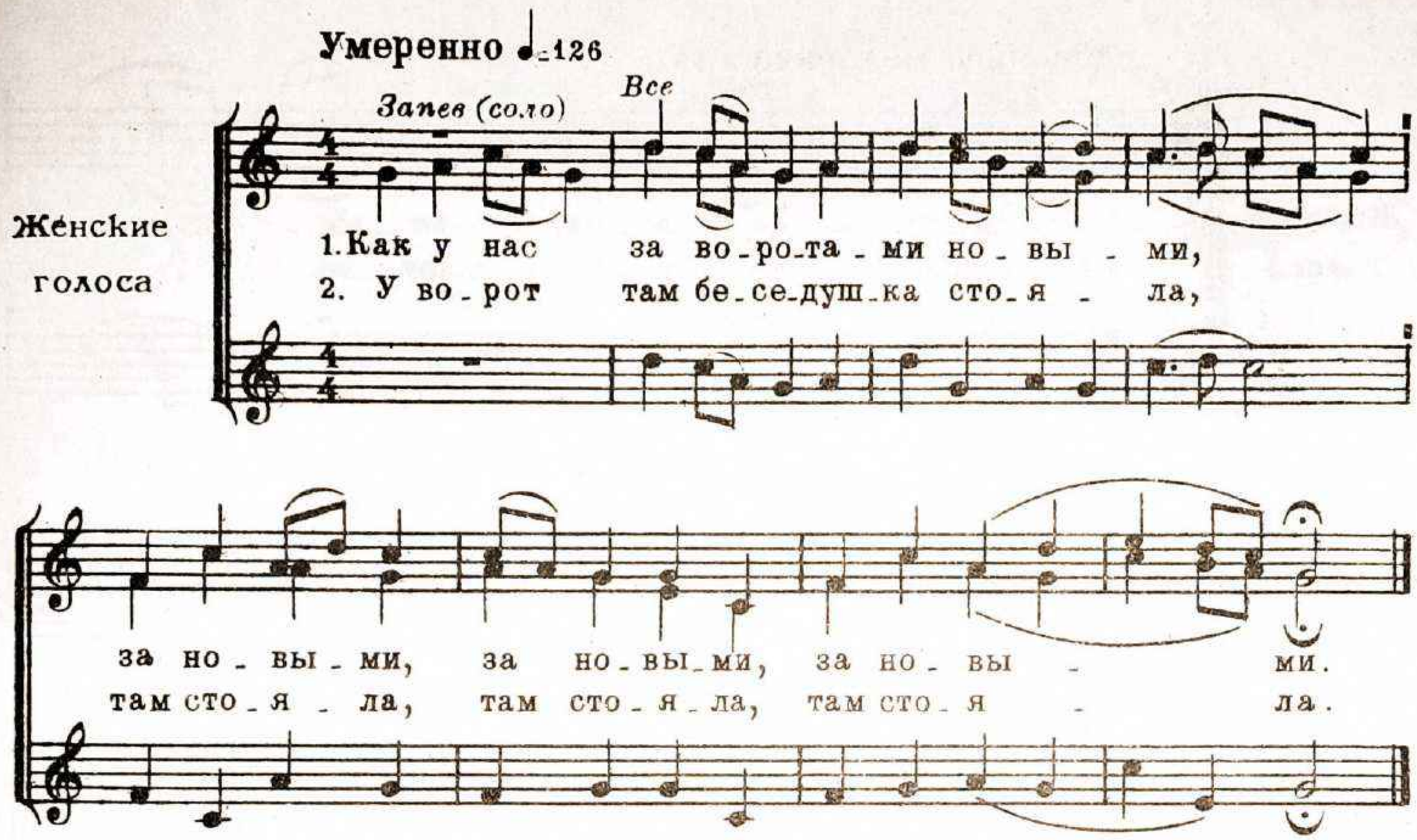
2. У пилипёлки да плячицы болят!
(Бьет по плечам ладонями)
3. У пилипёлки да ручонки болят!
(Мнет руки)
4. У пилипёлки да коленцы болят!
(Бьет по коленям)
5. У пилипёлки да подошвы болят!
(Садится)

Станица Екатеринская, 1898.

[1] Каждый стих повторяется. Припев ко всем строфам без изменений одинаковый.

148. КАК У НАС ЗА ВОРОТАМИ НОВЫМИ

Чернечище пьёт, гуляет

I

1. Как у нас за воротами новы́ми
   За новы́ми,[1]
2. У ворот там бесе́душка стояла,
   Там стояла.
3. Да во той во беседе стары бабы,
   Стары бабы.
4. Чернечища в каблучище[2] пьёт,
   гуляя,
   Пьёт, гуляя,
5. Да на голову низко надвигая,
   Надвигая,
6. Да на старых на бабок не взирая,
   Не взирая.

II

7. Как у нас за воротами новы́ми,
   За новы́ми,
8. У ворот там бесе́душка стояла,
   Там стояла.
9. Да во той во беседе красны девки,
   Красны девки.
10. Чернечища в каблучище пьёт, гуляя,
    Пьёт, гуляя,
11. Да каблук с головы чернец скидая,
    Вон скидая,
12. Да и красных девушек здоровляя,
    Здоровляя.

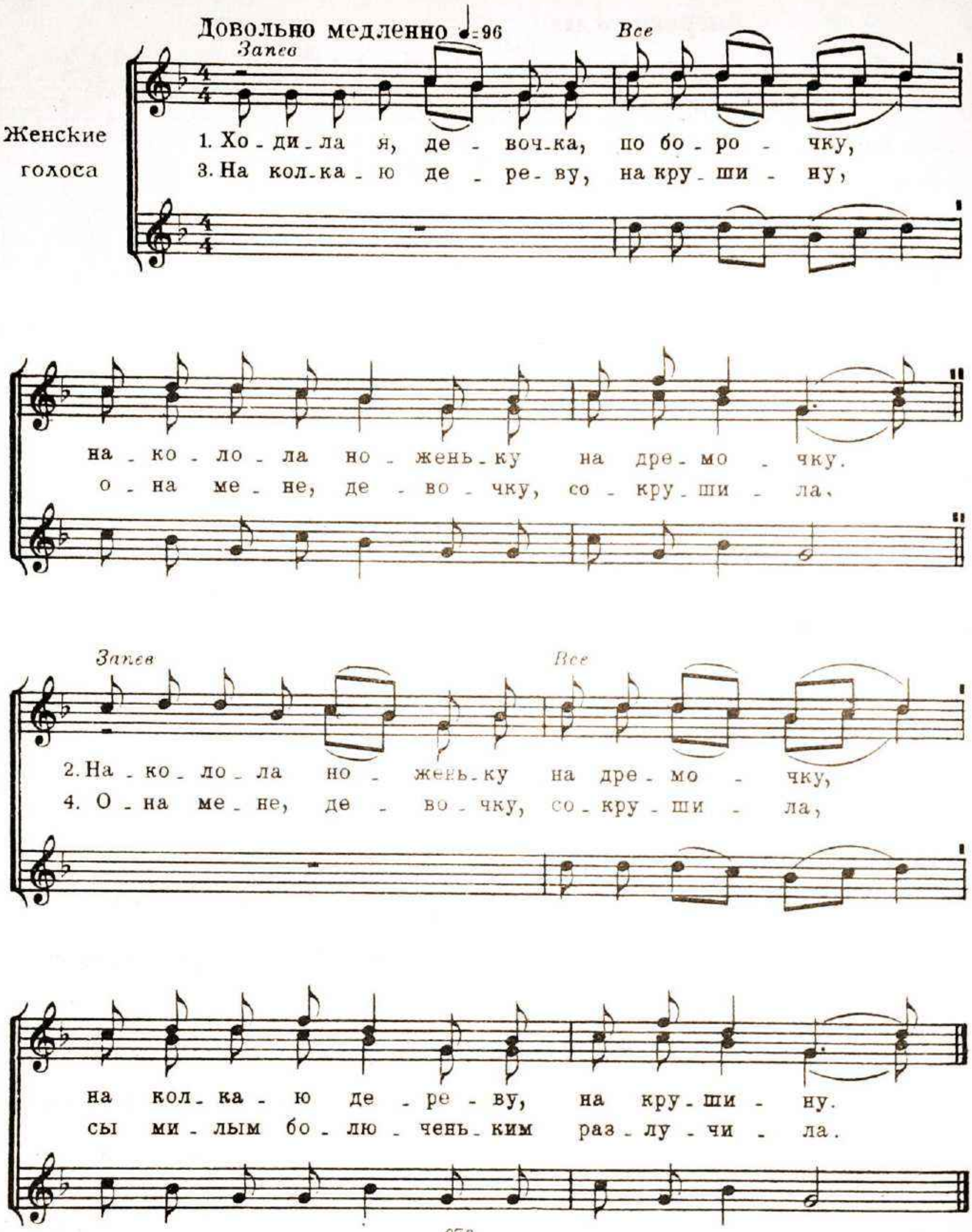
Станица Екатерининская, хутор Ясеновский, 1898.

---

[1] Четные стихи в двустишиях поются трижды.
[2] «Каблучище» — клобучище.

149. ХОДИЛА Я, ДЕВОЧКА, ПО БОРОЧКУ

Девочка и сын майорский

1. Ходила я, девочка, по борочку,
Наколола ноженьку на дремочку,
На колкаю дереву на крушину.[1]
Она мене, девочку, сокрушила,

5. Сы милы́м болюченьким[2] разлучила.
Болит, болит ноженькя, да не больно,
Любил, любил миленький, да не долго,
Не долгая времечка—три годочка.
Поехал мой миленький в городочек,

10. А я за ним, девочка, во следочек.
Гнала, гнала девочка не догнала,
Сы путя-дороженьки сывярнула.
Напала на ягодку земляничку,
Рвала, рвала ягодку приуснула.

15. Наехал на девочку сын маёрскай,
Маёрский сыночек-то Михалёвскай:[3]
«Вставаї, вставаї, девочка, поскорее,
Садись на конёчика посмелее.
У мене конёчики вороные,
У мене седелица золотые!»

Станица Екатерининская, 1898
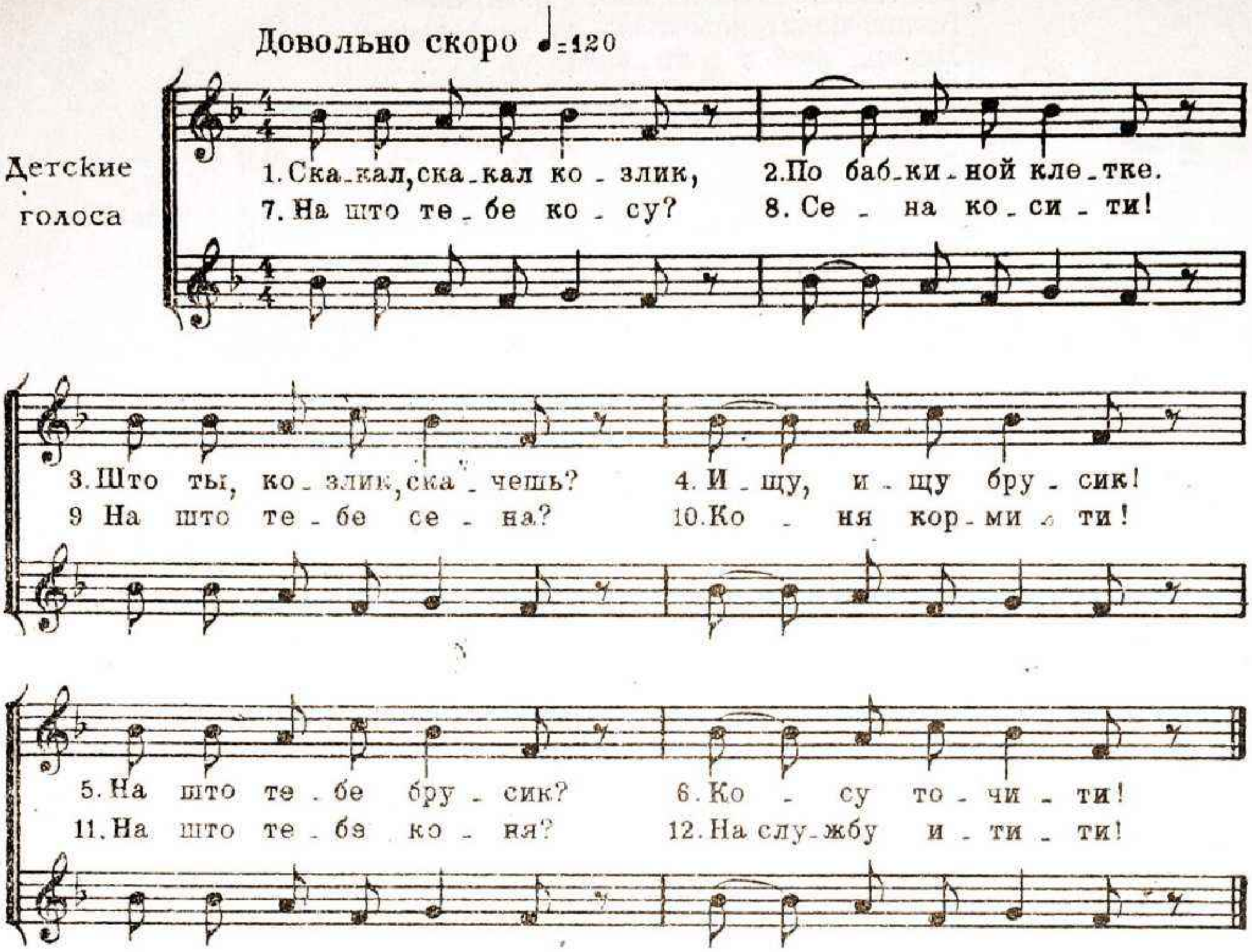
---

[1] Как объяснила одна из песенниц, крушина, «по нашаму, боярыня (боярышник), кустоватое дерево с мелкими листочками», очень густое.

[2] Болюченький, болючий, болезный — близкий, милый, родной, дорогой, по ком «болеют». У старых казачек — высшая степень ласкательности (болезочка, болечка).

[3] Бывшей Михалевской станицы, одной из частей «Старого города Черкасскова», ныне Старочеркасской станицы. «Маёр», «маёрскай»— майор, майорский.

150. СКАКАЛ, СКАКАЛ КОЗЛИК

Новогодняя величальная

Под новый год, по заходе солнца, ватага молодежи, войдя в дом, спрашивает:

— Проскакать вам козлика?
— А ну, скачите!—следует ответ.

Поют:

1. Скакал, скакал козлик
2. По бабкиной клетке:
3. «Что ты, козлик, скачешь?»
4. — «Ищу, ищу, брусик!»
5. «На что тебе брусик?»
6. — «Ко́су точити!»
7. «На что тебе косу?»

8. —«Сено косити!»
9. «На что тебе сено?»
10. — «Коня кормити!»
11. «На что тебе ко́ня?»
12. — «На службу итити!»
13. «Не служи королю,
14. Служи белому царю,—
15. Наш царь государь
16. Он помиловаить,
17. Он помиловаить,
18. Он пожаловаить
19. Коня в седле
20. В золотой вузде».

— Кого величать?[1]—спрашивает молодежь.
— Величайте Ванюшку!

Поют:
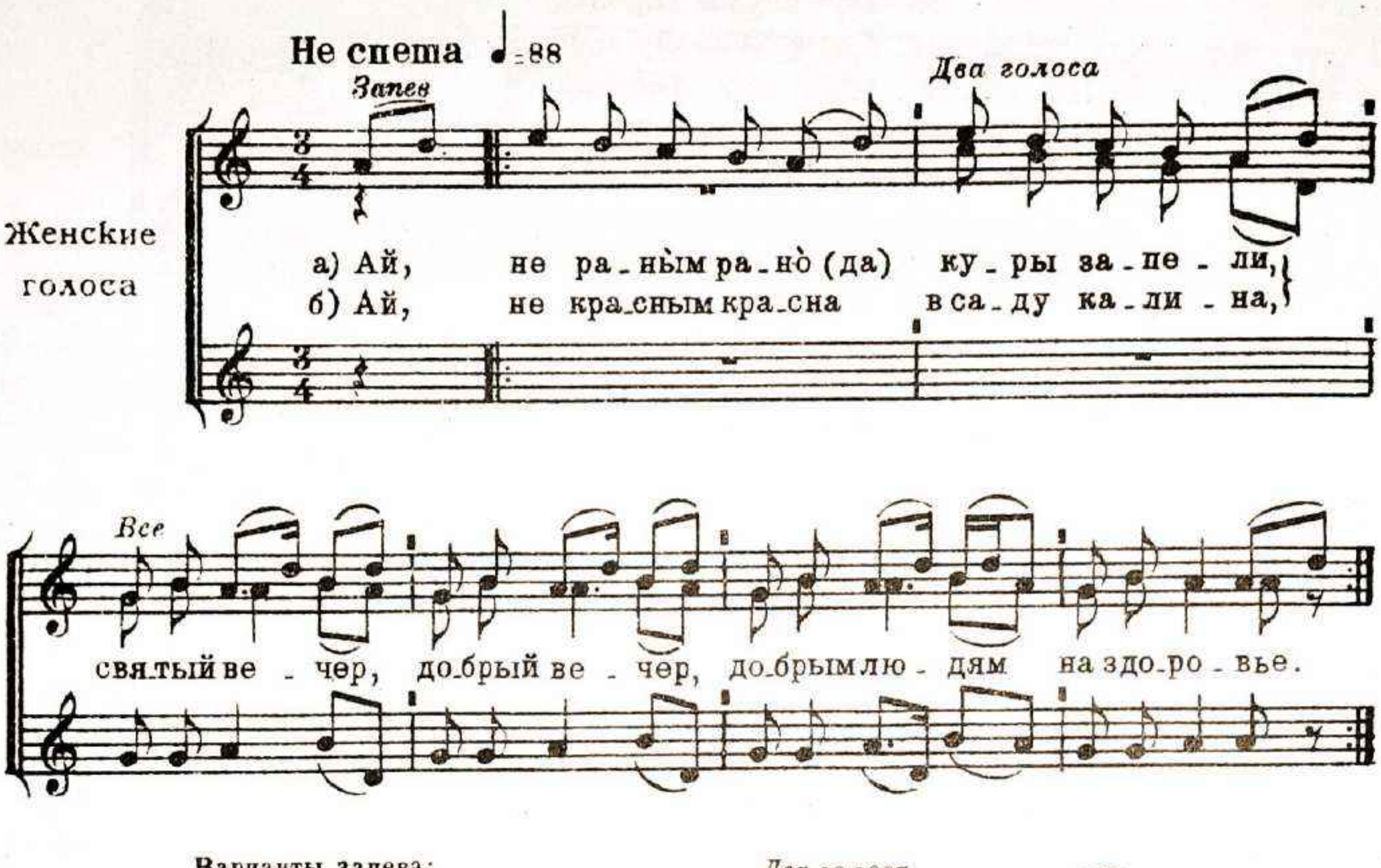
1. Как у Вани на дворе
2. Всё шалко́вая трава.
3. Стоит кунушка
4. С кукуняточками,[2]
5. С поросяточками:
6. Шестьсот поросят,
7. Одни ножки висят,
8. По дорожке свистят.[3]

Станица Екатерининская, хутор Ясеновский, 1899.
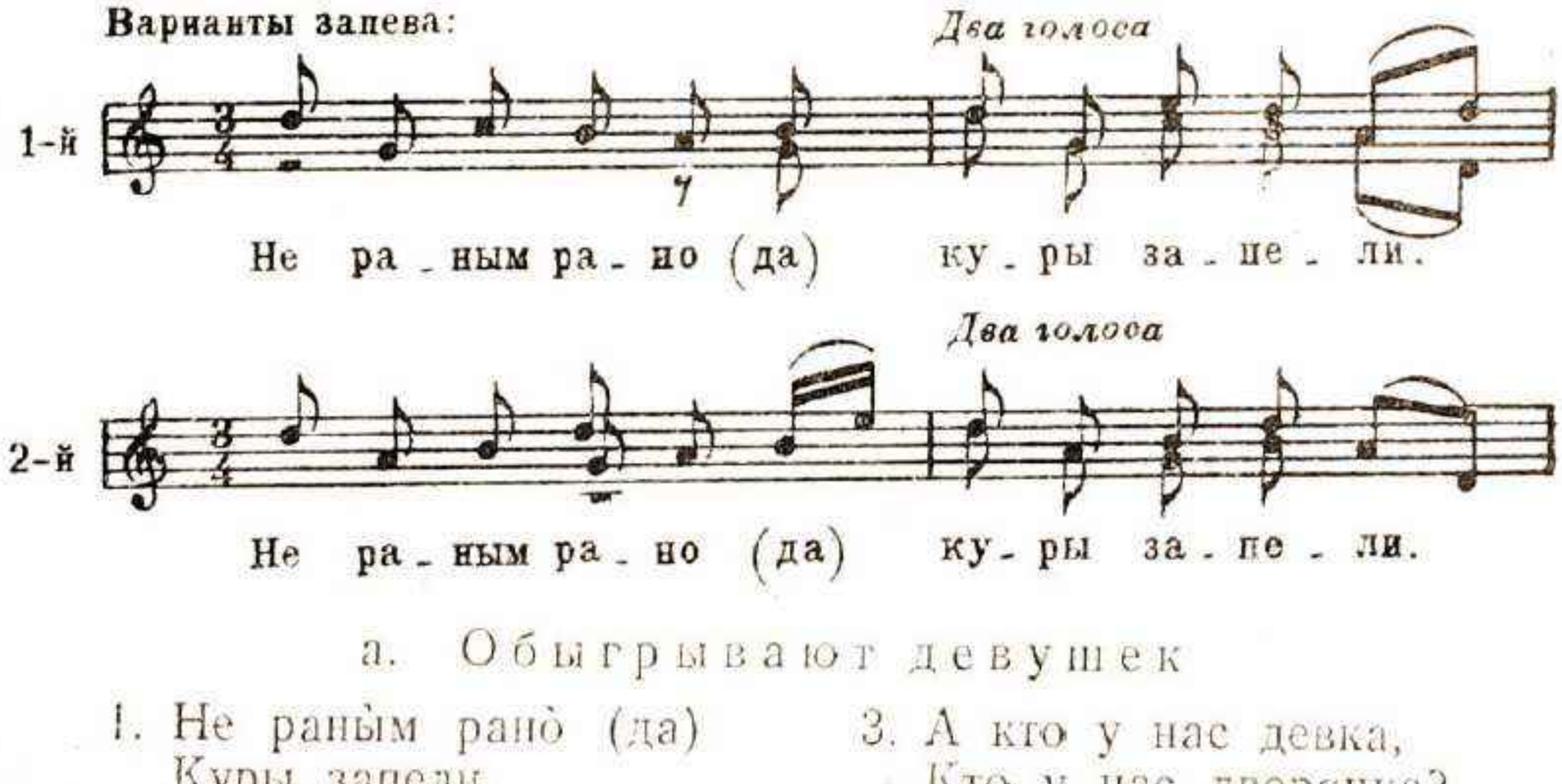
[1] Вар. более употребительный: «Кого обыгрывать?»
[2] Вар. «сы кунятоцкамн».
[3] Вар. «бежат».

151. НЕ РАНЫМ РАНО

Новогодние величальные

Варианты запева:

а. Обыгрывают девушек

1. Не раны́м рано́ (да)
Куры запели,

Припев:

Святый вечер,
Добрый вечер,
Добрым людям
На здоровье![1]

2. А еще рано́ —
Белая заря.

3. А кто у нас девка,
Кто у нас дворянка?
4. А Полюшка девка,
Пятровна дворянка.
5. Рано уставала,
Голову чесала,
6. Голову чесала,
Косу заплетала,
7. Косу заплетала,
Ленту убирала,

[1] Припев к каждой строфе без изменений. Все четыре варианта поются на один напев.

8. Ленту убирала,
Шубу надевала,
9. Шубу надевала,
К обедне спешила,
10. К обедне спешила,
У дверей стояла,
11. У дверей стояла,
Жениха выбирала,
12. Жениха выбирала:
«Краснай поясочек,
13. Краснай поясочек—
Тут мой женишочек!»

б. Обыгрывают девушку

Охотнику дѐвица

(Вариант).

1. Не красны́м красна
В саду калина,
2. А ещё краше
Девка в тереме.
3. Рано уставала,
Голову чесала,
4. Голову чесала,
Косу заплетала,
5. Косу заплетала,
Ленту увивала.
6. К обедне ишла,
Как заря взошла.
7. В обедне стоит,
Как свеча горит.
8. С обедни ишла,
Как пава плыла.
9. На й-устречу девке,
На й-устречу павке
10. Удалой молодчик,
Что-й наш Ванюшка:
11. «Здравствуй, паночка,
Ты дворяночка!»
12. —«Я не паночка,
Не дворяночка,—
13. Петрова я дочка,
Да что-й Полюшка!»

в. Обыгрывают парня

1. Не раны́м ра́но
Куры запели,
2. А еще пора́не
Ваня й-уставал,
3. Лучком прозвонил,
Братцав пробудил:
4. «Уставайтя, братцы,
Седлайтя коней,
5. Да поедемтя
На й-охотушку!
6. Как и вам, братцы,
Куну в дереве,
7. А мне, мо́лодцу,
Девку в тереме,
8. Девку в тереме,
Да что-й Полюшку,
9. Мою Полюшку,
Свет Петреевну!»

г. Величают парня
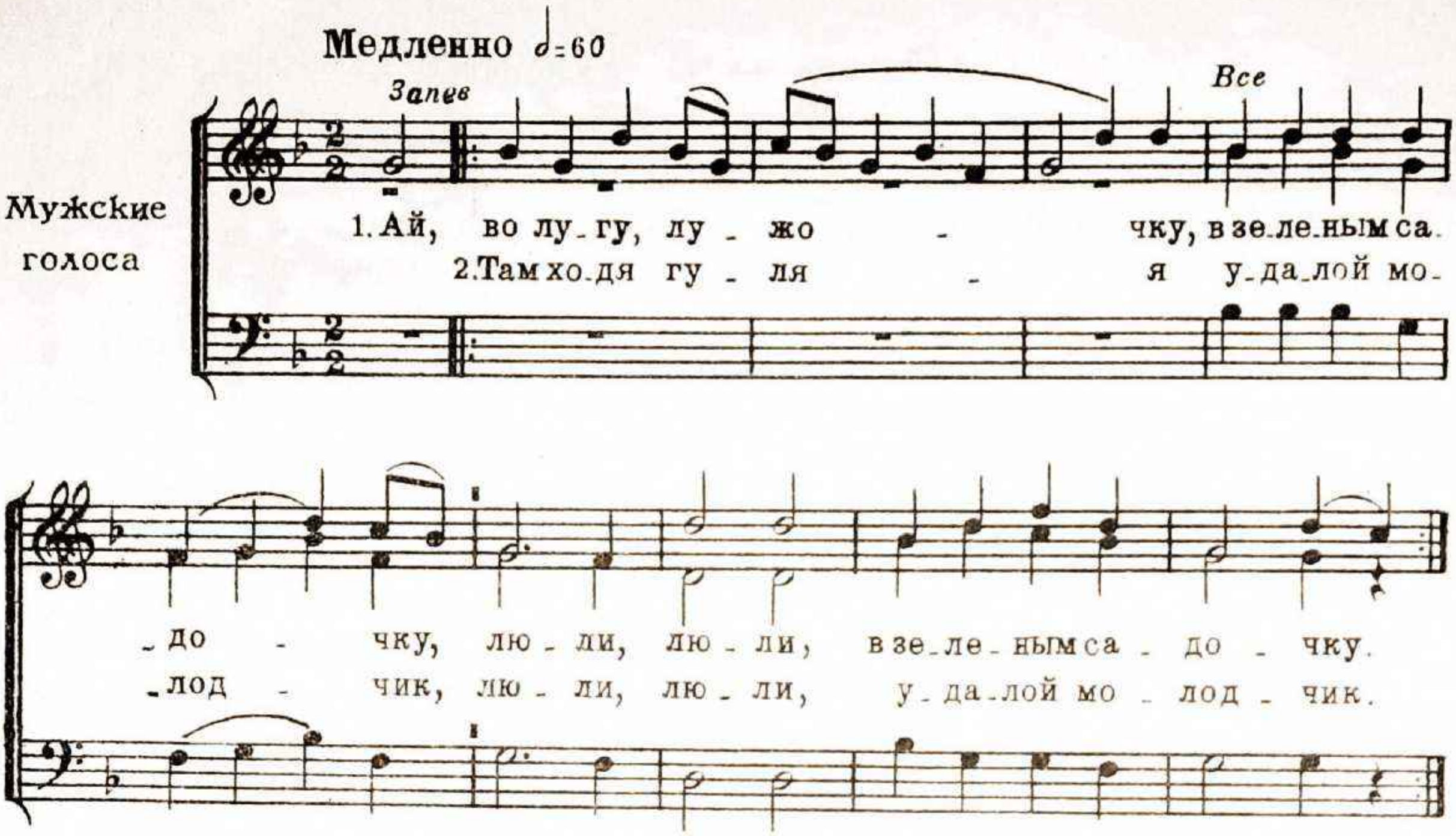
(Вариант)

1. Не раны́м ра́но
Куры запели,
2. А еще ране́,
Занялась заря.
3. А кто у нас парень,
Кто у нас дворя́нин?
4. Иванушка парень,
Андреич дворя́нин!
5. Рано уставая,
Конёчка седлая,
6. Конёчка седлая,
На охоту езжая,
7. На охоту езжая,
Стрялу выпущая.

Станица Бело-Калитвенская, 1898.

152. АЙ, ВО ЛУГУ, ЛУЖОЧКУ

Девочка поборола мòлодца

1. Ай, во лугу, лужочку, в зеленым садочку.

Припев:

Лю́ли, лю́ли,—в зеленым садочку.

2. Там ходя, гуляя удалой молодчик.

Припев:

Лю́ли, лю́ли,—удалой молодчик,—[1]

3. Клича, выкликая девку за вороты:
4. «Дозволь, дозволь, девочка, с тобой побороться!»
5. Вот красная девочка к младцу выходила,
6. К младцу выходила, яму говорила:
7. — «Вот я-ж табе, молодец, крепко прибесчестю
8. При мирны́м народе, в большом карагоде!»
9. Вот красная девочка парня поборола:
10. Шапочку хуражачку с головы сорвала,
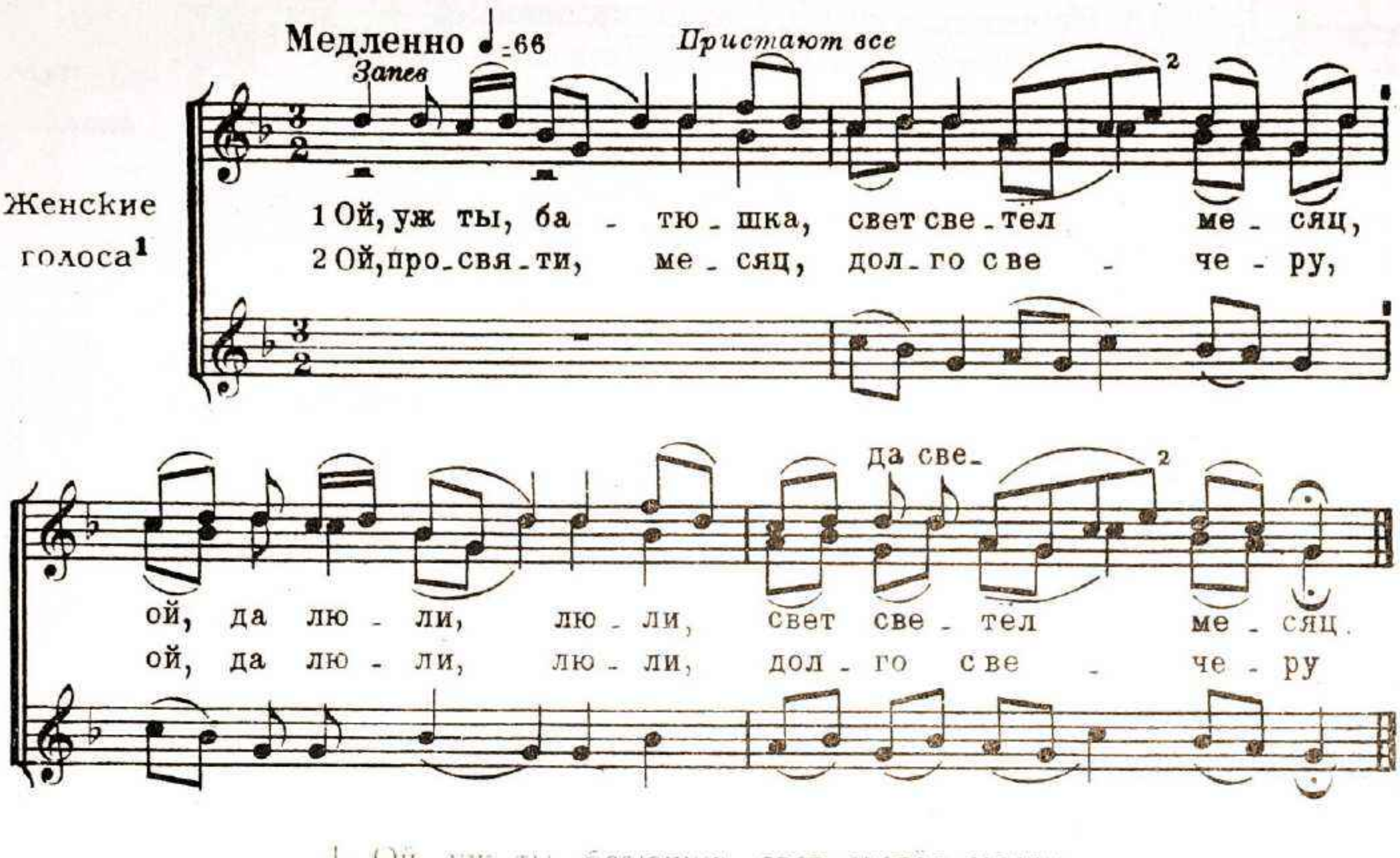
---

[1] Припев после каждого стиха по данным образцам.

11. На нём черны кудярцы девка сколыхала,
12. Сафьяны сапожачки ис ног поскидала,
13. Шалковинькай галстучик на нем развизала,
14. Миткальну рубашачку на нем разорвала,
15. Сераю шинелюшку на нем замарала.
16. Ой, тут добрай молодец вон слезно заплакал:
17.— Родимая маминька, начто породила,
18. Несчастною долею младца надялила!»
19. Вот красная девочка парня сужилела:
20. На нем черны кудярцы она расчесала,
21. Синию хуражачку яму надевала,
22. Сафьяны сапожачки яму обувала,
23. Шалковинький галстучек яму подвизала,
24. Миткальну рубашачку на нем зашивала,
25. Сераю шинелюшку она обчищала.
26. Вот красная девочка яму говорила:
27. «Пойдем, добрай молодец, с тобой помиримся!»

Станица Каменская, 1903.

153. ОЙ, УЖ ТЫ, БАТЮШКА СВЕТ СВЕТЁЛ МЕСЯЦ

Старый муж всё журит, бранит
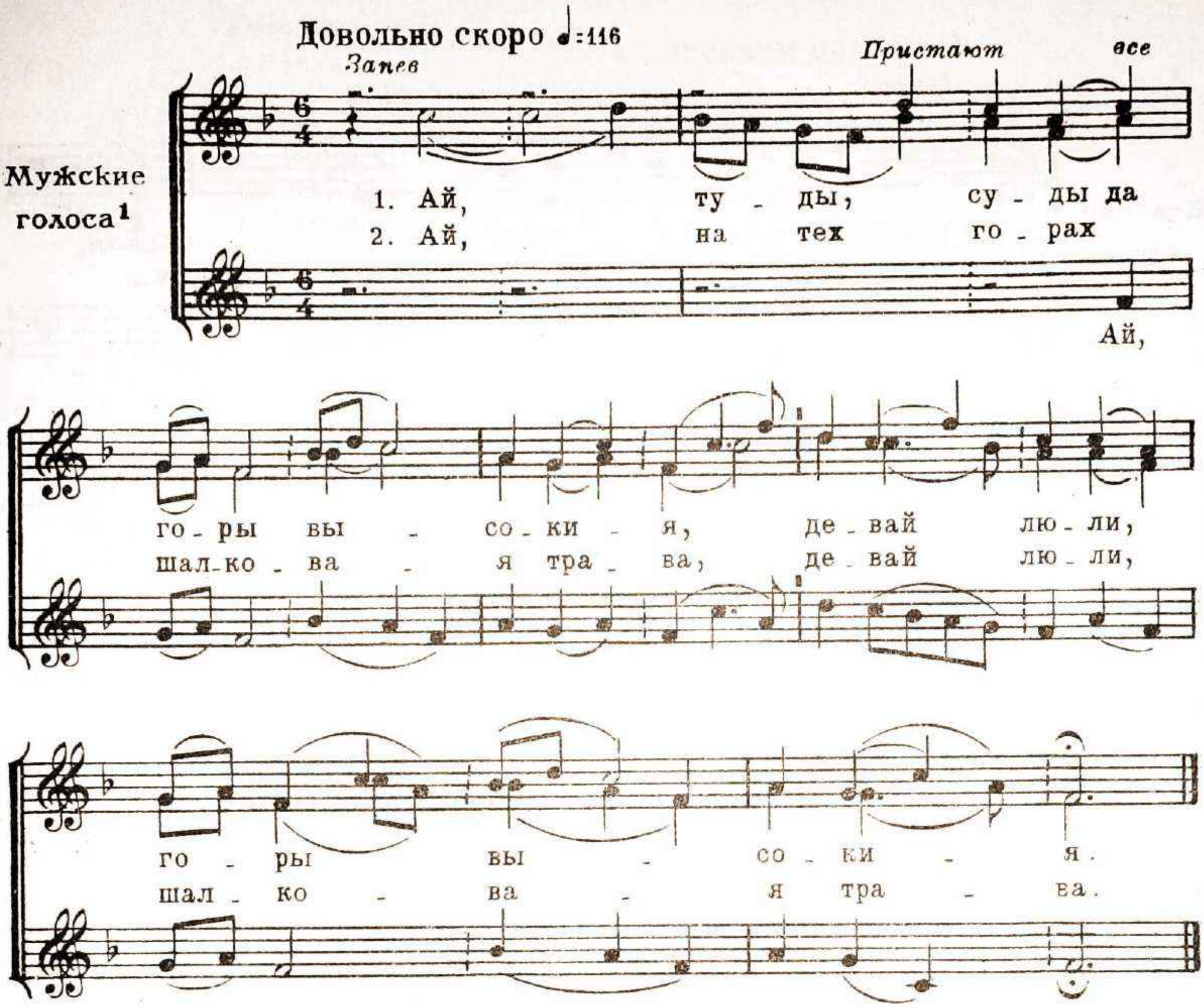

1. Ой, уж ты, батюшка, свет светёл месяц,
Припев: Ой, да люли́, люли́, свет светёл месяц!
2. Ой, просвяти, месяц, долго с вечеру,
Припев: Ой, да люли́, люли́, долго с вечеру,[3]
3. Ой, долго с вечеру до полу́ночи,
4. Ой, сы полуночи до бялóй заре,
5. Ай, сы бялой заре до красна́ сонца!
6. Ай, освятил месяц нову горенку,
7. Ай, новаю горенку, каравать мою,
8. Ай, каравать мою да мяня, младу,
9. Ай, да мяня, младу, сы стары́м мужам:
10. Ай, вот и старай муж на руке ляжит,
11. Ай, на руке ляжит во глаза глядит,
12. Ой, во глаза глядит, всё журит, бранит,
13. Ой, сам журит, бранит, всё побить хотит, —
14. Ой, ня вялит играть сы рябятами,
15. Ой, сы рябятами, сы жанатами:
16. Ой, у них жéны то все рявниваи,
17. Ай, всё рявниваи, они крупостливаи.

Станица Зотовская, 1903.

[1] Песня эта исполняется также и мужским составом и смешанным.
[2] Немного пониженное.
[3] Припев после каждого стиха по данным образцам.

154. АЙ, ТУДЫ-СУДЫ ГОРЫ ВЫСОКИЕ

Старый девок подговаривал

1. Ай, туды-суды да горы высокие
Припев: Дева-й лю́ли, горы высокие!
2. Ай, на тех горах шалкова́я трава,
Припев: Дева-й лю́ли, шалкова́я трава,[1]
3. Ай, на той траве да водяная роса;
4. Ай, по той росе да стар коня тряножил,
5. Ай, он тряножил да растряноживал,
6. Ай, с собой девык да подговаривал:
7. —Ай, вы, девочки, да, полюбитя мяня,
8. Ай, красавицы, да, похвалитя мяня!»
9. —«Ай, мы старова да духу нѐ любили,—
10. Ай, во след ямў да камень ка̀тавали,
11. Ай, в ступень ямў да жару сы̀павали!»
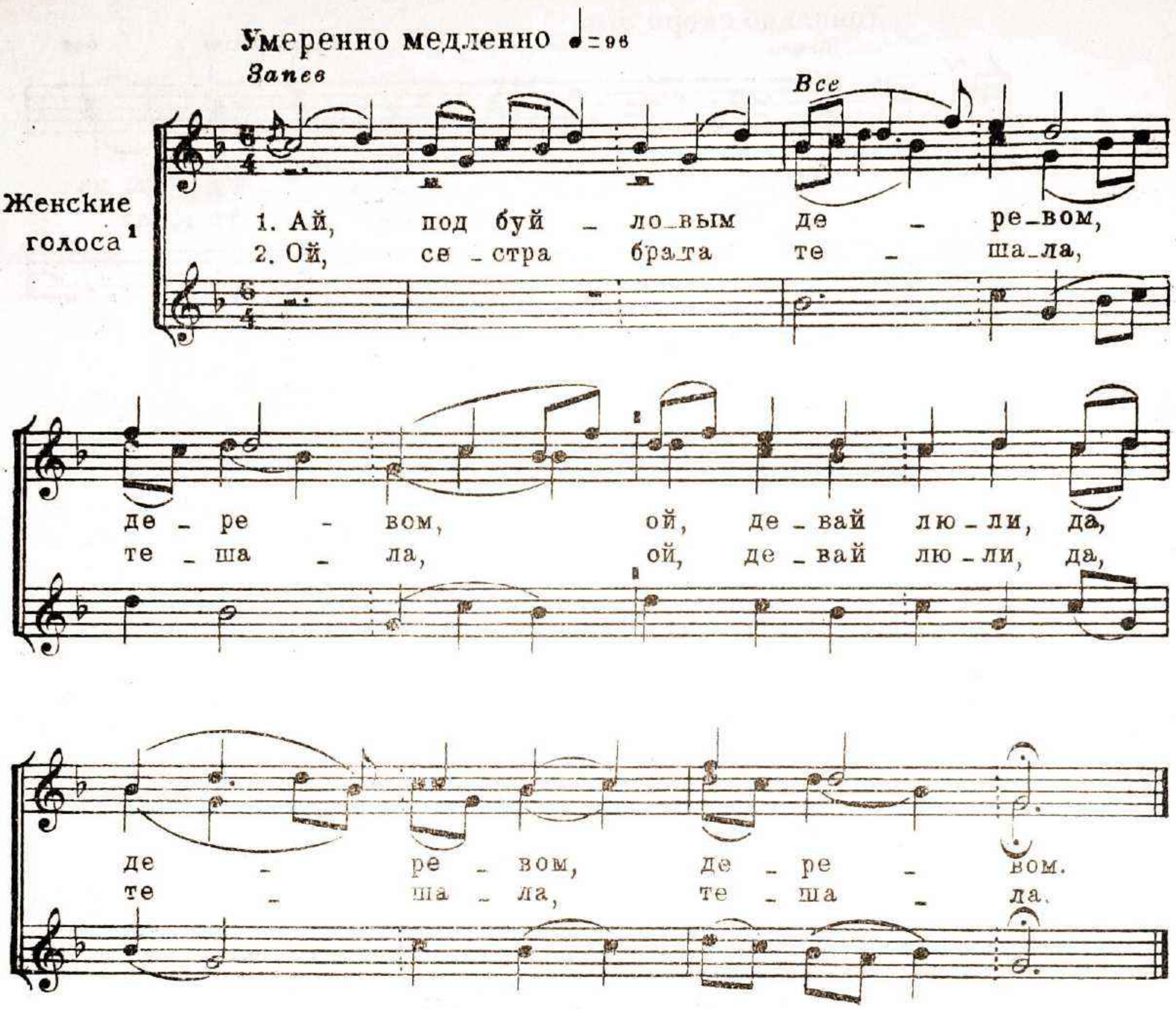
Станица Зотовская, 1903.

---

[1] Песня исполняется также и женским составом и смешанным. Припев после каждого стиха по данным образцам.

155. АЙ, ПОД БУЙЛОВЫМ ДЕРЕВОМ

Наш батюшка во Москве с боярами

1. Ой, под буйловым деревом, деревом
Припев:
Ой, дéва-й люли да, деревом, деревом,[1]

2. Ой, сястра брата тешала, тешала,
3. — «Ой, ня плачь, братец, соколик, соколик!
4. Ой, нашаво батюшку видели, видели:
5. Ой, наш батюшка да вó Москве, вó Москве,
6. Ой, с боярами да вó гульбе, вó гульбе,—
7. Ой, за столом сидят кушают, кушают,
8. Ой, гусей-лебедей рушают, рушают!»

Станица Зотовская, 1903.

---

[1] Песня исполняется и мужским составом.
[2] Припев после каждого стиха по этому образцу.

156. КАК ПО РЕЧКЕ, ПО РЕКЕ

Плывёт бобёр, плачет

1. Как по речке, по реке,
Вдоль по быстрой реке,

Припев:

Ой, дева-й люли,
Вдоль по быстрой реке,[2]

2. Не бобёр там и плывёт,
И плывёт, и плачет,

3. И плывёт, и плачет,
Чижало вздыхает:

---

[1] Песня исполняется и мужским составом.
[2] Припев после каждого двустишия по этому образцу.

4. «Как мне, бобру, ведь ня плыть,
Ведь ня плыть, ня плакать,

5. Да ня плыти, ня плакать,
Чижало ня вздыхать?

6. У попа ли попадья
Не й-урядлива была.

7. Поп хочет шубу[1] шить
Ды-й бобром опушить,

8. Ды-й бобром опушить,
Кумачём обложить,

9. Кумачём ей-ей обложить,
Чёрным шёлком й-острочить,

10. Чёрным шёлком й-острочить
Попадью снарядить,

11. Попадью снарядить,
Всё к обедне проводить!»

12. Ой, к обедне й-она идёт,—
Шубу по земе[2] несёт,

13. От обедни идёт,
За рукав шубу волокёт,
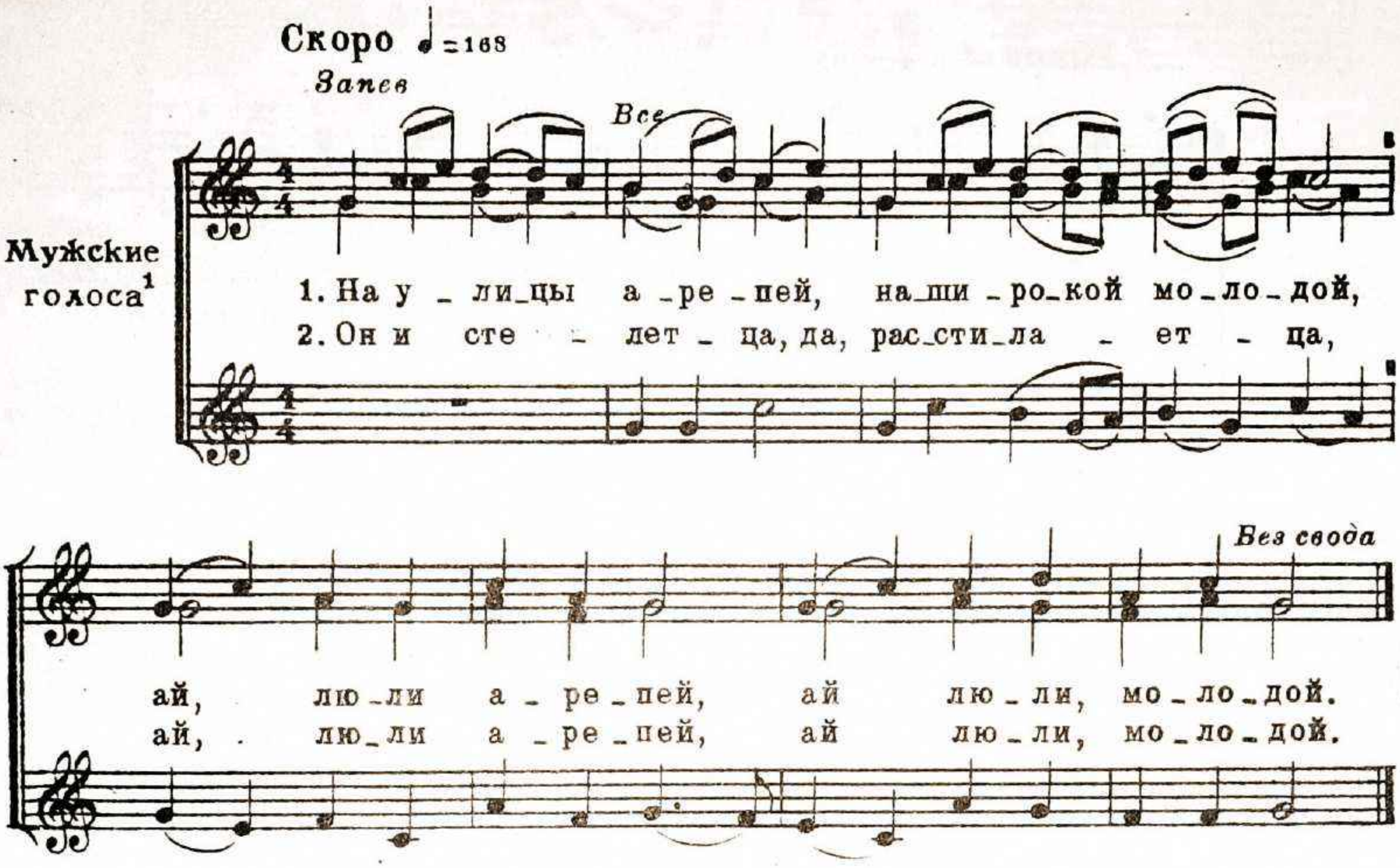
14. От обедни пришла,—
Шубу под лавку бросила.

Станица Зотовская, 1903

[1] Вар. «шубочку».
[2] «По земе» — по земле.

157. НА УЛИЦЕ АРЕПЕЙ

Не быть свёкру родней батюшки

1. На улицы арепей, на широкой молодой,

Припев:

Ай, лю́ли, арепей, ай, лю́ли, молодой.[2]

2. Он и стелется да, расстилается.
3. Как ня быть арепью сы тыно́м ровну́,
4. Сы тыно́м ровну́, сы плятнём плотну́.
5. Да ня быть свякру́ родней батюшки,
6. Да ня быть свякры́[3] милей матушки,
7. Да ня быть деверю́ родней бра́теца,
8. Не золовушке быть родней се́стрицы.
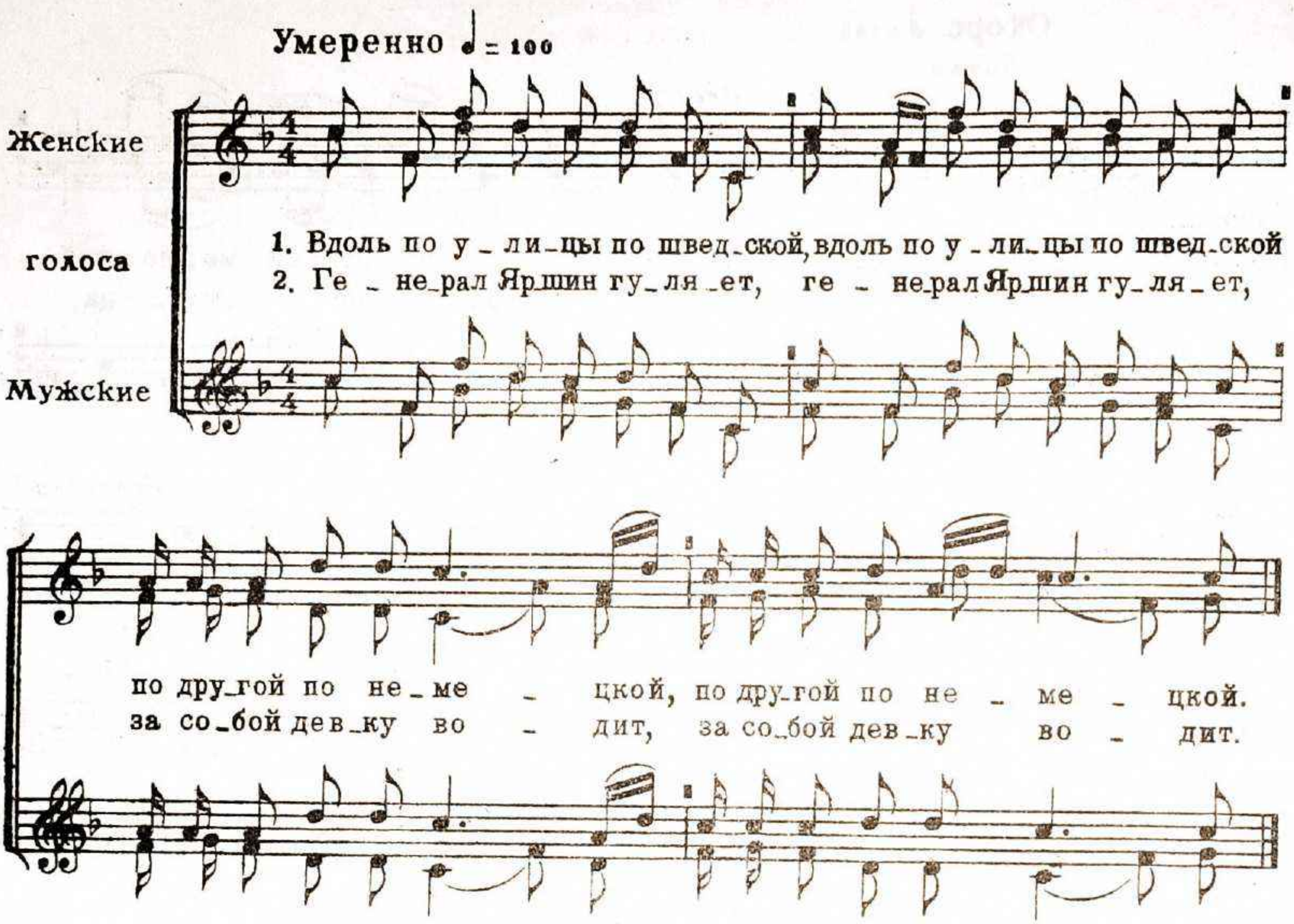
Станица Зотовская, 1903.

---

[1] Песня исполняется и женским составом.
[2] Один и тот же припев после каждого стиха.
[3] «Свякры» — свекрови.

158. ВДОЛЬ ПО УЛИЦЕ ПО ШВЕДСКОЙ

Генерал Яршин гуляет

1. Вдоль по й-улицы по Швецкой,[1]
   По другой по немецкой

2. Генерал Яршйн гуляет,
   За собою девку водит,

3. За собою девку водит
   За праваю ручку,

4. Вон за праваю за ручку,
   За золот её перстень.

5. «Двое, двое мы с тобою,
   Третий висок тёрем!»
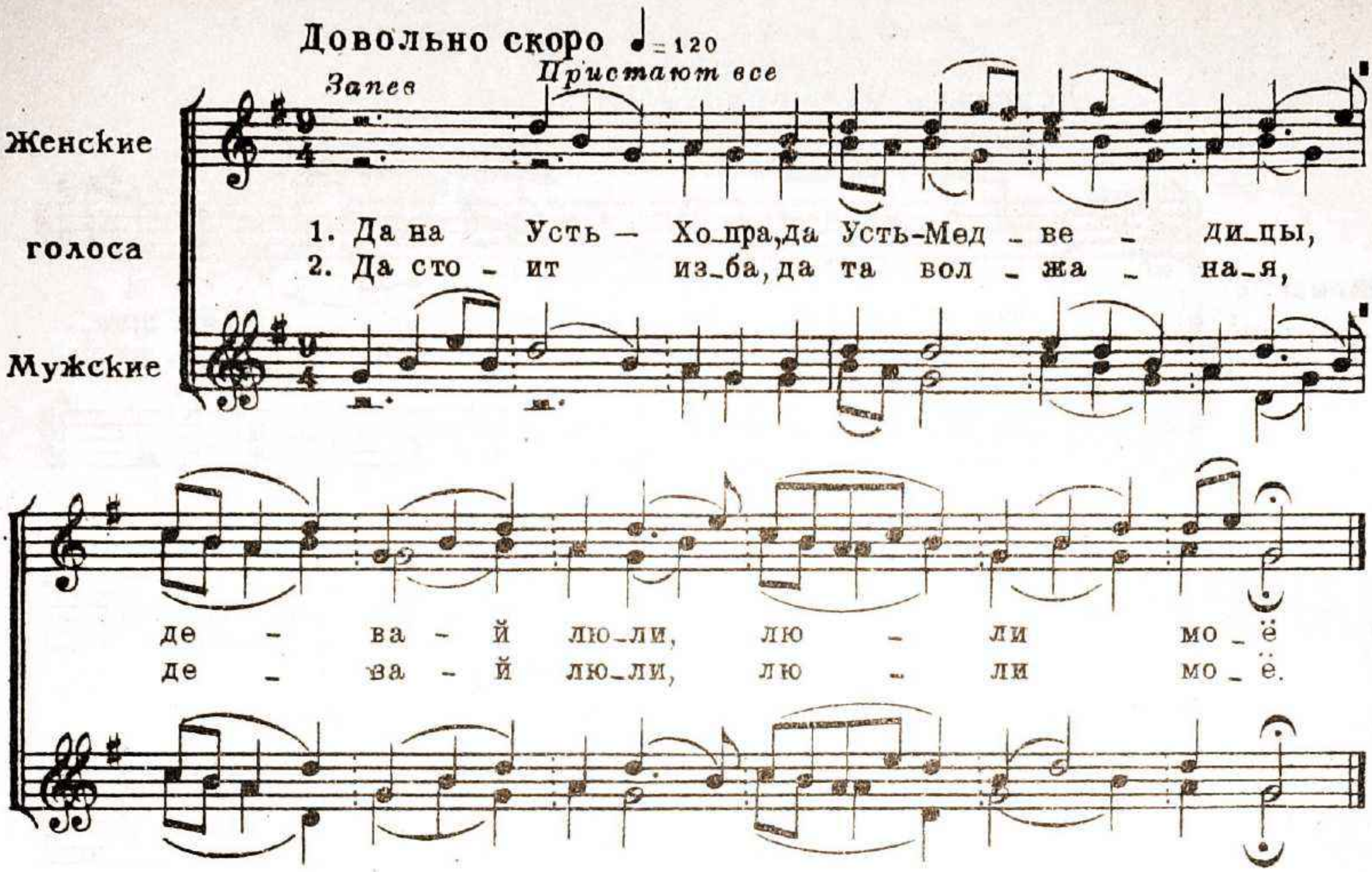
Станица Зотовская, 1903

---

[1] Каждый стих повторяется.

159. ДА НА УСТЬ-ХОПРА, УСТЬ-МЕДВЕДИЦЫ

Три загадочки

1. Да на Усть-Хопра-да, Усть-Медведицы,

Припев:

Дева-й люли, люли́ моё![1]
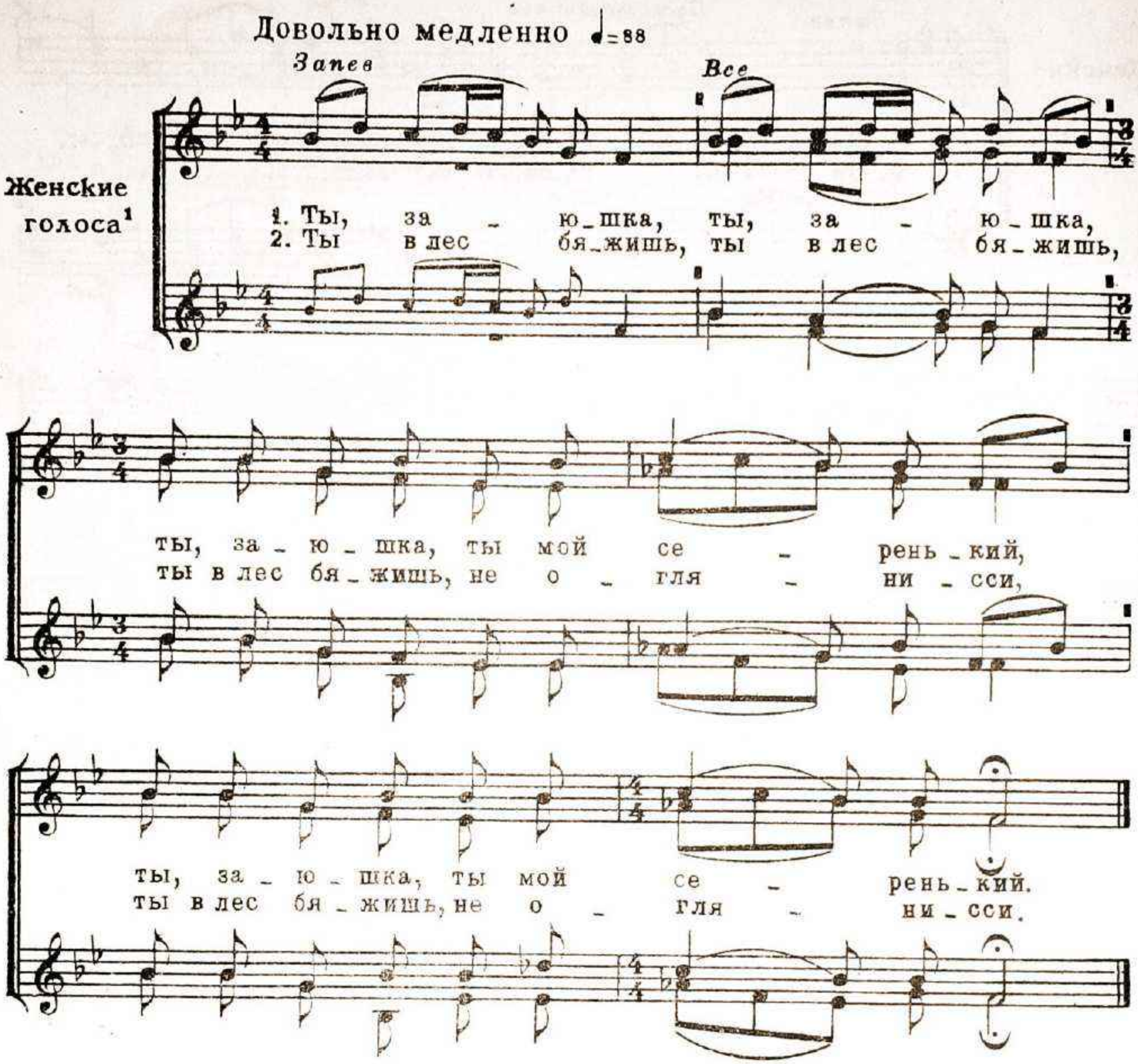
2. Там стоит изба-да таволжаная,
3. Таволжаная-да хворостя̀ная.
4. Как во той избе-да холостёжь сидит,
5. Холостёжь сидит нежанатая,
6. Нежанатая-да волохатая.
7. «Загадаю вам-да три загадочки,
8. Три загадочки-да, три ня хитран,
9. Три ня хитран-да, три ня мудран:
10. Что бяз ног бяжит, что бяз крыл лятит,
11. Что бяз крыл лятит, без корьня́ растёт?»
12. «Как бяз ног бяжит всё быстра́ ряка,
13. А бяз крыл лятит-да мать грозна́ туча,
14. Без корьню́ растёт-да бел горюч камень».

Станица Зотовская, 1903

[1] Припев без изменений.

160. ТЫ, ЗАЮШКА

Ну, и чем она лучше меня!

1. Ты заюшка, ты заюшка,
   Ты заюшка, ты мой серенький![2]

2. Ты в лес бяжишь, ты в лес бяжишь,
   Ты в лес бяжишь, не оглянисси.

---

[1] Песня исполняется и мужским составом.
[2] Каждый четный стих повторяется.

3. Гуляешь, друг, гуляешь, друг,
Гуляешь, друг, день до вечеру;

4. Домой идёшь, домой идёшь,
Домой идёшь, всё ругаисси.

5. Ложисси спать, ложисси спать,
Ложисси спать на тесову каравать,

6. Ко мне, младой, ко мне, младой,
Ко мне, младой, своей белою спиной.

7. Ну, и чем она, ну, и чем она,
Ой, чем она, шельма, луччи мяня?

8. Лицом она, лицом она,
Лицом она не румяней, друг, мяня,

9. Бровью́ она, бровью́ она,
Бровью́ она не чернее, друг, мяня,—

10. Одним она, одним она,
Одним она, шельма, луччи мяня:

11. Пощи́петней, [1] пощи́петней,
Пощи́петней шельма ходит мяня.
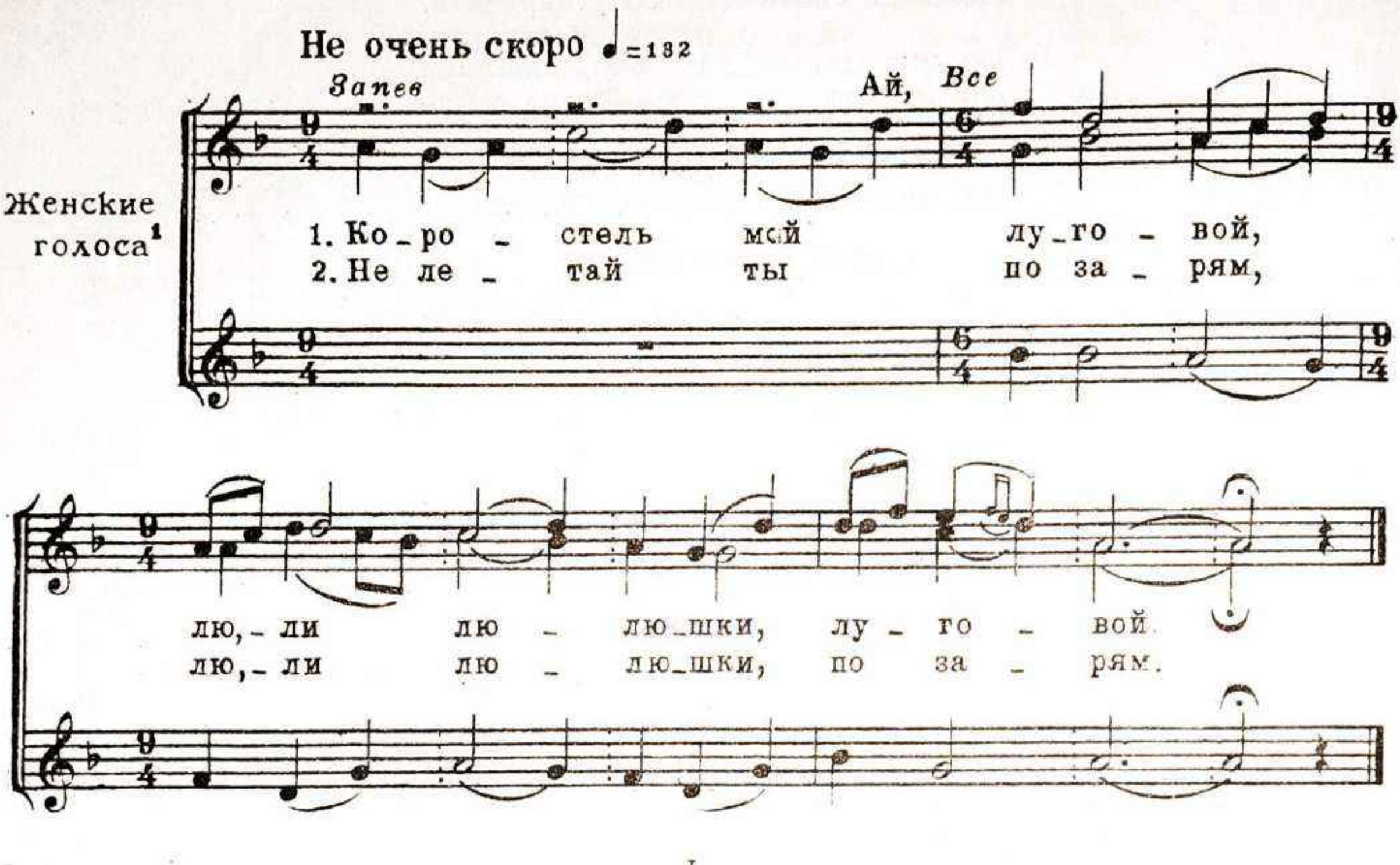
Станица Зотовская, 1903

---

[1] Походочка «щипетная» — мелкая, щеголеватая.

161. КОРОСТЕЛЬ МОЙ ЛУГОВОЙ

Мачеха и родная мать

I

1. Коростель мой луговой,
Припев:
Люли, люлюшки, луговой![2]
2. Не лятай ты по зарям,
3. Не мяшай ты девке спать!
4. У той девочки мачеха,—
5. С вечеру поздно спать кладёт,
6. По й-утру рано сбуживает.

II

7. Коростель мой луговой!
8. Поляти ты по заре,[3]
9. Помяшай ты девке спать!
10. У той дѐвицы мать родна,—
11. Ввечеру рано спать кладёт,
12. По й-утру поздно сбуживает.
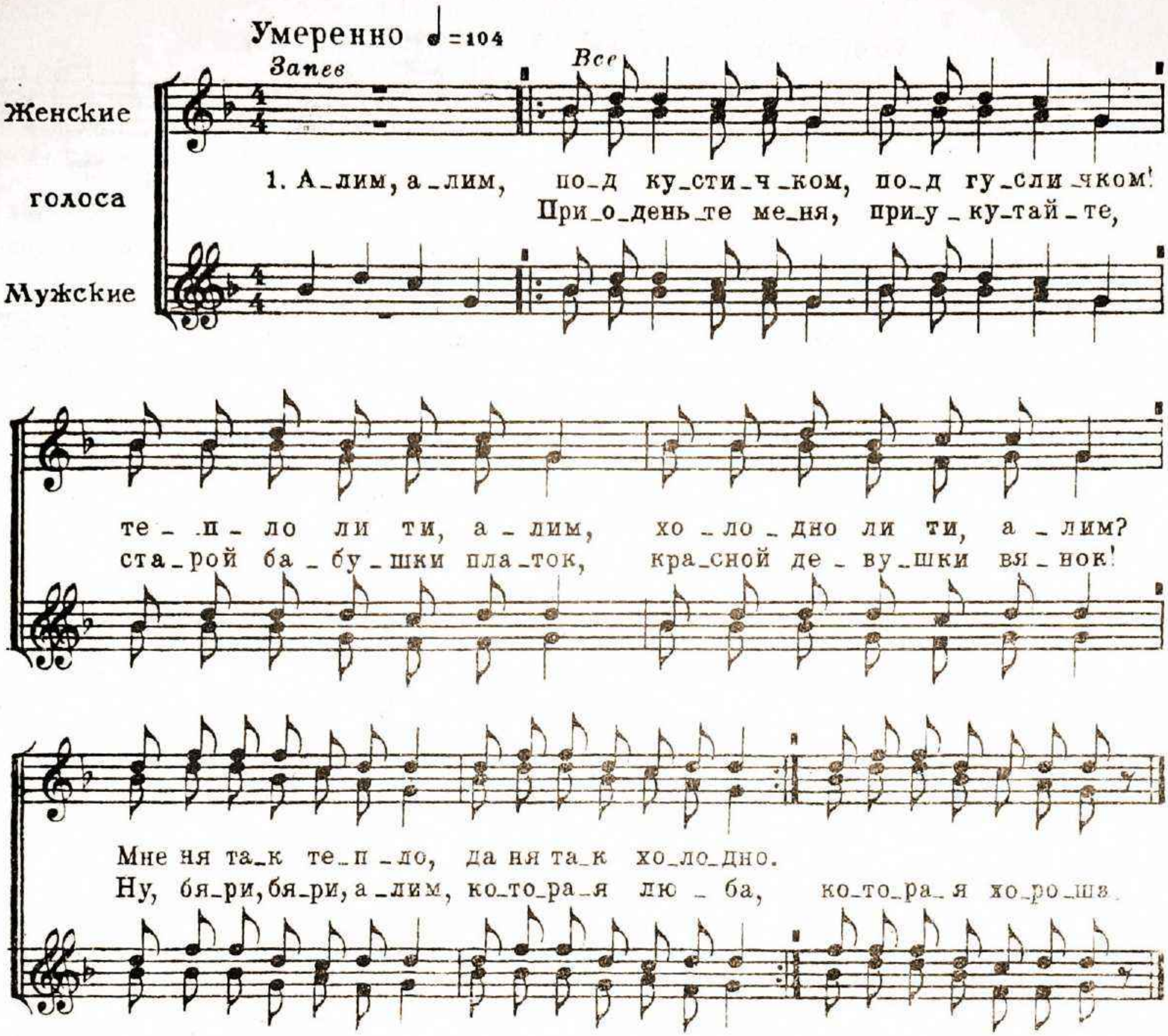
Станица Зотовская, 1903.

---

[1] Песня исполняется и мужским составом.
[2] Припев после каждого стиха.
[3] Вар. «по зарям».

162. АЛИМ, АЛИМ

Тепло ли ти, алим?

1. Алим, алим,
2. Под кустичком, под гусличком!
3. «Тяпло ли ти,[1] алим, холодно́ ли ти, алим?»
4. «Мне ня так тяпло, ня так хо́лодно,
5. Прийоденьтя мяня, прийукутайтя,—
6. Старой бабушки платок, красной девушки[2] вянок!»
7. «Бяри, бяри, алим,[3] которая люба,
8. Которая хороша!»
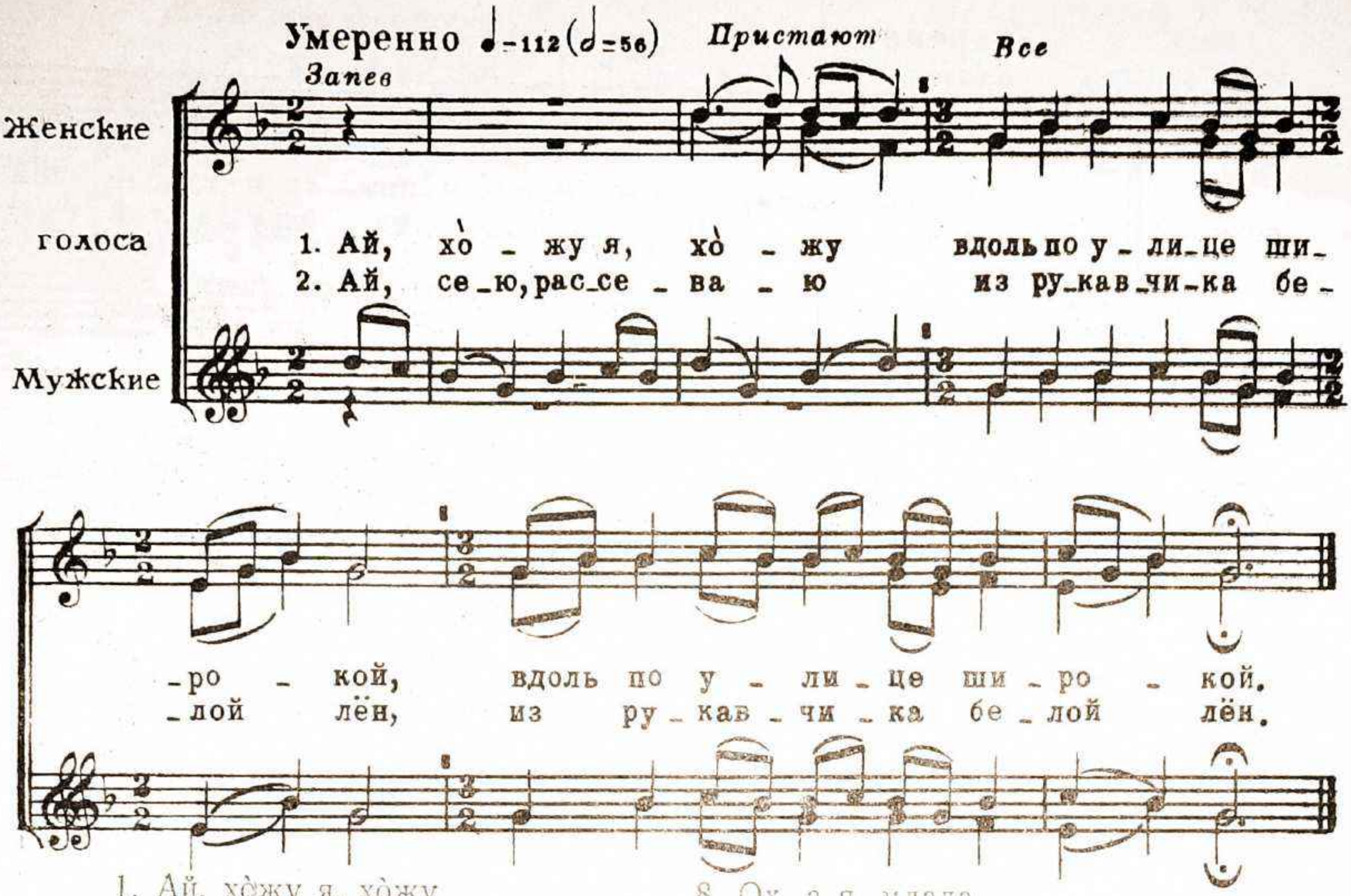
Станица Арженовская, 1903.

---

[1] Слышалось и «ти» (тебе) и «те».
[2] Вар. «девицы».
[3] В станице Березовской не «алим», а «олень».

163. АЙ, ХÒЖУ Я, ХÒЖУ

С кем леночек буду брати?

1. Ай, хо́жу я, хо́жу
Вдоль по й-улицы широкой,[1]

2. Ай, сею, рассяваю
Из рукавчика бялой лён:

3. —«Ох, родись, ляночек,
Родись, лянок, тонок, до́лог,

4. Ой, не так до́лог,
Не так долог, высоконек;

5. Ой, кореню́шки,
Кореню́шки шалкавы́е,

6. Ой, маковочки,
Маковочки золотые!»

7. Ох, стал мой ляночек,
Стал ляночек поспявати,

8. Ох, а я, млада,
А я, млада, горявати:

9. Ай, с кем я ляночек,
С кем ляночек буду брати,

10. Ай, буду я брати,
Буду брати, вабирати?

11. Ах, свёкор молал[2]:
«Я, невестушка, с тобою,
Я, молодушка, с тобою,

12. Ах, да я с тобою,
Я с тобою, с молодою!»[3]

13. Ах, вот и тут-то,
Вот и тут-то, тут-то бра́нья[4]

14. Ай, больши тово,
Бо́льши тово крапатанья.
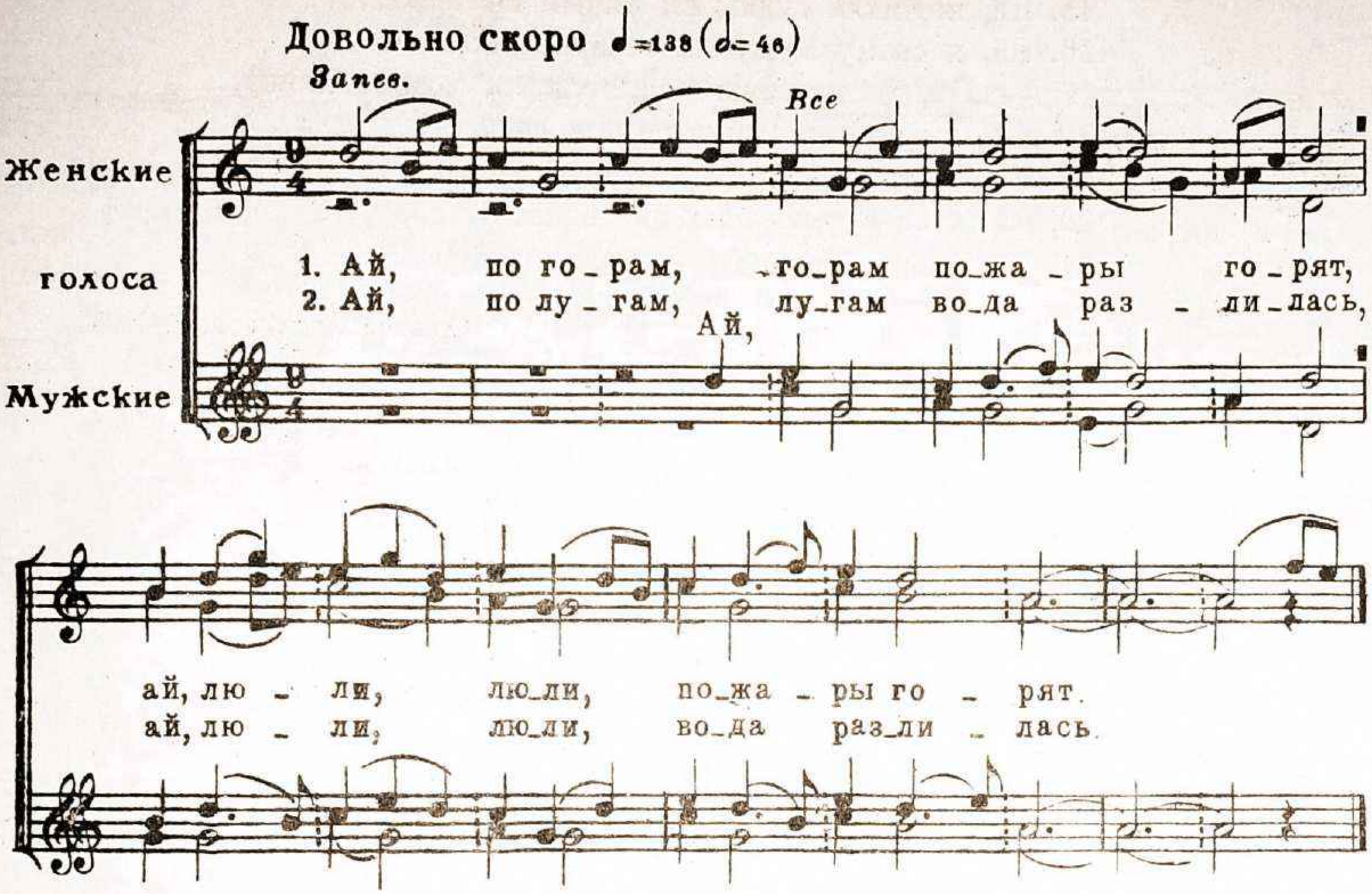
Станица Арженовская, 1903

---

[1] В каждой строфе, кроме 11-й, второй стих повторяется.
[2] «Молал» — молвил.
[3] «Вар. «со милою».
[4] «Бранья»—собиранья; «крапатанья»—пересудов, разговоров.

164. АЙ, ПО ГОРАМ, ГОРАМ ПОЖАРЫ ГОРЯТ

К моему двору судна подошли

I

1. Ай, по горам, горам пожары́ горят,

Припев:

Ай, люли́, люли́, пожары́ горят,[1]

2. Ай, по лугам, лугам вода разлилась,
3. Ай, разлилась вода, разлилелась.
4. Ай, к моему́ двору да су́дны подошли,
5. Ай, подошли судны́ с зиляны́м вином.
6. Ай, я свому мужу да говаривала:
7. — «Ой, уж ты муж ли, муж, ты возьми винца,
8. Ой, ты возьми винца да на три рубличка,
9. Ой, на три рубличка три ведёрочка;
10. Ей, мы ни в день, ни в два авось ра́зопьем!»

---

[1] Припев «Ай, люли» с последними пятью слогами предыдущего стиха — после каждого стиха.
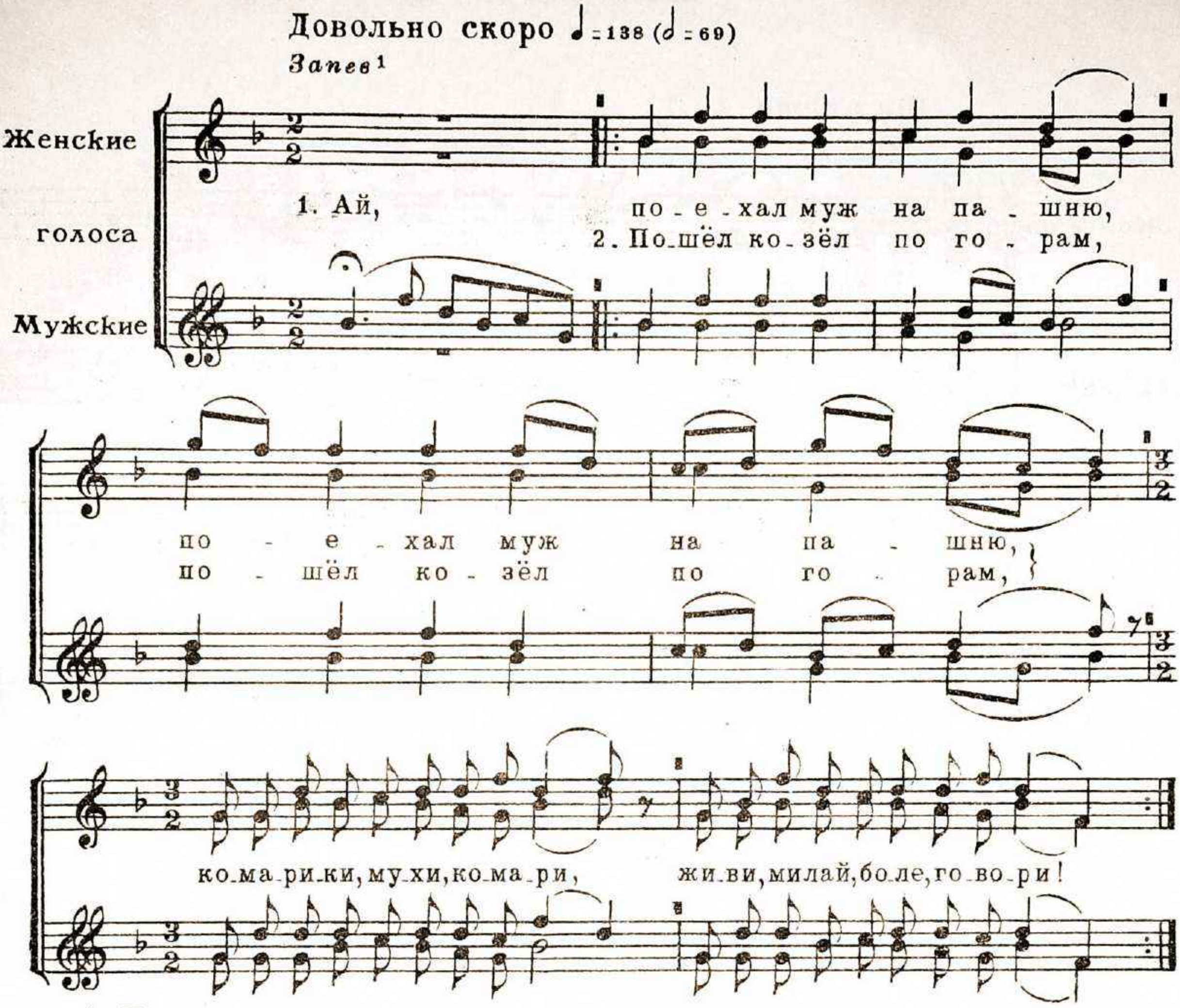
11. Ай, по горам, горам пожары́ горят,
12. Ай, по лугам, лугам вода разлилась,
13. Ай, разлилась вода, разлилеилась.
14. Ай, к моему́ двору да су́дны подошли,
15. Ей, подошли судны́ сы бялым сы льном.
16. Ей, я свому мужу да говаривала:
17. — «Ой, да ты, муж мой, муж, ты возьми лянку,
18. Ой, ты возьми лянку на три денюшки,
19. Ей, на три денюшки да три руче́нички; [1]
20. Ай, я ни в день, ня в два авось о̀тпряду,—
21. Ой, если не́ спряду, окошка заткну!»

Станица Арженовская, 1903.

[1] «Рученички» — мочки, свертки льна (по объяснению песенников).

165. ПОЕХАЛ МУЖ НА ПАШНЮ

Муж на пашню–козёл в огород

1. Поехал муж на пашню,
Припев:
Комарики, мухи, комари,
Живи, милай, боле, говори! [2]
2. Пошел козел по горам,
3. По тем горам по крутым.
4. Залез козёл на горо̀д,
5. Поел козёл капусту.
6. Капу̀стушка алая,
7. Я, бабочка бравая,
8. Взяла козла за рога,
9. За те рога кру̀тые;
10. Свяла козла на базар,
11. Сдала козла за товар,
12. За тот товар дешёвый:
13. За белан бялилы,
14. За чернаи сурмины,
15. За краснаи румяны.
16. Приехал муж сы пашни,
1. А я, млада, сы торгу:
18. —«Иде, жана, ты была?»
19. —«Свяла козла на базар,
20. Сдала козла за товар,
21. За тот товар дешёвый,—
22. Поел козёл капусту,
23. Осеннюю гнилуя!»

Станица Арженовская, 1903.
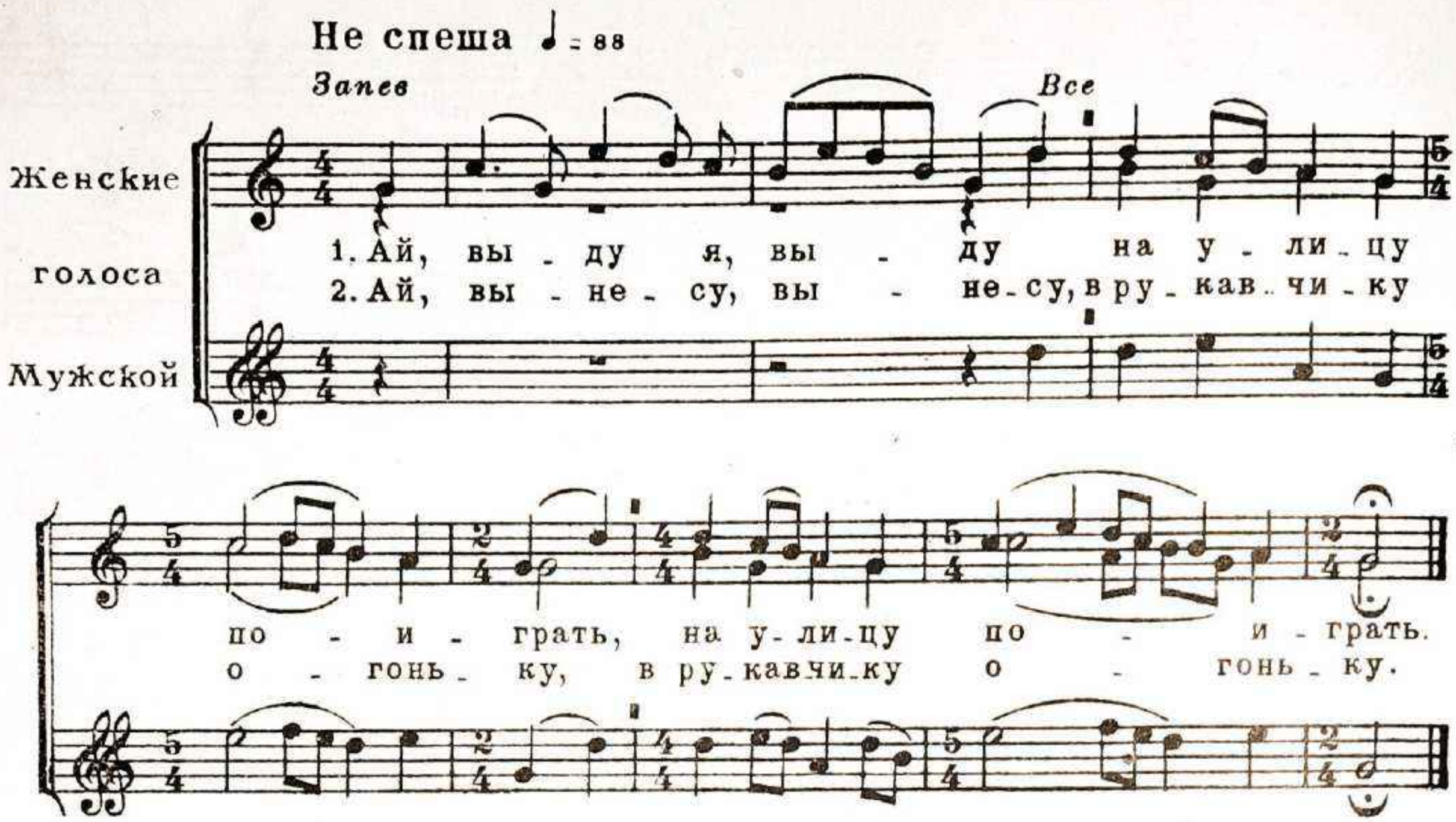
---

[1] Песня исполняется без запевов, кроме начального, который ведет после наигрыша один из песенников по своей партии в пределах одного-двух тактов.

[2] Припев — один ко всем стихам: «Комарики... говори!» Каждый стих повторяется.

166. АЙ, ВЫЙДУ Я, ВЫЙДУ

То-мужу, а это дружку

I

1. Ай, выду я, выду
На улицу поиграть.[1]

2. Ай, вынесу, вынесу
В рукавичку огоньку.

3. Ай, развяду, развяду
Малаю багатицу[2].

4. Ай, сварю я, сварю я
Свому мужу кашицу.

5. Ай, кину я, брошу я
Три зёрнушка пашанца[3].

6. Ай, пущу я, пущу я
Мышиная рёбрушка.

7. Ай, каюсь я, каюся,—
Дюжа много бросила.

II

8. Ай, выду я, выду я,
На улицу поиграть.

9. Ай, вынесу, вынесу
В рукавичку огоньку.

10. Ай, развяду, развяду
Большуя багатицу.

11. Ай, сварю я, сварю я
Свому дружку кашицу.

12. Ай, кину я, брошу я
Три горсточки пашанца.

13. Ай, пущу я, пущу я
Баранию стёгнушка.

14. Ай, каюсь я, каюся,—
Дюжа мала бросила.
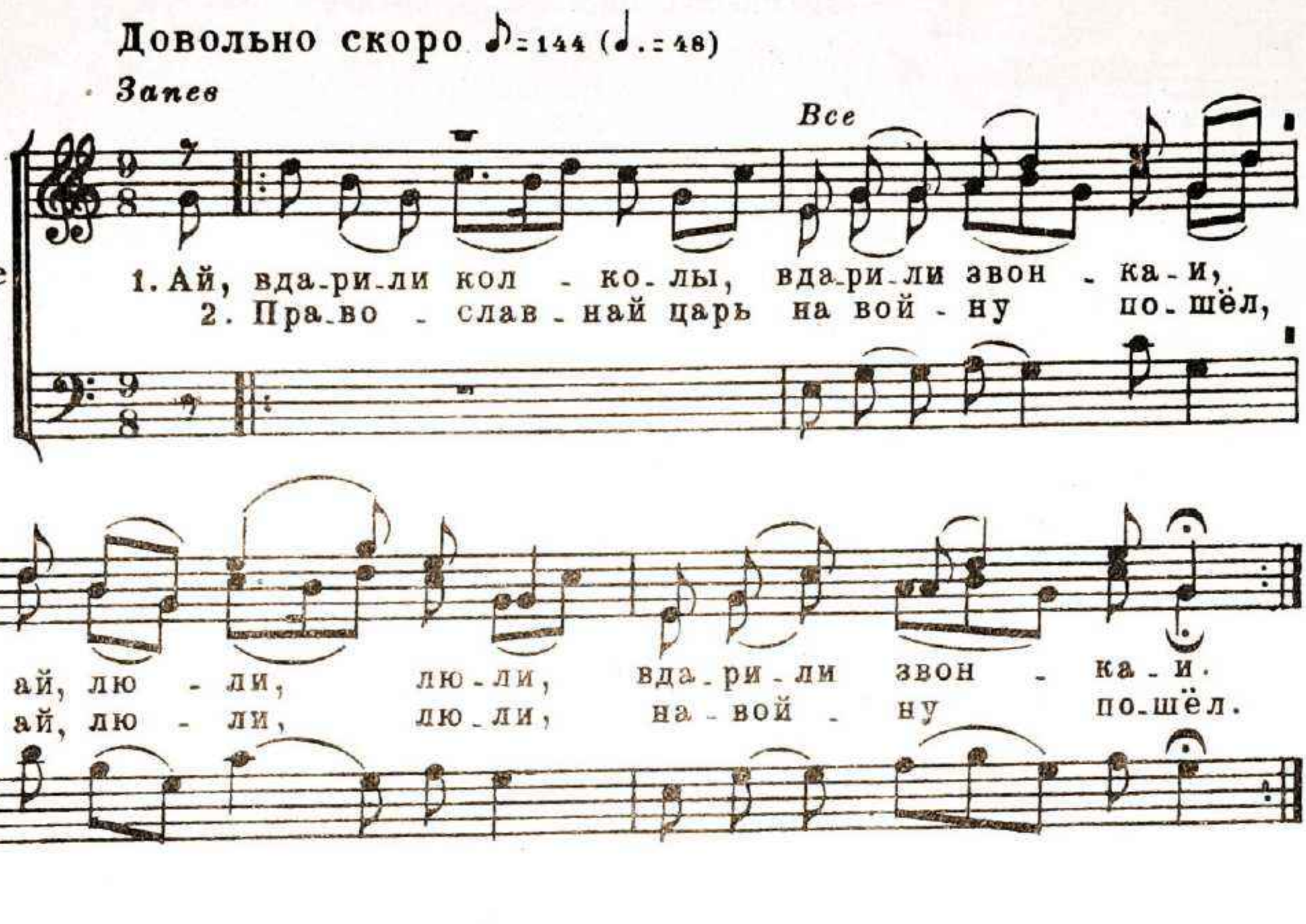
Станица Арженовская, 1903.

---

[1] Каждый четный стих повторяется.
[2] «Багатица»—костер.
[3] «Пашанца» — пшена (пашана).

167. АЙ, ВДАРИЛИ КО̀ЛКОЛЫ

Сын-то мне вековой посол

I

1. Ай, вдарили ко́лколы, вдарили звонкие,—

Припев:

Ай, люли́, люли́, вдарили звонкии,[1]

2. Православнай царь на войну пошел
3. Войны воевать, крови проливать.
4. Как за ним гонцы, из Москвы стряльцы,
5. Из Москвы стряльцы—донския казаки́:
6. «Православнай царь, воротись домой,—
7. Твоя-то царица дочерю родила,
8. Дочерю родила Василисушку!»
9. «Я из дочери не вярнусь домой:
10. Вот и, дочь то мне не вековой посол,
11. Не вековой посол, а домашний гость!»
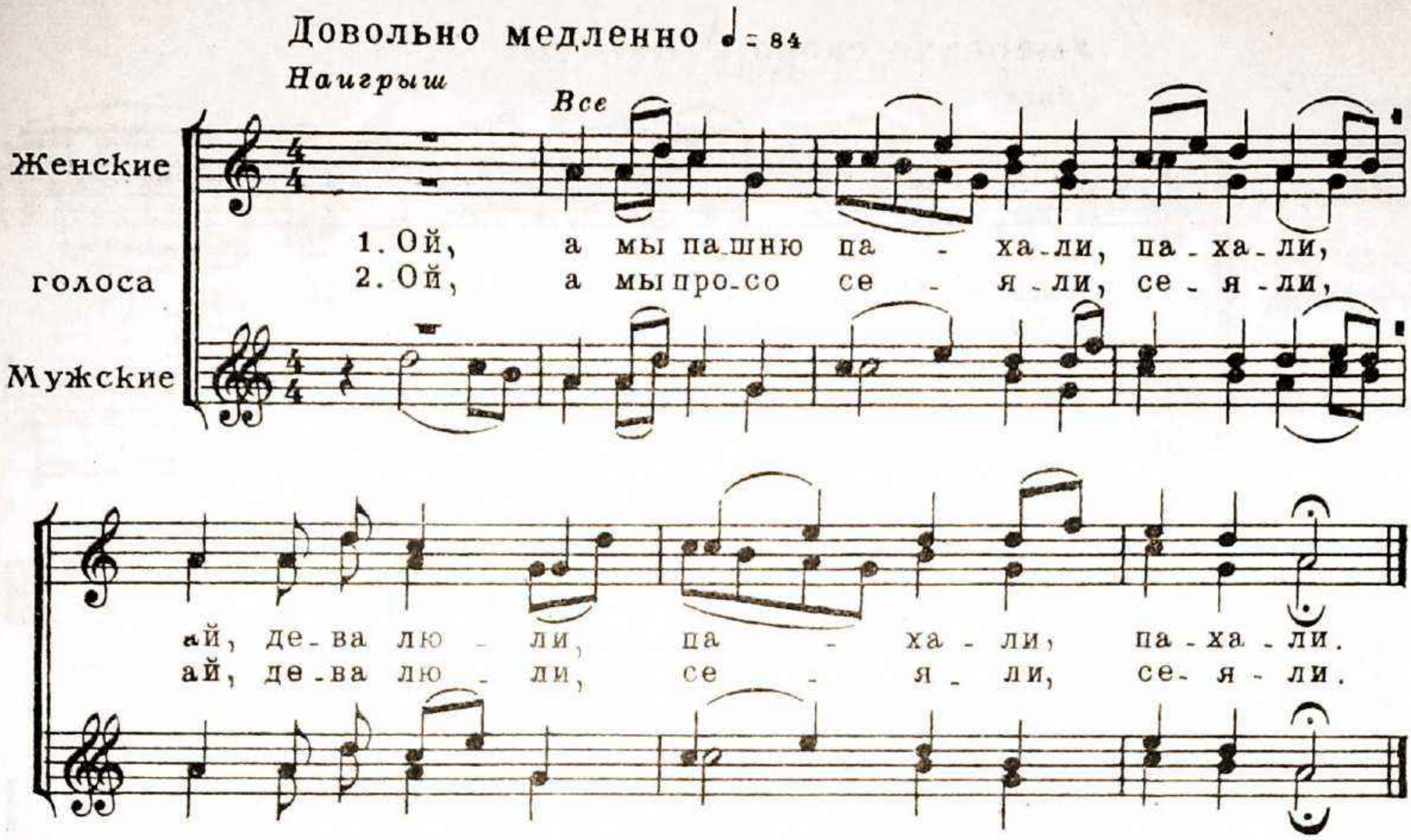
---

[1] Припев после каждого стиха по данному образцу.

12. Вдарили ко́лколы, вдарили звонкие,—
13. Православнай царь на войну пошел
14. Войны воевать, крови проливать.
15. Как за ним гонцы, из Москвы стряльцы,
16. Из Москвы стряльцы, донские казаки́:
17. — «Православнай царь, воротись назад,—
18. Твоя царица то сыночка родила,
19. Сыночка родила да всё Васильюшку!»
20. «Вот я из за́ сына то возвярнусь назад:
21. Как и сын то мне вековой посол,
22 Вековой посол, не домашний гость!»

Станица Арженовская, 1903.

168. А МЫ ПАШНЮ ПАХАЛИ

Дадим девицу, „которая нравится“

1. «А мы пашню пахали, пахали.

Припев:

Ай, дева-люли, пахали, пахали».[1]

2. — «А мы просо сеяли сеяли».
3. «А мы коней пущали, пущали».
4. — «А мы коней ловили, ловили».
5. «А мы коней выкупим, выкупим».
6. — «Что дадитя выкупу, выкупу?»
7. «А мы дадим лык пучкю́, лык пучкю́».
8. — «Нам ня надо лык пучкю́, лык пучкю́!»
9. «А мы дадим ла́пати, ла́пати»
10. — «Нам ня надо ла́пати, ла́пати!»
11. «А мы дадим сто рублей, сто рублей».
12. — «Нам ня надо сто рублей, сто рублей!»
13. «А мы дадим цыганку, цыганку».[2]
14. — «У нас много каза̀чков, каза̀чков!»[3]
15. «А мы дадим девицу, девицу».
16. — «Которая девица, девица?»
17. «Которая нравится, нравится!»
18. — «Отво́римтя во́ротца, во́ротца!»[4]
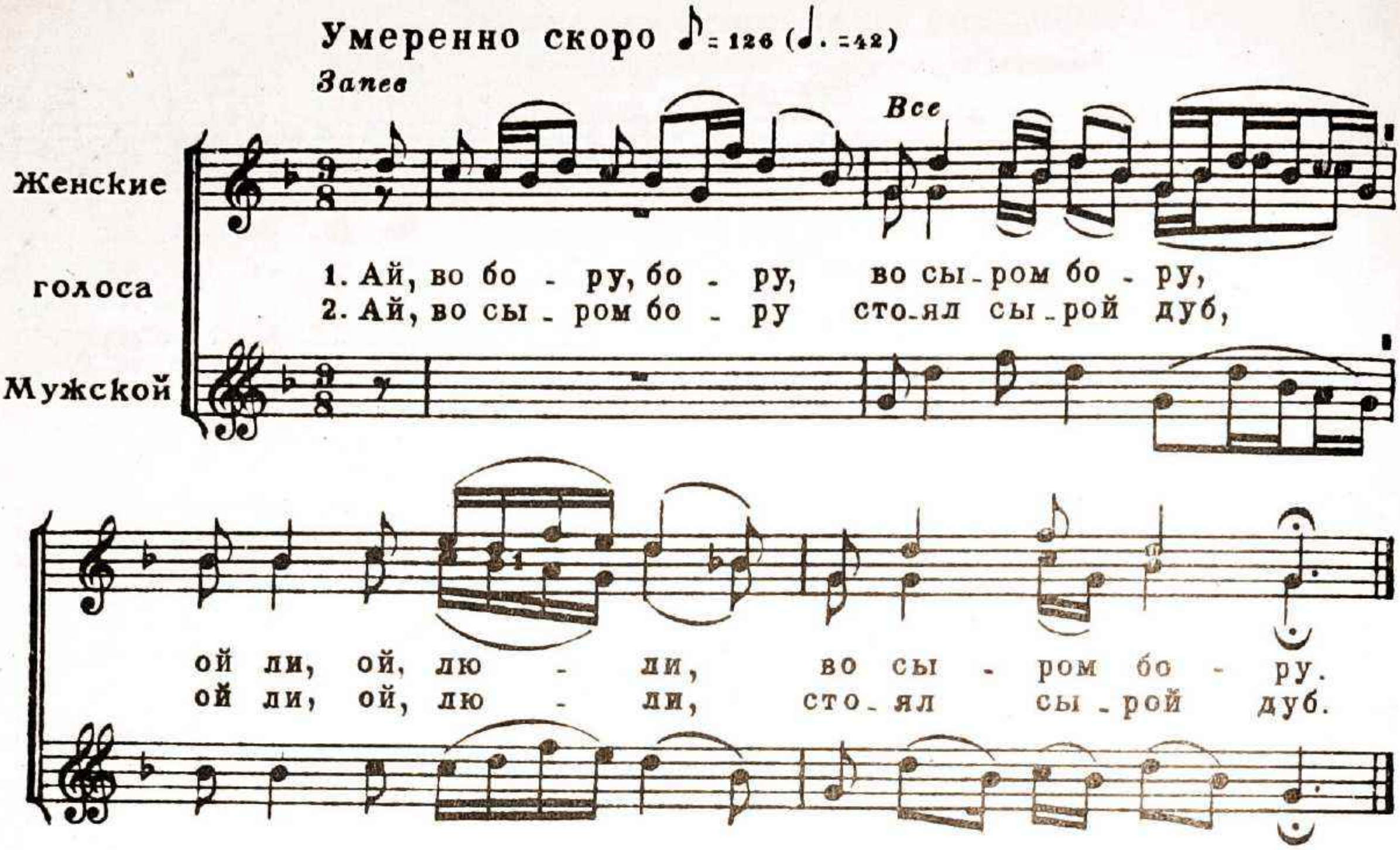
Станица Арженовская, 1903.

---

[1] Припев после каждого стиха по этому образцу.
[2] См. «Примечания автора».
[3] «Каза̀чков» — казачек.
[4] Вместо запева начинают наигрышем на «Ой» или «Ай».

169. АЙ, ВО БОРУ, БОРУ

Орёл над бел-лебедем измывается

1. Ай, во бору, бору, во сыром бору,

Припев:

Ой ли, ой люли́, во сыром бору,

2. Ай, во сыром бору стоял сырой дуб,

Припев:

Ой ли, ой люли́, стоял сырой дуб,[2]

3. Ай, стоял сырой дуб, сыр коренчитай.
4. Ой, а на том дубу гнездо свйтая,
5. Гнездо свйтая, гнездо теплая,
6. Ай, вот орлиная, соколиная.
7. Ай, на гнезде сидел млад сизо́й орел,
8. Ай, во когтях держал всё бел-лебедя:
9. Ай, он и бить не бьет, измувается,
10. Ой, над лебёдкою надругается,—
11. Ай, он и кровь пустил по синю морю,
12. Ой, а пух-перушки по дубровушки,—
13. Ой, вот на[3] кто будет собирать перьй?
14. Ой, сбирали перьи красны девушки,
15. Ой, красны девушки всё Маринушки,
16. Ай, всё Маринушки на пяринушки,—
17. Ай, на пяринушки спать дятинушки.

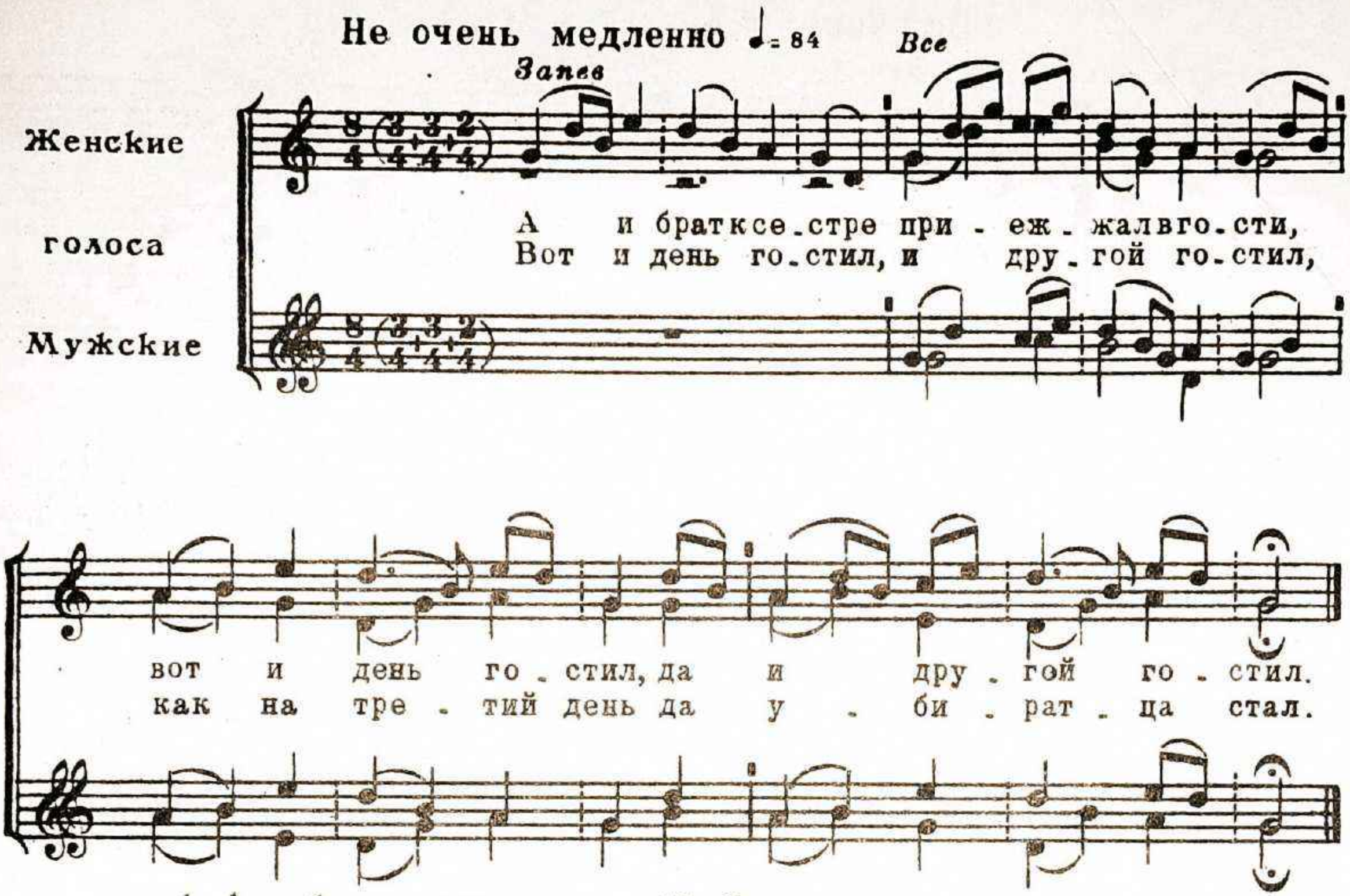
Станица Арженовская, 1903.

---

[1] Si ♭ в среднем голосе немного повышенное.
[2] Припев после каждого стиха по этому образцу.
[3] «На» — и.

170. А И БРАТ К СЕСТРЕ

Сестра брату жàлится

1. А и брат к сестре
   Прияжжал в гости.
2. Вон и день гостил (да)
   И другой гостил,[1]
3. Как на третий день (да)
   Убираться стал,
4. Убираться стал (да),
   Стал коня седлать,
5. Стал коня седлать (да),
   Сы двора съязжать,
6. Сы двора съязжать (да)
   Сы широкого.
7. А сястра брата (да)
   Провожать пошла.
8. Она пòля шла (да)
   И другуя шла,
9. А на третим поле
   Становилася,
10. Становилася да
    Распростилася.
11. Как сястра брату (да)
    Стала жалиться,
12. Стала жалиться да
    Стала плакаться:
13. «Уж ты, братец мой, да,
    Брат родимай мой!
14. Как вечор поздно (да)
    Мене муж побил.
15. Он не столько бил (да),
    Сколько выпужал,—
16. Он и кýньим хвостом (да)
    По куньйй шубе!»
17. —«Ой, сястра моя (да)
    Сястра рòдная!
18. Ну, иде ж мужья (да)
    Своих жён ня бьют?
19. Ехал я к табе (да)
    Сам жану побил!»
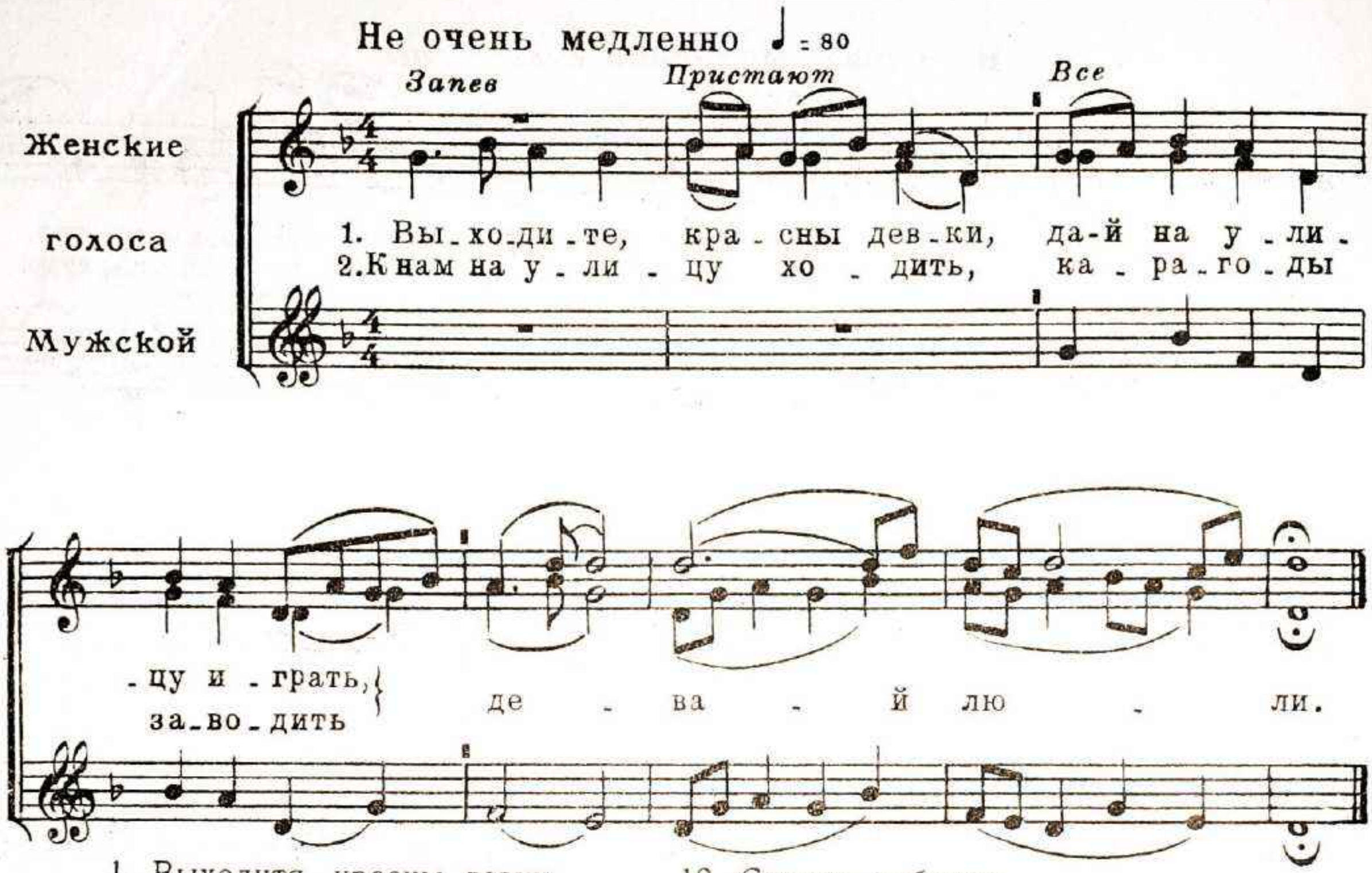
Станица Арженовская, 1903.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

171. ВЫХОДИТЕ, КРАСНЫ ДЕВКИ

Дитё кричит усастое, бородастое
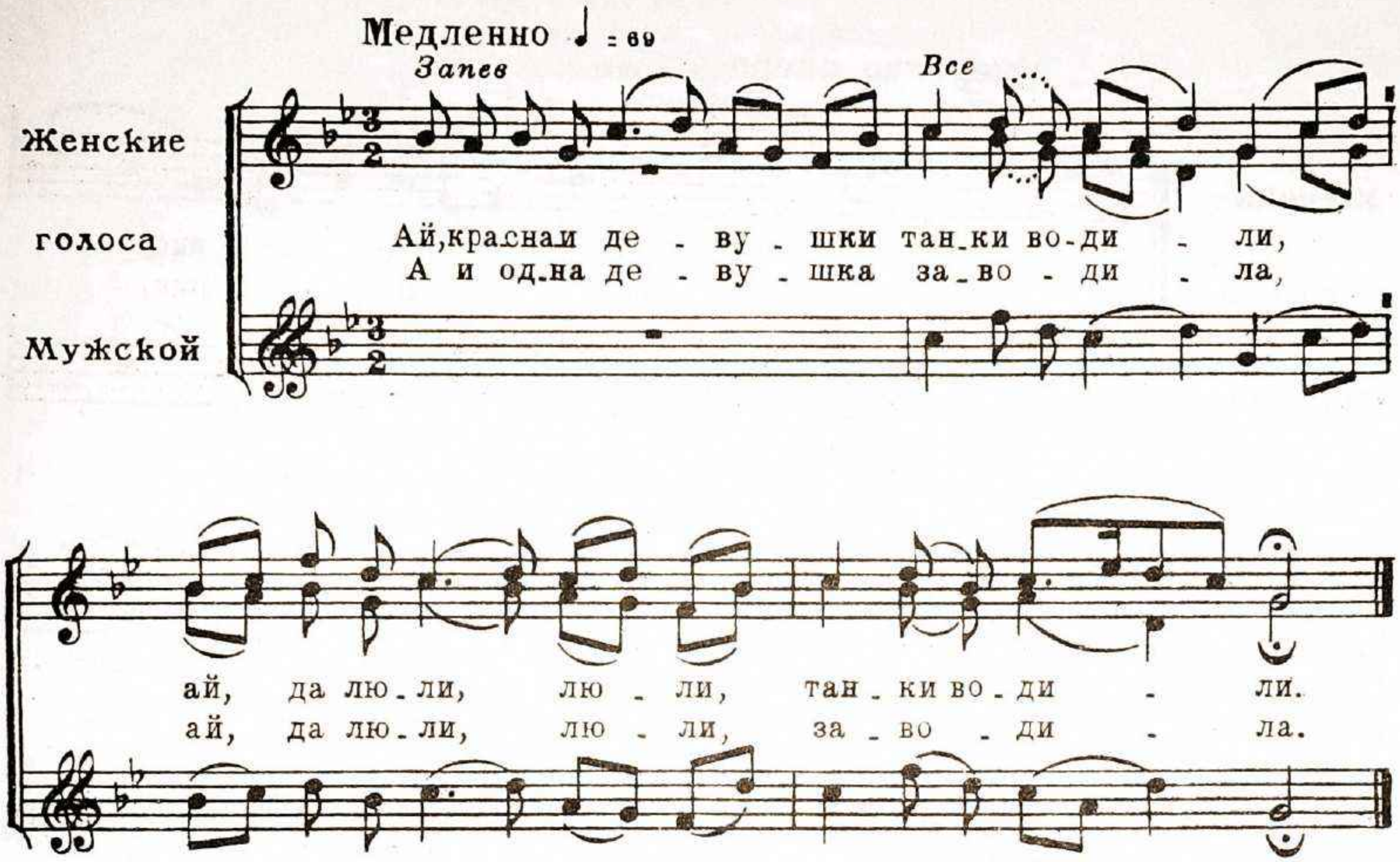

1. Выходитя, красны девки,
   Да-й на улицу играть,
Припев: Дева-й люли! [1]
2. К нам на улицу ходить,
   Карагоды заводить.
3. Вот и девки говорят:
   «Нам своя воля гулять!»
4. А молодки говорят:
   «Нам нет воли гулять,
5. Нам и нет воли гулять,—
   Нам мужья не велят,
6. Нам мужья не велят.
   Дитё малая кричит,
7. Ай, дитё-то кричит
   Да усастая,
8. Да й-усастая,
   Бородастая!»»
9. Я поеду, молодёшунькя,
   Во торг на базар,
10. Я куплю, молодёшунькя,
    Себе семь лубков.
11. Из сями-то лубков
    Сошью зыбочку;
12. Сошью зыбочку
    Да колыбочку
13. А крючёк-то срублю
    Я на весь на дубок.
14. Я оборочки навью да
    По пяти сажен.
15. Я повешу эту зыбку
    Серяди двора,
16. Я серёд-то двора да
    Серёд батюшкина.
17. Я качну-то, махну
    По всяму двору:
18. «Уж ты «баву!» детитка,
    «Баву!», чада милая!
19. Да ты ляжь да усни,
    Ты усни, умри,
20. Да мене ли, молодёшенькю,
    Играть пусти!»
21. —«Я не ляжу, не усну,
    Не усну я, не умру,
22. А тебе, молодёшенькю,
    Играть не пущу!»

Станица Арженовская, 1903.

[1] Припев ко всем двустишиям без изменений.

172. АЙ, КРАСНЫЕ ДЕВУШКИ ТАНКИ ВОДИЛИ

Родный батенька пожалеет

1. Ай, краснаи девушки танки водили.

Припев:

Ай да люли́, лю́ли, танки водили [1]

2. А и, одна девушка [2] заводила;
3. Ох и, заважомши, она прийустала,
4. Прийустала она, прийуснула,
5. Ай, да у молодца на коленях,
6. Ай, у хорошева под гуслями.
7. Ох и, ну и мо́лодец в гусли играет,
8. Он краснаю девочку пробужает:
9. — «Ей, да ты встань, проснись, красная девка
10. Ох и, роднай батенькя домой кличет,
11. Вот-и, он домой кличет, побить хочет!»
12. — «Ей, роднай батенькя вон родимай:
13. А и, он побить не побьет, пожалеет,
14. Да и он на йулицу играть пустит!»

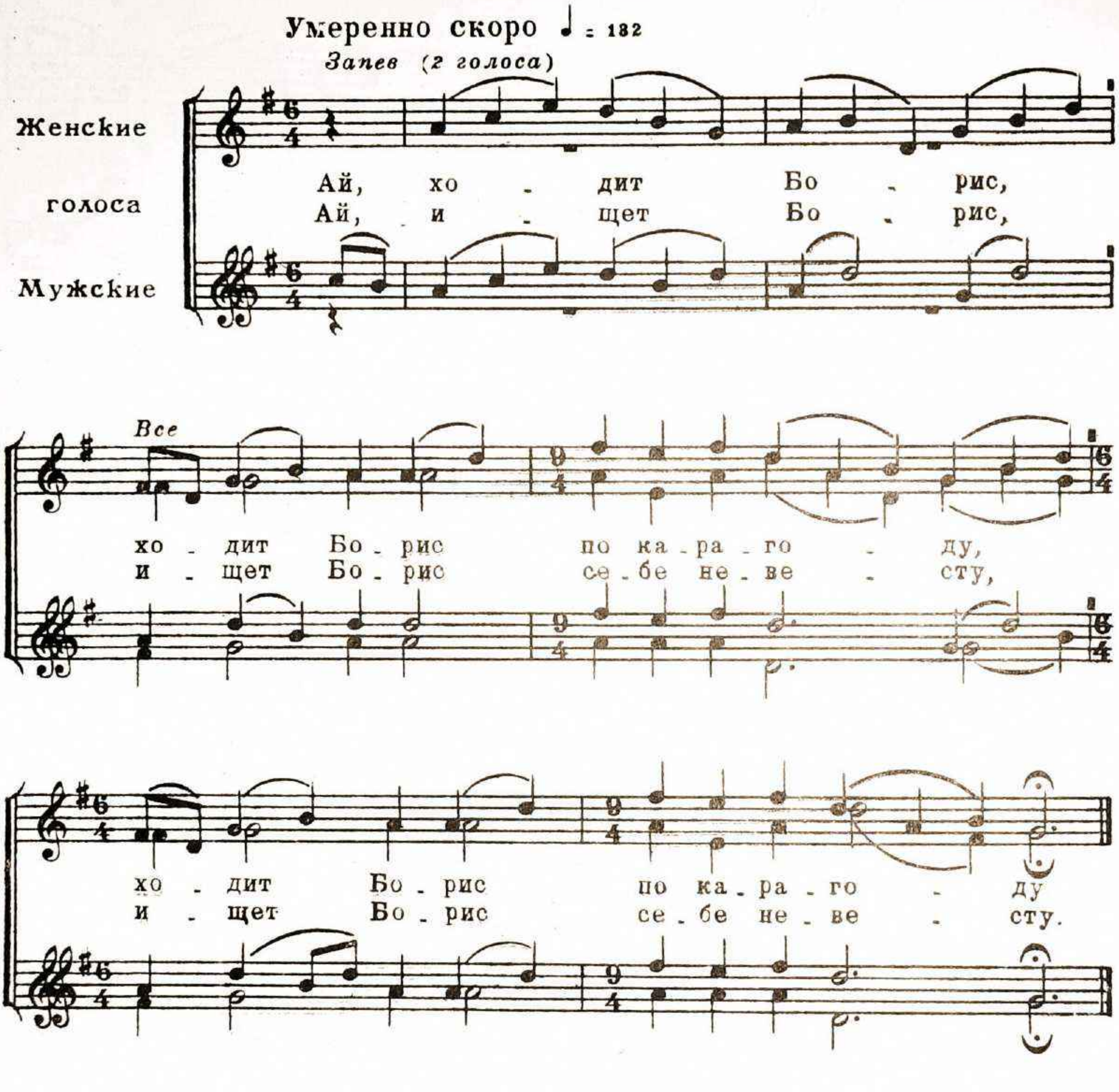
Станица Арженовская, 1903.

---

[1] Припев после каждого стиха по этому образцу.
[2] Вар. «девица».

173. АЙ, ХОДИТ БОРИС ПО КАРАГОДУ

Борис ищет невесту

I

1. Ай, ходит Борис,
   Ходит Борис по карагоду,[1]
2. Ай, ищет Борис,
   Ищет Борис себе невесту:

[1] Каждый четный стих повторяется.

3. «Ай, ты мне невеста,
Ты мне невеста, а я твой жаних!
4. Ай, ты мне, невеста,
Ты мне, невеста,— вышей рубашку!»

II

5. Ай, ходит Борис,
Ходит Борис по карагоду,
6. Ай, ищет Борис,
Ищет Борис себе тестя:
7. «Ай, ты мне тесть, тесть,[1]
Ты мне тесть, тесть, а я твой зять, зять,[1]
8. Ай, ты мне, тестик,
Ты мне тестик, купи ко́ня!»

III

9. Ай, ходит Борис,
Ходит Борис по карагоду,
10. Ай, ищет Борис,
Ищет Борис себе тёщу:
11. «Ай, ты мне тёща,
Ты мне тёща, а я твой зять, зять![1]
12. Ай, ты мне, тёща,
Ты мне, тёща, испяки хлебца!»

IV

13. Ай, ходит Борис,
Ходит Борис по карагоду,
14. Ай, ищет Борис,
Ищет Борис себе шурьня:
15. «Ай, ты мне шурин,
Ты мне шурин, а я твой зять, зять![1]
16. Ай, ты мне, шурин,
Ты мне, шурин, осядлай ко́ня!»

V

17. Ай, ходит Борис,
Ходит Борис по карагоду,
18. Ай, ищет Борис,
Ищет Борис себе своячню:
19. «Ай, ты мне своячня,
Ты мне своячня, а я твой свояк!
20. Ай, ты мне, своячня,
Ты мне, своячня, свяжи чулочки!»

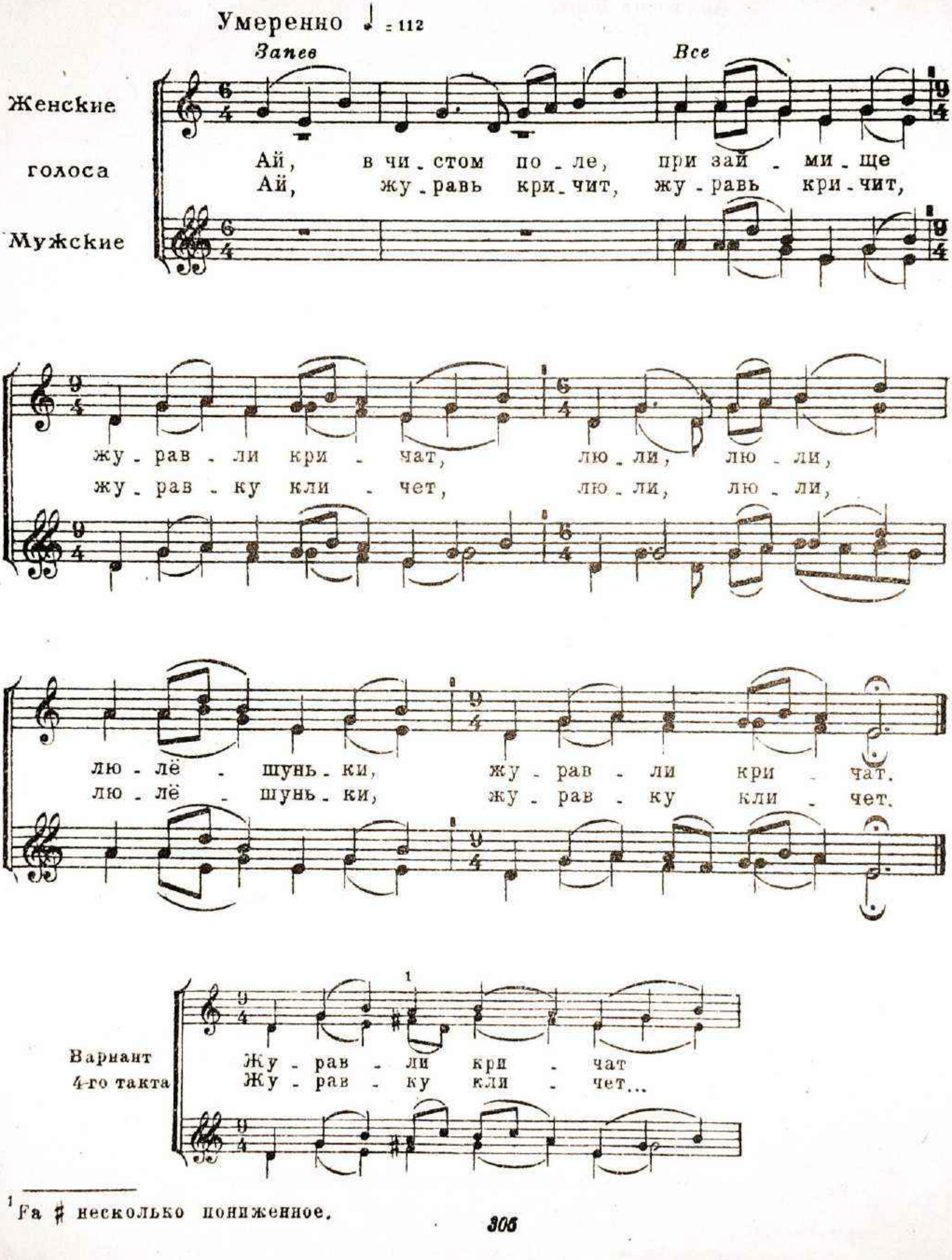
Станица Акишевская, 1903.

---

[1] Вар. вместо «тесть, тесть», и «зять, зять» — «тестик», «зятик».

174. В ЧИСТÒМ ПОЛЕ, ПРИ ЗАЙМИЩЕ

Журавль и журавушка

[1] Fa ♯ несколько пониженное.

1. В чистòм поле, при займище
Журавли кричат,

Припев:

Люлѝ, люлѝ, люлёшуньки,
Журавли кричат.[1]

2. Журавь кричит, журавь кричит,[2]
Журавку кличет:

3. «Ляти суда, журавушка,
Муравку щипать!»

4. Как пòд лесом, под лесочком
Шалковà трава,

5. На той траве донской казак
Коня тряножил.

6. Красна девка боярыня
По́ воду пришла.

7. «Добрòй младец, донской казак,
Бог помочь тебе!»

8. —«Красавушка-боярышня,
Пойди за меня.

9. Ты вытолки, ты вымели,
Накорми меня!»

10. «Ня вытолку, ня вымелю,
Ня нàкормлю тебя,—

11. Мой батюшка светёл месяц[3]
Ня выдаст меня!»

Станица Акишевская, 1903.

Сокращенный вариант этой песни записан в ст. Правоторовской в том же 1903 г.

Напев тот же:

1. В чистом поле, при займище
Журавель кричит,

Припев:

Жур-жур, жур-жур (2)
Журавель кричит,

2. Журавь кричит, журавь кричит
Журавку кличет:

3. «Журавушка, сударушка,
Ляти, ляти скорей,

4. Ляти скорей, журавушка,
Муравку щипать!
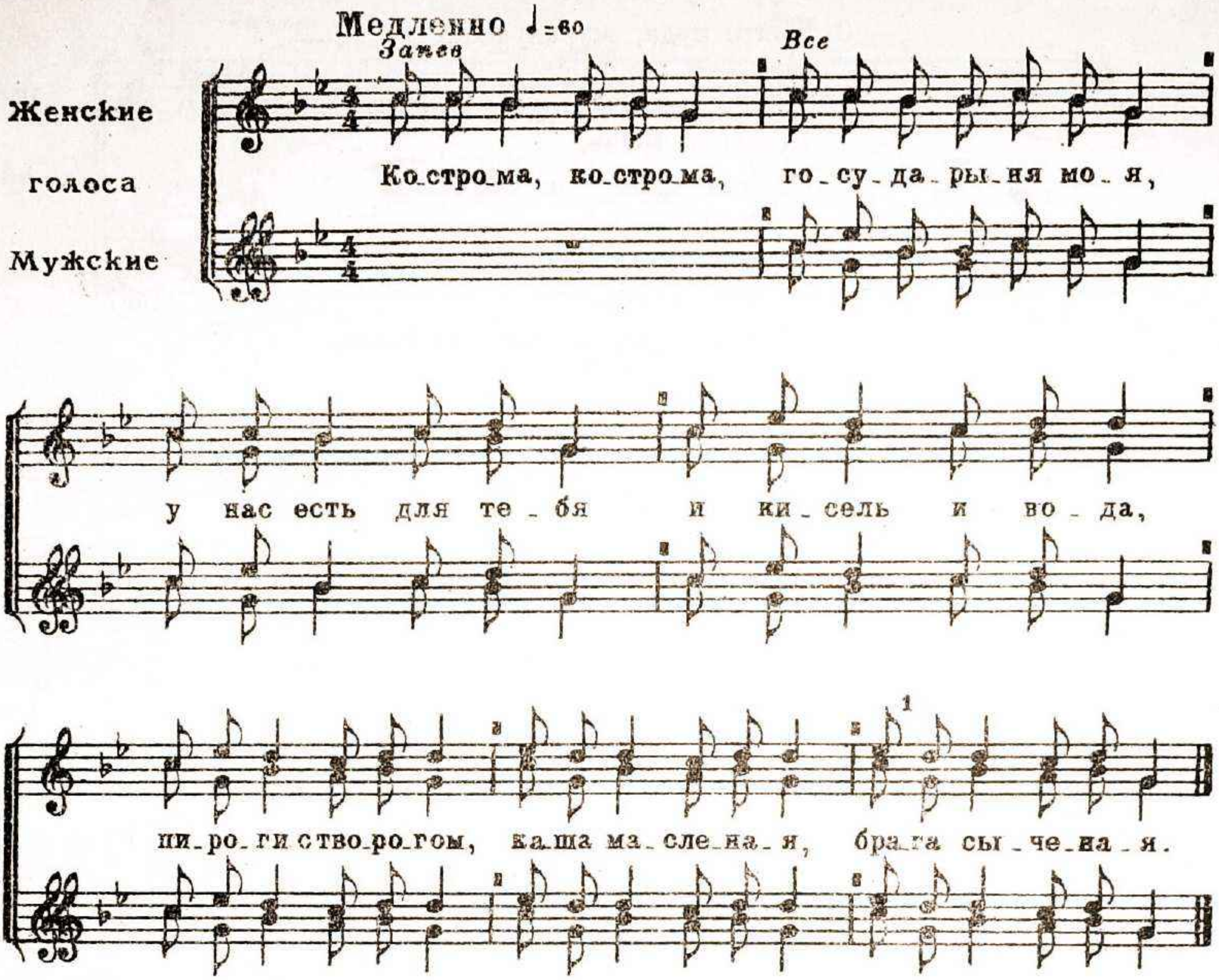
(Припев после каждого двустишия)

---

[1] Припев по этому образцу после каждого двустишия.
[2] Некоторые запевы начинались без мелодического наигрыша на «Ай».
[3] Вар. «Мой батюшка Сулим-город». «Сулим» у некоторых песенников превращался в «Савель» и в «Сувиль-город».

175. КОСТРОМА, КОСТРОМА

Хоронят кострому

Кострома, Кострома,
Государыня моя!
У нас есть для тебя
И кисель, и вода,
Пироги с таврогóм,[2]
Каша масленая,
Брага сы́ченая!

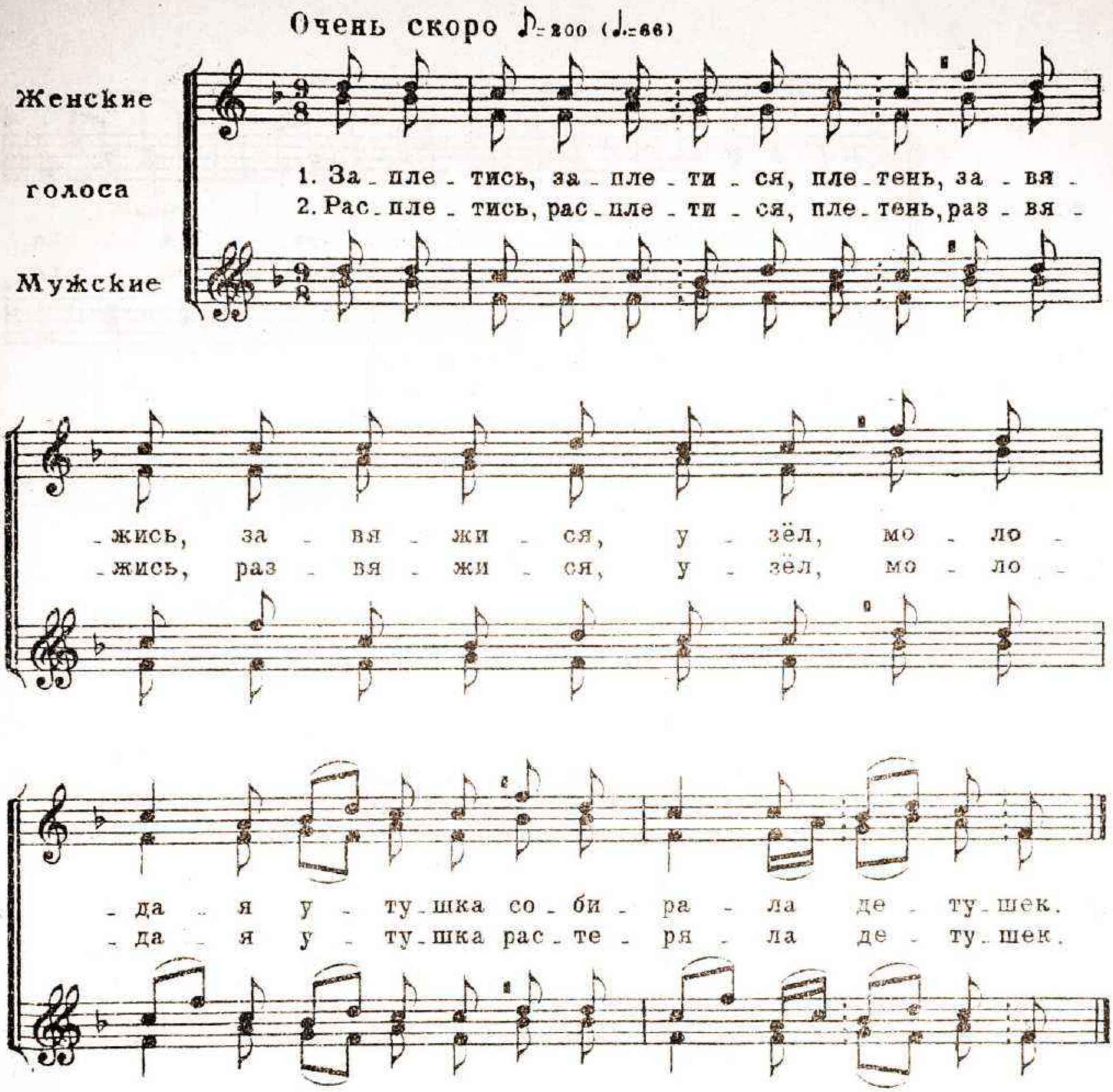
Станица Акишевская, 1903.

---

[1] Mi ♭ слышалось несколько повышенным, особенно здесь и в предыдущем такте.
[2] С творогом.

176. ЗАПЛЕТИСЬ, ЗАПЛЕТИСЯ, ПЛЕТЕНЬ

Утушка растеряла детушек

1. Заплетись, заплетися, плетень!
   Завяжись, завяжися, узёл!
   Молодая утушка
   Собирала детушек.[1]
2. Расплетись, расплетися, плетень!
   Развяжись, развяжися, узёл!
   Молодая утушка
   Растеряла детушек.[1]
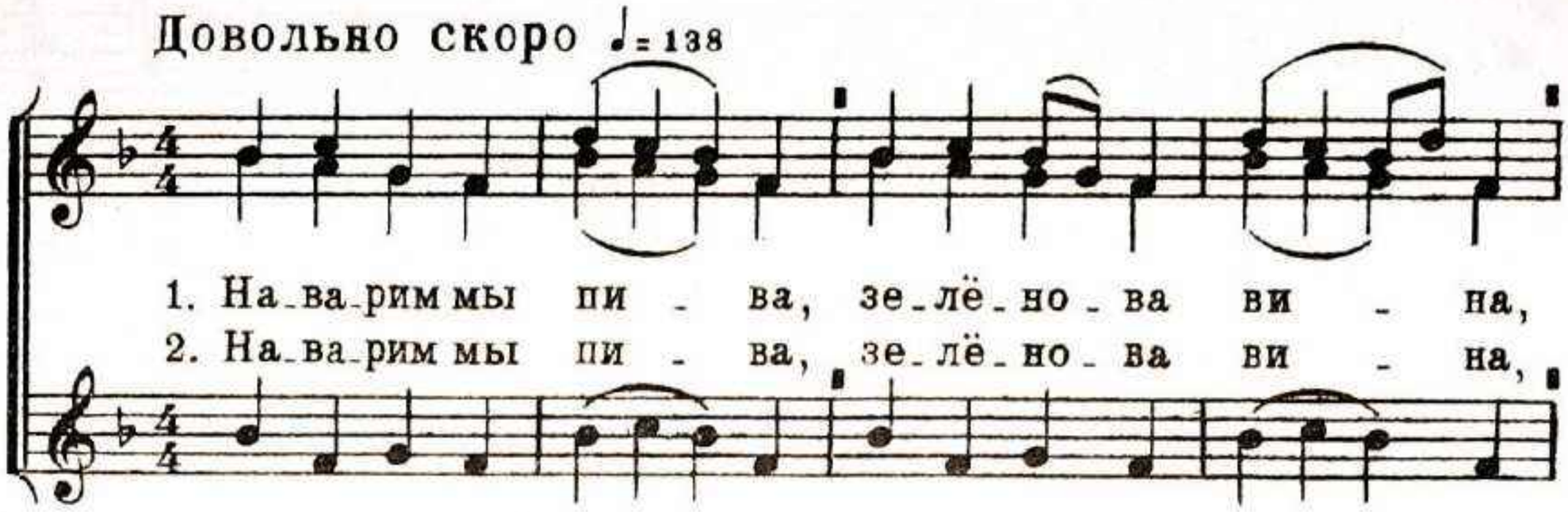
Станица Акишевская, 1903.
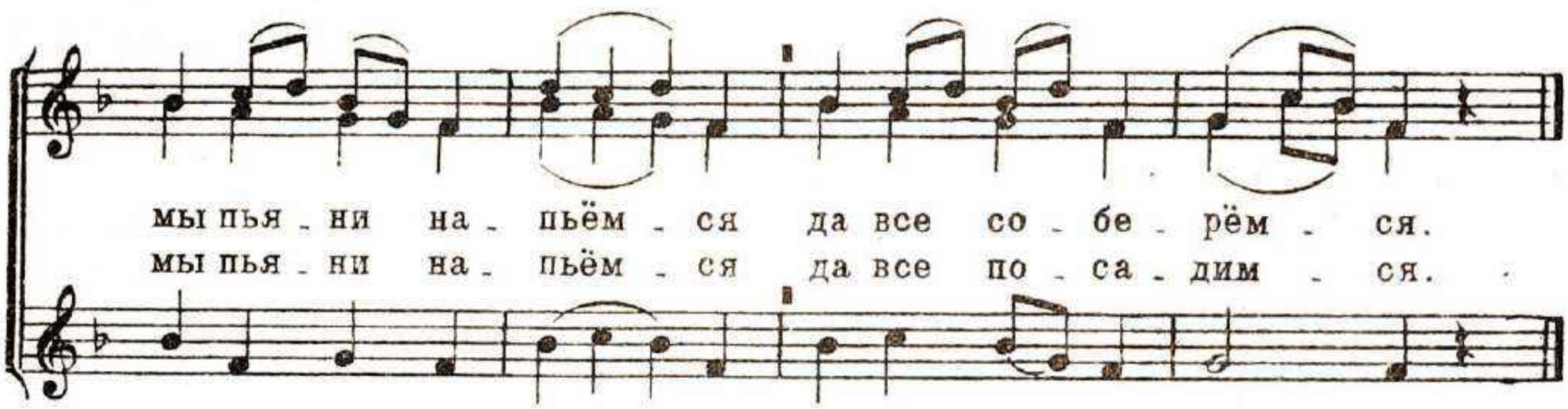
---

[1] Вар. «деточек»

177. НАВАРИМ МЫ ПИВА

Доварились!

I

1. Наварим мы пива,
Зеленого вйна.
Мы пьяни напьёмся,
Да все соберёмся,
(Ходят кругом)

II

2. Наварим мы пива,
Зеленого вйна.
Мы пьяни напьёмся
Да все посадимся!
(Садятся)

III

3. Наварим мы пива,
Зеленого вйна.
Мы пьяни напьёмся
Да все подерёмся!
(Изображают драку)

Станица Акишевская, 1903

178. АВСЕНЬ И КАЛЯДА[1]

а) АВСЕНЬ: „У ИВАНОВА ДВОРА“
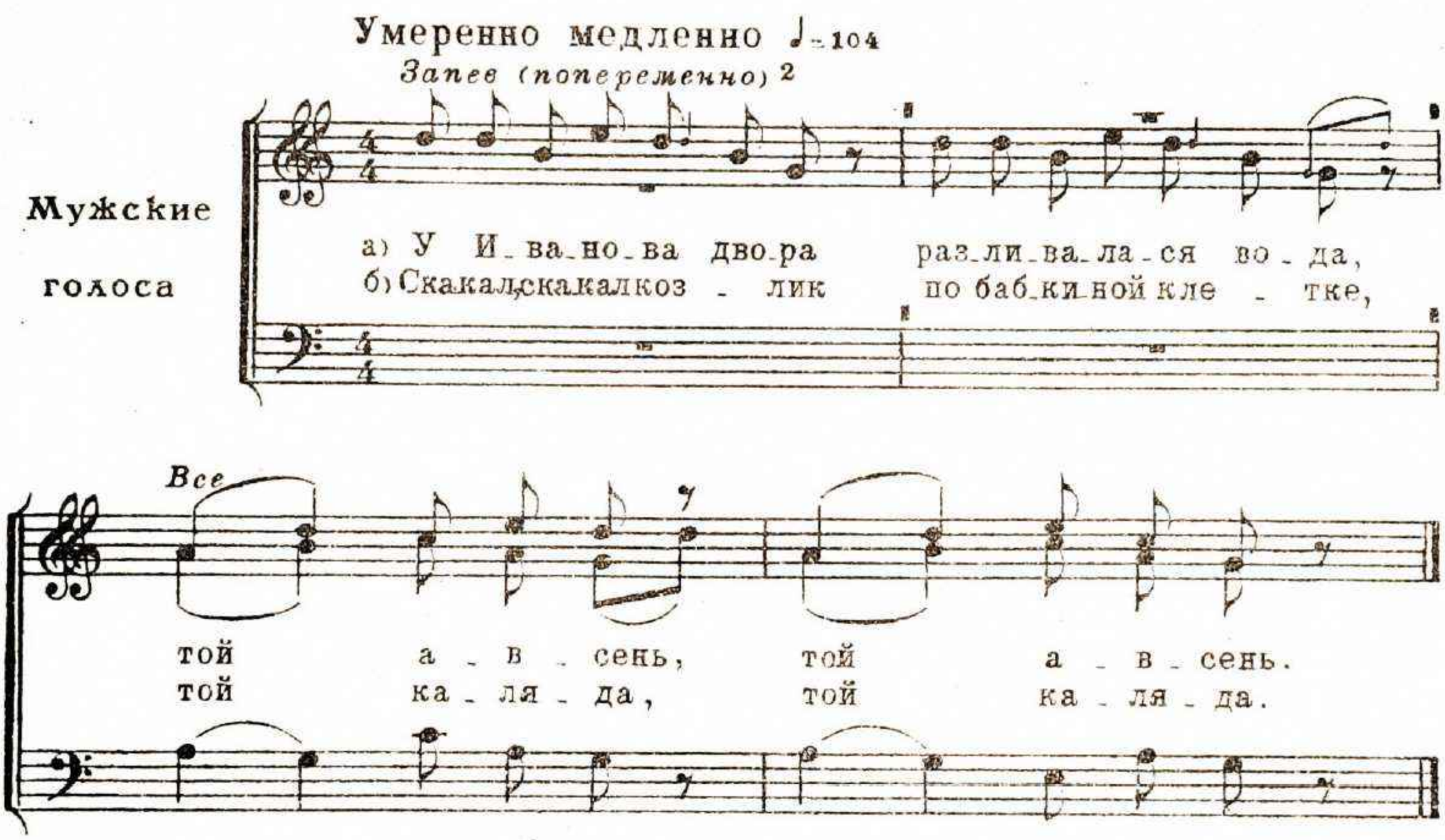
Под Новый год

Охота на куну

б) КАЛЯДА: „СКАКАЛ, СКАКАЛ КОЗЛИК“

Под Рождество

Перед выходом на службу

1. У Иванова двора
Разливалася вода.
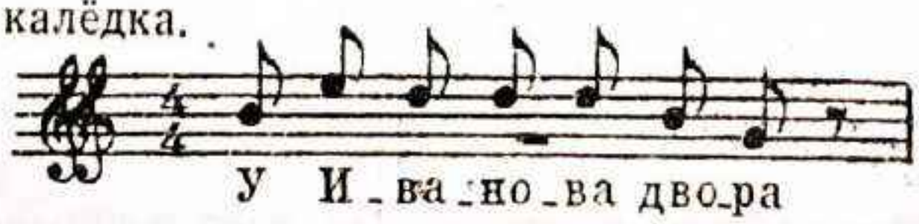
Припев:
Той авсень, той авсень![3]

2. Как по той воде
Там плывёт ку̀на,

---

[1] Вариант Авсенька и калёдка.

[2] Вариант запева:

[3] Припев после каждого двустишия без изменений.

3. Там плывёт куна
Сы куняточками

4. Да сы маленькими
Сы ребяточками.[1]

5. Ты, Иван господин,
Заряжай ружьё,

6. Заряжай ружьё
Да ты бей куну,

7. Ну, ты бей куну
Сы куняточками

8. Да сы маленькими
Сы ребяточками.[2]

Станица Акишевская, 1903.

1. Скакал, скакал козлик
По бабкиной клетке.

Припев:
Той коляда, той коляда![3]

2. Искал, искал козлик,
Искал козлик брусик.

3. «На что тебе брусик?»
—«Косу точити».

4. «На что тебе косу?»
—«Сена косити».

5. «На что тебе сена?»
—«Коня кормити».

6. «На что тебе коня?»
—«В службу итити».

7. «На что тебе в службу?»
—«Турок рубити».

8. Турки не спясивы,—
Шапки скидают,

9. Шапки скидают,
Поклон отдавают.[4]

Станица Акишевская, 1903.

---

[1] Вар. «сы дитяточками».
[2] Поют под Новый год.
[3] Припев после каждого двустишия без изменений.
[4] Поют под праздник Рождества.

178. АЙ, НА УЛИЦЕ КАРАГОД

Девки Яньку грабили

Медленно ♩=72

Женские голоса

Мужские

1 Ай, на у-ли - цы ка- ра-год, ка-ра-год,
2 Ай, в кара го - ди дя- тин-ка, дя-тин-ка,

ай, ди-ди ла - да, ка - ра - год, ка - ра - год.
ай, ди-ди ла - да, дя - тин - ка, дя - тин - ка.

1. Ай, на улицы карагод, карагод,

Припев:

Ай, диди лада, карагод, карагод,[2]

2. Ай, в карагоде дятинка, дятинка,
3. Ей, зовут яго Янюшка, Янюшка.
4. Ей, девки Янькю грабили, грабили:
5. Ей, с Яньки сняли да кушачёк, кушачёк,
6. Ей, ишто сняли да шапочку, шапочку,
7. Ой, сняли с Яньки да сапожки, сапожки,
8. Ай, ишто сняли синь чекмень, синь чекмень.
9. Ай, девки Янькю да грабили, грабили!

Станица Алексеевская, 1903.
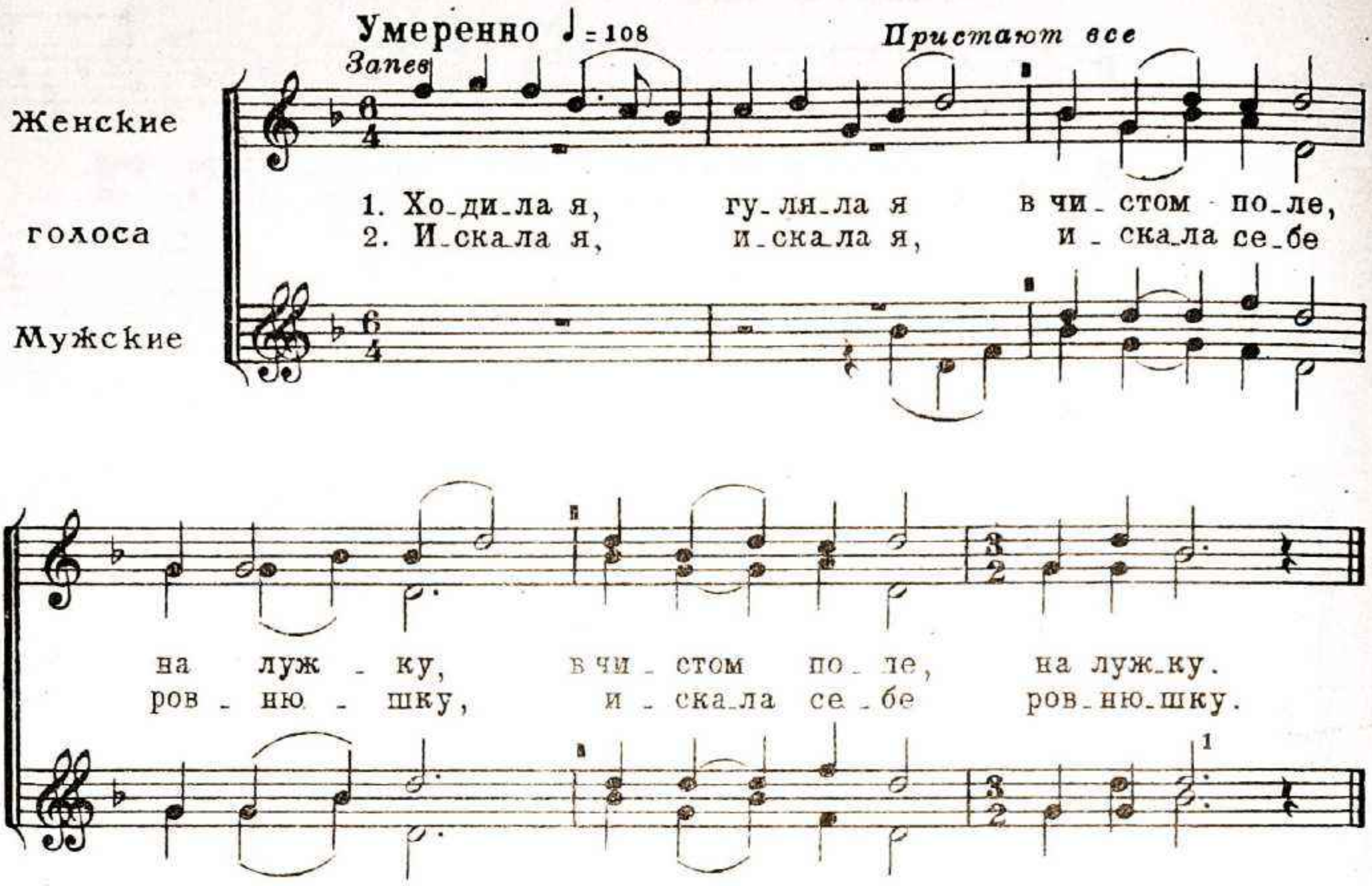
---

[1] Mi ♭ повышенное.

[2] Вар. припева: «Ай, люли, люли да, карагод, карагод». Припев после каждого стиха по этому образцу.

180. ХОДИЛА Я, ГУЛЯЛА Я

Не нашла себе рòвнюшки

1. Ходила я, гуляла я
   В чистòм поле на лужку,[2]
2. Искала я, искала я,
   Искала себе ровнюшку.
3. Ой, не нашла, ой, не нашла,
   Не нашла себе ровнюшку.
4. Ох, я нашла, ох, я нашла,
   Нашла мужа старого,
5. Ох, старого, ох, старого,
   Старого, рявнивого.
6. Вон не вялит, вон не вялит
   Мне на улицу ходить,
7. Ой, не вялит, ой, не вялит
   Сы ребятами играть.

Станица Алексеевская, 1903.
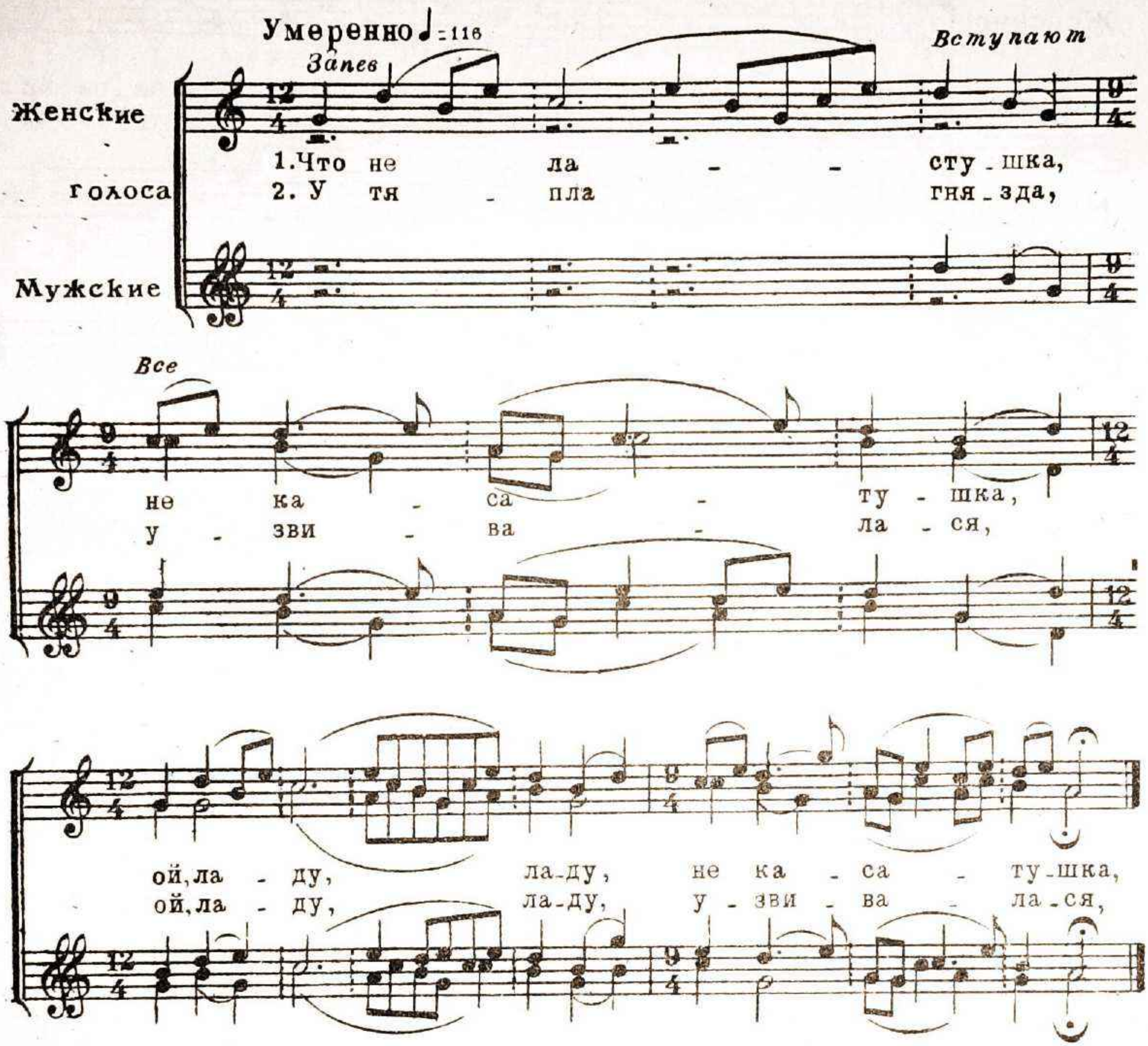
---

[1] Редкий, как исключение, в казачьих донских песнях, пример терции финальной каденции.

[2] Каждый четный стих повторяется.

181. ЧТО НЕ ЛАСТУШКА, НЕ КАСАТУШКА

Во чужих людях лихо жить

1. Что не ластушка, не касатушка,
Припев: Ой, ладу̀, ладу̀, не касатушка,
2. У тяпла̀ гнязда узвивалася,
Припев: Ой, ладу̀, ладу̀ да узвивалася,—[1]
3. Дочь у матери да й-убивалася:
4. —«Уж ты, мать моя да мать родимая!
5. Ты ня дай мяня во чужѝ люди,—
6. Во чужих людях, гварят,[2] лѝхо жить,
7. Жить й-умеючи да разумеючи».
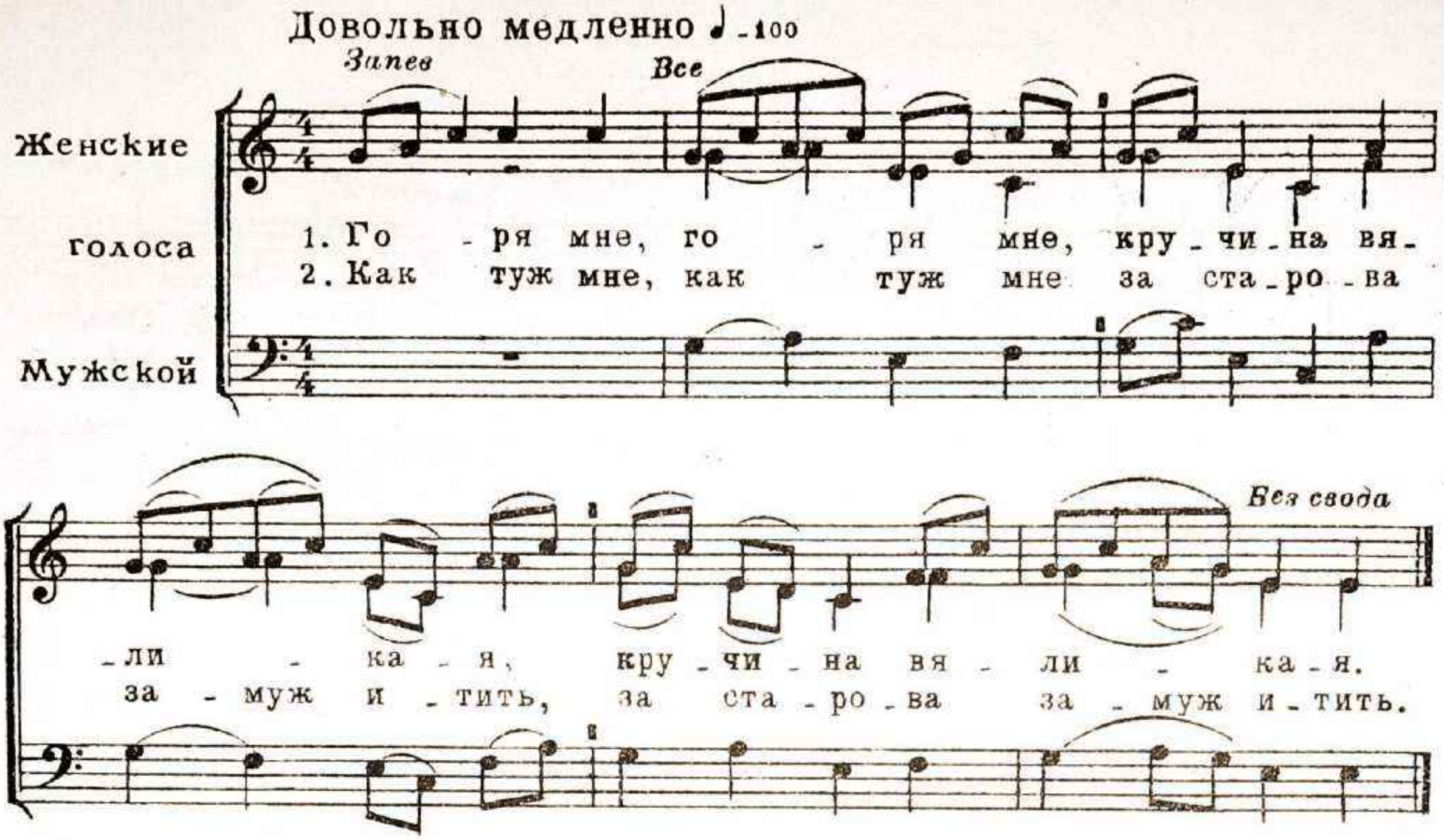
Станица Тишанская, 1903.

---

[1] Припев «Ой, ладу̀, ладу̀» после каждого стиха по данному образцу.
[2] Говорят.

182. ГОРЕ МНЕ, ГОРЕ МНЕ

Со старым горе, с ровней радость

1. Горя мне, горя мне,
Кручина вяликая!
Как ту ж мне, как ту ж мне [1]
За старого замуж итить?
Этак-то, этак-то,
Этак-то, вот этак-то! [2]
2. Горя мне, горя мне,
Кручина вяликая!
Как ту ж мне, как ту ж мне
Старому постелю слать?
Этак-то, этак-то,
Этак-то, вот этак-то!
3. Горя мне, горя мне,
Кручина вяликая!
Как ту ж я, как ту ж я
Со старым я спать ляжу?
Этак-то, этак-то,
Этак-то, вот этак-то!
4. Горя мне, горя мне,
Кручина вяликая!
Как ту-ж я, как ту-ж я
От старого вставать буду?
Этак-то, этак-то,
Этак-то, вот этак-то!
5. Горя мне, горя мне,
Кручина вяликая!
Как ту-ж я, как ту-ж я
Старого будить буду?
Этак-то, этак-то,
Этак-то, вот этак-то!
6 Радость мне, радость мне,
Веселья вяликая!
Как ту ж мне, как ту ж мне
За ровнюшку замуж итить?
Этак-то, этак-то,
Этак-то, вот этак-то!
7. Радость мне, радость мне,
Веселья вяликая!
Как ту ж я, как ту ж я
С ровней на улицу пойду?
Этак-то, этак-то,
Этак-то, вот этак-то!
8. Радость мне, радость мне,
Веселья вяликая!
Как ту ж я, как ту ж я
С ровнюшкой играть буду?
Этак-то, этак-то,
Этак-то, вот этак-то!

Станица Тишанская, 1903.
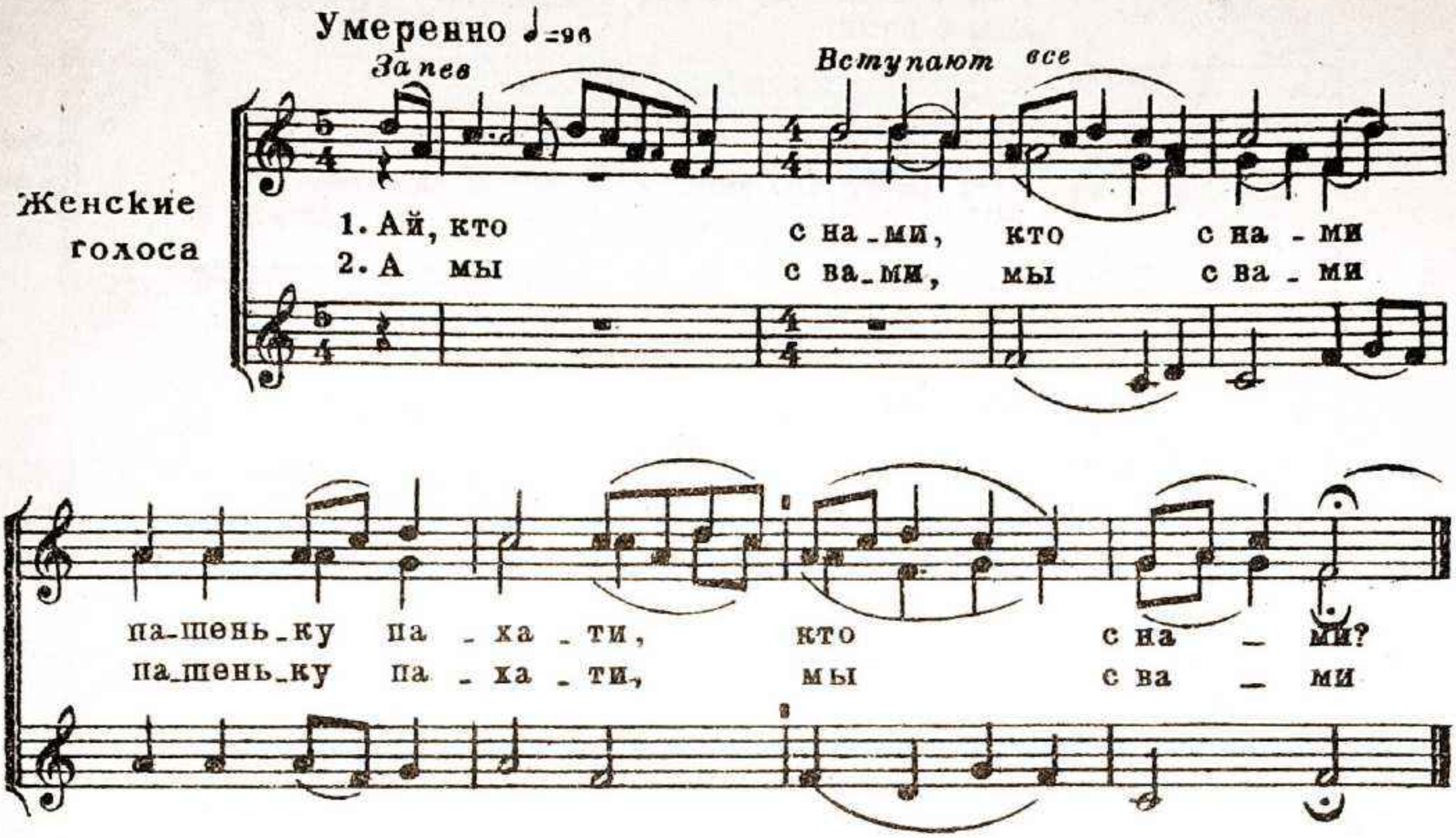
---

[1] «Как ту ж»—как то же. Каждый четный стих повторяется.

[2] «Этак-то, вот этак-то» в произношении исполнителей слышалось — «Итак-то, утётак-то».

183. КТО С НАМИ?[1]

Мы с вами, мы с вами!

1. Кто с нами (2) пашеньку пахати,
   Кто с нами?
   Мы с вами (2) пашеньку пахати,
   Мы с вами!

2. Кто с нами (2) жито рассявати,
   Кто с нами?
   Мы с вами (2) жито рассявати,
   Мы с вами!

3. Кто с нами (2), кто жито косити,
   Кто с нами?
   Мы с вами (2), мы жито косити,
   Мы с вами!

4. Кто с нами (2), кто жито вязати,
   Кто с нами?
   Мы с вами (2), мы жито вязати,
   Мы с вами!

---

[1] По окончании песни поют следующую: «Наварим мы пива» (184).

5. Кто с нами (2), кто жито возити,
Кто с нами?
Мы с вами (2), мы жито возити,
Мы с вами!

6. Кто с нами (2) жито молотити,
Кто с нами?
Мы с вами (2) жито молотити,
Мы с вами!

7. Кто с нами (2) жито пёрьвявати,
Кто с нами?
Мы с вами (2) жито перьвявати,
Мы с вами!

8. Кто с нами (2) солод солодити,
Кто с нами?
Мы с вами (2) солод солодити,
Мы с вами!

9. Кто с нами (2), кто пиво варити,
Кто с нами?
Мы с вами (2), мы пиво варити,
Мы с вами!

10. Кто с нами (2), кто сына жанити,
Кто с нами?
Мы с вами (2), мы сына жанити,
Мы с вами!

Игра
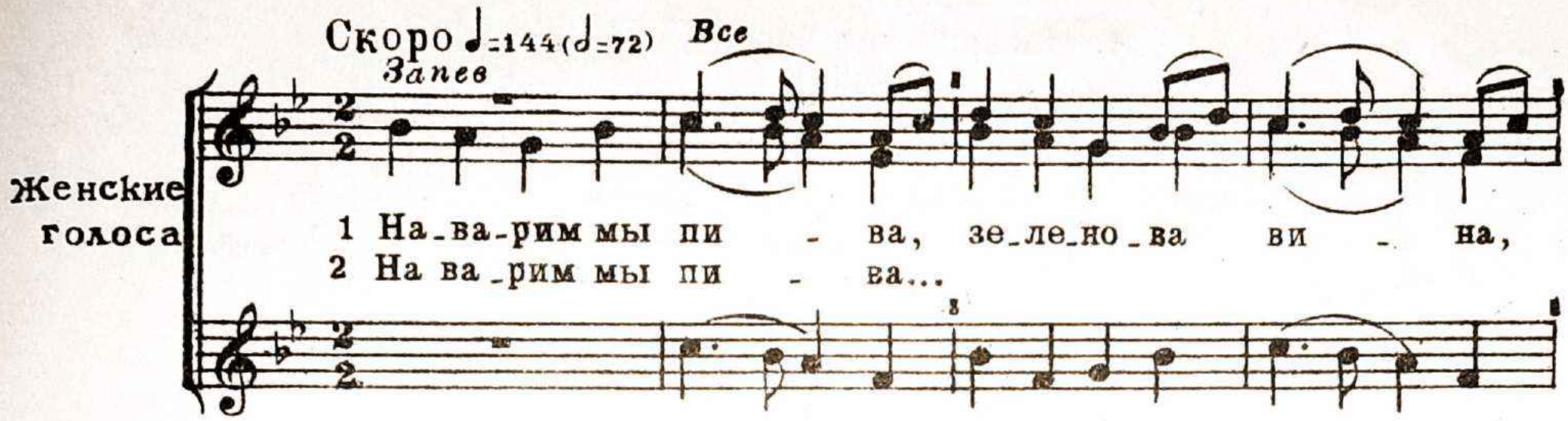
Играющие разделяются на две стороны, становятся лицом к лицу и, взявшись за руки, ходят медленным шагом одна против другой. В то время как одна сторона, окончив свой стих, возвращается на свое место, другая следующим стихом выступает вперед вслед за первой.

После этой песни, непосредственно и без перерыва, переходят к следующей «Наварим мы пива».

Станица Тишанская, 1903.

184. НАВАРИМ МЫ ПИВА

Весёлое пиво!

1. Наварим мы пива,
Зеленого вйна!
Да што-ж в этим пиве,
Ой, што у нас будет?
— Мы пива напьемси,
Да все соберемси!

(берутся за руки)

2. Наварим мы пива,
Зеленого вйна!
Да што-ж в этим пиве,
Ой, што у нас будет?
— Мы пива напьемси,
Да все посадимси!

(садятся)

3. Наварим мы пива,
Зеленого вйна!
Да што-ж с того пива,
Ой, што у нас будет?
— Мы пива напьемси,
Да все положимси!

(прилегают)

4. Наварим мы пива,
Зеленого вйна!
Да што-ж с того пива,
Ой, што у нас будет?
— Мы пива напьемси,
Да все повставаем!

(поднимаются)
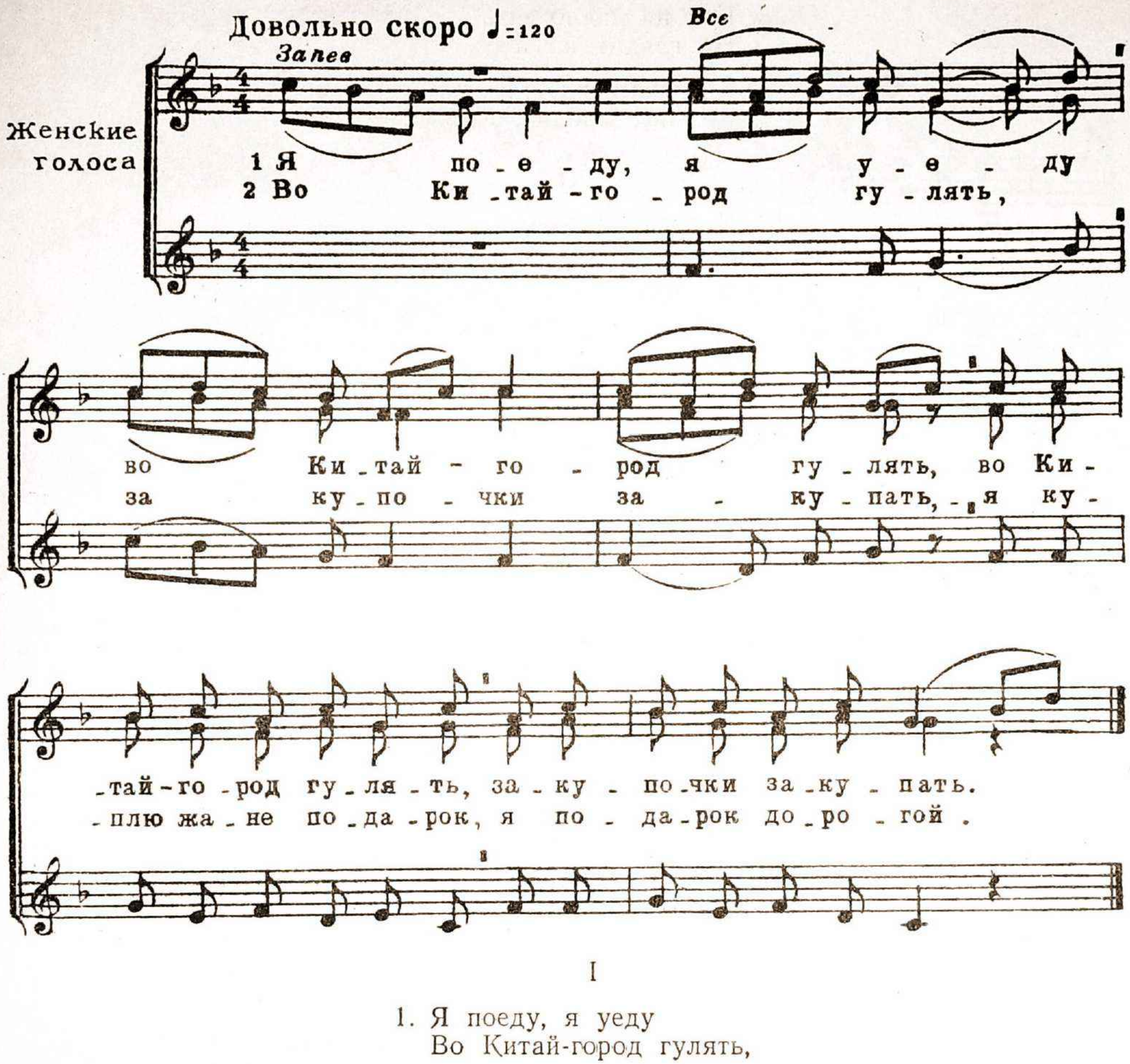
5. Наварим мы пива,
Зеленого вйна!
Да што-ж с того пива,
Ой, што с него будет?
— Мы пьяни напьемси,
Да все перьдеремси!

Песню эту поют непосредственно после предыдущей. По окончании последней, обе стороны карагода, схватываясь в круг, запевают «Пиво» и продолжают игру, выполняя всё, что предписывает песня.

Станица Тишанская, 1903.

185. Я ПОЕДУ, Я УЕДУ

Как жена-то мужа любит!

I

1. Я поеду, я уеду
   Во Китай-город гулять,

2. Во Китай-город гулять,
   Закупочки закупать.[1]

3. Я куплю жане подарок,
   Я подарок дорогой,

4. Я подарок дорогой,
   Я платочек шалковой.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

5. Я приеду, привезу,
Примерию, приложу,

6. Примерию, приложу,
На жёнушку погляжу.

7. Поглядитя, добры люди,
Как жана мужа ня любит,

8. Как ня любит его,
Не глядит на него.

9. К людям идёт лйчком,
Ко мне, младцу, плѐчком.

II

10. Я поеду, я уеду
Во Китай-город гулять,

11. Во Китай-город гулять,
Закупочки закупать.

12. Я куплю жане подарок,
Я куплю ей дорогой,

13. Я куплю ей дорогой,
Я шалкòваю плётку.

14. Я приеду, привязу,
Покажу да приложу,

15. Покажу да приложу,
На жёнушку погляжу.

16. Поглядитя, добры люди,
Как жана-то мужа любит.
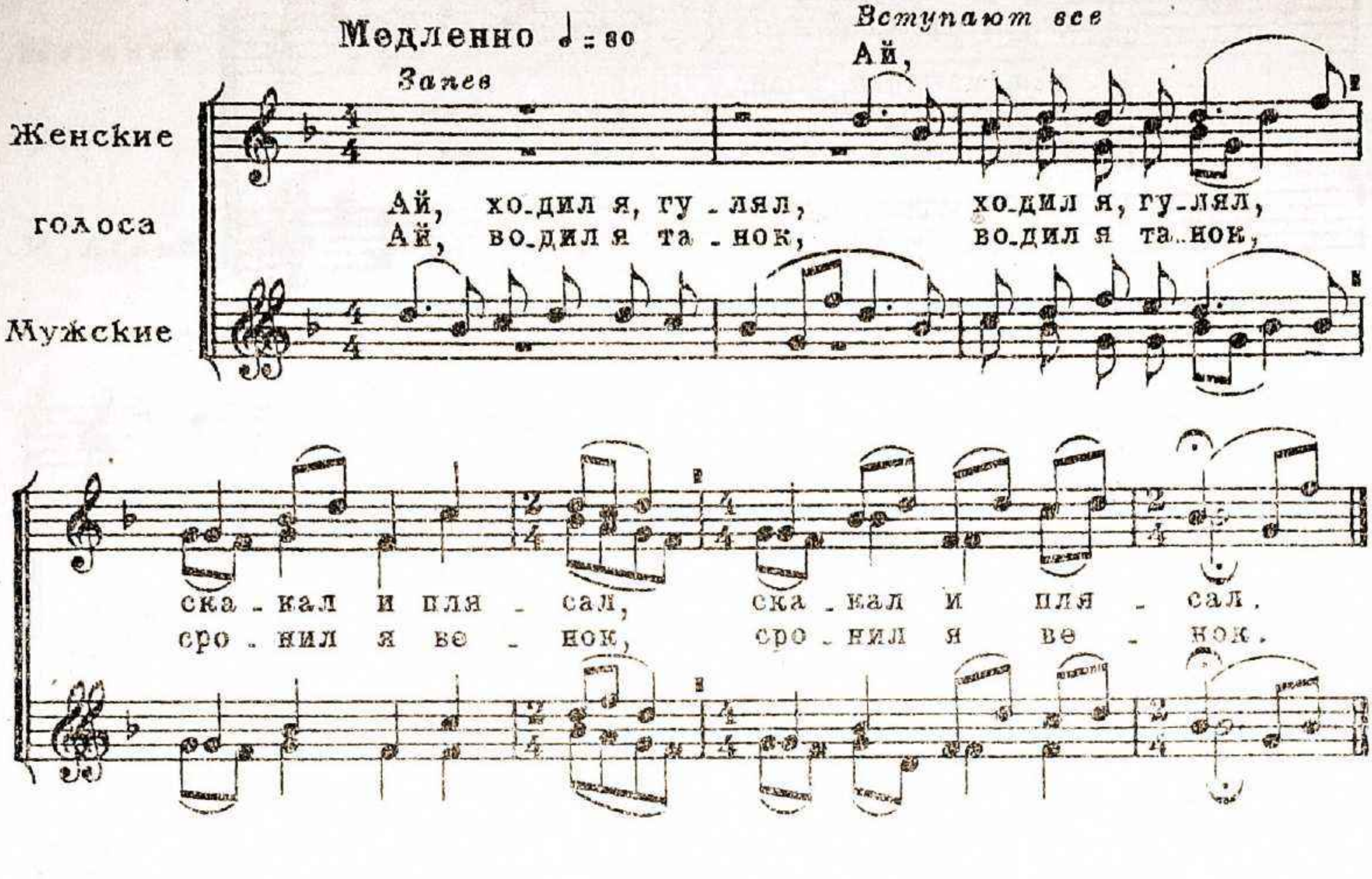
17. Она любит его,
Поцалует его,

18. Идёт к людям плѐчком,
Ко мне, младцу, лйчком!

Станица Тишанская, 1903.

186. АЙ, ХОДИЛ Я, ГУЛЯЛ

Дѐвица красная веночек несёт

I

1. Ай, ходил я, гулял, 2 *Круг двигается*
   Скакал и плясал, 2
2. Ай, водил я танòк, 2
   Сронил я вянок; 2
3. Ай, сронил я вянок 2 *Останавливаются*
   Спроти батюшки; 2
4. «Ай, батюшка, поди, 1
   Родненький, поди,— 1
   Вянок отыщи!» 2
5. Ай, батюшка идёт, 1
   Родненький идёт,— 1
   Вянок не несет. 2
6. Ай, то-то мне ня радость, 1
   То-то не веселья,— 1
   Вянок не несет! 2

II

7.	Ай, ходил я, гулял,	2	*Двигаются*
	Скакал и плясал,	2	
8.	Ай, водил я танòк,	2	
	Сронил я вянок;	2	
9.	Ай, сронил я вянок	2	
	Спроти матушки,	1	*Останавливаются*
	Спроти родненькой:	1	
10.	«Ай, матушка, поди,	1	
	Родная, поди,—	1	
	Вянок приняси!»	2	
11.	Ай, матушка идет,	1	
	Родная идет —	1	
	Вянок не нясет.	2	
12.	Ай, то-то мне ня радость,	1	
	То-то не веселья—	1	
	Вянок не нясет.	2	

III
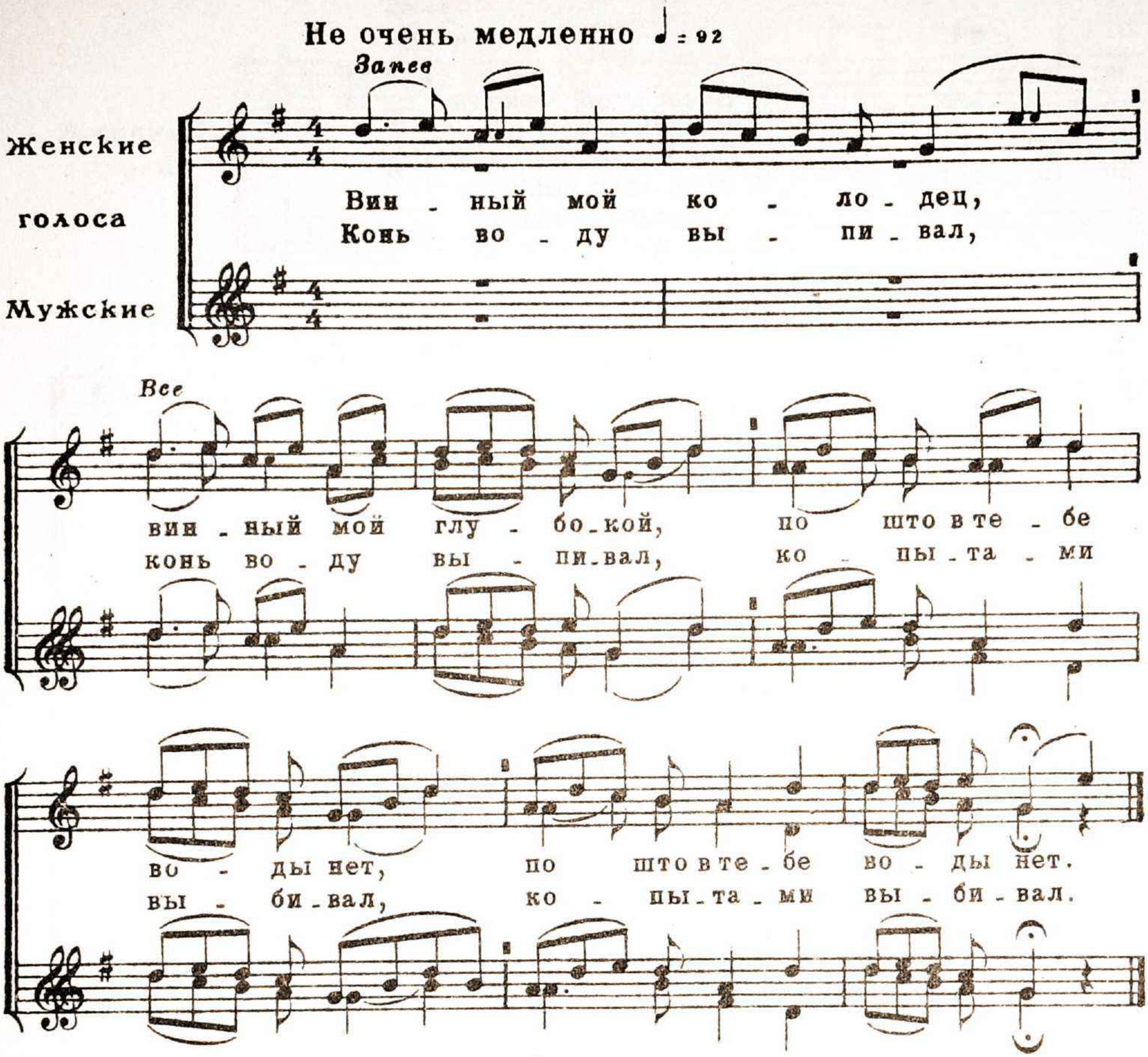
13.	Ай, ходил я, гулял,	2	*Двигаются*
	Скакал и плясал.	2	
14.	Ай, водил я танок,	2	
	Сронил я вянок;	2	
15.	Ай, сронил я вянок	2	
	Спроти девицы:	2	
16.	«Ай, девица, поди,	1	
	Красная, поди,—	1	
	Вянок отыщи!»	2	
17.	Ай, девица идет,	1	
	Красная идет,—	1	
	Вяночек нясет,	2	
18.	Ай, вяночек нясет,	2	*Кладет венок*
	На главу кладет.	2	*на голову*
19.	Ай, то-то жа мне радость,	1	
	То-то мне веселья,—	1	
	На главу кладет!	2	

Круг за руки. В кругу один или одна из участвующих с венком в руках или с платком, заменяющим венок. В указанных местах круг останавливается или вновь двигается, выполняя по песне.

Станица Бурацкая, 1903.

187. ВИННЫЙ МОЙ КОЛОДЕЦ

Люблю тебя, зо̀лотце,- целуй меня, мо̀лодца

I

1. Виннай мой колодец,
   Виннай мой глубоко̀й!
   Почто в тебе воды нет?
2. Конь воду выпивал,
   Копыта̀ми выбивал!
3. Все кони на дворе,—
   Хозяина дома нет,
   Богатова дома нет:
4. Поехал наш хозяин,
   Поехал наш богатай
   Во Китай-город гулять.

5. Приедет наш хозяин,
Привезет наш богатай
Китайскаю й-умницу,
6. Китайскаю й-умницу
Выведу на й-улицу.
7. Люблю-ж тебе, зо́лотца,
Цалуй мене, молодца!

II

8. Виннай мой колодец,
Виннай мой глубоко́й!
Почто-ж в тебе воды нет?
9. Конь воду выпивал,
Копыта́ми выбивал!
10. Все кони на дворе,—
Хозяина дома нет,
Богатова дома нет:
11. Поехал наш хозяин,
Поехал наш богатай
Во Казань-город гулять.
12. Приедет наш хозяин,
Привезет наш богатай
Казанскаю й-умницу.
13. Казанскаю й-умницу
Выведу на й-улицу:
14. Люблю ж тебе, золотца,
Цалуй мене, молодца!
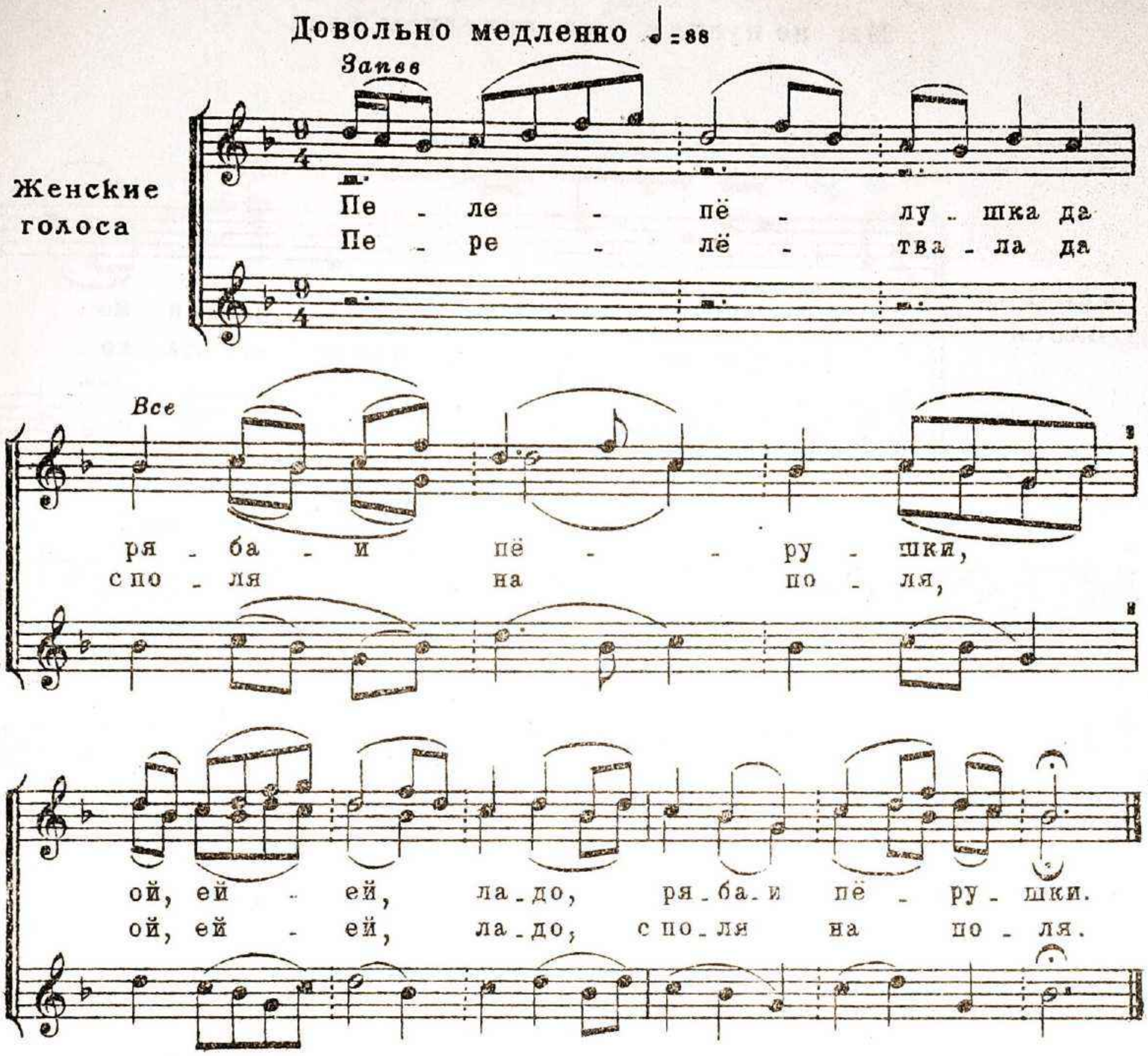
III

15. Виннай мой колодец,
Виннай мой глубоко́й!
Да что-ж в тебе воды нет?
16. Конь воду выпивал,
Копытами выбивал!
17. Все кони на дворе, —
Хозяина дома нет,
Богатова дома нет:
18. Поехал наш хозяин,
Поехал наш богатай
Во Рязань-город гулять.
19. Приедет наш хозяин,
Привезет наш богатай
Рязанскаю й-умницу.
20. Рязанскаю й-умницу
Выведу на й-улицу:
21. Люблю-ж тебе, золотца,
Цалуй мене, молодца!
22. —«Китайская й-умница,
Стяли мне постелюшку;
23. Казанская й-умница,
Клади мне в головушки;
24. Рязанская й-умница,
Дай мне одеялицу!»

Станица Бурацкая, 1903.

188. ПЕРЕПЕЛУШКА-РЯБЫЕ ПЕРУШКИ

Сокол ясный позарился на красоту перепёлушки

1. Пилипёлушка да рябаи пёрушки,
Припев: Ой-ей-ей, ладо̀, рябаи перушки!
2. Перелётвала да с поля нà поля,
Припев: Ой-ей-ей, ладо̀, с поля на поля.[1]
3. Перяманьвала да ясного сокола.
4. Да ня я яво да перяманьвала,
5. Дай й-он сам ко мне да перялётавал:
6. Он позарилсы да на мои перы́й,
7. На мои перы́й да пёрьи рябаи,
8. На мою красоту да всё на девичью,
9. На мою косу да, косу русаю,
10. Да на мой косьник да косьник[2] бисернай,
11. На мою ленту да ленту алаю.
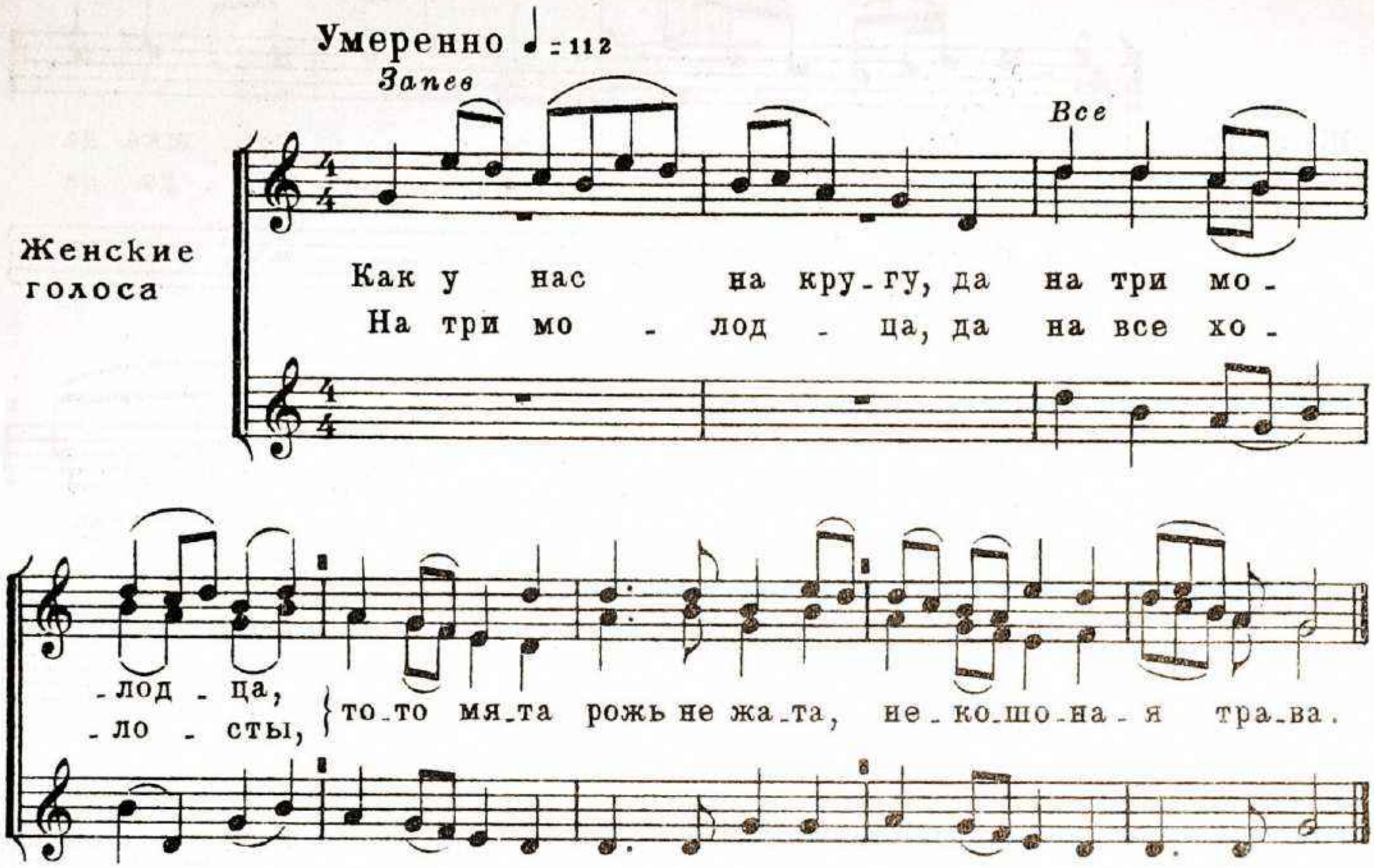
Станица Луковская, 1903.

---

[1] Припев после каждого стиха.
[2] Косник.

189. КАК У НАС НА КРУГУ

Мы не пустим вас–поцелуем раз!

1. Как у нас во кругу да на [1] три мòлодца,

Припев:

То-то мята, рожь не жата,
Не кошòная трава! [2]

2. На три молодца да, на все хòлосты,
3. На все хòлосты да не жанатаи,
4. Не жанатаи да дароватаи:[3]
5. Как на первай молодѐц—наш Архипушка,
6. На другой то молодец—что-й Семенушка,
7. А на третий молодец—всё Егорушка.
8. Как на первай молодец да бярет девицу,

---

[1] У донских казаков бывш. верхних округов — Хоперского, Усть-Медведицкого, 2-го Донского и частью Донецкого нередко употребляемая частица «на» заменяет «да», «и».

[2] Припев один для всех стихов.

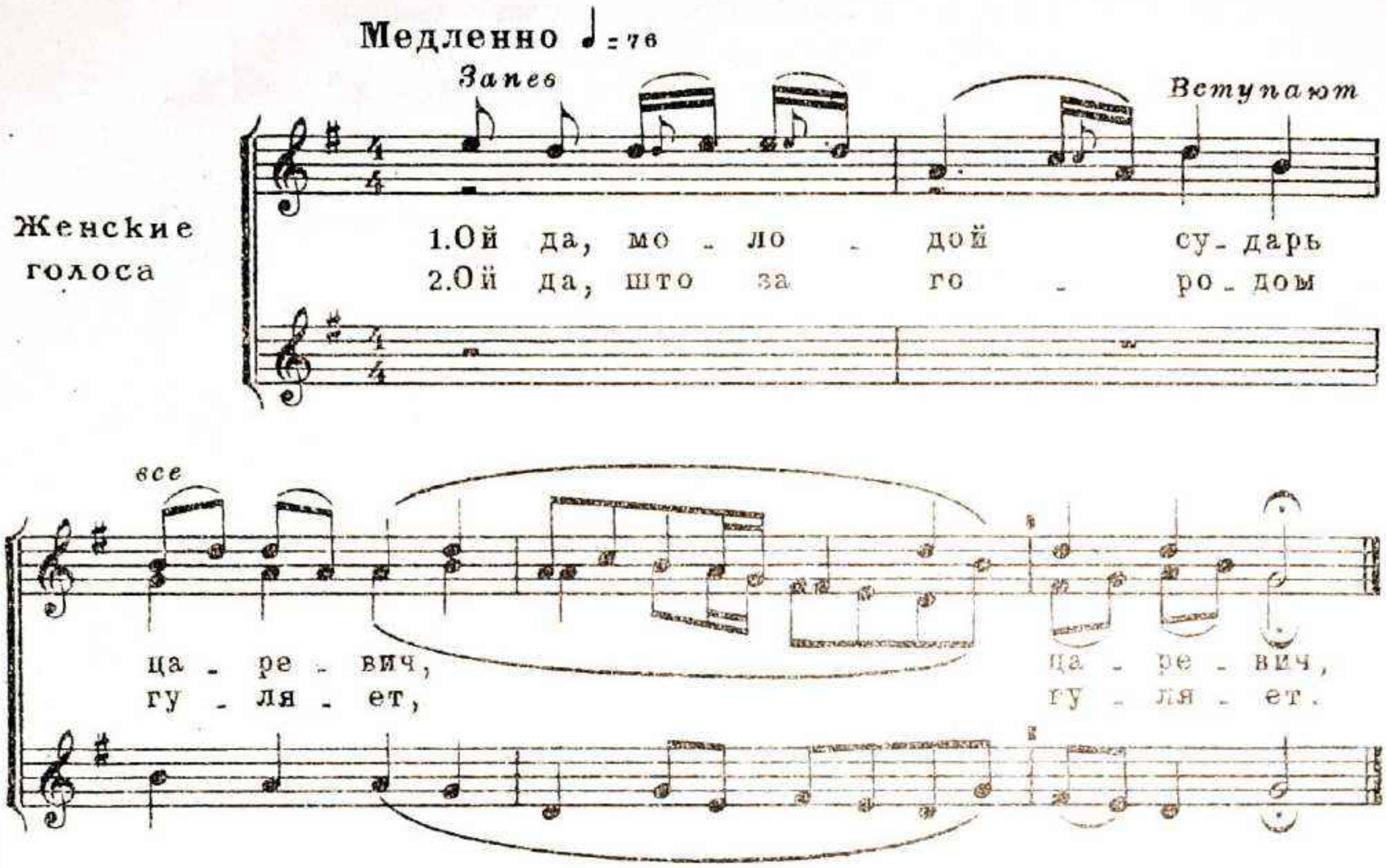
[3] Тароватые.

9. Бярет девицу—светик Фенюшку,
10. Светик Фенюшку да светик Митревну;
11. На другой то молодец да бярет девицу,
12. Бярет девицу да светик Танюшку,
13. Светик Танюшку да свет Ивановну;
14. А на третий молодец да бярет девицу,
15. Бярет девицу да светик Молюшку,
16. Светик Молюшку да свет Филипьевну.
17. Наши девочки да вместе сходятся,
18. Вместе сходятся да низко кланиются,
19. Низко кланиются да гулять просятся:
20. «Вы пуститя нас да на ядинай час,
21. На ядинай час да во зелёнай сад!»
22. — Мы ня пустим вас, поцалуем раз!»

Станица Луковская, 1903.

190. ОЙ ДА, МОЛОДОЙ СУДАРЬ ЦАРЕВИЧ

Царевич ищет себе царевну

1. Ой да, молодой сударь-царевич, царевич,
2. Ой да, что за городом гуляет, гуляет,
3. Ой да, он царевнюшку искает, искает.
4. Ой да, ну ня та ли та царевня, царевня,
5. Ой да, что во городе гуляет, гуляет,
6. Ой да, дорогим пярстнём махает, махает,
7. Ой да, золотым кольцом сияет, сияет?[1]
8. «Ой да, подойди, сударь, к городу, к городу,
9. Ой да, й-отвори, сударь, вороты, вороты,
10. Ой да, ты войди, сударь, в городы, в городы.
11. Ой да, подойди, сударь, поближе, поближе.
12. Ой да, поклонись, сударь, пониже, пониже.
13. Ой да, ты возьми, сударь, за плёчку, за плёчку.
14. Ой да, ты прижми, сударь, к сердечку,
к сердечку.
15. Ой да, поцалуй жа ты в устечку, в устечку.
16. Ой да, ты возьми, сударь, за ручку, за ручку.
17. Ой да, ты вяди, сударь, за город, за город!»
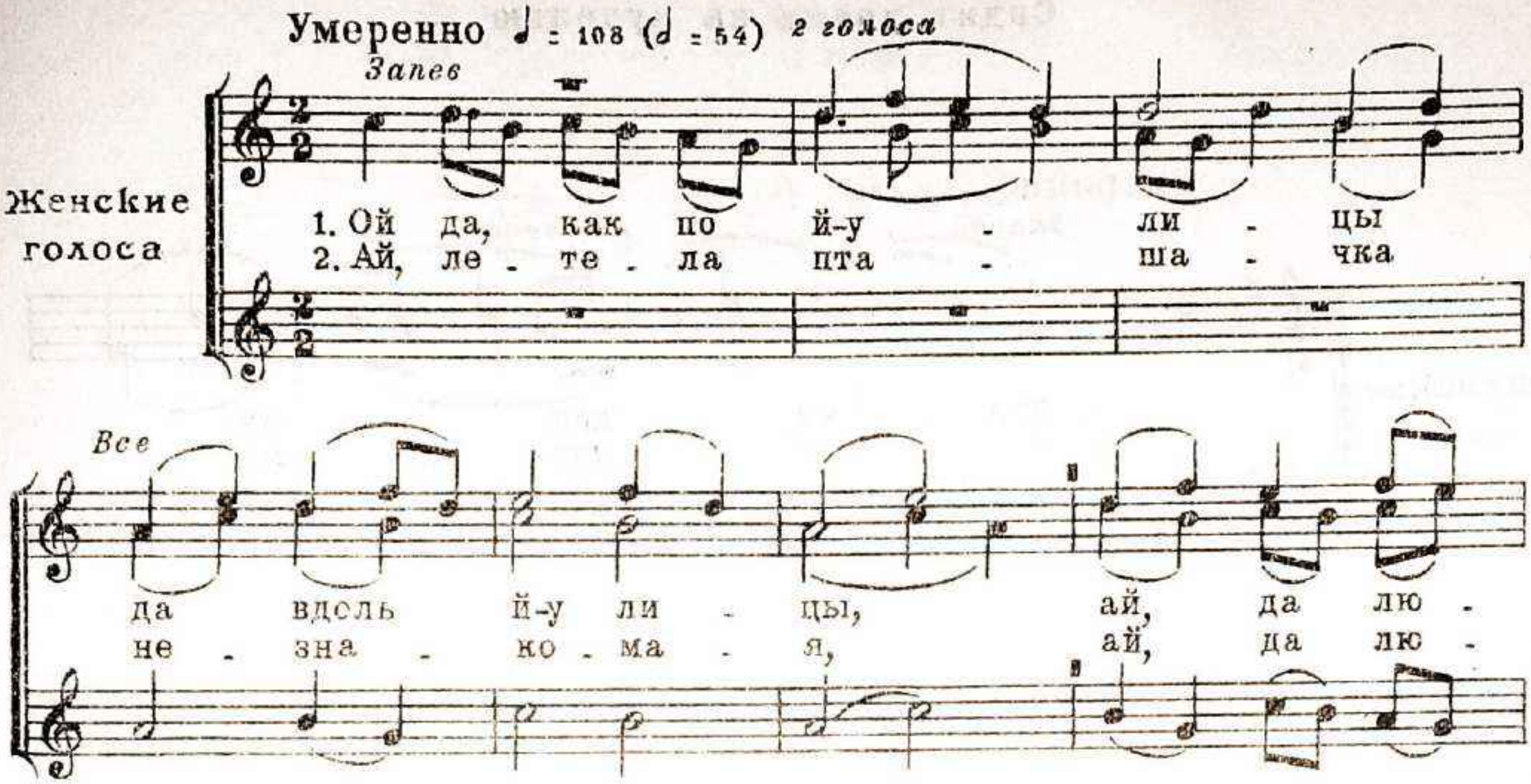
Станица Луковская, 1903.

---

[1] В народном произношении — «ся́нить», «ся́нить», «ся́нила», «ся́нила».

191. ОЙ ДА, КАК ПО УЛИЦЕ

Не быть гу̀слюшкам звончей ла̀доней

1. Ой да, как по й-улицы
   Да вдоль й-улицы,

Припев:

   Ай, да люли, люли,
   Да вдоль й-улицы,[1]

2. Ай, летела пташачка
   Незнакомая.
3. Ай да, что по пёрушкам—
   Будто пилипёлушка,
4. Ай да, ну по ножунькам—
   Коростелюшка,
5. Ай да, по головушке—
   Да красная девочка,
6. Ой да, как по голосу—
   Добрай молодец.
7. Ай да, й-он шумит, кричит
   Громким голосом:
8. «Ай да, й-уж вы, девки, к нам,
   Вы, молодки, к нам!
9. Ай да, вы идитя к нам
   Играть на й-улицу.
10. Ей да, я сы гуслями,
    Вы сы ла̀доньми!» [2]
11. Ой да, ня быть гуслюшкам
    Звончей ла̀доней,
12. Ой да, ня быть свёкору
    Да милей батюшки,
13. Ой да, ни свякровьюшке
    Милей мамушки,
14. Ой да, ня быть деверю
    Да милей братеца,
15. Ой да, ни золовушке
    Милей сёстрицы.

Станица Луковская, 1903.

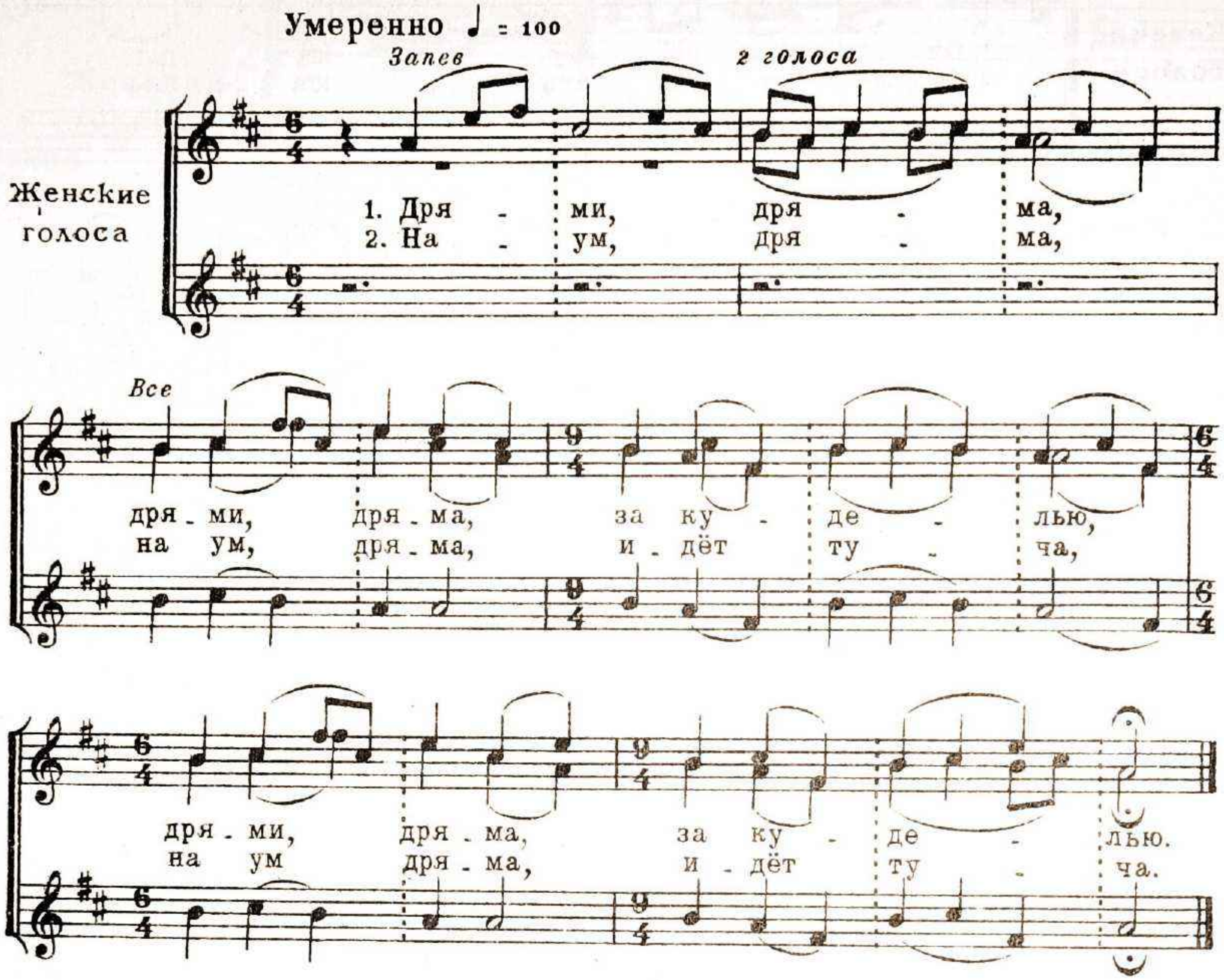
---

[1] Припев после каждого двустишия по данному образцу.

[2] «Сы ла̀доньми» — с ладонями.

192. ДРЕМИ, ДРЕМА

Сидит дрёма за куделью

I

1. Дрями, дрямá, (2) за куделью,[1]
2. На ум, дряма, (2) идет туча!
3. Сем я стану, (2) сем тряхнуся,
4. Сем тряхнуся, (2) обярнуся!
5. Идёт туча (2) сы грозою,
6. Сы грозою (2) сы большою;
7. За тучею (2) идет свёкор,
8. Идет свёкор (2) сы журбою,
9. Сы журбою (2) сы грознóю.

[1] Каждый стих поется дважды.

II

10. Дрями, дряма, (2) за куделью,
11. На ум, дряма, (2) идет туча!
12. Сем я стану, (2) сем тряхнуся,
13. Сем тряхнуся, (2) обярнуся!
14. Идет туча (2) сы грозою,
15. Сы грозою (2) сы большою;
16. За тучею (2) свякры̀ идет,
17. Свякры̀ идет (2) сы журбою,
18. Сы журбою (2) сы грозно̀ю.

III

19. Дрями, дряма, (2) за куделью,
20. На ум, дряма, (2) идет туча!
21. Сем я стану, (2) сем погля̀ну,
22. Обчашуся, (2) обярнуся!
23. Идет туча (2) сы грозою,
24. Сы грозою (2) сы большою;
25. За тучею (2) идет деверь,
26. Идет деверь (2) сы журбою,
27. Сы журбою (2) сы грозно̀ю.
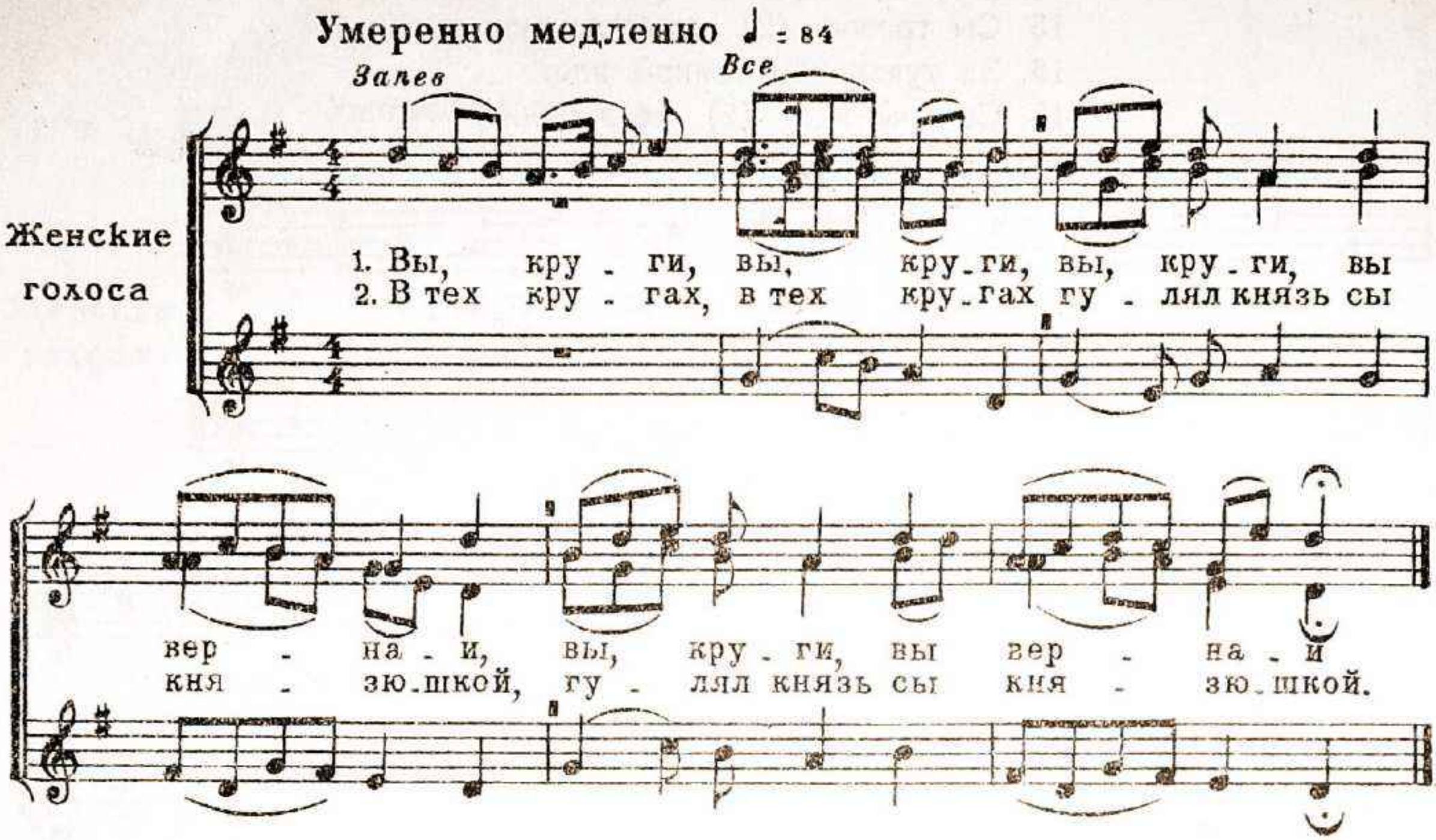
IV

28. Дрями, дряма, (2) за куделью,
29. На ум, дряма, (2) идет туча!
30. Сем я стану, (2) сем погля̀ну,
31. Обчашуся, (2) обярнуся:
32. Идет туча (2) сы грозою,
33. Сы грозою (2) сы большою;
34. За тучею (2) йдет золо̀вка,
35. Йдет золовка (2) сы журбою,
36. Сы журбою (2) сы грозно̀ю.

Станица Луковская, 1903.

193. ВЫ, КРУ̀ГИ, ВЫ ВЕРНЫЕ

Князюшки батюшки, мы вам помощницы

I

1. Вы, кру̀ги, вы, кру̀ги,
   Вы, кругѝ, вы, вернаи!
2. В тех кру̀гах, в тех кру̀гах
   Гулял князь сы князюшкой,—
3. Искали, выбирали
   Себе девок вы, слуги,
   Себе красных вы, вернаи.
4. Нашли, выбрали
   Себе девок вы, слуги,
   Себе красных вы, вернаи.
5. Спроти девок, спроти красных
   Рòнили шляпы чернаи,
6. Чернаи шляпочки,
   Чернаи, соболинваи,
7. С тем пяром,
   С перушком сы павлиновым.
8. «Девочки, ласточки,
   Подайтя шляпочки!»
9. —Князюшки, батюшки!
   Мы вам ня служницы,—
10. Служницы мы вернаи
    Свому й-отцу, матери!

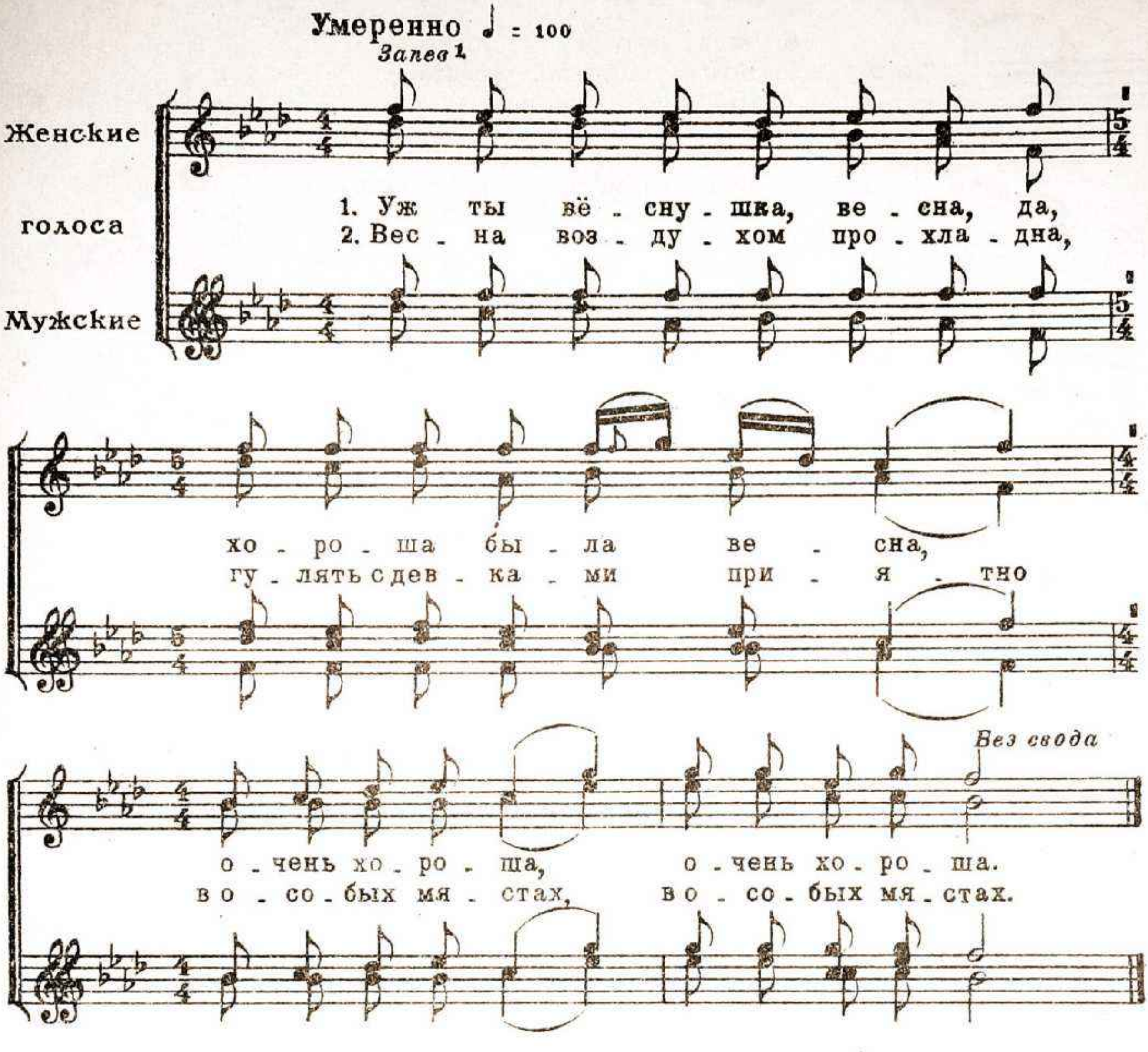
II

11. Вы, кру̀ги, вы, кру̀ги,
    Вы, кругѝ, вы, вернаи!
12. В тех кру̀гах, в тех кру̀гах
    Гулял князь сы князюшкой,—
13. Искали, выбирали
    Себе девок вы, слуги,
    Себе красных вы, вернаи.
14. Нашли, выбрали
    Себе девок вы, слуги,
    Себе красных вы, вернаи.
15. Спроти девок, спроти красных
    Рòнили шляпы чернаи,
    Чернаи, соболинваи,
16. С тем пяром,
    С перушком сы павлиновым.
17. «Девочки, ласточки,
    Подайтя нам шляпочки!»
18. —Князюшки, батюшки,
    Мы ваши служницы,
    Мы вам помощницы!

Станица Луковская, 1903

194. УЖ ТЫ, ВЁСНУШКА, ВЕСНА

Весна очень хороша

1. Уж ты, вёснушка вясна да,
Хороша была вясна,
Очень хороша, очень хороша!

2. Вясна воздухом прохладна—
Гулять с девками приятно
В особых мястах,

3. Как в особенькиx местечках,
Во зелененьких лужочках,
Где святы святут лазореваи,

---

[1] Запевает нижний мужской голос; со второй строфы песня идет без запевов.

4. Где святочики водятца,
Красны девки вясялятца,—
Они святы рвут лазореваи.

5. Одна девка рвет святочки,
А другая вьет вяночки,
За речку смотрйт:

6. Черяз речушку мосточек,
Бел рассыпчитай песочек,—
Шел милай по нем,

7. Шел миленький сторопился,
Под ним мостик подломилсы,
Упал на воду, упал на воду;

8. Упал милай на воду да
На мою горя-бяду,—
Водою бряду, водою бряду,

9. Я водицаю бряду да,
Светна платтица мочу,
Платтица мочу.

10. Девченочка подбежала,
За рученьку поддержала,
Во глаза смотрйт,

11. А другая подбежала,
Светна плаття выжимала,
Во лясок манит:

12. «Пойдем, милай, во лясок
На ядинай на часок—
До темнòй ночй,—
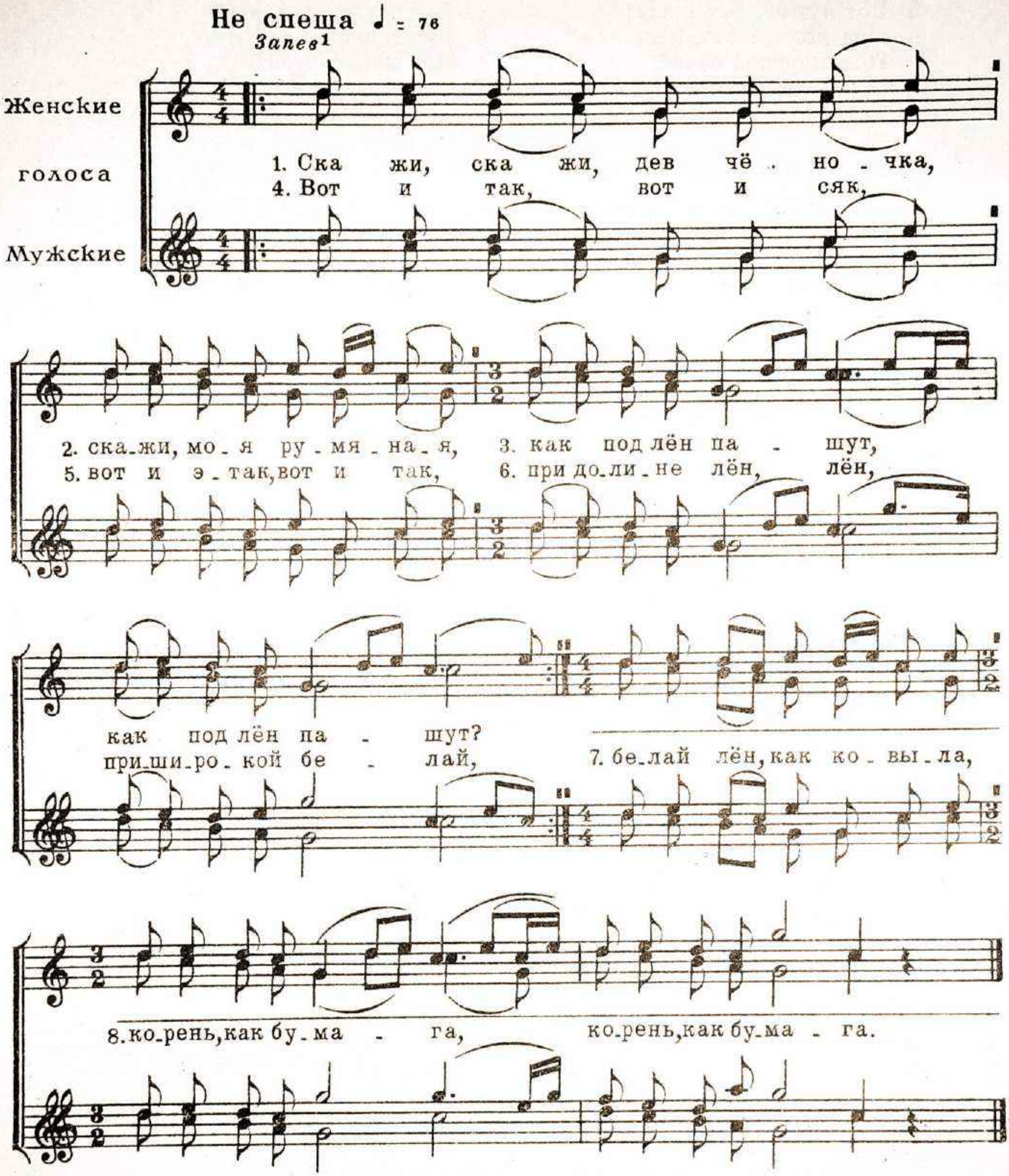
13. Темна ночушка настанет,
На нас плаття суха станет,
Мы пойдем домой.

14. Пойдем, миленький, домой,
Не смяйся надо мной,
Девкой молодой.

Станица Луковская, 1903.

195. СКАЖИ, СКАЖИ, ДЕВЧЕНОЧКА

Как под лён пашут?

[1] Один из голосов.

I

1. Скажи, скажи, девченочка,
2. Скажи, моя румянàя,
3. Как под лен п а ш у т?
4. Вот и так, вот и сяк,
5. Вот и этак, вот и так! [1]
6. При долине лён, лён,
   При широкой белай,
7. Белай лен, как ковыла,
8. Корень, как бумага.

II

1. Скажи, скажи, девченочка,
2. Скажи, моя румяная,
3. Как яво с е ю т?
4. Вот и так, вот и сяк,
5. Вот и этак, вот и так!
6. При долине лён, лён,
   При широкой белай,
7. Белай лен, как ковыла,
8. Корень, как бумага.

III

1. Скажи, скажи, девченочка,
2. Скажи, моя румянàя,
3. Как яво в о л о ч а т?
4. Вот и так, вот и сяк,
5. Вот и этак, вот и так!
6. При долине лён, лён,
   При широкой белай,
7. Белай лен, как ковыла,
8. Корень, как бумага.

IV

1. Скажи, скажи, девченочка,
2. Скажи, моя румянàя,
3. Как яво к о с я т?
4. Вот и так, вот и сяк,
5. Вот и этак, вот и так!
6. При долине лён, лён,
   При широкой белай,
7. Белай лен, как ковыла,
8. Корень, как бумага.

V

1. Скажи, скажи, девченочка,
2. Скажи, моя румянàя,
3. Как яво в я ж у т?
4. Вот и так, вот и сяк,
5. Вот и этак, вот и так!
6. При долине лён, лён,
   При широкой белай,
7. Белай лен, как ковыла,
8. Корень, как бумага.

VI

1. Скажи, скажи, девченочка,
2. Скажи, моя румянàя,
3. Как яво м о л о т я т?
4. Вот и так, вот и сяк,
5. Вот и этак, вот и так!
6. При долине лён, лён,
   При широкой белай,
7. Белай лен, как ковыла,
8. Корень, как бумага.

VII

1. Скажи, скажи, девченочка,
2. Скажи, моя румянàя,
3. Как яво в е ю т?
4. Вот и так, вот и сяк,
5. Вот и этак, вот и так!
6. При долине лён, лён,
   При широкой белай,
7. Белай лен, как ковыла,
8. Корень, как бумага.
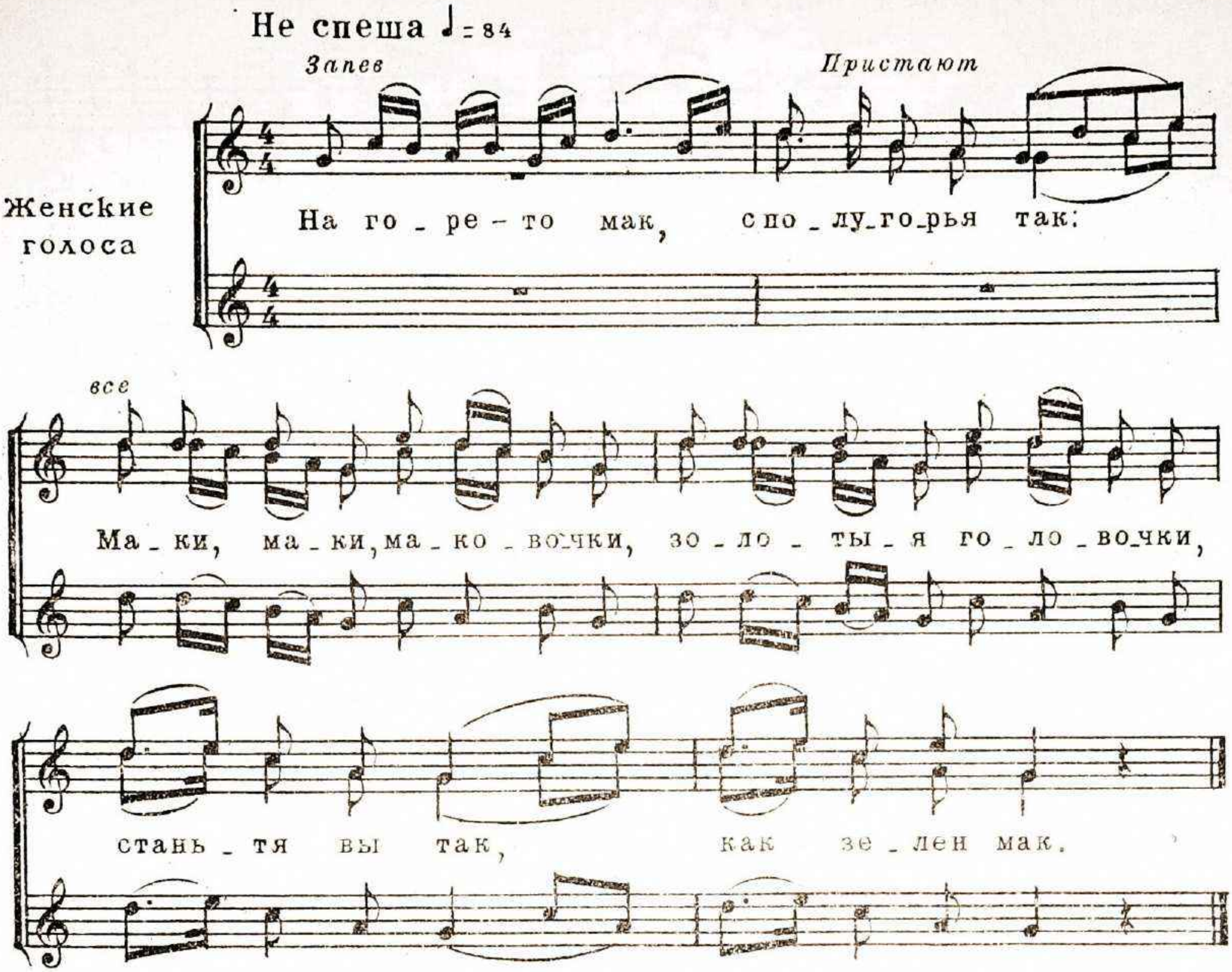
Станица Тепикинская, 1903.

---

[1] Вар. «Яво так, яво сяк, яво этак, яво так».

196. НА ГОРЕ-ТО МАК

Старичок, не поспел ли мачок?
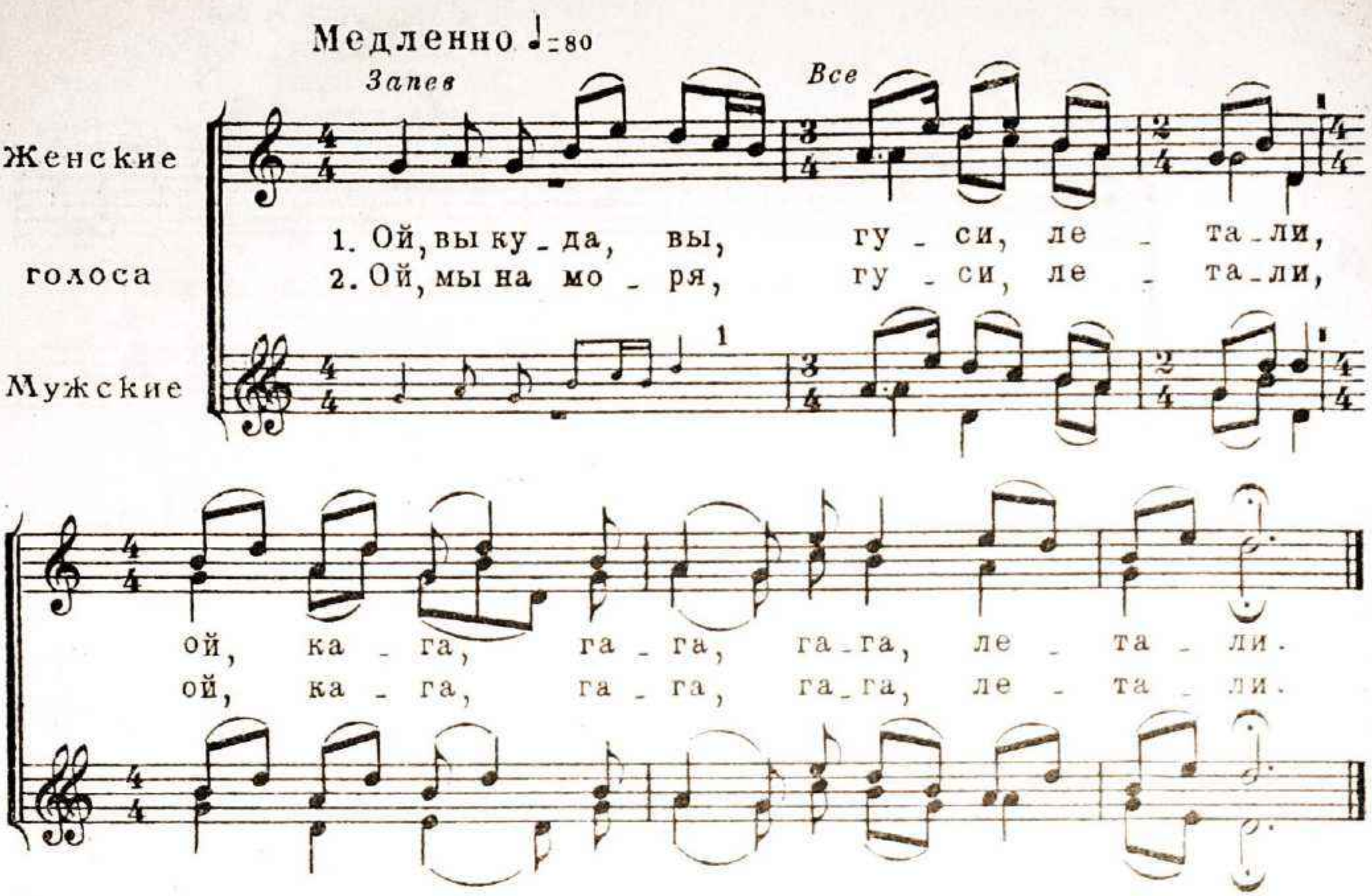

На горе-то мак,
С полугорья так:
Макй-макй,[1]
Маковочки,
Золотые
Головочки,
Станьтя вы так,
Как зелен мак!

Станица Петровская, 1903

[1] Вар. «Мои были маковочки...».

197. ОЙ, ВЫ КУДА, ГУСИ, ЛЕТАЛИ

Добры молодцы не выдали девицу

1. «Ой, ну, куда вы, гуси, летали,
Припев:
«Ой, кагá-гагá-гагá, летали?» [2]
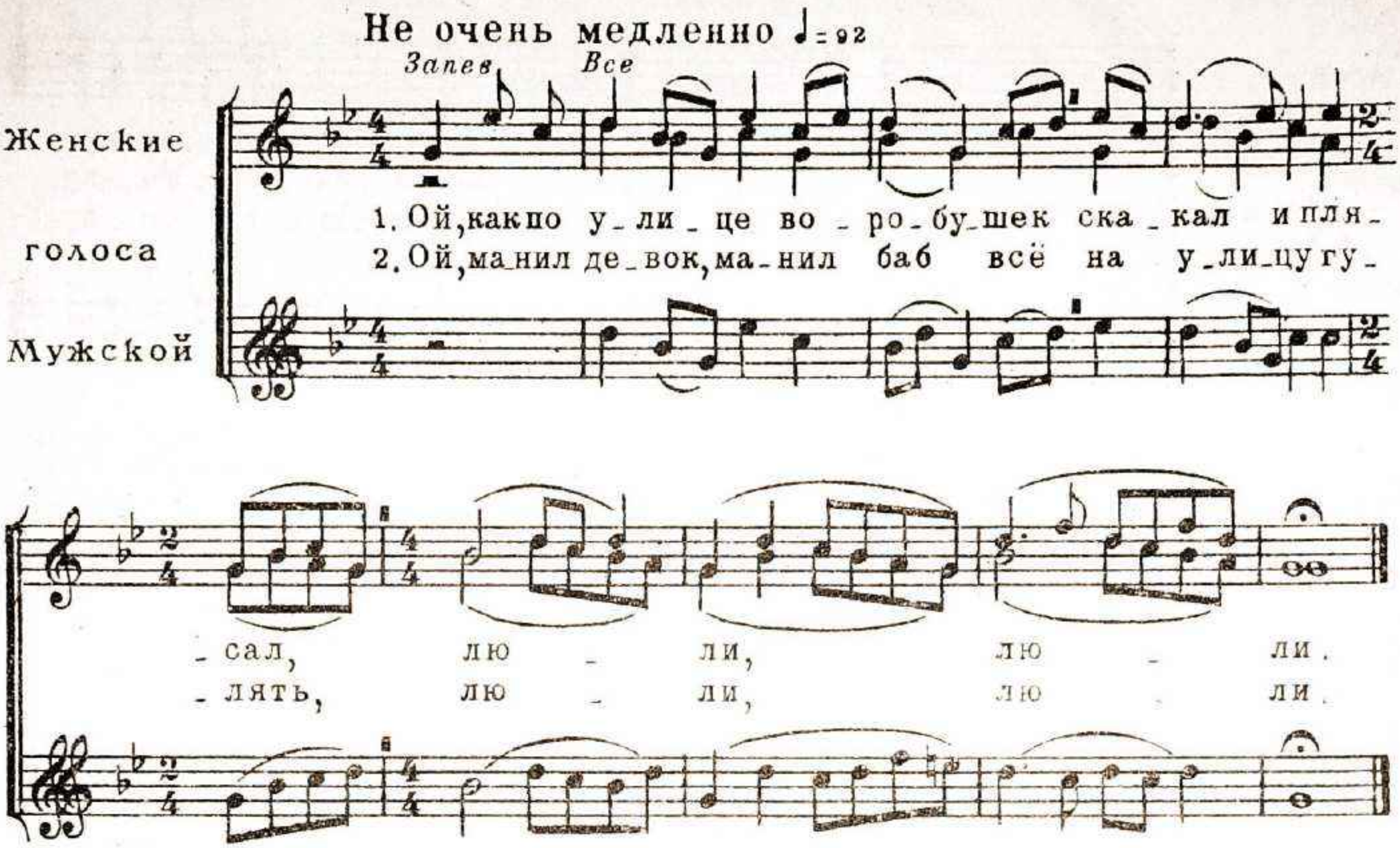
2. — «Ой, мы на моря, гуси, летали,
3. «Ай, вы чаво, гуси, видали?»
4. — «Ой, мы видали, гуси, волчйщу,
5. Ой, под ракитовым кусточком!»
6. «Ай, почему жа яво не взяли?»
7. — «Ай, ну-и, серы волки не дали!»
8. «Ай, ну, ещё чаво видали?»
9. — «Ай, во високом во тереме,
10. Ай, ну сидела там девица».
11. «Ай, почему жа её не взяли?»
12. — «Ай, добры молодцы не дали!»

Станица Михайловская, 1903.

[1] Мелкими нотами в теноре дан вариант запева.
[2] Припев после каждого стиха.

198. ОЙ, КАК ПО УЛИЦЕ ВОРОБУШЕК

На улице гулять кому воля, кому нет

1. Ой, как по улице воробушек
   Скакал и плясал.

Припев:
   Лю̀ли, лю̀ли! [1]

2. Ой, манил девок, манил баб
   Всё на улицу гулять.
3. Ой, как девушки говорят:
   «Нам своя воля гулять».
4. Ой, молодушки говорят:
   «Нам нет волюшки гулять,
5. Ой, нам нет воли гулять,
   Нам детей надо качать.
6. Ай, я повешу колыбельку,
   Покачаю свою детку.
7. Ай, размахну я колыбельку
   Да по всей по избе.
8. Ай, ты усни, усни, дитятка,
   Усни, чада милая.
9. Ай, хучь усни, чучь умри
   Да на улицу пусти!»

Станица Михайловская, 1903.

---

[1] Припев после каждого двустишия без изменений.

199. УТУШКА СЕРАЯ

Заплетают и расплетают плетень

Умеренно скоро ♩= 126

Запев *Пристают все*

Женские голоса

1. У _ ту_шка се_ра_я, 2. не во _ ди сво_их де _ ту_шек
3. ни на мёд, ни на па _ то _ ку,
4. на са _ хо̀р_на _ ю я _ го _ ду.

Мужские

Для повтор. Для 7-го стиха

5. За _ плелсы пле_тень, за _ плел _ сы, за _ плел _ сы.
6. За_ви_ла _ ся тру _ бэ зо_ло _ та _ я, зо_ло_та _ я.
7. Сыв яр_нуласьком_ком до_ро _ га _ я, до_ро _ га _ я.

Медленно ♩= 80

15. За_чем е _ дет Ха_ ли _ мок, за_чем е _ дет брат е _ го
16. Сы дев_ко _ ю Ха _ ли _ мок, сы кра_сно _ ю брат е _ го,

с лю _ дя_ми с до _ бры_ ми, с ко_ро_лём, с ко_ро_лём, с вер_ту_зом.
с лю _ дя_ми с до _ бры_ ми, с ко_ро_лём, с ко_ро_лём, с вер_ту_зом.

I

1. Утушка серая!
2. Не води своих детушек
3. Ни на мед, ни на патоку,
4. На сахòрнаю ягоду.
5. Заплёлсы плетень, заплёлсы, заплёлсы,
6. Завилàся труба золотая, золотая,
7. Сывярнýлась камкà дорогая, дорогая.

II

8. Утушка серая!
9. Не води своих детушек
10. Ни на мед, ни на патоку,
11. На сахòрнаю ягоду.
12. Расплёлсы плетень, расплёлсы, расплёлсы
13. Развилàся труба золотая, золотая,
14. Развярнулась камкà дорогая, дорогая.
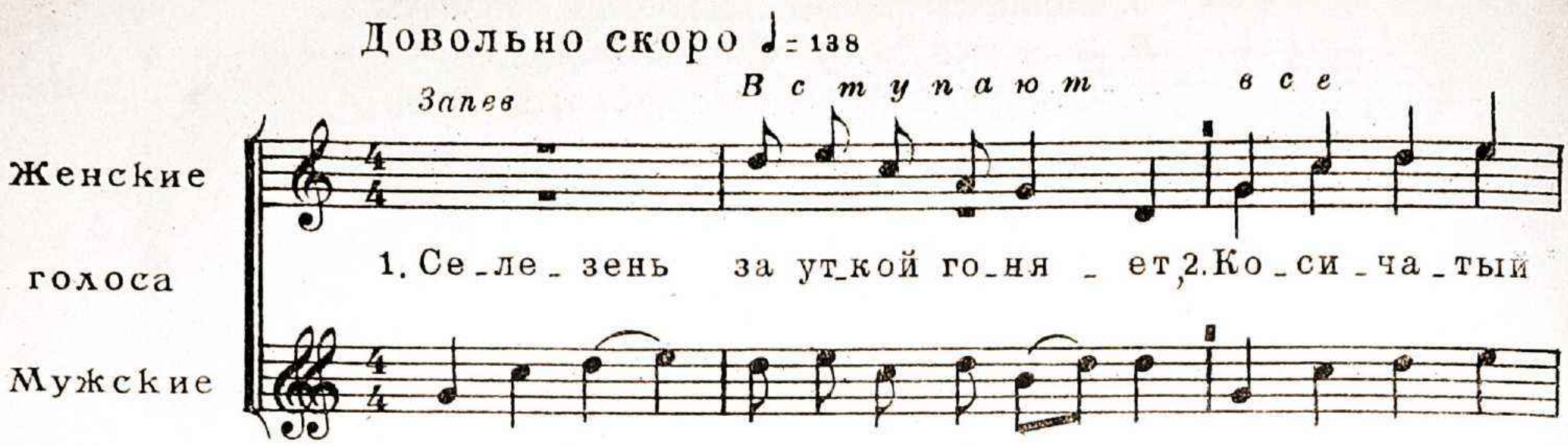
III

15. Зачем едет Халимон,
    Зачем едет брат яво,
    С людями, с добрами,
    С королем, с королем,
    С вертузòм.
16. Сы дèвкою Халимон,
    Сы крàсною брат яво,
    С людями, с добрами,
    С королем, с королем,
    С вертузòм.

Станица Михайловская, 1903.

200. СЕЛЕЗЕНЬ ЗА УТКОЙ ГОНЯЕТ

Хороводная с игрой
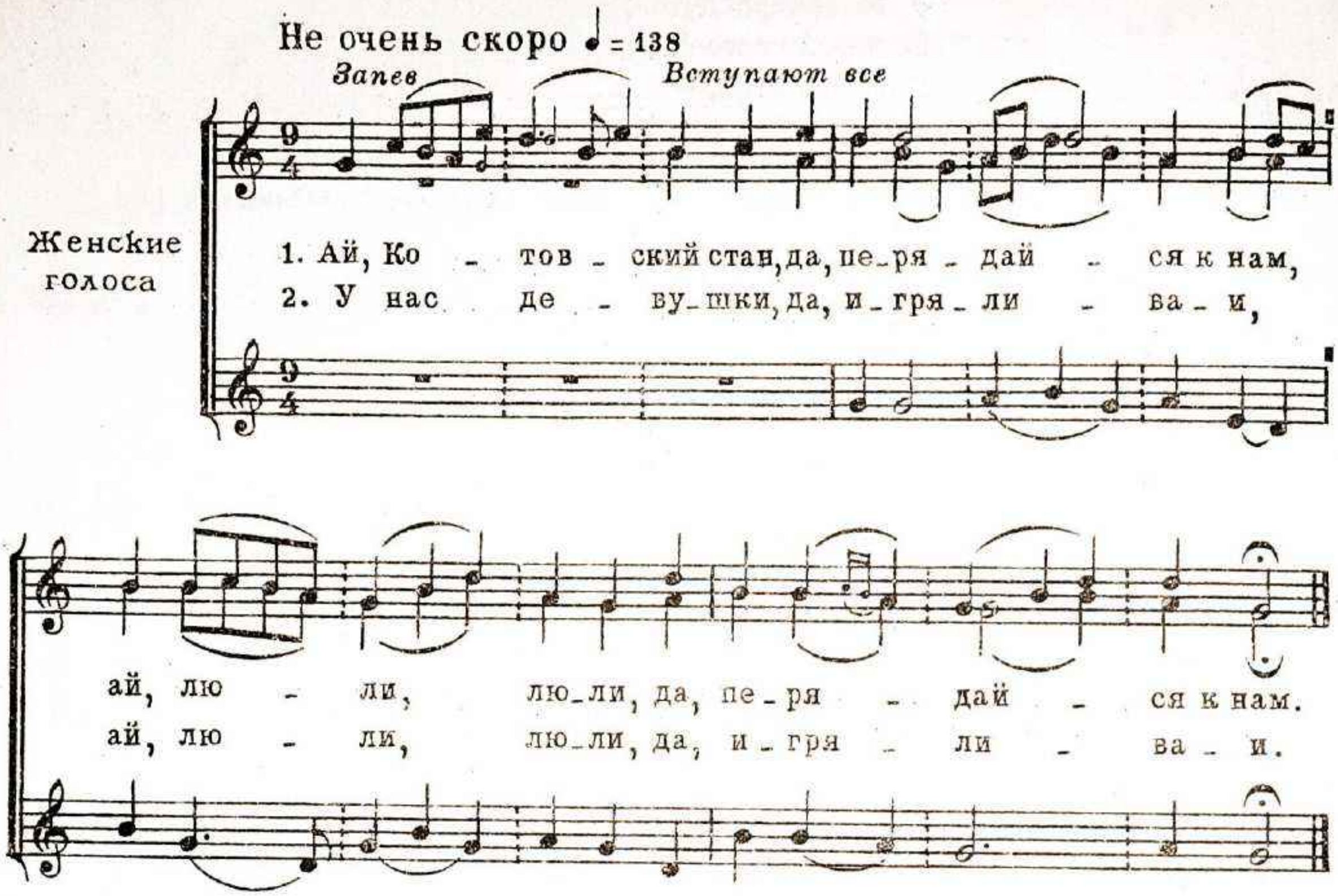

Селезень за уткой гоняет,
Косичатай за серой гоняет.
За утицай селезень,
За серою золотой:
«Кши, утица, домой,
Кши, серая, домой!
У те семеро детей,
Восьмой селезень,
Девятая утка,—[1]
Одной тебе жутко!»

Станица Михайловская, 1903.

[1] Вар. «Десятая гуска».

201. АЙ, КОТОВСКИЙ СТАН

У нас девушки игреливаи

1. Ай, Котовский стан, да, передайси к нам,

Припев:

Ай, люлѝ, люлѝ, да, передайси к нам. [1]

2. У нас девушки, да, игряливаи,
3. А ребятушки, да, всё шутливаи,
4. А старушечки, да, говорушачки,
5. Старичёчики, да, богомольнаи,—
6. Ой, богу молются, да, сами бро́нются.

Станица Тепикинская, 1903.

[1] Припев после каждого стиха с повторением слов, стоящих вслед за «да».

202. АЙ, УЛИЦА МАЛАЯ, КУРАГОД БОЛЬШОЙ

У меня, младой, старый муж

Медленно ♩ = 72

Женский голоса

Мужские

Запев *Все*

1. Ай, у - ли - ца ма - ла - я, да,
2. Ай, боль - шой де - ви - чий, да,

ку - ра - год боль - шой,
ма - лай ба - би - чий,

ой, лю - ли, ой, лю - ли,
сй, лю - ли, ой, лю - ли,

ку - ра - год боль - шой.
ма - лай ба - би - чий.

1. Ай, й-улица малая да курагод большой,
Ой, люли, ой, люли! курагод большой,

2. Ай, большой девичий да малай бабичий,
Ой, люли, ой, люли! малай бабичий.

3. Ай, у мене, младой, да, старай, старай муж,
Ой, люли, ой, люли! старай, старай муж.

4. Ай, он не вялит ходить, да, мне на й-улицу,
Ой, люли, ой, люли! мне на й-улицу.

5. Ой, хуть я украдуся,[1] да, наиграюся,
Ой, люли, ой, люли! наиграюся,

6. Ой, я уворýюся да, нацалуюся,
Ой, люли, ой, люли, нацалуюся.

Станица Дурновская, 1905.

---

[1] В исполнении слышалось почти близкое к «укражуся». То же наблюдалось в ст. Сергиевской (на Медведице) — см. № 219.

203. АЙ, ДА Я ПО МО̀СКВЕ ХО̀ЖУ

Смотр девичьей красоты

Медленно ♩= 80

Запев

Женский голоса

1. Ай, да я по̀ Мо - скве
2. Ай, я боль - ших бо - яр

Мужской

Все

хо̀ - жу, по Мо - скве гу -
бу - жу, боль - ших про - бу -

- ля - ю, по Мо -
- жа - ю, боль - ших

- скве гу - ля - ю.
про - бу - жа - ю.

1. Ай, да я по̀ Москве хо̀жу,
   По Москве гуляю,[1]

2. Ай, я больших бояр бу́жу,
   Больших пробужаю:

3. «Ай, да вы вставайтя, бояры,
   Вставайтя, большие!

4. Ай, да пора вам, бояры,
   Вы Царь-город ехать,

5. Ай, вы Царь-город вам ехать,
   Всё смо̀тру смотрети,

6. Ай, да вам смо̀тру смотрети—
   Дявичью красо̀ту,

7. Ай, да дявичью красо̀ту,
   Младецку[2] сухо̀ту.

8. Ай, как дявичья красо̀та
   Слязу[3] потопила!»

Станица Дурновская, 1903.

---

[1] Каждый четный стих повторяется
[2] Вар. «младечью».
[3] Вар. «слязой».

204. АЙ, У МОСТА, МОСТА

Не пора ль царю на войну идти!

1. Ай, у моста, моста у калинова,
Припев:
Ай, люли́, люли́, у калинова, [1]
2. Ай, у калинова, у малинова,
Припев:
Ой, люли́, люли́, у малинова;[1]
3. Ой, там стоят кони пойабро̀таны,
4. Ой, там стоят кони пойасѐдланы,
5. Ай, самому царю изготовлены:
6. —«Ай, не пора ли те на войну итить,
7. Ай, войны воевать, город разорять?»

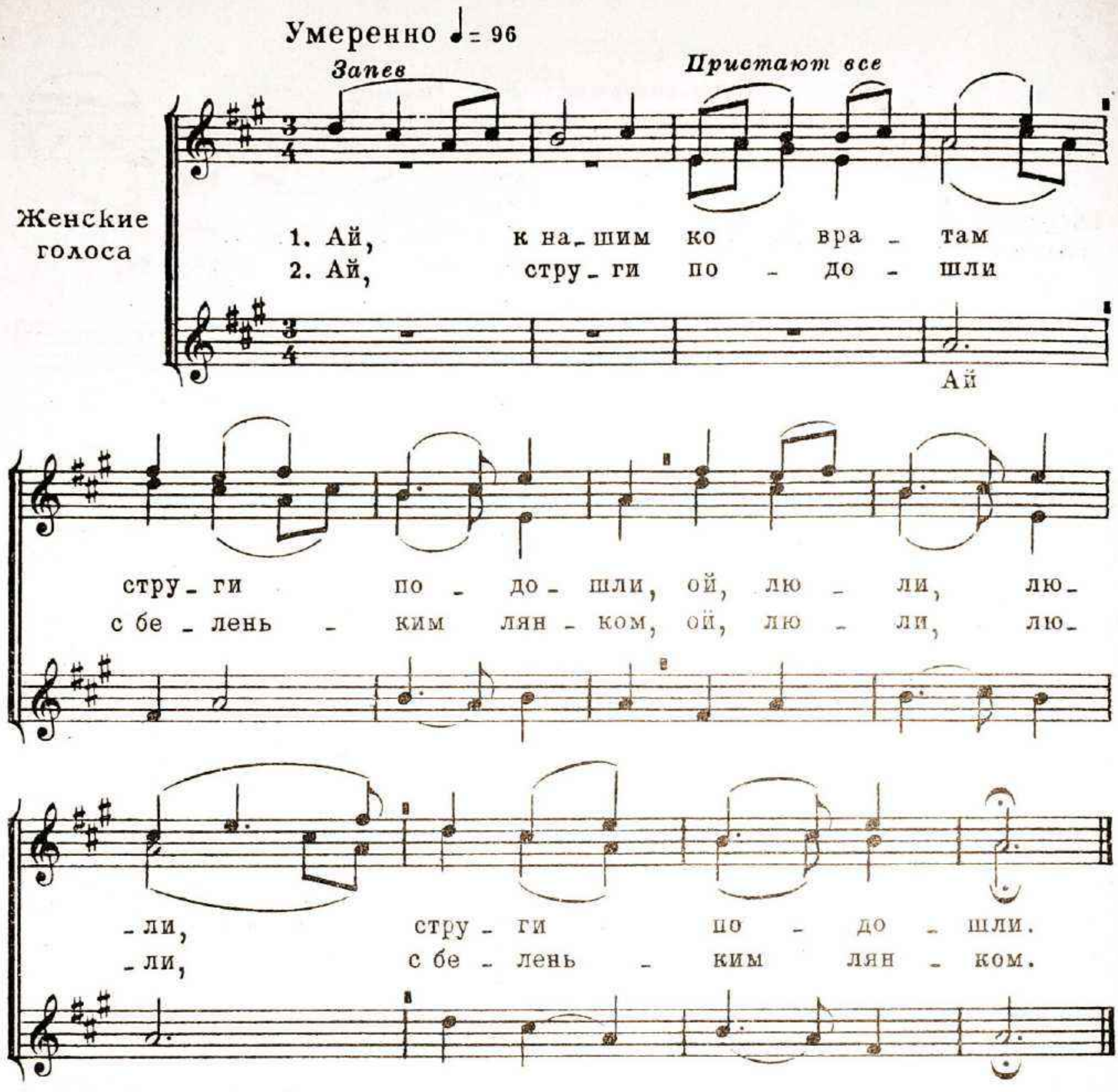
Станица Дурновская, 1903.

---

[1] Припев к каждому стиху по этому образцу.

205. АЙ, К НАШИМ КО ВОРОТАМ

Струги с беленьким ленком

1. Ай, к нашим ко вратам
Струги подошли,

Припев:

Ой, люли, люли,
Струги подошли,[1]

2. Ай, струги подошли
С беленьким лянком,

---

[1] Припев к каждому двустишию по этому образцу.

3. Ай, с беленьким лянком,
С зеленым вянком.

4. Ай, ну поехал муж
Вы торг торговать.

5. Ай, й-он узял мене
На три денежки,

6. Ай, й-он купил лянку
На[1] три горсточки.

7. Ой, й-авось я, млада,
Лён-ят отпряду,

8. Ой, да ня в год, ня в два,
Я в три отпряду.

9. Ай, хучь и нѐ 'тпряду,
Я лавки сотру,

10. Ой, я лавки сотру,
Я в трубу заткну.

11. Ой, из трубы выну,
Я в пячи сожгу.
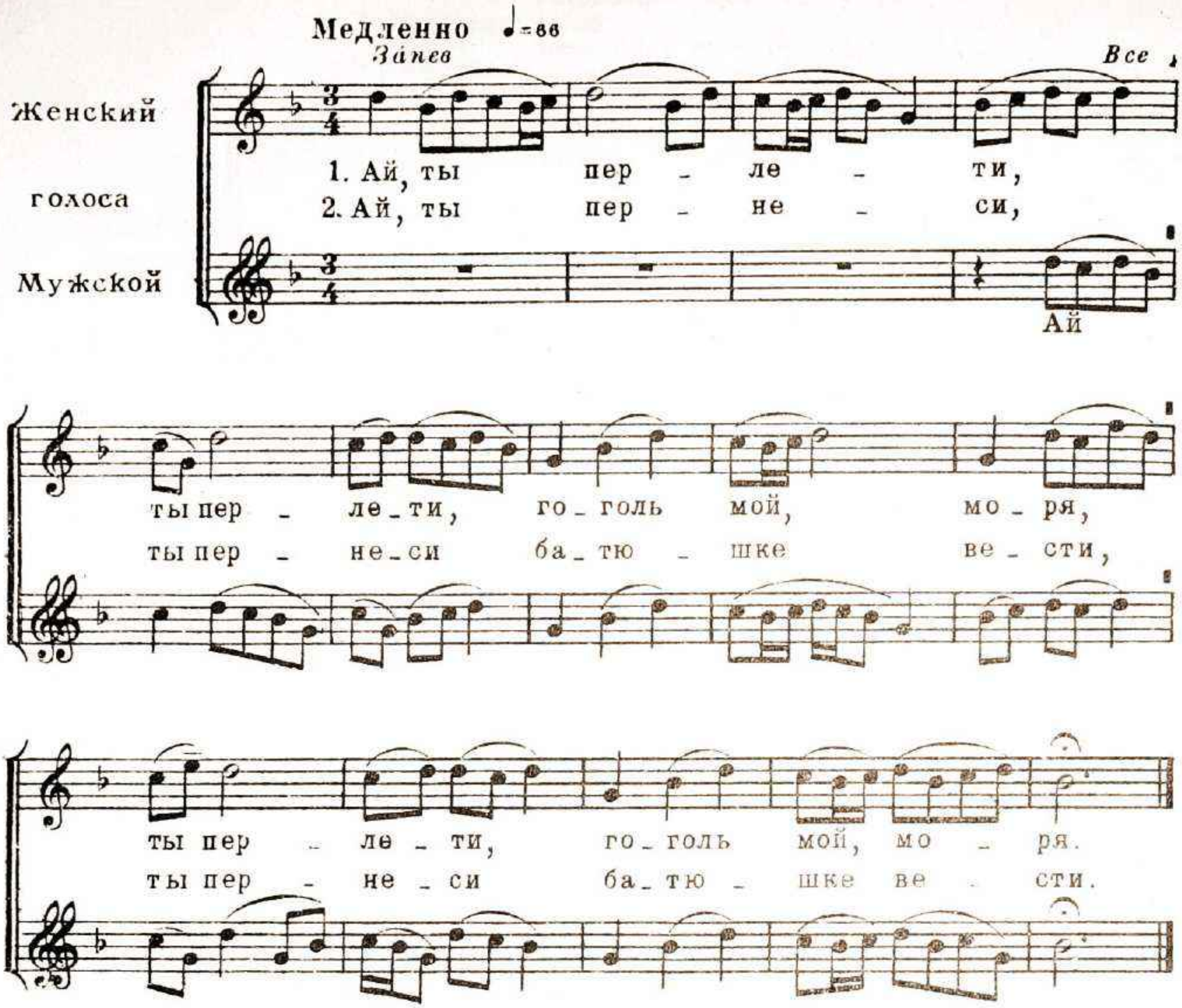
Станица Дуриовская, 1903.

---

[1] Частица «на» («На три») — в замену «да».

206. АЙ, ТЫ ПЕРЛЕТѝ, ГОГÒЛЬ, МОРЕ

Дочь шлёт батюшке недобрые вести

1. Ай, ты перляти,[1]
   Ты перляти, гогòль мой, мòря,[2]
2. Ай, ты перняси,
   Ты перняси батюшке вести:
3. Ай, вечòр мене,
   Вечор мене, младу, били.
4. Ай, ну, так больно,
   Ну, так больно мене били,—
5. Ай, ня плёткою,
   Ня плеткою,—тетявòю.
6. Ай, катись, вода,
   Катись, вода, с белого гуся,
7. Ай, с мене, младой,
   С мене, младой, худая слава!

Станица Дурновская, 1903.
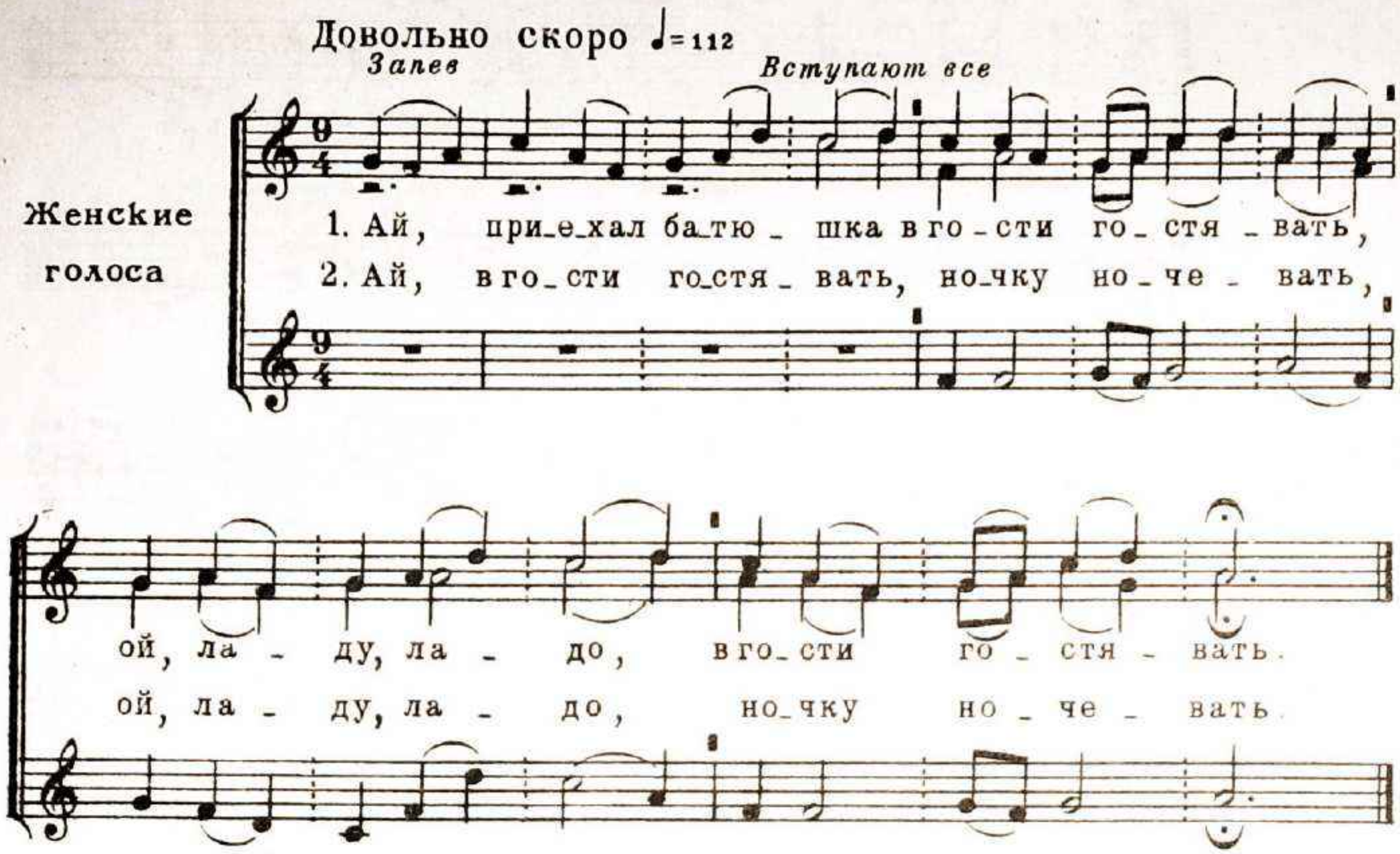
---

[1] «Перляти» — перелети.

[2] Каждый четный стих повторяется.

207. АЙ, ПРИЕХАЛ БАТЮШКА

Не сладко житьё замужем

1. Ай, приехал батюшка
В гости гостявать,

Припев:

Ой, ладу̀, ладо̀,
В гости гостявать,[1]

2. Ай, в гости гостявать,
Ночку ночевать.
3. «Ай, батюшка родной,
Ты ночуй со мной!»
4. Ах, батюшка спит, ня спит,
В окошка глядит:
5. «Ух, не пора-ль, дочка, встать,
Мне коня седлать,
6. Ух, мне коня седлать,
Сы двора съязжать?»
7. Ай, пойду, провожу
Свово батюшку,
8. Ай, свово батюшку,
Свово родного,
9. Ах, за Дунай-реку
За быстренькаю.
10. Ай, батюшка гвариг:
«Вярнись, дѐтитка,
11. Ай, вярнись, дѐтитка,
Вярнись, милая!
12. Ух, на твою на шубу
Роса выпала!»[2]
13. — «Ах, эта не роса —
Свёкрова гроза,
14. Ай, свёкрова гроза,
Ладушин приказ.
15. Ух, шалко́ва плёточка
На стенке[3] висит,
16. На стенке висит,
Всё сама свистит».
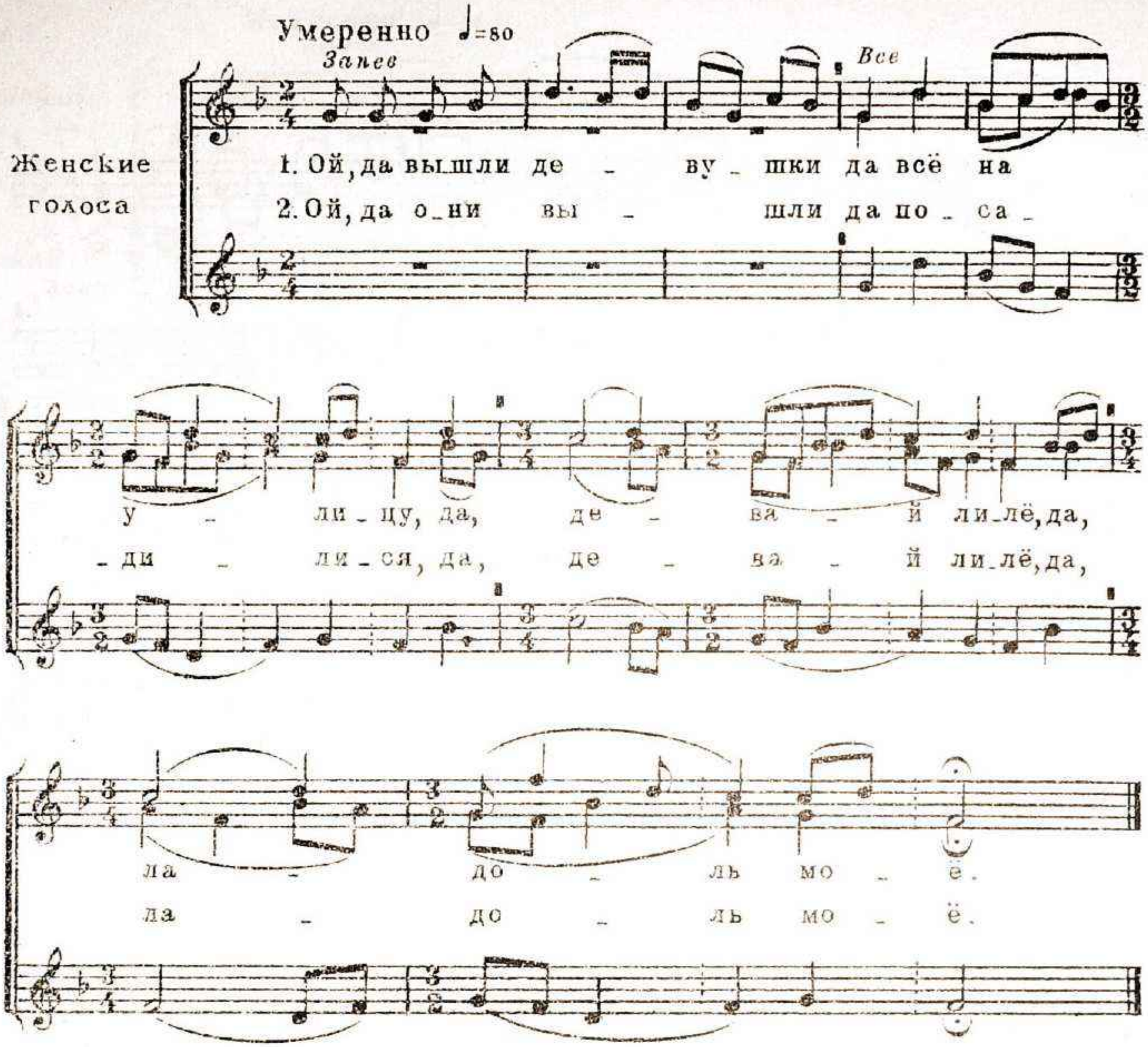
Станица Аннинская, 1903.

---

[1] Припев к каждому двустишию по этому образцу.
[2] Вар. «напала».
[3] Вар. «на крюке».

208. ОЙ ДА ВЫШЛИ ДЕВУШКИ

У молодушки три заботушки

1. Ой да, вышли девушки
Да всё на улицу (да),

Припев:

Дева̀-й лилё да, ладо̀-ль моё![1]

2. Ой да, они вышли
Да посадилися (да).

---

[1] Припев один для всех двустиший.

3. Ой да, они вынесли
Да по соловьюшку (да).

4. Ой да, как соловьюшки
Да призасвистнули (да).

5. Ой да, а молодушки
Да призаигрвали (да).

6. Ой да, й-у молодушки
Да три заботушки (да):

7. Ой да, как на перьвая—
Да всё чугун кипит;

8. Ой да, на вторая-то,—
Да всё дитё кричит,

9. Ой да, а на [1] третия,—
Да всё муж бранит.

10. Ой да, я чугун уйму
Да холодной водой (да),

11. Ой да, я дитя уйму
Да грудью белою (да),

12. Ой да, уйму мужа-то
Да пихтелём по лбу (да)!
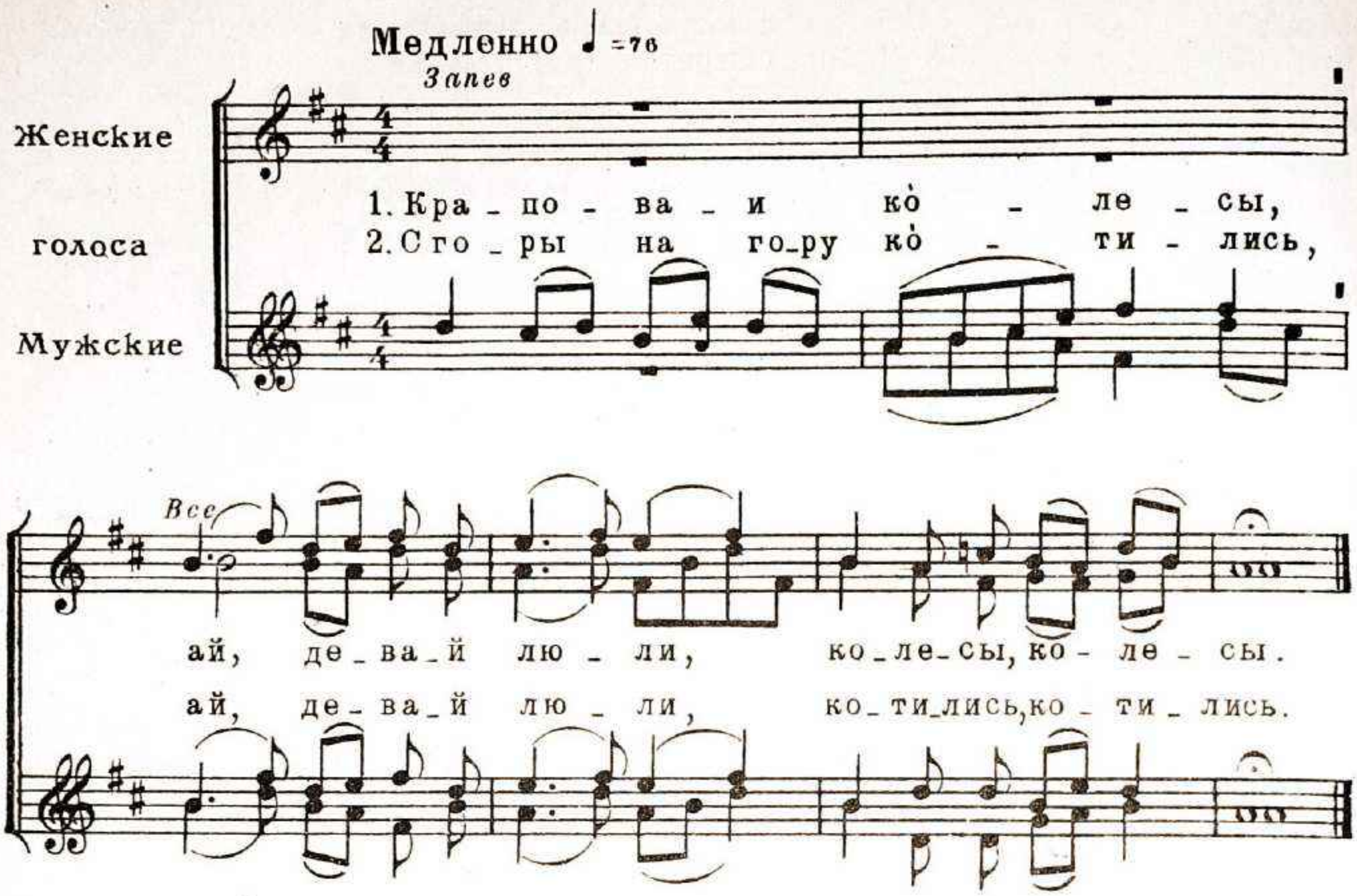
Станица Аннинская, 1903.

---

[1] Частица «на», встречающаяся в 7, 8 и 9 строфах, не имеет самостоятельного значения: в одних случаях она заменила «и», в 8-й же строфе — «а».

209. КРАПОВЫЕ КО̀ЛЕСЫ

Что в торге продают?

I

1. Кра́пован ко́лесы,
Припев:
Ай, де́ва-ӥ люли, ко́лесы, ко́лесы.[1]
2. С горы на гору ко́тились,
3. Прикати́лись ко́ торгу.
4. Чаво в торге про̀дают?
5. Продаю́т там девицу.
6. За девицу лык пучкю́,
7. За хорошаю две пучки́,
8. За пригожаю три пучки́.

II
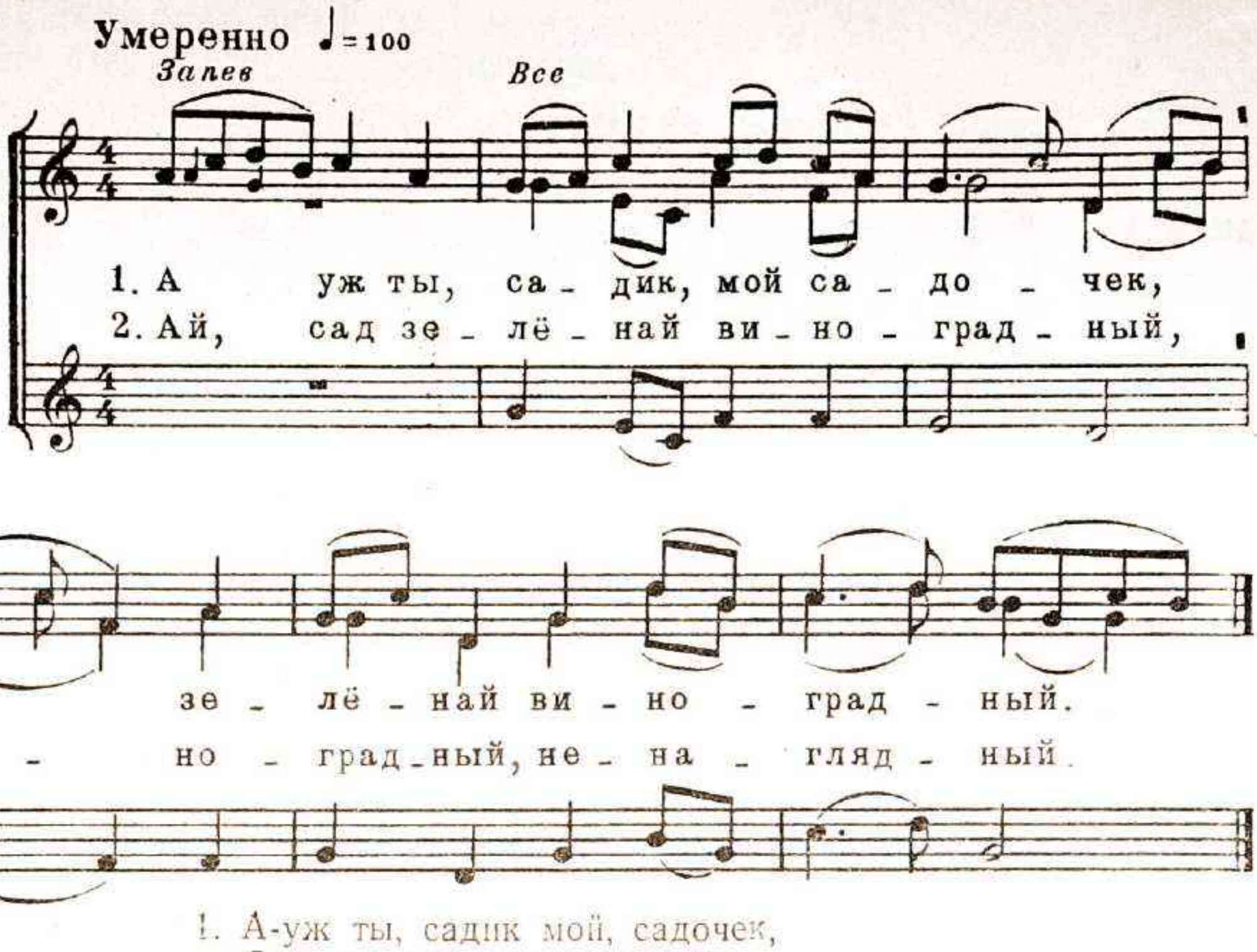
9. Крапова́ ко́лесы,
10. С горы на гору ко́тились,
11. Прикати́лись ко́ торгу.
12. Ой, что в торге про̀дают?
13. Продаю́т там мо́лодца.
14. За молодца сто рублей,
15. За хорошего тысячу,
16. За пригожего смету нет.

Станица Аннинская, 1903.

[1] По данному образцу строятся припевы ко всем остальным стихам (повторяются 3 последних слога).

210. УЖ ТЫ, САДИК

Холостой женатого милей

1. А-уж ты, садик мой, садочек,
   Сад зеленай, виноградная,[1]
   Виноградная, ненаглядная!
   Кабы этот сад-садочек
5. У мене был в огороде,[2]
   В огороде, в частоколе,
   В частоколе, в чистом поле,
   Я бы знала, чем полити,
   Чем полити, чем покрыти:
10. Полила бы я водою,—
    Я водою не простою,
    Не простою, ключевою;
    Я покрыла бы тафтою,
    Да тафтою алляною.[3]
15. Кто умен живет на свете,
    Он холо̀стова всё̀ любит:
    Он холо̀стай — парень про̀стай,
    А жанатай распрокля̀тай;
    А жана то яво дура,
20. Она дура полуротка,
    Полуротка, пустограйка,—
    С кем ни со̀йдетца, браня̀тца,
    Разойдетца, не простится.
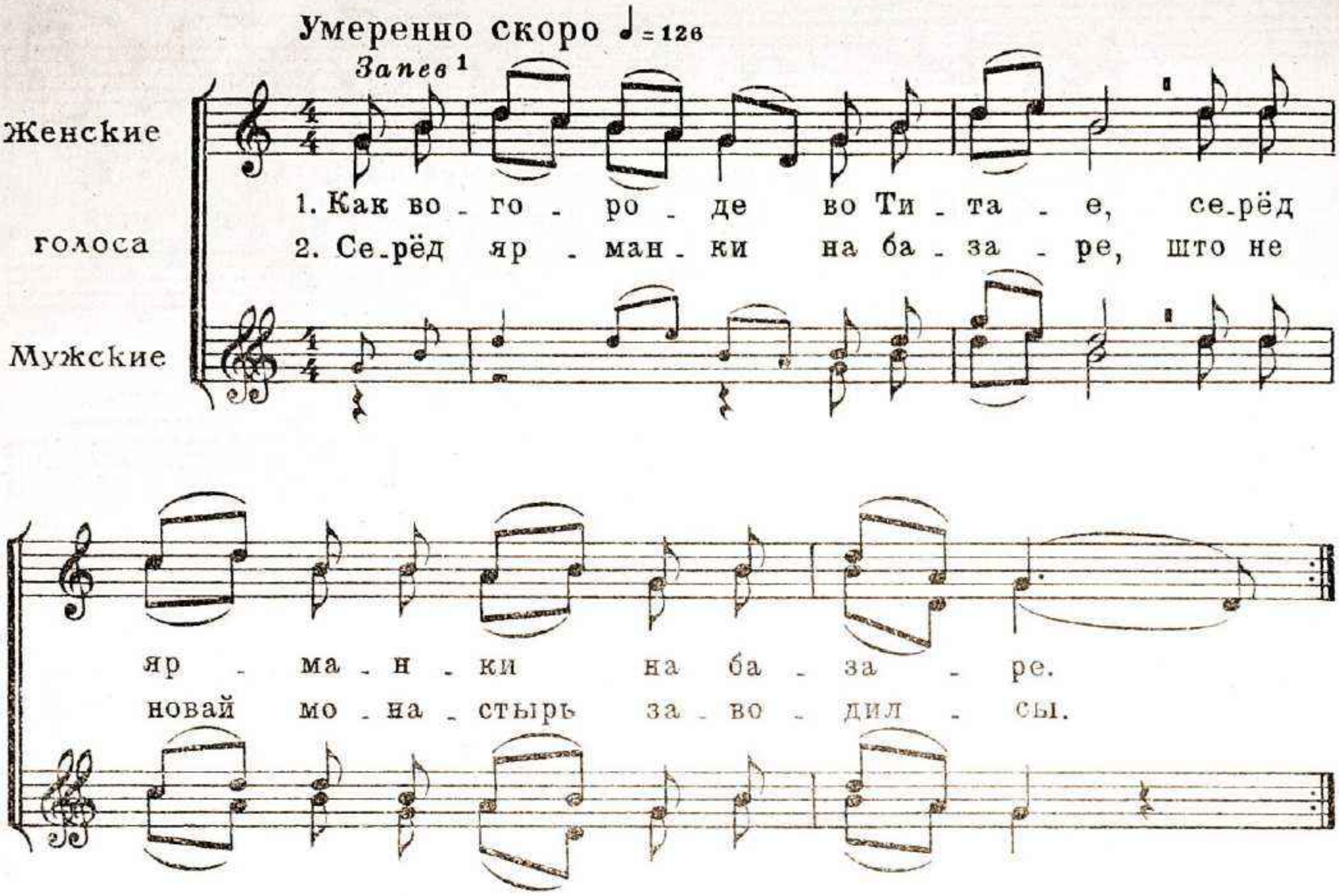
Станица Филоновская, 1905.

---

[1] Каждый запев начинается с «Ай».
[2] В ограде, в огороже.
[3] льняною.

211. КАК ВО ГОРОДЕ ВО ТИТАЕ

Молодой чернец гуляет

I

1. Как во городе во Титае,[2]
2. Серёд ярманки на базаре[3]
3. Что ня новай монастырь заводилсы,—
4. Молодой чернец там пострыгси.
5. Рассудилось черняцу погуляти,
6. Переулкам, закоулкам полятати.
7. Как на стрячу чернецу стары бабы,—
8. Чернячища каблучища понадвинул:
9. «Не мое ли была дела жаниться.
10. Как моё то была дела спасаться!»

---

[1] Один голос.
[2] Китае (?)
[3] Каждый стих, кроме первых в десятке и последних, повторяется.

II

11. Как во городе во Титае,
12. Серёд ярманки на базаре
13. Что ня новай монастырь заводилсы, —
14. Молодой чернец там пострыгси.
15. Рассудилось черняцу погуляти,
16. Переулкам, закоулкам полятати.
17. Как на стрячу чернецу млады бабы,—
18. Чернячища каблучища на бок сдвинул:
19. «Не моё ли была дела спасаться,
20. Как моё то была дела жаниться!»
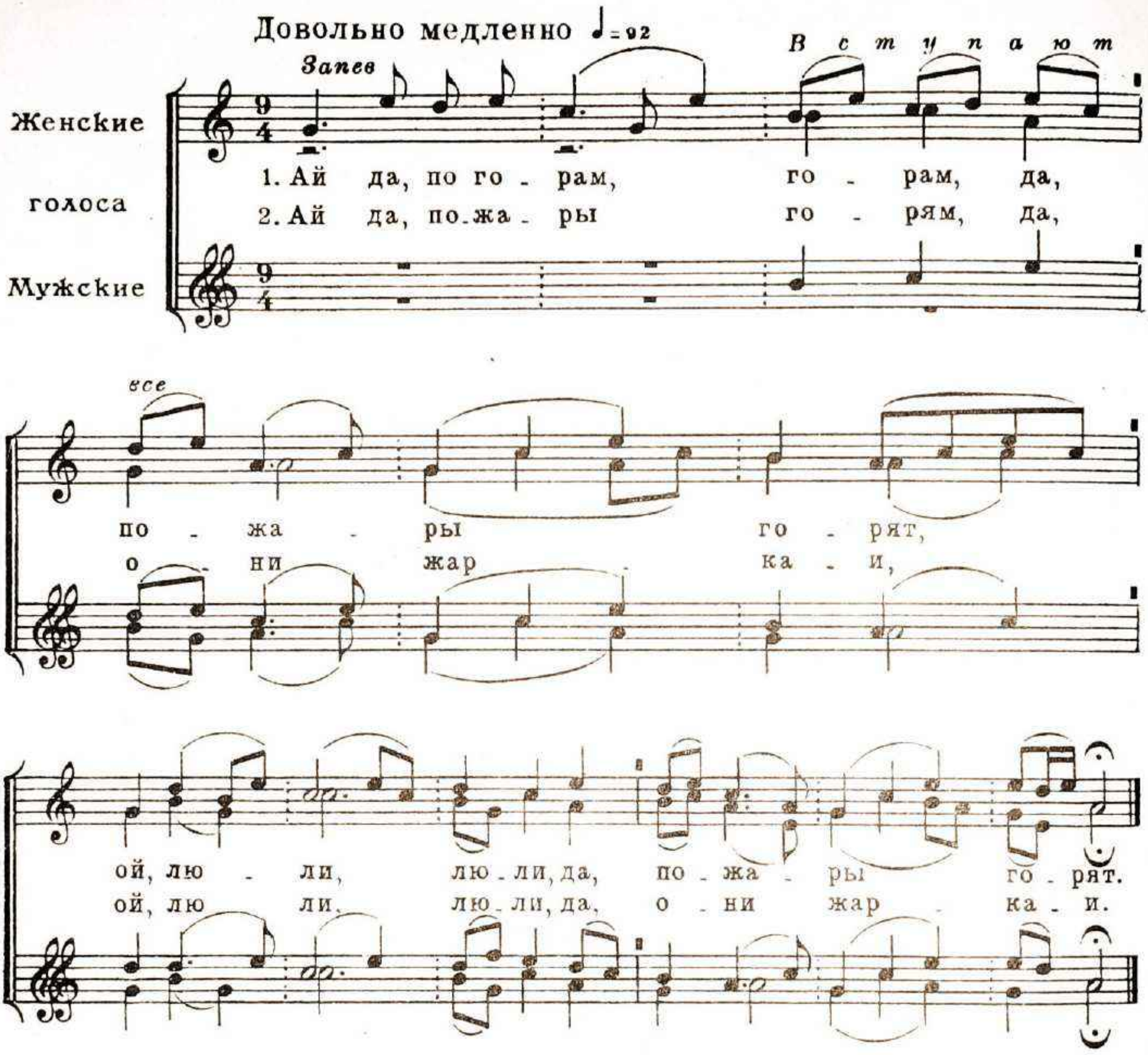
III

21. Как во городе во Титае,
22. Серёд ярманки на базаре
23. Што ня новай монастырь заводилсы,—
24. Молодой чернец там пострыгси.
25. Рассудилось черняцу погуляти,
26. Переулкам, закоулкам полятати.
27. Как на стрячу черняцу красны девки,—
28. Чернячища каблучища долой сбросил:
29. «Не моё ли была дела жаниться,
30. Как моё то была с девкой любиться,—
31. Уж я выберу любую поцалую!»

Станица Преображенская, 1903.

212. АЙ ДА, ПО ГОРАМ, ГОРАМ ПОЖАРЫ ГОРЯТ

У бела царя человека нет

1. Ай да, по горам, горам (да)
Пожары горят,

Припев:

Ой, люли, люли да,
Пожары горят,[1]

2. Ай да, пожары горят (да),
Огни жаркие.

---

[1] Припев по данному образцу к каждому двустишию.

3. Ай да, по лугам, лугам (да)
Вода разлилась,

4. Ай да, вода разлилась, (да)
Разлилеилась.

5. Ай да, по стяпам, стяпам (да)
Трава выросла,

6. Ай да, трава выросла (да),
Святы рассвяли.

7. Ай да, й-у нас в городе (да)
В колколы звянят,

8. Ай да, в колколы звянят (да)
Они в звонкие.

9. Ай да, под те колколы (да)
Царь коня сядлал,

10. Ай да, царь коня сядлал (да),
Сы двора съязжал.

11. Ай да, месяц по небу (да),—
Царь по городу;

12. Ай да, месяц звезды чтёт (да),—
Царь полки смякал.[1]

13. Ай да, как й-у месяца (да)
Звязды счёту нет,

14. Ай да, й-у бяла царя (да)
Человека нет,

15. Ай да, человека нет, (да)
Что ни луччего,

16. Ай да, что ни луччего (да)
Всё полковничка.
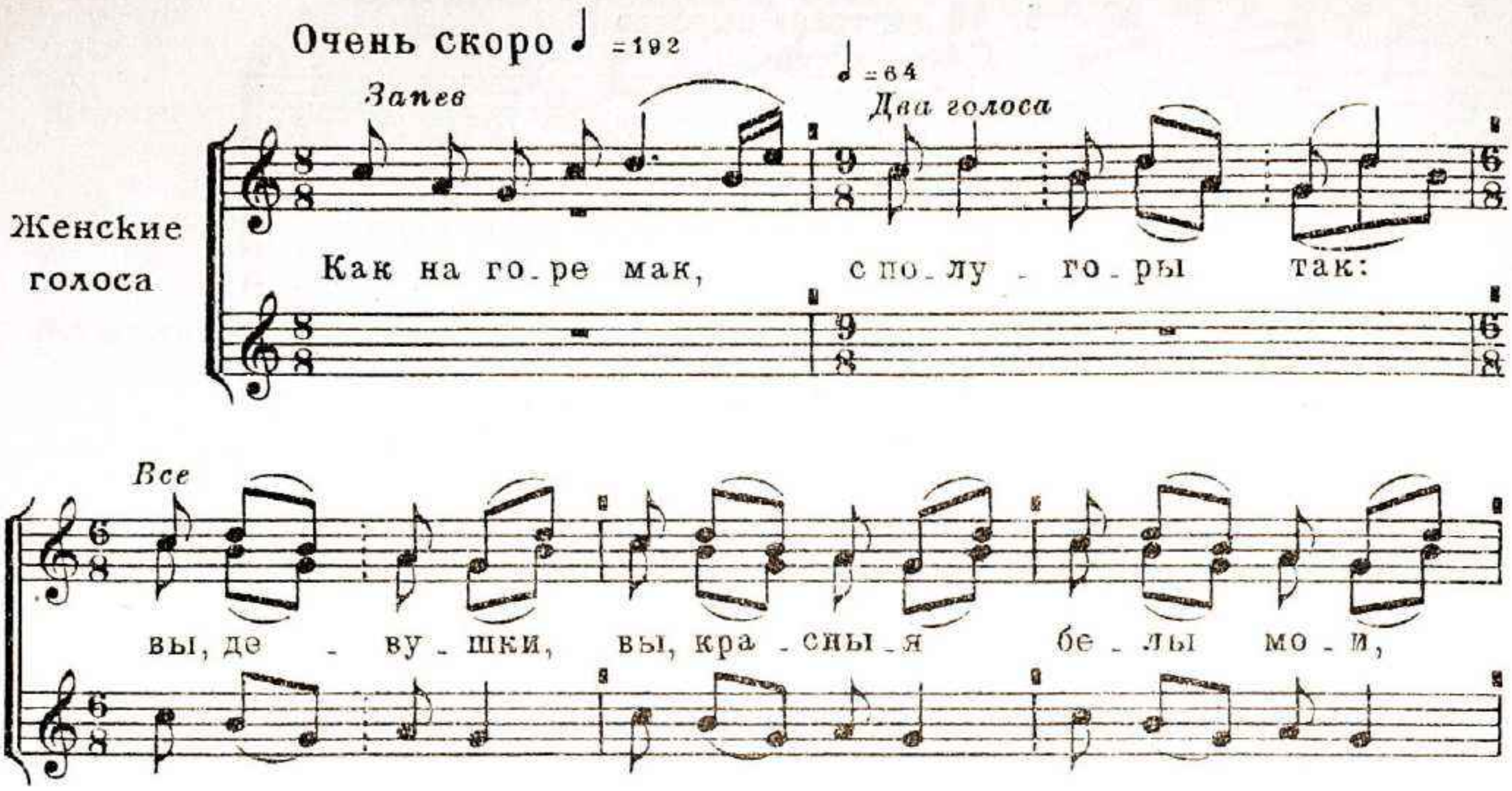
Станица Преображенская, 1903.

---

[1] «Смякал» — смекал, считал, смотрел, производил смотр.

213. КАК НА ГОРЕ МАК

Станьте вы так,-что зѐлен мак!
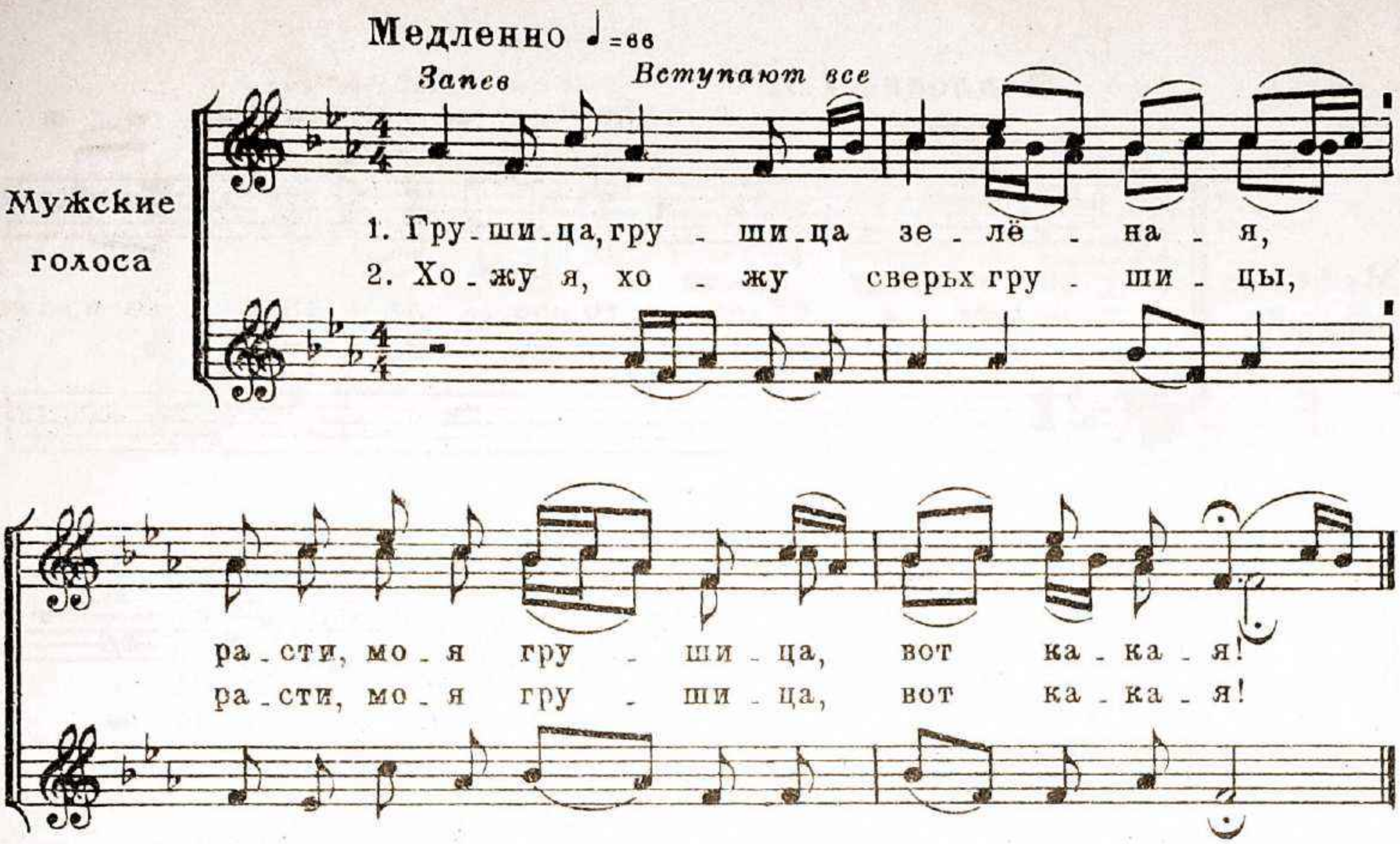

Как на горе мак,
С полугоры так!
Вы, девушки,
Вы, красные,
Белы́ мои,
Румяные, да,
Станьтя вы так,
Что зѐлен мак!

Станица Преображенская, 1905.

214. ГРУШИЦА, ГРУШИЦА ЗЕЛЕНАЯ

Расти, моя грушица, вот какая!

Карагод стоит неподвижно

1. Грушица, грушица зелёная.

Припев:

Расти, моя грушица, вот какая!

2. Хо́жу я, хо́жу сверьх грушицы,
Расти, моя грушица, вот какая!

(Поднимают руки вверх)

3. Хо́жу я, хо́жу круг груши.
Расти, моя грушица, вот какая!

(Протягивают руки «в обхват»)
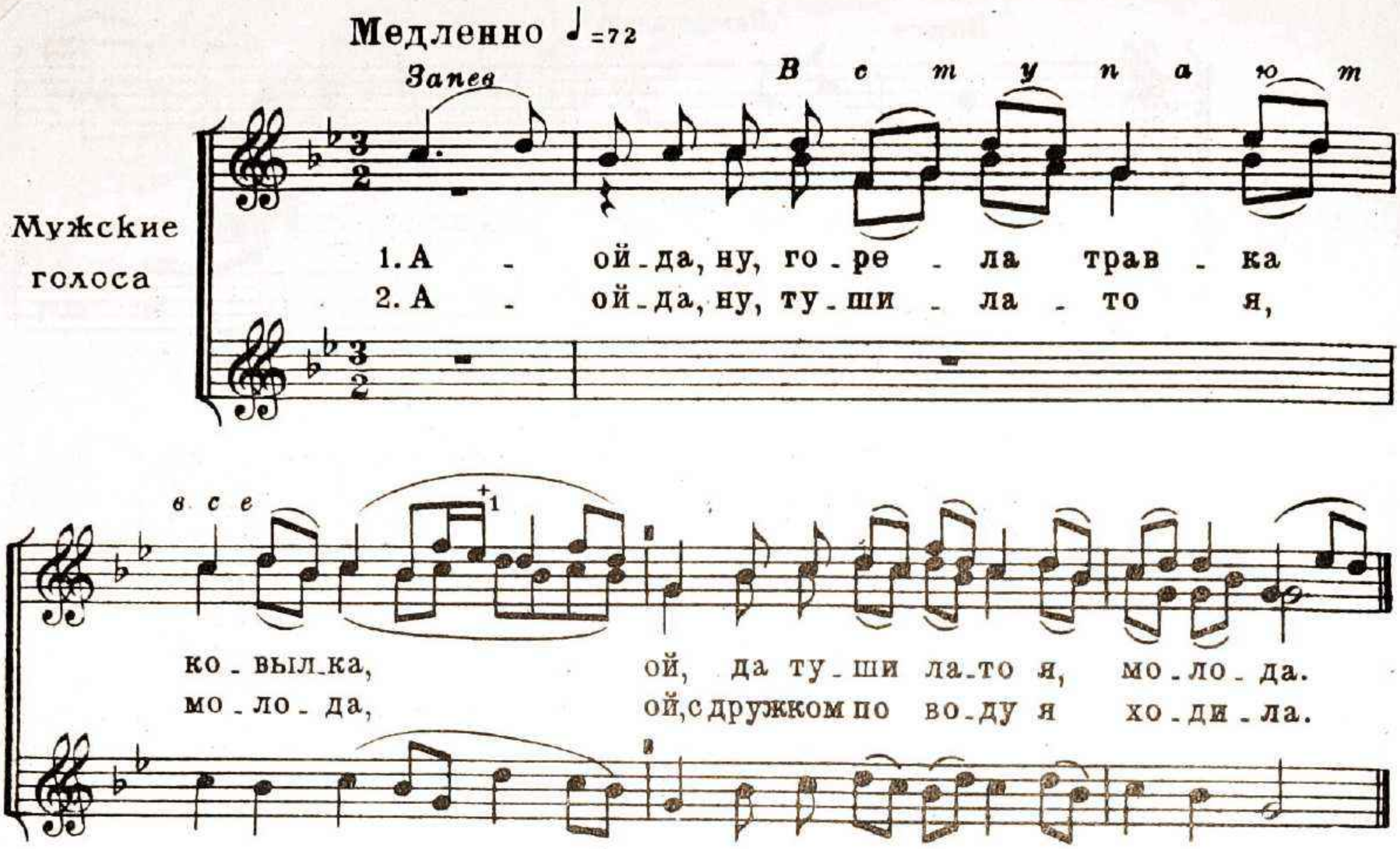
4. Хо́жу я, хо́жу круг грушицы.
Расти, моя грушица, вот какая!

(Раскидывают руки в стороны, словно груша, раскидывающая ветви)

Станица Березовская, 1963.

215. ОЙ ДА, НУ, ГОРЕЛА ТРАВКА

У молодца правды нет

1. Ой да, ну, горела травка ковылка,
   Ой, да тушила-то я, молода,

2. Ой да, ну, тушила-то я, молода,
   Ой, с дружком по воду я ходила.

3. Ой да, с дружком по воду я ходила,
   Ой, а воды нет во тем во ключе,

4. Ой да, ну, воды нет во тем во ключе,
   Ой, да и правды нет в того молодца.

5. Ой да, ну и правды нет в того молодца,—
   Ой, сулил ленточку да не дал,

6. Ой да, сулил ленточку он да не дал,
   Ой, хотел замуж взять да не взял.
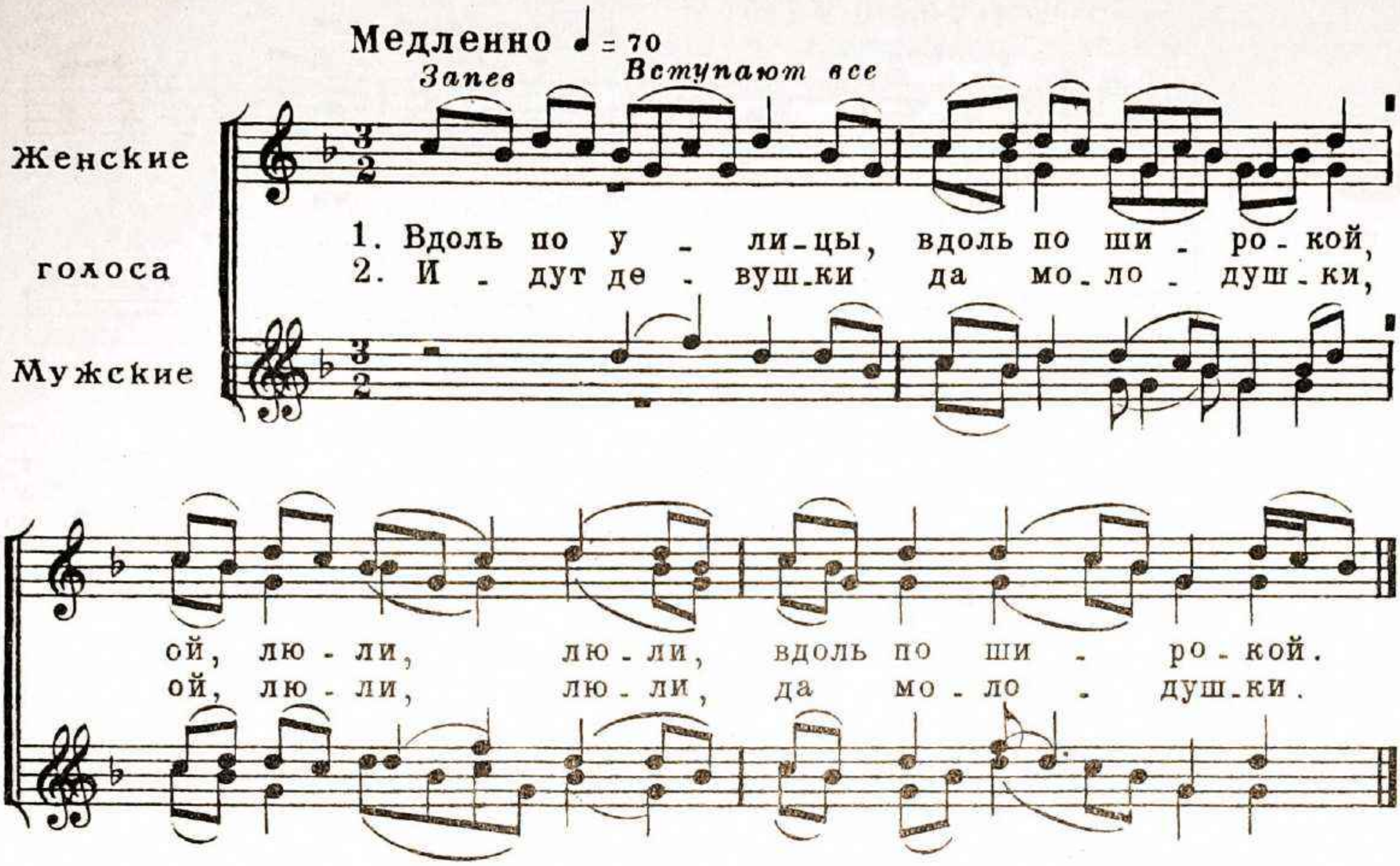
Станица Березовская, 1903.

---

[1] Mi ♭ сильно повышенное,— почти Mi ♮.

216. ВДОЛЬ ПО УЛИЦЕ, ВДОЛЬ ПО ШЍРОКОЙ

Молодушке играть хочется

1. Вдоль по улицы, вдоль по ши́рокой,
   Ой, люли́, люли́, вдоль по ши́рокой,
2. Идут девушки да молодушки,
   Ой, люли́, люли́, да молодушки,[1]
3. Мене, молоду, с собой кликнули:
4. «Ой, вы стойтя жа, подождитя жа,—
5. Я пойду спрошусь свекра батюшку:
6. Свёкор батюшка, отпусти играть!»
7. —«Хотя я̀ пущу, свякры не пустит!»
8. «Ой, вы, девушки да молодушки,
9. Я пойду спрошусь свякры матушку!»
10. «Свякры̀ матушка, отпусти играть!»
11. —«Хуть и я пущу, ла̀да нѐ пустит!»
12. «Я пойду спрошусь мужа ладушку:
13. Муж мой, ладушка, отпусти играть!»
14. —«Хуть и я пущу, шкуру с пят спущу!»
15. Шкура тощится, играть хочется,
    Ой, люли́, люли́, играть хочетца.
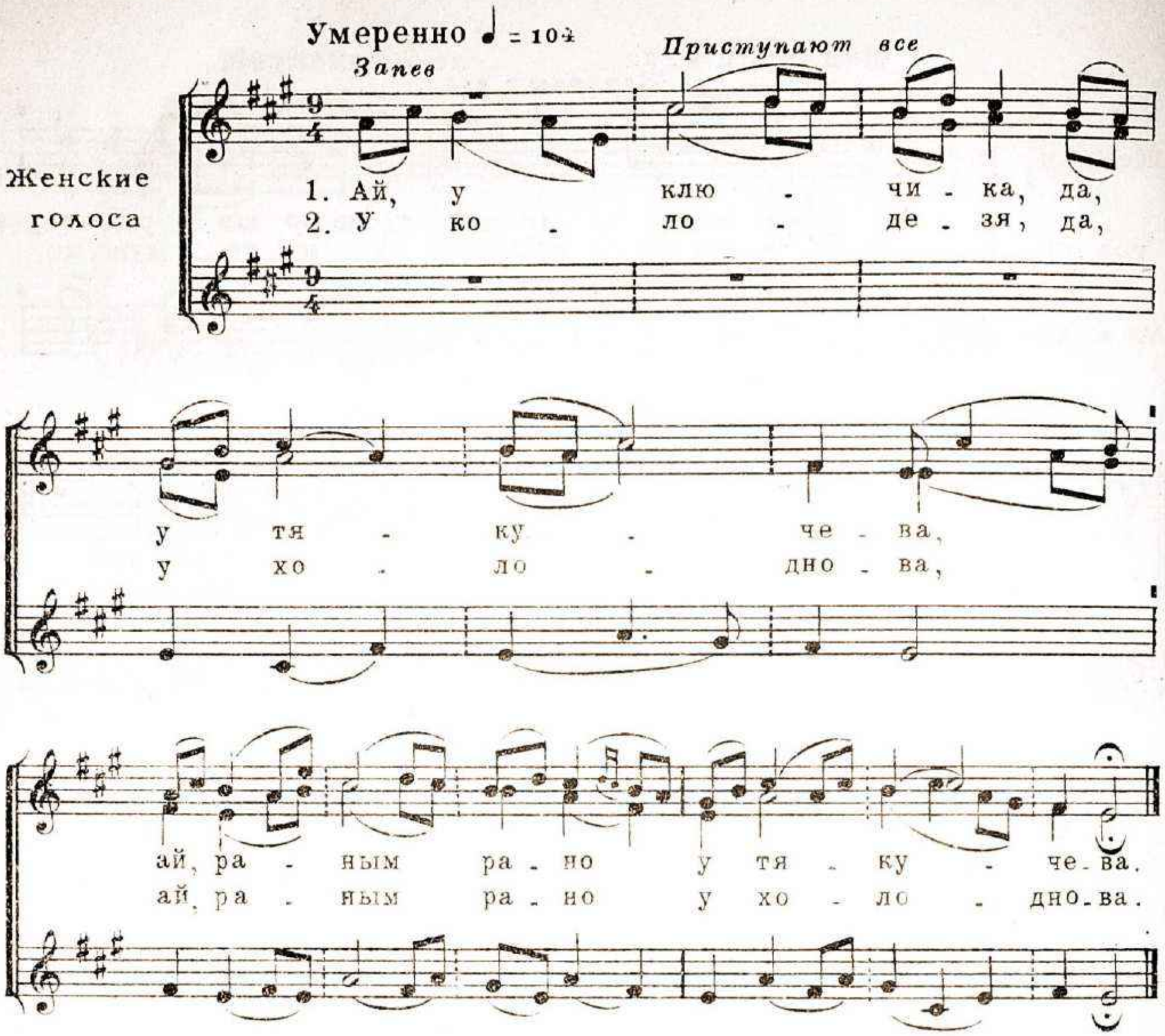
Станица Сергиевская, 1903.

---

[1] Припев по данному образцу ко всем стихам

217. АЙ, У КЛЮЧИКА У ТЕКУЧЕГО

Три ластушки у тела белого

1. Ай, у ключика (да), у тякучего,
   Ай, раны́м рано́ у тякучего,
2. У колодезя (да), у холоднова,
   Ай, раны́м рано́ (да), у холодного,[1]
3. Там лежит тела (да), лежит белая,
4. Тела белая (да), молодецкая.

---

[1] Припев к каждому стиху.

5. Да никто к телу (да) не приверьнется,
6. Никто к белому (да) не приступится.
7. Приступалися (да) на [1] три ластушки,
8. На [2] три ластушки, три касатушки,
9. Да все чернаи (да), усе рòднаи:
10. Первая ластушка—рòдная матушка,
11. Другая ластушка (да)—сястра рòдная,
12. Третия ластушка (да)—молода жана.
13. Как и мать кричит, что ряка бяжит,
14. Как сястра плачет, что ключи тякут,
15. А жана кричит—роса утренна,
16. Роса утренна (да)—день до вечеру,
17. День до вечеру (да)—слухать нечего.

Станица Сергиевская, 1903.

[1] Частица «на» употреблена здесь вместо «не».

218. ОЙ, ТЫ, ВОРОБЕЙ ЗЕЛЕНОЙ

Красным девицам белил да румян

Медленно ♩= 76

I

Женские голоса

1. Ой, ты, во - ро - бей, 2. Ой, ты, зе - ля - ной,
3. Да ня ты па - хал, 4. Ня ты во - ло - чил...
5. Ня тво - и ко - ни, 6. Тво - и доб - ра - и.

Скорее ♩- 96
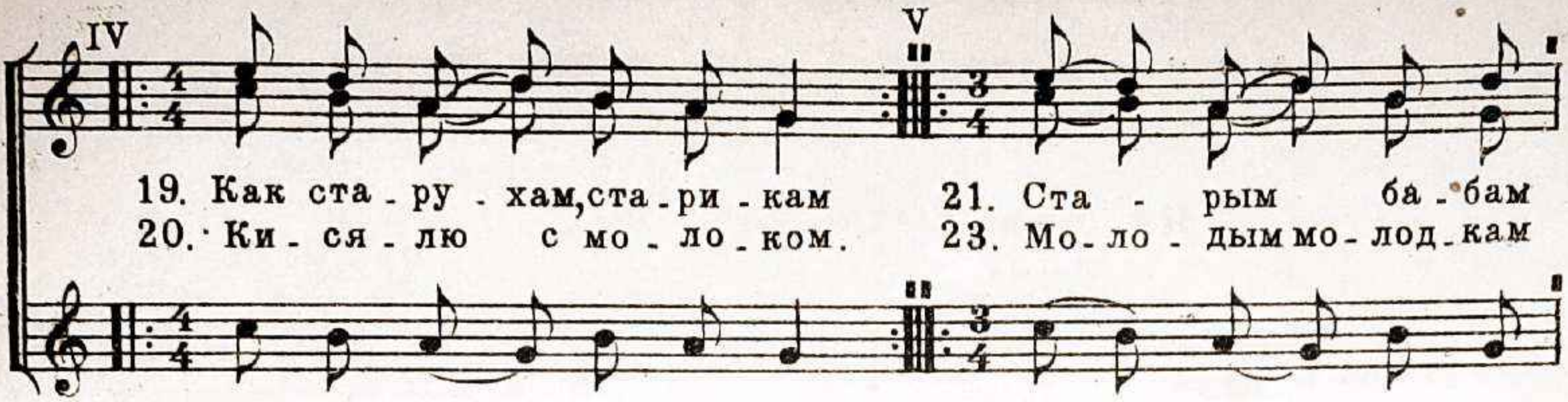
II

7. Ой, ти - лю, ви - лю, во - ро - бей во - са - ду,
9. Ой, ти - лю, ви - лю, рас - тво - ряй во - ро - та,

Еще скорее ♩= 116

III

8. Ой, ти-лю, би-лю, мо-ло - дой в зе-ле-ном.
10. Ой, ти-лю, ви-лю, вы-пу - щай во-ро-бья.
11. Из-за гор де-вушка,
15. Те-га бе - ла-и.
12. Гу-сей за-го-ня-ла. 13. Те-га, гу - сюшки, 14. Те-га, се - ра-и.
16. Я са-ма с гуськом. 17. Са-ма с се - рень-ким, 18. Са-ма с бе - лень-ким.

I

1. Ой, ты, воробей,
2. Ой, ты, зелянòй!
3. Да ня ты пахал,
4. Ня ты волочил,
5. Ня твои кони,
6. Твои добраи

II

7. Ой, тѝлю-вѝлю, воробей во саду,
8. Ой, тѝлю-вѝлю, молодой в зелянòм!
9. Ой, тѝлю-вѝлю, растворяй воротà,
10. Ой, тѝлю-вѝлю, выпущай воробья!

III

11. Из-за гор девушка
12. Гусей загоняла:
13. «Тега, гусюшки,
14. Тега, сераи,
15. Тега, белаи,
16. Я сама с гуськём,
17. Сама с сереньким,
18. Сама с беленьким!»

IV

19. Как старухам, старикам
20. Кисялю с молоком;

V

21. Старым бабам
22. Каши с маслом;
23. Молодым молодкам
24. Шалкòваи плётки,

VI

25. А красным дявѝцам
26. Бялил да румян!

Станица Сергиевская, 1903.

219. АЙ, СВЕТ ВЕСНА КРАСНА

Молодушке нету волюшки

Не очень медленно ♩ = 84

Запев *Пристают все*

Женские голоса

1. Ай, свет ве - сна кра - сна,
2. Ай, без иг - ры при - шла,

Мужские

Все

без и - гры при - шла,
всё без ра - до - сти,

как лю - ли, - лю - ли,
как лю - ли, лю - ли,

без и - гры при - шла.
всё без ра - до - сти.

1. Ай, свет вясна краснà
Без игры прошла,

Припев:

Как люлй, люлй,
Без игры прошла,[1]

2. Ай, без игры прошла,
Всё без радости,

3. Ай, мурава-трава,
Свет зелёная!

4. Ай, мне по той траве
Не ходить будет,

5. Ой, мураву траву
Не топтать будет.

6. Ой, й-у мене, младой,
Старай муж злодей,

7. Ай, не вялит ходить
Мне на й-улицу,

8. Ай, не вялит стоять
У чужих ворот,

9. Ой, не вялит играть
Со ребятами,

10. Ой, сы ребятами
С нежанатами.

11. Ой, ну й-укражуся,[2]
Наиграюся!
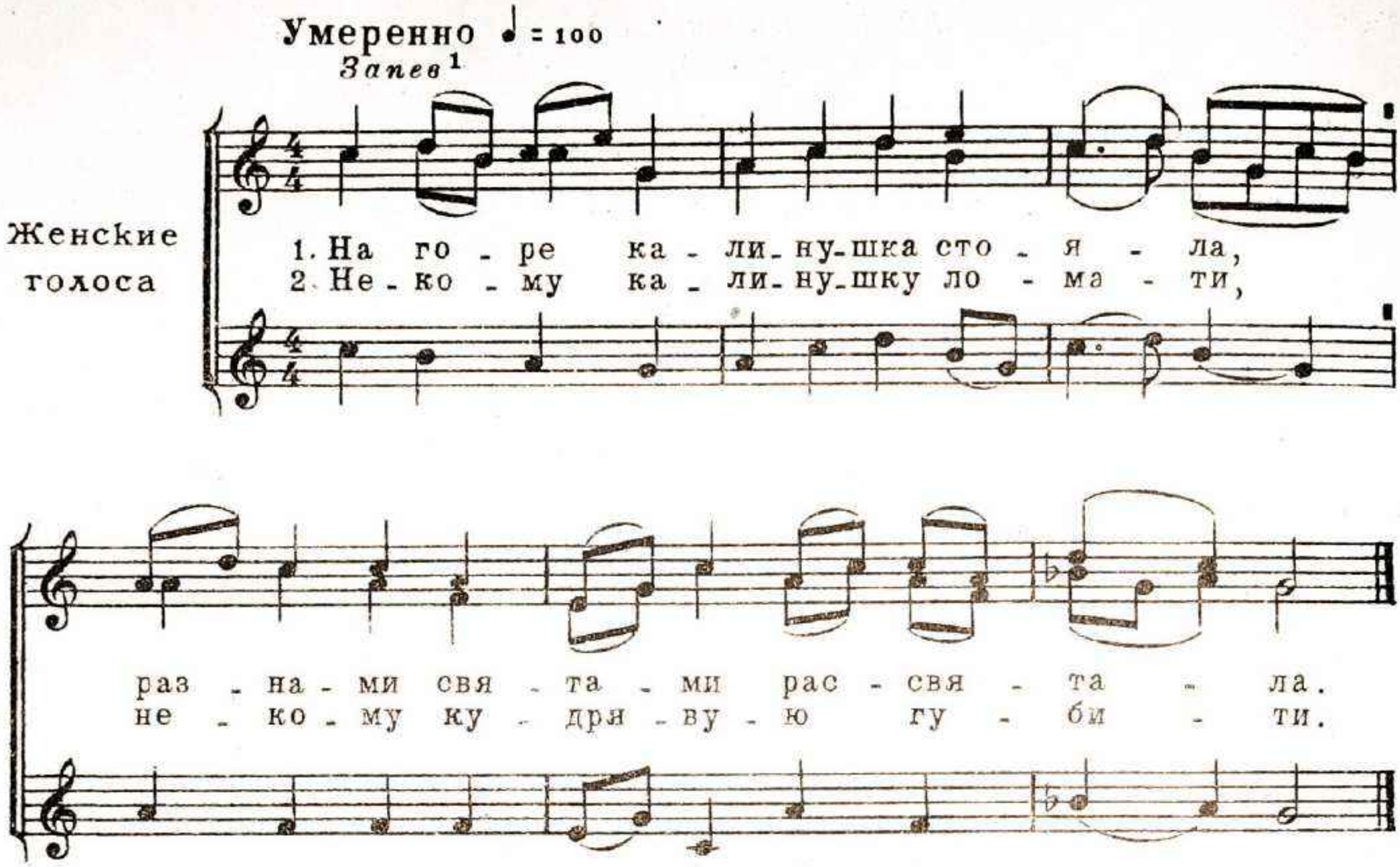
Станица Сергиевская, 1903.

---

[1] Припев к каждому двустишию.
[2] «Й-укражуся» — украдуся. То же в станице Дурновской.

220. НА ГОРЕ КАЛИНУШКА СТОЯЛА

Молодка и старый муж

1. На горе калинушка стояла,
Разнами святами рассвятала.
Некому калинушку ломати,
Некому кудряваю губити.

5. Пойду я, молодка, загуляю,
На горе калину заломаю;
Сломлю я, молодка, три пруточка,
Да на [2] два пруточка золотые,
Да на [2] третий прутик, прут зямчужнай.

10. Пойду-ка я старого будити:
«Устань, старай, проснись, пробудися!
Вот тебе помоница умыться,
Вот тебе онучка утереться,
Вот тебе заслон богу молиться,
15. Вот тебе сухарик подавиться!»
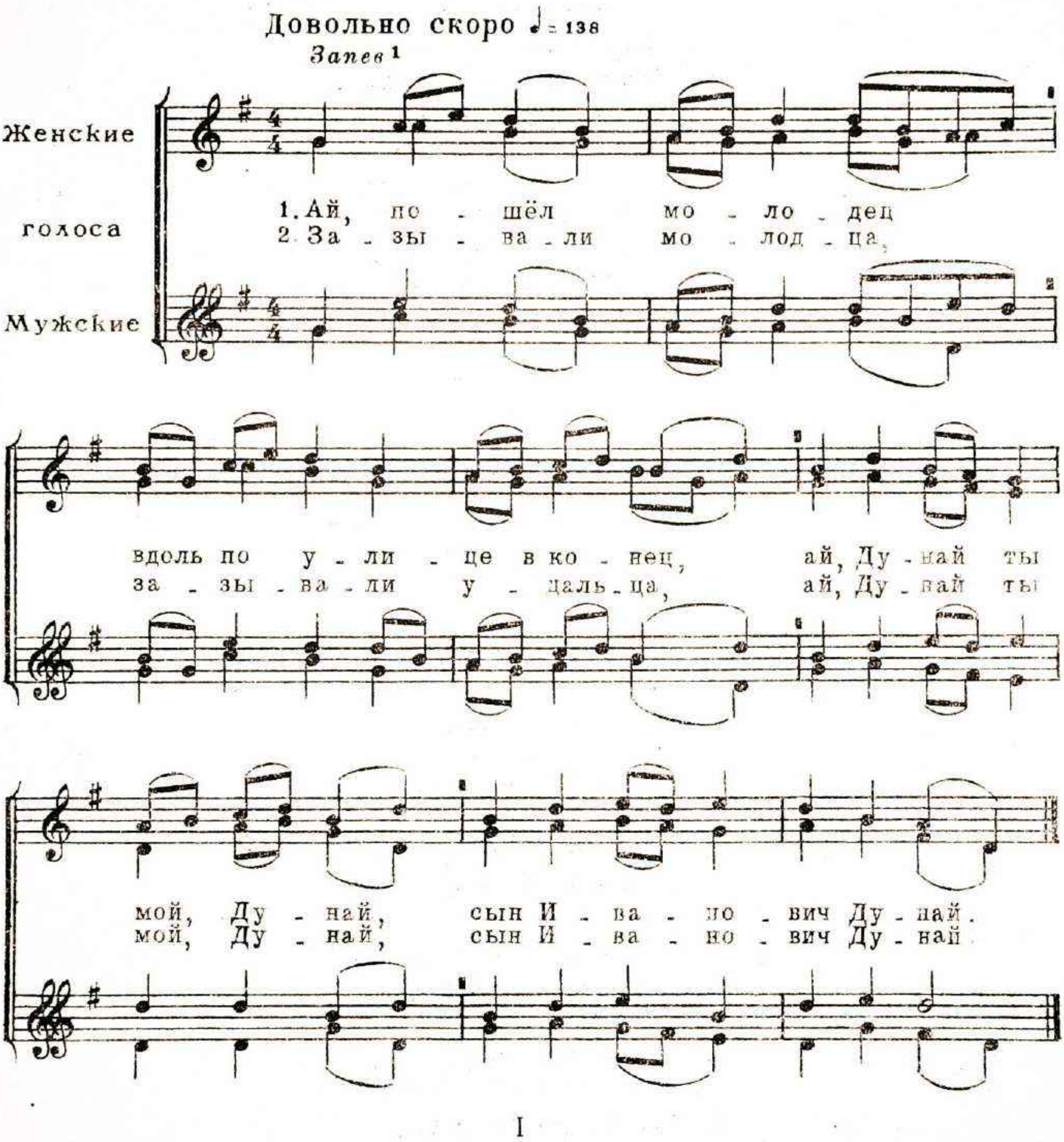
Станица Раздорская, н/М, 1903.

---

[1] Идет без запевов, кроме первого — любым голосом и без свода.
[2] «На» вместо «не».

221. АЙ, ПОШЕЛ МОЛОДЀЦ

Молодец-удалец во пиру-беседе

I

1. Ай, пошел молоде́ц
Вдоль по улице в конец;
Припев:
Ай Дунай ты мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай! [2]

---

[1] Песня идет без запевов, кроме первого (любой голос) и без свода.
[2] Припев без изменений повторяется после каждого двустишия.

2. Зазывали молодца,
Зазывали удальца:

3. «Давай пир пировать,
Во беседушке гулять!»

4. Посадили молодца,
Посадили удальца

5. Спроти девки на скамье,
Спроти красной на скамье.

6. Пошатнулсы молодец,
Покачнулсы удалец,—

7. С молодца шляпа упала,
С удальца шляпа упала:

8. «Уж ты, девица, подай,
Красавица, подыми!»

9. — Не слуга, сударь, твоя,—
Я ня слушаю тебя!

II

10. Ай, пошел молодец...
(повторяется сначала)

18. — Не слуга, сударь, твоя,—
Я ня слушаю тебя!

III

19. Ай, пошел молодец
Вдоль по улице в конец;

20. Зазывали молодца,
Зазывали удальца:

21. «Давай пир пировать
Во беседушке гулять!»

22. Посадили молодца,
Посадили удальца

23. Спроти девки на скамье,
Спроти красной на скамье.

24. Пошатнулсы молоде́ц,
Покачнулсы удалец,—

25. С молодца шляпа упала,
С удальца шляпа упала:
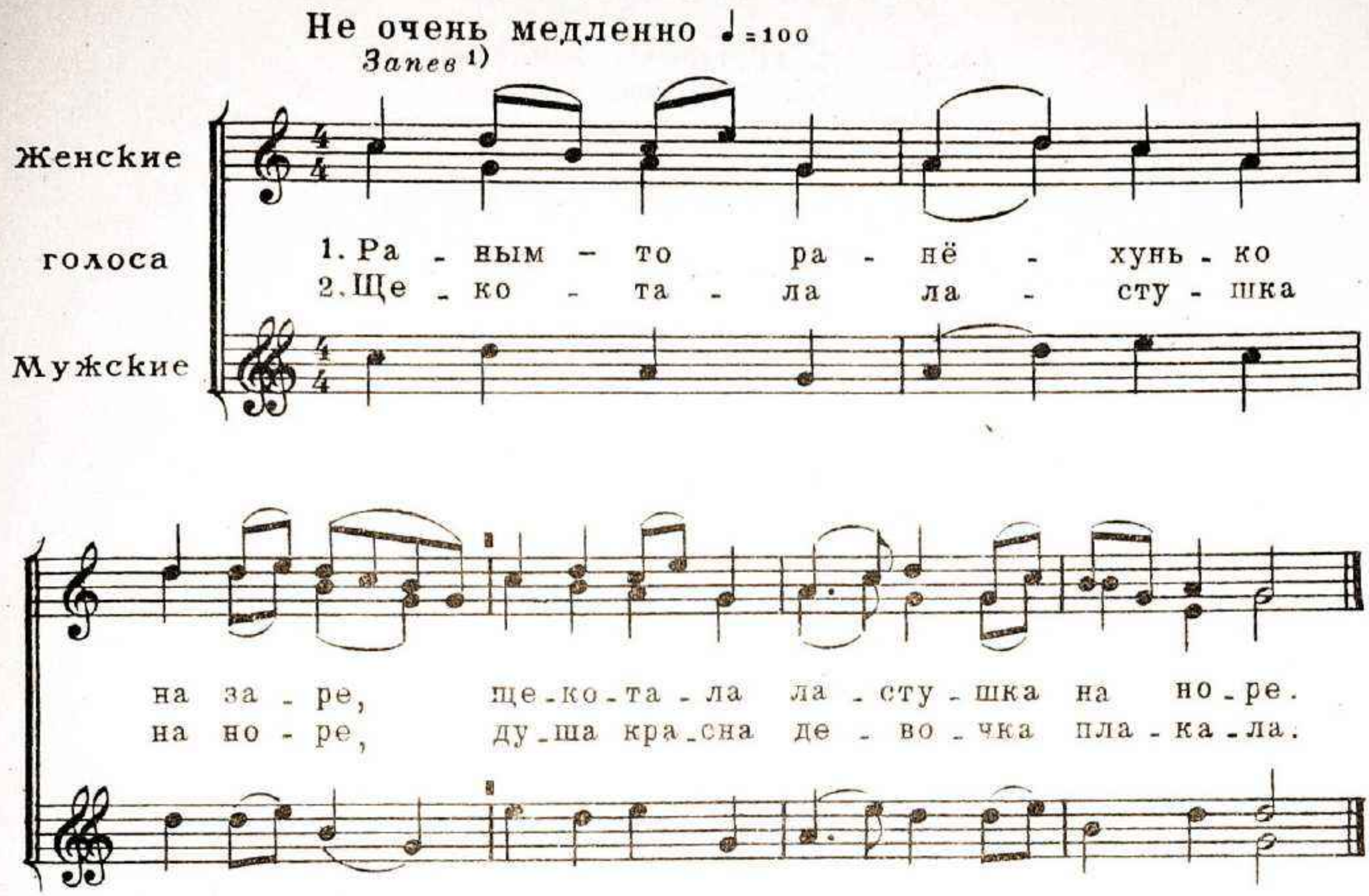
26. «Уж ты, девица, подай,
Красавица, подыми!»

27. — Я таперь слуга твоя,
Я послушаю тебя!

Станица Раздорская, н/М, 1903.

222. РАНЫМ-ТО РАНЕХУНЬКО НА ЗАРЕ

У милого жàланье ко мне есть

I

1. Раным то ранёхунько на заре
Щекотала лàстушка на нюрè.
Душа красна девочка плакала,
На белом на камушке сйдючи,

5. На круг-крутой бèрежок глядючи.
По бережку батенькя гуляет:
«Гуляй, гуляй, батенькя, здорово!
Сыми меня с камушка с белòго!»
У батюшки жàлости [2] ко мне нет,—

10. Не сымает с камушка с белòго.

---

[1] Песня идет без запевов, кроме первого, и без свода.

[2] «Жàланье» и жалость понятия здесь равнозначные; «жалеть» у казаков значит и «любить».

II

Раным то ранёхунько на заре
Щекотала лàстушка на норе.
Душа красная девочка плакала,
На белом на камушке сидючи,

На круг-крутой бèрежок глядючи.
По бèрежку маменькя гуляет:
«Гуляй, гуляй, маменькя, здорово!
Сыми меня с камушка с белòго!»
У маменьки жàлости [1] ко мне нет,—

Не снимает с камушка белòго.

III

Раным то ранёхунько на заре
Щекотала лàстушка на норе.
Душа красная девочка плакала,
На белом на камушке сидючи,
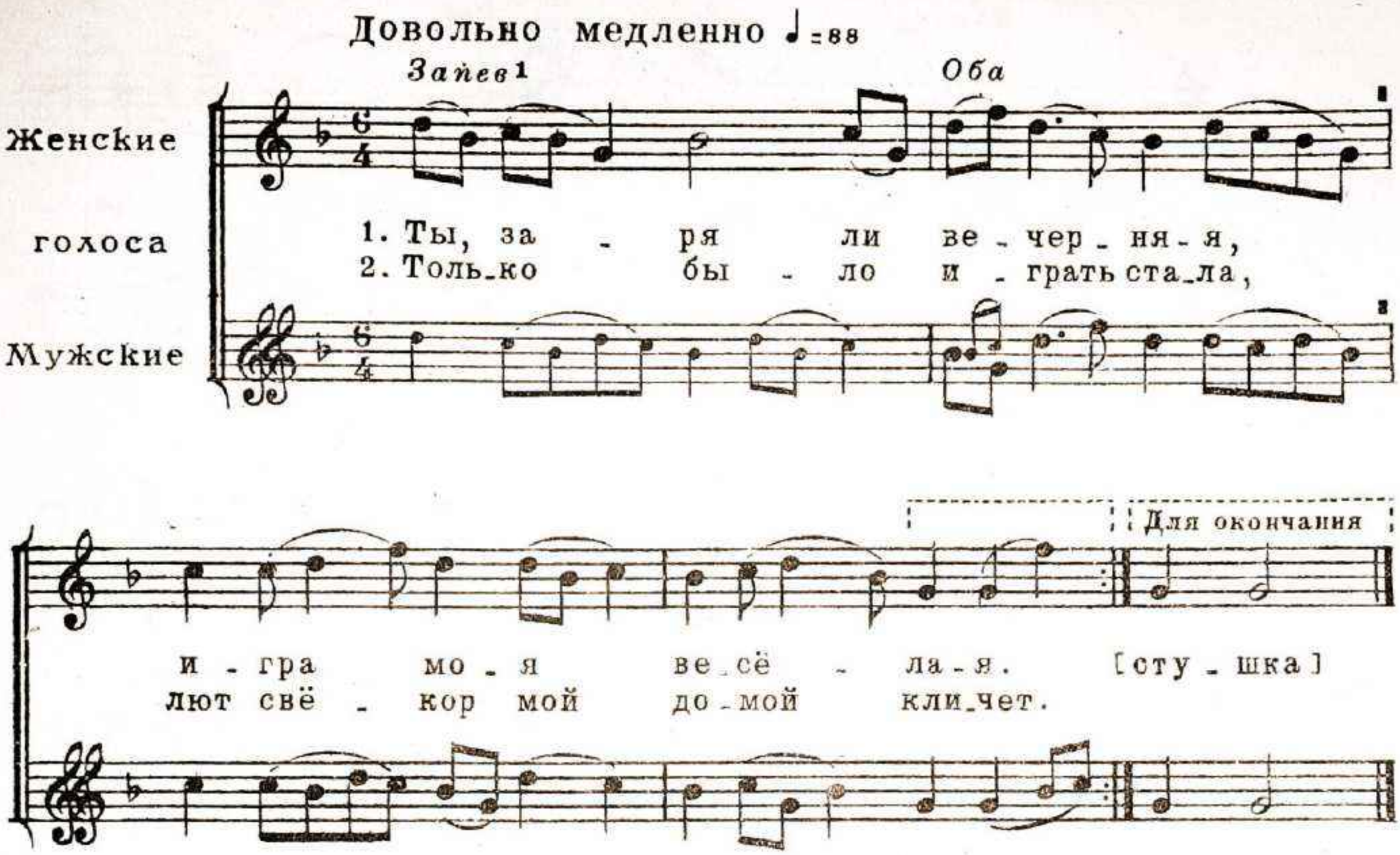
На круг-крутой бережок глядючи.
По бережку милай мой гуляет:
«Гуляй, гуляй, миленький, здорово!
Сыми меня с камушка с белòго!»
У милого жàланья ко мне есть,—

Он снял меня с камушка с белòго.

Станица Раздорская, н/М, 1933

223. ТЫ, ЗАРЯ-ЛИ ВЕЧЕРНЯЯ

Свёкор домой кличет

1. Ты, заря ли вечерняя,
2. Игра моя веселая!
3. Только было играть стала,
4. Лют свёкор мой домой кличет:
5. «Подь, поди, сноха домой,
6. Подь, поди ты, невестушка!»

Станица Етеревская, 1903

---

[1] Женский или мужской голос.

224. АЙ, СВЕТ МОЯ УЛИЦА

Себе ровнюшку не выберу

Медленно ♩ = 72

Запев — Все

Мужские голоса

1. Ай, свет(ы) моя у - ли - ца, да,
2. Ай, да по те - бе хо - жу, да,

свет ши - ро - ка - я,
я не вы - хо - жу,

ой, лю - ли, ой, лю - ли, да,
ой, лю - ли, ой, лю - ли, да,

свет ши - ро - ка - я.
я не вы - хо - жу.

1. Ай, свет моя улица (да),
Свет широкая,

Припев:

Ой, люли, ой, люли-да,
Свет широкая! [1]

2. Ай, да по табе хожу (да),
Я ня выхожу,

3. Ай, вот я мячом качу (да),
Я ня выкачу,

4. Ай, вот я конем езжу (да),
Я ня выезжу,—
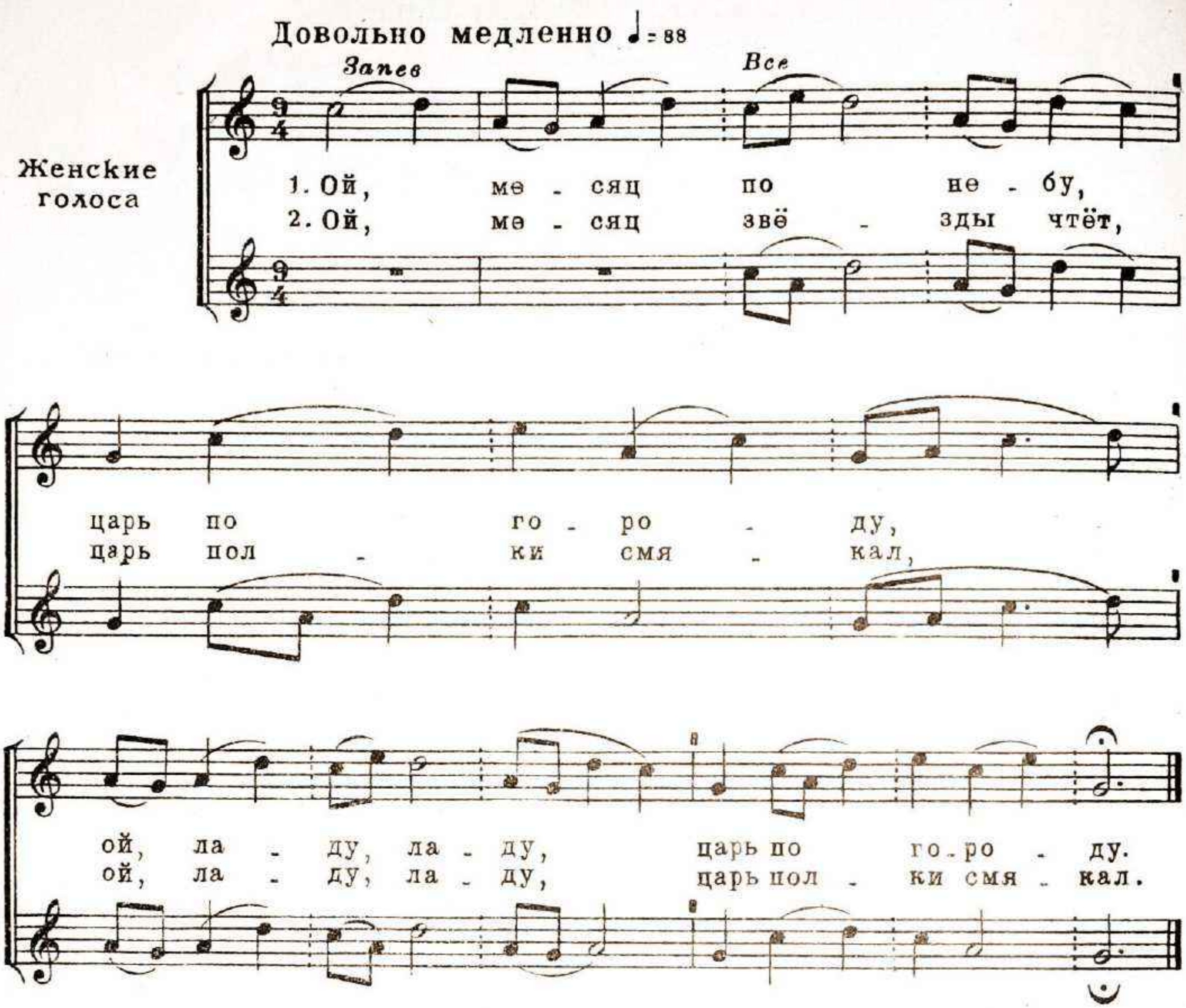
5. Ей, да я ведь ровнюшку (да)
Я ня выберу.

Станица Арчадинская, 1903

[1] Припев по данному образцу к каждому двустишию.

225. ОЙ, МЕСЯЦ ПО НЕБУ

Князь Василий ро̀вню ищет

1. Ой, месяц по небу,

Припев.

Ой, ладу̀, ладу̀,
Царь по городу.[1]

2. Ой, месяц звёзды чтёт,
Царь полки смякал.

---

[1] Припев к каждому двустишию. У некоторых из песенниц в припеве вместо «ладу» слышалось почти чистое «о» — «ладо̀».

3. Ой, у месяца
Звязды счёту[1] нет,

4. Ой, у царя в полку
Человека нет,

5. Ой, человека нет,
Что ни луччего,

6. Ой, что ни луччего —
Князь-Василия.

7. Ой, ездил Ва̀силей
Семь лет по̀ морю,

8. Ой, искал Ва̀силей
Себе ровнюшку,

9. Ой, себе ровнюшку
Сестре по̀д версту.

10. Ой, сестра На̀стасья,
Растворяй во̀рота,

11. Ой, растворяй во̀рота,—
К тебе брат едет![2]

Станица Кепинская, 1903.
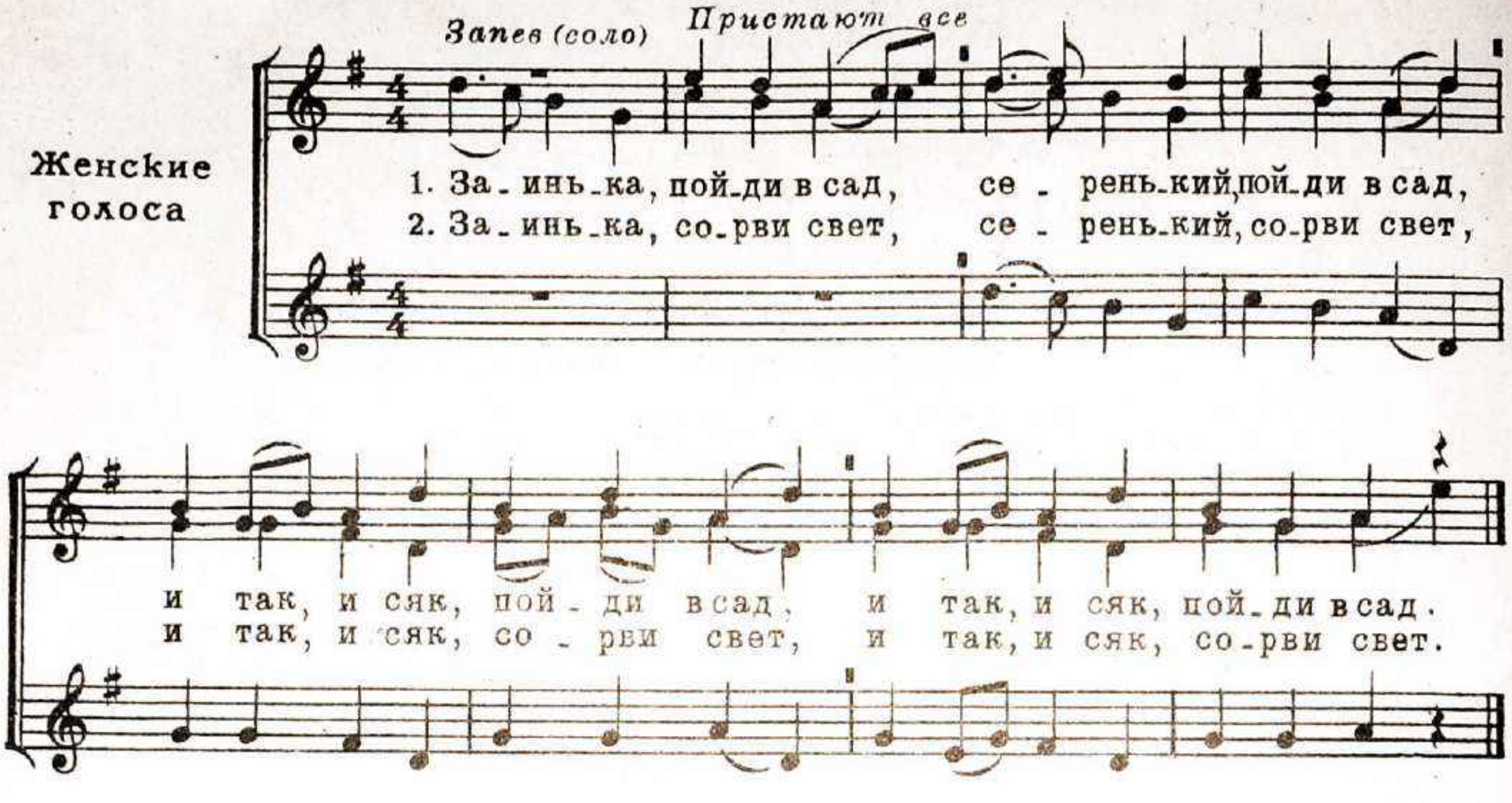
---

[1] При повторении с другим составом исполнители, следуя за запевалой, пели «Звязды Лося нет», причем запевала объяснил, что «есть «звязда Лось» — ее-то месяц и искал».

[2] Вар. последнего полустиха — «Василий едет».

226. ЗАИНЬКА, ПОЙДИ В САД

И так, и сяк, пойди в сад!..

1. Заинька, пойди в сад,
Серенький, пойди в сад,
И так, и сяк, пойди в сад! [1]

2. Заинька, сорви свет,[2]
Серенький, сорви свет,
И так, и сяк, сорви свет!

3. Заинька, свей вянок,
Серенький, свей вянок,
И так, и сяк, свей вянок!

4. Заинька, на головку,
Серенький, на головку,
И так, и сяк, на головку!

5. Заинька, с головы,
Серенький, с головы,
И так, и сяк, с головы!

6. Заинька, топни ножкой,
Серенький, топни ножкой,
И так, и сяк, топни ножкой!

7. Заинька, потанцуй,
Серенький, потанцуй,
И так, и сяк, потанцуй!

8. Заинька, перьвярьнись,
Серенький, перьвярьнись,
И так, и сяк, перьвярьнись!

9. Заинька, поклонись,
Серенький, поклонись,
И так, и сяк, поклонись!

10. Заинька, поцелуй,
Кого люблю, поцелуй,
И так, и сяк, поцелуй!
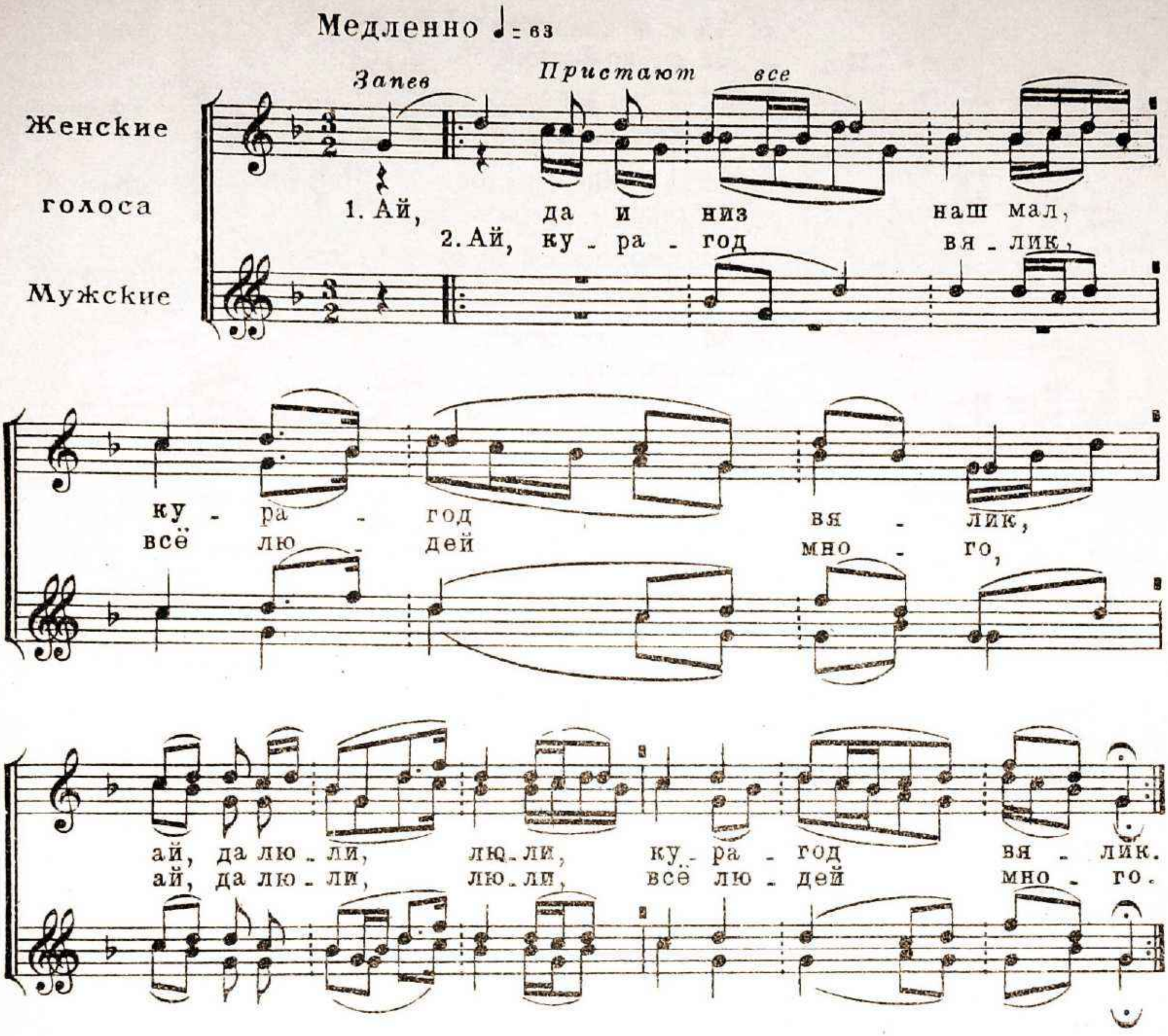
Станица Кепинская, 1903

---

[1] Третий стих строфы повторяется.
[2] Свет — цвет, цветок.

227. АЙ, ДА И НИЗ НАШ МАЛ

Старый муж целовать велит

1. Ай, да и низ[1] наш мал,
Курагод вялик,

Припев:

Ай, да люли, люли,
Курагод вялик,[2]

2. Ай, курагод вялик,
Всё людей много,

---

[1] «Низ» или «верх», смотря по тому, в какой части станицы играется.
[2] Припев к каждому двустишию.

3. Ай, и людей много,
Играть некому,

4. Ай, играть некому
Да сы ребятамѝ,

5. Ай, сы ребятамѝ,
С нежанатами,

6. Ай, с нежанатами
Да сы холо̀стами,

7. Ай, сы холо̀стами,
Сы хорошами.

8. Ай, да мене, младой,
Сы стары̀м мужем.

9. Ай, ну и старай муж
На руке ляжит,

10. Ай, на руке ляжит
Во глаза глядит,

11. Ай, во глаза глядит,
Цаловать вялит.
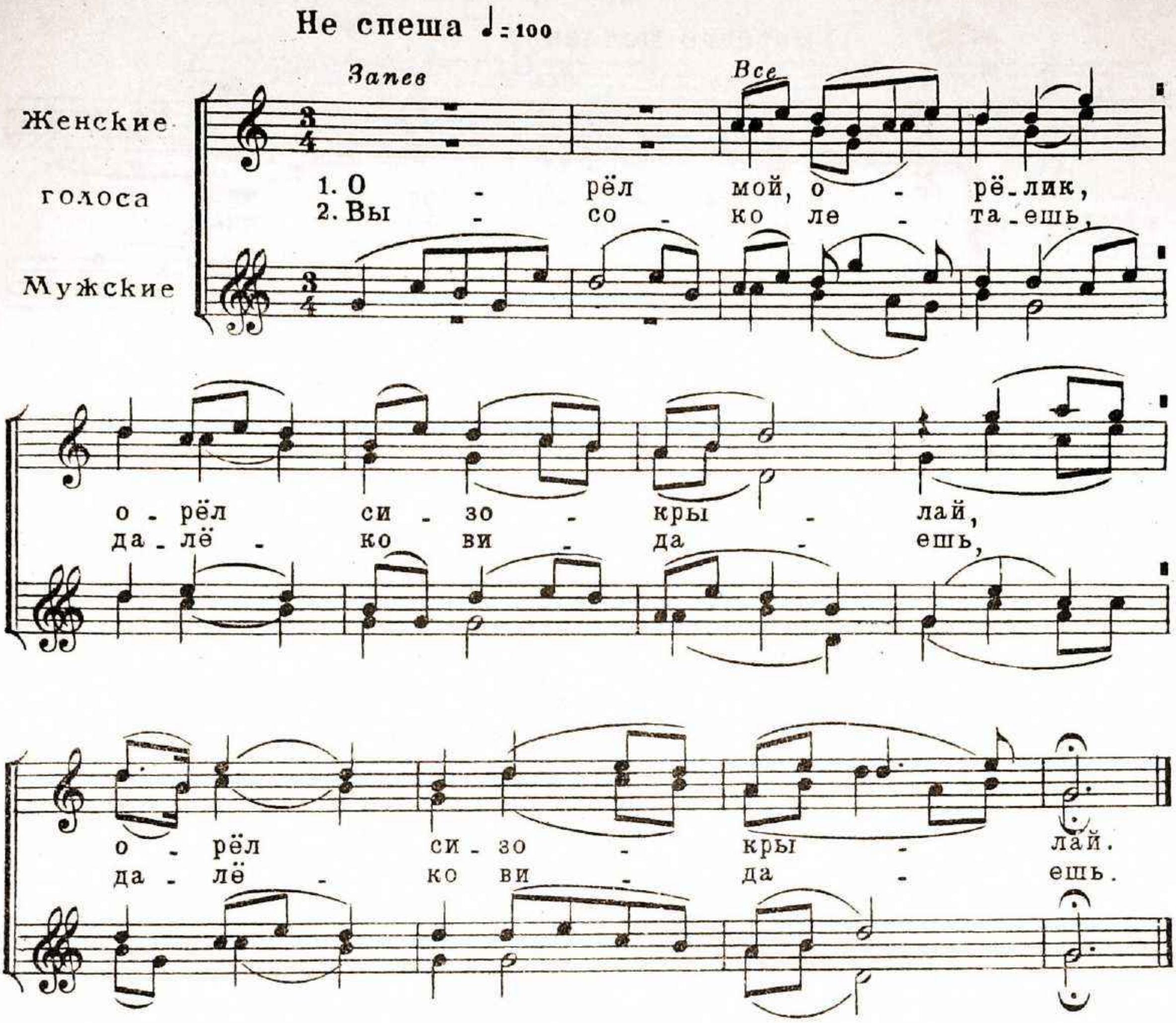
12. Ай, ну и мне, младой,
Всё не хочется,

13. Ай, к ретиву̀ сердцу
Не воротится.

Станица Глазуновская, 1903.

228. ОРЕЛ МОЙ, ОРЕЛИК

Не лàпайся, свёкор!

1. Орёл мой, орёлик,
   Орёл сизокрылай, [1]
2. Высòко летаешь,
   Далёко видàешь,—
3. За речкой висок терём,
   За быстрой високай.
4. Уж я взойду на терём,
   Взойду я на високай.
5. Уж я вдарю в ладоши,
   Вдарю в звончатны́е,
6. Не ладòнушки звòнют,
   Звонют златы перьстни.
7. Да й-услышал жа свёкор,
   Услышал жа лютай.
8. «Ты потише, молодка,
   Тише, молодая!»
9. —«Да не лàпайси, свёкор,
   Не трескайси, лютай,—
10. Да ня ты мне покупил,
    Ня твой сын полòжил
11. Да поку́пил перьснёчки
    Батюшка мой родимай,
12. Да ня для́ жа покрàсы,
    Купил для досады!»

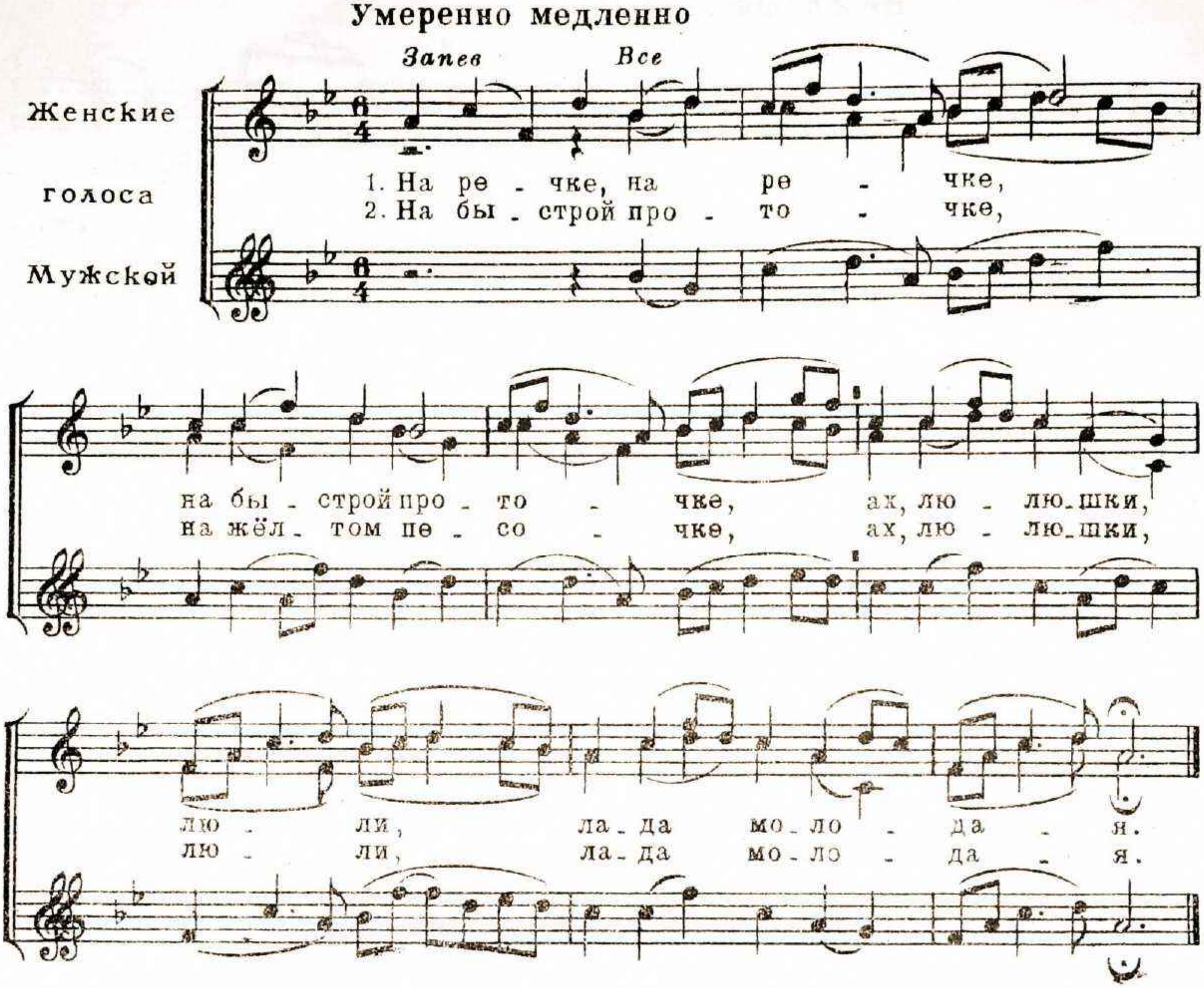
Станица Глазуновская, 1903.

---

[1] Каждый чётный стих повторяется.

229. НА РЕЧКЕ, НА РЕЧКЕ

Девка платья мыла

1. На речке, на речке, на быстрой проточке,
Припев: Ах, лю̀люшки, лю̀ли, ладà молодая![1]
2. На быстрой проточке, на жёлтом песочке
3. Девка платья мыла, бялò полоскала,
4. Бялò полоскала, на дòщечку клала,
5. На дòщечку клала, вальком колотила,
6. Звонкò колотила, чистò полоскала,
7. Чистò полоскала, туго выжимала,
8. Туго выжимала, на плечушки клала.
9. Приехал к дявицы й-удалòй молодчик.
10. «Бог помочь, дявица, бог помочь, краснàя!
11. Напой мово кòня серёд синя моря,
12. Чтоб коник напилси, ковёр не змочилси!»[2]
13. Коник споткнулси, ковёр окунулси.

Станица Глазуновская, 1903[3].

---

[1] Припев один для всех стихов, без изменения.
[2] Не замочился.

230. ШЛА УТУШКА ПО БЕРЕЖКУ

Утушка с детками

Умеренно скоро ♩=126

Запев — Все

Мужские голоса

1. Шла у - ту - шка по бе - реж - ку,
3. Ве - ла де - ток за со - бо - ю,

2. Шла се - ра - я по кру - то - му,
4. И ста - ро - ва, и ма - ло - ва,

5. Се - ре - дне - ба по - след - не - ва.

6. Вы у - тѝ, у - тѝ, у - тѝ,
8. Вы ко - то - ры во - ро - та, —

7. Да ку - да же мне и - ти,
9. Во ре - шет - чи - та - и,
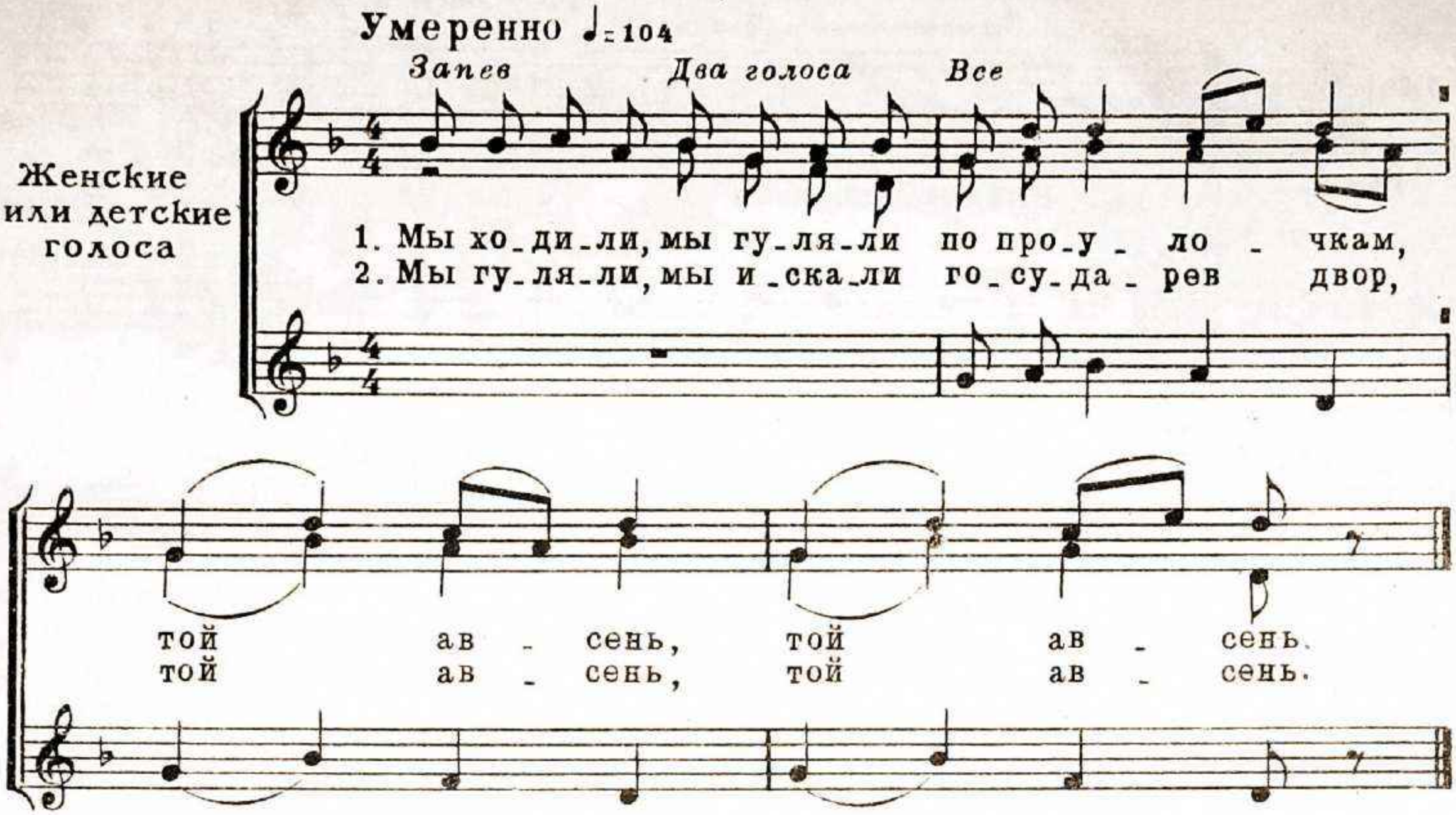
10. Но - во - кле - т - чи - та - и

1. Шла утушка по бе́режку,
2. Шла серая по крутому,
3. Вела деток за собою,—
4. И ста̀рого, и ма̀лого,
5. Середнего последнего:
6. «Вы ути́, ути́, ути́!
7. Да куда жа мне ити,
8. Вы которы вэрота̀,—
9. Во реше́тчитаи,
10. Новоклѐтчитаи!»

Станица Усть-Медведицкая (ныне гор. Серафимович), 1903

231. МЫ ХОДИЛИ, МЫ ГУЛЯЛИ

Авсень

1. Мы ходили, мы гуляли
По проулочкам,

Припев:
Той авсень, той авсень! [1]

2. Мы гуляли, мы искали
Государев двор:

3. Государев двор —
Сиряди Москвы,

4. Сиряди Москвы,
Ворота пястры,

5. Столбы точёнаи,
Позолоченаи.

6. Как у этих у ворот
Яво маменька живет,

7. Яво маменька жила,
Поперёд зашла,

8. Поперёд зашла,
Все приказавала:
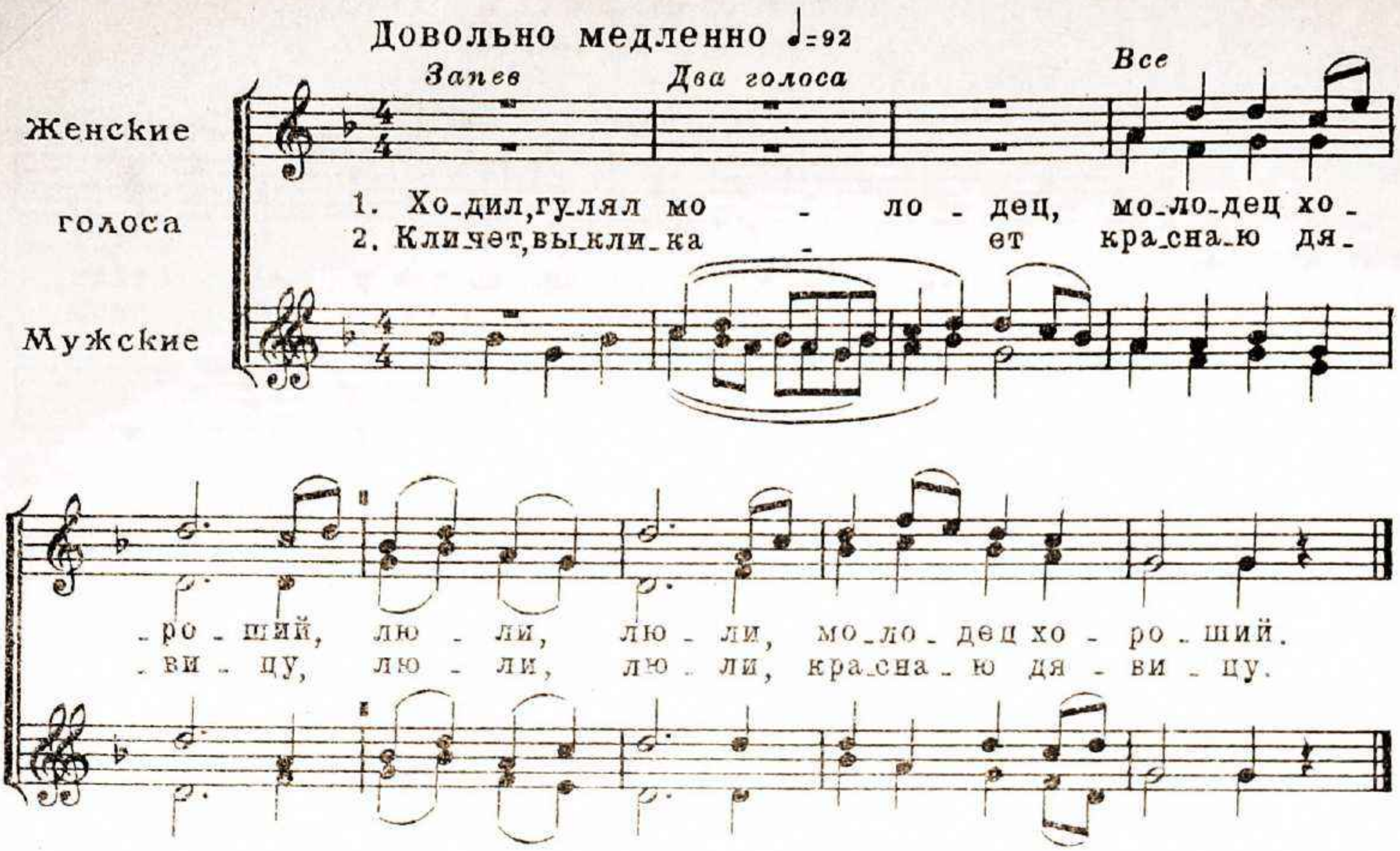
9. «Не служи ты королю,
Служи нашему царю!»

Станица Клетская, 1905

[1] Припев после каждого стиха.

232. ХОДИЛ, ГУЛЯЛ МОЛОДЕЦ ХОРОШИЙ

Богатырь-девочка
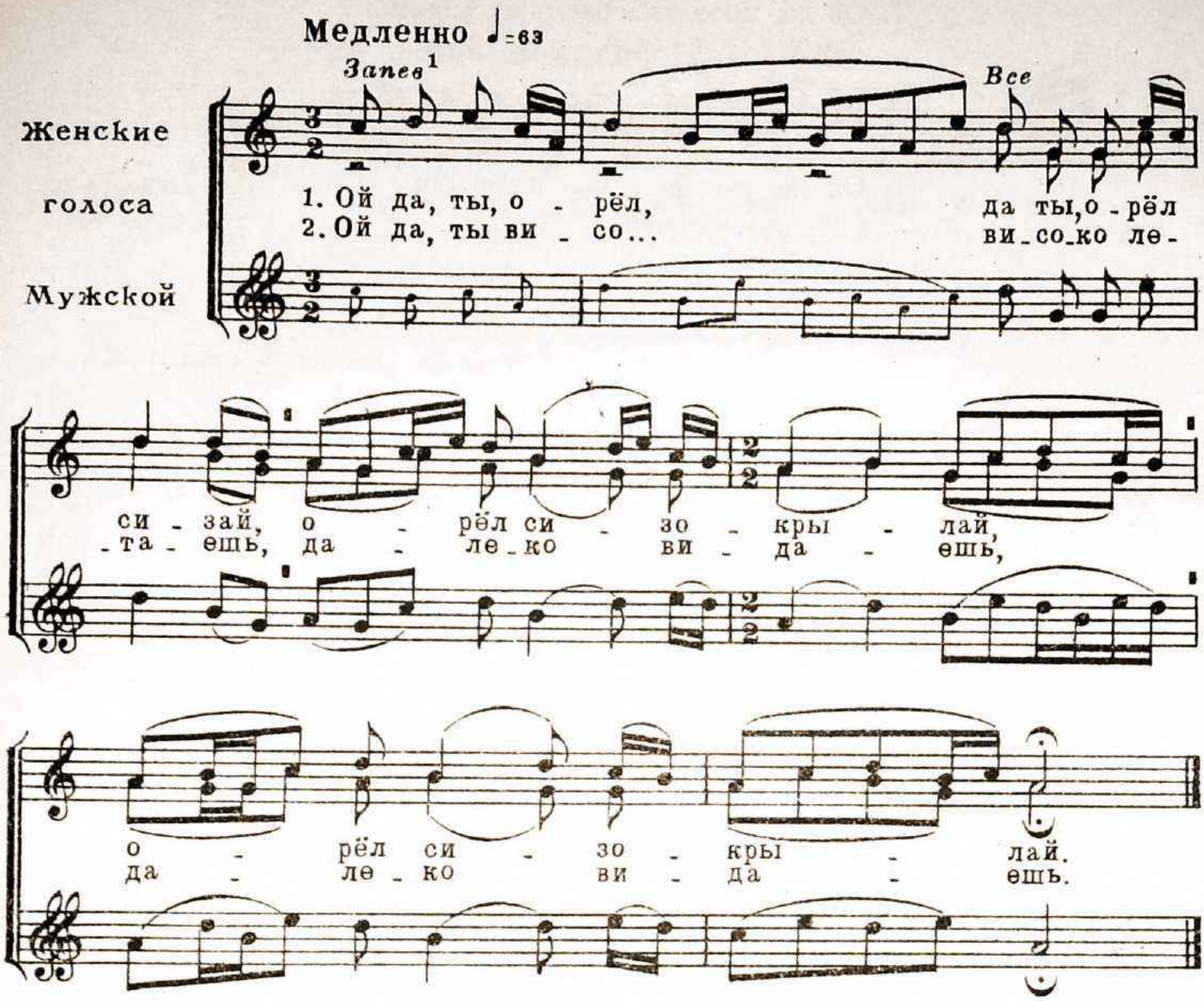

1. Ходил, гулял молодец, молодец хорошай,
Припев: Лю́ли, лю́ли, молодец хорошай
2. Кличет, выкликает краснаю дявицу,
Припев: Лю́ли, лю́ли, краснаю дявицу:[1]
3. «Выди, выди, девочка, ко мне за воро́тца;
4. Выди за воро́тца с младцом побороться!»
5. Вот и вышла девочка к няму за воротца,
6. К няму за воротца с младцом побороться.
7. Вот красная девица младца поборола
8. При всем яво мире, при всем при народе.
9. При всем при народе в большом карагоде:
10. Белаю рубашачку яму разорвала,
11. Синюю фуражачку яму поизмяла,
12. Сафьяны сапожачки яму посрывала,
13. Сераю шинелюшку яму замарала.
14. Встает добрай молодец, а сам слезно плачет.
15. Вот красная девочка младца пожалела:
16. Сераю шинелюшку на нем обтирала,
17. Сафьяны сапожачки яму надевала,
18. Белаю рубашачку яму зашивала,
19. Синюю фуражачку яму расправляла.

Станица Перекопская, 1903.

[1] Припев после каждого стиха.

233. ОЙ ДА, ТЫ, ОРЕЛ

Батюнюшку в полон взяли

1. Ой да, ты, й-орёл... да ты, й-орёл сизай,
Й-орёл сизокрылай, [2]

2. Ой да, ты висо̀... висо̀ко лятаешь,
Далёко видаешь!

3. Ой да, как над ре... над речушкой терем,
Над быстрой високай,

4. Ой да, там сидит красная девчоночка,
Русаю косу чешет,

---

[1] Мужской или женский голос.
[2] Каждый четный стих повторяется.

5. Ой да, ну, русу̀, русу косу чешет,
Сама слёзно плачет:

6. «Ой, в мене батю̀... батю̀нюшки нету,
Родимого нету.

7. Ой да, мово ба... батюшку родимого
Яво в полон взяли,

8. Ой да, во поло̀... яво во полон взяли,
Яво полонили,
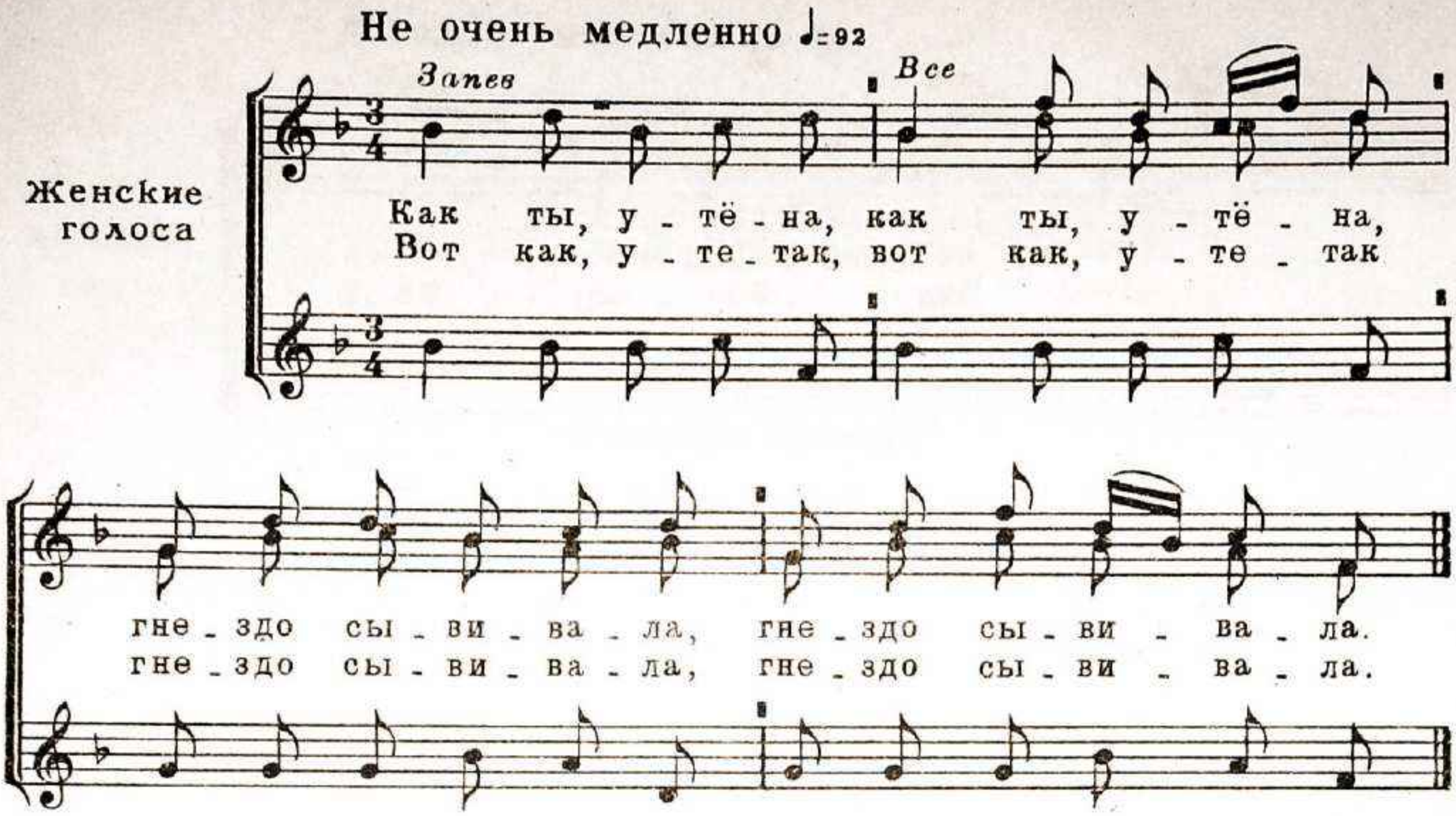
9. Ой да, полони́... яво полонили,
Мене й-осиротѝли,

10. Ой да, ну, мене, вот, осиротѝли
Горькию девчоночку».

Станица Трех-Островянская, 1903.

234. КАК ТЫ, УТЕНА?

Вот как, вот этак!

I

1. «Как ты й-утёна, [1]
   Гнездо совивала?»
2. — «Вот как, вот этак [2]
   Гнездо совивала!»

II

3. «Как ты, й-утёна,
   На гнездо лятала?»
4. — «Вот как, вот этак
   На гнездо лятала!»

III

5. «Как ты, й-утёна,
   На гнездо садилась?»
6. — «Вот как, вот этак
   На гнездо садилась!»

---

[1] Каждый стих поется дважды.
[2] В народном произношении — «утётак».

IV

7. «Как ты, й-утёна,
Яиц наносила?»

8. — «Вот как, вот этак
Яиц наносила!»

V

9. «Как ты, й-угёна,
Детей выводила?»

10. — «Вот как, вот этак
Детей выводила!»

VI

11. «Как ты, й-утёна,
Деточков кормила?»

12. — «Вот как, вот этак
Деточков кормила!»

VII

13. «Как ты, й-утёна,
Детей распущала?»

14. — «Вот как, вот этак
Детей распущала!»

(Пляшут и разбегаются)

VIII

15. «Как ты, й-ўтёна,
Детей собирала?»
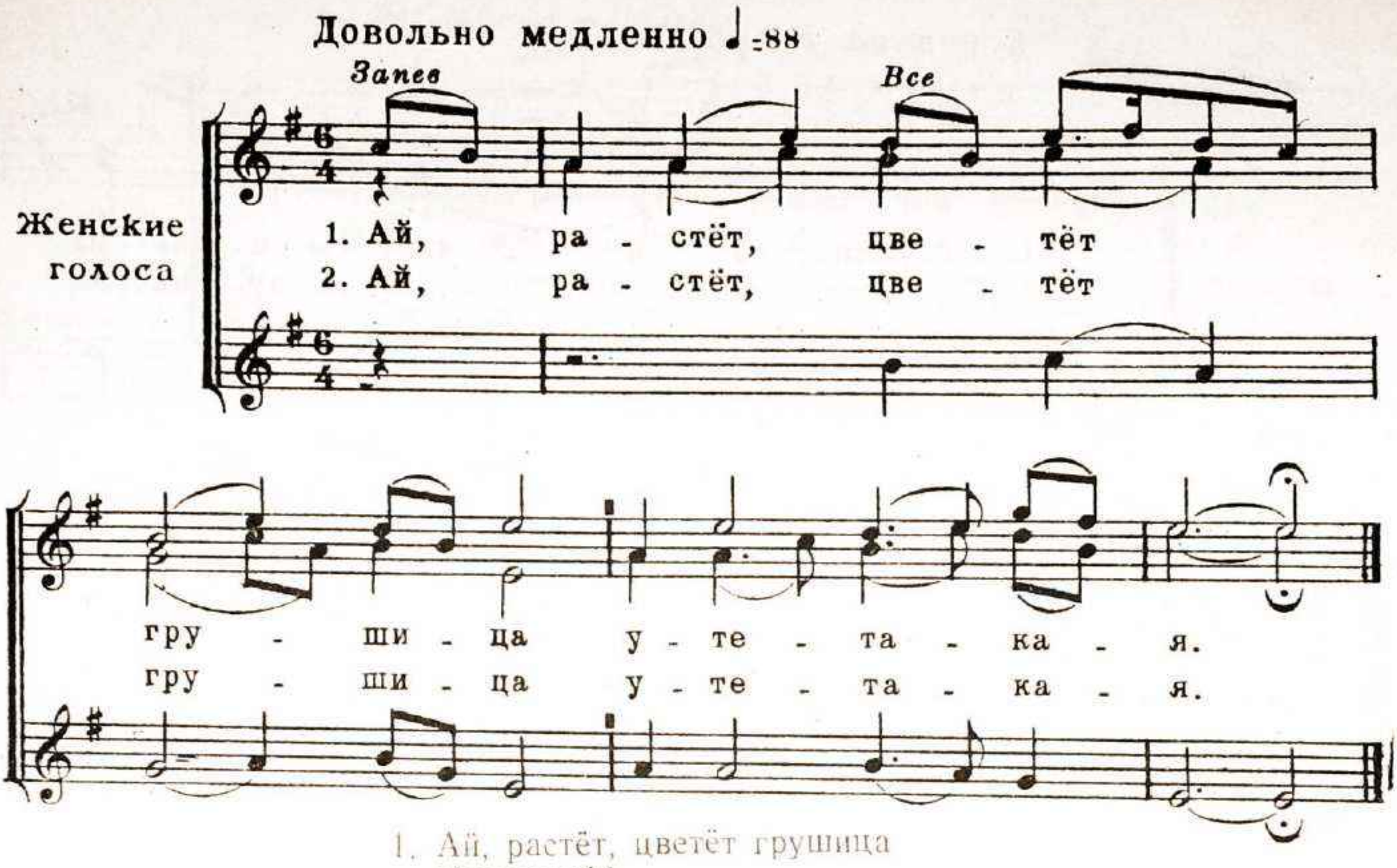
16. — «Вот как, вот этак
Детей собирала!»

(Собираются)

Станица Трех-Островянская, 1903.

235. АЙ, РАСТЕТ, ЦВЕТЕТ ГРУШИЦА

Откòль взялея буён ветер!
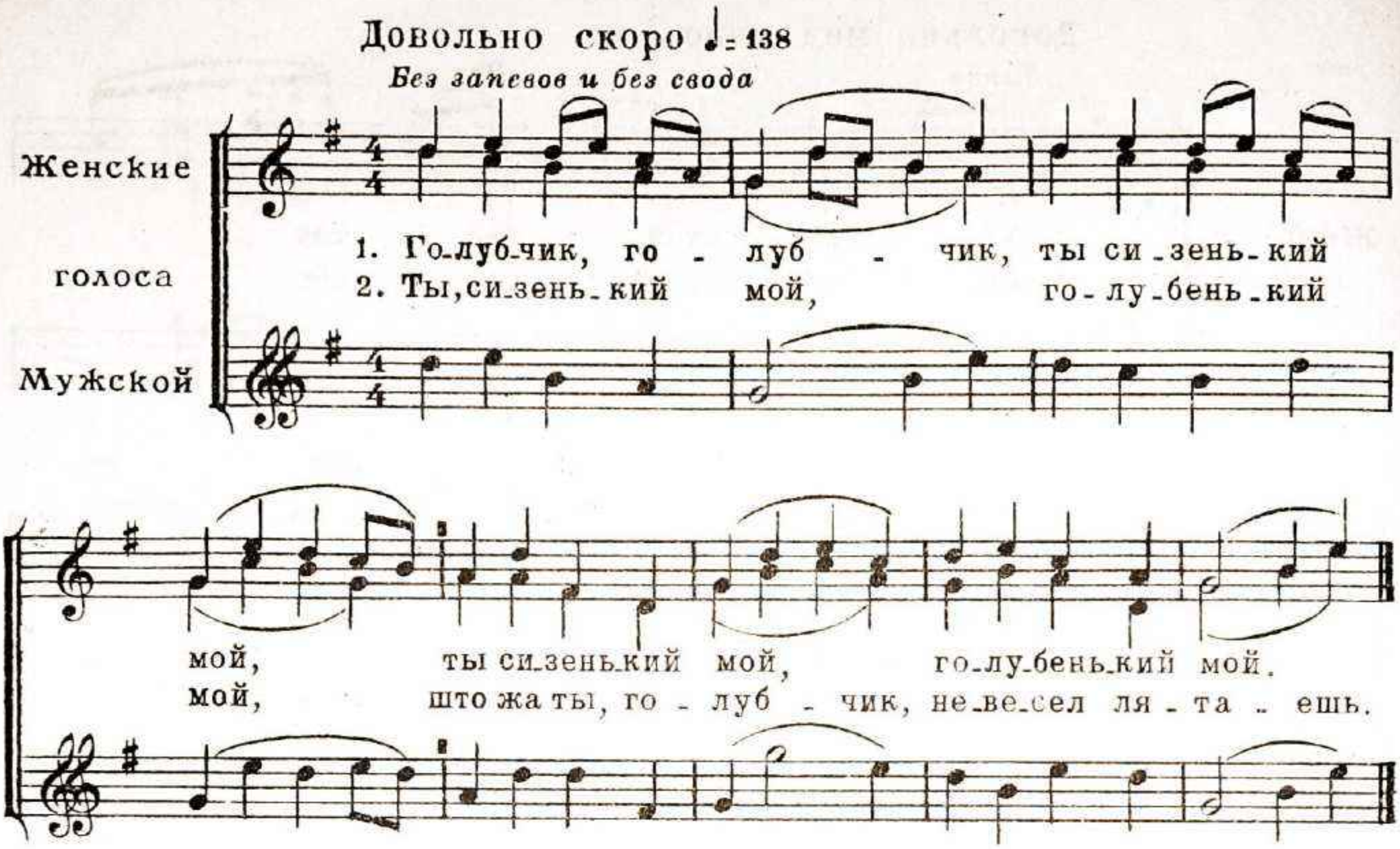

1. Ай, растёт, цветёт грушица
Утетакая![1]
(Карагод—руки вместе).
2. Ай, растёт, цветёт грушица
Утетакая!
(Взявшись, руки врозь)
3. Ай, растёт, цветёт грушица
Утетакая!
(Руки—еще шире)
4. Ай, растёт, цветёт грушица
Утетакая!
(Руки шире и вверх)
5. Ай, вырастала грушица
Утетакая!
(Руки бросили и — вверх)
6. Ай, плодливая грушица,
Радливая.
7. Ай, отцвяла вся грушица,
Она выспела.
8. Ай, отколь взялси буён ветер,
Осыпал весь свет.[2]
(Хлопают в ладоши)

Станица Трех-Островянская, 1903.

[1] Вот этакая.
[2] Цвет.

236. ГОЛУБЧИК, ГОЛУБЧИК

Боярский сын голубку убил

1. Голубчик, голубчик, ты, сизенький мой,
2. Ты, сизенький мой, голубенький мой! [1]
3. Что жа ты, голубчик, не весел лятаешь,
4. Не весел лятаешь, ня радуисси?
5. «Как жа мне, голубчику, весёлому быть,
6. Весёлому быти и радоваться?
7. Вечор у голубчика голубка была,
8. Голубка была да со мною сидела,
9. Со мною сидела и пила, и ела,
10. И пила, и ела, и руку дала,
11. По утру голубушка й-убита была,
12. Убита ляжала, застреленная.
13. Убили голубушку с боярска двора,
14. С боярска двора голубь из окна,
15. Из того оконица [2] касячитова,
16. Скрозь того стяколица хрустальчитова.
17. Бояри(в)скай сын да по саду гулял,
18. По саду гулял (да) ружельца пытал,
19. Ружельца пытал (да) в голубку попал».
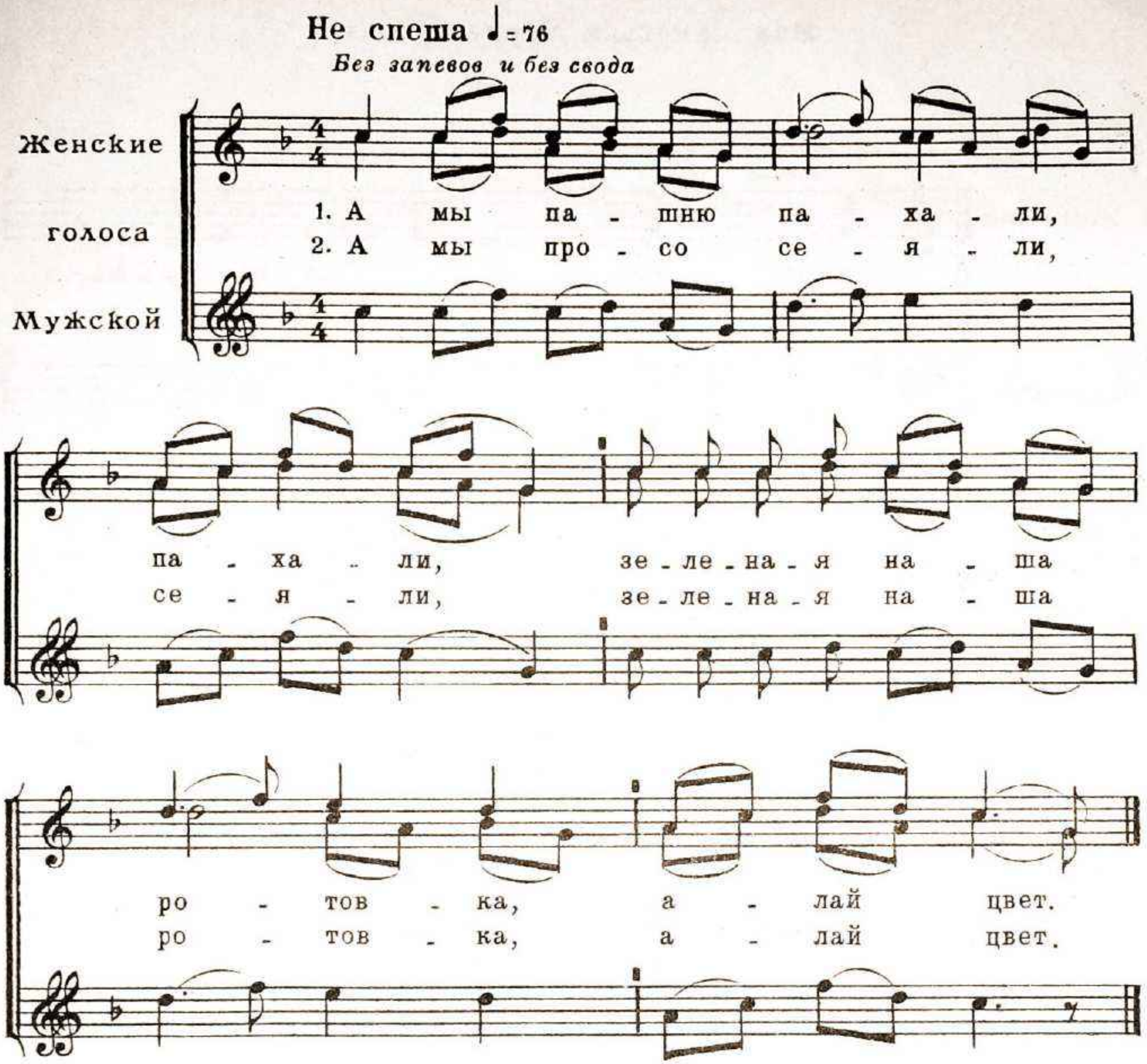
Станица Трех-Островянская, 1903.

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.
[2] Вар. «окошачка»

237. А МЫ ПАШНЮ ПАХАЛИ

На конях-то служим мы, служим мы!
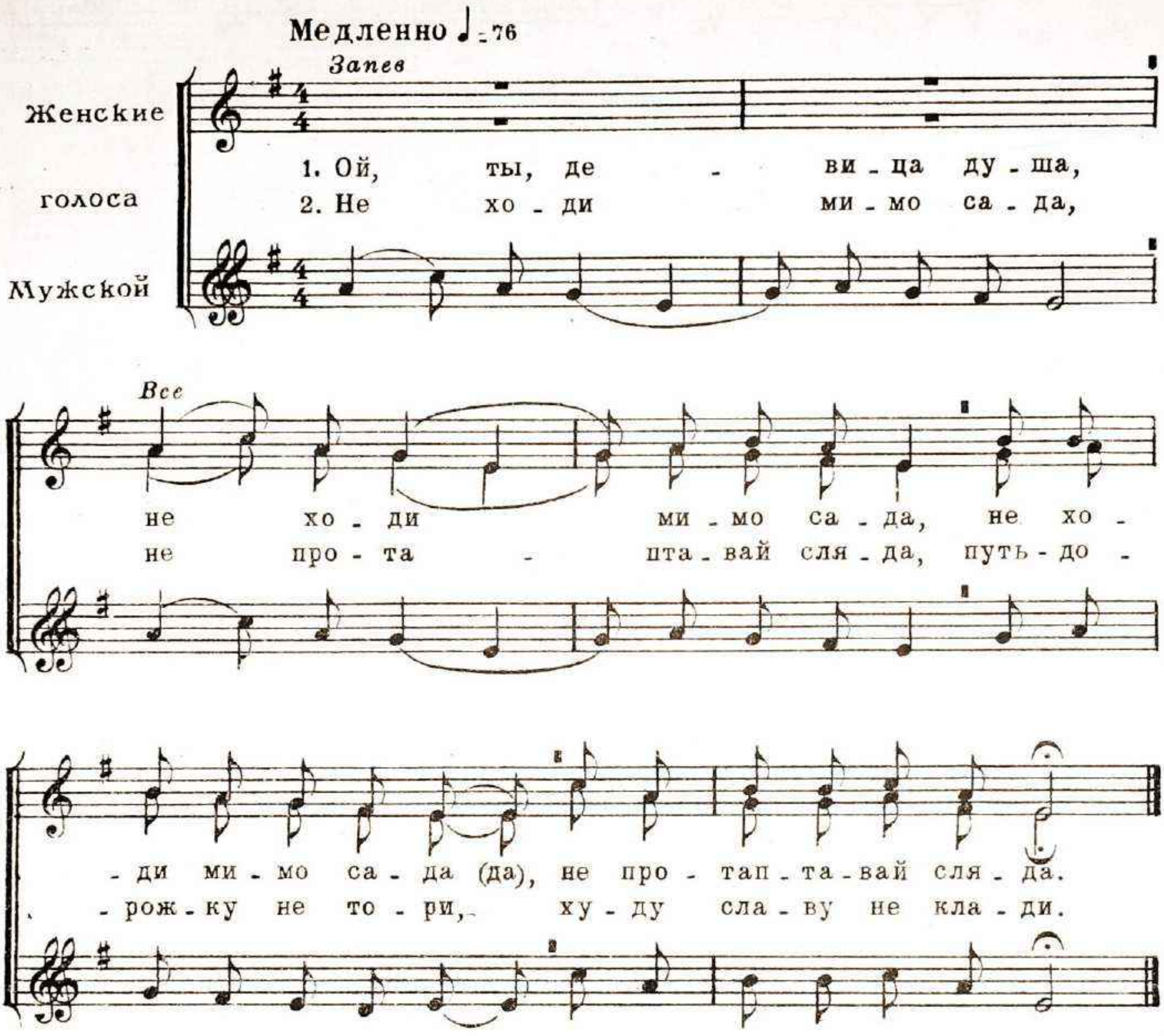

1. «А мы пашню пàхали, пàхали».
Припев: Зелёная наша ротовка —
Алай тьвет! [1]
2. — «А мы просо сеяли, сеяли».
3. «А мы просо вытопчем, вытопчем».
4. — «А чем же вам вытоптать, вытоптать?»
5. «А мы коней выпустим, выпустим!»
6. — «А мы коней выловим, выловим!»
7. «Зачем же вам выловить, выловить?»
8. — «А кони нам надобны, надобны!»
9. «Зачем же вам надобны, надобны?»
10. — «А на конях служим мы, служим мы!»

Станица Трех-Островянская, 1903.

[1] Припев после каждого стиха без изменений.

238. ОЙ, ТЫ, ДЕВИЦА ДУША

Моя маменька журит-бранит

1. Ой, ты, дёвица душа,
   Не ходи́ мимо сада́,

2. Не ходи мимо сада́ (да),
   Не протаптавай сляда,[1]

3. Путь дорожку не тори,
   Худу славу не клади,

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

4. Худа славушка пройдёт,
Никто замуж не возьмёт,—

5. Отцу-матери бесчесть,
Роду-племеню покор,

6. Роду-племеню покор.
Боюсь маменьки родной,

7. Моя маменькя люта (да),
Журит-бронит завсягда.

В виде заключения (исхода) добавляли, как необязательное,—одни пели, другие не пели:

8. Вот и песенки конца (да),
Нам по чарочке винца,

9. Нам по чарочке винца (да),
На закуску яблочка,
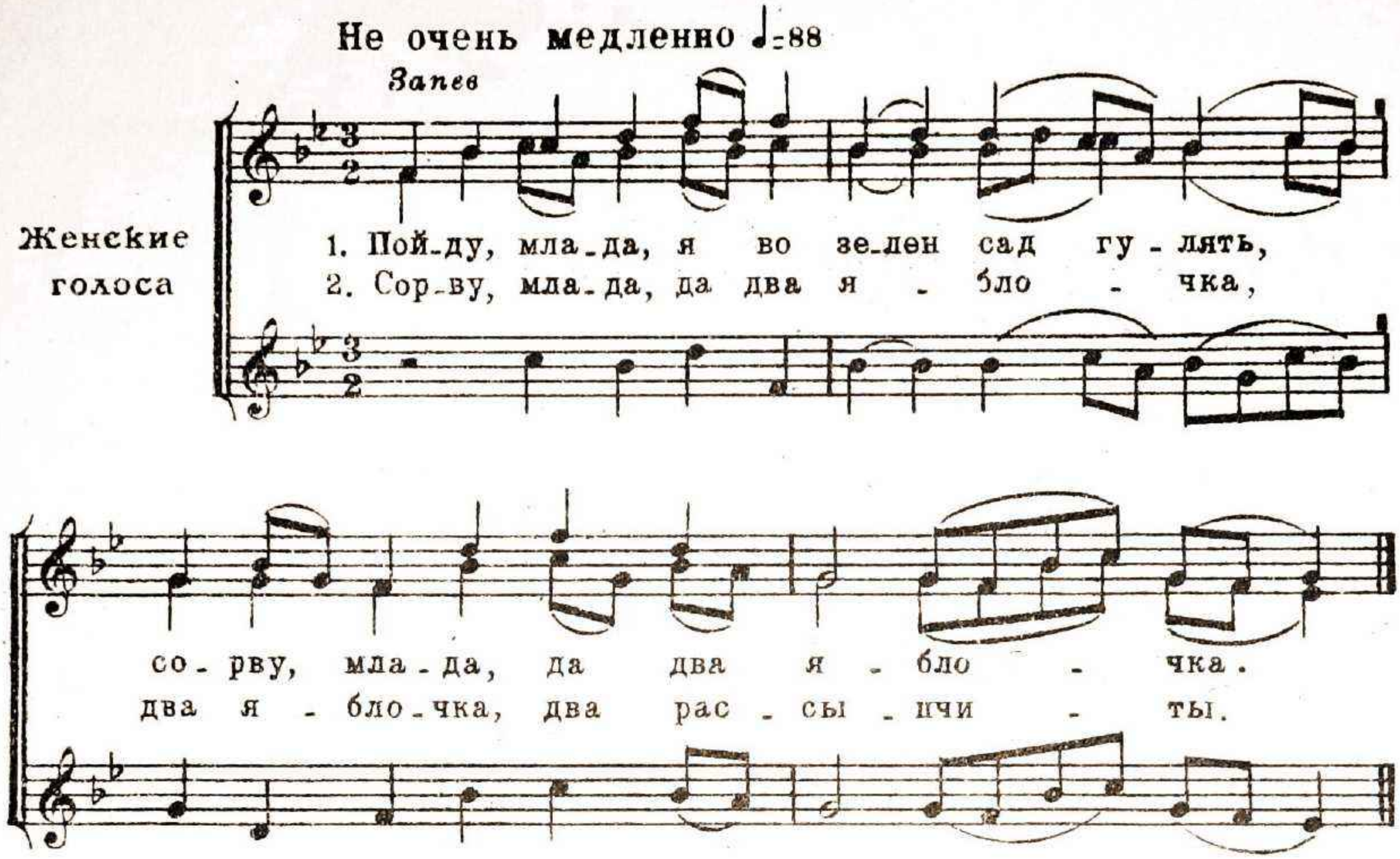
10. На закуску яблочка (да),
На забавку девочка![1]

Станица Ново-Некрасовская, 1940

[1] «Играли» песню женщины-некрасовки.

239. ПОЙДУ, МЛАДА

Пистолет милóму подарю

1. Пойду, млада, я во зелен сад гулять,
Сорву, млада, да два яблочка,[1]
Два яблочка, два рассыпчата.
Положу я их на блюдачку,

5. На блюдачку на серебрянаю,
На серебряну решёточку,
На решётку позолоченую.
Куда блюдечка повернется,
Туда яблочка покотится.

10. Повярнулась моя блюдечка,
Покатилась моя яблочка
Ко батюшки во широкай двор.
У батюшки пир-бяседушка,—
Сидят, стоят всё друзья-братья.

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

Они сидят всё по лавочкам,
Советнички по скамеечкам,
А мой милай супроти мене сидит.
Кивнёт, моргнёт, а сам встанет пойдёт,
Чтоб я, млада, догадалася,

Перед ним-то собиралася.
А мне, младой, не хотелося домой,—
Мне хотелося вдоль й-улицы пройтить,[1]
Вдоль й-улицы, мимо кузницы.
Во кузницы молодые кузняцы

Куют, куют да наваривают,
Сулят, сулят, разговаривают[2]
Посулили мне замочек со ключём,
А мне, младой, не хотелося замок,—
Хотелося пистолету да ружья,—

Из ружья братья постылого убьют,

Пистолет свому милому подарю.[3]
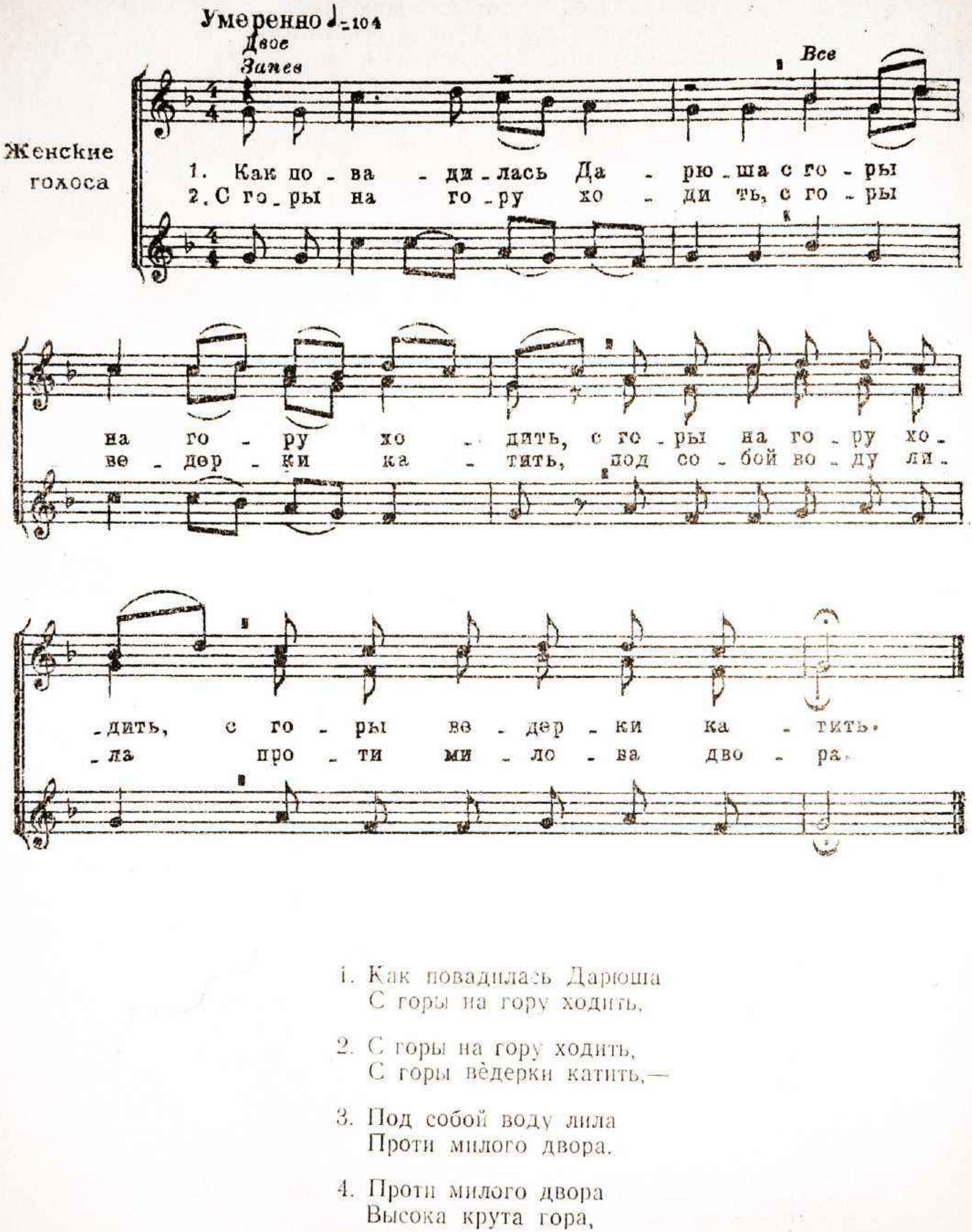
Станица Ново-Некрасовская, 1940.

---

[1] Вар. «А хотелося всё вдоль пройтить».
[2] Вар. «подговаривают».
[3] Вар. «Пистолетик я милому подарю».

240. КАК ПОВАДИЛАСЬ ДАРЮША

Подломился каблучок,- я упала на бочок

1. Как повадилась Дарюша
С горы на гору ходить,

2. С горы на гору ходить,
С горы вёдерки катить,—

3. Под собой воду лила
Проти милого двора.

4. Проти милого двора
Высока крута гора,

5. Высока гора крута,
Первым лёдом [1] улитà,

6. Первым лёдом [1] улитà
Башмачками й·убитà.

7. Окаяннай башмачёк —
Подломился каблучёк,

8. Подломился каблучёк,
Я упала на бочёк;

9. Не видала, как упала,
Оглянулася — ляжу:

10. Суды глядь, туды глядь,
Мене некому поднять!

11. Гляну, гляну наперёд,—
Сидит милай у ворот:

12. «Поди, милай, подыми,
Друг сердешнай, подхвати!»

13. «Я и рад ба поднять,
С стороны люди глядят:

14. Старой веры мужики,
Они сами дураки,—
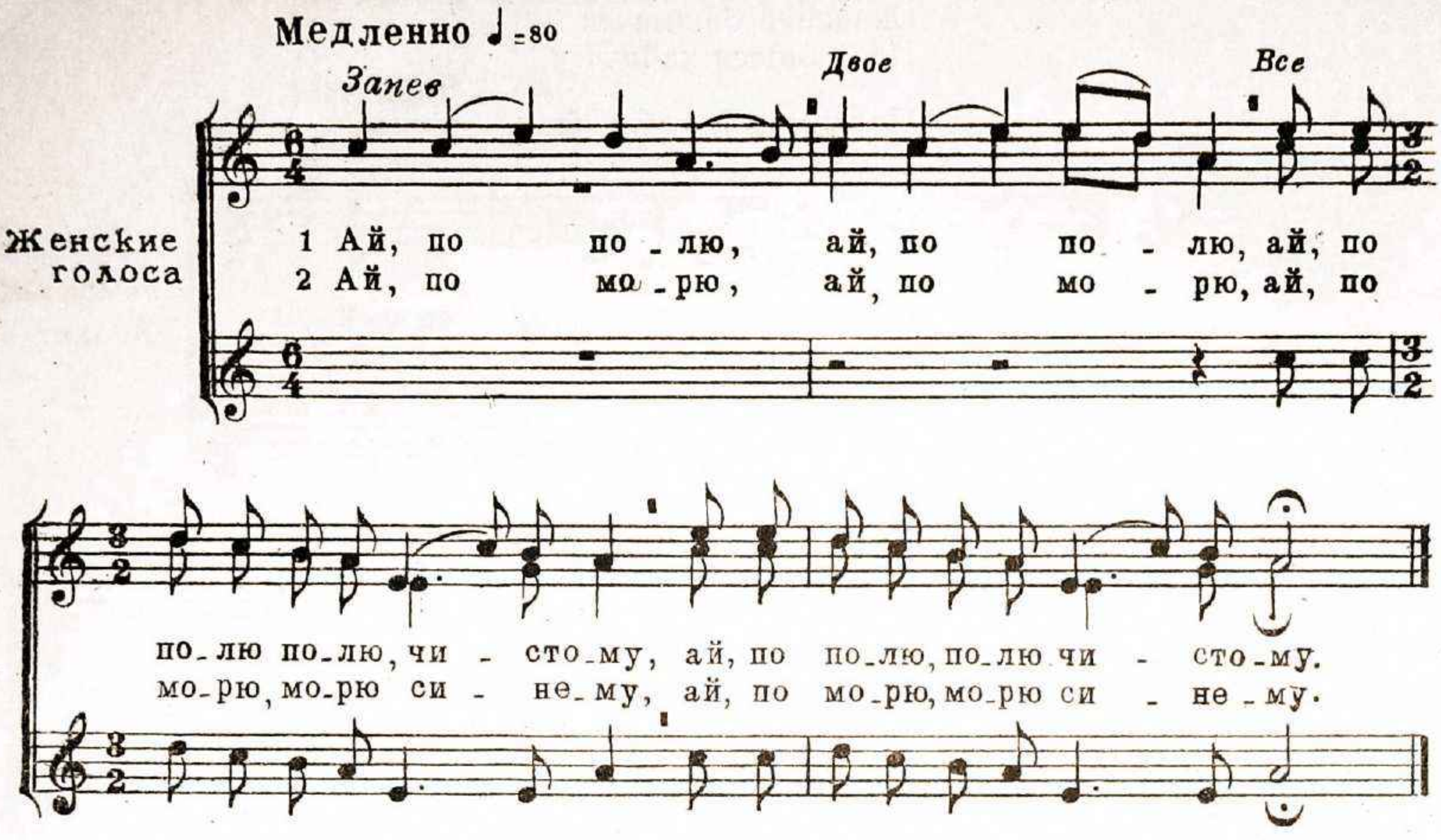
15. Они сами девок любят,
На ребят славу кладут!»

Станица Ново-Некрасовская, 1940

[1] Слышалось то «лёдом», то «мёдом».

241. АЙ, ПÒ ПОЛЮ

Соко̀л и лебеди белые

1. Ай, пò полю,
   Ай, по пòлю, пòлю чистому,

2. Ай, пò морю,
   Ай, по мòрю, мòрю синему

3. Плывет лебедь,
   Плывет лебедь са лебёдкою,

4. Са мелкими,
   Са мелкими с лебедятками.

5. Откуль взялсы,
   Откуль взялсы млад ясьмён соко̀л.

6. Хватил сокол,
   Хватил со̀кол лебедь белаю

7. За ту крыло,
   За ту крыло, крыло праваю,

8. За ту пяро,
   За ту пяро, пяро белаю.[1]

9. Начал штипать,
   Начал штипать лебедь белаю;

10. Пускал перья,
    Пускал перья по синю̀ морю,

11. А перушки,
    А перушки по чисту̀ полю,

12. А мелкай пух,
    А мелкай пух по дубровушке.

13. «Подуй, ветер,
    Подуй, ветер, сы восточику,

14. Прибей рыбку,
    Прибей рыбку к бережочику,

15. Ка жолтому,
    Ка жолтому ка пясочику!»
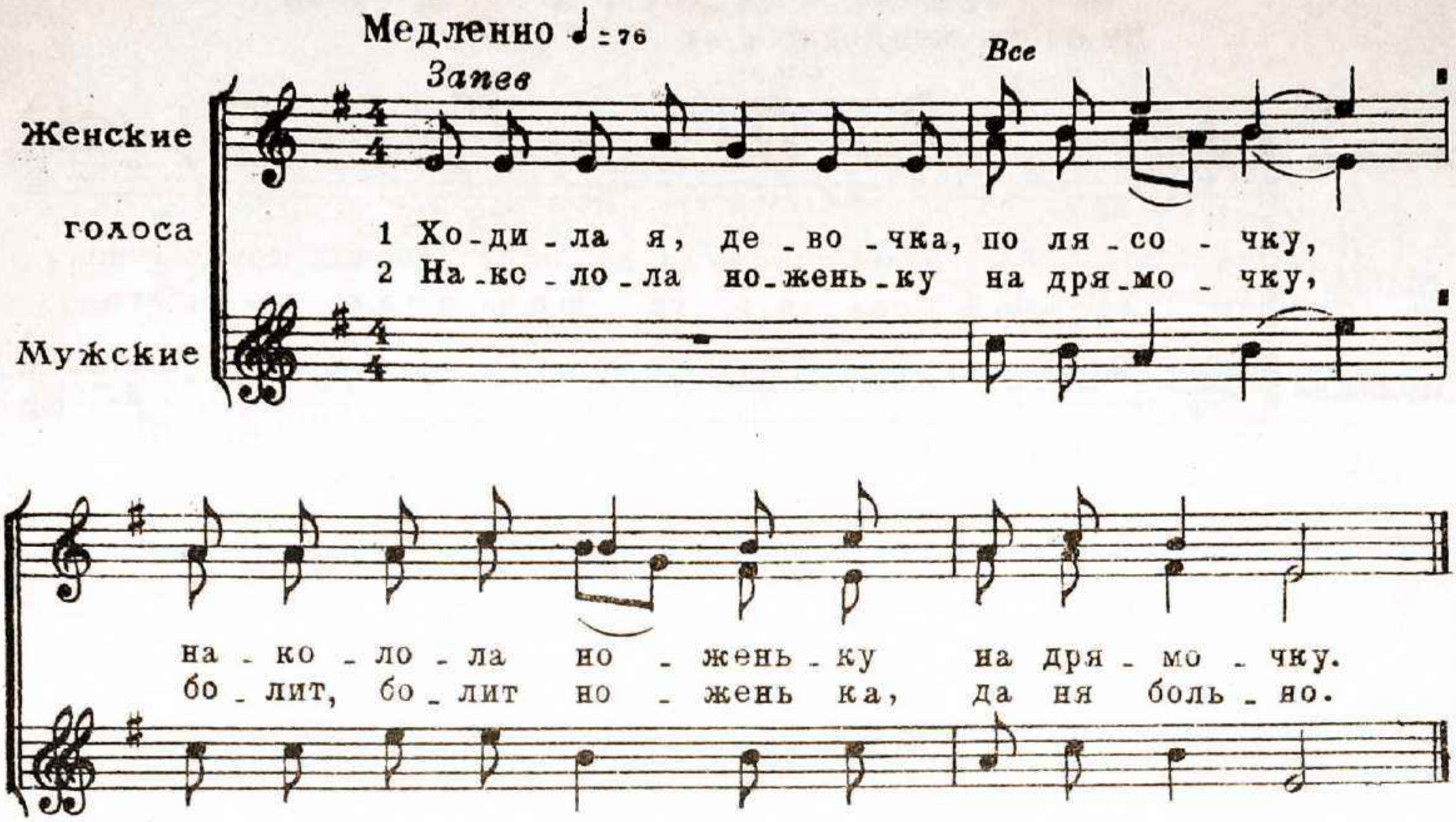
Станица Ново-Некрасовская, 1940.

---

[1] Вар. «За ту перушку за белаю».

242. ХОДИЛА Я, ДЕВОЧКА, ПО ЛЕСОЧКУ

Сын казачий и девочка

1. Ходила я, девочка, по лясочку,
Наколола ноженьку на дрямо́чку.[1]
Болит, болит ноженька, да ня больно,
Любил парень девочку, да ня долго,

5. Не долгая времечка—на часочек,
Показалось девочке сы годечек.
Поехал мой миленький в городочек,
А я за ним, девочка, во слядочек.
Гнала, гнала девица, не догнала,

10. Не догнамши, красная приостала,
Приостамши, девочка приоснула.
Наехал на девочку сын казачий.
Он коником топчет лишь, да ня стопчет,
Он плёточкой машет лишь, да ня вдарит,

15. Ласковым словечушком пробуждает:
«Вставай, вставай, девочка, поскорее,
Садись на повозочку посмелее.
А моя повозочка золотая,
А мои-то коники вороные,

20. А мои колёсочки налитые!»
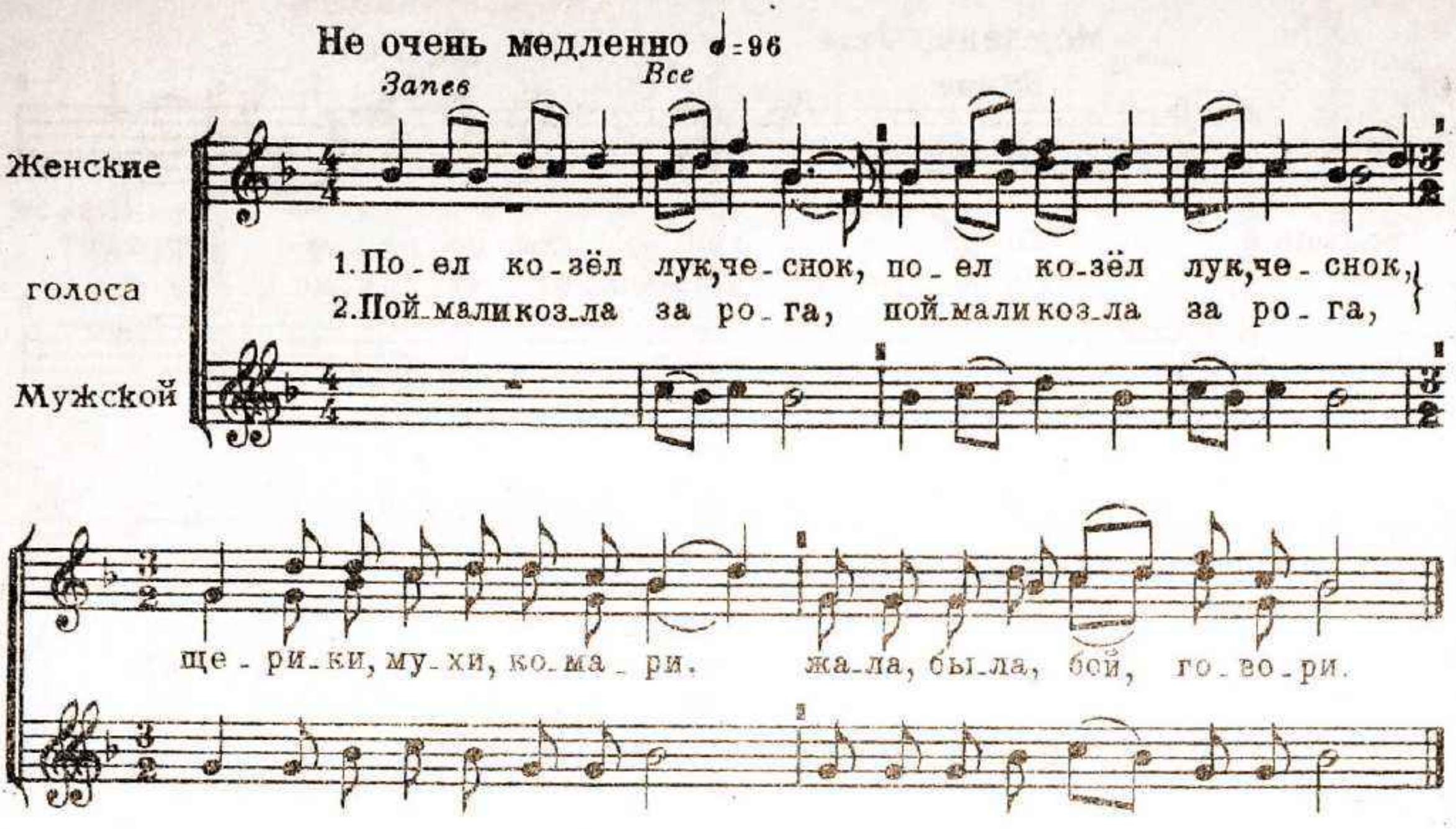
Станица Ново-Некрасовская, 1940.

---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется.

243. ПОЕЛ КОЗЕЛ ЛУК, ЧЕСНОК

Прòдали козла за трёшник

1. Поел козёл лук, чеснок.
   Щерики мухи-комари,[1]

Припев:

Жалà, была, бой-говори!

2. Поймали козла за рога,
3. Повяли козла на базар,
4. Прòдали козла за трёшник [2].
5. Один рублик [3] — бялилы,
6. Другой рублик—чарнилы,
7. Третий рублик — румяны.
8. «Ой, что жа ты всё бяла?»
9. — «Муку, сударь, сеялà!»
10. «Ой, что жа ты всё красна?»
11. — «Проти жару стоялà!»
12. «Ой, что жа ты всё чарна?»
13. —«Трубу, сударь, щистилà!»

Станица Ново-Некрасовская, 1949.
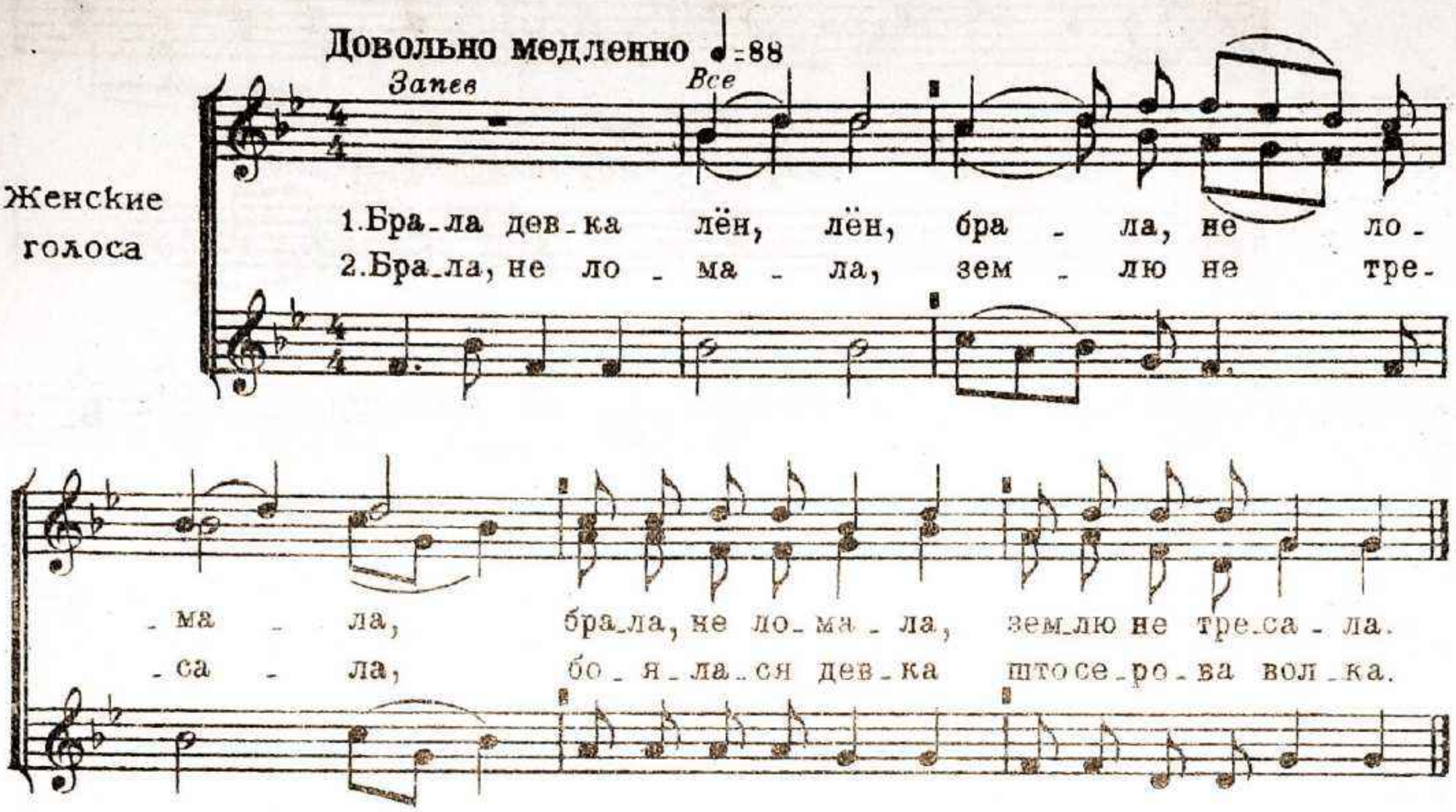
[1] Каждый стих поется два раза. Припев один для всех стихов. «Щерики — на вроде ящерки», — объяснила одна из песенниц.

[2] «Трёшник» — три рубля (ассигнациями).

[3] В произношении слышалось — «рупщик», «рупчик».

244. БРАЛА ДЕВКА ЛЕН, ЛЕН

Стоил девок хоровод, молодушек табунок

1. Брала девка лён, лён,
   Брала не ломала,
2. Брала не ломала,
   Землю не прясала.[1]
3. Боялася девка,
   Что серого во́лка:
4. «Я волка́ не боюсь,
   Что вон боля рыжай!»
5. Что вон боля рыжай,—
   Парень девки выше.
6. Как у наших у ворот
   Стоял девок карагод.
7. Стоял девок карагод,
   Молодушек табунок.
8. Отколь взялся паренёк,
   Схватил девку поперёк.
9. Схватил девку поперёк
   За тоненький животок.
10. За тоненький животок,
    За шалко́вай поясок.
11. «Постой, парень, не валяй,
    Сарафан мой не марай!
12. Дорожунькя торна,
    Итить домой тёмно.
13. Дорожунькя пыльна,
    Итить домой стыдно».

Станица Приморско-Ахтарская, 1940.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

245. СОЛОВЕЙ МОЙ, СОЛОВЕЙ

Болит сердечко

1. Соловей мой, соловей,
   Не летай, мой соловей,
2. Не летай, мой соловей,
   По зелёнай по траве! [1]
3. Не садися, соловей,
   На калиновай кусток,
4. На калиновай кусток,
   На малиновай листок.
5. «Кабы кустичик ня мил,
   Соловей гняздо ня вил,
6. Соловей гняздо ня вил,
   Сабе пташек не манил;
7. Я ня била б чеботы,
   Не сушила животы.
8. Перва лента й-алая —
   Печаль девки малая,
9. А другая голубая —
   По ней славушка худая,
10. А третия со кистёй —
    Идет милай с радостей,
11. Со голенькай слободы,
    Со вяликай со бяды,
12. Быстра речушка бяжит,
    Худа славушка ляжит.
13. Серебрина колéчка,—
    Болит моя сердечка;
14. Золотой мой перстенёк
    Сушит, крушит животок.

Станица Приморско-Ахтарская, 1940.

---

[1] Каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Цифрами обозначены №№ песен

17 Из двух вариантов этой песни—настоящего, екатерининского, хороводно-плясового, и раздорского на Маныче—«На горе калинушка» (т. IV № 220), раздорский, сохранив типично вешний, полупротяжный напев, утерял в тексте форму игровой песни, многочастную форму противопоставления, в то время как екатерининский (№ 17) именно последнюю сохранил, ускорив, наоборот, темп и ритм напева до степени хороводной плясовой песни. С общеизвестным русским минорным напевом «Во поле береза» донской мажорный напев этой донской песни сходства не имеет.

32 «Донец, приток Дона, издавна назывался Северским, вытекающим из Северской земли древней Руси, где нынче находятся Чернигов и Курск, а также городок Новгород Северский. Часто называли и называют Донец и Северным, хотя «Южного» Донца и не существует (Котович. «По Дону и Северскому Донцу», 1939).

«Калитовская» станица — Усть-Белокалитвенская (в обыденной речи). «Катяриновская» — бывшая Екатерининская, ныне Красно-Донецкая. Речка «Быстрая» впадает в Донец у хутора Усть-Быстрого Екатерининской станицы.

34 Эту песню поют «засидевшимся» гостям. Гости или не слышат, увлеченные разговорами или песнями, или решили не слышать.

— Хотитя, чтоб мы вам еще сыграли? Ну, слухайтя!—говорят им и поют следующую песню—«Бывалача, гости...»

35.—Вот тебе—дождались, досиделись! Скоро, видно, и правда, по шее дадут. Надо по домам!—говорят гости. (Чаще всего песенку эту запевают сами гости, засидевшиеся и уставшие, собираясь уходить, чтобы наутро подняться к работе или к продолжению гулянья, если еще не кончили).

37 Начиная с № 37 по 43-й включительно идет ряд скорых, гулебно-компаньичных песен (Екатерининской станицы), исполнявшихся казаками не только в домашнем быту, но и в быту внешнем, военном (мужском), на службе, в полку, в качестве песен строевых или песен военного досуга—плясовых, а потому и именуемых «казачьими», т. е. мужскими, в отличие от «бабьих»—женских. То же наблюдается и в других станицах.

40 В сборнике Орлова «Девять хоров», как и в сборнике «Песни донских и кубанских казаков», 1937 (изд. Музгиза), песня эта начинается так: «Полянка, полянка, полянка моя», причем слово «Полянка» Орловым производится от женского имени «Пелагия». Это неправильно.

Первоначальный текст этой песни, имеющийся в сборнике Пивоварова 1885 года, изданном на 19 лет раньше сборника Аристова (изд. 1904), откуда заимствована песня Орловым, следующий: «Панянка, панянка, панянка моя, ой где ж ты, паняночка, погуливала».

«Панянка», а не «Полянка». Запись моя, сделанная на Дону в 1895 году (т. е. на 9 лет раньше Аристова), также поет о «панянке». Слова «панна», «панянка», «панья» (см. песни №№ 31, 54а, 104)—польские и завезены на Дон казаками (долгие годы служившими в Польше), иногда—вместе с польками («паненками»), на которых казаки и женились. В числе польских слов, получивших на Дону право гражданства, широко известно, например, слово «жалмерка»—от польского слова «жолнёр»—солдат. Эта песня (№ 40) была сложена на Дону, подтверждением чему служит факт отсутствия ее в сборниках русских песен, за исключением упомянутого сборника Аристова, где она именуется «казацкой».

43 Эти две песни—«Пчёлочка» и «Весельѣ»—имеют каждая свою любопытную историю. Обе они с давних пор получили распространение на Дону в репертуаре донцов-песенников.

Текст «Пчёлочки» сочинен Державиным, выдающимся русским поэтом конца XVIII—начала XIX вв. Многие из его стихотворений сделались чрезвычайно популярными. «Пчёлочку» же в собственной казачьей переработке текста и с собственным же народным напевом казаки до сего времени охотно распевают, как свою казачью песню, с залихватским присвистом, бубнами и бунчуками. Песне этой по меньшей мере полтора века.

Значительно старше «Веселыѣ», принадлежащие творчеству скоморохов времен царя Алексея Михайловича, который из набожного усердия преследовал и песню и ее «умельцев»—скоморохов. На уме у этих «беззаботных, буйных голов, плохо подчинявшихся требованиям порядка и устава мирной гражданской жизни, была одна гульба и молодечество, полный простор вольного бродячего житья, нередко переходившие в простой грабеж» (Михневич В. «Очерки истории музыки в России», 1879).

Лихую славу «веселыѣх» и воспела эта народная песня, по убеждению историка, сложенная ими самими.

Для донцов песенников хутора Насонтова Екатерининской (ныне Красно-Донецкой) станицы, где записана эта песня, она оказалась тем более близкой, что в ней упоминается о «гудушках» и «струнушках»,—о гудке с его струнами, древнейшем и своеобразнейшем музыкальном инструменте, каким-то чудом сохранившимся почти до наших дней в районе двух казачьих станиц по Донцу—Екатерининской и Усть-Белокалитвенской и в хуторе Насонтове, в частности, под названиями «рыле́» («рыле́юшка») и «гудок». Под аккомпанемент гудка насонтовцы песенники Егор и Аким Сергеевичи Евлаховы с рылешником Костéем Евдокимовичем Адамовым распевали песню эту в «гульбах» и «компаниях».

(О «рыле» и рылешниках см. в статье А. М. Листопадова «Народная казачья песня на Дону», перепечатываемой в настоящем сборнике, стр. 20 и след.)

74 Если здесь «тольские, польские»—не простое созвучие, то не есть ли это удержавшееся в песне воспоминание о «польских панах» станицы Старочеркасской второй половины прошлого столетия? По сообщению М. Харузина («Сведения о казацких общинах на Дону», 1885), «польскими панами» там почему-то назывались богатеи, которые при очередных переделах общественной казачьей земли «не дремали» и разными махинациями присваивали увеличенные и более удобные паи. Однажды они дошли даже до суда и путем нажима на судей «дело выиграли». На радостях они в один вечер прокутили 700 рублей. «Дело они выиграли,—сообщает автор,—но во мнении общества окончательно пали. Станица вознегодовала и на сходе порешила выселить нарушителей закона».

87 Эту песню составили Сигней Неживов и Иван Неживов в 1895 г. Упомянутые в песне лица:

Михаил Михайлович Васильев,	род.	в	1868 г.
Астах Тимофеевич Титов	»	»	1860 г.
Аким Петрович Манохин	»	»	1863 г.
Сигней Степанович Неживов	»	»	1858 г.
Ефим Матвеевич Финаев	»	»	1842 г.—атаман.

92 «Кундюбочка»—ласкательное название женщины-казачки, маленькой, хорошенькой, живой и затейливой. «Это жа—бабочка тараторочка, разбабёночка!»—выразился один из песенников. К казакам-мужчинам также применяется этот эпитет: «Он у нас такой танцура, сам кундюбенький!» (Миртов. «Донской словарь», 1929)

94 Исполнители:

Зубкова Евдокия, Вешенского района, хутора Пигарева (Дуся); Попова Евдокия, Каменской станицы, хутора Глубокого; Иванов: Михаил Димитриевич, Бело-Калитвенской станицы, Рыжов, Бирюлин, Сидоров, Алпатов и многие другие.

96 Песня, повидимому, восходит к тому времени, когда в некоторых войсках головным убором служила шляпа с пером (с плюмажем),—возможно, к рубежу XVIII и XIX столетий.

109 В низовых станицах по Дону и по Донцу так же начинается протяжная, лирическая, любимая казаками песня о проводах тремя сестрами на службу «гостя дорогого—братуши родного», песня военно-бытового, походного характера, более широкая по содержанию и складу (см. т. II № 36).

111. В старину на Дону бывали случаи, когда маломощная казачья семья, нуждаясь в рабочих руках, женила мальчишку-подростка на взрослой девке, а то и на вдове. Само собою разумеется, случаи такие приводили к тому, что фактическим главою семьи являлся не малолетний муж, а жена, которая до поры-времени и учила мужа уму-разуму, пока подросший муж не забирал над женой верх.

От тех времен и сохранилась у донских казаков приводимая песня.

112 Первыми тремя стихами эта песня напоминает девичью песню Екатерининской станицы «Уж вы, девочки, красоточки мои» (т. IV, № 212) и песню Богаевской станицы «Ай, вы, девочки, гаркушечки мои»—№ 143.

121 По словам песенников, эту песню «играли в беседах, в кампаньях и при всех законных дялах,—на свадьбе». «Она жа песня ласковая! А хучь и на́ поля едешь, лишь бы не дрямать».

122 На вопрос, давняя это песня или из новых, один из песенников ответил: «Песня эта сложена давно, еще не при нашей памяти: когда старики из Грузии пришли, бабы ее уже играли. А мы и по сей день играем,—дюжа веселая!»

132 В 80-х и 90-х годах прошлого столетия можно было слышать эту песню в станицах Новочеркасской, Кривянской и придонских от казаков, проезжающих по улицам в конном строю, а еще чаще приходилось слышать ее в «гульбах-компаниях». Тогда она и была усвоена собирателем, а потом и записана.

136 В числе пяти некрасовских песен в сборник включены два близких варианта одной песни: «Сударушка» и «Вечор я был». Записаны оба в 1940 г., один—в станице Приморско-Ахтарской, другой—в Ново-Некрасовской. Вообще включать в сборник близкие варианты одной и той же песни я избегал, если они в большей части повторяют один другой, и останавливался на лучшем из них. Однако живой фольклор рубежа XVII и XVIII вв., каковым является именно фольклор некрасовский, исторически такая редкость и такая исключительная научная ценность, что отбрасывать даже очень близкие варианты я не счел целесообразным, тем более, что оба они представляют несомненный интерес для сравнения и со стороны словесного текста и со стороны напева.

138 Поющие становятся в круг, взявшись за руки.

139 В один из праздничных дней весны молодые бабы и девушки убирают зеленую ветку «застёжками» (ленточками), монистами и т. п. и ходят с нею по улицам, «играя» эту песню и другие.

За несколько дней до этого уговариваются: «Иде жа, бабочки и девочки, ссыпаться будем?» Это означает, что каждая должна принести с собой либо то, либо другое. «Сносятся» (т. е. складывают принесенное) в чей-нибудь курень по уговору. Главное, чтобы было угощение,—вино, водка, закуска; угощаются после того, как походят с песнями по улицам.

141 Эта песня бытовала и как весенняя ходовая, и тогда исполнялась в замедленном темпе, «спроволока», и как уличная, «танковая», исполнявшаяся в темпе более скором, «частом».

В станицах по Дону песня игралась весной на троицу, а также осенью—после «Ходила я, девочка» (№ 97).

Вообще же на Дону она была в большом употреблении в весенние дни.

В. Б. Броневский, автор «Описания земли Донской» (изд. 1834 г.), говоря об угощении, сопровождающем троицкое гуляние

молодежи, замечает, что «в продолжение угощения все собрание напевает песню, приличную времени и празднику:

Грушица, грушица моя,
Грушица зелёная моя,
Под грущицей дѐвица сидит,
Печальные речи говорит:
Нынче худые времена,—
Сушат жён хорошие мужья,
А девушек дальние друзья».

142 Играющие становились в два ряда, один против другого. В центре одного ряда—«невеста», девица, в другом —молодец, «жених», которого изображала одна из играющих. Начинала сторона девицы, в такт песне медленно выступая к противной стороне и, поклонившись, отходила обратно, пятясь назад. Перед ней, лицом к лицу, с ответным стихом двигалась женихова сторона.

143 Эту песню поют после «А мы пашню пахали» (№ 142). Во время пения последней строфы невестина сторона кланяется жениху. Невеста становится рядом с ним. Снова начинают «А мы пашню пахали» для выбора другой пары.

В этой же станице (Екатерининской) записана свадебная песня, упоминающая «Литву» в обряде продажи невесты малолетними братьями женихову поезду перед отправлением к венцу:

Не вступай, Литва, не вступай!
Будем мы с тобой всё биться:
Будем воевать,
Сестру не (о)тдавать!
(см. т. V, № 212)

В обоих этих текстах о Литве обращает на себя внимание их военно-бытовой характер, в одном противопоставляющийся торговому моменту свадьбы, принесенному из русского быта, в другом—отмечающий боевое удальство жениха, последовательно повышающееся и переводящее «доброго молодца» из низшей в высшую степень «удалого» и «разудалого», которому «низкий поклон».

146 Игра.

Девушки ходят кругом одна за другой,—впереди «жена», за ней «муж». При словах «Ты бери» муж кладет на плечо жене платочек. Жена сбрасывает платок. То же—во время пения следующих строф. При словах «поцелует» жена оборачивается и целует мужа. Платочек остается у нее на плече.

147 Игра.

Круг за руки. Одна из играющих, представляющая перепелку, находясь в кругу и приплясывая, выполняет в действиях слова песни, указывая то на голову, то на плечи и т. д.

148 Играющие ходят «сторона проть стороны», выполняя слова песни; клобук чернеца заменяется головным платком.

149 Эту песню «играли» и по весне, как «улицы» начнутся, и осенью, «самое—в молотьбу». «Тронемся карагодом с места, пойдем по улице и играем!»

151 Все четыре новогодние величальные песни поются на один и тот же напев.

161 Карагод, парами под руку, ходит кругом. «Играют» эту веснянку и сидя где-нибудь на «заваленке» перед домом или прямо на траве.

162 — Давайтя алима сыграем!

Играющие садятся кружком. «Алим»—в середине, под песню ходит, выбирает кто люб. Целует. Тот (или та) поднимается и идет, а бывший «алим» садится на его место. Игра продолжается.

163 Ходят карагодом,—кругом, друг за другом.

Описание игры

168 Карагод делится на две стороны, которые становятся одна против другой.

Начинает игру первая сторона, двигаясь с пением нечетного стиха вокруг второй, стоящей на месте.

I o-o-o-o-o-o-o-o-o-o-o-o
o o o o o o o o o o o o II

Когда первая кончит стих и остановится на прежнем месте, идет вторая с четным стихом, в противоположную сторону.

I o o o o o o o o o o o o
o-o-o-o-o-o-o-o-o-o-o-o II

При последнем стихе ворота второй стороны раздвигаются, под ними проходит первая. Перед тем местом, где находится намеченная к захвату девица, ворота опускаются, и ее оставляют у себя.

Игра продолжается: начинает сторона вторая.

О «цыганке», упомянутой в 13-й строфе, один из песенников говорил:

— Больше нигде по Дону не услышите «цыганку». Это потому, что нашу станицу дражнют «цыганами».

173 Хоровод (круг за руки) кружится то в одну, то в другую сторону. В середине круга «Борис». Круг останавливается. «Борис» кланяется то невесте, то тестю и т. д. Во время пения строф 4, 8, 12, 16, 20 изображает просьбу.

174 Игралась эта песня на уличных игрищах и карагодах. Играющие становились ряд против ряда. Идет первый ряд и поет первую строфу с припевом, затем возвращается на место. Следом за ним двигается второй ряд с следующим двустишием, переманивая журавку к себе. Так идет игра, пока не перейдут из первого ряда все. Остается одна журавушка. Ей завязывают глаза, и она бросается ловить себе пару. Игра начинается снова.

175 Обычай похорон Костромы, изображающий проводы весны, давно исчез на Дону, и обряд этот, совершавшийся в старое время при участии стариков, превратился в простую игру. Заключается она в следующем.

Один или одна из играющих, чаще всего молодой, веселый казачёк-малолеток, изображающий Кострому, ложится на землю,— где травки побольше, чтобы не больно было, как бросать будут. Карагод идет кругом и поет. По окончании песни кто-нибудь спрашивает:

— Чего Кострома делает?

— Собирается помирать!—кричит карагод, и, повторяя песню, трогается в путь. Кончат песню и спрашивают опять:

— «Что наша Кострома?

— Помирает!..

А какая-нибудь шутница добавляет, что «отказывает Кострома» тому то-то, другому то.

После следующего обхода спрашивают в третий раз:

— Что Кострома?

— Померла. Просила на похороны!

Кострому поднимают и несут «хоронить» с той же песней. По окончании бросают на землю и разбегаются. Кострома вскакивает и ловит убегающих.

176 Участники игры стоят в одну линию, взявшись за руки, и поют, пока плетень не заплетется. Заплетание производится следующим образом.

Крайняя пара справа поднимает руки. Под ними проходит весь карагод, начиная с крайней левой пары. После этого первая пара переворачивается в сторону движения карагода. Затем карагод проходит под поднятыми руками второй пары и т. д., пока не заплетутся все, после чего начинается «расплетание» плетня под пение 2-го четверостишия.

«Расплетаться» начинает бывшая последняя пара. Крайний из нее поворачивается налево, проходит под рукой второго и третьего играющего, за ним выплетается второй и вместе с первым проходит под рукой 3-го и 4-го и т. д., пока все не расплетутся.

179 Игра.

Карагод ходит вокруг «Яньки». Он лежит на земле,—его грабят девушки, изображая стаскиванье сапог, кушака и т. д.

180 Старики Алексеевской станицы (в год записи—1903-й) жаловались, что атаман разгоняет карагоды, не велит песни играть, сажает в «казёнку» (кутузку).

183 Игра.

Играющие разделяются на две стороны, становятся лицом к лицу и, взявшись за руки, ходят медленным шагом одна против другой. В то время, как одна сторона, окончив свой стих, возвращается на свое место, другая со следующим стихом выступает вперед вслед за первой.

После этой песни непосредственно и без перерыва переходят к следующей—«Наварим мы пива» (№ 184).

184 Эту песню поют непосредственно после предыдущей. По окончании последней обе стороны карагода, схватываясь в круг, запевают «Пиво» и продолжают игру, выполняя всё, что предписывает песня.

185 Карагод, взявшись за руки, движется кругом. В середине парень с девушкой—«муж и жена»—изображают то, о чем говорит песня. «Муж» кладет на плечо «жене» платок, примеривая его. «Жене» это не по душе; она отворачивается... При последних словах песни «жена» целует «мужа».

— Да хучь кому довядися плеть,—говорит одна из песенниц,—поцалуешь небось!

186 Круг за руки. В кругу один или одна из участвующих с венком в руках или с платком, заменяющим венок. В указанных местах круг останавливается или вновь двигается, в соответствии со словами песни.

187 Игра.

«Хозяин» в кругу ходит-похаживает, выбирает «умницу»— китайскую, казанскую и рязанскую. Первая сбирает постель, вторая кладет платочек (подушечку), третья несет одеяльце. «Хозяин» целует каждую.

188 Поют сидя, без игры.

189 Игра.

Круг за руки. В кругу три молодца. Каждый выбирает себе одну из девушек, проделывая все то, о чем говорится в песне. Игра заканчивается поцелуями.

190 В кругу «царевна». За кругом—«царевич». Он ходит, разрывает круг («отворяет ворота»), входит, выбирает («кланяется»), кладет правую руку на левое плечо «царевны», прижимает ее к сердцу, целует, берет за руку и выводит за круг.

191 Поют без игры, двигаясь карагодом («стеной») по улице, взявшись за руки или сидя.

192 Среди круга шест с куделью или прялка; за ней сидит девушка, изображающая «дрему» и выполняет все по песне. Карагод ходит кругом. Игралась «дрема» в последний день пасхальной недели.

193 В кругу два «князя». Каждый, выбрав себе девицу, роняет перед ней «шляпу». Девицы во время пения последней строфы поднимают «шляпу» и надевают каждая своему «князю».

194 В кругу ведущих карагод «она» и «он».

Песня эта в месте записи считается весенней и исполняется с игрой. В других станицах по Дону «играют» ее в гульбах и компаниях. Казаки любят петь ее в конном строю при бубнах, ложках и бунчуках.

195 Игра.

В кругу ходит один из играющих, изображает, как пашут под лен, как сеют, волочат и т. д.

196 Игра.

В кругу старичок. Карагод ходит и поет. По окончании песни останавливается и спрашивает:

I. Старичок, старичок, не поспел ли мачок?
— Нет ишо!
— Чаво жа?
— Запрягаю быков!
Карагод трогается опять...
II.— Старичок, старичок!.. и т. д.
— Начинаю засявать.
После третьего круга:
III.— Засеял! Что господь даст!
После четвертого:
IV.— Через неделечку!
«Что-то долго зреет!»
Старичок молчит.
После пятого:
V.— Да он у тебя, видно, не поспеет! Скоро, ай нет?
— Скоро, мои бабочки, девушки, скоро!
VI.— После шестого круга набрасываются на деда и долбят его:
— Отдай наш мак!

197 Хороводная—круг за руки.

200 Игра.

Круг за руки. В кругу впереди «утица», за нею «селезень». Стараясь убежать, она ныряет под руки. Эта песня исполняется вслед за предыдущей.

201 Круг — рука за руку.

«Эта,— говорили казаки Добринской станицы,—наша песня! Наши выйдут на бугор и давай по весне хороводы водить да котовских дражнить!» (станица Котовская видна с добринского бугра).

204 Пение этой песни, равно как и двух следующих, начиналось на «Красную Горку» и шло до «Русальского заговенья». С давних пор в Дурновской станице на Бузулуке существовал обычай, о котором в начале нынешнего столетия старики лишь вспоминали. Женщины казачки, молодые и старые, собирались где-нибудь в одном месте, «ссыпались», т. е. сносили крашеные яйца, клали их на деревянный поднос и шли с песнями к станичному атаману, который к тому времени должен был находиться в станичном правлении. Атаман встречал пришедших, принимал подарок и отдаривал в свою очередь угощением. После угощения каза́чки водили карагод (круг за руки) с пением этих песен на майдане перед правлением.

210 Карагод—друг за дружкой, кругом. Ходовая, вешняя, без игры.

213 Игра, так же, как в Петровской станице (см. № 196).

218 Игралась на «троицкое заговенье». Шли по улице в венках, друг за дружкой, взявшись за руки. При словах «растворяй ворота» крайняя (первая) пара поднимала руки и все проходили под ними. Эта пара поворачивалась под своими руками и становилась задней,—и так, «с игрой», карагод шел до реки. С венками на головах, в одежде купались; венки срывали с головы, и они плыли вниз по воде.

В станицах Березовской и Етеревской под эту песню заплетали плетень (части I и II). Когда пели III, IV, V и VI,—расплетали.

220 Весенняя, «ходовая»: карагод идет по улице и поет.

221 Круг за руки. В кругу ходят молодец и девушка. Песня поется три раза. Два раза девушка отказывается поднять шляпу. В третий раз поднимает, надевает молодцу на голову и целует его.

226 Карагод сидит кругом. В кругу «заинька». Сначала он ходит один, затем начинает целовать девушек, одну за другой по порядку. Те, кого он целует, поднимаются и следуют за «заинькой», выполняя все то, о чем упоминается в песне.

227 Круг — карагодом друг за дружкой.

228 Карагод друг за дружкой—кругом.

229 Эта песня Глазуновской станицы имеет своим продолжением очень интересный, аллегорического характера текст «Девица—заря утренняя», записанный в 1903 г. вместе с напевом в станице Еланской и помещенный в III томе (№ 183). В напевах нет сходства.

230 Игра.

Карагод—круг за руки. В кругу «утушка», за кругом «селезень». В конце песни «утушка» идет за круг и целует «селезня». Пара играющих, под руками которой прошла «утушка», меняется местами с «утушкой» и «селезнем», а первая пара становится в карагод.

233 Идут «стеной» по улице, проходя в «ворота» с одной стороны, потом с другой. Песня ходовая, карагодная.

234 Карагод, играя, показывает жестами ответы: «вот как, вот этак!»

237 Ходят кругом парами, отвечая одна другой. В конце песни соединяются в общий карагод. В игре участвуют и женщины и мужчины.

239 Игралась песня в «беседе» и когда «крыло водили».

240 «Играли, как крыло водили, а то—как после беседы по домам пойдут», говорила К. С. Макарчикова.

241 Эта песня игралась «карагодом на ходу».

242 Вешняя, карагодная. Играли и осенью.

244 «Играли, как крыло на масляной водили», говорили исполнители.

245 Карагодная, круговая, девичья.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[1]

Бело-Калитвенская, станица (Калитовская) 32а
Березовский, хутор (Берёзовка) 105
Борисовский, хутор (Борисовка) 118
Быстрая, река (Быстра) 7,32а.
Быстрянская, станица, см. Усть-Быстрянская
Варшава, город 117
Весёлый, хутор 122
Грачики, хутор 87
Дон, Тихий Дон 40, 70, 75, 129
Донец, Северный Донец (река стар. Сиверский Донец) 32а
Дунай, Тихий Дунай, река 11, 57, 75, 101, 120, 123, 207, 221
Екатерининская, сейчас Красно-Донецкая, станица 32а
Казань, город 145, 187
Китай (Титай) 211
Китай-город, стар. наименование торговой части г. Москвы, 146, 185, 187
Котовская станица (Котовский стан.) 201
Курмоярская, станица, см. Нижне-Курмоярская
Литва 143
Майнос, озеро в Турции, 136
Москва, город 141, 143, 203, 231
Нижне-Курмоярская, станица 128
Петербург, сейчас Ленинград (Питер, Питянбур) 74, 117
Ростов на Дону, город 73, 122, 145
Рязань, город 187
Самара, река 103
Старочеркасск (Черкассков город) 19
Усть-Быстрянская, станица, 4, 32а
Усть-Медведицкая, станица, сейчас город Серафимович (Усть-Медведица) 159
Усть-Хоперская, станица (Усть-Хопра) 159
Филоновская, станица 107
Хомутец, хутор 87
Черкассков город, см. Старочеркасск
Ясеновский, хутор 54б

---

[1] Цифрами обозначены №№ песен. Географические названия приведены в обычной географической транскрипции. Курсивом показаны их наименования в песенных текстах. Указатель составлен Г. П. Сердюченко.

УКАЗАТЕЛЬ ВОКАЛЬНЫХ СОСТАВОВ

Условные обозначения:

С — сопрано, Мс — меццо-сопрано, А — альт, Т — тенор, Бр — баритон, Б — бас
Цифры — №№ песен

Ансамбли женские

Двухголосные:
С — Мс: 44
Мс — Мс: 225
А — А: 150

Трехголосные:
С — С — С: 1, 50, 142
С—С—Мс: 8, 9, 10, 12, 13, 17, 29, 35, 45, 46, 48, 58, 59, 71, 81, 101, 120, 130, 131, 136, 137, 143, 144, 147, 153, 183, 184, 191, 192, 196, 205, 208, 213, 218, 220, 234, 235, 239, 245
С — Мс — Мс: 11, 15, 54, 110, 134, 135, 138, 141, 146, 148, 149, 154, 155, 156, 157, 177, 185, 188, 189, 193, 201, 210, 226, 231, 240, 241, 244
С — Мс — А: 60, 75, 111, 139, 140, 151, 161, 190, 207, 217
Мс — Мс — А: 204
Мс — А — А: 85
Четырехголосный:
С — Мс — Мс — А: 160
Пятиголосный:
С—С—Мс—Мс—Мс: 86

Ансамбли смешанные

Двухголосные:
С — Т: 206, 223
А — Б: 203

Трехголосные:
С — С — Т: 24, 26, 79, 229, 237

С — Мс — Т: 5, 25, 47, 49, 52, 61, 65, 69, 76, 78, 119, 166, 169, 172, 198, 200, 222, 233, 236, 242
С — С — Бр: 84
С — Мс — Бр: 133, 243
С — Мс — Б: 103
Мс — Мс — Т: 238
Мс — Мс — Бр: 182
С — А — Б: 171
С—Т—Т: 4, 28, 202
Мс — Т — Т: 179
С — Т — Бр: 3, 98, 118
С — Т — Б: 102
Мс — Т — Бр: 74

Четырехголосные:

С — Мс — Т — Т: 53, 94, 113, 114, 168, 175, 199
С — С — Т — Бр: 32, 80
С—Мс—Т—Бр: 6,14, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 27, 51, 55, 63, 66, 72, 73, 89, 95, 116, 123, 124, 126, 127, 128, 129, 145, 159, 162, 163, 164, 165, 176, 181, 186, 187, 195, 211, 219, 227, 228,
С — Мс — Т — Б: 23, 30, 31, 33, 36, 57, 70, 77, 82, 87, 91, 108, 117, 125, 158, 170, 173, 174, 197, 209, 221
С — А — Т — Бр: 180, 212
С — А — Т — Б: 56, 232
Мс — Мс — Т — Т: 216

Пятиголосные:

С — С — Мс — Т — Бр: 62, 68
С — Мс — Т — Т — Бр: 194

Шестиголосные:

С — С — Мс — Т — Т — Бр: 7, 39, 64, 67, 153, 154
С — С — Мс — Т — Т — Бр: 34, 92

Ансамбли мужские

Трехголосные:

Т — Т — Т: 215, 224
Т — Т — Бр: 38, 40, 43, 83, 88, 93, 97, 99, 100, 106, 107, 109, 112, 153, 154, 155, 157, 167, 214, 230
Т — Т — Б: 2, 37, 41, 96, 104, 105, 115, 121, 122, 132, 152, 161, 178
Т — Бр — Б: 156

Четырехголосные:

Т — Т — Бр — Б: 42, 90, 160

Примечание: №№ 1—137 относятся к 1-й части, 138—245 — ко 2-й. Цифрами обозначены номера песен.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕСЕН

ПЕСНИ БЫТОВЫЕ СКОРЫЕ И ОБРЯДОВЫЕ ВЕШНИЕ

Часть первая

Песни гулебно-плясовые, хороводные, вечериночные

131 Ай, вы, девочки, гуркушечки мои
57 Ай, дудочка, дудочка
68 Ай, молодость, мэлодость
106 Ай, под грушею
101 Ай, селезень мой
49 Ах, ты, ночь ли, ночь
60 Ах, утушка луговая

83 Близко Дону, близко Дону
35 Бывалача, гости
16 Быстрая речка

105 В Березовке хуторке
59 Венули ветры
87 Верст семнадцать от Донца
77 Вечерняя зэренька
136 Вечо̀р я был у тебе
128 В Курмоярской во станице
65 Во бору, бору
17 Во поле береза стояла
81 Во садику во зеленом
107 Во Филоновской станице
50 В поле цветики цвели
24 Вы, белилицы, румяницы мои
127 Выпадала порошица
44 Выходите, девочки

73 Голубеньки твои глазки
33 Гости мои любезные
54а Гулюшка-голубочек
30 Гуляй, Настя, в саду

76 Да во горнице, во светлице
90 Да вы, гости мои, вы любезные
92 Да любил, да лелел. Кундюбочка
123 Да на речушке Дунаю́
45 Да посеяли девки лен
63 Да туман, туман при дэлине
121 Да у ключика, у текучева
11 Два братца, два родимых

93 Земляничка ягодка

20 Из за горочки туманик выходил
9 Из садика канарейка
21 Ишел миленький сы гуляньица
43 Ишли, прошли весе́лые

7 Кабы в мене, у молодца
67 Как во полюшке, во полянушке
102 Как кума то к куме
1 Как пойду я, молоденька
70 Как по мо̀рю, по̀ мэрю
72 Как по улице метелица метет
80 Как сы вечеру дождь
18 Как у нашего соседа
126 Комар к мушке убирался

6 Мимо горенки новой
64 Мимо куста ракитова
2 Молодая бабёночка

111 На горе-то диво, диво
108 На горе-то лен, лен
47 На дворе морозно
32б На мельнице трудовой
51 На речке, реке купался бобер
97 Насажу я ковылушку
122 На юрке, юрке, юрке
56 Не скучай, не скучай, молодец,
55 Не спеши, моя хорэшая, постой
130 Не травушка муравушка
82 Не туман ли по горам
124 Ну, и что это за цветики

48 Ой, горенка, горенка нова̀я
109 Ой, да вы, куры мои, кочеточки
4 Ой да, выпадала пороша
8 Ой, де́вица, дѐвица моя
89 Ой, дедушка, дедушка (Митяк. ст.)
94 Ой, дедушка, дедушка (В.-Дон. окр.)
23 Ой, дэждик ты, дождик
29 Ой-и молодость, молодость
19 Ой, кто кому виноват
58 Ой, на горе, горе высоко́

40 Ой, панна ты, панна
104 Ой, панны вы, паняночки
38 Ой, при долинушке
100а Ой, сине море сколыхалося
133 Ой, ты, хмель мэй, хмелёк (Н.-Некрас. ст.)
132 Ой, хмель мой, хмелёк (Новочеркасской ст.)
14 Ой, я-ли, молода, одинокая была
98 От плетневых от ворот

31 Панья пану говорила
54б Паняночка бела румяна́я
5 Плывет, плывет каючек
95 По горам, горам, гэрам
119 Погуляем, друг, с тобою
114 Под мысо̀м было, мысо́м
32а По Донцу, Донцу
13 Пойду́-ль я, пойду-ль я́
34 Пора гостям сы двэра
39 Посею лебеду на броду
12 По утру́ трубушки трубили (уж ты, черный, чернобровый)
42 Пчелочка златая

91 Раз послала мене мать

120 Селезень мой, селезень
36 Спасибо хозяину
115 Старички вы, старички
137 Сударушка ты моя

88 Таракан кашевар
37 Трава моя, травушка
86 Ты воспой, ты воспой
66 Ты, гэрюн, горюн воробейка
118 Ты, казак, ты, казак,
22 Ты, прости, прощай, мила̀я
74 Ты скажи-ка, Сашенька моя
99 Ты, Ягорушка, Ягор

75 У ворот гусли вдарили
69 У ворот зеленый сад
62 У ворот трава растет
61 У ворот, у ворот
112 Уж вы, бабочки, бабёночки мои
26 Уж вы, бабэчки, вы, казявочки
129 Уж вы, го́стюшки, вы, приятели
52 Уж вы, девочки, красоточки мои
27 Уж ты, верная, манерная
41 Уж ты, Дуня, Дуня-я́
53 Уж ты, дурень
28 Уж ты, зимушка зима
79 Уж ты, мальчик-кудрявчик ты мой!
116 Уж ты, сад-виноград
117 Уж ты чувствуй, распочувствуй
134 Уж я трубочку трубила
113 У меня ли, младой

135 У мово было мило́ва
85 У нас но́нича ни лето, ни зима
25 У нас ноня худые времена
125 Услыха́ла про мило̀ва

78 **Х**одя, ходя Матвеюшка

84. **Ч**астые горо́душки

110 **Ш**инкарочка душечка

96 **Я** в середу родила́сь
71 Я из за́ гор ишла
103 Я качу, качу, качу
15 Я-ли, молода, игреливая была
100б Я по бе́режку похаживала
46 Я по до́сточке шла
10 Я пойду ли во зеленый сад гулять
3 Я у лѐсе был, березку рубил

Часть вторая

Песни календарные вешние и календарные обрядовые

170 **А** и брат к сестре
167 Ай, вдарили ко́лколы
169 Ай, во бору, бору
152 Ай, во лугу, лужочку
166 Ай, выйду я, выйду
227 Ай, да и низ наш мал
212 Ай да, по горам горам
203 Ай, да я по̀ Москве хо́жу
205 Ай, к нашим ко вратам струги подошли
201 Ай, Котовский стан
172 Ай, красные девушки танки водили
179 Ай, на улице карагод
164 Ай, по горам, горам пожары горят
155 Ай, под буйловым деревом
241 Ай, по̀ полю, полю чистому
221 Ай, пошел молодец
207 Ай, приехал батюшка
235 Ай, растет, цветет грушица
219 Ай, свет весна красна
224 Ай, свет моя улица
154 Ай, туды-сюды горы высокия
206 Ай, ты перлети, гого́ль, море
217 Ай, у ключика у текучева
202 Ай, улица малая, курагод большой
204 Ай, у моста, моста у калинова
186 Ай, хэдил я, гулял
173 Ай, ходит Борис по карагоду
163 Ай, хо̀жу я, хо̀жу
162 Алим, алим
142 А мы пашню пахали (Ст. Екатерин.)
168 А мы пашню пахали (Ст. Арженов.)
237 А мы пашню пахали (Ст. Трех-Островянская)

244 Брала девка лен, лен

216 Вдоль по улице, вдоль по ши́рокой
158 Вдоль по улице по Швецкой
187 Винный мой колодец
145 Во Казани городе
140 Воскрикнула ластушка
174 В чисто́м поле, при займище
193 Вы, кру́ги, вы, верные
171 Выходите, красны девки

236 Голубчик, голубчик
182 Горе мне, горе мне
214 Грушица, грушица зеленая

159 Да на Усть-Хопра
139 Да садочек мой, да зелёненький
192 Дреми, дрема̀, за куделью

226 Заинька, пойди в сад
176 Заплетись, заплетися, плетень

211 Как во городе во Титае
213 Как на горе мак
240 Как повадилась Дарюша
156 Как по речке, по реке
234 Как ты, утёна
148 Как у нас за воро́тами новыми
189 Как у нас на кругу
161 Коростѐль мой луговой
175 Кострома, кострома
209 Кра́пэвые ко̀лесы
183 Кто с нами?

231 Мы ходили, мы гуляли

144 Наварим мы пива (Ст. Екатерин.)
177 Наварим мы пива (Ст. Акишевск.)
184 Наварим мы пива (Ст. Тишанск.)
220 На горе калинушка стояла
196 На горе то мак
229 На речке, на речке
157 На улице арепей
151 Не ра́ным рано. Величальные

141 Ой, грушица, грушица моя
208 Ой да, вышли девушки
191 Ой да, как по улице да вдоль улицы
190 Ой да, молодой сударь царевич
215 Ой да, ну, горела травка
233 Ой да, ты, орел сизый
143 Ой, да ты стой, Литва
198 Ой, как по улице воробушек
225 Ой, месяц по́ небу, царь по городу
197 Ой, ну, куда туси летали

218 Ой, ты, воробей
238 Ой, ты, дéвица душа
153 Ой, уж ты, батюшка светёл месяц
228 Орел мой, орелик

188 **П**ерепёлушка — рябые пёрушки
138 Погуляйте вы, девочки
243 Поел козел лук, чеснок
165 Поехал муж на пашню
239 Пойду, млада, я во зéлен сад

222 **Р**аным то ранёхунько на заре

200 **С**елезень за уткой гоняет
195 Скажи, скажи, девчёночка
150 Скакал, скакал козлик (Ст. Екатерин.)
178б Скакал, скакал. Калёдка (Ст. Акишев.)
245 Соловей мой, соловей

223 **Т**ы, заря ли вечерняя
160 Ты, заюшка

194 **У**ж ты, вёснушка, весна
210 Уж ты, садик мой, садочек
178а У Иванова двора. Авсень
147 У перепелки да головка бэлит
199 Утушка серая

180 **Х**одила я, туляла я
149 Ходила я, девочка, по борочку
242 Ходила я, девочка, по лесочку
232 Ходил, гулял молодец

181 **Ч**то не ластушка, не касатушка

230 **Ш**ла утушка пэ бѐрежку

146 **Я** поеду во Китай город гуляти
185 Я поеду, я уеду во Китай город

ТЕМАТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНИ БЫТОВЫЕ СКОРЫЕ И ОБРЯДОВЫЕ ВЕШНИЕ

Часть первая

Песни гулебно-плясовые, хороводные, вечериночные

Станица Нижне-Кундрюческая

1. Как пойду я, молоденька,
Погуляем хоть денёчек 45
2. Молодая бабёночка
Бабёночка учебного любила 47

Станица Верхне-Кундрюческая

3. Я у ле́се был, берёзку рубил
Встреча с девочкой 48

Станица Усть-Быстрянская

4. Ой да, выпадала пороша
Охота по пороше 50
5. Плывет, плывет каючёк
Три рыболовничка и девочка 51
6. Мимо горенки нова́й
Молодчику нет развороту 52

Станица Екатеринин ская[1]

7. Кабы в мене, у молодца
Муж-погубитель 54
8. Ой, де́вица, де́вица моя
Худа славушка от молодца 56
9. Из садика канарейка
Холостой — мой милый 58
10. Я пойду ли во зелёный сад гулять
Кому гулять воля? 59
11. Два братца, два родимых
Нару́га прежнего друга 61

[1] Наименования станиц даны по номенклатуре года записи. Станица Екатеринин ская — ныне Красно-Донецкая.

12. По утру трубушки трубили
Уж ты, чёрный, чернобровый 62
13. Пойду́-ль я, пойду-ль я́
Кинуся, брошуся я к милому 64
14. Ой, я-ли, молода
Гульли́вая бабёночка 65
15. Я-ли, молода, игреливая была
Я свому ста́рому лихая была 67
16. Быстрая речка
Забро́неная бой-баба 68
17. Во поле берёза стояла
Шельма бабочка 69
18. Как у нашего соседа
По мужу и жена лиходейка 71
19. Ой, кто кому виноват
По хорошей по жене знают люди и мене . . . 72
20. Из за горочки туманик выходил
На бабочку глядеть было любочко 74
21. Ишел миленький сы гуляньица
Милый изменил 76
22. Ты прости, прощай, милая
Огорчила чернобровочка 78
23. Ой, дождик, ты, дождик
Сестрицу отдали в несогласную семью 80
24. Вы, белилицы, румяницы мои
Распостылый муж и любовь «по старому» . . . 82
25. У нас но́ня худые времена
Невестушка полюбила деверя 83
26. Уж вы, бабочки, вы, казявочки
За коня мать сына бранит 85
27. Уж ты, верная, манерная
Сударушка манерная меня высушила 87
28. Уж ты, зимушка, зима
Селиванова дочка 88
29. Ой-и, молодость — девичья красота
Чужие люди — нерассудливые 90
30. Гуляй, Настя, в саду
Красавица девица и атаманец 91
31. Панья пану говорила
Возьми меня, пан, на службу 92
32. а) По Донцу, Донцу
Катериновская лучше всех 93
б) На мельнице трудовой
Про долинушку 93
33. Гости мои, любезные
Любезный хозяин подчует гостей 96
34. Пора гостям сы двора
Гости засиделись 97
35. Бывалача, гости
Потеряли гости совесть 98
36. Спасибо хозяину
Благодарят хозяина 99
37. Трава моя, травушка
Красная девочка милого провожает 100

38. Ой, при долинушке
Соколы́ полонили соло́вьюшка 101
39. Посею лебеду на броду
Я бы вольная казачка была 103
40. Ой, панна, ты, панна
Донской казачёк 105
41. Уж ты, Дуня, Дуня!
За что любишь молодца? 107
42. Пчёлочка златая
Сладкие, медовые губочки её! 108
43. Ушли, прошли весе́лые
Весе́лые на промысле 110
44. Выходите, девочки!
Поиграйте по своей по волюшке 112
45. Да посеяли девки лен
У милого правды нет 113
46. Я по до́сточке шла
Гульба девичья 114
47. На дворе морозно
Я, девочка, вольна 115
48. Ой, горенка, горенка нова́я
Побраночка с милым 117
49. Ах, ты, ночь-ли, ночь
Милый манит 119
50. В поле цветики цвели
Сон досадный видела 120
51. На речке реке купался бобер
Боится де́вица худой славы 121
52. Уж вы, девочки, красоточки мои
От болезочки письмо 123
53. Уж ты, дурень
Девочка карагодик собрала́ 125
54. а) Гулюшка голубо́чек
Чёк-таки, чёк-чеботочек 126
б) Паняночка бела, румяна́я
Ударили рюмки-тарелки 126
55. Не спеши, моя хорошая, постой
Щего́льный милый хочет обесчестить 128
56. Не скучай, не скучай, молоде́ц
У девочки сердечушко болит 130
57. Ай, дудочка, дудочка... А́й, Дунай
Парень девицу зовет 132
58. Ой, на горе, горе высоко́
Гуляй, моя гулюшка,— не загуливайся 133
59. Ве́нули ве́тры
Как мне быть во чужой семье! 134
60. Ах, утушка луговая
Суженый Левушка изменяет 136
61. У ворот, у ворот
Лебеди́н и лебёдушка 137
62. У ворот трава растет
Гоголёк и гого́лка 138
63. Да туман, туман при долине
Голубь и голу́бочка [1] 140

[1] Вар.—«Паняночка муку сеет».

64. Мимо куста ракитова
Я в тебе однёхунька, роднёхунька 142
65. Во бору, бору
Кабы знала я, век замуж не шла 143
66. Ты, горюн, горюн воробейка
Лебёдушку лебедь кличет 144
67. Как во полюшке, во полянушке
Лебедь похваляется лебёдушкой 146
68. Ай, молодость, молодость, девичья красота
Чем молодость при старости вспомянуть! 147
69. У ворот зеленый сад
Перепёлушка — моя Полюшка 149

Станица Ермаковская

70. Как по мо́рю, по́ морю
Ой, с Дону я, с Дону 150

Станица Бело-Калитвенская

71. Я из-за́ гор ишла
Я у батеньки понежилася, полелеялася 152

Станица Бело-Калитвенская

72. Как по улице метелица метет
Разудàлая Сашурочка и целовальник 153
73. Голубеньки твои глазки
Мальчишка без пути — без разума 155
74. Ты скажи-ка, Сашенька моя!
Приветливая хозяюшка 157
75. У ворот гусли вдарили
Ой, муж ревнив, муж ревнив! 159
76. Да во горнице, во светлице
Я украдуся, нагуляюся! 160
77. Вечериняя зоренька
На улицу похожу; ревнивых жен подразню . . . 161
78. Ходя, ходя Матвеюшка
Зажурилась девченочка без милого 163
79. Уж ты, мальчик-кудрявчик ты мой!
Завила кудри зазнобушка 164
80. Как сы вечеру дождь
Сошлися, повидались, признакомилися 165
81. Во садику во зеленом
Пропала я с вами, черные брови! 166
82. Не туман ли по горам
Мой милый расхороший 168
83. Близко Дону, близко Дону
Не спужаюсь я отца, распотешу молодца 169
84. Частые горо́душки
Распроклятая семейка 171

Станица Калитвенская (хутор Юров)

85. У нас нонича ни лето, ни зима
Семейный разлад 172

Станица Гундоровская

86. Ты воспой, ты воспой
Соловейка потерял голосочек 174
87. Верст семнадцать от Донца
Хуторская веселая кампания 176

Станица Митякинская

88. Таракан кашевар
Сову замуж отдают 177
89. Ой, дедушка, дедушка
Млада просится погулять 178
90. Да вы, гости мои
Про старинушку стародавнюю 180

Верхне-Донской окр.

91. Раз послала меня мать
Вместо глины—детина 182
92. Да любил, да лелел. «Кундюбочка»
Разлучили лиходеи 184
93. Земляничка ягодка
Зачем, милый, похваляешься мной! 186
94. Ой, дедушка, дедушка
Дедушка воли не дает 187

Станица Вешенская

95. По горам, горам, горам
Хороша́, пригожа́ сударушка моя 189
96. Я в середу родилась
На все ли́хи сгодила́сь 190

Станица Усть-Хоперская

97. Насажу я ковылушку
Живу, миленький, вдовою-сиротою 191

Станица Слащевская

98. От плетневых от ворот
Из хуторских новостей 192
99. Ты, Ягорушка, Ягор
Ягорушке не с кем целоваться 193

Станица Акишевская

100. а) Ой, сйне море всколыхалося
Давно с милым не видалася 195

Станица Тепикинская

б) Я по бережку похаживала
Не шути шутки, донской казачёк! 195

Станица Тишанская

101. Ай, селезень мой
Три загадки 197

Станица Тепикинская

102. Как кума то к куме
Кума куму подчивает 198

103. Я качу, качу, качу
У кумушки разболелась голова 200

Станица Михайловская

104. Ой, панны вы, паняночки
Станичная шуточная плясовая 202

Станица Аннинская

105. В Березовке в хуторке
Шабóлкины «шкуры» 204

Станица Филоновская

106. Ай, под грушею
Не жаль мужа старого,— жалко шубы . . . 206
107. Во Филоновской станице
Душанюшка и Филоновский казачёк 207

Станица Преображенская[1]

108. На горе то лен, лен
У меня то ладо — змей подколодный 208

Станица Березовская

109. Ой, да вы, куры, мои кочеточки
Мой батюшка—гость дорогой 210

Станица Кепинская

110. Шинкарочка душечка
Разгульная жóнушка 211

Станица Ново-Александровская

111. На горе то диво, диво
Жена мужа добру учит 212

Станица Клетская

112. Уж, вы, бабочки, бабёночки мои
Я пойду, младец, кы бóлечке своей 213

Станица Трех-Островян

113. У меня ли, младой
Лихá беда — свекровушка 214
114. Под мысóм было, мысóм
Любил, любил,— измываться стал 215

Станица Голубинская

115. Старички вы, старички
Шла девчёнка за водой 216

Калач

116. Уж ты, сад-виноград
Взял бы девченочку я замуж за себя 218
117. Уж ты чувствуй, распочувствуй
Шельма заблудила 220
118. Ты, казак, ты, казак!
Чего думал, кого брал? 221
119. Погуляем, друг, с тобою
Полюбила молодого, уму-разуму глупова 223

[1] Ныне—Киквидзевская.

120. Селезень мой, селезень
Три загадки девки семилетки 224

Станица Обливская

121. Да у ключика, у текучева
Сидел голубь сы голубкою 225

Станица Верхне-Курмоярская

122. На юркѐ, юркѐ, юркѐ
Быль «На юркѐ» о Веселом хуторе 226

Станица Нижне-Курмоярская

123. Да на речушке Дунаю
Перевоз Маша держала 228
124. Ну, и что это за цветики
Бравенькие девочки и пастушок 230
125. Услыхàла про милова
Нельзя жонушку побити, нельзя побранити . . . 231
126. Комар к мушке убирался
Старой мушки полюбовник 233
127. Выпадала порошица
Коник-вороник почуял походик 234

Станица Нижне-Курмоярская

128. В Курмоярской во станице
Девки лен сеют 236

Станица Кумшацкая

129. Уж вы, гостюшки
Чудо чудное, диво дивное 238

Станица Бесергеневская

130. Не травушка муравушка
У нас с тобой верушка ведется 239

Станица Богаевская

131. Ай, вы, девочки, гуркушечки мои
Чернявого любила и люблю 240

Станица Новочеркасская

132. Ой, хмель, мой хмелёк
Мать сына журит 242

Станица Ново-Некрасовская

133. Ой, ты, хмель, мой хмелек
Вариант донских казаков некрасовцев 244
134. Уж я трубочку трубила
Быть тебе, девочка, за мною 246
135. У моро былò милòва
Три садика зеленòва 248
136. Вечòр я был у тебе
Удалые молодцы Майновски ребяты 249

Станица Приморско-Ахтарская

137. Сударушка ты моя
Хорошо с милым водиться 251

Часть вторая

Песни календарные вешние и календарные обрядовые

V Станица Екатерининская

138. Погуляйте вы, девочки
Воля девичья — до замужества 255
139. Да садочек мой
У молодки муж ревнивый 257
140. Воскрикнула ла́стушка
У милого жалости достало 258
141. Ой, грушица, грушица моя
Милый изменяет 260
142. А мы пашню пахали
Ищут де́вицу 262
143. Ой, да ты стой, Литва
Москва против Литвы 263
144. Наварим мы пива
Наварились — помирились 264
145. Во Казани городе
Аннушка майора обыграла 266
146. Я поеду во Китай город гуляти
Жена своенравная 268
147. У перепелки головка болит
У перепелки — всё болит 270
148. Как у нас за воротами но́выми
Чернечище пьет, гуляет 271
149. Ходила я, девочка, по борочку
Девочка и сын майорский 272
150. Скакал, скакал козлик
Новогодняя величальная 274

Станица Бело-Калитвенская

151. Не раны́м рано
Новогодние величальные 276

Станица Каменская

152. Ай, во лугу, лужочку
Девочка поборола молодца 278

Станица Зотовская

153. Ой, уж ты, батюшка, свет светёл месяц
Старый муж всё журит, бранит 280
154. Ай, туды-суды горы высокие
Старый девок подговаривал 281
155. Ай, под буйловым деревом
Наш батюшка во Москве с боярами 282
156. Как по речке, по реке
Плывет бобёр, плачет 283
157. На улице арепей
Не быть свекру родней батюшки 285
158. Вдоль по улице по Шведской
Генерал Яршин гуляет 286
159. Да на Усть-Хопра, Усть-Медведицы
Три загадочки 287

160. Ты, заюшка
Ну, и чем она лучше меня? 288
161. Коростѐль мой луговой
Мачеха и родная мать 290

Станица Арженовская

162. Алим, алим
Тепло ли ти, алим? 291
163. Ай, хóжу я, хóжу
С кем леночек буду брати? 292
164. Ай, по горам, горам пожары́ горят
К моему двору судна подошли 293
165. Поехал муж на пашню
Муж на пашню — козел в огород 295

Станица Арженовская

166. Ай, выйду я, выйду
То́ мужу, а это дружку 296
167. Ай, вдарили ко́лколы
Сын-то мне — вековой посол 297
168. А мы пашню пахали
Дадим девицу, «которая нравится» 299
169. Ай, во бору́, бору́
Орел над бел лебедем измывается 300
170. А и брат к сестре
Сестра бра́ту жа̀лится 301
171. Выходите, красны девки
Дитё кричит усастое, бородастое 302
172. Ай, красные девушки танки водили
Родный батенька пожалеет 303

Станица Акишевская

173. Ай, ходит Борис по карагоду
Борис ищет невесту 304
174. В чисто̀м поле, при займище
Журавль и журавушка 308
175. Кострома, кострома
Хоронят Кострому 308
176. Заплетись, заплетися, плетень
Утушка растеряла детушек 309
177. Наварим мы пива
Доварились! 310
178. Авсень и Каляда. а) Авсень: «У Иванова двора»
Охота на куну́ 311
б) Каляда: «Скакал, скакал козлик»
Перед выходом на службу 311

Станица Алексеевская

179. Ай, на улице карагод
Девки Яньку грабили 313
180. Ходила я, гуляла я,
Не нашла себе ровнюшки 314

Станица Тишанская

181. Что не ластушка, не касатушка
В чужих людях лихо жить 315

182. Горе мне, горе мне
Со старым горе, с ровней любо 316
183. Кто с нами?
Мы с вами, мы с вами! 317

Станица Тишанская

184. Наварим мы пива
Веселое пиво! 319
185. Я поеду, я уеду
Как жена то мужа любит! 321

Станица Бурацкая

186. Ай, ходил я, гулял
Дéвица красная веночек несет 323
187. Винный мой колодец
Люблю тебя, зóлотце,— целуй меня, молодца . . 325

Станица Луковская

188. Перепéлушка — рябые пéрушки
Сокол ясный позарился на красоту перепёлушки . . 327
189. Как у нас на кругу
Мы не пустим вас — поцелуем раз! 328
190. Ой да, молодой сударь царевич
Царевич себе ищет царевну 330
191. Ой да, как по улице
Не быть гуслюшкам звончей лáдоней 331
192. Дреми, дремà
Сидит дрема за куделью 332
193. Вы, дрýги, вы верные
Князюшки-батюшки,— мы вам помошницы 334

Станица Тепикинская

194. Уж ты, вёснушка, весна!
Весна очень хороша! 335
195. Скажи, скажи, девчёночка
Как под лен пашут? 337

Станица Петровская

196. На горе то мак
Старичёк, не поспел ли мачёк? 339

Станица Михайловская

197. Ой, вы куда, гуси, летали
Добры мóлодцы не выдали девицу 340
198. Ой, как по улице воробушек
На улице гулять кому воля, кому нет! 341
199. Утушка серая
Заплетают и расплетают плетень 342
200. Селезень за уткой гоняет
Хороводная с игрой 344

Станица Добринская

201. Ай, Котовский стан
У нас девушки игреливые 346

Станица Дурновская

202. Ай, улица малая, карагод большой
У меня, младой, старый муж 347

Станица Дурновская

203. Ай, да я по Мòскве хòжу
Смотр девúчьей красоты 349
204. Ай, у моста, моста у калинова
Не пора-ль царю на войну идти! 351
205. Ай, к нашим ко воротам струги́ подошли
Струги́ с беленьким ленком 352
206. Ай, ты перлети́, гоголь, море
Дочь шлет батюшке недобрые вести 354

Станица Аннинская

207. Ай, приехал батюшка
Не сладко житьё замужем 355
208. Ой да, вышли девушки
У молодушки три заботушки 356
209. Кра̀повые ко̀лесы
Что в торге продают? 358

Станица Филоновская

210. Уж ты, садик
Холостой женатого милей 359

Станица Преображенская[1]

211. Как во городе во Титае
Молодой чернец гуляет 360
212. Ай да, по горам, горам пожары́ горят
У бела̀ царя человека нет 362
213. Как на горе мак
Станьте вы так,— что зе́лен мак! 364

Станица Березовская

214. Грушица, грушица зелёная
Расти, моя грушица, вот какая! 365
215. Ой да, ну, горела травка
У мо́лодца правды нет 366

Станица Сергиевская

216. Вдоль по улице, вдоль по ши́роской
Молодушке играть хочется 367
217. Ай, у ключика у теку́чего
Три ла́стушки у тела белого 368
218. Ой, ты, воробей зеленой
Красным девицам белил да румян! 370
219. Ай, свет весна красна
Молодушке нету волюшки 372

Станица Раздорская н/М.

220. На горе калинушка стояла
Молодка и старый муж 374
221. Ай, пошел молоде́ц
Молоде́ц-удале́ц во пиру-беседе 375

Станица Раздорская н/М

222. Раны́м то ранёхунько на заре
У ми́лого жа̀ланье ко мне есть 377

[1] Ныне—Киквидзевская.

Станица Етеревская
223. Ты, заря-ли вечерняя
Свекор домой кличет 379
Станица Арчадинская
224. Ай, свет моя улица
Себе ровнюшку не выберу 380
Станица Кепинская
225. Ой, месяц по небу
Князь Василий рóвню ищет 382
226. Заинька, пойди в сад
И так, и сяк,— пойди в сад! 384
Станица Глазуновская
227. Ай, да и низ наш мал
Старый муж целовать велит 385
228. Орел мой, орелик
Не лапайся, свекор! 387
229. На речке, на речке
Девка платья мыла 388
Станица Усть-Медведицкая[1]
230. Шла утушка по бéрежку
Утушка с детками 389
Станица Клетская
231. Мы ходили, мы гуляли
Авсень 391
Станица Перекопская
232. Ходил, гулял мóлодец хороший
Богатырь-девочка 392
Станица Трех-Островянская
233. Ой да, ты, орел сизай
Батюнюшку в полон взяли 393
234. Как ты, утéна?
Вот как, вот этак! 395
235. Ай, растет, цветет грушица
Откóль взялся буён ветер! 397
236. Голубчик, голубчик
Боярский сын голубку сгубил 398
237. А мы пашню пахали
На конях то служим мы, служим мы! 399
Станица Ново-Некрасовская
238. Ой, ты, девица душа!
Моя маменька журит-бранит 400
239. Пойду, млада, я во зéлен сад
Пистолет милóму подарю 402

[1] Ныне—город Серафимович.

Станица Ново-Некрасовская

240. Как повадилась Дарю́ша
Подломился каблучёк,— я упала на бочёк 404
241. Ай, по́ полю, полю чистому
Сокол и лебеди белые 406
242. Ходила я, девочка, по лесочку
Сын казачий и́ девочка 407
243. Поел козел лук, чеснок
Про́дали козла за трёшник 408

Станица Приморско-Ахтарская

244. Брала девка лен, лен
Стоял девок хоровод, молодушек табунок 409
245. Соловей мой, соловей
Болит серде́чко 410

Профессор
Г. П. СЕРДЮЧЕНКО
Доктор филологических наук

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ ДОНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ПЕСНИ

I

Выдающиеся мастера русской художественной литературы, начиная с Пушкина и кончая современными писателями, упорно и систематически изучали произведения устного народного творчества—этот неисчерпаемый источник замечательных художественных образов, яркого и выразительного языка, разнообразной и богатейшей ритмики.

Но, несмотря на это, у нас и до последнего времени нет еще общепризнанной и бесспорной методики изучения языковых особенностей устной народной поэзии, подлинно народного песнетворчества.

Лишь опираясь на гениальные труды товарища Сталина по вопросам языкознания, вскрывшие всю порочность и немарксистскую сущность так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра и его последователей, открывшие новые и богатые просторы для развития всей советской науки, мы сможем правильно и обоснованно наметить главные линии в исследовании языка устного художественного творчества.

И. В. Сталин определяет язык как «средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности...»[1]. Решительно отметая формулу о «классовости» языка, как ошибочную, немарксистскую, и указывая на общенародный характер языка, товарищ Сталин учит, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем языка»[2].

Как указывает товарищ Сталин, главным в языке, его основой являются грамматический строй языка и его основной словарный фонд. Устойчивость языка и объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда.

Из словарного состава языка, как «наиболее чувствительного к изменениям» и находящегося в состоянии почти непрерывного изменения, в его историческом развитии «обычно выпадает некоторое коли-

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 31.
[2] Там же, стр. 18.

чество устаревших слов», но зато к нему «прибавляется гораздо большее количество новых слов». Основной же словарный фонд сохраняется во всем существенном и «используется, как основа словарного состава языка» [1] в течение ряда исторических периодов.

«Грамматический строй языка,—читаем мы у товарища Сталина,—изменяется еще более медленно, чем его основной словарный фонд... Он, конечно, претерпевает с течением времени изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом обслуживать общество в течение ряда эпох» [2].

Несомненно, что и при изучении языка устной народной поэзии внимание исследователя должно быть обращено прежде всего на анализ его словарных и грамматических особенностей. При этом нужно учесть, что наряду с единым общенародным, национальным языком существуют и диалекты, местные народные говоры. Являясь низшей формой языка, они подчинены единому национальному языку народа, как высшей форме языка. Но, обслуживая народные массы, эти местные народные диалекты, в отличие от «классовых» диалектов-жаргонов, употребляемых лишь узкой социальной верхушкой, имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Именно поэтому, как указывает товарищ Сталин, «некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки» [3].

Конкретные произведения устного народного творчества обычно создаются на базе одного из народных диалектов (говоров) с присущими ему грамматическими и словарными особенностями. Изучение языка устного художественного творчества народа, естественно, поэтому предполагает изучение диалектных особенностей (звуковых, грамматических и словарных) языка изучаемых произведений.

Язык устного народного творчества не является застывшим, каким-то особо архаичным, раз навсегда данным. Любые изменения в жизни народа находят свое отражение в его языке, в первую очередь — в его словаре. Это новое в живом языке народа вместе с усвоенными им новыми понятиями и представлениями проникает и в устную народную литературу, внося изменения в традиционно используемые до этого образы и в самую речевую ткань произведения.

Поэтому совершенно неверными являются взгляды так называемой «исторической» школы в фольклоре, выраженные, в частности, в работах В. Ф. Миллера, М. Н. Сперанского и др., отрицавших органическую связь народной диалектной речи с содержанием созданного народом на ее базе художественного произведения.

Не признавая народ подлинным творцом эпоса, сторонники взглядов «исторической» школы в области фольклора не считали нужным заниматься и изучением того живого народного языка, на основе которого сложилась и вся поэтика, все художественно-выразительные средства русской народной поэзии.

Несомненной заслугой А. П. Евгеньевой является подтверждаемое ее исследовательской работой совершенно правильное утверждение о том, что «художественный язык устных произведений органически связан с живым языком творцов и носителей устной поэзии, что именно

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр 21.
[2] Там же, стр. 21.
[3] Там же, стр. 37

живой язык является основой художественной речи, что художественные выразительные средства не только складываются, но живут и изменяются вместе с живым языком, так как неразрывно с ним связаны» [1].

Местные диалекты обслуживают народные массы. На их базе созданы многочисленные художественные произведения устного народного творчества. И естественно, что, изучая произведения устного художественного творчества, в которых отражена жизнь народа, богатая историческими событиями, мы не можем проходить мимо изучения живого народного языка, этой величайшей культурной ценности, «орудия общения», «орудия развития и борьбы», которым народ пользовался на протяжении многих веков своей жизни.

Большое внимание при изучении народно-поэтического творчества должно быть уделено средствам художественной выразительности, народной поэтике. Здесь необходимо исходить из руководящих указаний товарища Сталина по вопросам семантики, на которой строится вся система художественно-выразительных средств в народной поэтике.

Предупреждая против чрезмерного увлечения и злоупотребления семантикой, против пренебрежения языком, как «непосредственной действительностью мысли», неразрывно связанной с мышлением, товарищ Сталин характеризует семантику (семасиологию) как одну из важных частей языкознания. В ответе товарищу Е. Крашенинниковой он пишет: «Смысловая сторона слов и выражений имеет серьезное значение в деле изучения языка. Поэтому семантике (семасиологии) должно быть обеспечено в языкознании подобающее ей место» [2].

Эти указания И. В. Сталина имеют исключительное значение для всех, занимающихся исследованием языка устного народного творчества, поскольку изучение художественно-выразительных средств, символики народной поэзии, «тропов» и «фигур», разнообразных и многочисленных способов передачи различных семантических и эмоциональных оттенков отдельных слов и целых выражений играет при этом особо значительную роль.

Таким образом, как и изучение языка любого художественного произведения, исследование речевых особенностей устного народного творчества мы должны, основываясь на сталинском учении о языке, вести, прежде всего, 1) путем анализа конкретных грамматических, словарных и звуковых особенностей того народного диалекта, на базе которого живут и записаны изучаемые сейчас произведения устной народной поэзии; 2) путем исследования всей системы художественных выразительных средств, характеризующих данные произведения и сложившихся на базе определенного местного диалекта.

2

Намечая методику изучения языка устной народной поэзии, нам необходимо учесть еще одно требование, вытекающее из самого существа того музыкально-поэтического произведения, каким является народная песня — этот ценнейший вид народного творчества.

Еще С. Шафранов в своем исследовании «О складе народно-русской песенной речи, рассматриваемой в связи с напевами» (1879) [3], убедительно показал, что русская народная песня состоит из неразрывно

---

[1] А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии XVIII—XIX вв. Автореферат докторской диссертации. Ленинград. 1950, стр. 4—5.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 32.

[3] С. Петербург, типография В. С. Балашева, 1879, стр. 1—129.

связанных двух элементов — текста и напева, представляя собою единство музыкального и словесно-поэтического творчества народа.

После опубликования исследования С. Шафранова и отзыва на это исследование А. Фаминцына [1], внесшего ряд коррективов в труд С. Шафранова, для всех музыкантов-этнографов стало обязательным правило — в народной песне изучать оба составляющих ее начала, поскольку «в народной песне, — как писал известный деятель русской музыкальной культуры Н. А. Янчук,— ее форма и содержание неразрывно связаны с напевом, так как музыка песни обыкновенно зарождается и складывается вместе с самою песнею, составляя с нею одно гармоническое целое» [2]. Песенным напевом в значительной степени обуславливается иногда и самый текст песни. Вполне понятно поэтому и вытекавшее из сказанного выше требование — тексты песен записывать одновременно с напевом песни. Слова песни в процессе записи должны выступать как ее необходимейший элемент лишь в роли подтекстовки песни; их нельзя изолировать от самого напева, без которого они фактически перестают быть песней.

Конечно, далеко не всем, даже ученым, посильна точная запись песни, проводимая во время пения и фиксирующая не только текст, но и самый мотив, мелодию песни; в этом случае требуется сочетание в одном лице и опытного, чуткого по слуху записывателя — текстовика, и высокообразованного музыканта-этнографа. Но лишь соблюдение указанного выше требования действительно гарантирует точную запись поэтического текста.

Поэтому при изучении языка народной песни надо опираться, в первую очередь, на те тексты народных песен, которые записаны «с голоса», одновременно с напевом и представляют собою подлинный, выявляемый в самом процессе пения текст народной песни.

В настоящей работе мы говорим о языке донской казачьей песни в его диалектных особенностях. А. Савельев, автор одного из первых сборников донских народных песен, опубликованного в 1866 году, справедливо назвал донских казаков народом «в высшей степени певучим» [3].

Эта характеристика певучести донских казаков подтверждена выдающимся русским музыкантом-этнографом, непревзойденным собирателем и знатоком донской казачьей песни Александром Михайловичем Листопадовым.

Более полувека в своей жизни посвятил А. М. Листопадов собиранию и изучению донского казачьего быта и тесно связанной с ним казачьей песни. Он хорошо изучил и народную школу пения, в которой песенное искусство и народные предания естественно и легко передавались от одного поколения к другому.

Все записи А. М. Листопадова даны в единстве текста и напева. В своей научно-собирательской работе исследователь никогда не отделял текста от напева, почти всю работу по записи он провел один, уделяя равное внимание как напеву, так и тексту.

---

[1] См. «Отчет о двадцать третьем присуждении наград графа Уварова», СПбург, 1881. Отчет непременного секретаря Академии Наук академика К. С. Веселовского, стр. 10—13. Там же отзыв проф. А. С. Фаминцына «О сочинении г. Шафранова «О складе народно-русской песенной речи, рассматриваемой в связи с напевами», стр. 114—197.

[2] «О музыке былин», ст. в сб. «Русская устная словесность», т. II, «Былины. Исторические песни», Москва, 1919, стр. 5.

[3] А. Савельев. Сборник донских народных песен. СПбург, 1866, стр. 7.

связанных двух элементов — текста и напева, представляя собою единство музыкального и словесно-поэтического творчества народа.

После опубликования исследования С. Шафранова и отзыва на это исследование А. Фаминцына [1], внесшего ряд коррективов в труд С. Шафранова, для всех музыкантов-этнографов стало обязательным правило — в народной песне изучать оба составляющих ее начала, поскольку «в народной песне, — как писал известный деятель русской музыкальной культуры Н. А. Янчук,— ее форма и содержание неразрывно связаны с напевом, так как музыка песни обыкновенно зарождается и складывается вместе с самою песнею, составляя с нею одно гармоническое целое» [2]. Песенным напевом в значительной степени обуславливается иногда и самый текст песни. Вполне понятно поэтому и вытекавшее из сказанного выше требование — тексты песен записывать одновременно с напевом песни. Слова песни в процессе записи должны выступать как ее необходимейший элемент лишь в роли подтекстовки песни; их нельзя изолировать от самого напева, без которого они фактически перестают быть песней.

Конечно, далеко не всем, даже ученым, посильна точная запись песни, проводимая во время пения и фиксирующая не только текст, но и самый мотив, мелодию песни; в этом случае требуется сочетание в одном лице и опытного, чуткого по слуху записывателя — текстовика, и высокообразованного музыканта-этнографа. Но лишь соблюдение указанного выше требования действительно гарантирует точную запись поэтического текста.

Поэтому при изучении языка народной песни надо опираться, в первую очередь, на те тексты народных песен, которые записаны «с голоса», одновременно с напевом и представляют собою подлинный, выявляемый в самом процессе пения текст народной песни.

В настоящей работе мы говорим о языке донской казачьей песни в его диалектных особенностях. А. Савельев, автор одного из первых сборников донских народных песен, опубликованного в 1866 году, справедливо назвал донских казаков народом «в высшей степени певучим» [3].

Эта характеристика певучести донских казаков подтверждена выдающимся русским музыкантом-этнографом, непревзойденным собирателем и знатоком донской казачьей песни Александром Михайловичем Листопадовым.

Более полувека в своей жизни посвятил А. М. Листопадов собиранию и изучению донского казачьего быта и тесно связанной с ним казачьей песни. Он хорошо изучил и народную школу пения, в которой песенное искусство и народные предания естественно и легко передавались от одного поколения к другому.

Все записи А. М. Листопадова даны в единстве текста и напева. В своей научно-собирательской работе исследователь никогда не отделял текста от напева, почти всю работу по записи он провел один, уделяя равное внимание как напеву, так и тексту.

---

[1] См. «Отчет о двадцать третьем присуждении наград графа Уварова», СПбург, 1881. Отчет непременного секретаря Академии Наук академика К. С. Веселовского, стр. 10—13. Там же отзыв проф. А. С. Фаминцына «О сочинении г. Шафранова «О складе народно-русской песенной речи, рассматриваемой в связи с напевами», стр. 114—197.

[2] «О музыке былин», ст. в сб. «Русская устная словесность», т. II, «Былины. Исторические песни», Москва, 1919, стр. 5.

[3] А. Савельев. Сборник донских народных песен. СПбург, 1866, стр. 7.

Тексты донских казачьих песен в записи А. М. Листопадова и являются материалом для наших языковых наблюдений, причем в данной статье мы ограничиваемся анализом их звуковых, грамматических и словарных особенностей.

В «Замечаниях собирателя» А. М. Листопадов неоднократно указывает, что руководящим принципом для него при записи народно-песенного текста всегда было «бережное к нему отношение». Все особенности казачьей речи, относящиеся к грамматике языка—его морфологии и синтаксису, а также к словарю и фразеологии, сохранялись исследователем в полной неприкосновенности. Не допуская олитературивания особенностей местной народной речи, в своих записях А. М. Листопадов сохранял и все типичные для казачьей песни повторы слов, стихов и строф, словообрывы, употребление разнообразных междометий—восклицаний *о, ой-да, ай, ай-да, ей-да* и др., без которых не поется ни одна «долгая» (протяжная) казачья песня. В записи сохранялись и так называемые «внесмысловые» вставки—*вот-бы, али, на, скажем, гвари* и др., а также «наигрышные» гласные, с которых многие певцы начинают запев («А-ой да, как во славном»—№ 38, т. I, ч. 1 «Песен донских казаков» или «А-ой да, ну, во Крымской да было во земелюшке»—№ 48 там же).

Насколько правильно делал Листопадов, сохраняя в своих записях все грамматические и словарные особенности донской казачьей речи, свидетельствуют уже приводившиеся нами слова товарища Сталина о том, что местные («территориальные») диалекты «обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд» [1].

В области фонетики А. М. Листопадов не считал нужным, фетишизируя транскрипционно-фонетические крайности, отступать от общепринятой русской орфографии при передаче на письме широко распространенного на Дону и совпадающего, в основном, с литературным языком «иканья» и «аканья» (произношение предударных *е*, как *и*, и *о*, как *а*), слышимого всюду на Дону длительного *г*, а также обычного в донских говорах произношения мягкого *т* в 3 л. ед. и мн. числа глаголов настоящего и будущего времени (*идеть, пойдуть, нясеть, пирнясуть* и др.). Но в записях им всегда отмечаются явления так наз. «яканья»—произношение в определенных положениях предударного *е* как *я* (после шипящих и *ц*, как *а*), случаи смягчения *р*, а также заднеязычного *к*, мена отдельных звуков (*у* на *в* и наоборот, *з* на *ж* и др.), необычные в литературном языке ударения и ряд других особенностей, типичных для донских народных говоров.

Являясь одним из ответвлений общенародного русского языка, донские казачьи говоры сложились в результате особых исторических условий колонизации Подонья русским населением в XVI—XVIII столетиях, частично и в XIX веке, и имеют в фонетике, грамматическом строе и основном словарном фонде ряд специфичных для них черт, отличающих их от других русских народных говоров. Но, выделяясь в особую группу говоров, в то же время донские казачьи говоры—это плоть от плоти и кровь от крови общенародного русского языка, с которым они неразрывно и органически связаны всей своей историей и современным развитием.

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 37.

Как известно, массовое заселение Подонья относится к концу XV и к XVI столетию. Это был период образования централизованного русского государства, когда московское правительство стало стремиться к возвращению в состав русского государства старых южно-русских земель, производя одновременно укрепление всех своих «украин».

Еще Иван III, а за ним его внук Иван IV переселяет на Дон новгородцев, принесших с собою на новое место жительства вместе с отдельными новгородскими обычаями и некоторые особенности новгородского диалекта. Очень интересно малоизвестное указание И. Краснова, автора статьи «Низовые и верховые донские казаки», опубликованной в 1858 году в редактировавшемся Н. Г. Чернышевским «Военном сборнике» [1], о том, что в немногих старинных песнях, распевавшихся на Дону в конце XVIII—начале XIX столетиях, упоминались Волхов и новгородский посадник.

Конечно, переселения на Дон из северных и северо-западных земель Московской Руси были не единичны. Еще в XVIII столетии на Дону, видимо, было довольно много переселенцев из этих районов. Об этом говорят войсковые отписки и челобитные отдельных казаков, шедшие с Дона в Москву [2].

Но основная масса переселенцев на Дон была, очевидно, все же из других, более южных районов московского государства (Рязань, Орел, Курск и др.). Именно под влиянием южно-русских говоров складывались и речевые особенности донских казаков.

Наибольшая волна переселений на Дон проходила в конце XVI и в XVII столетиях, что, несомненно, было связано с усилением феодально-крепостнического гнета в укреплявшемся централизованном русском государстве.

На Дон шли не только из районов, подвластных московскому правительству. Еще в XVI столетии сюда переселилась часть запорожцев и значительное количество других украинцев. Выходцы из Украины обычно селились вниз по Дону, южнее Раздор, у нынешней Старочеркасской станицы. Пришельцев с Украины называли на Дону черкасами. Украинцы приходили и небольшими партиями и большими группами, причем приток их в низовые станицы, а затем и вверх по Дону и Донцу проходил довольно систематически на протяжении нескольких столетий.

Вообще Дон свободно принимал к себе людей различных земель и веры. Сюда бежали греки, ненавидевшие турок, грузины и армяне, подвергавшиеся у себя на родине двойному гнету—турецких или персидских завоевателей и «своих», внутренних феодалов-крепостников; несколько позже—к концу XVIII столетия—здесь нередко уже можно было встретить и черкесов, и турок, и татар, и калмыков, и даже персов. Широко распространенные среди донских казаков фамилии Хохловых, Хохловкиных, Грековых, Грузиновых, Карповых (от армянского «Карапет»?), Поляковых, Туроверовых, Турчаниновых, Татаркиных, Черкесовых, Калмыковых, Персияновых и им подобные говорят сами за себя.

В течение длительного периода на Дону происходил сложный процесс языкового смешения. Но победителем в этом процессе вышел русский язык, его южно-русский диалект с типичным «аканьем»—чертой, характеризующей общенародный, русский национальный язык в его литературной форме.

---

[1] «Военный сборник», т. I, СПБург, 1858, стр. 459—500.

[2] На это обратил уже внимание проф. А. В. Миртов в своей брошюре «Казачьи говоры». Ростов-Дон, 1926.

В истории образования донских говоров исключительно ясно и неопровержимо подтверждаются замечательные указания товарища Сталина о месте и роли языкового скрещивания в истории развития отдельных языков.

Иосиф Виссарионович Сталин учит:

«Скрещивание языков нельзя рассматривать, как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи» [1].

В ходе исторического развития с русским языком скрещивались языки других народов, и русский язык всегда выходил победителем. Он, правда, включал в себя отдельные слова из других языков, но это только обогащало и усиливало его.

«Что касается национальной самобытности русского языка,—говорит товарищ Сталин,—то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития» [2].

В оценке роли и значения исторических процессов скрещивания языков находит свое разъяснение и тот длительный процесс языкового смешения на Дону, в результате которого победителем вышел русский язык в его южно-русском наречии, несколько обогащенном в своем словарном составе за счет слов из языков народов, с которыми скрещивался здесь русский язык.

В донских говорах оказался сохраненным и грамматический строй и основной словарный фонд русского языка. Словарный состав донских говоров был несколько пополнен за счет украинской, тюркской и др. лексики. В отдельных говорах сказалось и влияние иноязычной фонетики, например в низовых говорах Дона. Но на наших глазах оно все больше и больше ослабевает, и господствующей выходит русская речь в типичной для нее звуковой окраске. Развитие донских казачьих говоров направляется теми же внутренними закономерностями, которыми направляется вообще развитие русского языка.

4

Уже в конце XVI столетия на Дону устанавливается деление донских казаков на «низовых» и «верховых». Хотя число низовых казаков было значительно меньше населения верховых станиц, низовые всегда пользовались особыми преимуществами по сравнению с верховыми казаками. Из них выбиралось вплоть до XIX века и войсковое начальство, местопребыванием которого искони были нижнедонские станицы (Раздоры, Черкасск). Низовые всегда были несколько образованнее и зажиточнее верховых.

Войсковая старшина, домовитые были, в основном, из среды низовых казаков. Именно их, в первую очередь, и привлекает к себе на службу в XVI—XVII столетиях московское правительство, посылая казацким атаманам и старшинам *царское жалованье. Домовитые,* получая это жалованье, всегда выступали в союзе с московской верховной властью. Тем самым углублялась социальная рознь в среде казаче-

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24—25.

[2] Там же, стр. 25.

ства, устанавливалась резкая грань между *домовитыми,* в основном,— низовыми казаками и *голытьбой,* состоявшей в большинстве из новопришлых верховых казаков.

Голутвенное казачество приняло активное участие в антикрепостническом движении, возглавленном Степаном Разиным. Оно поддержало и крестьянское восстание, во главе которого стоял Емельян Пугачев. Донская *голытьба* помогала Кондратию Булавину. Что касается *войсковой старшины, домовитых,* то они не только не поддерживали этих настроений, но, охраняя свое благополучие и боясь вызвать гнев царский, содействовали разгрому народных движений, предавая на смерть их вождей.

Таким образом, в XVII и XVIII столетиях в среде донского казачества действовали две социально определившиеся силы—*домовитые* и *голутвенное* казачество. Их социальная рознь должна была как-то отразиться и в языке. И, действительно, в лексике, преимущественно низовых казаков, мы находим ряд терминов, обидных прозвищ и выражений, употреблявшихся одними по отношению к другим.

Еще Евлампий Котельников в «Историческом сведении о Верхне-Курмоярской станице» (1818) говорит о том, что верховцев дразнят *чигой* (*чига востропузая* или *припузая*). И. Краснов сообщает, что низовые смотрели на своих верховых собратьев с неуважением, переходившим часто в полное пренебрежение. «Низовые создали для верховых прозвище «чига», которое верховым казалось очень обидно. И действительно, нельзя было не обижаться; сами низовые казаки, а в особенности казачки, слову «чига» придавали очень презрительный смысл»[1].

Верховые, с своей стороны, создавали всевозможные прозвища для низовых, называя их *бубличниками, тараньей толчью, сомовыми сумами* и т. п. Но эти прозвища, как замечает И. Краснов, не имели той повсеместности и общепризнанности, как *чига.*

Параллельно с *чигой* низовые казаки обозначали верховцев и другим бранным словом—*пихра,* первоначальное этимологическое значение которого, как и слова *чига,* забыто. Прав Р. А. Коньков, когда указывает, что «бранное слово «пихра», употребляемое низовыми казаками по отношению к «верховым»...—имело в себе исторически классовую основу таких взаимоотношений», добавляя при этом: «И еще не так давно, до революции, это слово в говоре употреблялось с тем же социально сниженным значением: «Ах ты, абарватая пихра, гаварили на мине кулачье» (запись)»[2]. С последним совпадают и значения слова *пихра,* придававшиеся ему в различных станицах Дона.

Р. А. Коньков, помимо слова *пихра,* приводит ряд других примеров различного классового осмысления слова.

Термин *иногородний* в казачьей среде до революции обозначал не только *не казака,* живущего в Донской области, но служил и «выражением того социального бесправия, в которое был поставлен этот «иногородний». «Иногородних тут не считали за человека: хахол, хам, пихра,— толькя» (запись)»[3].

Слово *зажиточный* в сознании *домовитого* осмыслялось не так, как в сознании бедняка. Последний, как правильно отмечает Р. А. Коньков, уравнивал его со словом *кулак,* что ярко и обнаружилось в условиях

---

[1] «Низовые и верховые донские казаки», стр. 460.

[2] «Ученые записки», т. XII. Факультет языка и литературы Моск. областного Пед. института. Статья «Из наблюдений над лексикой современной деревни», стр. 75.

[3] Там, же, стр. 75.

обостренной классовой борьбы на Дону (да и в других районах страны) в период коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса.

Выражения *маломочный, сопрягаться, ходить в погончих* и ряд других свидетельствуют о неоднородном классовом составе казачества до революции. *Маломочный*—это бедняк, не могущий сам, без посторонней помощи (нет лошади, сельхозинвентаря и т. д.) обрабатывать свою землю. Употребляя этот термин, кулаки стремились им завуалировать классовую сущность явления. *Сопрягаться* или просто *спрягаться* приходилось *маломочным,* чтобы объединенными усилиями провести пахоту и другие сельхозработы. «У тебе плух, а у мине лошать, кажниму ни пат силу,— вот и спригались. Спригались и такие, у каво ни кала ни двара»[1] (из записей Р. А. Конькова), *Ходить в погончих* значит батрачить на кулака, фактически быть социально бесправным. «Ходил ф пагончих три года, натирпелси»[2] (запись Р. А. Конькова).

Примеры можно было бы увеличить, но их вообще не так много. Даже просматривая тексты социально насыщенных донских песен о Степане Разине, гражданской войне и др., мы встретили лишь единичные случаи специфичных «классовых» по своему содержанию и осмыслению слов.

Разинский песенный цикл на Дону всегда в теплых тонах говорит о замечательном донском атамане Степане Разине.

Степан Разин, как поют на Дону, *«люду бедному сам защитничек, лютый недруг всем насильникам»* («Ай, не шумкóм-то шумит дубровушка»), призывал:

Ой да, отстоим жа мы, братцы-товарищи,
Ой да, жизню вольнаю, свободнаю.

(«Ой, загорелась во поле ковылушка»)[3].

Свои классовые симпатии к нему народ, донская голытьба выражали и в своих песнях, называя его *добрым молодцем, соколом,* ласковыми именами: *нашим атаманушкой, Степанушкой, Стенюшкой, Степанушкой-батюшкой, ясным соколочком, родимай жа ты, наш батюшка, роднай батюшка, наш Степанушка* и т. п.

Ни в одной подлинно народной донской песне о Степане Разине нет презрительного, с отрицательной характеристикой, наименования *Стенька Разин,* которое так стремились привить народу царские указы и церковь, анафематствовавшая Разина. И если изредка в народной песне мы встречаем имя *Стенька,* то оно дается в контексте, исключающем отрицательное отношение народа к Степану Разину.

Пример:

Народился молодец —
Стенька Разин удалец

(«У нас, братцы, было на Дону»).

Не воры-разбойнички,
Ой-да, Стеньки Разина мы работнички

(«Ой да, ты взойди, взойди»).

---

[1] «Из наблюдений над лексикой современной деревни», стр. 75.
[2] Там же.
[3] Здесь и всюду донские казачьи песни цитируем по записям А. М. Листопадова.

И, конечно, в произносившиеся с пренебрежением и презрением *домовитыми* такие термины, как *голь, голытьба, голь бедняцкая* и подобные им, самим Степаном Разиным и его *работничками* вносилось совершенно иное содержание. Одни и те же социальные термины воспринимались по-разному представителями *домовитого* и *голутвенного* казачества.

Обычными словарными и грамматическими средствами единого общенародного языка представители различных классов на Дону выражали свои классовые идеи, представления, оценки, принципы, мировоззрение в целом.

Специально созданных для этой цели слов очень немного. Помимо приводившихся выше, укажем на употребляемое в песнях слово *богатеи,* вошедшее сейчас в состав единого общенародного, национального языка и имеющее определенный классовый оттенок.

Таким образом, донские словарные материалы со всей неопровержимостью подтверждают слова товарища Сталина о том, что, влияя на язык, классы вносят в него свои специфические слова и выражения, иногда по-разному понимая одни и те же слова и выражения. Вместе с тем, эти материалы полностью подтверждают и важнейшие указания И. В. Сталина о том, что:

«Во-первых, таких специфических слов и выражений, как и случаев различия в семантике, до того мало в языке, что они едва ли составляют один процент всего языкового материала. Следовательно, вся остальная подавляющая масса слов и выражений, как и их семантика, являются общими для всех классов общества.

Во-вторых, специфические слова и выражения, имеющие классовый оттенок, используются в речи не по правилам какой-либо «классовой» грамматики, которой не существует в природе, а по правилам грамматики существующего общенародного языка.

Стало быть, наличие специфических слов и выражений и факты различия в семантике языка не опровергают, а наоборот, подтверждают наличие и необходимость единого общенародного языка»[1].

5

Приступая в дальнейшем к краткой характеристике основных фонетических, грамматических и словарных особенностей донских казачьих песен в записи А. М. Листопадова, пишущий эти строки должен предупредить, что, как неоднократно указывалось в диалектологической литературе, донские говоры, в основном, делятся на верховой, среднедонской (промежуточный, переходный) и низовый говоры. Все они имеют южно-русскую основу, причем в местах соприкосновения с украинским населением ими в результате давних исторических связей заимствованы и отдельные украинские языковые черты, преимущественно—звуковые и словарные.

Отмечая отдельные особенности донских говоров, диалектолог обычно вынужден указывать на большую или меньшую степень распространения здесь того или другого явления.

Слишком категоричные заявления о существовании той или иной языковой черты «только здесь» или «только там» будут в большинстве случаев не верны. Не случайно, видимо, и все авторы, писавшие о дон-

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 34—35.

ских говорах еще в предреволюционный период, были очень осторожны в прикреплении отдельных языковых черт к строго определенной местности. Так же, в конечном счете, поступил и профессор А. В. Миртов, имеющий большие заслуги в изучении донских говоров. В своей работе «Донской словарь» [1], опубликованной им через три года после «Казачьих говоров» [2], он уже не упоминает о дробной классификации донских говоров, которую он же намечал в брошюре «Казачьи говоры», и указывает просто общедонские особенности речи и отдельные местные черты без прикрепления их к строго определенному месту.

Несмотря на имевшиеся порою разнородные влияния, скрещивание различных языковых черт, исторически на Дону складывался единый донской диалект, характеризуемый рядом звуковых, грамматических и словарных особенностей. Это очень важный исторический процесс в развитии языка. В современных нам условиях он должен, естественно, смениться другим, не менее важным, историческим процессом—отмиранием специфических для диалекта черт и слиянием, исчезновением его в едином общенародном, национальном языке.

В советский период и особенно сейчас, в эпоху великих сталинских строек, строек коммунизма, происходит интенсивный процесс унификации русских народных говоров, сближения и слияния их с общенародным, национальным русским языком. Этот процесс обусловлен социалистическим развитием нашей советской деревни, уничтожением тех граней между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, которое является неизбежным и естественным следствием построения коммунизма в нашем великом социалистическом отечестве.

Вполне понятно поэтому отмирание многих языковых особенностей, не так еще давно характеризовавших и донские говоры, уничтожение тех границ, которые, хотя бы и относительно, отделяли один говор от другого.

«...некоторые местные диалекты,—учит товарищ Сталин,—в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская «речь») русского языка, который лег в основу русского национального языка. То же самое нужно сказать о полтавско-киевском диалекте украинского языка, который лег в основу украинского национального языка. Что касается остальных диалектов таких языков, то они теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них» [3].

Несомненно, что и донские говоры, усиленно развиваясь сейчас в направлении к общенародному, национальному русскому языку, теряют свои специфичные черты, постепенно вливаются в единый национальный русский язык и исчезают в нем.

6

Отметим основные фонетические особенности донских говоров.

Безударное *о*, как в слогах предударных, так и в заударном положении, звучит в большинстве донских говоров обычно, как *а*. Исключением является произношение гласного *о* во втором предударном и за-

---

[1] «Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков». Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов, № 58; Ростов-на-Дону, 1929.

[2] Изд. «Севкавкнига», Ростов-на-Дону, 1926.

[3] Марксизм и вопросы языкознания, стр. 37.

ударном слоге как глухого гласного (ъ), иногда приближающегося к *ы* в ряде верховых и среднедонских станиц [1].

Таким образом, типичным на Дону можно считать сильное недиссимилятивное аканье, сохранившееся и у казаков-некрасовцев, находившихся более двухсот лет в иноязычном окружении за пределами своей родины [2].

Параллельно с ним широко распространено на Дону и так называемое «яканье», т. е. произношение *а (я)* на месте предударных орфографических *е* (из старых *е* и Ѣ) и *я*. В донских говорах обычно прослеживается два типа «яканья»: 1) сильное яканье, т. е. произношение *а (я)* на месте орфографических *е* и *я* независимо от качества последующего ударяемого слога; 2) диссимилятивное яканье, иначе—произношение *а (я)* перед слогом с ударными *и, у, ы* и произношение *и* перед слогом с ударяемым *а*. Перед ударяемыми *о* и *е* могут произноситься и *а (я)* и *и*.

Сильное яканье более распространено в верховых станицах. Широко прослеживается оно и у казаков-некрасовцев. По мере продвижения на юг по Дону можно наблюдать ослабление яканья: сильное яканье заменяется диссимилятивным, которое, в свою очередь, постепенно вытесняется «иканьем», т. е. произношением на месте орфографических *е* и *я* гласного *и*, иногда даже во втором до ударения и в послеударном слоге.

Обратимся к примерам. Случаи сильного яканья:

1. *Дрями, дряма* (2), за куделью, (2)
2. На ум, *дряма* (2), туча идет, (2)
3. Сем я стану (2), сем *тряхнуся*, (2)
4. Сем *тряхнуся* (2), *абярнуся*... (2)

(Веснянка «Дреми, дрема, за куделью», — стан. Луковская на Хопре).

ъ...Што *ж ня пьешь, ня ишь,* што *ня кушаишь*
Пасвярьхю таво мелкав зенчуга...[3]
Вы падитя жа ва *тямны ляса*...

(Из записи у некрасовцев: «Ой, у молодца голова болит»)

Впрочем, сильное яканье иногда не выдерживается до конца в песне и заменяется диссимилятивным.

В записанной в 1937 году в низовой станице Аксайской казачьей песне «На заре было, на зорюшке» при системе «иканья» в предударном положении после твердого шипящего *ж* на месте *е* находим только *а: ни жанися, жана, жаной, нижанатому* и т. п.

---

[1] Поскольку фонетические особенности донской казачьей речи наиболее полно сохранены лишь в первой печатной работе А. М. Листопадова «Донская казачья песня» («Труды Музыкально-Этнографической комиссии», т. 1, 1906; имеются отдельные оттиски из «Трудов», 1905) и в подготовленной к печати рукописи «Песни казаков-некрасовцев», 1940,—иллюстрации по вопросам вокализма, в основном, берем из этих работ точно в записи А. М. Листопадова. Вообще в приводимых нами примерах стараемся полностью сохранить транскрипцию А. М. Листопадова. Тексты, подвергшиеся литературной правке, сверяем с частично сохранившимися у нас перепечатанными на машинке экземплярами рукописей покойного исследователя, проверенными им лично.

[2] См. ст. А. М. Листопадова «Песни казаков-некрасовцев», стр. 26—32 данного тома.

[3] Зенчуг—жемчуг.

Включение отдельных форм с «аканьем-яканьем» в систему икающих говоров низовьев Дона обычно.

Следует отметить параллельное употребление «якающих» и «неякающих» форм одних и тех же слов, что объясняется, как правило, требованиями напева, например:

«Ай, ночи *тёмные,*
Ай, вы, *тямны́е* мои ночушки,
Тёмные, осенние,
Ай, *тёмные,* осенние!»

(Из записей в стан. Ермаковской, х. Крылов: напев и текст см. в III т. «Песен донских казаков», изд. 1951 г., стр. 48—49).

Нередки случаи замены гласного *а* под ударением гласным о: *закусо́чка сахо́рная, паграмлю всех бага́тырей, муж бро́нится, пораспо́жены* и т. п.

Возможна под ударением и замена гласного «а» на «е».

В былине об Иване Гординовиче:

Пораскинули *шатры* белые,
Шатры белые полотняные...
Да и что это, что за *ше́трики,*
Что за *ше́трики,* что за белые?

(«Да во славном было да во городе», — стан. Усть-Быстрянская, х. Кременской).

Как и для всего южно-русского диалекта, донским говорам свойственно длительное произношение согласного *г* ɣ в отличие от взрывного произношения его в северно-русском диалекте и в русской литературной речи. В конце слов длительный *г* в донских говорах звучит, как *х*.

Во всех донских говорах, как и в южно-русском диалекте в целом, окончанием 3-го лица глаголов является *ть (т')*. Этим объясняется полное созвучие орфографических *ть* и *т*,—например:

«А на Волгу итить—там ворами *слыть,*
Под Казань итить город—там сам царь *стоит...»*

(«Ой, как проходит, ребята, лето теплое», — стан. Усть-Быстрянская, х. Кременской)

К типичным общедонским явлениям относятся слоги *кя* и *кю* в конце слов, образовывающиеся в результате уподобления звука *к* предшествующему мягкому согласному: *маменькя, маменькю, ножинькя, ножинькю, пашинькя, злодейкя, Васькя* и т. п.

Единичны случаи употребления сочетания *кё*. В песне о полковнике Иловайском, записанной в станице Малодельской, находим один из подобных немногочисленных случаев:

«Ей да, вот и, сы таким-то бы вот, братцы, сы праздничком,
Сы праздничком с петровы... с петровым *дянькём...»*

Другой пример из записи в стан. б. Екатерининской:

«Ай, красна де... ну-ка, девочка рубашечки банила,
Ой да, золотым, толечко, *валькём,* ой да, выколачивала».

(«Ай-да, во ключику было...»)

Примеров на смягчение заднеязычных *г* и *х* в песенных текстах мы не встретили. В бытовой речи они прослеживаются (*Ольгя, сверьхю* и др.).

Литературное *щ* звучит на Дону, как долгое твердое *ш*.

«Всю кожу *спушшу*,
Гулять ни *пушшу*.

Кожа *тошшится*,
Гулять хочется».

(«У меня, младой, растварён терём»,—стан. Аннинская).

Обычны в песнях: *собачи́шша, кобыли́шша, за́ймишша* и т. п.

Орфографическое *зж*, в русском литературном языке произносимое, как длительное мягкое *ж*, в донских говорах звучит, как длительное твердое *ж: сыежжая, разъежжая* и т. п.

Тот же долгий твердый *ж* звучит в различных падежах и суффиксальных образованиях от слова «дождь»: *дожжик, дожжи, дожжа* и т. п.

Орфографические *чт, чн* в донских песнях звучат всегда, как *шт, шн: што, штоба, замишталася*-замечталася, *друх сердешнай, станишник*—станичник и т. п.

Шипящий *ч* и орфографическое *сч* произносятся иногда, как смягченный *ш*, близко к *щ: листощики*—листочки, *бищаснаи*—без счастья, несчастливые. Особенно сильно эта черта представлена в речи некрасовцев.

Здесь поют:

«Пашто жа ты все *щирна?»*
— Трубу, сударь, *щистила!» («Поел козел»)*

«Он приметы *примещаить*[1], дружка *варащаить»*[2]
(«Ой, ты, хмель»).

Остатками давнего смешения на Дону шипящего *ж* и свистящего *з* является укрепившееся в песне произношение *зенчуг* или *земчуг, зенчужнай* или: жемчуг, жемчужный.

Более часты в донской казачьей песне случаи замены свистящего *ц* звуком *с* или сочетанием *тьв: святы, тьветы, светики*—цветы, цветики. Эта особенность произношения распространена не только в низовых, но и в среднедонских и в верховых станицах Дона, хотя, конечно, сейчас решительно идет на убыль.

Очень широко замена звука *ц* свистящим *с* распространена в речи некрасовцев (*канес* — конец, *младес* — молодец, *платтиса* — платьице и т. п.), что, видимо, может объясняться двумя причинами:

1) сохранением в говоре некрасовцев старого, более частого, чем сейчас, использования на Дону *с* на месте *ц* и

2) возможной поддержкой и укреплением этой черты у некрасовцев длительным окружением турецкого населения, в языке которого звук *ц* отсутствует.

По всему Дону наблюдается мена звуков *в* и *у*. Мена эта касается предлогов, приставок и вообще слов, начинающихся с этих звуков. Ритм песенной речи приводит и к употреблению рядом одного и

---

[1] «Примещаить» — примечает.
[2] «Варащаить», — ворочает, возвращает.

того же слова с приставкой *у* и заменяющей ее в донских говорах приставкой *в*. Например:

«Крылушками да долинушку *вкры*... вот, *укрыли*
Ай да, крылушками
Да долинушки *вкрыли*, ой...»

(«Ой да, во лужку»,— стан. б. Екатерининская).

«Да *вставай* же ты, *уставай* скорей,
Вот бы, мой живой товар!»

(«Ай, как у нас-то было»,— стан. Калитвенская).

Звук *ф* слышится довольно часто в казачьей песне (*фуражечка, фланг, фронт* и др.). Это вполне понятно, поскольку донские казаки на военной службе, в походах усваивали специальную военную лексику. Но нередко все же и в военно-бытовых, и в бытовых семейных песнях на месте *ф* употребляется или *х* или *хв: хуражечка, хлантировка*[1], *сахвяны сапожки* и др.

Звучание *хв* появляется и на месте литературного *кв: хвартерушка*—квартирушка. Очевидно, промежуточным звеном здесь является занесенное на Дон чужеязычное слово *фатера, фатерушка*.

В Бело-Калитвенской записано:

«Вот изготовь ты мне *фатерушки*
Во самой-то кременной Москве...»

(Из песни «Ай, вот хвалится француз, выхваляется»).

В Нижне-Курмоярской:

«Вот, майор *хварте*... ну, *хвартерушку*
Ай, майорушка, вот и, выбира...ай, выбирает».

(«Ай, вот и, не дежур-то бы майор»).

Очевидно, через переход конечного *в* в *ф* появляется в этом положении на месте вторичного *ф* звук *х*. В некрасовской песне «Ай во издáлека» дважды встречаем форму *казачкóх* вместо *казачкóв*[2].

Редкий, но весьма интересный случай мены *х* на *ф* записан в станице Кочетовской (хутор Апаринский): «Ай, не *сафóрными* сладкими усто... вот, усточками»... *Сафóрными—сахóрными* (сахарными). (Из песни «Ай, не два-то бы орла»). В бытовой речи подобные случаи не единичны.

Отмечаемая, как типичное явление для низовых станиц, мена *ы* на *и* прослеживается, хотя и в меньшей степени, и в среднедонских и в верховых станицах.

Из записи в Усть-Белокалитвенской станице:

«Приутихли *камари* на белой заре...
Во сне вижу будто миленькай пришел,
Будто милай во *висок* терем вошел...»

(«Уж вы, мушеньки да комарики мои»).

---

[1] «Хлантировка» — фланкировка, обходное движение с флангов, продольное обстреливание.

[2] В речи некрасовцев часты подобные формы род. пад. множ. числа: «Пръмяжу туркъх», «абманъх многа», «у рыбаках дянжатки хватить», «быкох» и т. п., см. А. С. Никулин. «Предварительное сообщение о языке казаков-некрасовцев»— «Ученые записки» Ростовск. пединститута, т. I, Ростов-на-Дону. 1939, стр. 119.

«Звезда, она *високо,* ей, взошла»—записано в х. Крылове, Ермаковской станицы.

Примеры указывают на ограниченное количество лексики, в которой сохраняется замена твердого *ы* мягким *и*. Явление это идет сейчас на убыль и в низовых станицах Дона.

Требованиями ритмики песенного напева объясняется, видимо, специфичная огласовка предлогов и приставок *с, в, к* и некоторых других. В донских говорах они часто звучат, как *сы, вы, кы: «вы город пошла», сы вечеру, кы белой-то заре, сырывала девица спелай виноград»* и т. п.

В зависимости от того же песенного напева и ритмики стиха находится и чередование предлога *с* с огласовкой *ы (сы)* и без нее.

Приведем лишь пример из записи в хуторе Меловатском Мигулинской станицы:

«Ай да, ну живут-то *сы* чужим,
Ей, ну, живут-то они *с* чужим,
Живут *сы* чужим мужам.
Ай да, *сы* чужим-то *сы* мужам,
Ей, *с* молодым-то бы, ну, донским,
С молодым донским казачком,
Ай да, *сы* донским-то *с* казачком,
Ей, *с* молодым-то бы, ну, донским, ей,
Славным-то бы песенничком».

(«Ай да, лучше бы девочка на свет не родилася», «ПДК», т. III, стр. 73—74).

Обращает на себя внимание параллельное и одновременное (иногда в пределах строфы, рядом находящихся стихов) употребление в донских песнях русских *«полногласных»* и старославянских *«неполногласных»* форм: *молод* и *млад, золото* и *злато, полон* и *плен, дерево* и *древо, по́лымя* и *пламя, пламень* и т. п. Параллельное использование этих форм прослеживается в различных песенных жанрах. Так, в былине о Дюке Степановиче встречаем рядом:

«Лежит ***младец*** прислухается...
Ото сну-то бы он,
Удал добрый ***молодец,***
Ото сну-то он пробуждается,
Младец пробуждается...»

(стан. б. Есауловская).

То же в лирической «Ой да, как вскрывалась у нас весна красная». Чередование *млад—молод* проходит через весь текст песни.

В исторической песне о Ермаке под Казанью в смежных стихах находим формы *полон* и *плен:*

«Не берите во *полон* вы ни одной души,—
Как и *плен* казакам нашим не надобен...»

(х. Кременской Усть-Быстрянской стан.).

В былинной песне об Индрик-звере дается полногласная форма *поламья* (пламя), а в казачьей походной, военно-бытовой «Ай, в поле ветер завывает» неполногласная форма *пламень.*

В песенных текстах встречается только полногласная форма ***жереб, жеребий.*** Форма *жребий* не употребительна.

В песне о Змее Тугаринове колоритно звучит русская форма *жирала*[1] рядом с глаголом *жрать*.

«Ай, ну *жирала* свою он расставил Змей
Супротив ворот.
Ай, он пожрал-поел вот и лютый Змей
Всех курей, гусей,
Ай, всех курей, гусей пожрал лютай Змей,
Весь рогатый скот...
А и ну, *жирала* свою да направил Змей
На бояр-князей».

(*«Ай, в Вавилоне было»,— стан. Нагавская*).

В примерах с полногласными (русскими) и неполногласными (старославянскими) формами мы не ощущаем каких-либо стилистических различий высокоторжественной в одном случае и обиходно-бытовой окраски речи — в другом. Видимо, в отличие от литературного языка народная песенная речь не употребляет в качестве особого стилистического приема «славянских» и «собственно-русских» форм. Выбор в каждом конкретном случае одной из них определяется, по всем данным, только ритмо-мелодическими требованиями песенного текста.

Требованиями народнопесенного стихосложения объясняется и необычная расстановка ударений в донских казачьих песнях.

Вот типичный пример:

«Ой да, да не Дунай речи говорит,
Ой да, не сизые они орлы кличут,—
Ой да, по поднебезью орлы летят...
Ой да, ну, возговорит наши казаченьки...
Ой да, соляные все там озера».

(*«Ай, да не речушки шумят»,— стан. Усть-Быстрянская*).

Нередки случаи, когда два одинаковых слова, стоящие рядом, имеют различные ударения, что, конечно, опять-таки объясняется требованиями ритмики напева. Примеры:

«В зеленых, в зеленых лугах,
Ой да, в зелёных-то лугах...»

(*«Ой да, ну как пишет письмо»,— стан. Нижне-Курмоярская*).

«Из-за гор-то крутых,
Было из-за кру... из-за крутых гор...»

(*«Из-за гор-то крутых»,— х. Кременской Усть-Быстрянской стан.*).

«Ай, во руке *держит*, он *держит* царев,
Он *держит* царев указ,
Ай, во другой руке *держит* саблю во...
Держит саблю вострую».

(*«Ай, да по матушке, по Калышинке»,— стан. Голубинская*).

---

[1] «Жирала» — жерло, пасть.

На ударных слогах песни выпеваются очень часто развитые и богатые мелодические образования (в северных местностях называющиеся «разводами»), связанные со свободной мелодической орнаментацией, с «распеванием» гласных. В силу этого тот или иной слог, в обычной речи не несущий на себе ударения, и оказывается иногда исключительно важным и центральным в музыкальной фразе. Достаточно, для примера, обратить внимание на мелодическое расцвечивание ударных слогов, хотя бы в слове *крутых* в песне «Из-за гор-то крутых» («Песни донских казаков», т. II, ч. 2, стр. 264—265), чтобы понять роль ударного слога в музыкальной фразе и исключительную важность при напевно-текстовой записи отмечать отклонения от обычной расстановки ударений в словах.

Обратимся к анализу основных грамматических особенностей в языке донской казачьей песни.

Система склонения существительных в донских говорах, в основном, та же, что и в русском литературном языке.

В отличие от литературного языка, существительные мужского рода в родительном и предложном падежах употребляются преимущественно с окончанием *у*: *сы Тиха Дону, сы правого флангу, с кабаку идеть* —из кабака идет, *мимо садику, конца-краю нет, с граду вон*—из города вон, *огню нехватало, дожжочку, ветерочку* и др.; *во кругу, во Черкасском городу́, на диком брегу́, на кажном столбо́чку, на мо́лодцу, на своем добром коню́, во диком во краю́* и т. д. Как видно из примеров, окончание *у (ю)* в родительном и предложном падежах употребляется независимо от места ударения в слове.

Для всех говоров Дона типичен переход имен существительных среднего рода в категорию имен женского рода. Имена прилагательные, местоимения, порядковые числительные и глаголы в прошедшем времени, согласуясь с потерявшими средний род существительными, принимают форму женского рода. Окончание *е, о* в именительном—винительном падежах существительных сохраняется только под ударением, причем согласуемое с ним слово все же выступает в форме женского рода.

Таким образом, и при синтаксическом согласовании существительные среднего рода воспринимаются в донских говорах как имена женского рода: *лета теплая, чада милая, моя дитятка, стада лебединая* и т. п.

В былинах о Добрыне Никитиче находим падежные изменения слов *чадушка, железа*, обычные для имен существительных женского рода на *а: чадушка, у моей чадушки, стучит железою* и т. п.

Широко распространены формы женского рода на месте существительных среднего рода в песнях казаков-некрасовцев:

«Ой да, я у матушки радной
Я и *гори* ни знала,
Ой да, я с табой та, падляцом,
Всю горю узнала!»

(*«Ой да, я батюшки свово»*).

«Брасай, казак, *ружью* чистить...»

(*«Ой ты, хмель»*)

Вместо литературных с *досады, у сестры, у кумы* и т. п. в песенных текстах часты: *с досади, у сестре, у маменьке* и т. д.

Одновременно с этим наблюдается образование от существительных женского рода дательного и предложного (местного) падежей на *ы: кы содицы, вдоль по улицы, во раздольицы* и т. п.

Существительные женского рода, оканчивающиеся на мягкий согласный, при ударении на флексии, нередко принимают в предложном (местном) падеже окончание *é* (отсюда: на *степé*, на *грудé*, в *честé* — в чести и т. п.).

Из форм множественного числа, помимо отмеченных, укажем на довольно широкое использование отсутствующих в литературном языке форм с собирательным значением: *меренья́* — мерины, *конья́* — кони, *воронья́* — вороны, *вы́шенье* — вишневый сад, *гру́шенье* — грушевый сад, *сроствие*—родственники и т. п.

Интересна собирательная форма имени, записанная в станице Тишанской:

«Кубанская речушка
Слязью она протякла».

(*«Ай, манит парень девочку на Кубань»*).

Широко распространены по всему Дону отличные от литературных формы родительного падежа множественного числа на *ов*, образуемые от существительных всех родов: *делов, местов, медведев, солдатов, лодырев, машинов, кораблев* и др. Эти образования довольно обычны и в песенных текстах, где встречаем—*татарушков, боярушков, пьяницав, кораблёв, с ружьев* и т. п.

Нередки случаи образования творительного падежа множественного числа на *ми:*

«За плячьми-то носил он свою винто... ну, винтовочку».

(*«Ай, между Кум-Кумы»,—о Краснощекове,— запись в стан. б. Екатерининской*).

«Ай, *слязьми* горькими казачек заливается...»

(*Ай да, во ключику было»,— х. Насонтов, б. Екатерининской стан.*).

«За гусьми-то лятит, ой да, стар сизой орел...»

(*«Голова ли моя, ты, головушка»,— стан. Новонекрасовская*) *и др.*

Будучи глубоко эмоциональной по своему содержанию, русская песенная речь богата всевозможными способами выражения переживаний и чувств певца, его отношения к излагаемым в песне историческим и бытовым фактам. При помощи различных уменьшительных, увеличительных, ласкательных, презрительных и других словарно-грамматических образований народ дает свои оценки всему, что в общественной и личной жизни привлекло его внимание и стало содержанием песни. Именно поэтому в произведениях устной народной поэзии так много слов с уменьшительным, ласкательным, укоризненным и т. п. значениями. Для образования их используются разнообразные суффиксы так называемой

субъективной оценки, значительная часть которых совершенно не употребляется в литературной речи [1].

О степени насыщенности донской народной песни словами с субъективной оценкой, созданными при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов, можно судить по типичной для Дона в этом отношении песне «Ах и, грушица все зеленая», записанной в станице Иловлинской [2].

Сравнительно небольшой текст песни включает в себя необычное для литературной речи количество уменьшительно-ласкательных слов: *грушица, шкорочка* (два раза), *листочики, мальчишечка, разбедняжечка, головушку* (два раза), *сторонушку, последочек, раскрасавица, полюбовница.* В небольшом стихотворном тексте мы находим двенадцать слов с суффиксами «субъективной оценки», слов, в которые вложено волнующее певца чувство. Многие из этих слов не приняты в литературном языке: *грушица, разбедняжечка, последочек, раскрасавица, полюбовница.* Это — словесно-поэтическое создание народа. Уменьшительно-ласкательное значение слову придают здесь не только суффиксы—груш-*ищ*-а, разбедняж-*ечк*-а, послед-*очек,* раскрасав-*ищ*-а, полюбовн-*ищ*-а,—но и префиксы *раз (рас), по* в непринятом в литературной речи употреблении. Литературный язык не знает и форм *листочики, шкорочка,* имеющих диалектный характер и естественно входящих в текст народной песни. Щедрость, с которою народ употребляет в песне слова с уменьшительно-ласкательным значением, придает ей особенно поэтичный, эмоциональный колорит.

Уменьшительно-ласкательного суффикса *ушк* при словах мужского рода с твердым согласным на конце русский литературный язык не знает [3]. Слова мужского рода *глазушки, балаганушки, казачушки, сенаторушки,* а также *злодеюшки, зверинушка, орлинушка* и им подобные с суффиксом *ушк* обычны для донской народной песни, отражающей речевые особенности живых донских говоров.

Значительно шире, чем в литературной речи, суффикс *ушк* используется на Дону в словах женского и среднего рода: *зимушка, ямушка, землянушка, охотушка, вершинушка, сердечушка, солнушка, озерушка, словечушка* и др.

Не ставя перед собой задачи каталогизировать все уменьшительно-ласкательные суффиксы в донских песенных текстах, отметим, что многие из них используются значительно шире и чаще, чем в литературном языке.

Суффикс *очк(а)* в литературном языке обычен для слов женского рода на *а* типа *галка — галочка, звезда — звездочка* и др. [4]. В песенных текстах суффикс *очк(а)* находим в словах женского рода, имеющих в литературном языке мягкий согласный, например:

«Ой да, что не *пылочка* во чистом-то поле
У нас подыма... подымалася...
Ой да, на нем *шорсточка,* на том Индричку,
Она не звяри... не звяриная».

(«Ой да, что не пылочка»,—стан. Маринская)

---

[1] Об уменьшительно-ласкательных суффиксах в современном русском литературном языке, см. «Русский язык» акад. В. В. Виноградова, Учпедгиз, 1947, стр. 115—116; 125—127; 143—145.

[2] См. «Песни донских казаков», т. III, стр. 166.

[3] См. «Русский язык» акад. В. В. Виноградова, Учпедгиз, 1947, стр. 115—116.

[4] Акад. В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 144.

Суффикс *очк(а)* встречаем и в словах, относящихся в литературном языке к среднему роду:

«Как наехал-то я на *чудочку*,
На славнай, на сырай дуб...»

(*«Ай, много хаживал»—Спор сокола с конем; х. Большой Маршинской стан.*).

Донские говоры не знают суффикса существительных среднего рода *ышк(о)*. Его всегда заменяет как бы общеродовой в них суффикс *ушк(а): гнездушка, крылушка, перушка* и др.

Специфично диалектными являются суффиксы *юшек, уньк, ун(я), ачк(а), оночк(а)* и нек. др.: *соловьюшек, дорожунька, казачуньки, жанёночка, бабёночка, кумуня, кумачки, дявунюшка* и т. п.

Видимо, в единичных случаях употребляется суффикс *ишечк(а)*, встречаемый в слове *мужжишечка* в значении *муженек*, с презрительным оттенком. Наиболее широко в этой функции применяется суффикс *ишиш(а)*, равный литературному *ищ(е): собачишиша, кобылишиша, водовозишиша* и т. п.

В песенно-речевом контексте бессуффиксные слова, как правило, чередуются со словами, имеющими различные уменьшительно-ласкательные и им подобные суффиксы. Нередко можно наблюдать одновременное употребление в одной и той же песне, а иногда в одной и той же строфе слова одного корня то без суффиксов, то с различными суффиксами: *брови—бровочки; глаза—глазушки; соловей—соловьюшек; бабочка — бабеночка; девочка — дявунюшка; кумушки — кумуни* и др.

Подобные чередования обычны в народнопесенной речи. Часто они даются уже в первом куплете песни:

«Ой, да вы, *лéсы* мои, ей, вот вы, мои *лéсушки*,
Да вы, *лéсушки* мои те... ей, *лéсы* мои темные».

Казачья песня о выборах Степана Разина атаманом использует тот же прием художественного обыгрывания слова, как бы центрального в данном куплете-четверостишии:

«Ай, как *на рéчке* было, *на рекé*,
Братцы, *на рекé*, вот!
На *рéчушке* на Камы...
Братцы, на Камышинке».

(*«Ай, как на речке было, на реке»,— стан. Филоновская*).

Ярким образцом подобного построения песенного текста является записанная в стан. Нагавской песня о Степане Разине: «Ой, из под Шат-то горы». Здесь в первом четверостишии:

«Ой да, из-под белого *камушка*,
Камня бел-горю... бел-горючего...»

Во втором куплете:

«Ой да, из-под ку... из-под *кустика*,
Куста тавалжа... тавалжанного...»

В третьем:

«Ой да, из-под *гнездушка* вот было,
Гнезда соловьи... соловьиного...»

В четвертом:

«Ой да, протекала там *речушка*,
Текла *речка* бы... *речка* быстрая...»

Во втором, третьем и четвертом куплетах, помимо этого, повторяются две последние строки предыдущего куплета; тем самым количество повторов с чередованиями различных слов от одного и того же корня увеличивается вдвое. Пятое четверостишие еще больше развертывает цепь чередований:

«Ай да, протекала там *река,*
Ой да, текла *речка* быстрая, *речка* быстрая,
Ой да, растекалася *речушка,*
Речушка Бога... ой Богатая...»

В шестом куплете вновь:

«Ой, растекалася *река,*
Ой да, *речушка* Богатая, ой, Богатая,
Ой да, как по той-то бы *речушке*
Плывет легка ло... легка лодочка» и т. д.

Богатство суффиксов в народном диалекте, при помощи которых поддерживается ритмика, создает экспрессивность и художественную выразительность речи, приводит к созданию многочленного ряда словообразований от одного корня.

У некрасовцев в песне «По Дунаю, Дунаечку» от одного корня *стар* образуется сразу пять слов: *ста́рый, старо́й, старик, старина́, старинушка*. От слова *лес* в донских песнях встречаем: *лесик, лесок, лесочек, лесушки.* От слова *терн* (ягодный кустарник): *терен, тернок, терянок, терняночик.* Обычны: *стадо—стадица—стадичка—стадушка; заря—зорька—зоренька—зорюшка; баба—бабочка—бабенка—бабеночка; жана—жонушка—жаненка—жаненочка; девка—девочка—девчоночка—девунька—девунюшка; кума — кумочка — кумушка — кумунька — кумуня; глаз — глазок — глазочек — гла́зочки — глазушки — глазеночки; дорога — дорожка — дорожечка — дороженька — дорожунька(-кя); горе — горюшка — горюшечка —гореваньица; казаки — казачки — казачечки — казачушки—казаченьки — казачуньки и т. п.*

Переходя к анализу прилагательных в донских песенных текстах, укажем на обычный для народной поэзии прием параллельного использования прилагательных с так называемыми членными (полными) и нечленными (краткими) формами (окончаниями).

В былине о встрече Добрыни с Ильей Муромцем:

«Ай, мои *русые, русы* усушки,
Они обломи... обломилися...»

(*Ай, да не буйные ветероч(и)ки»,—*
стан. Урюпинская).

В бытовой протяжной «Ой да, посидите, гости, побеседуйте»:

«Ой да, у мого-то, да было, ей,
У *родного* батеньки, у *родна* батеньки...»

(*х. Насонтов, Красно-Донецкой стан.*).

Чередования полных и кратких форм прилагательных, несомненно, зависят от напева, от всего ритмического строя песни.

Рядом с литературными в донских говорах имеются и свои, особые способы оформления относительных имен прилагательных, нередко

употребляемые параллельно с принятыми в современном литературном языке. Приведем примеры:

«Ай, да мы *куничии* пошьем себе ша...
Куньи шапочки,
Ай, ну *лисичии*, братцы, себе шу...
Лисьи шубочки,
Ай, *соболевенькие* все себе сапо...
Все сапожечки!»

(Из песни о Ермаке, ст. Малодельская)

«А бока-то сведенные *по-змяиному*
Ну, как голову вон держит *по-кониному...*»

(Из песни о Степане Разине стан. Нижне-Курмоярская).

В то же время:

«Вот и едя Алеша на *змеиновым* коню».

(Из былины об Алеше Поповиче и Змее Горыниче, стан. Усть-Быстрянская):

«Ой да, зачернелася эта полюшка,
Вот полюшка рассейская,
Ей, не *конёбыми* копытами...
Она копытами..».

(Из песни об Отечественной войне 1812 г. К. Кременской, Усть-Быстрянской стан.).

Рядом с формой *полковничий* встречаем в песнях *полковничев*, форма *бабий* имеет параллельные *бабичий, бабичев*. Только в песнях некрасовцев употребляются на месте донского казачьего *удовий*[1]—*удовиный, сиротский—сиротиный.*

Из особенностей в склонении прилагательных укажем на широко распространенную по всему Дону форму винительного падежа женского рода на *уя: жану молоду́я, гору високу́я, за сяду́я бороду* и др. Форма винительного падежа женского рода на *уя* возможна только под ударением, в безударном положении вместо флексии *уя* обычно употребляется *аю: винтовачку далгаме́рнаю, тропиначку звяри́наю, ланью*[2] *се́раю* и т. п.

В записанной в станице Раздорской бытовой «Во садочку да калина» рядом с «Выйду, выйду, да *на горочку на крути́я*» дается: «В другой он да *бе́лаю грамотку* носит». Подобное чередование окончания *уя* и *аю* строго выдерживается по всему Дону, где еще сохранилась вообще эта своеобразная форма винительного падежа.

Особо остановимся на способах выражения прилагательных, уменьшительно-ласкательных по своему значению. Еще А. А. Потебня отметил, что согласование прилагательного с существительным в степени уменьшительности и (реже) увеличительности, хотя и не столь рас-

---

[1] «Удовий»—вдовий.
[2] «Ланью»—лань (вин. пад.).

пространено и обязательно, как согласование в роде, все же имеет с ним некоторое сходство [1].

Не редки случаи, когда уменьшительность или ласкательность находит свое выражение только в существительном, при сохранении обычной формы прилагательного. Это наблюдается и в донских песнях.

Так, например, в былинной песне о турах златорогих (стан. Филипповская):

«Заболели у нас, молодцев,
Буйные голо... ну, *головушки*...
Защемили у казачушков
Рятивы серде... вот, *сердечушки*».

Наблюдаются и случаи согласования прилагательного с существительными, когда уменьшительность, ласкательность представлена только прилагательным, при сохранении обычной формы существительным:

«Становил *столы*, сёмь *дубовеньких*...
Через семь *столов* все *дубовеньких*...»

*(«Ой, у молодца голова болит»,—
стан. Ново-Некрасовская)*

«Ой, *светлорусенький* шел *курчавенький*
Славный, сильный бо... сильный *богатырь*...»

*(Из былины об Илье Муромце у речки Смородинки,—
стан: Мариинская).*

Но таких случаев несравнимо меньше.

В народной поэзии обычны и такие согласования прилагательных с существительными, в которых суффикс субъективной оценки (уменьшительно-ласкательный) наличествует не только в определяемом, но и в определении.

В былине об Алеше Поповиче:

«Как Алешин конечек-то не пужается,
Не порвал он *чунбурика* [2] *шелковенького*...»

(стан. Усть-Быстрянская).

В былинной песне об Аннушке, «дочери княжелецкой»:

«В одной *тоненькой, во новой альяненькой* [3],
В беленькой рубашечке...»

(стан. Нижне-Курмоярская).

Таким образом, в согласовании прилагательных с существительными сказываются не только грамматические, но и эмоционально (экспрессивно)-смысловые отношения. Постановка уменьшительно-ласкательных суффиксов одновременно и в существительном и в прилагательном сдерживается иногда ритмо-мелодическим строем всей песни или, как писал А. А. Потебня, «размером, не вмещающим более длинного ласкательного прилагательного» [4].

[1] «Из записок по русской грамматике», т. III, Харьков, 1899, стр. 87
[2] «Чумбур, чунбур» — повод у лошади.
[3] «Альяная» — льняная.
[4] «Из записок», т. III, стр. 90.

При большом использовании обычных в русской речи уменьшительно-ласкательных суффиксов прилагательных особое своеобразие донской песенной речи придают суффиксы: *ёшунек—ёшуньк, ёхунек—ёхуньк, овенек (евенек)—овеньк.* Являясь эквивалентами «крестьянско-фольклорных суффиксов» *ёшенек—ёхонек—овеньк (евеньк)* русской литературной речи, они обыкновенно передают особо усилительное значение, приближающееся к выражению предела известного качества: *малёшунек, глупёшунек, малёхунек, глупёхунек* и др.

Обращаясь к особенностям местоимений в песенных текстах, ограничимся немногими замечаниями. Отражая диалектное произношение, эти тексты, как правило, родительный, дательный, винительный и предложный (местный) падежи единственного числа от личных местоимений *я, ты* и возвратного *себя* дают в одной форме: *мене, тебе, себе.* Соответствующие притяжательные местоимения употребляются обыкновенно в родительном, дательном и винительном падежах единственного числа в стяженной форме—*мово, твово, своо, мому, твому, сому: «своо* душечку добра коня», «Ой, кы подворьицу *свому»* и т. п.

Винительный падеж женского рода от местоимений *тот, весь,* в отличие от литературных норм, образует формы *тую, тою, всяю, всею:*

Ну, во *тýю* чарочку во полтора пуда...»

(«Как у славного у князя Володимира»,— стан. Нижне-Курмоярская).

«В *тою* времечка родимая мамушка
Ему не дозволила...»

(«Ай, вот и не светило солнышко»,— хутор Исаев, Ермаковской стан.).

«А-ой, да, ты скажи, расскажи
Всяю̀ правдушку...»

(из былины-песни о гречине,— «Ой да, ну Крымской было»,— стан. Мелеховская).

Буквально рядом с диалектною формою *всяю̀* может употребляться и литературная—*всю,* если это требуется ритмикой песни. Вот показательный в этом отношении пример из «семейной» песни о ревнивой жене:

«Эх да, *всяю̀* ноня ночушку не спал,
Вот, я, добрый мо... добрый молодец,
Всю ночь просярдитовал,
Всяю̀ просярдитовал».

(х. Большой, Мариинской стан.).

В записях у казаков-некрасовцев встретился единственный случай старого образования винительного падежа ед. числа *ю* от местоимения 3-го лица женского рода *она:*

«Краснаю девачку воспоймали;
Воспомавши *ю,* в полон взяли»

(«С вечеру торгу торговали»,— стан. Ново-Некрасовская).

Указательное местоимение *этот* всегда звучит в донских говорах, как *етат, ентат.*

Из особенностей в образовании глагольных форм укажем, что рядом с формой на *ть* по всему Дону то в большей, то в меньшей степени, иногда совсем исчезая, распространена и так называемая усеченная форма 3-го л. ед. числа на *а—я: можа* (может), *пиша* (пишет), *нося* (носит), *будя* (будет) и т. п.

Усеченные формы наблюдаются обыкновенно, но не всегда, у глаголов с ударением на основе; если ударение падает на окончание глагола, употребляется обычно, но опять-таки не всегда, только полная глагольная форма на *ть*.

Нередко усеченные и полные формы глагола употребляются одновременно. Так, в тексте былины об Алеше Поповиче (из стан. Усть-Быстрянской) читаем:

«Как и *едя*-та Алеша на широкай `двор,
На каню *сидить* Алеша, как ясмен сокол;
Сы добра каня Алешинька он *слаживая,*[1]
Ни за што-та он каня да ни *привязывая,*
Никому-то он ево да ни *приказывая...*»

В той же записи:

«Как и *едить* Змей Гарынич на Алешинам каню,
Да Алешиньку *визеть* да ва тарочичках...»[2]
«Как Алеша-та *едить* на Зменнавам каню,
А и Змея *визеть* он убитава».

Следовательно, при параллельном употреблении полных (ударение на суффиксе) и усеченных форм глагола (ударение на корне) отдельные глагольные формы используются и в усеченном и в полном виде— «едя» и «едить».

Остановимся на образовании в донских говорах форм 2-го лица мн. числа на *утя, атя, (ятя).*

Уже в первые годы изучения донских казачьих песен, отмечая в своей рабочей тетради особенности народных говоров, А. М. Листопадов записывает слышанное в Кумшацкой станице: «Вы, как бабы-та сабярутца, и ня рады *бýдутя*». «*Паéдутя* (поедете), *найдýтя*». «Вы чаво *бярýтя?*» «То же в Есауловской», отмечает А. М. Листопадов и в другой листок заносит: «*Поéдутя* када жа на Тормасин? (Есауловская)».

Эта глагольная форма, видимо, не раз привлекала к себе внимание собирателя. Через некоторое время он вновь вносит в свои записи: «*Пойдýтя, понясýтя, идýтя, несýтя* — пойдете, идете, несете».

В дни Великой Отечественной войны, эвакуировавшись из Ростова и оказавшись в районе Цымлянской и Кумшацкой станиц, он вновь производит свои наблюдения и записывает:

«Вы чиво *спишáтя*» (спешите): Цымла 26/VII—42 Плотникова Андреевна

«Калючка,—а ани спишать,—ишю убьесси!..»

«Платтю какуя-то взяли (31/VII)».

«А я гаварю,— пчаму вы каров *бярýтя?*» (она же). Записи в «Кумшаке» (Кумшацкая станица):

Девочка у Кумшачка: «А вы иде *живýтя?*» (5/IX—42...)

---

[1] «Слаживая» — здесь «слезая» («слазивая»).

[2] Торока—ремешки у задней седельной луки для привязывания чего-нибудь.

Женщина-казачка (10/IX): «*Пиряйдýтя!*» (перейдете!) на мой вопрос—«Перейду ли я балку эту?»

«Вы на хутор *идýтя*» — женщина из Кумшака с вязанкой сушняка на плече (26/IX—42)».

Там же из наблюдений 1943 года:

«В Кумшаке ярко выражено: «бяру, нясу, забягу».

«*Атнясýтя*» — отнесете.

«Чиво-жа *брéшутя,* што на базаре нету ничаво».

«Потом *поприбярýтя* да *замятýтя* — приберете и заметете».

«Ни одной на ней (платье) ни пéтнушки» (21/III—43).

«Он коних (коней) бросил и подался пешки...»

«Што ж вы *молчáтя!*» (29/III, «Тоня»).

«Умувайсси! Вы абея *идýтя*» — оба идете? (она же).

«Пятилаповы д. № 35. «Па четверти малака да на три яички».

«*Видýтя?*» — Видите? «Маготь быть» — может быть.

(26/IV—43) —Няхай *бярýтя*».

«Чиво вы *идя́тя* (едите)». Чаво вы *шумя́тя*».

«Иде éдутя»—куда едете?»

«На Кумшацкой мельнице 7/VI—43—Кумш(ацкие) бабы:

«С мяшками та *ни дайдýтя*» (не дойдете)...

«Чиво вы *гаваря́тя*» (говорите)».

Как возникли формы 2 л. мн. числа настоящего и будущего времени на *утя—атя (—ятя)?* Касаясь этого вопроса применительно к форме на *утя,* проф. А. В. Миртов рассматривает ее как контаминацию форм 2 и 3 л. мн. ч.[1]. Т. А. Хмелевская вслед за Миртовым правильно предполагает, что здесь сказывается влияние 3 л. мн. ч. с окончанием на *ут (ъ)* [2], но ни А. В. Миртов, ни Т. А. Хмелевская не решают этого вопроса в целом. А. М. Листопадов, зафиксировав параллельно с формами на *утя* и формы на *атя (ятя)* от глаголов с ударением в 3 л. мн. ч. на *ат(ят) — спешат, молчат, едят, говорят, шумят,* дает тем самым убедительный материал для обоснованного решения этой небольшой, но интересной проблемы. Очевидно, что формы 2 л. мн. ч. на *утя* образовались по аналогии с формами 3 л. мн. ч. на *ут (идут, дойдут, берут, живут, перейдут, отнесут, приберут, заметут),* имеющими ударение на конце глагола. Окончание *утя* во 2 л. мн. ч. приняли и глаголы с ударением на основе при орфографическом *ат (ят)* или *ут (ют)* в 3 л. мн. ч. глаголов; *брешут, едут, видят.* Форму на *атя (ятя)* образуют глаголы, оканчивающиеся в 3 л. мн. ч. на *ат (ят)* с ударением на окончании: *говорят, молчат, спешат, шумят* и т. д.

Поэтому и в записях Листопадова видна строгая языковая закономерность, хотя общее количество примеров, имеющихся у него, и невелико.

I. Идýтя, пиряйдýтя, пайдýтя, дайдýтя. бярýтя, паприбярýтя, живýтя, атнясýтя, замятýтя, нясýтя, панясýтя.

II. Бýдутя, паéдутя, éдутя, брéшутя, вúдутя.

III. Спиша́тя, молча́тя, идя́тя (едите), шумя́тя, гаваря́тя.

Эта грамматическая особенность столь специфична для донских говоров и так непосредственно входит в их систему, что мы сочли обязательным рассмотреть ее рядом с другими особенностями глагола.

---

[1] См. его статью «Три изоглоссы донских говоров», сб. «Краеведение на Северном Кавказе», № 1—2, 1929, Ростов-на-Дону.

[2] См. Т. А. Хмелевская. Говор станицы Нижне-Курмоярской и прилегающих к ней хуторов Цымлянского района Ростовской области. Кандидатская диссертация. Фонд Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, 1950 г., стр. 102 и след.

Параллельно формам 2 л. мн. ч. на *утя, атя (ятя)* употребляются формы с сохранением обычного суффиксального гласного с присоединением к нему окончания *тя*: *беретя, видятя* и т. д.

Второе лицо мн. числа глаголов повелительного наклонения (в донских говорах) всегда оканчивается на тя, что находит свое полное отражение и в песенной речи: *стойтя, не робейтя, не жалейтя* и т. п. Окончание *тя* ясно прослеживается и в 1 лице мн. числа повелительного наклонения: *пойдемтя, будемтя, поедемтя, пороемтя* и т. п. Приведенные примеры типичны для всех донских говоров.

Возвратная форма глагола на *ся* известна на Дону в ряде вариантов. Обычное окончание *ся, сь* сохраняется после гласных: *увижуся, замишталася, поднимаючись, переправимшись* и др.

После согласных, кроме *ш* и *т*, являющихся конечными согласными во 2 и 3 лицах настоящего и будущего времени глаголов, возвратное *ся* переходит или в *си* или, чаще, в *сы: догадалсы, сдивовалсы, становилси, прослезилси* и т. д.

Во 2-м лице ед. числа возвратная частица *ся*, сливаясь с предшествующим ей конечным *си*, преобразуется в *сси*, причем два *с* звучат, как удвоенный мягкий *с: облыгаесси, похваляесси, замирисси, спардонисси* и т. п.

Следует отметить частое использование в донских песнях старой формы инфинитива на *ти—ходити, поймати, ловити* и т. п.—обычная черта произведений устного народного творчества, хотя преобладающим все же в донских песнях является инфинитив на *ть*.

В песне «Как во прошлые-то годы» (о разгоне Петром I Соловецкого монастыря):

«Монастырь их *разорити*,
Чернецов всех *разогнати*,
Ой да, чернецов всех *разогнати*,
Вот и, игумéна *заточити*,
Чернецов всех *разогнати*,
Игумéна *заточити*,
Ой да, божьи книги *попалити*,
Вот и, всяку веру *порушити*».

Из деепричастных форм, довольно часто встречающихся в казачьих песнях, особо должны быть выделены две группы: 1) старорусская форма деепричастия на *учи (ючи)* и 2) своеобразная донская на *мши*.

«Ой-да, *сидучи*-то, ну, они
Только письма пи... письма пишут...»

(Истор. песня «Ой, да во царстве, ну, было», стан. Малодельская).

«Колпак на бок *поскривляючи*,
Кулак *выставляючи*,
Ай, колпак *поскривляючи*,
Похваляючи...»

(из былины о Севрюке,— стан. Есауловская).

Окончание *мши* в деепричастиях появляется на месте принятого в литературной речи окончания *вши* в результате мены губного *в* на губной же *м: уехамши* вместо *уехавши, взямши* вместо *взявши, поборомши* вместо *поборовши* и т. д.

Образование деепричастий на *мши* в донских говорах весьма развито. В казачьих песнях эти деепричастия создают определенный донской колорит:

«Процежомши[1], дружка мила поила,
Напоёмши[2], уговаривала»

(«На заре было, на зореньке»—стан. Аксайская).

«Ай да, начто *перялышомши*[3], начто *перманёмши*[4],
«Ай, оставляла бы ночку с собой ночевать».

(стан. Маринская, х. Холодный)

У некрасовцев:

«Ни *даждамши* дружка...»
«*Накуплёмши* й-она да таварику...»
«*Палажомша* яе...»
«Как *сманёмша*[5] яе...»
«Ни *дагнамши,* приюстала,
Приюстамши, приюснула»
«*Васпаймамши*[6] ю, в полон взяли...» и ряд др.

Как и другим произведениям устного народного творчества, донским песням свойственно довольно частое употребление глагольных форм с так называемым «многократным» значением. Эти видовые формы глагола, воспринимаемые обычно как формы прошедшего (вернее—давно-прошедшего) времени, встречаются и в былинах, и в исторических песнях, и в различных лирических произведениях, хотя, конечно, по своему содержанию, они должны употребляться, прежде всего, в повествовании о былом, далеком прошлом.

Но нередко форма с многократным значением глагола обращена лишь к сравнительно недавнему прошлому, иногда точно определенному во времени. Так в былине об Илье Муромце, записанной в б. Есаульской станице, прошлое, передаваемое глаголом *хаживал,* ограничивается всего лишь тридцатью годами.

В былине же об Александрушке Миркидонском (Александре Македонском) указывается всего лишь трехлетний срок *хаживанья.*

Таким образом, нельзя утверждать, что все «многократные» глаголы в народной поэзии употребляются исключительно со значением давнопрошедшего времени.

Формы типа *похаживает, поезживает* являются обычными в народной песенной речи:

«Да подходит жа кы тележичкам,
Семушка *постукивает,*
Семушка *постукивает,*
Да и свой то он, вот живой товар.
Семушка *побуживает,*
Семушка *побуживает».*

(Из песни о взятии донскими казаками Азова—«Ай, как у нас-то было»;—стан. Калитвенская).

Здесь так называемая многократность переносится уже в план настоящего времени и фактически при помощи многократной формы гла-

---

[1] «Процежомши»—процедивши.
[2] «Напоёмши»—напоивши.
[3] «Перялышомши—прельстивши.
[4] «Перманёмши»—переманивши.
[5] «Сманёмша» — сманивши.
[6] «Васпаймамши» — поймав.

гола передается незаконченность, незавершенность длящегося какой-то период действия. Незавершенность действия, передаваемая многократными глаголами, и дает обычно основание рассматривать эти глаголы, как относящиеся к несовершенному виду. Но вряд ли в народной диалектной речи и, в частности, в строящихся на ней песенных текстах мы найдем всегда строгое разграничение категории совершенного и несовершенного вида.

В донских песенных текстах нередко в одном и том же значении, буквально рядом, выступают глагольные формы и «совершенного» и «несовершенного» видов.

В былине об Илье Муромце у ворот Киева (запись в ст. Усть-Быстрянской) находим:

«Ой да, ну никто-то по ней,
По этой дорожуньке,
Никто не *проезживал*,—
Никто не *проезживал*,
Ой да, *проезжал*-то по ней,
По этой дорожуньке
Удал добрай молодец».

В песне о Степане Разине (ст. Слащевская) «Ай, ну, сберемтесь мы, ребятушки» рядом три глагольные формы прошедшего времени с одним и тем же значением, причем две из них «многократные»:

«Ну, и тот бы наш атаманушка, вот он молодой,
Нигде *не был* да-й не бу... нигде он *не бувывал*,
Ай, вот *не бувал*».

Не случайно в разинской песне «Ай, соберемся, ребятушки» (ст. Кумшацкая) слиты в одно слово *был-бывал:*

«Ай, наш Степанушка, ты ли *был-бывал*,
Ай, на сине... на синем море,
Ай, на Каспицковым...»

По тому же типу неоднократно в донских и других песнях мы находим рядом в одном смысловом контексте *шел-прошел*.

Так называемые многократные формы глагола в сочетании с префиксами отражают иногда не длительность и повторяемость действия, а наоборот, его неожиданность, быстроту, мгновенность. Приведем один пример из исторической песни «Из-за гор-то крутых»—о поединке «донского малолеточка» казака Левшинова с «турчином» (1765):

«Из-за гор-то крутых...
Из провалица было из глубо... из глубокого...
Не белой-то кречет, вот кречет выле... он *вылётывал*.
Ай, вот кречет выле... он *вылётывал*,—
Не лютой молодой, вот турчин нае... все *наезживал*,
Ай, вот турчин нае... все *наезживал*...
В него добрый-то конь, конник, ровно лю... ровно лютай змей...»

(х. Кременской Усть-Быстрянской стан.).

Глагольными «многократными» формами *вылётывал* и *наезживал* здесь передается, конечно, быстрота действий и движений. Не случайно сопоставление этих действий с полетом «белого кречета» и сравнение коня «тýрчина» с «лютым змеем».

Быть может, для народных протяжных песен, для их песенного ритма особенно удобны и «протяжные» слова, обрамленные различными префиксами и суффиксами, как бы удлиняющими слово и создающими возможность его долгого, длительного выпевания.

Мы уже отмечали значение различного рода частиц, восклицаний, так называемых внесмысловых вставок в народном словесно-поэтическом творчестве. Особенно богато оснащены такими частицами, вставками и восклицаниями донские протяжные песни. С них обычно и начинается казачья песня: «*Ой,* да головушка моя бедная, *Ну,* сердечушка безответная!», «*Ой да,* был мале... Был малехунек, был малехунек», «*Ой,* ты не плачь, ты не плачь», «*Ай,* не чаяла, вот, она красная со... она, солнушка», «*А-ой да,* вот, и да ты, службица», «*Ай, ну,* по Питерской, вот, ну, было е-ай» и т. п.

Уже это небольшое перечисление начальных строк казачьих песен указывает на значительное разнообразие всех этих частиц и восклицаний. Но, помимо их, в песенном тексте мы встречаем и много других, излюбленных песенником или группой певцов подобных обязательных элементов казачьей песни: *ай-ну, ай-да-вот, вот-и, ох-и, то, то-то, еще то, будто, только, только-да, да-было, вот-бы, толичко, скажем, гвари (говори), вот-и-раз-и-два, ли (про тебя-ли), ох-и-ну, ну-ка, ну-ка-сь, ну-ка-ся, то-бы, али, ну-и, да-и, ей, ей-да, эх-да, да-ой-ли, а-ой-да, ех, лишь-бы, ну-ты, гварят (говорят), ой-ну, ох, там, братцы* и т. п.

Все они, не имея иногда определенного смыслового значения, играют важную роль в песенной ритмике музыкальной фразы, входя в нее в качестве одного из составных элементов. Без них нередко ломается весь ритмо-мелодический строй песни, не говоря уже о том, что петь песню, пропуская их, порою просто нельзя.

Одна и та же частица, одно и то же восклицание, употребляемое в народных песнях, фактически является многозначным. В рабочих тетрадях А. М. Листопадова сохранился ряд заметок по этому вопросу. Выписывая начальные слова и фразы отдельных песен—«Да во поле», «Да у дубика», «Да на речушке», «Да она ж его», «Да пришла» и т. д., А. М. Листопадов совершенно правильно указывает, что *да* в начале народного стиха употребляется в значении *как, ну. Да* в конце стиха заменяет недостающий ритмически слог. Этот вывод естественно вытекает из анализа стихотворных строк, заканчивающихся этим *да:*

«Я качу, качу, качу, *да...*»
«Я горошек молочу, *да...*»

Особое внимание исследователя привлекает частица *на,* встречающаяся в песенном фольклоре не только донских, но и терских («гребенских») казаков, в свое время вышедших с Дона. В своих записях А. М. Листопадов отмечает, что частица *на,* как часть песенной речи, не имеет самостоятельного значения, но заменяет собою какую-либо иную односложную частицу *(и, а, ой, ай, уж, ну, не, да, как, вот, все, тут, вон и др.).* Как частица, не вступая ни в какие грамматические отношения с другими частями речи в песенном тексте, она в то же время ритмически всегда бывает связана с одною из них. В разговорной казачьей речи частицы *на* нет, в напевной же подтекстовке она выступает лишь как заменяющая какую-то другую, более употребительную и ясную по своему назначению.

Прекрасной иллюстрацией к сказанному о частице *на* могут служить тексты былины о Дюке Степановиче (стан. Богаевская), песни «Разин на море» (стан. Нижне-Курмоярская), вешней хороводной (стан. Луковская на Хопре) и некоторые другие.

В старинной невольничьей казачьей песне «Три невольничка перед султаном» (зап. в стан. Старочеркасской в 1903 г.) в роли частицы *на* выступает частица *за*.

6. Да плыли жа все *за* триста славных судов,
7. Да и плыли они все *за* триста славных судов.
9 Восплывали *за* пятьсот морских кораблёв,
10. Восплывали они *за* пятьсот морских кораблёв».

Можно предположить, что здесь частица *за* употреблена или в смысле *свыше, больше* или, вернее всего, взамен частицы *на* со значением *да, и, вот*.

Отмечая синтаксические особенности донской песенной речи, мы остановимся лишь на немногом и наиболее типичном для казачьих песенных текстов.

Как хорошо известно, русский язык относится к языкам синтетического строя с так называемым свободным порядком слов в предложении. Отдельные члены предложения не прикреплены в нем к строго определенному месту. Но, конечно, и при наличии «свободного» порядка слов в предложении нельзя отрицать свойственного русскому языку стремления к известному наиболее целесообразному размещению в целом предложении его отдельных членов. Это наиболее желательное построение русского предложения обычно символизируется формулой типа—*Петр любит Павла*. Здесь на первом месте стоит подлежащее, на втором—сказуемое и на третьем, наконец, дополнение. В народнопесенной речи порядок этот обычно смещается, и строй предложения может обозначаться уже или формулой *Любит Петр Павла* или *Любит Павла Петр*, или даже *Павла любит Петр*, т. е., иначе говоря, на первое место в предложении здесь выдвигается сказуемое или дополнение, а иногда и обстоятельство. Конечно, живую народную речь нельзя уложить в раз навсегда данную схему и, решая этот вопрос, мы можем говорить лишь об известных тенденциях, о некоторых синтаксических сдвигах в языке народной поэзии по сравнению с литературным письменным языком.

Примеры донских песен:

«Ой да, там *пролёгивала*
Вот бы *степь-дорожунькя*,
Она не широкая...»

(Ай да, как во славном было во городе», — стан. Распопинская).

«Ой-да, *собиралася* наша *сила-армия*,
Ой-да, подступала вот *под Берлин-город...»*

(«Русская армия под Берлином и Румянцев»,
стан. Глазуновская).

В приведенных примерах место перед подлежащим занимает сказуемое, которому нередко предшествуют развернутые обстоятельства и дополнения. Донские казачьи песни в этом отношении усвоили себе общерусскую народно-поэтическую традицию.

Своеобразный синтаксический оборот, широко известный по всему Дону, представляет собою членное употребление личного местоимения

3-го лица при существительных, выступающих в роли подлежащего и дополнения.

Суть этой конструкции заключается в том, что в ней на первом плане дается наименование какого-то предмета или явления, а затем это имя обозначается личным местоимением 3-го лица, с которым интонационно и по смыслу связываются остальные члены предложения. Типичны для этой конструкции следующие примеры:

«Душа добрый *конь он* бежать будет»

(Из песни о споре сокола с конем— «Ай, много хаживал», х. Большой, Мариинской стан.).

«Ой да, ну *багóтыри они* все могущие».
«Ой да, ну, как все-то мои легкие *кораблики*
Они во-плынь все пошли».

(Из былины о Садко — зариант стан. Тишанской).

В приведенных примерах, типичных для рассматриваемой конструкции, личное местоимение 3-го лица ставится непосредственно за существительным, определителем которого и является членное местоимение.

Но вполне возможен и некоторый отрыв членного местоимения от определяемого им существительного, объясняемый ритмикой и композицией народного стихосложения. Пример:

«Как *сестрица*-то, да соколику
Она речь возговорит»

(«О споре сокола с конем»— х. Большой, Мариинской стан.)

«Ой да, на нем *шорсточка*, на том Индричку,
Она не звяри... не звяриная».

(«Об Индрике-звере»—стан. Мариинская).

В живых донских говорах конструкции описанного типа весьма обычны. Здесь часто можно услышать:

«Калхозники || ани хазяивы калхознова дабра...
Ети машины || ани фтарой год бис пачинки...
Он || обмялилси Дон...» [1].

В донских песенных текстах встречается конструкция с прямым дополнением, выраженным старым именительно-винительным падежом В свадебной песне:

«Посажу я *свякрóы-матушку*».

В вешней песне, записанной в станице Сергиевской:

«Я пойду спрошусь *свякрóы-матушку:*
«*Свякрóы-матушка*, отпусти играть» и т. д.

---

[1] См. диссертацию Т. А. Хмелевской, стр. 227.

В некоторых некрасовских записях находим именительный множественного в функции прямого дополнения:

«Да он пьеть, ни пьеть да голубчик мой,—
За мной *послы шлёть».*

(«Веселая да беседушка»).

Подобный же пример в другой песне:

«За перваю за чарачкай
Паслы за мной *шлёть»*

(«Да веселая беседушка»).

При наличии в песенных текстах обычных для русского языка двухсоставных (когда в предложении имеются и подлежащее и сказуемое) и односоставных (в предложении представлен только один из главных членов предложения—подлежащее или сказуемое) предложений довольно часто употребляются безличные предложения. Они органически связаны с песенным былинно-историческим сказом, и с них не редко начинаются песенные тексты:

«Ай, как *у нас-то было,*
Было во святой-то Руси»

(«Ай, как у нас то было»—
«Семенушка Гречинев берет Азов»,—
стан. Калитвенская).

Безличными предложениями начинаются и многие лирические—протяжные и скорые—песни:

«Ай, сколько младцу, *сколько ни ласкаться,*
Ай, да, знать, мне бабеночкой, да младцу, *не владать!»*

(стан. Усть-Белокалитвенская)

«Ай, никогда со мной
Во век *сроду не бывало,*
Ай, как сегодня да со мной *ноня случилось...»*

(х. Погорелов, Белокалитвенская стан.)

Среди безличных конструкций в донском песенном тексте особо выделяются предложения, в которых в составе сказуемого имеется причастие с кратким окончанием. Ограничимся немногими примерами:

«Ускричал-то, сгичал[1] Ваня-клюшничек,
Сгичал громким голосом:
«Ну, и тут-то *было* у нас *попито,*
Тут *было поедено,*
Да за белые-то, вот, груди высокие
Княгинюшку *держано».*

(«Середи было торгу-ярмарки»,—
х. Насонтов, стан. б. Екатерининская)

---

[1] **«Сгичал» от слова «гик»; «сгичал» — вскричал**

«Удовочка [1] в саду плакала...
Дружочика споминаючи:
«Ой да, вот и, под тобою, кустик,
Много *пито было*, е... ай, *много едено*,
Много *пито было, едено*,
Ой да, ну, еще-то было
С дружочком *было цело*... ай, с ним *целовано*.
С дружочком *было целовано*...»

(*На заре было, на зорюшке»,* —
стан. Акишевская).

«Ай, как мне ноня-то не спало *не спалося, много виделось:*
«Ай, тебе, Стенюшка, быть пове... *быть повешену,*
Ай, есалушке быть устре... *быть устрелену*».

(*«Разин и девочка на Каспийском море»,* —
стан. Арженовская).

Приведенные примеры подтверждают не только наличие безличных оборотов с краткими причастиями в донских песенных текстах, но и применение в тексте песен сложных глагольных форм прошедшего и будущего времени в функции сказуемого.

В синтаксисе донских песен богато представлены как сложно-сочиненные предложения, союзные и бессоюзные, так и разнообразные виды придаточных конструкций в составе сложно-подчиненных предложений.

Союзное сочинение предложений осуществляется при помощи соединительных союзов *(а, да, да и)*, разделительных *(али, чи)* и противительных *(да, а)*. Соединительный союз *и*, как и в живых донских говорах, в песенных текстах обычно заменяется союзом *а* или *да*. Вместо противительного союза *но*, как правило, употребляется союз *да*.

Богатство и разнообразие способов образования придаточных конструкций видно из следующих примеров.

Придаточные предложения определительные:

«Ей, выйду, выйду на ту гору,
Которая выше всех;
Гляну, гляну в ту сторонку,
Я *в которой* был рожден,
Ей, не увижу ль ту бабенку,
В *которую* был влюблен».

(*«Кому счастье, кому радость»,*—
стан. Митякинская).

Ай, что это за верба,
Что без кореня росла...»

(*«Ай, что это за верба»,*—
стан. б. Екатерининская).

Таким образом, в придаточных определительных предложениях придаточное присоединяется к главному посредством относительных местоимений *который, что*

Придаточные дополнительные:

«Ой, письмецо я пришлю...,—
Ой, *что* пошел то младец
Во службицу, младец, дальнюю»...

(*Ой, ты не плачь, родимая маменька»,*—
стан. Кременская).

[1] «Удовочка» — вдовушка.

«Да скажи жа повернее,
Кого тебе всех жалчее».

*(«По-над яром-то ярочком»,—
стан. Старочеркасская).*

«Скажи, Фенюшка, *чи* любишь ты мене?—

Вариант:

«Скажи, Феня, верно любишь ли мене?»

*(«По Донцу, Донцу»,—
стан. Усть-Белокалитвенская).*

«Сама про то ведала,
Да *что* миленькай хочет».

*(«Сизенький голубчик»,—
стан. Ермаковская)*

«Во сие вижу, *будто* миленькай пришел,
Будто милай во висок терем вошел,
Будто милай кы карватке подошел,
Будто полог миткалинай размахнул...»

*(«Уж вы, мушеньки да комарики мои»,—
стан. Усть-Белокалитвенская).*

«*Чего* я, бабочка, жалала,
Пришел такой да случай».

*(«Чего я, бабочка»—
х. Холодный, Маршинская станица)*

Придаточные дополнительные присоединяются к главному предложению, как видно из примеров, при помощи изъяснительных союзов, *что, будто,* относительных слов *кто, что* в различных падежах, вопросительных частиц *чи* и *ли.*

Придаточные подлежащие:

«Ой да, ну, *кто* не страждал, да счастливай тот человек...»

(«Ай, снежки белые да пушистые», — стан. Каменская).

«Ай, *что* хотела, то я делала».

*(«Ой, я по полю ходила»,—
стан. Луковская).*

«Ай, *кто* любится да полюбится, еще приобычится».

*(«Ай, ночи темные осенние»,—
хут. Крылов, стан. Ермаковская).*

Приведенные типичные для песен примеры говорят о том, что в главном предложении при придаточных подлежащих, как правило, употребляется указательное местоимение *тот.*

Придаточные места:

«Ай, летел голубь, ей, сизокрылай,
Ай, я спросила, ей, *йде* мой милай...»

*(«Ай, уж ты, воля»,—
стан. б. Екатерининская)*

«Веселая да беседушка,
Иде миленькай пьет».

(«Веселая да беседушка»,—
стан. Ново-Покровская).

Придаточные времени:

«А *как* мене в войско отдал, ты сам себе прослезил»

(«Ай, долина, долинушка»,—стан. Глазуновская)

«Ой, ну, *как* солнушка гля... ой, сонца глянула,
Ей, а роса, она на земь спря... на земь спрянула».

«Ой да, вот, по морю, по морюшку»,—
стан. Мелеховская).

Для придаточных места в донских песенных текстах, как и в говорах, обычен союз *где (иде),* для придаточных времени—союз *как,* заменяющий в народной речи разнообразные временные союзы литературного языка. Союз *куда* донским говорам почти не известен, но у некрасовцев записано:

«*Куда* блюдачка поверницца,
Туда яблачка поко́тицца».

Придаточные образа действия (сравнительные):

«Ей, прокатилась, вот моя младость,
Как с гор мутная в море вода...»

(«Кому счастье, кому радость»,—
стан. Митякинская).

«*Как* рыбочка в воде,
Я в горе, в беде».

(«Маменька моя, родименькая»,—
хутор. Карачев, стан. Гундоровская).

«Казаченьке двадцать лет,
Ровно в саду алый тьвет».

(«Как донские казаки
народу все служат»,— Калач).

В песенных текстах мы не встретили придаточных предложений образа действия с соотношением—в главном предложении *так, такой, настолько,* в придаточном—*что, чтобы.* Очевидно, это черта литературно-книжного языка, вошедшая затем и в разговорную речь. Для песен обычны придаточные сравнительные с союзами *как* (преимущественно) и *ровно* в значении *словно, как будто.*

Придаточные причины:

«Ой да, ну, мне жалко мальчишечку,
Что на службицу да едешь...»

(«Ой да, казак по Дону гуляет»,—
стан. б. Екатерининская).

«Болела моя ретивая, да,
Что-й уби... убитому быть...»

(«Ой, да и чуяла...»,—стан. Дурновская).

Причинный союз здесь только один—*что*. Других союзов со значением причины в песенных текстах не встречается.

Придаточные цели:

«В терем голос милый подавал,
Чтобы моя расхорошая
Не дремала крепко, не спала».

(*«Мне сказали про миленочка», — стан. Нижне-Курмоярская*).

«Мне самой, видно, не ляниться,
Лишь бы поскорей яво найтить...»

(*«Ай, сестрицы вы, подружки», — стан. б. Есауловская*).

«Ай, красна де... девочка душа, ой да, подяржи мова добра коня...
Ай, не порвал *бы* коник повода, ой да, не сломал *бы* бурный удила».

Придаточные цели прикрепляются здесь к главному предложению при помощи союза *чтобы*, частиц *лишь бы* и *бы*.

Придаточные условные:

«*Как* и меня дома женишь, ты сам себе звеселишь,
Коль ты мене в войско отдашь, ты сам себе прослезишь!»
«*Кабы* мене дома жанил, ты бы сам себе звеселил...»

(*«Ай, долина, долинушка», — стан. Глазуновская*).

«Ай, холостого *али* полюбить,
Али полюбить,—
Ай, он ня вмеет смело говорить;
Ай, ну, жанатого *ли* полюбить,
Яво полюбить,—
Ай, жана—шельма яму не вялит(ь)».

(*«Ой, я по полю ходила», — стан. Луковская*).

Придаточные условные, присоединяясь к главному предложению, используют, как видно из примеров, ряд условных союзов: *али (аль)* и *коль (коли)*, *кабы, как* и частицу *ли*. В живой речи отдельных некрасовцев употребляется еще и старославянский союз *аще* с частицей *ли*: «*аще* ли ты, гаварить, ни будишь итить добровольна ка мне у войску, буду абилизовать», «йызжайтя дамой, *аще* де будить дела, абъявим»[1].

Придаточные уступительные:

«А лесок, *хоть* не висок,
Не доносит голосок...
Хоть мани ты, не мани,
От себе Ваню гони».

(*«Ай, ночь моя, ноченька», — стан. Усть-Хоперская*).

Придаточные уступительные употребляются с одним союзом *хоть (хотя)*, встречается в песнях и произношение его как *хучь* (украинское влияние). Придаточные следствия:

«Зернушка ты не клюешь,
Знать любить меня ня хошь».

(*«Ой, да как во поле было», — стан. Вешенская, хут. Ермаков*).

[1] См. «Тексты» в «Ученых записках» Ростовского пединститута, т. II, Кафедра общего и русского языкознания, 1940, Ростов-на-Дону, стр. 111.

Песенные тексты не знают союза *так что,* с которым в литературной речи употребляются придаточные следствия. На его месте в донских песнях обычно используется союз *знать* в значении *следовательно.*

В донских песенных текстах мы не встретили только сложных предложений с придаточными сказуемыми, не свойственными народной диалектной речи. Остальные синтаксические конструкции в системе сложного предложения реально представлены в текстовом материале песен, отражая современное состояние синтаксиса народных говоров, что подтверждается их монографическим изучением, проведенным в последние годы.

Естественно отсутствие в песенной речи ряда таких союзов, как *потому что, так что, так как, вследствие того что, как только, только лишь, подобно тому как* и других, имеющих книжно-литературное происхождение и не вошедших в народную диалектную речь. Наши примеры говорят о многозначности ряда союзов, употребляемых в народной поэзии *(как, али, что, чи* и нек. др.). Чисто диалектными являются союз-частица *чи,* союзы *али (аль), ровно* в значении *словно* и немногие другие. Судя по донской казачьей песне, в донские говоры уже органически вошли союзы *чтобы, будто, лишь-бы,* а также относительные местоимения *который, что,* употребляемые в роли союзов.

9

Богатая историческими событиями, своеобразная жизнь донских казаков вела к изменению того словарного состава, который они принесли на Дон из других русских земель. Товарищ Сталин указывает, что существующий словарь пополняется новыми словами, «возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов» [1].

Именно таким путем изменялся и донской словарь, о чем мы можем судить, изучая лексику донских казачьих песен.

Весь донской песенный фольклор, включая и значительно измененные и переосмысленные на Дону былины о русских богатырях, окрашен местным бытом, чертами, типичными для служилых казаков в их боевых походах и домашней обстановке. В связи с этим в песенных текстах ослаблен сказочный и гиперболический элемент и усилена реалистичность в обрисовке образов. Исключительно реалистичен, взят непосредственно из бытовой разговорной речи казаков и словарь, используемый в донской песне. Поражает совершенно незначительное количество архаически звучащих славянизмов в песенном тексте, даже в былинах и исторических песнях—*велия чуда* (из записей у казаков-некрасовцев), *чада, чадушка, преставился, предвещивать*—предсказывать, говорить, *братáть, обратáть*—готовить коня к выезду, *рели*—качели и виселица, *верея, вереюшка*—столб у ворот, *спочив*—сон, отдых, *ярыга*—пьяница, *ерик*—неглубокий овраг или проток, *балаган*—шалаш из травы или дерева и немногие другие. При этом такие слова, как *ерик* и *балаган,* активны и в современной речи казаков и совсем не воспринимаются ими, как какие-то архаизмы.

---

[1] И. Сталин. «Марксизм и вопросы языкознания», стр. 21.

Говоря о событиях далекого прошлого, казачья песня, естественно, прибегает к архаичной в наше время, но исторически оправданной и реально существовавшей лексике.

У Ильи Муромца «во правой-то руке... *копье длинное»,* а «во левой руке... *тугой сагайдак»* [1].

«Да накладывает на *тятивушку*...
Вот он *каляну стрелу*...»

Илья Муромец(-Муровец)и Добрыня Никитич выступают в донских былинах как «старые казаки». Добрыня Никитич прозван здесь «Дончаком».

И уже вопреки исторической реальности, но в полном соответствии с казачьим бытом старорусские богатыри наделяются в донских песнях обычным вооружением донского казака — *ружелицем, винтовочкой,* быстро вытеснившими и *тугой сагайдак* и *колчан* со стрелами. Интересно, что и мать Ильи-Кузютушки обязательным условием выезда Ильи *в полеваньице* считает уменье седлать коня и стрелять из ружья:

«Ай, *из ружья стрелять,* моя чадушка,
Из винтовочки!»

(стан. Пятиизбянская).

Те же требования предъявляет «родна маменька» и к Добрынюшке: «конечком правдать» и «с ружья стрелять».

Душечка-добрый конь—постоянный спутник донского казака в его походах. Всегда с лаской обращается казак к своему *коньку, конечку, коньку, конюшеньке.* Ярко, со знанием дела изображается снаряжение и седлание коня в былинах об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Иване Гардиновиче, в походных и других песнях.

Узда у конечка обычно *тесмёная, чунбурик* [2] *шелковенький, седельце черкесское, на подпругах пряжечки серебряные, подушечка арчачная,* иногда заменявшаяся козловою [*Арчак* (тюркск.) — деревянный остов седла, поэтому и все седло называлось иногда *арчачным*]. В *тороках* (ремни у задней луки) седла у него негромоздкий багаж, а иногда и добыча хозяина. *Торочечки* фигурируют уже в былинах, в частности—об Алеше Поповиче.

«Конь—лошадь добрая»—постоянная забота казака. «Казак сам не поест, а коня накормит»,—говорит донская пословица. «Казаку конь себя дороже», «Без коня казак кругом сирота», «Казак без коня, что солдат без ружья» и т. д.

В песенных текстах мы можем найти и *золотистых,* и *буланых,* и *черногривеньких, сивогривых, игреневых* [3], *сухопареньких, виноходных* [4] и других пород лошадей, различных по своему внешнему виду и темпераменту. Замечателен конь у Дюка Степановича:

«Ой, ну под ним-то *добрый конь, ровно лютай змей.*
Ровно лютай змей, ох, ровно дикай зверь,
Ох, ну и *бур* жа *космат конек-бурушка,*
Грива бáхматом, вот *шея колесом».*

(стан. Кумшацкая).

---

[1] «Тугой сагайдак» — тугой лук.
[2] Чунбур, чумбур—повод у лошади.
[3] «Игреневый» — игрений, светлорыжий с беловатою гривой и хвостом.
[4] «Виноходный» — иноходец.

Конек-бурушка очень любим нашим народным эпосом. Он необыкновенно силен и вынослив и всегда выходит победителем в различных соревнованиях и при преодолении препятствий. Трудно понять выражение в песне *грива бахматом*. Очевидно, прав В. Ф. Миллер, указывающий, что в русских былинах «старинное название особой породы татарских коней бахмат, по непониманию, истолковано своеобразно.

Под ним (Дюком) конь—
Ровно лютай змей
Бур-косматый,
Копыт-бахматом,
Грива колесом» [1].

В. Ф. Миллер напомнил сообщение о конях-бахматах, занесенное Боплапом еще в средине XVII столетия в его описание Украины (Beauplan. Déscription d'Ukranie). По словам Боплана, *бахматы*—лошади не складные и некрасивые по виду, но очень выносливые. Без отдыха они могут скакать 20—30 лье. Грива у них густая и длинная, доходит иногда до земли. Хвосты также очень длинные, волочащиеся позади них. Это описание, действительно, напоминает нашего былинного коня бурушку-косматушку. Здесь, видимо, и разгадка непонятного выражения *грива бахматом*.

Уже в «стародавних», «отеческих» песнях, к которым на Дону причисляются былины, в поэтических красках изображается *степь-дороженька* с ее *ковыль-травушкой, чернобылом-подорожиной* и горьким *полыночком* [2].

Эта степная *дорожунька* хорошо была знакома донским казакам. Селились они по Дону и его притокам—Медведице, Бузулуку, Хопру, Донцу и другим. Их, как и Илью Муромца, когда-то интересовали у речушек и *броды мелкие, песчаные* и *сормы плоские* [3].

Кустарником—лозой *таволгой* (spiraca crenata) обросли берега донских речек, на болотах и сормах в изобилии растет *куга* (scirpus lacustris), а с нею и *чáкан,* ближайший родственник куги, заходящий подальше в воду. И донские былины не забывают этой типичной для Дона растительности. Садко предлагает своим карабельничкам резать «жереба *тавалжаные»,* а затем и *кугинные* и бросать их «в окиян-море» (вариант стан. Кумшацкой).

В донской степи между руслами рек много балочек, оврагов, лощинок, *отножинок* [4], *тяклиночек.* И они не забыты в донских былинах и других казачьих песнях.

Тяклиночка—высохшее русло ручья, протока.

Окиян-море, море синее не были для донцов отвлеченным понятием. Не раз на *резвых корабличках* донские казаки *«пущались во сине море», «добывать зипуны».* Не случайно им понятны были переживания «Садкова» корабля, когда вдруг в *непогодушку* разыгралась морская *пучинушка,* знали они и морские *страсти-ужасти.* Донские казаки были опытными гребцами—*корабельничками.* Сам *атаманушка* Степан Разин

---

[1] «Журнал Министерства Народного Просвещения» № 5 и 6 за 1914 г., стр. 137.

[2] «Полыночек» — полынь (трава).

[3] «Сормы» — протоки между озерами и болотами. Сормы «плоские»—безопасные для переправы; сормы «крутые»—«места пропащие», гиблые, опасные.

[4] «Отножина» — лощина («Донской словарь» — А. В. Миртова, стр. 218). В Академическом словаре церковно-славянского и русского языков, 1871, т. III, столбец 243, сказано: «отнога —горный отрог».

бывал у них *за болтыньшичка* («заправлял, стало быть, сам кораблём» — объяснил один из песенников). На *лёгких сýденках,* на *быстрых стружочках изусаженных казаками,* выплывали донские казаки *с Дону Тихого в Верейское* (Чёрное) море. Бывали они и в *Каспицковом* море, где грабили *бýсы-корабли. Бусá*—небольшая лодка, выдолбленная из одного дерева, с набивными из досок бортами [1]. «На корабликах—*паруса презентовые* (брезентовые)».

Резвые, легкие кораблички, бусы-корабли, легка лодочка, стружочек, галерушка, лодочка-плоскодоночка, лодочка-коломенка [2], *каючок, баркасик и байдарка,*—вот далеко не полный свод обозначений различных *суденок,* о которых поется в донских песнях. Рядом с *веслом* известна и *бабайка,* причем в отличие от общего обозначения *весла бабайками* называются лишь парные, гребельные вёсла, а рулевое весло именовали и *веслом* и *правúлом.*

В частых походах и военных набегах, перед лицом грозной опасности, особенно остро ощущается необходимость взаимной помощи и поддержки. И на Дону устанавливается обычай побратимства, нашедший свое отражение в былинном эпосе. Именно такими *побратимами, назваными братьями* были Добрыня Никитич и Алеша Попович.

Старый казачий обычай—жить в одном курене [3] по 10—20 человек, с общим хозяйством, *в одной суме* и *одной каше*, быть в походах *односумами* и *однокашниками* также получил свое отражение в казачьих песнях.

Так как в старину большая часть жизни казака проходила в военных походах, в битвах с неприятелями, в *службице* долгой, то, естественно, что воспоминаниями об этой своеобразной жизни и наполнены казачьи песни с их иногда специфичной лексикой, в значительной своей части характеризующей всю историю казачьей жизни от Ермака до наших дней.

Охотниками-гулебщиками представлены и Ермак Тимофеевич со своими товарищами и молодая ватага Степана Разина (см. песню «Ай, по морю, по морюшку»,—стан. б. Есауловская). Так когда-то назывались у морских казаков группы охотников, выезжавшие в задонские степи, а также на Медведицу, Хопер, иногда—Куму для охоты на зверей и птиц. Не раз они нападали и на *бусы-корабли, «на орлёны корабли да не клеймёные»* («Ермак под Казанью», х. Кременской, Усть-Быстрянской станицы), т. е. на корабли, на которые не было наложено царское клеймо с изображением орла.

Тугой сагайдак да *колчан* со стрелами ушли уже в прошлое. Ермак пускает в ход *боченок... полный с порохом.* Против царского посла Ивана Карамышева донские казаки ставят *пушку медную* и *закатывают* в нее *ядро чугунное.* С такою же медной пушечкой Степан Разин со своими казаками преследует турецкие корабли.

Широко применяются в это время *ружелица, винтовочки,* из которых вылетают *пулюшки свинчатые.*

Все важные дела, касавшиеся донских казаков, решались на специально собиравшемся войсковом *кругу,* часто упоминающемся в донских песнях. Казачьи *знамена—хорунки,* атаманский *бунчук*—древко с вызолоченной головкой и лошадиным хвостом, *есаулы,* призывающие

---

[1] А. Пивоваров. Донские казачьи песни, стр. 11.

[2] Коломенка—«большое водоходное судно, похожее на струг и на барку» (Словарь церковно-славянского и русского языка Акад. Наук, 1869, столбец 396.

[3] «Курень»—казачий дом.

собравшихся слушать речь войскового атамана («Помолчите, атаманы-молодцы!» или «Помолчи, честная станица! Атаман *трухменку гнёть!*») —такова внешняя обстановка старинных казачьих собраний. Атаманами назывались нередко и все донские казаки. От слова *хорунок* или *хорýнка* — знамя образовалось и слово *хорунжий* — первоначально *знаменосец,* а позже—первый офицерский чин в казачьих частях.

Есаул—термин, предположительно выводившийся А. Пивоваровым из монгольского языка [1], был как бы адъютантом войскового атамана. Впоследствии *есаул*—казачий офицерский чин, равный капитану в других войсках. *Трухменка*—шапка из бараньей смушки, кверху делавшаяся несколько уже [2]. Возглас *трухменку гнёть,* очевидно, означал, что атаман снимает шапку и собирается говорить.

Резко изменяются условия жизни донских казаков, попавших на *службицу царскую.* В лексике донских песен, посвященных Петру I. находят свое отражение большие и разнообразные реформы, осуществленные первым русским императором: реформа военного дела, строительство флота, *перебор князьям-боярам... пересмотр всем генералам,* войны Петра I со Швецией и Турцией, реформы гражданские, церковные, поездки Петра за границу и т. п.

Значительно расширяется военный лексикон донских песен. Появляется *армия-армеюшка, полки донские* с барабанами (песня о пругском походе Петра), перечисляются различные военные соединения, созданные Петром,— *Преображенский, Измайловский полки, лейб-казачий, лейб-гвардейский, гренадерский* полки («Поединок царя с казаком»), рода войск—*конница, пехота, антилерия,* новые военные звания и чины — *бригадиры, полковнички, вестовой, казак, солдат, гвардия,* тут же *государь, император,* самое слово *чин, баталица, галерушки, стоять во строю* и др.

Видимо, по наименованию столицы Швеции—Стокгольму и сама Швеция в донских песнях называется *Стекольным царством.* Король шведский превращен в *короля-султана,* что легко понять, зная историю взаимоотношений донских казаков с Турцией.

Совершенствуется военная техника, меняется система военного обучения, искусство ведения боя, самая форма—*аммуниция* бойца,—все это, естественно, ведет к изменению и пополнению словарного состава.

Кремнёвочки, фузеюшка [3], *берданочка, пулечки, ядра, картечи, батарея,* а рядом с ними холодное оружие донцов—*шашки наголо, востpые дротики, пики длинные* и др. заполняют многие исторические и военно--бытовые казачьи песни. Появляются в них и *рядуточки, шанцы* [4], *шеренгочки, патонный мост* [5], *мушкатеры, канонерушки, егери, гусары,* рядом с *полковничками рядовой казак, сотнички, корпусной, фельдмаршал, кавалер* [6], дается и специальная фразеология; отражающая боевую тактику казачьих и других войск—*вдарить лавою, атаковочка, на удар пошли, бить по крылам, хлантировка* и др.

Иронически звучат *хрунточки*—фронты, фронточки в песне «Ой, не черной ворон» (о Фридрихе Прусском).

Вечно в походах, вдали от семьи, от родных мест, в опасных боях и перестрелках, при жестокой муштре и военной дисциплине проходила долгая военная служба казаков—*служба невыносная.*

---

[1] А. Пивоваров. Донские казачьи песни, стр. 8.
[2] Там же, стр. 10.
[3] «Фузеюшка» — ружье с кремневым замком.
[4] «Шанцы» — земляной или кирпичный окоп.
[5] Патонный — понтонный.
[6] «Кавалер» — здесь награжденный каким-либо орденом.

Свою службу донской казак начинал у себя в станице с *посиденочек*. *Сиденки*—дежурства отбывали молодые казаки при станичном правлении, затем *«записали младца* в службу дальнюю», и начиналась полная тяжелых переходов и бесконечных тревог военная служба *малолеточков*:

«При всей казак, казак *при управе*,
В синём да мундире...
Во синём, вот, казак во мундире
Да *при чёрном притупёю»* [1].

(*«Шел казак долиною», — стан. Котовская*).

Так описан молодой казак, отправляющийся *«в дальнюю дорожку, в чужую сторонку, в опасную, казак, службу»* («Сизенький голубчик», —стан. Еланская). А эта дорожка *«горючéю слезью́ приулитая»* («Ой да, из-за лесу было»,—стан. Раздорская на Медведице). Со своими *однополчанами* донской казак то отбывает *маневрушки чижоленькие*, то несет *караулы*, то, находясь почти рядом с неприятелем, лежит в *биках* (пикетах) или *секретах*. Особенно тяжела была служба на Кавказе. Постоянные тревоги, болезни, ранения и нередко одинокая смерть вдали от родных, иногда в *воспитательном доме* (госпитале) на руках у *любодеечки* [2]—сестры милосердия. Но тяжелей всего *неволюшка заключевная, тюрьма-злодейка*, в которой приходится сидеть *взятым в полон—полонянникам, невольничкам-затюремничкам*.

Донской песенный материал дает большое количество примеров, показывающих, как вместе с историческими изменениями в военном быте донских казаков менялась и используемая ими лексика. Отмирали одни слова, на смену появлялись многие новые слова. Конечно, это не была лексика, специфичная только для казачьего быта, но она свидетельствовала все же о своеобразном развитии того военно-служилого сословия, которым было в царской России донское казачество.

Изучая развитие «донского» словаря, нужно, конечно, обратить особое внимание и на отражение в нем исторических связей казачьего населения с территориально соседними народностями. Несомненно, что в донской словарь, особенно в местах непосредственного соприкосновения с украинцами, вошло довольно значительное количество украинских слов, которые нередки и в донских песнях: *хатки курные, хатиночка, рушник, гайдучёк, чоботы, сырнычки* [3], *мотузок, чушка* (свинья), *расстебавать*—расстегивать, *кочеток* (в других песнях) и т. д. Часто они становятся в один синонимический ряд со старым русским корнесловом. Так образованы ряды синонимов: *ручник—утирка—утиральник—полотенце—ширинка; курень—изба—хата; скот—скотина — животина — тягло—худоба; пастбище—толока—выгон—попас; кошолка—кошовка—плетуха—сапетка—садок—накидка; горшок—макитра—макотра—глечик* и т. п. [4]. Об украинском влиянии говорит и произношение (и написание) отдельных слов в песнях—*плаття, швычче*—быстрее, скорее, *вышенне*—вишни и т. п. Но, конечно, донская лексика в своей основе русская, как об этом можно было заключить из многочисленных примеров, приводившихся нами.

---

[1] «Притупéя»—портупея.
[2] «Любодеечка» — любо, добро делающая.
[3] «Сырнычки» — спички.
[4] См. по этому вопросу цит. ст. Р. А. Конькова «Из наблюдений над лексикой современной деревни», стр. 72.

Еще в раннем периоде своей истории донские казаки соприкасались с тюрками (преимущественно, ногайцами) и калмыками. Мирные их взаимоотношения часто перемежались с враждебными. С XVIII века особенно обостряются отношения донских казаков с горцами, кубанскими ногайцами и др., не говоря уже о постоянной вражде их с турками. Это весьма длительное соприкосновение с тюркскими народностями повело и к включению в казачий словарь, иногда усиленными дозами, словарных тюркизмов. Установление семейно-бытовых связей между казаками и полоненными татарками и турчанками привело к тому, что домашне-обиходная лексика оказалась заполненной тюркскими названиями одежды, пищи, домашней утвари и т. п. В качестве примера заимствованных тюркизмов все донские историки и диалектологи указывают на такие наименования женской одежды, как *кубилеки, бизилики, чуреки, колпаки* и др., названия кушаний—*каймак*—сбитые кипяченые сливки, сгущенная пенка со сливок, *сюзьма* — процеженное и особым образом сгущенное *кислое молоко, арьян (ирьян)*—разведенное водой *кислое молоко,* иногда *сюзьма. чабак*—лещ, рыба, *балык*—красная рыба и т. д. Вполне возможно, что некоторые тюркские слова были еще раньше введены в русскую речь. Из калмыцкого языка вошли такие слова, как *будан*—уха с мучной приболткой, жидкий бульон, *уре*—жидкая каша из пшена или риса, иногда с сюзьмой или творогом и некоторые другие. По всем данным, не от калмыков, как думает Р. А. Коньков, а от кавказских народностей в донской словарь вошли *бурдюк*—кожаный мешок, обычно для вина, *дулма*—рубленая вареная баранина, обернутая виноградным листом (типа голубцов), *плов* (баранина с рисом) и т. д.

Песни, рисующие перед нами старинный казачий быт, знакомят нас, несомненно, со многими реальными событиями из истории донского казачества. Вот на станичном *майдане* (площадь, место собраний) *задуванили* молодцу (выделили при дележе добычи) красну девицу—*полоняночку;* вот *гулебщик-охотник,* в погоне за серой ланью, добывает себе в жены *турчаночку* молодую; вот донской казак из Польши манит на Дон молодую *шинкарочку* и т. д. (песни про И. М. Краснощекова «Ай, между Кум-Кумы», «Да во Польше на рыночке», «Мы в Турции служили» и др.).

В связи с этим еще в 1865 году правильно писал А. Савельев: «Таким-то путем и чужеземный элемент входил в формирование казачьей семьи, но подчинялся сильнейшему по своей численности элементу — великороссийскому. Много было писано уже о чужеземном, и по преимуществу татарском, влиянии на казачий быт, но еще не указано положительно, как сильно было это влияние и на какую сторону быта оно преимущественно действовало. Для решения такого вопроса, мы думаем, следует обратить внимание на донские областные слова. Из 200 местных слов, известных мне, я нашел только 40 татарских, персидских и турецких, 30—малороссийских, а остальные 130 чисто своеобразные, незаимствованные. Татарские слова служат для обозначения по большей части предметов женской одежды, пищи или других вещей. Из этого видно, что татарское или вообще азиатское влияние не было так сильно, как думают, и оно касалось только внешней стороны казачьего семейного быта. Одеваясь в кубилеки, бизилики, чуреки, кушая пилов, дулму, каймак, наши казаки в свои семейные отношения почти ничего не внесли отличительного от великорусской или малорусской семьи» [1].

---

[1] А. Савельев. Донские народные песни, стр. 43—44.

Очень важен и показателен следующий факт, характеризующий колоссальную сопротивляемость русского языка чужеязычному влиянию. Казаки-некрасовцы, которые в течение двухсот лет были оторваны от родины и жили в иноязычном окружении в Турции, при широко известной, всегда националистической и ассимиляторской политике турецкого правительства, сохранили, так сказать, в полной чистоте и неприкосновенности не только фонетический и грамматический строй того русского языка, который был родным и для их предков, живших в начале XVIII века в среднем Подонье, но не допустили и в свой русский словарь сколько-либо существенных заимствований из турецкого языка. Диалектологи отмечают буквально единицы подобных словарных заимствований. Мы же в 38 песенных текстах, записанных А. М. Листопадовым у некрасовцев в 1948 году, нашли всего лишь две строки, включающие в себя турецкие слова.

Вот эти две строки из некрасовской свадебной:

«Братец-татаринь
Сестру протатарил
За вóку шарáпу,
За лю́льку табáку».

Фактически последнюю строку можно и не рассматривать как словарно турецкую, поскольку слово *люлька* в значении *трубка* насчитывает столетия своего существования в украинском языке. Слово *табак* также имеет более широкое и уже давнее распространение. Следовательно, заимствованиями из турецкого языка являются лишь д в а с л о в а: *окка* (*вока*) — турецкая мера веса, равная 1 клгр. 225 гр.,[1] и *шарап* — турецкое «вино».

Размеры статьи не позволяют нам провести анализ домашне-бытовой лексики донских казаков, как она представлена в их песнях.

В течение всей истории донского казачества словарный состав донских говоров пополнялся новыми словами и выражениями, известное количество слов из него выпадало, менялось значение отдельных сохранявшихся в языке слов—и только, т. е. здесь проходил процесс, типичный вообще для развития языка. «Но такие изменения ни в какой мере не решают судьбу языка. Главное в языке—его грамматический строй и основной словарный фонд»[2],— учит товарищ Сталин. Грамматический строй и основной словарный фонд русских говоров донского казачества за всю историю Дона сохранился без всяких существенных изменений. Никакие иноязычные влияния не смогли оказать какого-либо заметного воздействия на них, на их русскую речевую основу.

Здесь на Дону, как и всюду на территории, населенной русскими, на протяжении длительной истории русского языка его национальная самобытность «не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития»[3].

---

[1] Слово *«окка»* давно известно и в украинских говорах.
[2] И. С т а л и н, «Марксизм и вопросы языкознания», стр. 23.
[3] Там же, стр. 25.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

ВВЕДЕНИЕ

Народная казачья песня на Дону 5
Песни казаков-некрасовцев 26
Замечания собирателя 35

ПЕСНИ БЫТОВЫЕ СКОРЫЕ И ОБРЯДОВЫЕ ВЕШНИЕ

Часть первая

Песни гулебно-плясовые, хороводные, вечериночные 45

Часть вторая

Песни календарные вешние и календарные обрядовые 255

ПРИЛОЖЕНИЯ

Примечания автора 411
Алфавитный указатель географических названий 421
Указатель вокальных составов 422
Алфавитный указатель песен 424
Тематическое содержание 430

Г. П. Сердюченко. К вопросу о языке донской казачьей песни . 443